Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

История Ингушетии

ГIалгIайчен истори

Ростов-на-Дону

2012

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук
им. Ч. Ахриева

Рецензенты: М.А. Агларов, доктор исторических наук, профессор (г. Махачкала)
Т.С. Цолоев, доктор исторических наук, профессор (г. Нальчик)

Ответственный редактор: Н.Д. Кодзоев

Авторский коллектив: М.Б. Долгиева, М.М. Картоев, Н.Д. Кодзоев, Т.Х. Матиев.

Редакционная коллегия: И.А. Дахкильгов, З.Р. Дзуматова, М.Б. Долгиева, М.М. Картоев – зам. отв. ред., М.А. Матиев, Р.С. Хаутиев.

В подготовке отдельных разделов приняли участие: Н.М. Барахоева, У.Б. Гадиев, И.А. Дахкильгов, З.Р. Дзуматова, М.Н. Катиева, Х.М. Мартазанова, М.А. Матиев, Р.З. Сагов, Л.Х. Танкиева.

Издание 3-е.

Настоящая книга является первым опытом осмысления истории Ингушетии в ее целостности и тесной взаимосвязи с историей Кавказа, России, окружающих народов, культурно-исторических общностей и стран в широких хронологических рамках с глубокой древности до настоящего времени.

© М.Б. Долгиева, М.М. Картоев, Н.Д. Кодзоев, Т.Х. Матиев, авторы; 2012.
© Оформление. Южный издательский дом, 2012.

История – это память народа

Ингушский народ – один из самых древних народов мира, корни которого восходят к древним и давно исчезнувшим народам: шумерам, урартам, хурритам, аланам, гаргареям, дзурдзукам.

Термин «ингуш» внедрился уже в новейшее время. Но сам себя наш народ издревле называет «галга».

Хотя исследователи посещали Кавказ и ранее, активное изучение истории ингушского народа, его быта и культурных традиций начинается в XIX веке.

Многочисленные ученые-историки отмечают истоки культуры ингушского народа в языке, памятниках старины, в сочинениях Страбона, Моисея Хоренского, Вахушти Багратиони и др.

Большие и во многом коренные изменения в истории Ингушетии произошли с XVI века, когда она стала вплотную сближаться с Россией, и в 1770 году ингуши первыми из семьи малых кавказских народов официально вошли в состав России. И сегодня история Ингушетии тесно сплетена с многонациональным народом России.

Исторический путь ингушского народа был полон трагических страниц, и, к сожалению, так сложилось, что самостоятельного и цельного обобщающего исследования по истории Ингушетии до сих пор не было.

История – это память народа. Без истории нет будущего. Народ, его этнокультурная составляющая невозможны без исследования истории народа, его культуры, обычаев, устоев и основ общества.

И сегодня с огромным удовольствием констатирую тот факт, что многолетний труд научных сотрудников отдела истории Ингушского НИИ гуманитарных наук увенчался успехом, и в свет выходит первое обобщающее исследование истории ингушского народа.

Быть первым – всегда трудно.

Авторами научного труда проделана большая и кропотливая работа. Изучен и систематизирован огромный массив исторических документов и исследований. Читатель найдет материалы про основные вехи исторического пути ингушского народа.

Уверен, что со временем этот труд будет дополняться и совершенствоваться.

Желаю коллективу Ингушского НИИ не останавливаться на достигнутом и продолжать совершенствовать и дополнять данное исследование, а читателям желаю приятных открытий и увлекательного путешествия в историю одного из древнейших народов мира – в историю ингушского народа!

Глава Республики Ингушетия **Ю.-Б.Б. Евкуров**

Введение

Кавказ, расположенный в уникальной географической зоне на стыке Европы и Азии, с древнейших времен был заселен людьми. Уже в эпоху древнекаменного века его территория была широко освоена человеком, о чем свидетельствуют многочисленные памятники – следы расселения древних людей, найденные как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. В эпоху неолита и энеолита в регионе повсеместно отмечается переход к производящему хозяйству, основанному на скотоводстве и земледелии, развитие ремесел, появлении крупных поселений – очагов цивилизации.

С Кавказом связаны религиозные и мифологические представления древних народов – о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге, древнегреческий миф о Прометее, сказание о Золотом руне и многие другие.

Современные ингуши – потомки древнейшего автохтонного населения Кавказа.

Республика Ингушетия расположена на северных склонах центральной части Большого Кавказского хребта. Ландшафт Ингушетии включает горную, предгорную и равнинную зоны. В горной зоне находится уникальный природный и историко-культурный Джейрахско-Ассиновский заповедник, через территорию которого проходят все горные цепи Центрального Кавказа – Водораздельный хребет, Боковой, Скалистый, Пастбищный и Лесистый хребты. На востоке Ингушетия граничит с Чеченской Республикой, на севере и западе – с Кабардино-Балкарской Республикой и Северной Осетией, на юге в горной части Ингушетии проходит государственная граница России с Грузией.

Государственными языками Республики Ингушетия являются русский и ингушский. Ингушский язык является одним из древнейших языков мира. Вместе с чеченским и бацбийским языками он образует нахскую группу иберийско-кавказской языковой семьи. Распространен он в основном в Республике Ингушетия, в меньшей степени – в Чеченской Республике и в Республике Северная Осетия-Алания. Число говорящих на данном языке насчитывает более 500 тыс. человек. Ингушский язык не имеет четко выраженной диалектной дифференциации. Литературный ингушский язык складывается с 1920-х гг. Письменность ингушского языка до 1923 г. существовала на арабской основе, в 1923-1938 – на латинской, с 1938 – на основе русской графики. Литературный ингушский язык оформился в советскую эпоху. Первая ингушская газета «Сердало» («Свет») выходит с 1923 г. Первый номер данной газеты вышел на основе латинской графики. Алфавит ингушского языка, основанный на латинской графике, был создан ингушским просветителем и ученым-лингвистом З.К. Мальсаговым в 1920 году. В 1938 г. был принят ингушский алфавит на русской графической основе, также предложенный З.К. Мальсаговым, который функционирует и в настоящее время. Систематическое изучение ингушского языка началось лишь в 1920-е гг. Важный вклад в процесс становления ингушской филологии внесли работы А.Н. Генко, Н.Ф. Яковлева, З.К. Мальсагова, Д.Д. Мальсагова, Д.С. Имнайшвили, Ю.Д. Дешериева, Т.И. Дешериевой и др. Сегодня на ингушском языке функционируют театры, пишется оригинальная и создается переводная художественная, научно-техническая, научно-популярная литература. Ингушский язык преподается в средних учебных заведениях и вузах наряду с русским языком, являющимся основным языком обучения. В Ингушском государственном университете, функционирующем с 1994 года, имеется специальный факультет, готовящий преподавателей ингушского языка и литературы.

Существуют разные взгляды на проблему происхождения ингушского языка. Пожалуй, более обоснованной является точка зрения, согласно которой устанавливается родство ингушского языка с хуррито-урартскими языками. Согласно теории, выдвинутой С.А. Старостиным, хуррито-урартские языки входят в состав сино-кавказских языков. Сино-кавказские языки (на-дене-кавказские) – гипотетическая макросемья языков, предложенная С.А. Старостиным в 80-х гг. XX в. Под этим названием объединяются несколько языковых семей и изолированных языков Евразии и Северной Америки. Данное языковое объединение не является общепризнанным среди лингвистов, однако пользуется широкой популярностью среди сторонников глубинной компаративистики. Среди лингвистов, активно занимающихся этой проблематикой, можно указать Дж. Бенгстона и В. Шеворошкина. В состав сино-кавказских языков включаются: северокавказские языки – объединение двух семей Северного Кавказа; абхазо-адыгские языки, с которыми сближают хаттский язык; нахско-дагестанские языки, с которыми сближают хуррито-урартские языки; енисейские языки – небольшая языковая семья в Сибири; языки на-дене – языковая семья в Северной Америке; сино-тибетские языки (китайский и тибето-бирманские языки); баскский язык – изолированный язык на Пиренейском полуострове; бурушаски – изолированный язык в Гималаях (по структурным характеристикам занимает промежуточное положение между северокавказскими и енисейскими) и некоторые другие языки.

Историография. Начиная с XVIII в., территория и народы Северного Кавказа становятся объектом научных исследований, связанных с последовательным закреплением позиций России в регионе и активизацией взаимоотношений с населяющими его этническими сообществами. По своей форме эти исследования носили описательный характер и, по сути, являлись набором разнообразной информации о регионе, добытой непосредственно опытным (визуальным) способом в полевых условиях и опосредованно через информаторов – горцев, казаков, военных, торговцев и т.д. По содержанию это материалы географического, геологического, историко-политического, хозяйственно-экономического и этнографического изучения Северного Кавказа, предпринимавшиеся в основном с военно-политическими целями в рамках военного и внешнеполитического ведомств либо под их непосредственным кураторством. В «военно-топографических» и «военно-статистических описаниях», различных «обзорах», «записках», «известиях» и «изъяснениях» как обзорных, посвященных всему Кавказу в целом, так и специальных, посвященных его локальным – территориальным и этническим – областям, как правило, содержатся среди прочих сведения историко-этнографического и статистического характера: об общем количестве и составе населения, обычаях, религии, хозяйственной деятельности, о происхождении этносов и их языковом составе, политических взглядах и отношении к России, исторических памятниках и различных других «достопримечательностях» в горских землях и т.д. Первые краткие сведения об ингушах этого периода содержатся в основном в описаниях и трудах по Кавказу, составленных иностранцами на русской службе, профессиональными военными и учеными Императорской академии наук. Среди них наиболее известны такие имена, как И.Г. Георги,[1] И.А. Гюльденштедт,[2] Л. Штедер,[3] Я. Штелин,[4] П.-С. Паллас,[5] Я. Рейнегс,[6] Я. Потоцкий,[7] Ю. Клапрот,[8] М. Энгельгард.[9] Особое место в числе первых исследований по северокавказскому региону занимает объемный исторический труд П.Г. Буткова, являющийся ценным источником по истории Ингушетии второй половины XVIII – начала XIX вв.[10]

В период Кавказской войны исследовательские задачи в регионе, за редким исключением, решаются сугубо в рамках военного ведомства – офицерами Генерального штаба и Квартирмейстерской части Отдельного Кавказского корпуса. Материалы по Ингушетии имеются в военно-топографических и военно-статистических описаниях, составленных подполковником А.М. Буцковским,[11] подпоручиком Н.И. Дудинским,[12] капитаном И.Н. Норденстаммом,[13] полковником Широковым[14] и др. Наиболее подробные очерки об ингушах этого периода имеются в обобщающих работах, составленных С.М. Броневским[15] и И.Ф. Бларамбергом.[16] Заметки о некоторых горных ингушских обществах периода Кавказской войны имеются также в мемуарных произведениях А.Л. Зиссермана,[17] Ф.Ф. Торнау[18] и др.

В 1835-1837 гг. на Кавказе побывал известный лингвист, академик А.М. Шегрен. В одной из работ, опубликованной по итогам экспедиции, он описал некоторые религиозные обряды ингушей.[19] В 1840-е гг. по проекту, разработанному подполковником Д.С. Бибиковым, офицеры Кавказской линии занимались сбором адатов горских народов, общий свод которых в 1847 г. был подготовлен капитаном Генерального штаба М.Я. Ольшевским. Указанные «Адаты кавказских горцев», в их числе и ингушские, составленные капитаном Т.А. Норденстренг, вместе с материалами за 1860-е гг., были опубликованы в 1882-1883 гг. профессором Одесского университета Ф.И. Леонтовичем.[20]

Среди работ этого времени следует также отметить «обзор политического состояния Кавказа в 1840 году» обер-квартирмейстера Отдельного Кавказского корпуса, генерал-майора А.И. Менда.[21] Итогом деятельности военного ведомства по изучению северокавказского региона в первой половине XIX в. можно считать обобщающую работу, выполненную в рамках крупного проекта Генерального штаба по изданию Военно-статистических обозрений губерний и областей Российской империи капитаном Н.Н. Забудским. В подготовленном им томе, посвященном Ставропольской губернии, приводится описание Владикавказского военного округа и, в частности, различные сведения об ингушских обществах.[22]

С завершением Кавказской войны и началом активной интеграции региона в государственное пространство Российской империи значительно возрастает число исследований по Северному Кавказу и населяющим его народам. В большинстве своем они по-прежнему носят описательный историко-этнографический и историко-географический характер. Интерес для изучения различных вопросов истории Ингушетии указанного периода представляют работы А.П. Берже,[23] И.М. Попова,[24] А.М. Ипполитова,[25] А.А. Висковатова,[26] П.А. Гаврилова,[27] Н.Ф. Дубровина,[28] Е.Г. Вейденбаума,[29] Н.К. Зейдлица[30] и других авторов. В их числе и работы первых исследователей среди ингушей – Чаха Ахриева,[31] Адиль-Гирея Долгиева,[32] Асланбека Базоркина,[33] Албаста Тутаева;[34] чеченского исследователя Умалата Лаудаева.[35] В 60-70-е гг. XIX в. издаются специальные работы по Ингушетии Н.Ф. Грабовского,[36] которого М.О. Косвен характеризует как «первого в кавказоведении этнографа-исследователя».[37]

С 60-х гг. XIX в. начинают публиковаться Акты Кавказской археографической комиссии – фундаментальный сборник документов по истории Кавказа.[38] В АКАК имеются ценные сведения о расселении ингушей и их взаимоотношениях с соседними народами, взаимоотношениях ингушей с русской администрацией на Кавказе, Назрановском восстании 1858 г., политике христианизации в Ингушетии и многих других вопросах. Также ценным источником по политике России на Кавказе и взаимоотношениям с северокавказскими народами в XVI-XVII вв. является сборник документов С.А. Белокурова.[39]

В 80-90-е гг. XIX в. выходит целый ряд публикаций, представляющих интерес для истории Ингушетии. Это работы таких авторов, как В.А. Акимов,[40] К.Л. Борисевич,[41] Г.А. Вертепов,[42] К.Ф. Ган,[43] Л.П. Загурский,[44] В.И. Карпов,[45] Е.Д. Максимов,[46] Н.С. Мансуров,[47] Н.И. Харузин,[48] П.К. Услар,[49] П. Ницик,[50] А. Белобородов[51] и др.

В этот же период издается объемная работа Г.Н. Казбека, продолжившая традиции военно-статистических описаний Кавказа и включающая этнографический очерк Терской области.[52] Хозяйственной деятельности горцев, в том числе и ингушей, посвящены работы О.В. Марграфа.[53]

Первые археологические раскопки были произведены в Ингушетии в 1879 г. В.Б. Антоновичем и В.Л. Беренштамом по поручению подготовительного комитета V археологического съезда (Тифлис, 1881).[54] В 1886-1894 гг. археологические изыскания в горной и плоскостной Ингушетии производил преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев.[55] Также в 1886 г. в горную Ингушетию впервые была направлена археологическая экспедиция Московского археологического общества под руководством известного кавказоведа, профессора В.Ф. Миллера.[56] По итогам произведенных работ был собран обширный археологический и этнографический материал, описаны и введены в научный оборот многие памятники.[57]

По предложению В.Ф. Миллера Северный Кавказ посетил и известный русский этнограф М.М. Ковалевский. По результатам нескольких научных поездок он опубликовал ряд работ, в которых им использовались и материалы из ингушского быта.[58] В 1890-х гг. исследованием обычного права, родового строя, первобытной религии и фольклора ингушей занимается выдающийся этнограф, дагестанец по происхождению, Б.К. Далгат.[59]

На рубеже XIX-XX вв. публикуются античные и грузинские источники по древней истории Кавказа; переводчики и составители – В.В. Латышев[60] и М.Г. Джанашвили.[61] Арабским источникам о Кавказе посвящена работа Н.А. Караулова.[62]

В начале XX в. в период обострения земельного вопроса в регионе увеличивается число публикаций, посвященных этой тематике и, в целом, социально-экономическому положению народов Северного Кавказа. В частности, этой проблематике посвящены работы Н. Тульчинского,[63] Н. Гаибова,[64] Г. Баева,[65] А. Гасиева[66] и других авторов, часть из которых касается непосредственно Ингушетии. Ценным источником по поземельному устройству горцев Северного Кавказа являются труды Абрамовской комиссии.[67] О кредитной кооперации в Ингушетии повествуется в очерке П.Ф. Степанова.[68] Устройство и деятельность судебной системы на Северном Кавказе этого периода освещается в работах Н.М. Рейнке,[69] Н.Г. Карганова,[70] Н.М. Агищева и В.Д. Бушена.[71] Публикуются работы по оружию кавказских горцев (Г.Н. Прозрителев),[72] этнографические очерки по религиозным представлениям, различным культам и обрядам (Г.Ф. Чурсин)[73] и др.

Археологическим находкам из захоронений аланского времени, обнаруженным в Ингушетии, и мавзолею «Борга-Каш» посвящены публикации Ф.С. Панкратова (Гребенец).[74] Различные аспекты истории Владикавказа представлены в работах Д.В. Раковича[75] и К.А. Каменского (Бывалый),[76] последний также опубликовал один из сюжетов ингушского нартского эпоса о Сеска-Солсе.[77] Записями ингушского фольклора, изучением языка и истории ингушей занимался Ф.И. Горепекин,[78] который в своих исследованиях последовательно доказывает теорию о глубокой древности происхождения ингушей и ингушского языка.

Особое место в дореволюционной историографии Ингушетии занимает творческое наследие братьев Магомета и Вассан-Гирея Джабагиевых. М.Э. Джабагиев, еще будучи гимназистом, в 80-х гг. XIX в. разработал алфавит на основе русской и латинской графики и использовал его для записи собранных им произведений устной словесности ингушей, частью опубликованных на французском языке в 1935 г. в Париже, с комментариями и предисловием Ж. Дюмезиля.[79] В-Г. Э. Джабагиев – выдающийся общественно-политический и государственный деятель Кавказа, ученый-просветитель и талантливый публицист, видный деятель кавказской эмиграции. Значительный инте-

рес для истории Ингушетии представляет дореволюционная и эмигрантская публицистика В.-Г. Джабагиева.[80]

Систематическое научное изучение истории народов Северного Кавказа начинается с развитием национальных автономий в составе Советского государства в 20-х гг. XX столетия. Реализация первых научно-исследовательских проектов в Ингушетии началась уже в 1920-1922 гг. и связана с именем известного ученого, лингвиста, профессора Н.Ф. Яковлева.[81]

Огромное значение в становлении исторической науки в Ингушетии имела деятельность Ингушского музея краеведения, образованного в 1924 г., и Ингушского научно-исследовательского института, созданного в 1926 г., которые активно сотрудничали с ведущими научными центрами страны и организовывали научно-исследовательские экспедиции. В рамках деятельности этих учреждений в 1925-1932 гг. под руководством профессора Л.П. Семенова осуществляется целый ряд археолого-этнографических экспедиций в Горную и Плоскостную Ингушетию. В их работе активное участие принимают и местные национальные кадры – лингвист Заурбек Мальсагов, художники Хаджи-Бикар Ахриев и Гази-Магомет Даурбеков и др.

Результаты научно-исследовательской деятельности в Ингушетии в 1920-1930 гг. нашли отражение в работах Л. П. Семенова,[82] И.П. Щеблыкина,[83] Е.М. Шиллинга,[84] А.А. Захарова,[85] И.Н. Бороздина,[86] А.К. Вильямса,[87] В.П. Пожидаева,[88] А.П. Митрофанова,[89] В.П. Христиановича,[90] М.Л. Тусикова,[91] З.К. Мальсагова,[92] Б.В. Скитского,[93] Б.А. Алборова[94] и других авторов. Многие из этих работ не потеряли своего научного значения до настоящего времени и относятся к числу наиболее цитируемых в современных исследованиях по истории Ингушетии. К числу последних относятся «История Ингушии», а также другие работы сотрудника Ингушского НИИ Г.К. Мартиросиана,[95] научный доклад по истории и языку ингушей ленинградского ученого, профессора А.Н. Генко[96] и др. Значительное место в историографии Кавказа, и Ингушетии в том числе занимают работы выдающегося лингвиста и кавказоведа Н.Я. Марра.[97]

Объединение в 1934 г. Ингушетии и Чечни на долгие годы прервало собственные пути развития исторической науки в этих автономиях. Со второй половины 30-х гг. XX в. история ингушей и чеченцев изучается как история единого чечено-ингушского народа с введением в научный оборот новых этнических терминов – «нахи» и «вейнахи» («вайнахи») и активным внедрением их в общественное сознание.

В 1935 г. на территории Чечено-Ингушетии начинает свою работу Северокавказская археологическая экспедиция Государственного исторического музея под руководством Е.И. Крупнова. Одним из основных направлений научных интересов выдающегося советского археолога и кавказоведа Е.И. Крупнова являлась древняя и средневековая история Ингушетии, которой он посвятил множество научных работ, в том числе фундаментальный труд «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII в.», защищенный им в качестве кандидатской диссертации в 1941 г.[98] С именем Е.И. Крупнова связана целая эпоха в кавказоведении и историографии Ингушетии.

Во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XX в. опубликован ряд работ, связанных с историей Ингушетии, в их числе публикации по антропологии В. Бунака,[99] по родовому строю – А. Вартапетова,[100] по памятникам материальной культуры и изобразительному искусству – П. Лысенкова,[101] по лингвистике – М.Д. Чентиевой,[102] о культурных связях Ингушетии и Грузии – Г.Н. Чубинашвили,[103] по истории Назрановской горской школы – П. Симонова,[104] по революционным событиям и партизанскому движению против Добровольческой армии Деникина – И. Разгона[105] и др.

К этому периоду относится и начало творческой деятельности первого профессионального историка ингушского народа – М.М. Базоркина. В 1934-1936 гг. он, будучи аспирантом Горского педагогического института, занимался древней историей Ингушетии, в том числе проблематикой происхождения ингушей.[106] С 1936 г. он – научный сотрудник Чечено-Ингушского НИИ и активный участник научных экспедиций в горную Ингушетию. 22 февраля 1944 г. М.М. Базоркина назначают директором Чечено-Ингушского краеведческого музея, в этой должности он пробыл ровно один день. 23 февраля 1944 г. на долгие 13 лет прервалась его научная работа, как и история ингушей и чеченцев, «вычеркнутых из списка народов СССР».[107] В 1944-1957 гг. история бывшей территории Чечено-Ингушетии изучалась как история Грозненской области, Северной Осетии, Дагестана и Грузии без какого-либо упоминания имени выселенных народов.

С восстановлением в 1957 г. Чечено-Ингушского НИИ начинается новый отсчет развития чечено-ингушской исторической науки в XX столетии. Изучение различных проблем истории ЧИАССР и, в частности, истории ингушей в этот период (1957- нач.1990-х гг.), связано с именами многих ученых-кавказоведов как из ведущих научных центров страны, так и региональных и местных научно-исследовательских центров. К ним, кроме вышеназванных ученых, относятся такие исследователи, как антропологи В.П. Алексеев,[108] М.Г. Абдушелишвили;[109] этнографы Л.И. Лавров,[110] В.П. Кобычев,[111] Н.Г. Волкова,[112] И.М. Саидов,[113] А.И. Робакидзе,[114] Р.Л. Харадзе,[115] В.Дж. Итонишвили,[116] Н.В. Джавахадзе,[117] Б.В. Гамкрелидзе,[118], А.А. Исламов,[119] Г.Г. Гегечкори,[120] З.А. Мадаева,[121] Ф.И. Кудусова (Долакова),[122] С.-М.А. Хасиев,[123] З.И. Хасбулатова,[124] А.А. Плиев;[125] лингвисты и специалисты в области исторического фольклора Д.Д. Мальсагов,[126] И.А. Дахкильгов,[127] А.О. Мальсагов,[128] У.Б. Далгат,[129] А.Ю. Дешериев,[130] И.Ю. Алироев,[131] Я.С. Вагапов,[132] А.С. Куркиев,[133] К.З. Чокаев;[134] философы-этнологи А.Д. Яндаров,[135] А.Х. Танкиев,[136] Ф.Ю. Албакова;[137] историки архитектуры и искусствоведы А.Ф. Гольдштейн,[138] Л.А. Перфильева;[139] краевед Ш.Э. Дахкильгов;[140] историки и археологи В.И. Марковин,[141] Р.М. Мунчаев,[142] В.И. Козенкова,[143] В.П. Любин,[144] Т.Т. Мальсагова,[145] З.К. Джамбулатова,[146] З.А-Г. Гойгова,[147] Е.Н. Кушева,[148] В.Н. Гамрекели,[149] Г.Г. Гамбашидзе,[150] Н.П. Гриценко,[151] Л.Н. Колосов,[152] А.В. Фадеев,[153] В.И. Филькин,[154] В.Б. Виноградов,[155] М.Б. Мужухоев,[156] М.Х. Багаев,[157] С.Ц. Умаров,[158] М.А. Абазатов,[159] А.В. Гадло,[160] Т.Х-Б. Муталиев,[161] Х.А. Акиев,[162] Э.Д. Мужухоева,[163] Д.Ю. Чахкиев,[164] С.Б. Котиков,[165] Н.А. Тавакалян,[166] И.Д. Магомадов,[167] А.И. Хасбулатов,[168] Я.З. Ахмадов,[169] Х.С. Ахмадов,[170] Ш.Б. Ахмадов,[171] Х.М. Мамаев,[172] Р.А. Даутова,[173] Т.С. Магомадова,[174] С.Л. Дударев,[175] Е.И. Нарожный,[176] Н.Н. Бараниченко,[177] Б.М. Хашегульгов,[178] Л.М. Парова,[179] Г.А. Гантемирова,[180] Б.А. Чахкиев,[181] Т.С. Цолоев,[182] Г.Д. Гумба,[183] Т.А. Исаева,[184] А.И. Шавхелишвили,[185] Э.А. Борчашвили[186] и др.

С конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. начинается новая эпоха в историографии Ингушетии, связанная с бурным ростом национально-патриотического движения за восстановление ингушской автономии в составе России и полную реабилитацию репрессированных народов. В этот период среди ингушских историков особенно актуальна тема этнополитических процессов в регионе в XVIII-XX вв., и, в частности, история части Пригородного района и города Владикавказа, переданных в состав Северной Осетии в 1933 и 1944 гг. Итогом бурного обсуждения проблемы истории «спорных территорий» историками обеих республик стал круглый стол во Владикавказе, на котором представители Чечено-Ингушетии – Т.Х.-Б. Муталиев, М.Б. Мужухоев, М.Н. Музаев и А.З. Вацуев – на основе солидной документальной базы привели убедительные аргументы исторической принадлежности указанных территорий ингушам, бесспорность которых была очевидна и для осетинских историков во главе с проф. М.М. Блиевым, вынужденных занять в этой ситуации пассивную «примиренческую» позицию.[187]

С воссозданием в 1992 г. национально-государственной автономии в составе России начинается новый отсчет исторического времени для ингушского народа. В этот сложный период становления республики развитие исторической науки в Ингушетии связано прежде всего с созданием Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук с отделом истории Ингушетии, Ингушского государственного университета с гуманитарным (позже – историческим) факультетом, учреждением Государственной архивной службы РИ, созданием Археологического центра и организацией музейной и библиотечной систем при Министерстве культуры РИ.

За период существования ЧИАССР дважды предпринимались проекты обобщения итогов изучения истории республики. Первый из них был реализован в 1967 г. изданием первого тома «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР».[188] В 1970-1980 гг. велась работа над подготовкой к изданию «Истории Чечено-Ингушской АССР» в нескольких томах, однако завершенная работа так и не была издана – помешали известные события в стране и в регионе в конце 80-х – начале 90-х гг.[189] В 2008 г. издается «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (т. 1.), авторы которой позиционируют свой труд как итог работы, начатой в 1970-1980 гг.,[190] что не совсем верно, поскольку несмотря на широкое использование источников по истории Ингушетии указанное издание – это все же история чеченцев (на это авторы также специально указывают во введении[191]), а значит – только одного из этносов бывшей ЧИАССР.

История ингушей до настоящего времени еще не выходила в подобном формате – в виде обобщенного и систематизированного труда академического плана. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел и является, по сути, первым опытом осмысления ингушской истории в ее целостности и тесной взаимосвязи с историей Кавказа, России, окружающих народов, культурно-исторических общностей и стран в широких хронологических рамках от древности до современности.

История Ингушетии: основные сюжеты. Начиная с середины IV и на всем протяжении III тыс. до н. э. на территории Северного Кавказа получают распространение археологические культуры раннебронзового века: майкопская и куро-аракская. Современная Ингушетия расположена в полосе пересечения майкопской и куро-аракской археологических культур, часть найденных на ее территории памятников раннебронзового века имеет характерный синкретический облик. Во II тыс. до н. э. на Северном Кавказе получает распространение целый ряд родственных археологических культур эпохи средней бронзы, развившихся на основе культур раннебронзового века и получивших в науке общее наименование «северокавказская культурно-историческая общность». В свою очередь на основе культур северокавказской культурно-исторической общности складывается знаменитая древняя культура северокавказских автохтонов – кобанская, хронологические рамки которой принято определять XII-IV вв. до н. э.; между тем, отдельные памятники датированы и более ранним периодом. В то же время развитие кобанской культуры на Центральном Кавказе продолжалось вплоть до раннего Средневековья.[192] Памятники кобанской культуры обнаружены на обширной территории Северного Кавказа: от междуречья Большого Зеленчука и Урупа на западе до Андийского хребта на востоке, от Ставропольской возвышенности на севере и до высокогорной части Грузии на юге, тем самым захватывая районы и современного Закавказья. Именно с племенами кобанской культуры принято увязывать этногенез протоингушских этнических групп. В письменных

грузинских источниках, описывающих события этого периода, предки ингушей (племена кобанской культуры) известны под этнонимами «кавкасионы» и «дзурдзуки» (дурдзуки), в античных – под именем «махли». Возможно, с племенами кобанской культуры связан и этноним «гаргареи», упоминаемый в I в. в труде Страбона,[193] и отождествленный Е.И. Крупновым с современным самоназванием ингушей – «галгаи»,[194] а Ю.Д. Дешериевым интерпретируемый на основе современных ингушского и чеченского языков («гаргара» (инг.), «гергар» (чеч.) – родственный, близкий).[195] Однако надо отметить, что вопрос этнического происхождения термина «гаргар» остается открытым, поскольку не менее убедительной выглядит гипотеза о связи гаргареев Страбона с наименованием дагестанских племен Кавказской Албании.[196]

Во второй половине I тыс. до н. э. предки ингушей представляли собой крупное объединение племен, находившееся на стадии образования государства и занимавшее довольно обширную территорию предгорно-плоскостной и горной зоны Центрального и Северо-Восточного Кавказа. В их руках находятся главные пути в Закавказье через горы Большого Кавказа, и они самым тесным образом связаны как с северными соседями – миром кочевых народов (скифами), так и с зарождающимся государством на юге – Картли. При этом надо отметить, что этноним «скифы», который принято интерпретировать как наименование сугубо ираноязычных племен, зачастую в письменных источниках имеет собирательное значение, как и более поздние «сарматы» и «аланы», под которыми скрываются народы разного этнического происхождения. Непосредственно на Северном Кавказе – это как пришлое ираноязычное, так и местное, в том числе, древнеингушское, население, чьи интенсивные контакты и сближение со степным миром очевидны еще в эпоху бронзового века. По всей видимости, истоки северокавказского нартского эпоса следует отнести именно к кобанскому времени, т. е. периоду расцвета кобанской культуры и северокавказской цивилизации в древности, который предшествовал началу массовых миграций в регионе кочевых народов в эпоху Великого переселения народов, ставшего, в свою очередь, началом новых этногенетических процессов в регионе, как и в Евразии в целом. Заслуживает внимания тот факт, что имя древнего этнонима северокавказского эпоса – нарт, сохранилось в ингушской ономастике, реконструируемой на основе генеалогий ряда ингушских тайпов. Например, первопредок тайпа Галаевых носил имя Нартнах, а Цицкиевых – Нарт.

Историю Северного Кавказа с III в. до н. э. по III в. н. э. принято классифицировать как сарматский период, т.е. время интенсивного проникновения в предгорно-горную зону ираноязычных племен и смешения их с местным кобанским населением.[197] Во II в. до н. э., по всей видимости, союз кобанских племен распался, и в более поздних письменных источниках, в том числе, раннесредневековых, указывается множество племен, населяющих территорию ареала кобанской культуры, под которыми скрываются различные древнеингушские родоплеменные (или этнотерриториальные) группы – гаргареи, хамекиты, двалы, санары, кусты (кисты) и др. В то же время интересен тот факт, что в персидском источнике III в. указывается страна Махелония, которая наряду с такими странами, как Иберия, Армения, Антропатена и Кавказская Албания, входит в зону влияния Сасанидских шахов. Махелония (Древняя Ингушетия – ред.) расположена к северо-западу от Кавказской Албании по обе стороны от Главного Кавказского хребта, т.е. на территории расселения племен кобанской культуры.[198]

С I в. в письменных источниках появляется этноним «аланы», который в науке принято увязывать с ираноязычными племенами с возведением прямой генетической связи от скифо-сармато-алан к современным осетинам. Между тем, ираноязычность северокавказских алан до сих пор не получила убедительных доказательств, кроме предположений

известных западных и российских алановедов, подкрепленных большей частью их авторитетом в научном мире, а не наличием соответствующих источников, в первую очередь письменных. В этой связи более убедительной и аргументированной представляется высказанная отдельными исследователями гипотеза о собирательном значении этнонима «аланы» так же как, впрочем, вышеназванного этнонима «скифы» и некоторых других этнических наименований древнего времени, получивших широкое распространение в письменных источниках с легкой руки античных авторов, любивших унифицировать плохо знакомый им варварский мир. Этнонимы «сарматы» и «аланы» на Кавказе в письменных источниках Средневековья очень близки к современному понятию «северокавказцы», или «северокавказский регион», при этом они, безусловно, имеют поликультурное и полиэтничное наполнение с преобладающей составляющей местного автохтонного этнического массива, и в первую очередь древнеингушского. Поэтому перспективным направлением в изучении истории средневековых северокавказских алан является критика гипотезы, рассматривающей аланскую культуру как привнесенную на Кавказ извне, и разработка проблемы ее возможно местного происхождения и преемственности от племен кобанской культуры.

В период раннего Средневековья история ингушей тесным образом связана с северокавказскими аланами и Аланским государством (конец IX – начало XIII вв.). Аланское государство сложилось в результате завершения этнополитической консолидации аборигенных нахских (древнеингушских) племен. Другая часть древнеингушских племен, проживавшая в высокогорной зоне на границе с Грузией и частью на ее современной территории (к югу от Главного Кавказского хребта), была в этот период тесно связана с грузинским государством. Самое южное из этих племен – цанары (санары), которые вошли в историю как непримиримые противники полководцев Арабского халифата, неоднократно предпринимавших в VII-IX вв. походы в Закавказье и оттуда – на Северный Кавказ через Дарьяльское ущелье. Влияние Грузии на приграничные ей древнеингушские племена (в грузинских источниках – дзурдзуки, глигви, кисти, двалы) особенно заметно на позднем этапе раннего Средневековья.

В XIII-XIV вв. происходят значительные изменения в этнополитической карте Северного Кавказа, связанные с завоевательными походами монголов и Тимура Хромого. Крупнейшее государственно-политическое образование северокавказцев периода раннего Средневековья – Алания – перестало существовать. Были разрушены города региона Магас (1238) и Дедяков (1278), являвшиеся политическими, экономическими и культурными центрами всей северной части Кавказа. Сильный урон был нанесен развитым земледельческим районам плоскости, превратившейся сначала в кочевья золотоордынцев, а позже – и других кочевых народов. Одним из наиболее катастрофических последствий походов на Северный Кавказ монголов и Тимура было резкое сокращение численности коренного населения региона, которое большей частью погибло в сражениях с завоевателями, уцелевшая же часть нашла убежище в горной зоне, где проживало родственное им этническое население. В последующие столетия именно горы становятся средоточием северокавказской культуры, получившей новый импульс развития в результате вливания в среду горцев плоскостного населения. Однако вынужденная изолированность в течение нескольких веков большей их части от равнинных земель Северного Кавказа, существование в массе своей в тяжелых условиях безземелья отрицательно сказывались на социально-экономическом развитии горцев, прервали естественный процесс формирования государственных образований.

XV-XVII вв. – это период позднего этногенеза современных северокавказских народов: карачаевцев, балкарцев, осетин, ингушей и чеченцев, в основе формирования кото-

рых лежит общий пласт автохтонного (нахского) плоскостного и предгорного населения средневековой Алании, горных нахских (древнеингушских) этнических групп (например, в Осетии это двалы), иранских и тюркских этнических групп, частью вышедших из аланской среды, частью появившихся в регионе в Золотоордынское время и после карательных экспедиций Тимура на Северный Кавказ. Все эти три этнических компонента (автохтонный – нахский, иранский и тюркский) в разной степени присутствуют у вышеназванных народов, близких и безусловно родственных по антропологическому типу и культуре, как народы, происходящие из одного этнического корня. Четвертый этнический компонент, активно участвовавший в этногенезе посталанского населения Центрального Кавказа – это адыгско-абазинский.

Другая часть древнеингушского населения, расселявшаяся в горной части современной Грузии, была ассимилирована в грузинской этнической среде и за исключением части тушин, состоящей из поздних переселенцев (XVI в.) из Горной Ингушетии (фяппи-бацой или цова-тушины), перешла на грузинский язык. Ассимиляция повсеместно сопровождалась вытеснением групп населения, сохранившего язык автохтонов, в частности, часть ингушей-галгаевцев переселяется на север из Архот, и его занимают грузиноязычные хевсуры: другая часть ингушей (аьккхий, фяппий и др.) покидает территории Куртатинского, Кобанского, Санибанского ущелий, и их заселяют ираноязычные ироны-осетины.

В XVI-XVIII вв. происходят значительные изменения в этнической карте северокавказского региона, связанные с активными миграционными процессами, складыванием территориально-языковых общностей и постепенной консолидацией крупных этнических объединений в народности.[199] Период XVI-XVIII вв. можно охарактеризовать как эпоху миграционных процессов на Северном Кавказе. В полной мере такая характеристика подходит для ингушской истории этого времени. Миграции ингушских территориальных групп носили перманентный характер и были вызваны целым рядом причин как внешнего свойства, так и внутренними этническими процессами. Этническая территория ингушей начиная приблизительно с XVI в. в целом начинает смещаться в сторону Северо-Восточного Кавказа. Вытеснение основной массы ингушеязычного населения с предгорий и отчасти горной зоны Центрального Кавказа в этот период было связано с мощной волной миграций с Северо-Западного Кавказа сначала ногайских, а затем и адыгских родоплеменных групп, завершившихся сформированием на Центральном Кавказе новой этнической общности – кабардинцев. Большое влияние начиная со второй половины XVI в. на весь ход миграционных процессов и сложение в последующее столетие этнополитических границ на Центральном и отчасти Северо-Восточном Кавказе оказывали кабардинцы. Полукочевой образ жизни и развитые феодальные отношения с профессиональным военным сословием – «уорками», способствовали сложению высокого уровня этнической мобильности, позволявшего кабардинским князьям и узденям на протяжении нескольких столетий доминировать в регионе. Среди внешних факторов, оказавших существенное влияние на динамику миграционных процессов ингушей, в том числе, на географию этого явления, следует отметить перманентное противостояние с «хозяевами плоскости», каковыми, начиная со второй половины XVI и до второй половины XVIII в., являлись кабардинские феодалы.

К концу XVI – началу XVII вв. по всей видимости складываются поздние территориальные общества ингушей. С запада, начиная от Дарьяльского ущелья, на восток располагались общества (шахары): Джейрахой (джераховцы; «ероханские люди»), Фяппи (кисты, кистинцы), Чулхой, ГIалгIай (галгаевцы, другие наименования – кхаькхалой, хамхой), Цхьорой (цоринцы), Аьккхий (аккинцы). Севернее от Аьккхий, к северо-востоку

и северо-западу от них, начиная от верховьев р. Фортанги до р. Гехи, располагался целый ряд небольших этнотерриториальных групп, позже получивших известность под общим наименованием Орстхой (Карабулаки). Это этнотерриториальные группы Мержой, Цечой, Галай, ГIондалой, Мужахой и др. Эти общества были близки со смежным обществом Аьккхий, откуда часть орстхоевцев согласно этногенетическим преданиям ведет свое происхождение. Возможно, что ранее этноним «аьккхий» распространялся и на часть этих обществ. К аккинцам примыкала и этнотерриториальная группа – Кий (Кей). Южнее Аьккхий и юго-восточнее от Цхьори располагалось общество Мелхий, выше последних, к юго-востоку, – небольшое общество Майстой. Из русских письменных источников XVI-XVII вв. известны наименования северо-восточных территориальных групп: «Шубуты», «Отчанская земля», «Тшанские люди», «Мулки» и некоторые другие.[200] Большая часть из этих обществ («землиц» в русских источниках) находилась в бассейне р. Аргун, вдоль которой шел один из путей русских посольств в Грузию, благодаря чему эти «землицы» попали в поле зрения «дипломатической службы» Московского государства. В верховьях этой реки, в ущельях образуемых рукавами Чанти-Аргун и Шаро-Аргун, располагались одноименные территориальные группы – Чантий (Отчанская земля) и Шарой. К северу, вниз по Чанти-Аргуну, у слияния двух рукавов располагалось общество Шотой (Шутой), с которым связывают два наименования в русских источниках – «Тшанские люди» и «Шибуты». Между этнотерриториальными группами шотой и чантий по Чанти-Аргуну располагалось несколько родоплеменных и территориальных образований, крупнейшее из которых – Чиннахой. Родство последней родоплеменной группы с крупными ингушскими родами (тайпами), состоящими из нескольких десятков патронимий – Тумахой, Оздой и Салгахой, прослеживается по данным этногенетических преданий и данных генеалогии ингушей.[201] Восточнее от общества Шарой располагалась этнотерриториальная группа – Чеберлой. Часть из вышеперечисленных этнотерриториальных групп, располагавшаяся на территории современной Чечни, сыграла важную роль в позднем этногенезе чеченского народа. В XVI-XVII вв. эти группы представляли собой локальные территориальные общества, часть из которых находилась еще в стадии формирования. Границы между этими обществами были довольно условны в силу подвижности населения как следствия перманентных миграционных процессов. Все эти этнотерриториальные группы были изначально ингушеязычными и развивались в едином этнокультурном пространстве.

Со второй половины XVI в. в русских письменных источниках известно самое восточное ингушское территориальное общество Аьккхий (Аух, Ауховское общество), располагавшееся в Терско-Сулакском междуречье в смежности с кумыкскими землями и образованное переселенцами из разных горных обществ, в первую очередь из Аьккхий и Орстхой. Аьккхий, именовавшиеся в документах «окочанами», «ококами», играли очень важную роль в политике России на Северо-Восточном и отчасти Центральном Кавказе в XVI-XVII вв. Их старшины («владельцы) Ушаром-мурза, Ших-мурза, Батай-мурза и другие – постоянные союзники Московского государства, они активно участвуют в строительстве русской крепости на Тереке, выполняют посредническую миссию в сопровождении посольств через земли горцев в Грузию, несут военную службу. В документе 1587 г. Окотцкая земля числится в числе территорий присоединенных к Московскому государству.

Наряду с восточными ингушскими обществами в орбите российской политики на Северном Кавказе в этот период оказались и самые западные, расположенные в Дарьяльском ущелье и прилегающих к нему землях. В частности, «владелец Ларсова кабака» Салтан-мурза. Салтан-мурза (Солтмарз – инг.), как и Ших-мурза Окоцкий (Шахмарз – инг.), неоднократно оказывал услуги русскому правительству на Северном Кавказе, например

сопровождал послов в Грузию. Он придерживался последовательной пророссийской политической ориентации и сам проявлял инициативу, заявляя послам, что желает «быть в подданстве» и «служить России, как служит брат его Ших-мурза».[202] Ингушский Ларсов кабак (нынешнее село Ларс Северной Осетии) неоднократно упоминается в русских дипломатических документах XVI-XVII вв.[203] В документах, связанных с посольством в Грузии 1637 г., упоминается ингушский «владелец» Хавса – житель небольшого ущелья, примыкающего с восточной стороны к Дарьялу и ныне находящегося на территории Грузии. Верное служение владельца Хавсы интересам России и Грузии отмечалось позже в письме грузинского царя Теймураза. В посольских документах приводится описание ущелья р. Кистинки (ОахкаройчIож – инг.), отмечается наличие здесь ингушских башенных поселений («кабаков»).

В XVII-XVIII вв. активизируется процесс возвращения ингушей на свои равнинные земли по правобережью Терека. В верховьях Сунжи и Камбилеевки уже существуют первые колонии – Ахки-юрт и Ангушт, состоящие из группы селений. От последнего крупного населенного пункта на тот период группы селений (территориального общества) происходит и этноним «ингуши», трансформировавшийся от первоначального русского наименования «ангушевцы», т. е. «ангуштовцы» – жители Ангушта. Населенные пункты на предгорно-плоскостных землях как и в горной зоне представляли собой фамильно-родовые поселения, укрепленные каменными боевыми башнями и заградительными стенами. В частности, такие поселения располагались в Тарской долине, вход в которую был защищен высокими каменными стенами и сторожевыми башнями. Тарская долина, где находилось старейшее ингушское общество – Ангушт (Большие Ингуши), являлась одним из стратегических и узловых пунктов ингушской миграции на плоскость и была тесно связана дорожными коммуникациями, защищенными самой природой и охранными укреплениями, с Горной Ингушетией и правобережьем Терека, прилегающим к Дарьялу, верховьями Сунжи и через них – с Ассинским ущельем, где в предгорной зоне располагалось еще одно старейшее общество – Галашки, имела удобный и близкий выход на плоскость по течению р. Камбилеевки. Расширение границ плоскостных земель ингушей происходило в тесных взаимоотношениях с кабардинскими феодалами. Характер этих взаимоотношений зависел от многих факторов: от политической ситуации на Северном Кавказе, в которой контроль над землями, прилегающими к главной путевой артерии в Грузию, всегда играл существенную роль; от обстановки внутри феодальной верхушки Малой и Большой Кабарды; наконец, от личных связей между кабардинскими князьями, узденями и ингушскими старшинами. Кабардинцы и ингуши зачастую выступают союзниками в различных военно-политических акциях, кабардинские князья и уздени роднятся с ингушскими старшинами, значительное место в ингушско-кабардинских отношениях занимают институты куначества и аталычества. В тоже время набеги кабардинских феодальных дружин на ингушские плоскостные селения, как и, в свою очередь, набеги воинских дружин ингушей на кабардинские стойбища и частые военные столкновения по разным причинам и поводам – это иллюстрация повседневности быта населения региона в указанную историческую эпоху. Между тем, результатом этих взаимоотношений, в которых в одинаковой степени сочетались и мир и война, являлось последовательное закрепление ингушей на равнинных землях по правобережью Терека. Кабардинские же стойбища постепенно смещаются к северо-западу, чему в немалой степени способствовало давление ингушской миграции, значительно усилившееся в ходе движения на равнину в бассейне р. Сунжи одного из крупнейших ингушских территориальных обществ – орстхойцев. Миграции последних в этот период активно шли как в восточном, на территорию современ-

ной плоскостной Чечни, так и в западном, на территорию современной плоскостной Ингушетии, направлениях. На картах Кавказа и в письменных источниках второй половины XVIII в. ингушские населенные пункты устойчиво фиксируются в предгорно-плоскостной зоне Терско-Сунженского бассейна. В этот период на плоскости на севере и северо-западе с ингушскими обществами граничат кабардинские стойбища, в горной зоне на юго-западе в верховьях Терека – общество тагаурцев, на востоке и северо-востоке – чеченские и кумыкские селения.

В XVIII в. ингуши попадают в сферу интересов внешней политики Российской империи на Северном Кавказе, заинтересованной в установлении контроля над магистральными путями, ведущими в Закавказье. С 40-х гг. для «восстановления падшего христианства» среди ингушей и осетин действует Осетинская духовная комиссия, чью деятельность курирует Священный синод. В 50-60-е гг. ингушские старшины выступают последовательными союзниками русской администрации на Тереке и неоднократно заявляют через Кизлярского коменданта о своей готовности принять российское подданство. Ярко выраженная пророссийская позиция ингушей диктовалась необходимостью защиты своих поселений на плоскости от агрессии феодальных воинских дружин князей Большой и Малой Кабарды, пытавшихся подчинить жителей плоскостных селений Ингушетии своей власти и поставить их в вассальную зависимость. Даже если в некоторых случаях им это удавалось, все же эта зависимость была номинальной и недолговременной, на что постоянно указывается в документах XVIII в., и в корне отличалась от ситуации в соседней Осетии, где население, запертое в горах кабардинцами, не имело никакой возможности осваивать равнинные земли без помощи и защиты российского оружия. Ингуши (ангуштовцы) к этому времени уже закрепившиеся на предгорно-плоскостных землях, первые из народов Северного Кавказа в 1770 г., в самом разгаре Русско-турецкой войны, принимают российское подданство; в 1771 г. их примеру последовали карабулаки. В 1770-1810 гг. колонизация ингушами плоскостных земель еще более активизируется, чему в немалой степени способствовало как ослабление в регионе позиций кабардинских феодалов, так и строительство русских укреплений на правобережье Терека от Моздока до Дарьяла, определивших основное направление ингушской миграции по правобережью Терека на северо-восток, по обоим берегам рек Камбилеевки и Сунжи. В первом десятилетии XIX в. ингуши осваивают Назрановскую долину, и на северо-западе их граница доходит до р. Ачалук. После официального признания российской администрацией в письменном акте 1810 г. права владения ингушами землей по правобережью Терека, переселение ингушей с гор и предгорий на плоскостные земли приобретает массовый характер. К середине 40-х гг. XIX в. ингуши основывают на плоскости еще почти 70 селений.[204]

После введения в 1836 г. новых правил управления гражданским населением на Северном Кавказе создается Управление владикавказского коменданта с правами окружного управления. В него были включены ингуши и часть осетин. В 1840 г. во Владикавказском округе проживало 24234 ингушей и 13895 осетин.[205] Крепость Владикавказ, основанная в 1784 г. на правобережье Терека в непосредственной близости от ингушского сел. Заурово, ставшая с 1860 г. городом и центром Терской области, на протяжении почти 150 лет являлась географическим, экономическим, культурным и административным центром Ингушетии. Ингуши называют Владикавказ «Буру», что означает «крепость», осетины – «Дзауджикау», по имени находившегося здесь ингушского села Заурово (Дзаур-ков).

Кавказская война 1817-1864 гг. – самая продолжительная и кровопролитная кампания Российской империи в XIX в. – оказала огромное влияние на весь ход последующей истории региона. В том числе она способствовала существенному перекраиванию исторически

сложившихся этнических границ, формированию новой этнополитической ситуации, заключавшейся, прежде всего в строгом разделении на административно-территориальные единицы территории Северного Кавказа и упорядочение в рамках последних горских народов. При этом сложилось так, что это упорядочение, начавшееся первоначально по формальному признаку «мирные и не мирные», способствовало разделению родственных этнических групп как по политическому, так и по территориальному признакам, поскольку за подобной классификацией следовало строительство пограничных укрепленных линий, а в дальнейшем – сосредоточение одного и того же этноса в рамках разных административно-территориальных единиц. В частности, именно такое влияние Кавказская война оказала на этнополитическую историю ингушских этнотерриториальных групп, расселявшихся в XIX в. на территории современных Ингушетии и Чечни, в горах и на плоскости от Терека до Аргуна. В 1830-1850 гг. XIX вв. этническая классификация ингушеязычных и чеченоязычных этнотерриториальных групп, которые традиционно было принято объединять под общим именем «кистинцы» или «кистинские народы», напрямую зависит от развития военно-политической ситуации и порожденных ею новых потоков миграции населения как с запада на восток, так и с востока на запад, как с гор на плоскость, так и с плоскости в горы, под воздействием двух борющихся сил – российской армии и имамата Шамиля. В результате на этнополитической карте расселения «кистинских народов» вырисовываются три основные области: восточно-плоскостная – чеченская, западно-плоскостная – ингушская и третья – горная. При этом в основе такого структурирования заметное место среди прочих занимает феномен политической ориентации населения указанных областей в период Кавказской войны. Три вышеуказанные области этнополитической консолидации «кистинских племен» под воздействием внешних факторов (Имамата и Российской администрации) получают свой законченный этнополитический портрет. В общих чертах примерно такого облика: ингуши (назрановцы) – мирный народ, давно ставший частью Российского государства; чеченцы – основа государства Шамиля, военного противника России на Кавказе; горцы или лоамарой – независимая часть населения, проживавшая в высокогорной зоне современных Ингушетии и Чечни. Существенное влияние на этнополитическую консолидацию собственно чеченских территориальных обществ и расширение зоны распространения ареала этнонима «чеченцы» как этнополитического термина оказал имамат Шамиля. Более того, административно-территориальная реформа Шамиля, разделившего подвластную ему территорию на наибства, во многом ляжет в основу поствоенного устройства чеченских и восточных ингушеязычных обществ, находившихся на территории имамата. В период Кавказской войны указанные восточные ингушеязычные общества, располагавшиеся в горной и предгорной зоне современной Чечни к западу от Аргуна, были частью независимыми, частью входившими в Имамат. В изданном Генеральным штабом в 1851 г. Военно-статистическом обозрении Ставропольской губернии – наиболее авторитетном источнике по этнополитической истории Северного Кавказа указанного периода, в котором обобщены данные многолетнего изучения региона, – указывается, что «к племени ингушей, занимающих плоскость и котловины кавказских гор с правой стороны Терека до верхних частей Аргуна и до течения Фартанги, принадлежат: 1) назрановцы с Комбулейским обществом, 2) джераховцы, 3) карабулаки, 4) цоринцы, 5) ближние кистины с небольшим обществом малхинцев вновь покорившимся, 6) галгай, 7) галашевцы и 8) дальние кисты».[206] Разрыв близкородственных ингушам ингушеязычных обществ («дальние кисты») с западными собственно ингушскими обществами и их постепенная ориентация на Чечню наметится с завершением строительства Сунженской линии и административно-территориальными реформами на Северном Кавказе во второй половине XIX в.

Этнополитическая консолидация западных собственно ингушских обществ происходит в этот период вокруг плоскостного ядра ингушских (галгаевских) селений, располагавшихся по правобережью Терека по р. Камбилеевке и Сунже, известных как назрановцы или ингуши. Назрановцы наряду с другими ингушскими обществами – карабулакским, джейраховским, кистинским и галгаевским – входят во Владикавказский округ. При этом значительная часть земель орстхоевцев (карабулаков) и Галашевское общество (в 1840 г.), входит в территориальную единицу Имамата – Малую Чечню и административно подчиняется наибу Шамиля. Против «непокорных племен» карабулаков и галашевцев на всем протяжении Кавказской войны периодически предпринимаются военные экспедиции. Горные ингушские общества (джейраховцы, кистинцы, галгаевцы) впервые увидели русские войска лишь в 1830 г., через два года (1832 г.) последовала вторая экспедиция, уже под личным руководством командующего Кавказским корпусом генерала Розена. Между тем ситуация на Центральном Кавказе и в наиболее стратегическом его пункте – Военно-Грузинской дороге – зависела от политической ориентации самого крупного и организованного в военном отношении ингушского общества – Назрановского. Отмечая важность места, занимаемого ингушами-назрановцами и характеризуя их как народ «самый мужественный и воинственный из всех горцев», генерал Ермолов еще в 1822 г. предостерегал от какого-либо притеснения их со стороны российской администрации. В тоже время уже в период Кавказской войны плоскостные ингуши пользуются рядом высочайше дарованных за преданность России привилегий, в том числе, освобождением от уплаты каких-либо налогов в казну. В 1841 г. назрановцам за отражение войск Шамиля, высочайшим повелением было пожаловано военное знамя с надписью: «Нашим верноподданным Назрановским жителям за преданность, храбрость и усердие, оказанные 7 апреля 1841 года».[207] Назрановская милиция, считавшаяся лучшей среди горских народов,[208] несет кордонную службу, прикрывая Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу от нападений горских отрядов с востока. Милиционеров активно привлекают в экспедициях против непокорных обществ и селений.

На завершающем этапе Кавказской войны плоскостная Ингушетия впервые ощутила на себе выраженное имперское давление, связанное с экспроприацией земель для поселения казачьих станиц в рамках завершения строительства Сунженской линии. Последовавшая незамедлительно реакция ингушей – Назрановское восстание 1858 г., которое было жестоко подавлено. Многочисленные родовые поселения ингушей в Тарской долине, окрестностях Владикавказа, по рукам Камбилеевке, Сунже и Ассе были насильно выселены, на их территориях возводилась цепь казачьих станиц. На месте крупнейших и старейших поселений ингушей, располагавшихся на территории современного Пригородного района Северной Осетии, – Ангушт, Ахки-юрт, Таузен-юрт и Шолхи – были основаны казачьи станицы Тарская, Сунженская, Аки-юртовская и хутор Тарский.[209]

Через всю Ингушетию протянулась цепь казачьих станиц, которой горцы и жители плоскости были отрезаны друг от друга, так что сообщение между ними крайне затруднилось. Потеря предгорных земель обернулась для горцев регрессом в скотоводстве (значительным сокращением поголовья скота) – основном источнике их материального обеспечения. В результате в Горной Ингушетии отмечается обнищание населения, часть горцев вынуждена переселиться на арендуемые у казаков и плоскостных ингушей земли, тем самым попадая в экономическую зависимость от хозяев земли. Ситуация для горцев еще более ухудшилась в 1888 г., когда горные леса были объявлены казенными. Отмечается обострение социальных и национальных противоречий между казаками и ингушами, одной из основных причин которых стал земельный вопрос. Ситуация накалялась еще и тем обстоятельством, что ингуши

были вынуждены арендовать землю, которая еще недавно была их собственностью. Условия аренды были весьма жесткими, и то, что горцы все же их принимали, свидетельствует о безвыходной ситуации, в которой они находились. Земельный дефицит усугублялся непомерно высоким налогообложением, ограничивавшим экономическое развитие большей части населения, резко контрастировавшим с ситуацией в ранний период, когда плоскостные ингуши вообще не платили никаких налогов. Теперь же они, словно возмещая прежние недостачи, платили налоги и сборы больше всех народов края. Земельная чересполосица и экономическая зависимость ингушей от казаков, владевших лучшим земельным фондом плоскостной Ингушетии, была закреплена в 1888 г. новой реформой административно-территориального деления Терской области, по которой ингушско-казачье население было объединено в одной административно-территориальной единице – Сунженском отделе с выраженной казачьей военно-полицейской системой управления. Потеря значительного земельного фонда и, как следствие, отчуждение большого количества горского населения от систематического крестьянского труда, налоговое бремя и военно-полицейские методы управления – все это способствовало развитию различных форм социального протеста.

На исходе Кавказской войны и вскоре после ее завершения огромная масса коренного северокавказского населения – в основном адыго-абазинских племен Северо-Западного Кавказа – покидает родину и уходит в мусульманские страны Ближнего Востока. Это стало основной мирной формой социального и политического протеста против сложившейся ситуации на Кавказе и начала российских административных реформ. Движение мухаджирства в значительной степени затронуло и ингушей. В Османскую империю переселилось более полутора тысяч семей карабулаков и назрановцев, большинство из которых составляли карабулаки, чьи предгорно-плоскостные земли были полностью изъяты под казачьи станицы Сунженской линии.

Своеобразной формой социального протеста среди ингушей в этот период стало абречество, получившее особый размах в первом десятилетии XX в. и небывалый резонанс в связи с революционными событиями в стране. Несмотря на то, что абречество было принято классифицировать как обыкновенный бандитизм, в горских массах оно все больше начинало ассоциироваться с борцами за справедливость против произвола властей. В то же время сама власть стала задумываться о причинах роста абречества и его возможной связи с земельной проблемой и методами управления на Северном Кавказе. Для решения земельного вопроса учреждается ряд комиссий, однако кардинальных решений они принять не могли – большинство плодородных земель находилось у казачества, чьи интересы и, в том числе, земельные владения находились под защитой государства.

В 1905 г. ингушей выводят из подчинения атамана Сунженского отдела. Учреждается отдельный Назрановский округ Терской области, куда вошло ингушское население семнадцати плоскостных селений и четырех горских обществ: Джейраховского, Мецхальского, Хамхинского и Цоринского. Несмотря на то обстоятельство, что данная реформа призвана была решить ближайшую практическую задачу не в пользу ингушей, территориальное разделение казачье-ингушского населения с последующим вытеснением за пределы Сунженского отдела многочисленных ингушских хуторов и целых селений, располагавшихся на землях, арендуемых у казаков, ингуши встретили данную реформу с большим воодушевлением. Сам факт восстановления национально-территориального округа внушал большие надежды, тем более что само правительство, учреждая новый округ, признавало, что атаман Сунженского отдела, под чьим управлением находились до этого ингуши, в силу своих войсковых обязанностей не имел возможности и поэтому не уделял должного внимания устройству гражданского и экономического быта ингушского населения.[210]

Во второй половине XIX – начале XX вв. северокавказский регион активно интегрируется в Российское государство. В основу метода интеграции национальных окраин была положена политика русификации, курс на которую окончательно оформился при Александре III.[211] Ингушетия в этот период, как и Северный Кавказ в целом, активно втягивается во всероссийский рынок, чему в немалой степени способствовало строительство Владикавказской железной дороги. В тоже время, в результате стимулирования российской администрацией процесса расслоения ингушского общества за счет наделения казенными землями старшинства и офицерства постепенно формируется прослойка крупных земельных собственников, что в свою очередь способствует развитию товарного производства и предпринимательства. Из чиновничье-офицерской среды получает развитие и национальная интеллигенция, появляются первые учителя, инженеры, публицисты и ученые.

Особое место в интеграционном процессе занимает военное сословие – ингушское офицерство, начавшееся активно формироваться еще в период Кавказской войны. Во второй половине XIX – начале XX в. оно все более увеличивается численно с тенденций роста числа офицеров высокого ранга – полковников и генералов. Ингушские иррегулярные национальные соединения принимают активное участие во всех внешних войнах Российской империи. Все большее число офицеров и рядовых служат в регулярной армии, казачьих войсках, постоянно действующих милиционных частях на Северном Кавказе и Закавказье.

Значительное распространение в период интеграции Ингушетии в Российское государство получает такое явление как отходничество, и в особенности, стражничество как система трудовой миграции населения, не занятого активным сельскохозяйственным трудом, во внутренние губернии Российской империи. Пик отходничества и стражничества приходится на первое десятилетие XX в.

Русские революции 1905 и 1917 гг. и Гражданская война 1918-1920 гг. стали переломным моментом для исторической судьбы народов Кавказа. Ингушетия оказалась в самой гуще революционных событий, политической борьбы и антиденикинского восстания на Северном Кавказе. Далекая от революционных идей свержения самодержавия и введения парламентского строя основная масса ингушского народа, состоявшая из горцев-крестьян, тем не менее проявила сочувствие этим идеям. В особенности тем из них, которые касались ее насущных проблем, а именно – справедливого решения земельного вопроса и создания условий для свободного развития коренных народов России вплоть до формирования их национальных автономий. Обе эти проблемы, наиболее остро стоявшие в первые десятилетия XX в. среди ингушского населения Северного Кавказа, стали основной доминантой активной политической позиции, сформировавшейся ко времени начала Гражданской войны, и способствовали началу решения земельного вопроса самими народными массами. Сначала ингуши вернули себе часть земель, отнятых у них царским правительством в первой половине 60-х гг. XIX в., а затем оказали поддержку большевикам в установлении Советской власти в регионе. В противостоянии с войсками Добровольческой армией генерала А.И. Деникина ингуши проявили массовый героизм. Десятки их аулов, ставшие буквально крепостями на пути белогвардейских частей, были сожжены и разграблены. Каждый взрослый мужчина участвовал в обороне Ингушетии. Потери среди населения были огромны. Упорное и небывалое до сих пор сопротивление, встреченное деникинскими войсками в ингушских аулах, удивляло современников и очевидцев тех событий. Сам генерал Деникин отмечал в своих воспоминаниях: «Малочисленный, но спаянный военной организацией ингушский народ стал, по сути, вершителем судеб Северного Кавказа». В этой борьбе ингуши отстаивали свое право на национально-

государственное самоопределение в составе Российского государства, на полноценное развитие своей экономики и культуры.

Советский период российской истории связан для ингушей как с позитивными и прогрессивными этническими процессами и явлениями, так и с беспрецедентными драматическими страницами в эпоху господства тоталитарной системы.

К прогрессивным факторам, связанным с ранней историей Советского государства, относится образование в 1924 г. Ингушской автономной области с административным центром г. Владикавказе. 1924-1934 гг. – время существования ингушской автономии, короткий и вместе с тем очень сложный период истории Ингушетии, сыгравший огромную роль в национально-государственном развитии ингушского народа. За десятилетний отрезок истории стал очевидным факт, что ингушская автономия состоялась и имеет большой потенциал для дальнейшего развития. Однако это развитие, как оказалось, не входило в планы конструкторов сталинской национальной политики, взявших на вооружение методы «укрупнения» и «унификации» как основной инструмент построения системы эффективного контроля над территориями национальных окраин СССР.[212]

1934-1944 гг. и 1957-1992 гг. – период истории Чечено-Ингушской автономии в составе РСФСР.

В 1944-1957 гг. ингуши и чеченцы переживают национальную катастрофу, подвергшись тотальному физическому, культурному и морально-психологическому геноциду сталинского режима. Последствия депортации для репрессированных народов со стороны как специальная тема изучения содержит в себе предмет для исследований не только в таких областях как история, политология, социология, но и, безусловно, для исследований в области этнопсихологии, медицины и здоровья населения, демографии и других, связанных с развитием этносов в исторической динамике. Наиболее ярко выраженные последствия депортация имела для ингушей. Возвращение на Северный Кавказ стало для ингушского народа началом новых испытаний, связанных с отстаиванием своего права проживать на исторической родине – в родовых селениях Пригородного района, не возвращенного, как известно, Чечено-Ингушетии после восстановления республики в 1957 г. и оставшегося на долгие годы в составе соседней Северной Осетии.

Заметное место в политической жизни Чечено-Ингушетии и северокавказского региона в целом занимает ингушское национальное движение начала 1970-х гг., направленное на полную реабилитацию народа с возвращением республике переданных в состав Северной Осетии территорий. Впервые в истории Советского союза национальные меньшинства в лице ингушей заявили о своих правах и готовности их отстаивать в пределах «законов и партийной дисциплины».[213] Апогеем ингушского национального движения стал митинг в гор. Грозном (январь 1973 г.). В течение трех суток люди стояли на площади, и не было ни одного случая нарушения общественного порядка, строго соблюдалась политкорректность в выступлениях, пресекались всякие попытки антиправительственных высказываний. Тем самым ингуши показали, что они обладают высокой политической культурой, умеют отстаивать свои интересы цивилизованными средствами.[214]

Новый мощный виток ингушского национального движения конца 80-х – начала 90-х гг. XX в., получивший всенародную поддержку, привел к принятию исторического закона «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.) и образованию в составе России Ингушской республики (4 июня 1992 г.). Две эти даты являются наиболее важными судьбоносными в новейшей истории Ингушетии. Ингушское национальное движение, созревшее и вышедшее на политическую арену в общем русле процесса демократизации страны, сыграло важную роль в признании на государственном уровне преступными

акт депортации народов СССР и принятии закона о полной (в том числе, территориальной) реабилитации репрессированных народов. Вместе с тем трагические события осени 1992 г. в Пригородном районе и г. Владикавказе, ставшие реакцией на активную деятельность ингушского национального движения и достигнутые им успехи в решении «ингушского вопроса» политическими цивилизованными методами, показали всю глубину проблемы так называемых «спорных» территорий, разрешение которой отодвинуто на долгую «туманную» перспективу, далекую от демократических иллюзий начала 90-х гг.

История Ингушетии полна героических и драматических страниц, порою с периодами катастрофичными по своим последствиям. Тем не менее сквозь толщу веков отчетливо прорисовывается характер ингуша – созидателя и строителя, для которого понятия «семья», «дом», «отчизна» святы и нерушимы. Все эти понятия тесно связаны с исторической памятью. Коллективные переживания, испытываемые при знакомстве с событиями прошлого, радость побед, горечь поражений, гордость от культурных достижений – все это способствует духовному сплочению общества, основанному на понимании каждым своей сопричастности к истории своей страны, своего народа. К сожалению, по различным объективным причинам Ингушетия не имела своей писаной истории, не имела того прочного фундамента, на котором выстраивается здание этнической консолидации народов, развивающихся по пути национально-государственного строительства. Создание Республики Ингушетия в составе России дало возможность ингушским исследователям сделать первый шаг в этом направлении, результатом которого и явилось данное издание.

Труд «История Ингушетии» подготовлен научными сотрудниками отдела истории Ингушского научно-исследовательского института и является результатом работы за 2004-2010 гг. В 2004 г. был разработан план-проспект, по которому в течение 2005-2010 гг. велась авторская и редакционная работа. Апробация некоторых извлечений из данного труда осуществлялась в рамках периодического научного издания Ингушского научно-исследовательского института «Вопросы истории Ингушетии».[215]

Как и любой первый опыт, данный труд не свободен от различного рода недостатков, что вполне осознается авторским коллективом, ни в коей мере не претендующим на нечто большее, нежели попытка обобщить некоторые итоги изучения истории Ингушетии в дореволюционной, советской и постсоветской историографии. С учетом того обстоятельства, что большое количество вопросов истории Ингушетии еще не исследовано, либо исследовано крайне поверхностно, в данном труде возможны некоторые издержки в интерпретации затрагиваемых проблем и явлений. Вместе с тем необходимо отметить, что в историческом повествовании настоящей работы наличествует целый ряд положений, которые безусловно могут быть признаны спорными. Однако авторы сочли нужным включить их в данный труд, исходя из убежденности, что выдвижение на обсуждение гипотезы, заслуживающей, по их мнению, внимания, несомненно лучше, нежели ее игнорирование в угоду «непогрешимости» парадигм и научных авторитетов.

Авторский коллектив, работавший над «Историей Ингушетии», состоит в основном из молодых ученых – кандидатов наук и аспирантов: ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИИГН Н.Д. Кодзоев; заведующая отделом истории ИНИИГН, кандидат исторических наук М.Б. Долгиева; главный научный сотрудник отдела истории ИНИИГН, кандидат исторических наук Т.Х. Матиев; старший научный сотрудник ИНИИГН М.М. Картоев. При подготовке отдельных разделов глав «Истории Ингушетии» также принимали участие:

директор ИНИИГН, профессор И.А. Дахкильгов; аспирант Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН У.Б. Гадиев; заместитель директора ИНИИГН, кандидат филологических наук М.А. Матиев; заведующая отделом ингушской литературы ИНИИГН, доктор филологических наук Л.Х. Танкиева; заведующая отделом ингушского языка ИНИИГН, кандидат филологических наук Н.М. Барахоева; старшие научные сотрудники отдела истории ИНИИГН, аспиранты ИнгГУ З.Р. Дзуматова и М.Н. Катиева; заместитель директора ИНИИГН, кандидат исторических наук Р.С. Хаутиев; старший научный сотрудник отдела этнологии ИНИИГН Р.З. Сагов.

Над главами и отдельными разделами работали:

Введение – М.М. Картоев с участием Н.М. Барахоевой;

гл. I – У.Б. Гадиев, Н.Д. Кодзоев с участием И.А. Дахкильгова;

гл. II – Н.Д. Кодзоев;

гл. III – М.М. Картоев, отдельный раздел подготовлен М.А. Матиевым;

гл. IV – М.Б. Долгиева, Н.Д. Кодзоев;

гл. V – Н.Д. Кодзоев с участием З.Р. Дзуматовой и М.М. Картоева;

гл. VI – М.Б. Долгиева, отдельные разделы подготовлены Н.Д. Кодзоевым, И.А. Дахкильговым, Л.Х. Танкиевой, М.А. Матиевым;

гл. VII – Т.Х. Матиев с участием Н.Д. Кодзоева, М.Б. Долгиевой, М.Н. Катиевой, М.М. Картоева;

гл. VIII – Т.Х. Матиев с участием Н.Д. Кодзоева, М.Б. Долгиевой, И.А. Дахкильгова;

гл. IX – Т.Х. Матиев с участием Н.Д. Кодзоева, И.А. Дахкильгова, М.М. Картоева;

гл. X – Т.Х. Матиев с участием М.Б. Долгиевой, Н.Д. Кодзоева;

гл. XI – Т.Х. Матиев, М.Б. Долгиева с участием Н.Д. Кодзоева, Х.М. Мартазановой, Р.З. Сагова;

Заключение – Т.Х. Матиев.

Основная часть работы по структурному упорядочению и научно-редакторской обработке текста издания выполнена Н.Д. Кодзоевым.

В издании широко использован иллюстративный материал из архива Ингушского НИИГН, из фондов Государственной архивной службы РИ, Ингушского государственного музея краеведения и его филиалов, из частных архивов и коллекций. Иллюстрации подобраны и предоставлены Б.Д. Газиковым, М.У. Ужаховым, З.М.-Т. Дзараховой, М.Б. Долгиевой, Н.Д. Кодзоевым и М.М. Картоевым.

Авторский коллектив и редколлегия выражают свою признательность и благодарность всем, кто принял деятельное участие в подготовке «Истории Ингушетии» к изданию и надеются, что этот труд станет лишь прологом дальнейшего глубокого изучения и осмысления прошлого Ингушетии, послужит делу укрепления ингушской государственности, воспитанию у молодого поколения интереса и одновременно – бережного отношения к уникальному историко-культурному и духовному наследию древнего ингушского народа.

Примечания:

1 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.

2 Güldenstedt J.A. Geographishe, historishe und statistische Nachrichten von der neun Gränzline des Russischen Reihs, zwischen dem Terekfluss und dem Asowischen Meer, nebst einer daru verfertigten Carte. «St. Petersburgischen Journal», VII, 1779.

3 Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781 von der Grenzfestung Mosdok nash dem «Neue Nordiche Beyträge», VII, 1796. Тоже: St. Petersburg, 1797.

4 Штелин Я.Я. Описание черкесов // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб.,1772

5 Pallas P.-S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. 2 vls. Leipzig, 1799-1801; 1803.

6 Allgemeine historischtopographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassen Papieren gesammelt und herausgegeben von F.E. Schröder. Thei I. Gotha und St. Petersburg, 1796; Theil II. Nebst eine biographishe Skizze von J.P. Gerstenberg. Hildesheim und St. Petersburg, 1797.

7 Potocki J. Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui out habite anterieurement ces contres, Publie et accompahne de notes et de tables par M. Klaproth. 2 vls. Paris, 1829.

8 Julius von Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternomen in dem Jahren 1807 und 1808. Zweiter Band. Halle und Berlin, 1814.

9 Engelhardt, M und Parrot, F. – Reise in die Krym und Kaukasus. Berlin, 1815., I.

10 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб.,1869.

11 РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300.

12 РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 301.

13 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18507.

14 РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 218.

15 С.М. Броневский. Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским: В 2 томах: т. 1., т. 2. СПб, 2004.

16 РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 301.

17 Зиссерман А.Л. Воспоминания о кистах // К, 1851, 93, 94; Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). В 2-х частях. СПб., 1879.

18 Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008.

19 Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингуш и их соплеменников при разных случаях // Маяк. 1843, январь-февраль (кн. XIII-XIV).

20 См. подробно: Косвен М.О. Материалы по истории и этнографическому изучению Кавказа в русской историографии // КЭС. М., 1955. Т.I. С. 342-343; М., 1958. Т. II. С. 244.

21 РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6381, 6382.

22 Военно-статистическое обозрение. С. 134-143.

23 Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе // КК. 1858; Чечня и чеченцы // КК. 1860; Этнографическое обозрение Кавказа // Труды III Международного съезда ориенталистов в С-П., 1. СПб., 1879/80; Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1, 2, 10 и др.

24 Попов И.М. Ичкерия. Историко-топографичекий очерк // ССКГ. 1870. № 4 и др.

25 Ипполитов А.П. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. 1868. № 1; Учение «Зикр» и его последователи в Закавказье и на Кавказе // ССКГ. 1869. № 2 и др.

26 Висковатов А.А. С Казбека // Русский вестник. 1865. № 12.

27 Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. 1869. № 2.

28 Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I.: Очерк Кавказа и народов, его населяющих. СПб., 1871

29 Вейденбаум Е.Г. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов // ИКОРГО. 4, 1876. № 3,5; Священные рощи у кавказских народов // ИКОРГО. 5. 1873. № 3; Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888 и др.

30 Зейдлиц Н.К. Поездка в Галгаевское и Джераховское ущелья // ИКОРГО. Т. 2. Вып. 3. Тифлис, 1873 и др.

31 Ахриев Ч.Э. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис, 1870. Т. IV; О характере ингуш // ТВ. 1871. № 30; О положении ингушской женщины // ТВ. 1871. № 31; Ингуши (Их предания, верования и поверья) // ССКГ. Т. 8. Тифлис, 1875 и др.

32 Долгиев А.-Г. Несколько слов о Назрановской горской школе // ТВ. 1873. № 79.

33 Базоркин А. Горское паломничество // ССКГ. Тифлис, 1875. Т. VIII.

34 Работы не публиковались. Галгаевский календарь (1881 г.) / Рукопись в ЧГОМ. Оп. 3. Д. 44; Бексултан Борганов / Институт рукописей им К. Кекелидзе. Академия наук Республики Грузия. Rossika. Док. № 379 и др.

35 Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. 1872. Т. 6.

36 Грабовский Н.Ф. Горский участок Ингушевского округа в 1865 году // ТВ. 1868; Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. 1870. № 3; Ингуши, их жизнь и обычаи // ССКГ. 1876. № 9.

37 Косвен М.О. Материалы по истории и этнографическому изучению Кавказа в русской историографии // КЭС. М., 1958. Т. II. С. 268.

38 Акты, собранные Кавказскою Археографическою комиссиею… 1866, т. 1; 1868, т. 2; 1869, т. 3; 1870, т. 4; 1873, т. 5; 1874, т. 6., ч. 1; 1875, т. 6, ч. 2; 1878, т. 7; 1881, т. 8; 1884, т. 9; 1885, т. 10; 1888, т. 11; 1904, т. 12.

39 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1: 1578-1613 гг. М., 1889.

40 Акимов В.Н. Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее, 3, 1888.

41 Борисевич К.Л. Сектантство среди ингушей. ЭО, 1893; Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа. 1. Семейная и домашняя жизнь. 2. Болезни, лечение их. 3. Кровная месть. ЭО, 1899. № 1/2

42 Вертепов Г.А. Этюды об ингушах // ТВ. 1890. № 98,99.101; 1891. № 20; Ингуши // ТС. 1892. № 2 и др.

43 Ган К.Ф. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК, 4, 1884; 9, 1890; Путешествие в страну пшавов, хевсуров, кистин и ингушей // КВ, Тифлис, 1900. Вып. VI.

44 Загурский Л.П. Этнологическая классификация кавказских народов // КК на 1888 год. Тифлис, 1887 и др.

45 Карпов В.И. Производство оружия и изделий из серебра на Кавказе // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. СПб., 1882. Вып. VII.

46 Максимов Е.Д. Чеченцы. Историко-географический и статистико-экономический очерк // ТС. 3, 1892; Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып. 1 и 2. Владикавказ, 1892-1894 и др.

47 Мансуров Н.С. Зикиризм и зикиристы (Из жизни ингушей) // Каспий, 1891, 196, 198.

48 Харузин Н.Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. М., 1888 и др.

49 Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888; Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Вып. X. Тифлис, 1881 и др.

50 Ницик П. По поводу столетия Владикавказа (заметки и воспоминания) // ТВ, 1885, 12, 13, 16, 19, 23, 25.

51 Белобородов А. Землевладение в Терской области // ТВ. 1895. № 107-109; Скотоводство в Терской области // ТВ. 1895. № 113 и др.

52 Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области, две части. Тифлис, 1888.

53 Марграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа, с описанием техники производства. М., 1892 и др.

54 Подробнее: Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 16.

55 Список его печатных работ и биография: Л.П. Семенов. В.И. Долбежев, как археолог-кавказовед. Владикавказ, 1930.

56 Крупнов Е.И. Там же. С. 16.

57 Миллер В. Археологические экскурсии. Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М., 1888.

58 Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2-х т. М., 1890. и др.

59 Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004; Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: Исследования и материалы 1892-1894 гг. М., 2008 и др.

60 Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. Греческие писатели. Т.2. Латинские писатели. СПб., 1890-1909. / так же, СПб., 1893 Т.1; 1906. Т.2.

61 Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии // СМОМПК, 22. Тифлис, 1897; Перевод «География Грузии» Вахушти // ЗКОРГО, 24, 1904, 5; Известия грузинских летописей о Северном Кавказе и России // СМОМПК, вып. 35. Тифлис, 1905 и др.

62 Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении, Азербайджане // СМОМПК, 1901-1908. Вып. XXIX-XXXVIII.

63 Тульчинский Н.П. К земельному вопросу Нагорной полосы Терской области // ТВ. 1901. № 41-43, 46; Еще раз о поземельном вопросе Нагорной полосы Терской области // ТВ. 1901. № 54-56; К вопросу о положении ингушей среди других горцев Терской области // ТВ. 1902. № 30, 32, 33, 35.

64 Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк. Тифлис, 1905.

65 Баев Г. Ингуши // ЭО. М., 1900. № 3.

66 Гасиев А. Земельно-экономическое положение туземцев и казаков на Северном Кавказе. Владикавказ, 1909.

67 Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908.

68 Степанов П.Ф. Кредитная кооперация среди ингушей. Владикавказ, 1918.

69 Рейнке Н.М. Горские и словесные суды Кавказского края // Журнал министерства юстиции. СПб., 1912. № 2.

70 Карганов Н.Г. О горских словесных судах на Северном Кавказе. СПб., 1914.

71 Агищев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. СПб., 1912.

72 Прозрителев Г.Н. Кавказское оружие (оружие кавказских горцев) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии, 7, 1915.

73 Чурсин Г.Ф. Культ мертвых на Кавказе // Кавказ. 1901. № 97; Свадебные обычаи и обряды на Кавказе // Кавказ. 1902. № 76; Почитание огня на Кавказе // Кавказ. 1902. № 121 и др.

74 Гребенец Ф.С. Борга-Каш // ТВ. 1913. № 224, 233, 234; Древнейшие могильники в Ассинском ущелье // ТВ. 1914. № 54.

75 Ракович Д.В. Прошлое Владикавказа. Краткая историческая справка. Владикавказ, 1911.

76 Начало Владикавказа // Терские ведомости. 1911. № 71.

77 Бывалый. Молитва Соска-Солса // ТВ. 1911. № 127.

78 Горепекин Ф.И. «Маги-Ерды» (Языческий бог и покровитель у ингушей) // ТВ. Владикавказ,1909. № 81, 82, 84, 86 и др.

79 Об этом подробнее: И. Дахкильгов, Х. Дзейтова. ГIалгIай меттахи багахбувцамахи французски меттала баь тохкам // Маьтлоам. 1991. № 1. (на инг. яз.); Р.Х. Угурчиева. Роль ингушских просветителей в становлении национального образования // Ученые записки. Вып. II, Филология /ИНИИГН при Правительстве РИ. Магас, 2009. С. 225-226.

80 Джабагиев В.-Г. Дореволюционная публицистика. Работы 1905-1917 гг. /Ингушский мемориал. Назрань-М., 2007; Свободный Кавказ. Статьи и выступления (1951-1956 гг.). /Ингушский мемориал. Назрань-М., 2007 и др.

81 Яковлев Н.Ф. Ингуши. М., 1925; Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927; К вопросу об общем наименовании родственных народов. Чеченцы и ингуши // Записки Северо-Кавказского Краевого Горского НИИ. Ростов-на-Дону, 1928. Т. 1. С. 195-204.

82 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1925-27 гг. // Известия ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928; Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930-1931 гг. // Известия ИНИИК. T.IV. Вып. 2. Орджоникидзе-Грозный, 1935; Чах Ахриев. Первый ингушский краевед // Известия ИНИИК. Т. I. Владикавказ, 1928 и др.

83 Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры // Известия ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928; Архитектура древних ингушских святилищ // Известия ИНИИК. Вып. 2-3. Владикавказ, 1930; Путеводитель по Ингушской автономной области. Владикавказ, 1929.

84 Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. Т. 2. М.-Л., 1931; Культ Тушоли у ингушей // Известия ИНИИК. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе – Грозный, 1934-1935.

85 Захаров А.А. Ингушская богиня Тушоли // Известия ИНИИК. T.IV. Вып. 2. Орджоникидзе-Грозный, 1934-1935.

86 Бороздин И.Н. В горах Ингушетии. // Новый Восток. Т. 22-23. 1928.

87 Вильямс А.К. Географический очерк Ингушетии. Владикавказ, 1928.

88 Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа. Ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. М.-Л., 1926.

89 Отчет по экспедиции в Чечню и Ингушетию летом 1932 г.; Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа…. (извлечения) / Б.Д. Газиков. А.П. Митрофанов о музыкально-песенном творчестве ингушей // Архивный вестник Республики Ингушетия. Вып. III. Назрань, 2006. С. 80-110.

90 Христианович В.П. Горная Ингушия. Ростов-на-Дону, 1928.

91 Тусиков М.Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926.

92 Мальсагов З.К. Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. Владикавказ, 1928; Ингушская грамматика. Владикавказ, 1925 и др.

93 Скитский Б.В. Назрановское возмущение 1858 г. Владикавказ, 1930 и др.

94 Алборов Б.А. Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» (к вопросу об осетинских и ингушских культурных взаимоотношениях) // Известия ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928; Ингушское Дела «бог» и осетинское Далимон «злой дух» // Известия ИНИИК. Вып. 3. Владикавказ, 1930.

95 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Владикавказ, 1933; Социально-экономические основы революционных достижений на Тереке. Владикавказ, 1925 и др.

96 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей //Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. T.V. Л., 1930.

97 Марр Н.Я. К истории передвижения яфетических народов с юга на север Кавказа. Пгд., 1916; Племенной состав населения Кавказа (рабочий проспект). Пгд., 1920; Кавказские племена, названия и местные параллели / Труды комиссии по изучению состава племен, населяющих Россию. Пгд., 1922; К истории Кавказа по данным языка. Тифлис, 1933 и др.

98 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

99 Бунак В.В. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа //Грозненский рабочий. 1935. № 5 – VII.

100 Вартапетов А. Проблемы родового строя ингушей и чеченцев // СЭ. 1932. № 4.

101 Лысенков П.Л. Заметки о памятниках материальной культуры и об изобразительном искусстве Чечено-Ингушетии // Записки ЧИНИИЯИ. Грозный, 1938. Т.1.

102 Чентиева М.Д. Вопросы яфетической теории по материалам Чечено-Ингушского языка // Записки ЧИНИИЯИ. Т.1. Грозный, 1938; История Чечено-Ингушской письменности. Грозный, 1958.

103 Чубинашвили Г.Н. Ткоба-Иерди. К вопросу о культурных связях Грузии и Ингушетии // Тезисы докладов X сессии отдела общественных наук Академии наук Груз. СССР. Тбилиси, 1941; Вопросы истории искусства. Исследования и заметки. Т. II. Тбилиси, 2002.

104 Симонов П. Назрановская горская школа // Известия ИНИИ. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе-Грозный, 1935.

105 Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919-1920 гг. м., 1942; Борьба за власть Советов в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1942.

106 М.М. Базоркин. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002; Борганы в Присунженской долине // Известия Чечено-Ингушского краеведческого музея. 1961. Вып. 10. С. 130-143 и др.

107 Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. С. 229.

108 Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974; О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождение народов Центрального Кавказа // Кавказ и восточная Европа в древности. М., 1973 и др.

109 Абдушелишвили М.Г. Краниология древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси, 1966.

110 Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982; Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1964. Т. 5. Вып. 1. С. 162-163; Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XVII вв. Ч. I. М., 1966 и др.

111 Кобычев В.П. Храмов древние стены // СЭ. 1979. № 4. С. 137-150; Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX – XX вв. М., 1982; Галгай – страна башен // СЭ. Вып. 1. М., 1971; Из этногенетических преданий ингушей //Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971 и др.

112 Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973; Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начало XX вв. М., 1974.

113 Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII-XIX веках // Известия ЧИНИИ. Т. IV. Вып. 1. Грозный, 1964; Об использовании одного из видов языческих сооружений в общественном быту вайнахов // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 45-52 и др.

114 Робакидзе А.И. Жилища и поселения горных ингушей // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 41-117 и др.

115 Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 165-198 и др.

116 Итонишвили В. Дж. Пережитки семейной общины в Горной Ингушетии // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 207-225 и др.

117 Джавахадзе Н.В. Термины родства у горных ингушей // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 226-236 и др.

118 Гамкрелидзе Б.В. Из истории скотоводства в Горной Ингушетии // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 237-247 и др.

119 Исламов А.А. К вопросу о первобытно-религиозных представлениях у предков вайнахов // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 1. Вып. 1. Грозный, 1972; Пережитки первобытнообщинного (материнско-родового) уклада у чеченцев и ингушей: Автореф. дисс… канд. ист. наук. Тбилиси, 1973.

120 Гегечкори Г.Г. Горные жилые комплексы Чечено-Ингушетии: По этнографическим материалам: Автореф. дис… канд. ист. наук / АН ГССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1970; Жилища типа «цIа» в ущелье реки Армхи и ее притоков // КЭС, II. Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 248-256.

121 Мадаева З.А. Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX в. // СЭ. 1980. № 6. С. 78-86; Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов // СЭ. 1983. № 4. С. 87-94; Вайнахская мифология // ЭО. М., 1992. № 3. С. 108-117 и др.

122 Кудусова Ф.И. К вопросу о браках и формах их заключения у ингушей в конце XIX – начале XX века // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975 и др.

123 Хасиев С-М. А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – первой четверти XX вв.: К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа: Автореф. дис… канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1973; Традиции и новации в жилищном строительстве вайнахов // Новое и традиционное в культуре и быту народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1985. С. 51-58 и др.

124 Хасбулатова З.И. Обряды, обычаи и поверья чеченцев и ингушей, связанные с рождением и воспитанием детей в дореволюционном прошлом // Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981. С. 67-92 и др.

125 Плиев А.А. Кровная месть у чеченцев и ингушей и процесс ее изживания в годы Советской власти: Автореф. дис… канд. ист. наук / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1969; Борьба с пережитками кровной мести у ингушей в первые годы Советской власти (1920-1929) // ЧИНИИИЯЛ. АЭС. Т. IV. Грозный, 1976. С. 262-269 и др.

126 Мальсагов Д.Д. О некоторых непонятных местах в «Слове о полку Игореве» // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1959. Работы 30-х гг.: К постановке изучения чечено-ингушского фольклора // Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1933. № 5 (56). С. 58-64; Ингушская литература // Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1933. № 1-2. С. 97-103 и др.

127 Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978; Народная этимология некоторых топонимов Горной Чечено-Ингушетии (по легендам и преданиям) / Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978; Предания чеченцев и ингушей о кровной мести // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями. Л., 1977; Предания вайнахов, связанные с их архитектурным искусством // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1976 и мн. др.

128 Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос ингушей и чеченцев: Автореф. дис… канд. филол. наук. М., 1966; Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970 и др.

129 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972 и др.

130 Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963; Бацбийский язык. М., 1953 и др.

131 Алироев И.Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. Махачкала, 1975; Названия оружия в нахских языках // АЭС, 4. Грозный, 1976 и др.

132 Вагапов Я.С. Чечено-ингушские эпические песни XVI-XVIII вв.: Автореф. дис… канд. филол. наук. Махачкала, 1968; Вайнахи и семиты: нахский пласт в сарматской ономастике. Грозный, 1990; Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем А (этимологические заметки) // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980 и др.

133 Куркиев А.С. Вопросы ингушской антропонимики // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978. С. 19-35; Эвфемистические словоупотребления в т.н. «охотничьем языке» ингушей (к постановке вопроса) // Вопросы отраслевой лексики. Грозный, 1978. С. 73-79 и др.

134 Чокаев К.З. Нахские языки. Грозный, 1992; Из топонимии Чечено-Ингушетии // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976 и др.

135 Яндаров А.Д. Ингушский просветитель Ч.Ахриев. Грозный, 1968; Общественная мысль Чечено-Ингушетии в последней трети XIX начале XX вв. // Дисс… канд. филос. наук. Алма-Ата, 1965; Развитие общественно-политической мысли Чечено-Ингушетии в XIX – начале XX вв. // Дисс…док. филос. наук. Алма-Ата, 1988.

136 Танкиев А.Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990; Философско-эстетические проблемы исследования фольклора. Опыт чеченского и ингушского народов: Дис… д-ра филос. наук. Грозный, 1992 и др.

137 Албакова Ф.Ю. Вайнахский театр от истоков к профессионализму //Автореф… канд. ист. наук. Тбилиси, 1990 и др.

138 Гольдштейн А.Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975; Башни в горах. М., 1977 и др.

139 Перфильева Л.А. Башнеобразные склепы селения Эгикал (Чечено-Ингушетия) // V Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов, 19-22 апреля 1988. Махачкала, 1988. С. 71-72 и др.

140 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае (записки краеведа). Грозный, 1989; Происхождение ингушский фамилий. Грозный, 1991 и др.

141 Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.) // МИА. 93. М., 1960; Археологические работы в Аргунском ущелье // КСИИМК. Вып. 87. 1961; В ущелье Аргуна и Фортанги. М., 1965; В стране вайнахов. М., 1969 и др.

142 Мунчаев Р.М. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 84. 1961; Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА, 1. 1962; Луговой могильник // ДЧИ. М., 1963 и др.

143 Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ Вып. 2-5. М., 1977; Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии // МАД. VI. Махачкала, 1977; О южной границе восточной группы кобанской культуры // СА. 3. 1978 и др.

144 Любин В.П. Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушской АССР /Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. Л., 1963. № 28 и др.

145 Мальсагова Т.Т. О классовой дифференциации и формах социальной зависимости среди чеченцев и ингушей // Известия ЧИНИИ. Т.4. Грозный, 1964 и др.

146 Джамбулатова З.К. Трудовые дела Чечено-Ингушетии в Великой отечественной войне 1941-1945 гг. // Известия ЧИНИИИЯЛ. 1959. Т. 1. С. 134-156; Из истории научно-исследовательской работы в Чечено-Ингушетии (1920-

1941 гг.) // Известия ЧИНИИ. 1964. Т. 9. С. 112-126; Сыны Чечено-Ингушетии на фронтах Великой отечественной войны 1941-1945 гг. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. II. Вып. 1. Грозный, 1960; Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920-1940-е гг.). Грозный, 1970 и др.

147 Гойгова З.А.-Г. Народы Чечено-Ингушетии в борьбе против Деникина. Грозный, 1963; О классовой борьбе в Чечено-Ингушетии в период гражданской войны // Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). Грозный, 1963 и др.

148 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963 и др.

149 Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия. Тбилиси, 1961.

150 Гамбашидзе Г.Г. Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века // IV Крупновские чтения: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1974. С. 64-69; Древнегрузинские церковные книги из Ингушетии // V Крупновские чтения: Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 115-116. и др.

151 Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900 гг.). Грозный, 1963; К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период (Поземельные отношения) // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 5. Вып. 1. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964 и др.

152 Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма. Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IV. Вып.1. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940 гг.). Грозный, 1964; Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). Грозный, 1968 и др.

153 Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. Грозный, 1960; Вовлечение Северного Кавказа в экономическую систему пореформенной России // История СССР, 1959. № 6 и др.

154 Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1961 и др.

155 Виноградов В.Б. Сарматские материалы из ранних раскопок на территории Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 3. Вып. 1. Грозный, 1963; Сарматы Северо-Восточного Кавказа //Труды ЧИНИИИЯЛ. Т. 6. Грозный, 1963; Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма: Сб. науч. тр. Грозный, 1977. С. 59-67 и др.

156 Мужухоев М.Б. Новая коллекция предметов из склепов горной Ассинской котловины // АЭС. Т. 3. Грозный, 1969; Новые археологические памятники Горной Ингушетии эпохи позднего Средневековья // АЭС, 4. Грозный, 1976; Средневековая материальная культура Горной Ингушетии (XIII-XVII вв.). Грозный, 1977; Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (К истории религиозных верований в X-XIX вв.). Грозный, 1989 и др.

157 Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII-XVI вв.) // АЭС. Грозный, 1968. Т. 2.; Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979. С. 39-49; Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Афтореф. дис. канд. ист. наук / Ин-т археологии АНСССР. М., 1970 и др.

158 Умаров С.Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего Средневековья в нагорной Чечено-Ингушетии // АЭС, 2. Грозный, 1969; О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития Горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего Средневековья // АЭС. Т. 3. Грозный, 1969 и др.

159 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. Грозный, 1968; Чечено-Ингушская АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Грозный, 1973 и др.

160 Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Л., 1979; Этническая история Северного Кавказа X – XIII вв. СПб., 1994 и др.

161 Муталиев Т. Х-Б. В одном строю (Чеченцы и ингуши в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов). Грозный, 1978; Плечом к плечу // Вехи единства: К 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Грозный, 1982. С. 86-98; Из истории русско-чеченско-ингушского боевого содружества в XVI-XVII веках // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70 годы XIX века): Материалы Всероссийской научной конференции 2-3 окт. 1979 г. в Грозном. Грозный, 1982. С. 263-266. и др.

162 Акиев Х.А. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877-1878 гг. // Вопросы истории. 1980. № 1; Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). Грозный, 1980; Народы Северного Кавказа в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Магас, 2009; К вопросу о происхождении и географии расселения ингушей (Историческая справка) // ЛагIаш. История и публикации. № 1. С. 22-36 и др.

163 Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис… канд. ист. наук / Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1989; Организация управления Чечено-Ингушетии в 40-60 гг. XIX века // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном

прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982; Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии // Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX вв.). Грозный, 1983; Административно-территориальное деление и управление Терской области в 80-90-х гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984 и др.

164 Чахкиев Д.Ю. О территории и этнической основе зарождения башен с пирамидальным венчанием на Кавказе // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 151-156; Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии: Сб. ст. Грозный, 1987. С. 67-79; Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII-XVIII вв.): Археолого-этнографическое исследование: Автореф. дис…канд. ист. наук /МГУ. М., 1986 и др.

165 Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Вып. I. Ч. 2. Грозный, 1972. С. 61-102.

166 Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Автореф. дис… д-ра ист. наук / АН СССР. Ин-т востоковедения. М., 1972; О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России // АЭС. Т. II. Грозный, 1968. С. 92-111 и др.

167 Магомадов И.Д. Христианский храм Тхаба-Ерды в Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов I ВСНКВИФНК. Тбилиси, 1968; Магомадов И.Д. К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба-Ерды // АЭС, 4. Грозный, 1976.

168 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963; Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905-1907 гг. / Пред. и ред. Н.П. Гриценко. Грозный, 1966; Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистическое развитие России (II пол. XIX-начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII –начало XX века). Грозный, 1986 и др.

169 Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа XVI-XVII вв. Грозный, 1988; Вайнахи в кумыкских княжествах // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975 и др.

170 Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено-Ингушском обществе второй половины XIX – нач. XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988; Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – начала XX вв.). Грозный, 1979 и др.

171 Ахмадов Ш.Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI – нач. XX в.). Грозный, 1979. С. 49-69; Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа с XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 69-104 и др.

172 Мамаев Х. М. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского ущелий // VI Крупновские чтения: Тезисы докладов. М., 1976; Хронология катакомбных могильников Чечено-Ингушетии конца IV – первой половины VIII в. // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии: сб. ст. Грозный, 1986 и др.

173 Даутова Р.А. Функции арабоязычных монет в позднесредневековых могильниках Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 75-78; К вопросу о датировке круглоплановых мавзолеев Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986 и др.

174 Магомадова Т.С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI-XVII веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977; О времени исламизации населения Аргунского ущелья // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 80-83 и др.

175 Дударев С.Л. О причинах миграции кобанских племен в предгорно-плоскостные районы в начале I тысячелетия до н.э. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; Бронзовое оружие восточно- и центрально-закавказского типа в Чечено-Ингушетии (конец II – начало I тысячелетия до н.э.) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равными регионами: Тез. докл. конф. Тбилиси, 1984 и мн. др.

176 Нарожный Е.И. Келийский могильник XIII-XV веков – выдающийся памятник вайнахской культуры // Охрана природы и исторических памятников Ингушетии в связи со строительством КПЖД и организацией Чечено-Ингушского комплексного заповедника. Грозный, 1989; в соавторстве с Даутовой Р.А., Мамаевым Х.М., Чахкиевым Д.Ю. Новые данные о материальной культуре Горной Ингушетии (по результатам раскопок Шуанского могильника) // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989 и др.

177 Бараниченко Н.Н. К хронологии некоторых типов святилищ Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма: Сб. науч. тр. Грозный, 1977. С. 67-74; Доисламские верования и культы в исторических системах общественных отношений вайнахов: Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1985 и др.

178 Хашегульгов Б.М. К эволюции погребальных сооружений эпохи бронзы в Горной Ингушетии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990; Типологическая классификация бронзового инвентаря Эгикальского могильника // Университетская экспозиция результатов новостроечных работ 1989-1990 годов. Грозный, 1991 и др.

179 Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикации источников истории Кавказа: (принципы и методы издания): Дис…канд. ист наук. М., 1985; Парова Л.М. К истории Кавказской археографической комиссии (1864-1917 гг.) // Археографический ежегодник за 1988 год. М., 1989.

180 Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия Чечено-ингушского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975; К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана: Сб. науч. трудов. Махачкала, 1976. С. 189-205; Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дисс… канд. ист. наук. Махачкала, 1981 и др.

181 Чахкиев Б.А. Из культурного прошлого Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – в начале XX веков: Автореф. дис… канд. ист. наук / АН ГССР. Институт истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1986; Из истории культурных связей Чечено-Ингушетии и Азербайджана // Учен. зап. Азерб. ун-та. Сер. ист. наук. Баку, 1965. № 7. С. 11-18 и др.

182 Цолоев Т.С. Из истории взаимоотношений между Чечено-Ингушетией и Грузией (I-XVIII вв.): Автореф. дис…канд ист. наук / АН ГССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1989; Взаимоотношения чечено-ингушского и грузинского народов с древнейших времен до начала XIX века: дисс… д-ра ист. наук / АН Республики Грузия. Ин-т истории и этнографии. Тбилиси, 1992.

183 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дис… канд. ист. наук / АН Армянской ССР, Институт истории. Ереван, 1988.

184 Исаева Т.А. Социально-экономическое положение Чечено-Ингушетии в XVIII в. Автореф. дис…к.и.н. М., 1976; Социальный характер чечено-ингушской общины // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 277-283 и др.

185 Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (с древнейших времен до XV вв.). Грозный, 1963; Из истории взаимоотношений Грузии и Чечено-Ингушетии XVI – пер. пол. XIX вв. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX вв. Грозный, 1981.

186 Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII-XIX веках: Автореф. дисс… док. ист. наук. Тбилиси, 1988, монография – Тбилиси: Мецниереба, 1988.

187 Об этом подробнее: Катышева М., Озиев М. Сознавать меру ответственности // Трагедия ингушского народа / Сост. М. Озиев, Ю. Тангиев. Грозный, 1991. С. 3-35; В.А. Шнирельман. Указ соч. С. 337.

188 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Грозный, 1967. Т. 1. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 года.

189 Шнирельман В.А. Указ. соч. С. 331.

190 История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I.: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный, 2008. Введение. С. 9-10.

191 Там же. С. 5.

192 Великая Н.Н. Этногенез и этническая история // Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск, 2010. С. 17.

193 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 74.

194 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 25.

195 Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963. С. 38.

196 Гумба Г. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дис… канд. ист. наук /АН Армянской ССР, Институт истории. Ереван, 1988.

197 Великая Н.Н. Указ. соч. С. 17.

198 История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 129.

199 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 276.

200 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963. С. 64.

201 Танкиев А.Х. Отражение процесса миграции населения Ингушетии в фольклоре вайнахов (XIX – начало XX в.) /Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 124.

202 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 347.

203 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 67.

204 Муталиев Т. Х-Б. Благодаря силе и мужеству нации // Тернистый путь народа. М., 1992. С. 18.

205 Там же. С. 19.

206 Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. 1.: Ставропольская губерния. Спб, 1851.

207 Кавказские иррегулярные части. В кн. Казачьи войска (Хроники гвардейских казачьих частей помещенные в книге Императорская гвардия) // Сост. В.Х. Козин, под ред. В.К. Шенк по 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. С. 41.

208 Военно-статистическое обозрение… С. 41.

209 ТС. Владикавказ, 1896. С. 147.

210 РГИА. Ф. 565. Оп. 1. Д. 1052. Л. 17.

211 Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции //Отечественная история. 2005. № 5.

212 «Построение системы контроля над национальными окраинами СССР» – тезис заимствован у Т.Х. Матиева, см. Гл. VIII.

213 Картоев М.М. Картоев Джабраил Дабиевич: на тернистом пути патриота // Сердало. 2008. 16 апр.

214 Там же.

215 Долгиева М.Б. Русско-ингушские отношения в X-XVII вв. // ВИИ. Вып. 1. Магас, 2004. С. 11-21; Долгиева М.Б. Тенденции развития просвещения и общественной мысли в Ингушетии во второй половине XIX – начале XX вв. // ВИИ. Вып. 1. Магас, 2004. С. 22-35; Кодзоев Н.Д. Предпринимательство и торговля в Ингушетии в начале XX в. // ВИИ. Вып. 1. Магас, 2004. С. 35-47; Матиев Т.Х. Общественно-политические предпосылки образования Ингушской АО в 1924 г. // ВИИ. Вып. 1. Магас, 2004. С. 48-52; Долгиева М.Б. Вопросы русско-кавказской войны в произведениях В.-Г. Джабагиева // ВИИ. Вып. 2. Магас, 2004. С. 23-29; Кодзоев Н.Д. Национально-территориальные образования Ингушетии в составе России в XIX – нач. XX в. // ВИИ. Вып. 2. Магас, 2004. С. 30-35; Картоев М.М. О земельном вопросе в Ингушетии начала XX века (с приложением материалов из Обзора горных обществ Назрановского округа: Джераховского, Мецхальского, Хамхинского и Цоринского) // ВИИ. Вып. 2. Магас, 2004. С. 36-57; Матиев Т.Х. Образовательный аспект становления Ингушского национального движения в первые годы XX в. // ВИИ. Вып. 2. Магас, 2004. С. 57-73; Кодзоев Н.Д. Судебная система Ингушетии в XIX в. – 1917 г. // ВИИ. Вып. 3. Магас, 2005. С. 30-48; Кодзоев Н.Д. Назрановское восстание 1858 г. // ВИИ. Вып. 3. Магас, 2005. С. 49-59; Матиев Т.Х. Характер участия ингушских масс в гражданской войне 1918-1920 гг. в России // ВИИ. Вып. 3. Магас, 2005. С. 60-74; Долгиева М.Б. К вопросу о политических, социально-экономических и культурных изменениях в Ингушетии в XIX – начале XX в. // ВИИ. Вып. 4. Магас, 2006. С. 31-38; Матиев Т.Х. К вопросу о термине «Малгобекская оборонительная операция» // ВИИ. Вып. 4. Магас, 2006. С. 96-109; Кодзоев Н.Д. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 3-13; Долгиева М.Б. Народная медицина ингушей // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 47-55; Кодзоев Н.Д. Развитие образования Ингушетии в 1917-1944 гг. // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 77-92; Картоев М.М. Информативные возможности источников коллекции Военно-ученого архива РГВИА для изучения истории народов Северного Кавказа второй половины XVIII – первой половины XIX в. // ВИИ. Вып. 6. Магас, 2007. С. 12-29; Долгиева М.Б. Народные знания ингушей // ВИИ. Вып. 6. Магас, 2007. С. 30-42; Кодзоев Н.Д. К истории зарождения и развития потребительской кооперации Ингушетии (1911-2006) // ВИИ. Вып. 6. Магас, 2007. С. 133-142; Долгиева М.Б., Сагов Р.З. Кабардино-ингушские отношения в XVI-XVIII вв. // ВИИ. Вып. 7. Магас, 2007. С. 3-7; Матиев Т.Х. Особенности стратегии советского и германского командования в битве за Кавказ на примере Малгобекской оборонительной операции // ВИИ. Вып. 7. Магас, 2007. С. 11-36; Кодзоев Н.Д. О проблемах изучения нартского эпоса ингушей // ВИИ. Вып. 7. Магас, 2007. С. 89-93 и др.

Глава I

История Ингушетии с древнейших времен до конца I тыс. до н. э.

1. Каменный век на Северном Кавказе

Наиболее длительную по времени и наиболее раннюю часть истории человечества занимает каменный век. Такое название хронологический период получил от основного материала – камня, массово использовавшегося человеком в раннюю эпоху и являвшегося почти единственным сырьем, из которого первобытный человек изготовлял простейшие орудия труда и охоты. Каменный век принято подразделять на палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный век) и энеолит (меднокаменный век).

В свою очередь палеолит делится на несколько эпох, соответствующих этапам развития человека и его материальной культуры. Это олдувейская и аббевильская эпохи (начальный этап истории человечества), ашельская (400-80 тыс. до н. э.), мустьерская (80-35 тыс. до н. э.) и верхнепалеолитическая (35-10 тыс. до н. э.).

В предгорно-плоскостной зоне Центрального Кавказа с глубокой древности прослеживается присутствие человека, что связано с мягким климатом, разнообразием животного мира, изобилием растительной пищи и, возможно, географическим расположением этой зоны в соседстве с Дарьяльским ущельем, наиболее удобным проходом с Северного Кавказа в Закавказье и далее в Переднюю Азию.

На территории Центрального Кавказа найдено значительное количество человеческих стоянок периода палеолита, а также остатки окаменевших костей различных архаических животных – мамонтов, носорогов, пещерных медведей, бизонов, оленей. Имеются такие находки и на территории современной Ингушетии.

Одним из наиболее ранних памятников палеолита на Северном Кавказе, известных на сегодняшний день, является стоянка Айникиб в Центральном Дагестане, относящаяся к раннему плейстоцену (900 тыс. до н. э.).[1]

К числу ранних памятников палеолита на Северном Кавказе относится Треугольная пещера в Карачаево-Черкесии (около 600 тыс. до н. э.), расположенная на Скалистом хребте на высоте 1510 метров над уровнем моря.[2]

Приблизительно этим же временем датируются и простейшие каменные орудия, обнаруженные в окрестностях станицы Саратовской в Прикубанье.[3] Найденные здесь предметы в большинстве своем представляли собой отщепы и ручные рубила.

На Центральном Кавказе к памятникам раннего палеолита относится пещера Мыштулагты-лагат.[4] Памятник выявлен в ущелье р. Гизельдон (инг. ГазалтIe), на северном склоне горы Арау Скалистого хребта. Непотревоженные культурные слои памятника залегают на глубине до 20 м. В пещере Мыштулагты-лагат обнаружено огромное число каменных орудий различных типов, характеризующих повседневную жизнь первобытного человека. Особую научную ценность памятник представляет своей многослойностью. Здесь кроме слоев палеолита выявлены простейшие предметы и орудия периода мезолита и энеолита.

На современной территории Ингушетии памятники раннего палеолита не выявлены. Однако присутствие палеолитических находок в соседних регионах и с учетом эпизодичности разведывательных поисковых работ, проводившихся на территории Ингушетии, предполагают, что в перспективе такие находки ожидаемы.

Памятники мустьерской эпохи палеолита (80-35 тыс. лет назад), сменившей ашельскую эпоху, известны на Северном Кавказе уже в большем количестве и во многих его районах.

В эту эпоху человек осваивает горные районы Кавказа, поднимаясь на высоту 1600-2000 метров над уровнем моря. Люди обитают не только в пещерах и под скальными навесами,

но и на открытых склонах гор, речных террасах. В качестве жилищ мустьерцами использовались шалаши и хижины, сооружавшиеся на основе растительного и древесного материала. Последнее стало возможным с установлением более умеренного и теплого климата. Люди мустьерской эпохи употребляли в пищу растения, ягоды, плоды, а также мясо животных. Охота носила коллективный характер. Стационарное изучение стоянок показывает, что мустьерцы охотились на муфлонообразных баранов, мамонтов, благородных оленей и других животных. Развитие охоты способствовало усовершенствованию охотничьего вооружения. В этот период у людей эпохи мустье появляются такие виды вооружения, как дротики и наконечники копий, изготовленные из камня. Одежда человека в это время состояла из шкур животных. Важное место в хозяйстве мустьерцев занимало и рыболовство.

Мустьерское местонахождение Плиево. Крупный поддисковидный нуклеус, окремненный известняк

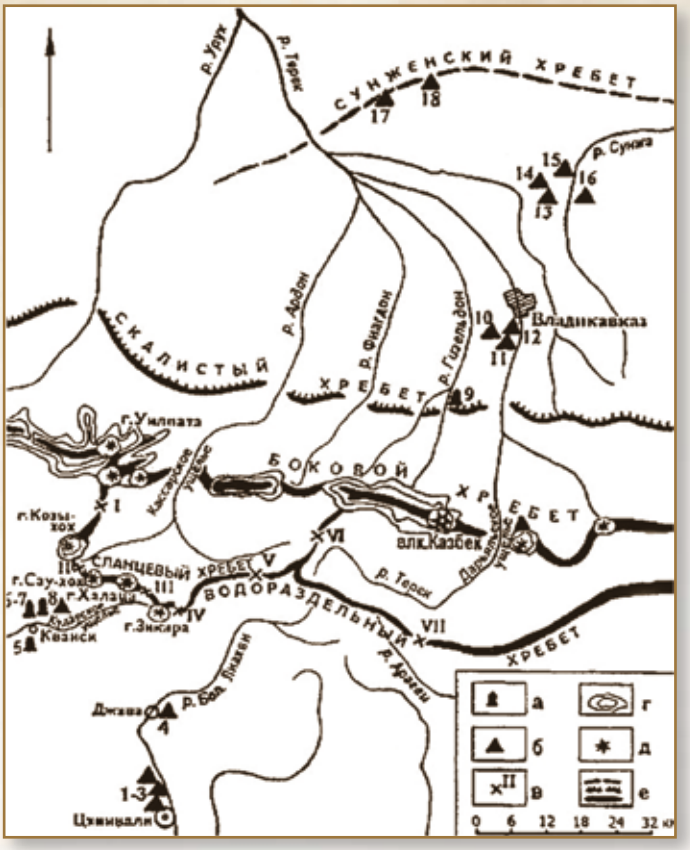
Одним из наиболее известных памятников мустьерской эпохи Северного Кавказа является стоянка в окрестностях станицы Ильской в Прикубанье.[5] При исследовании памятника изучены жилище, большое количество примитивных каменных орудий, кости животных. Судя по находкам костей животных, жившие в этой местности люди охотились на зубров, мамонтов, кабанов, лошадей, пещерных медведей.

На территории современной Республики Ингушетия мустьерская эпоха представлена группой памятников, расположенных в равнинной части вдоль берегов рек Назранка и Сунжа. Это однотипные памятники, представленные местонахождениями. Впервые памятники палеолита такого рода были открыты в 1961 году В.П. Любиным в окрестностях селений Насыр-Корт и Гамурзиево.[6] Материалы памятника были отнесены к периоду около 40 тыс. до н. э. Также было установлено, что орудия, обнаруженные в Гамурзиево, изготавливались из местных пород. В этой местности в эпоху мустье существовала небольшая мастерская по обработке камня.[7]

В дальнейшем памятники мустьерской эпохи в Ингушетии были выявлены в окрестностях селений Барсуки, Насыр-Корт и Экажево.[8] При расчистках были найдены дисковидные нуклеусы, отщепы, остроконечник и другие простейшие каменные орудия. Мустьерцы, оставившие данные памятники, обрабатывали меловой желвачный камень.

Другой памятник мустьерской эпохи Ингушетии был выявлен в 2003 г. в окрестностях с. Плиево при проведении рекогносцировочных работ совместной экспедицией Института истории материальной культуры РАН и Археологического центра при Министерстве культуры РИ. В долине р. Сунжи обнаружили местонахождение с характерными среднепалеолитическими изделиями. Они были найдены в россыпях галек на склоне террасы и в одном случае – непосредственно внутри галечника.[9] Указанное месторождение расположено на северо-восточной окраине селения Плиево, на крутом левом берегу р. Сунжи. В высыпке галек и в галечных россыпях у подножия обрыва были обнаружены три десятка выразительных изделий, в большинстве своем сделанных из андезита и дацита.[10]

Непосредственно в галечном слое был выявлен огромный поддисковидный нуклеус, изготовленный из валуна окремненного известняка. Кроме того, коллекция вещевых находок Плиево была дополнена 8 ядрищами, в числе которых есть дисковидные, двуплощадочные и многоплощадочные. Интересна находка леваллуазского острия, с



Карта расположения среднепалеолитических памятников Центрального Кавказа: а – пещерные стоянки; б – местонахождения; в – перевалы; г – современные ледники; д – горные вершины; е – горные хребты. Памятники: 1–3 – Кусрети, Тамарашени, Каркуста-кау; 4 – Морго; 5 – Цона; 6–7 – Кударо I и III; 8 – Учелет; 9 – Мыштулагты-лагат; 10 – Хутор Попов; 11 – Редант 1; 12 – Лысая гора; 13 – Насыр-Корт; 14 – Барсуки; 15 – Гамурзиево; 16 – Экажево; 17 – Заманкул; 18 – Старый Батакоюрт

которым выявлены и пластины с фасетированными ударными площадками. Единственное орудие, представленное в коллекции находок Плиево, – угловое скребло на краевом отщепе.[11]

Таким образом, обнаруженные в довольно большом количестве на небольшом участке долины Сунжи памятники палеолита эпохи мустье могут свидетельствовать о том, что территория плоскостной Ингушетии еще 40 тысяч лет назад была довольно плотно заселена. «Северный Кавказ, где расположена Ингушетия, в целом далеко превосходит все прочие регионы России по количеству памятников нижнего и среднего палеолита. Это связано, очевидно, с его географическим положением между Закавказьем и Русской равниной, на пересечении миграционных путей, по которым могли продвигаться с юга носители ашельских и мустьерских индустрий».[12]

В последующую за мустье верхнепалеолитическую эпоху (35-10 тыс. до н. э.) на Северном Кавказе происходят значительные изменения в жизни первобытных обществ. Происходит становление человека современного физического типа, известного в науке как кроманьонский тип. Уже заметны сдвиги в каменной индустрии, в искусстве наскальной живописи, а также в духовных представлениях первобытных людей. Памятники верхнего палеолита известны по всему Северному Кавказу. К указанному времени относятся пещерные стоянки на реках Хосте, Мзымте, Кудепсте в Причерноморье, стоянка у с. Маруха в Карачаево-Черкесии, грот Сосруко в Баксанском ущелье в Кабардино-Балкарии, Кумрала-Када в Дагестане и т. д.[13] В Ингушетии памятники указанного хронологического периода слабо изучены. Однако широкий ареал распространения верхнепалеолитических объектов по всему Северному Кавказу указывает на наличие следов жизнедеятельности человека указанной эпохи и на территории Ингушетии.

Сфера хозяйственной деятельности населения Северного Кавказа верхнепалеолитического времени состояла из охоты и собирательства. С течением времени все более разнообразными становятся орудия труда. В эту эпоху известны резцы, скобели, скребки и другие предметы обихода.

На рубеже X-IX тыс. до н. э. верхний палеолит сменяется периодом мезолита или среднекаменного века, характеризующегося завершением процесса оледенения, охваты-

вавшего всю горную часть Северного Кавказа. Происходят значительные изменения в материальной и духовной культуре населения. В данный период одомашниваются некоторые виды животных, появляются первые зачатки для будущего развития земледелия. В хозяйственной жизни человека по-прежнему важную роль играет охота, усовершенствованию и дальнейшему развитию которой способствовало изобретение лука и стрел.

Необходимо отметить слабую изученность периода мезолита на Северном Кавказе. Одними из самых известных и изученных археологических объектов этого периода являются Чохская стоянка в Дагестане и грот Сосруко в Кабардино-Балкарии.

В период мезолита населением Кавказа уже культивировались различные виды ячменя и пшеницы.[14] Археологами обнаружены каменные зернотерки, куранты, части серпов и ножей. Эти находки свидетельствуют о достаточно прочных традициях земледелия на Северном Кавказе в данную эпоху.

На памятниках мезолита обнаружены каменные орудия, кремневые наконечники стрел, различные обсидиановые и микролитические изделия. Охота велась в основном на кабана, благородного оленя, косулю и некоторых других диких животных.[15]

Также на мезолитических памятниках Северного Кавказа выявлены кости одомашненных животных. В большинстве своем это кости мелкого рогатого скота, особенно многочисленны кости овец. Таким образом, в период мезолита на Северном Кавказе еще присутствует присваивающий тип хозяйствования, но в то же время происходит становление и развитие производящей формы экономики.

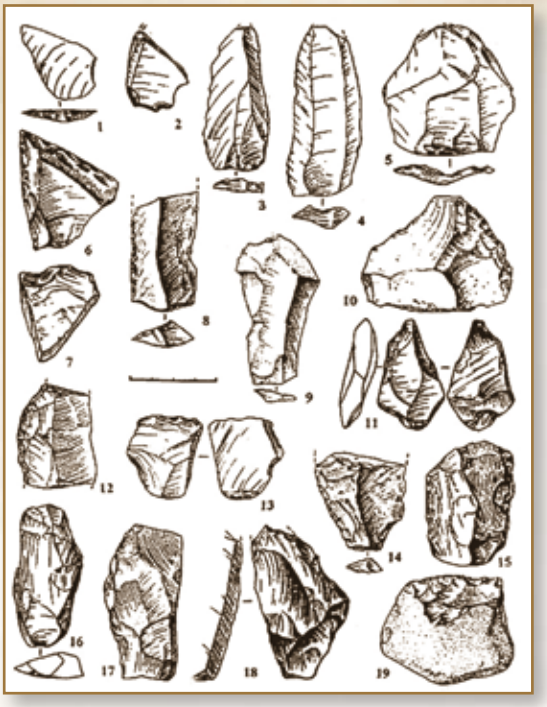
Жилье кавказцев эпохи мезолита представляло собой постройку, состоящую из каменных блоков. Общая площадь жилища достигала размеров до 60 кв.м. Она имела форму полукруга, упиравшегося в скальные выходы. Кладка стен жилища была сухой. Непосредственно в помещение вел коридор из вбитых в грунт вертикальных каменных плит. В центре жилища стоял округлый в плане очаг, несколько углубленный в землю.[16]

На рубеже VII-VI тыс. до н. э. эпоху мезолита сменяет эпоха неолита (новокаменного века).

В эпоху неолита обработка земли и разведение домашних животных получили широкое распространение, завершился переход человека от присваивающего к производящему типу хозяйствования. Были усовершенствованы орудия труда и охоты – люди научились шлифовать камень, просверливать отверстия в каменных орудиях, изготавливать глиняную посуду. В связи с новыми изобретениями в домашнем хозяйстве поменялся пищевой рацион человека, он научился готовить жидкую пищу.

На Северном Кавказе неолитические памятники обнаружены во многих местах. В Ингушетии были найдены отдельные предметы эпохи неолита. В 50-е годы на Терском хребте, в окрестностях станицы Вознесенской Малгобекского района, при проведении земляных работ были случайно обнаружены заготовки каменных клиновидных топоров. Предполагается, что подобные орудия в большинстве своем предназначались для обработки дерева. Находки у станицы Вознесенской датируются V тыс. до н. э.[17] Также было зафиксировано неолитическое поселение на территории строительства города Магас. Находки (каменный топор, фрагменты керамики и т.д.) с Магасского поселения переданы на хранение в Ингушский государственный музей краеведения.

В эпоху неолита люди уже повсеместно сменили пещерное жилье и шалаши из веток на постоянные дома из глины и камня, а затем и из сырцового кирпича. Неолитические племена умели строить жилища, которые представляли собой легкие постройки, сооруженные из плетеного каркаса, обмазанного с обеих сторон глиной. При сооружении внутренних перегородок и печей применялись специальные заготовки из слабообожженной



Село Гамурзиево. 1, 2, 18 – отщепы; 2 – угловой резец; 3, 4, 9 – пластины; 6 – угловой остроконечник; 7 – выемчатое орудие; 8, 10, 12, 14, 15, 17–19 – скребла; 11 – клювовидное орудие; 13 – скребок; 16 – пластинчатый отщеп

глины, имевшие форму продолговатых, утолщенных с одного края «лепешек». В горных районах жилища строились из камня.

На протяжении эпохи неолита земледелие и скотоводство занимали ведущее положение в экономике северокавказских племен.

Развитие земледелия привело к существенным изменениям в формах орудий труда. С помощью нового типа орудия – каменного топора-тесла – вырубались деревья и кустарники, расчищались участки земли для посевов, сооружались жилье и хозяйственные постройки, изгороди, изготовлялись деревянные орудия труда. Также эти топоры-тесла использовались и как наконечники для мотыг, с помощью которых рыхлили землю, рыли ямы, добывали глину, и для других работ. Неолитическим племенам Северного Кавказа были известны двусторонне обработанные орудия, служившие преимущественно наконечниками мотыг, а также терки и песты, предназначенные для размола растительной пищи.

Судя по находкам орудий труда, предназначенных для обработки дерева (долота и долотообразные орудия), обитатели неолитических поселений широко использовали в повседневном быту разнообразные деревянные поделки и утварь.

Обработка кости, шкур и кожи также занимала немаловажное место в хозяйстве неолитических племен. Зарождается и ткачество, что подтверждается находками отпечатков плетения на глиняных изделиях.

Быстро развивалось производство глиняной посуды. Керамика эпохи неолита разнообразна. На некоторых сосудах имеется прочерченный на поверхности орнамент.

Найдена и глиняная антропоморфная (изображающая человека) статуэтка, что может свидетельствовать о развитии религиозных представлений.

Неолитические племена Северного Кавказа поддерживали связи с населением сопредельных областей. Особенно тесными эти связи были с населением Закавказья и Передней Азии, а также с племенами, жившими на территории Приазовья и Украины.

Неолит Северного Кавказа в V тыс. до н. э. сменяется эпохой энеолита или медно-каменного века. Данный период характеризуется началом активного использования человеком металла – меди, которое кардинально меняет весь ход социально-экономической жизни первобытных человеческих обществ. На Северном Кавказе одним из самых изученных памятников энеолитической эпохи является поселение Гинчи в Горном Дагестане.[18]

На территории Ингушетии эпоха энеолита представлена случайной находкой каменного шлифованного топора, так называемого кабардино-пятигорского типа. Он был найден в 1996 г. в окрестностях селения Али-Юрт сотрудниками инспекции по охране памятников при Министерстве культуры Республики Ингушетия. Али-Юртовский топор имеет типичные черты, характерные для аналогичных орудий из многих синхронных энеолити-

ческих памятников Северного Кавказа. В целом, по ряду признаков, топор можно отнести к концу V тыс. до н.э.

На энеолитических памятниках Северного Кавказа исследователями отмечено большое число каменных жилищ, круглой и прямоугольной формы. В самом центре жилища находился деревянный столб, поддерживавший кровлю. На полу были вырыты ямы, предназначавшиеся для хранения хозяйственных припасов. Иногда в такие ямы помещались крупные керамические сосуды. В пространстве между жилищами находились очаги в виде неглубоких ям.

Население занималось как земледелием, так и скотоводством. На поселениях обнаружены кости мелкого и крупного рогатого скота. В основном разводили овец. Найдены зерна ячменя, пшеницы, ржи. Для обработки посевных культур применялись мотыги, изготовленные из камня и роговых костей. Жатва производилась серпами различных форм. Специфичны терочники и зернотерки: они изготовлены из речного булыжника и выделяются своими крупными размерами.

1 – боковое острие; 2, 3 – отщепы; 4, 8 – пластины; 5, 7, 9 – нуклеусы; 6 – скребло на нуклеусе (1, 4–8 – Насыр-Корт; 2 – Барсуки; 3,9 – Экажево)

Важным подспорьем в хозяйстве являлась охота. В культурных отложениях памятников обнаружены остеологические остатки различных видов диких животных.

Таким образом, как показывают археологические материалы, в эпоху энеолита на территории Северного Кавказа, в том числе и Ингушетии, происходит окончательное складывание производящей формы экономики. Она базировалась прежде всего на земледелии и скотоводстве. Важное хозяйственное значение имели и различные ремесла, сформировавшиеся в относительно специализированные отрасли путем постоянного изготовления разнообразных каменных орудий, керамики, деревянных и костяных предметов. Структура социальной организации была представлена в виде родовой общины, о чем ярко свидетельствуют археологические источники. Материалы некоторых памятников, в особенности Нальчикского могильника, четко характеризуют особенности религиозных представлений энеолитического населения Северного Кавказа. Также они же позволяют осветить ряд вопросов, связанных с распространением культа предков у северокавказцев в указанный период.

Современные антропологи, изучив археологические материалы и антропологические данные, отметили, что «антропологический материал вполне убедительно свидетельствует об общности древнейшего населения Кавказа»[19], и пришли к выводу, что «на Кавказе культура древнего каменного века в основном принадлежала одному племени», представители которого имели кавказский (кавкасионский) антропологический тип,[20] который «среди ингушей… сохранился более чем у кого-либо из других северокавказских народов»,[21] и «можно считать, что племена, проживавшие на Кавказе в верхнем палеолите, были носителями языкового единства», последующая же эпоха неолита «является результатом развития местной культуры палеолита».[22]

2. Северный Кавказ в эпоху ранней бронзы

С середины IV тыс. до н. э. период энеолита на Северном Кавказе сменяется эпохой ранней бронзы. В это время здесь распространяются майкопская и куро-аракская археологические культуры. Майкопская культура была распространена на равнинной и частично предгорной территории Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии и западной части Чечни. В ареал куро-аракской культуры входила в основном горная часть Дагестана, Чечни, Ингушетии и Северной Осетии. В зоне стыка этих двух культур на территории Ингушетии исследованы памятники, имеющие характерный синкретический облик.[23]

Майкопская культура. В период с середины IV до конца III тыс. до н. э. территорию Западного и Центрального Кавказа занимали носители майкопской археологической культуры. Свое название культура получила от кургана у г. Майкоп, раскопки на котором были произведены Н.И. Веселовским в 1897 г.[24] Первоначально становление и развитие майкопской культуры шло на Северо-Западном Кавказе и в некоторых районах Центрального Кавказа. Затем, где-то около середины III тыс. до н. э., майкопцы начинают продвигаться в восточном направлении, проникая на территорию Северной Осетии, Ингушетии и Чечни.

Майкопская культура известна в основном по погребальным памятникам. Учтено и исследовано около 250 погребальных комплексов этой культуры, в большинстве своем представленных курганами.[25] Большое количество курганов данной культуры исследовано в районе селений Бамут и Аршты в Ингушетии, в окрестностях станицы Новосвободненской в Прикубанье, в бассейне рек Чегем и Баксан в Кабардино-Балкарии.

Курганный обряд погребения был доминирующим в майкопской культуре и практиковался на всей территории ее распространения. Как правило, насыпи курганов сооружались из земли или камня.[26] Первый прием характерен исключительно для ранних майкопских комплексов.[27]

Схематическая карта границ распространения культур ранней бронзы: а – куро-аракская, б – майкопская

Насыпи курганов имели различные размеры от небольших до 1 м в высоту и до гигантских, достигавших высоты от 5 до 11-12 м. Последнее обстоятельство резко выделяет майкопскую культуру среди перечня синхронных культур раннебронзового века Восточной Европы, для которых также был характерен подкурганный обряд погребения. Огромные насыпи над одним захоронением – это феномен сугубо майкопской культуры.[28]

Майкопские курганы имеют в большинстве своем сферические или округлые формы. Реже встречаются курганы овальных форм. В некоторых случаях встречается усеченно-конические формы курганов, когда вершина насыпи может иметь плоский вид. Памятник такого типа исследован у селения Заманкул в Северной Осетии.[29]

Курганы майкопской культуры иногда имеют в основании кромлехи и даже несколько кромлехов. В некоторых случаях они связаны с различными этапами возведения погребального сооружения.

Особняком среди указанных типов памятников стоит курган 1-го Самашкинского курганного могильника в Чечне. Здесь погребение в грунтовой яме было окружено тремя каменными кромлехами. Этот случай заметно выделяет этот памятник среди всех известных памятников позднего этапа майкопской культуры.

Под насыпями курганов майкопцев иногда обнаруживают довольно специфический способ устройства могилы в виде каменной выкладки в форме полумесяца или серпа.

Инвентарь погребений курганов у селений Бамут и Аршты

Внутри майкопских курганов имелись большие прямоугольные ямы, которые сооружались как непосредственно в грунте, так и на поверхности земли. Иногда углы ям округляли. Перекрытием материковых ям часто служили настилы из деревянных плах или коры, на которые иногда насыпались камни.

В некоторых случаях могила усопшего по краям оформлялась деревом в виде рамы или же рама сама могла быть поставлена на дно могилы. Иногда раму могли перекрывать деревом, и таким способом образовывались срубы.

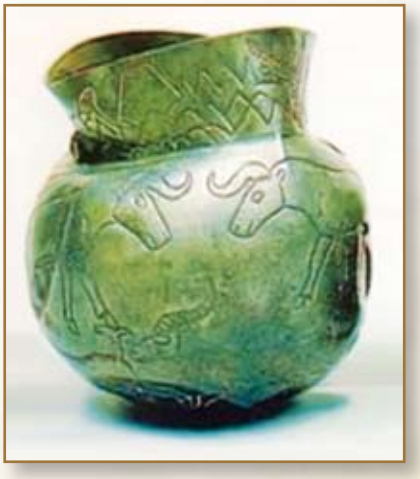
Часто могильная яма по контуру могла быть обведена каменной наброской. Известны случаи, когда в могиле сочетаются оба вышеописанных способа устройства погребальной конструкции. В результате обнаруживаются комплексы, состоящие из погребения с рамой и каменной обкладкой по контуру ямы.

Кроме ям и деревянных срубов в курганах майкопской культуры в большом количестве известны мегалитические гробницы – дольмены и каменные ящики из крупных плит. Они характерны для позднего этапа развития данной культуры.

В целом наравне с коллективными способами захоронений в майкопской среде практиковался и индивидуальный обряд погребения под основными курганными насыпями, который являлся довольно распространенным явлением.

В погребальном обряде носителей майкопской культуры имелись устойчивые традиции и некоторые из них дожили вплоть до ее заката. К стандартным элементам обрядности можно отнести обычай хоронить погребенного, скорченным на боку, несколько чаще – на правом боку. Расположение рук было неоднозначным. Они могли быть протянуты то к коленям, то к лицу, или же одна к коленям, другая к лицу.

Покойные чаще всего лежали в могиле головой на юг. Эта особенность погребального обряда также является традиционной практически для всех этапов майкопской культуры. Во многих могильниках встречены захоронения, в которых почти все усопшие были ориентированы в секторе север-юг или непосредственно близко к этому направлению.



Серебряный сосуд майкопской культуры

Майкопская керамика с Лугового поселения (с. Мужичи, Ингушетия)

Инвентарь в погребениях указанной культуры обычно ставился вдоль стенок могилы. Он состоял из сосудов, бронзовых ножей, тесел, топоров, разнообразных украшений и других предметов.

На одном из серебряных сосудов, найденных в майкопском погребении, имеется изображение горного хребта с остроконечными пиками. На месте, где цепь вершин разрывается, изображены два дерева, в пространстве между которыми стоит медведь. От подошвы горной цепи горизонтально идут две зигзагообразные линии, воссоединяющиеся на дне сосуда. В центральной части сосуда можно наблюдать рисунки стоящих в ряд двух быков, лошади и льва, на которых сидят птицы. На придонной части изображена полоса из чередующих друг друга животных – кабана, козла, барана и львицы. Считается, что горный хребет, изображенный на этом кубке, является панорамой высокогорной цепи Центрального Кавказа со своими главными вершинами Эльбрусом и Казбеком. Волнистые линии же, идущие из гор вниз, – это крупные горные реки.[30]

В погребениях майкопской культуры часто находят большое количество каменных (топоры, оселки, кремневые наконечники и т.д.), золотых и серебряных (колпачки, бусы, полоски серебра, фигурки быков и антилоп, розетки, сосуды и т.д.), бронзовых (котлы, кувшины, чаши, ножи-кинжалы, плоские ножи, разнотипные топоры, шила, топоры-тесла и т.д.) и керамических (горшки, различные сосуды) изделий, бусины из лазурита, сердолика, хрусталя, агата, пасты, кости.

Стоит отметить, что в целом, богатые захоронения встречаются и на позднем этапе майкопской культуры. Однако погребальный инвентарь этого времени не отличается той роскошью и изобилием, которым отчетливо характеризуются погребения раннего этапа культуры. Заметно выражены некоторые изменения связанные и с внутренним обустройством могил. В это время можно говорить уже о сложившемся многообразии форм погребальных сооружений майкопской культуры.

На территории Северного Кавказа, особенно в центральной ее части, где майкопцы активно взаимодействовали с населением куро-аракской культуры, встречаются памятники, имеющие ярко выраженный синкретический характер. Одним из наиболее изученных и известных памятников такого типа является Луговое поселение (Мужичи) в Ассинском ущелье Горной Ингушетии. Здесь обнаружены элементы как майкопской, так и куро-аракской культур. В частности, на этом памятнике, где более всего выявлены характерные черты куро-аракских традиций, в значительном количестве найдена и типичная круглодонная майкопская керамика.[31]

Такая же картина встречается и на другом памятнике Центрального Кавказа – в пещере Мыштулагтылагат в горной зоне Северной Осетии.[32]

Бытовые памятники майкопской культуры представлены небольшими поселениями. Они изучены несравненно меньше, чем погребальные памятники. В настоящий момент по разным данным известно от 17[33] до 30[34] поселений, оставленных майкопскими племенами.

Курган Аби-Гу. Конец III тыс. до н.э. Насыр-Корт

К последнему периоду существования майкопской культуры (конец III тыс. до н. э. – начало II тыс. до н. э.) относятся несколько курганов на территории Ингушетии: курган Аби-Гу на юго-восточной окраине Насыр-Корта, курган на городище Мурад-Боарз в Али-Юрте, Альтиевский курган на северо-западной окраине Альтиево и некоторые другие курганы.

Картографирование бытовых памятников майкопцев показывает, что они селились в основном вдоль речных систем. В предгорных районах в качестве места постоянного обитания использовались мысы, а на равнинной зоне – удобные естественные возвышенности. В некоторых случаях жилищами могли служить и небольшие гроты или пещеры. Толщина культурных напластований на этих поселениях достигает от 40 см до 1 м.

Майкопскими жилищами являлись небольшие турлучные постройки прямоугольных форм. Как правило, пол и стены этих жилищ обмазывались глиной. Они возводились из прутьев и досок небольшой ширины.

В майкопских жилищах очаги устраивались в центре постройки или же вдоль его стен. Они обычно частично впускались в грунт и были открытыми или аналогичными тондыру.

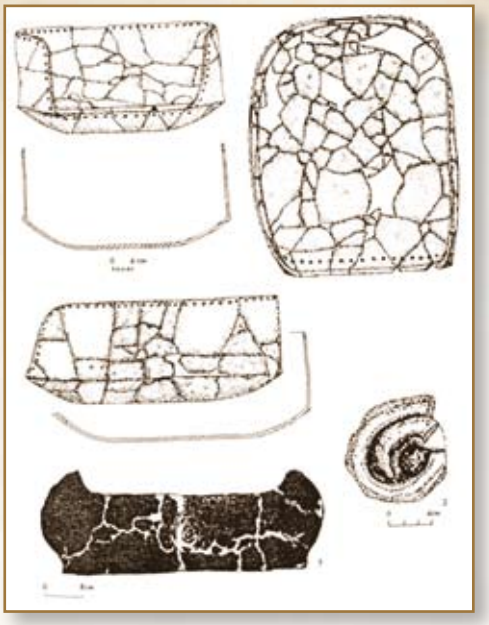
На многих поселениях находят большое количество хозяйственных ям. Они часто заполнены небольшими камнями, глиняными изделиями, фрагментами керамики, костями животных, различными орудиями. Некоторые ямы выкапывались вдоль линии стенок жилища и, возможно, являлись своеобразными емкостями для хозяйственных припасов.

Больше всего на поселениях майкопской культуры находят керамических изделий. Очень часто это разнообразная посуда различных форм и типов, часть которой изготовлена на гончарном круге. Как правило при раскопках находят кружки, миски, кубки, круглодонные сосуды с небольшими ручками, имеющие шарообразные или конусовидные тулова. Подавляющая часть майкопской керамики имеет охристый или красно-оранжевый цвета и покрыта ангобом и лощением. Встречается также и металлическая посуда.

Кроме отмеченного бытового инвентаря на поселениях майкопцев часто обнаруживают и другие категории предметов. На некоторых из них выявлены керамические жаровни, ножи, пряслица, вкладыши серпов, тесловидные орудия, терочники, молотки и другие изделия.

В стратиграфических слоях майкопских памятников обнаруживаются многочисленные предметы земледельческой культуры – зернотерки, песты ступок, вкладыши серпов. Нередки находки костей таких домашних животных, как корова, свинья, овца.

Таким образом, майкопская культура явилась знаковым явлением в жизни населения Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы. Археологические материалы показыва-



Экажевское поселение. Постройка. 1 – глиняная сковорода-«жаровня»; 2 – глиняная спираль – налепная декоративная деталь из заполнения печи-«кора»; 3 – глиняная «рогатая стенка очага-жертвенника

ют, что в своей основе она носила земледельческо-скотоводческий характер. Также хорошо представлены металлургия, гончарное и ювелирное дело. Раскопки погребальных памятников рисуют ярко выраженную имущественную дифференциацию в среде майкопских племен. Особым богатством отличаются мужские захоронения, что подчеркивает доминирование патриархального строя в обществе майкопских племен.

В конце III тыс. до н. э. происходит закат майкопской культуры, возможно связанный с массовым переселением майкопских племен в Переднюю Азию, где в последующее время возникает хурритская цивилизация. На месте майкопской культуры с начала II тыс. до н. э. распространяется северокавказская культура эпохи средней бронзы.

Куро-аракская культура. С середины IV по III тыс. до н.э. территория Центрального и Северо-Восточного Кавказа входила в ареал распространения куро-аракской культуры. В границы этой обширной культуры раннебронзового века входили также Закавказье, Северо-Западный Иран и Восточная Анатолия. Название культуре дано Б.А. Куфтиным от памятников со специфическим культурным обликом, открытых в долине рек Куры и Аракса в Закавказье.[35]

На территории Северного Кавказа памятники куро-аракской культуры исследованы в Дагестане, Чечне, в горной части Ингушетии и Северной Осетии.

Бытовые памятники этой культуры представлены небольшими поселениями, расположенными вдоль рек на узких холмах и небольших возвышенностях. Ряд поселений занимали несколько холмов, расстояние между которым было незначительным. Это обстоятельство было связано с использованием прилегавшей к основному жилому поселку территории для посевов различных культур и выпаса скота.

Жилища куро-араксинцев представляли собой наземные постройки, состоявшие из турлучных стенок. Как правило, на поселениях обнаруживают однокомнатные дома, возведенные из жердей и прутьев, обмазанных глиной. Жилые комнаты в плане округлой формы с треугольной или плоской крышей. К ним в некоторых случаях пристраивались различные хозяйственные помещения прямоугольных в основании форм.

Одними из самых изученных бытовых памятников куро-аракской культуры Северного Кавказа являются поселения Галгалатли, Гинчи, Мекегинская и Чиркейская в Дагестане, Сержень-Юртовская в Чечне, Луговое в Ингушетии. В последние годы этот перечень пополнился интересным памятником куро-аракской культуры около с. Экажево равнинной зоны Республики Ингушетия.[36]

На бытовых памятниках куро-аракской культуры исследователи часто находят круглоплановые жилища довольно крупных размеров. Их диаметр доходит иногда до 6 м. Они были построены из хорошо подогнанных камней на основе связующего раствора, состоявшего из смеси земли и глины.[37] В некоторых случаях дома разделялись с помощью перегородки на две части, каждая из которых имела свой очаг и вход. По сути это были

двухкомнатные жилые помещения. Печи в этих домах ставились в центре, на утрамбованном глиняном полу. Практически во всех случаях печи имели округлую форму.

Непременной деталью внутреннего интерьера ряда помещений были лежанки и сиденья. Они располагались большей частью вдоль стен и представляли собой кладку, сложенную из камней с последующей глиняной обмазкой.

На поселениях Северо-Восточного Кавказа исследованы типичные для куро-аракссской культуры глиняные передвижные очаги. Они имели круглые формы и достигали в диаметре от 20 до 50 см. Во внутренней части очаги имели треугольные выступы для поддержания сосудов. Удобство этих очагов состояло в том, что их могли переносить из одного места в другое. Аналоги таким уникальным устройствам не известны. Интересно, что рядом с этими очагами часто фиксируют очажные подставки подковообразных, цилиндрических форм. Многие из них представляли собой удлиненные прямоугольные кирпичи с рогообразными выступами. Один из таких типичных образцов очажных подставок найден на Экажевском поселении в Ингушетии.[38]

На куро-аракских поселениях археологи в большом количестве фиксируют хозяйственные ямы. Наравне с большими глиняными сосудами, они выполняли функции зернохранилищ. Предполагается, что в аналогичных ямах могли храниться и мясные продукты. В частности, на Экажевском поселении в таких ямах часто находили кости животных, относящихся к частям мясных туш.[39]

Важной отраслью экономики носителей куро-аракссской культуры являлось земледелие. Памятники содержат огромный материал, свидетельствующий о довольно высоком уровне развития земледельческого хозяйствования. Большое значение имело террасное земледелие, которое было распространено в горной зоне. Обработка земли производилась мотыгой. Также применялись другие орудия, предназначенные для вспашки земли, в том числе и простейший плуг. На куро-аракских памятниках часты находки жатвенных орудий, кремневых и бронзовых серпов, зернотерок, терочников. На многих поселениях найдены остатки злаков. Хранение зерна производилось в сосудах со специальными вентиляционными отверстиями под венчиком. Непосредственно размол зерна куро-араксинцы производили на традиционных зернотерках. До размола его обсушивали или обжаривали в специальных печах, одновременно служивших и для выпечки хлеба.

Среди посевных культур заметное распространение получили пшеница, ячмень и просо.[40] Считается, что племена куро-аракской культуры культивировали голозерные виды пшеницы – твердую и мягкую, двурядные и многорядные сорта ячменя и просо.[41]

Отмечены и случаи находок на бытовых куро-аракских памятниках зерен льна, из которых, возможно, изготавливались ткани. Отпечатки таких кусков тканей известны на сосудах в Луговом поселении в Ингушетии.[42]

Таким образом, археологические материалы показывают довольно высокое развитие уровня земледельческого хозяйствования у племен куро-аракской культуры. Исходя из большого числа находок остатков серпов, роговых мотыг, терочников и зернотерок на Сержень-Юртовском, Луговом и Экажевском поселениях, можно сделать вывод о важной роли земледелия в хозяйстве местных племен в эпоху ранней бронзы.[43]

Наряду с земледелием у куро-аракских племен шло развитие и другой ведущей отрасли производящего хозяйства – скотоводства. Исследования остеологических остатков из поселений ранней бронзы Центрального и Северо-Восточного Кавказа свидетельствуют о процессе вытеснения охоты скотоводством. Мясной рацион, связанный с охотничьим промыслом, занимает ничтожно малую долю в повседневной пище куро-араксинцев. Подтверждением тому могут служить данные из Экажевского поселения в Ингушетии. При

раскопках было обнаружено большое число остеологических остатков. Из них 362 принадлежали крупному рогатому скоту, 316 – мелкому рогатому скоту, 37 – свинье, 26 – лошади. Кости диких животных здесь встречены лишь дважды. Это кости оленя и кабана.[44]

Основным направлением в животноводстве племен куро-аракской культуры было разведение крупного рогатого скота и овцеводство. Широкое распространение получила яйлажная или полукочевая отгонная форма скотоводства, когда скот в летнее время перегонялся с равнин в горные районы, а зимой – обратно на равнину. Нередко в горных районах находят сезонные поселения скотоводов, отличающиеся отсутствием каких-либо долговременных жилых архитектурных построек. В основном это могут быть пещеры или удобные скальные навесы. Такие временные жилые отселки исследованы, например, в высокогорном Дагестане.[45]

Скотоводство обеспечивало население не только мясом, но и шерстью, а таже кожей животных, что в свою очередь позволяло в широком ассортименте изготавливать одежду. Кроме того большое развитие могла получить и специализация, связанная с производством молочных продуктов. Об этом свидетельствуют находки маслобоек на куро-аракских памятниках.

Достаточно высокого уровня в куро-аракской культуре достигли металлургия и металлообработка. Некоторые памятники указывают на существование полного процесса металлургического производства от выплавки руды до производства металлических предметов. Сам металлургический процесс базировался на местных рудах. На территории Северо-Восточного Кавказа выявлено несколько сот месторождений медных и полиметаллических руд, в большинстве своем тяготеющих к северным склонам Главного Кавказского хребта.[46] Их разработка еще в глубокой древности подтверждается рядом данных стационарных археологических исследований. В частности, на некоторых куро-аракских памятниках найдены каменные топоры-молоты с желобчатыми перехватами, исходя из факта неоднократной их фиксации вблизи рудных очагов, можно предположить, что они могли использоваться для отбивки и дробления руды. Другими находками являются топоры-клевцы, которые, как считают исследователи, применялись при горнорудных работах.[47] В Закавказье аналогичные орудия также встречались в районах, тяготевших к меднорудным бассейнам.[48]

Непосредственно металлолитейный процесс на куро-аракссских памятниках документируется находками на них литейных мастерских и предметов, связанных с литейным производством: литейных формочек, тигельков с застывшими в них капельками металла, каменных ступов, пестов, сопел.

Литейные формы были также обнаружены и на Гамурзиевском поселении в Ингушетии. Однако в научной литературе была опубликована лишь форма для отлива бронзовых серпов.[49] В настоящий момент на потревоженных участках и в срезах Гамурзиевского поселения можно наблюдать мощные выходы шлаков, фрагменты керамики куро-аракских форм, а также разрушенные печи и тигельки. По всей видимости, на месте Гамурзиевского поселения существовал крупный металлургический центр эпохи ранней бронзы.

Керамика куро-аракской культуры своеобразна и имеет свой, достаточно специфический облик. Имеющиеся на сегодня данные свидетельствуют о том, что гончарное производство у племен куро-аракской культуры находилось на довольно высокой ступени развития. Прогресс обнаруживается почти во всей технологии производства керамики, начиная от приготовления теста вплоть до выработки устойчивых форм и типов изделий и их термической обработки. Керамика изготовлялась из тщательно отмученной глины с включениями песка и дресвы. Из повседневного быта исчезает керамика из грубого теста с

добавками крупнотолченой дресвы, бытовавшей в эпоху энеолита. Посуда лепилась вручную без применения гончарного круга. Внешняя поверхность тщательно обрабатывалась, покрывалась ангобой, иногда стенки сосудов доводились до лощения. Некоторые образцы керамики имели орнаментацию из резных геометрических узоров или рельефных орнаментов из спиралей, концентрических кругов, валиков и прочих налепов. В ряде других случаев на стенках находят схематические изображения птиц и животных. Сосуды преимущественно окрашивались в серый и коричневый цвета, реже – красный и черный. Для керамических изделий куро-аракской культуры характерна разноцветная пятнистая поверхность, что связано с условиями термической обработки.[50] Наличие пятен на стенках сосудов связано со слабой температурой в топочных печах и неравномерным обжигом поверхностей посуды.

Форма и типы посуды весьма разнообразны. Это могут быть крупные сосуды, предназначенные для хранения зерна, воды, молочных и других продуктов. Один из таких типичных сосудов обнаружен на Экажевском поселении куро-аракской культуры.[51]

Достаточно широко представлена на куро-аракских памятниках кухонная и столовая посуда – миски, кружки, горшки, кувшины. При раскопках поселений также находят подставки для сосудов и крышки от них, имеющие форму круглого диска. Наибольшее количество находок посуды связаны с мисками. Их обнаруживают практически на всех памятниках куро-аракской культуры. Они имеют в большинстве своем ровные стенки, снабжены одной или двумя петлевидными ручками, в других случаях – ручками в виде горизонтальных выступов. С внутренней стороны края некоторых мисок оформлены в виде выступающего бортика, часто украшенного резным геометрическим узором. Миски в памятниках майкопской культуры и бытовых памятниках Закавказья встречаются редко, что позволяет говорить о них как о локальной особенности керамики северо-восточнокавказского варианта куро-аракссской культуры.[52]

Несколько меньшее распространение у куро-аракских племен Северного Кавказа получают горшки. Они как правило имели высокую горловину цилиндрической или конусовидной формы, сужавшейся от тулова к венчику. Почти все горшки имеют ручки с горизонтальным, овальным или круглым отверстием. Некоторые сосуды данного типа были орнаментированы резным или выпукло-вогнутым декором. Распространенным типом узора были заштрихованные треугольники, ромбики, кольцевидные налепы.

Морфологические особенности данного типа посуды является важнейшим характеризующим признаком куро-аракской культуры. Сосуды с такими специфическими формами горловины складывались на Кавказе еще в эпоху энеолита.

В достаточно большом количестве в куро-аракских памятниках известны и чаши. Они имели округлые, в некоторых случаях – остроребеpные бока и отогнутый наружу венчик. Широкое распространение данный тип посуды получил на Северо-Восточном Кавказе, особенно вдоль прикаспийских районов. В горной зоне аналогичная керамика встречается довольно редко, хотя так же как и горшки, является определяющим маркером куро-аракских керамических традиций. В Закавказье аналогичные сосуды представлены широко, включая территорию Грузии.[53]

Своеобразны и так называемые баночные сосуды. Они имели вертикальные или чуть расширяющиеся кверху стенки. Во многих случаях баночные сосуды снабжались одной или двумя петлевидными ручками. Посуда представленных форм встречается практически во всех памятниках куро-аракской культуры. В Ингушетии аналогичный баночный сосуд обнаружен в Эзмийском каменно-ящичном захоронении.[54]

Крупные сосуды, предназначавшихся для хранения сыпучих продуктов и жидкостей, представляют на куро-аракских памятниках тарную посуду. Они имеют несколько типов,

которые отличаются в основном по морфологическим особенностям. В частности, широко в домашнем обиходе куро-араксинцев были распространены крупные сосуды с узким дном и раздутым туловом, отделенном валиком или перегибом от горловины цилиндрических форм. Часто такие сосуды снабжались тремя крупными ручками, расположенными в нижней части тулова на одной горизонтальной линии. На ряде из них имелся рельефно выделяющийся орнамент в виде буквы «М».

Другие тарные сосуды несколько отличались от описанных выше форм отсутствием выделенной горловины и наличием четырех ручек. Две из них прикреплялись к основанию венчика, а ручки более крупных пропорций непосредственно к тулову сосуда. Данные типы посуды имели несколько более вытянутые размеры по высоте.

Также среди тарной керамики на памятниках куро-аракской культуры встречаются пифосообразные сосуды яйцевидных форм с тремя ручками и аналогичные образцы с короткой воронкообразной горловиной и резко отогнутым венчиком. Часто они покрыты орнаментом в виде узоров из рельефных спиралей, концентрических кругов.

Таким образом, керамическое производство в среде куро-аракского населения Северного Кавказа базировалось на гончарных традициях предшествующей неолитической эпохи данного региона. В силу географического положения территории, занятой куро-араксинцами, формирование технологического и морфологического облика керамики здесь шло под неуклонным влиянием различных культурных традиций. К сугубо местному компоненту относится способ обмазки сосудов жидкой глиной, некоторые приемы орнаментации, в частности, наличие валиков, опоясывающих сосуды у края венчиков. Данный вид орнамента был довольно устойчивым и получил распространение в более поздних местных бронзовых культурах. Инородное влияние на керамику куро-аракской культуры Северного Кавказа выявляется в манере декорирования сосудов спирально-концентрическими кругами. Данная традиция оформления посуды широко засвидетельствована в куро-аракских памятниках Закавказья и Восточной Анатолии. Появление сосудов с орнаментом в виде спирально-концентрических кругов в памятниках Северного Кавказа связывается с поздним этапом эпохи ранней бронзы.[55] Соответственно с южным импульсом связывается и своеобразное оформление краев мисок внутренними орнаментированными бортиками.[56] Есть также ряд других данных позволяющих говорить о несомненном влиянии закавказских традиций на керамическое производство куро-аракского населения Северного Кавказа.

Погребальные памятники куро-аракской культуры в целом отличаются многообразием форм внутреннего и внешнего устройства. В ряде из них есть и некоторые локальные особенности, которые свойственны для определенных территориальных зон. Последнее, по-видимому, связано как со сложными физико-географическими особенностями Северного Кавказа, так и направлением культурных и экономических контактов местного населения эпохи ранней бронзы.

Могильные сооружения куро-аракского населения Северного Кавказа представлены каменными ящиками, курганами, катакомбами, склепами, грунтовыми погребениями в ямах. Такое многообразие форм погребальных памятников отражает чрезвычайно сложные и неоднородные идеологические представления у населения эпохи бронзы данного региона.

Погребальные памятники куро-аракской культурно-исторической общности, исследованные на территории Центрального Кавказа, расположены в предгорных и высокогорных районах.

Широко известны в науке могильники Загли I и II, а также Нижнекобанский могильник куро-аракской культуры в Северной Осетии. Могильник Загли I был частично изучен

Е.И. Крупновым.[57] В период с начала 1980-х по конец 1990-х гг. памятник исследовался В.Л. Ростуновым, которым здесь было вскрыто более 40 погребений. Им же при раскопках в 1983 г. также был открыт могильник Загли II, где было раскопано два погребения.[58]

В могильниках Загли I и Загли II, расположенных в местности Загли Барзонд, были исследованы каменные ящики и гробницы с левобочными и правобочными погребениями, ориентированными в разных направлениях. Раскопаны как одиночные, так и парные захоронения. Инвентарь, найденный в захоронениях, состоял из различных украшений, предметов вооружения, керамики. Наиболее многочисленна керамика. Она состояла из различных типов сосудов: горшков, кувшинов, чаш, кружек и т.д. В основном посуда имеет коричневый или серо-коричневый цвета.

В круг погребальных памятников куро-аракской культурно-исторической общности Центрального Кавказа входит также и Нижнекобанский могильник в Северной Осетии. Он был случайно выявлен в 1978 г. археологом Н.И. Гиджрати во время прокладки дороги. Позднее этот памятник был исследован В.Л. Ростуновым, которым были проведены раскопки 8 погребений.[59]

Большинство погребений на Нижнекобанском могильнике состоят из каменных ящиков в виде четырех вертикально поставленных плит. Также на памятнике были открыты склепы, возведенные из отесанных камней, торцовые части которых составляли плиты, поставленные на ребро. Связка камней и плит была произведена с помощью глинистого раствора. Дно ящиков было вымощено мелкой галькой и каменными плитами. Покойники лежали в скорченном положении на боку, головой как на север, так и на юг. В изголовье погребений были устроены каменные подушки. При расчистке ящиков обнаружены многочисленные украшения. В гробницах Нижнекобанского могильника найдены бронзовые браслеты в 1,5-3 оборота, двухволютные и Т-образные булавки. Также найдены булавки с разделенными волютами и петлевидной головкой. Интересны серебряные и бронзовые височные подвески в 1,5-3 оборота, спиральные и трубчатые пронизи. Разнообразны и бусы. Они представлены несколькими типами, включающими бронзовые и пастовые цилиндрические, плоские круглые сердоликовые и биконические бусы из горного хрусталя. Помимо этого, вещевой комплекс нижнекобанских захоронений состоял из различных предметов культового характера. К ним можно перечислить каменную модель фаллоса, амулеты из медвежьего клыка и обработанных собачьих зубов.

Сведения о погребальном обряде куро-аракских племен Центрального Кавказа дополняются также интересными материалами из Дзуарикауских курганов в предгорной зоне Северной Осетии. Здесь раскопками Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова были изучены курганы, внутри которых были устроены каменные ящики и гробницы. Последние имели булыжниковую надсыпку и были ориентированы по сторонам света в разных направлениях. При расчистке обнаружены погребения со скорченными костяками. Покойников сопровождал различный вещевой инвентарь, состоявший из многочисленных керамических изделий, украшений из разнообразных пастовых цилиндрических бус, бронзовых булавок, браслетов. Керамика представлена характерными для куро-аракской культуры мисками, горшками и другими типами сосудов, имеющих близкие параллели с посудой из аналогичных памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа, а также Закавказья.[60]

На территории высокогорной зоны Ингушетии куро-аракскими племенами оставлены такие известные погребальные памятники как Эгикальский могильник и Эзмийское каменно-ящичное захоронение.

Эгикальский могильник расположен в Таргимской котловине на южных склонах Скалистого хребта к западу от средневекового башенного поселения Эгикал. Он был открыт и ста-

ционарно изучен Б.М. Хашагульговым в 1988 г.[61] На этом могильнике были исследованы каменные ящики и гробницы с характерным куро-аракским вещевым комплексом. Непосредственно каменные ящики состояли из поставленных на ребро каменных плит, перекрытых мощной каменной наброской. Другие типы могильных сооружений, обнаруженные на данном некрополе, можно назвать склепами или гробницами. Однако они датируются В.И. Марковиным несколько более поздним временем и отнесены к кругу древностей так называемой северокавказской культурно-исторической общности около середины II тыс. до н.э.[62] Куро-аракские же захоронения Эгикальского могильника важны по ряду некоторых материалов. В частности, погребальный обряд в каменных ящиках здесь был представлен следующим образом. Покойники лежали скорченно, на левом боку, по линии с северо-запада на юго-восток. Сопроводительный инвентарь включал кремневые наконечники стрел, бронзовые серьги в 1,5 оборота, а также большое количество сосудов, располагавшихся вдоль торцовых северо-западных стенок. Наиболее многочисленна на Эгикальском могильнике керамика, для которой свойственны все основные признаки ведущих форм куро-аракской керамической традиции. В каждом из двух ящиков найдены по три сосуда, представлявшие собой двуручные горшки и одноручные кувшины. Практически все сосуды имели коричневые или розово-коричневые цвета. Орнамент отсутствовал, за исключением одного кувшина. На его верхней части тулова был нанесен узор в виде косых параллельных линий. В целом, указанные куро-аракские каменно-ящичные погребения Эгикала датированы В.Л. Ростуновым и Б.М. Хашагульговым концом III тыс. до н. э.[63]

В перечень памятников куро-аракской культурно-исторической общности на территории Ингушетии входит и Эзмийское каменно-ящичное захоронение, расположенное к западу от с. Эзми, на склоне холмистой возвышенности, на самом стыке Дарьяльского и Джейрахского ущелий, относящееся к концу III тыс. до н. э.[64]

Погребальные памятники Ингушетии, относящиеся к кругу древностей куро-аракской культурно-исторической общности, по своим некоторым особенностям тяготеют к таким памятникам, как Нижнекобанский могильник, а также могильники Загли I и Загли II в Северной Осетии. Возможно, этот факт отражает общность идеологических и духовных представлений куро-аракских племен, обитавших в горных районах Ингушетии и Северной Осетии в конце III тыс. до н. э. Такое толкование исторической ситуации в данном регионе Северного Кавказа в конце эпохи ранней бронзы видится вполне правомерным, так как для активного взаимодействия и налаживания культурно-экономических контактов между местными племенами имелись все предпосылки. Этому могли способствовать и ландшафтно-географические особенности местного рельефа. Так между горными районами Ингушетии и Северной Осетии отсутствуют естественные преграды в виде высоких горных хребтов, проходящих в меридиальном направлении. Археологическими исследованиями показано, что даже Главный Кавказский хребет не являлся непроходимым барьером для древних людей, так как еще в каменном веке он неоднократно пересекался первобытным человеком.[65] Поэтому наличие возможных контактов между куро-аракскими племенами горных районов Северной Осетии и Ингушетии в конце эпохи ранней бронзы видится вполне допустимым и закономерным. Это подтверждается и схожестью могильных конструкций, обряда погребения и в целом общих черт материальной культуры, засвидетельствованных в археологических памятниках куро-аракской культурно-исторической общности данного региона.

Куро-аракская культура, распространившаяся на значительной территории Северо-Восточного и части Центрального Кавказа, в своей основе носила земледельческо-скотоводческий характер. Большое развитие получила металлургия и металлообработка.

В основном куро-аракские племена занимали горные и предгорные районы, что документируется наличием в этой зоне большого числа археологических памятников.

Таким образом, на территории Северного Кавказа в эпоху ранней бронзы существовали две археологические культуры – майкопская и куро-аракская. Первая охватывала предгорные районы Северо-Западного и Центрального Кавказа, вторая – некоторые горные районы центральной части Кавказа и территорию Северо-Восточного Кавказа. В зоне стыка культур, в основном на территории Ингушетии, встречаются памятники с синкретическим обликом, для которых свойственны элементы как майкопской, так и куро-аракссской культур. Для двух указанных культур было характерно довольно развитое скотоводство и земледелие, гончарное и ювелирное дело, металлургия и металлообработка.

3. Северный Кавказ в эпоху средней бронзы

Мощные раннебронзовые археологические культуры на территории Северного Кавказа, которыми являлись майкопская и куро-аракская, не сошли с исторической арены бесследно. На месте их бытования в последующую эпоху средней бронзы образовались несколько культур, имевших ряд общих признаков, и подчеркивавших генетические связи с культурами предшествующего времени. На Западном, Центральном и части Северо-Восточного Кавказе сложилась северокавказская культура. На Северо-Восточном Кавказе в данную эпоху существуют гинчинская, присулакская, великентская, манасская культуры.

Еще в начале прошлого века известный русский археолог В.А. Городцов выявил на Северном Кавказе ряд археологических памятников, имеющих общее структурное единообразие. Он объединил выявленный круг памятников в одну культуру, которую он назвал «северокавказской»[66]. Это название надолго закрепилось в научной литературе. При этом в последнее время появились новые работы, в которых предложены другие формулировки названия этой культуры – «кубано-терская».[67] А.А. Иессен выделял в северокавказской культуре «раннекубанскую» и «среднекубанскую» культуры, а также кабардино-пятигорские группы памятников.[68] А.А. Спицын, на основе изучения, главным образом, погребальных памятников, указывал на существование на Северном Кавказе двух специфичных районов: «кубанского» – с доминированием погребений в грунтовых ямах, и «терского» – с преобладанием каменных гробниц.[69] Е.И. Крупнов, изучая культуры эпохи средней бронзы Северного Кавказа, выделял в центральной его части самобытную дигорскую культуру.[70] Она была характерна для предгорных и горных районов западной части современной Северной Осетии. В.И. Марковин выделял внутри северокавказской культуры прикубанскую, центральную (с включением двух отдельных групп: дигорской и кабардино-пятигорской) и восточную, характерную для районов Прикаспия.[71] Еще один вариант в структуре северокавказской культуры был выделен А.Л. Нечитайло в горных районах Карачаево-Черкесии.[72] Таким образом, в итоге длительного изучения северокавказской культуры было установлено, что она состоит из ряда родственных культур, поэтому было принято общее наименование последних «северокавказская культурно-историческая общность».

В формировании и сложении этой культуры активное участие приняли майкопские племена, хотя на заре становления она испытала и несомненное влияние со стороны куро-аракских племен. На сегодняшний день изучено большое количество памятников северокавказской культурно-исторической общности, в которых отмечены элементы майкопской культуры. Такие памятники отмечены в бассейне р. Кубань у станиц Воздвиженской и

Сосуды из Малгобекского кургана. II тыс. до н. э.

Казанской, Хатажукаевского аула и др.[73] Здесь были исследованы погребения со скорченными костяками, окрашенными охрой. На дне могильных сооружений была выявлена галька, что вместе с указанными выше признаками характерно для погребального обряда майкопских племен. Вместе с тем в могилах были выявлены предметы, отличающиеся от майкопских. Особенно выделялись сосуды с оттисками штампов и веревочками.

Интересный памятник исследован в Кабардино-Балкарии у селения Соломенка. Здесь был раскопан крупный курган, содержавший скорченные костяки с типичными сосудами майкопской культуры. Здесь же были выявлены предметы из бронзы, декорированные выпуклым орнаментом, датировавшиеся периодом средней бронзы. Последние были более свойственны для среднекубанских памятников.[74]

С майкопской культурой имеют генетическую связь и ряд других элементов погребального обряда племен северокавказской культурно-исторической общности. В частности, к этому можно отнести обычай возведения курганов. Причем при строительстве курганов насыпи возводились не только из земли, но и из камня, что также характерно для майкопцев. Такого рода памятники изучены на Константиновском плато близ Пятигорска.[75] Аналогичные же памятники изучены также и в Северной Осетии, где в окрестностях с. Дзуарикау раскопаны крупные курганы, насыпи которых состояли из большого количества камней. Кроме того вокруг погребенных были зафиксированы кольцевые кромлехи, также оформленные камнем.[76]

Влияние куро-аракской культуры на северокавказские племена ощущается прежде всего в районах Северо-Восточного Кавказа. В большинстве своем такие памятники открыты в прикаспийских районах. Особенно сильное влияние наблюдается в керамике. В частности, к этому следует отнести оформление некоторых типов глиняной посуды с резким членением их профиля, яркое лощение. Кроме того, ручки ряда сосудов имеют округлые или полушаровидные формы, что также сближает их с керамическими традициями куро-аракских племен.

Также предполагается влияние на формирование северокавказской культурно-исторической общности и степных племен эпохи средней бронзы. Реминисценции такого характера исследователи видят в некоторых типах орнаментации посуды северокавказцев, деталях погребального обряда, в наличии в данном регионе катакомбных погребений явно степного происхождения. Вместе с тем нужно отметить, что массовая инфильтрация на Северный Кавказ кочевого степного населения и несомненное влияние куро-аракских племен не могли иметь решающего значения в формировании северокавказской культурно-исторической общности. В любом случае, их следует рассматривать только лишь как дополнительный компонент. Органическая же связь северокавказской культурно-исторической общности с майкопской культурой настолько очевидна, что последняя сегодня может рассматриваться как единственно возможное ядро, генетическая основа ее формирования, оказавшая огромное влияние и на последующее развитие данного культурного феномена.

Широкомасштабные исследования, проведенные за последние три десятилетия в изучении северокавказской культурно-исторической общности, позволили существенно скорректировать ее хронологические рамки. Сегодня нижняя дата северокавказской культурно-исторической общности имеет период не позднее рубежа III-II тыс. до н. э.

По мнению ряда исследователей, развитие племен северокавказской общности можно разделить на три этапа. Первый этап может быть датирован приблизительно от самого конца III тыс. до н.э. и примерно до 1800-1700 гг. до н. э.

Второй этап – время расцвета – шел постепенно, без резких скачков. Хотя именно в этот период и происходят изменения в обряде захоронения, в частности, переход от древней южной ориентировки тел в погребениях к западно-восточной, реже северной. Теперь часто хоронят в вытянутом положении на спине, уменьшается использование красной охры в погребениях. Именно в этот период наиболее ярко начинают проявляться локальные культурные особенности, характерные для отдельных районов Северного Кавказа. Эти изменения приходятся на середину II тыс. до н. э., точнее в пределах 1700-1500 гг. до н.э. и наиболее полно характеризуют все вехи технического прогресса, достигнутые северокавказцами в эпоху средней бронзы.[77]

Завершающий этап северокавказской культуры недостаточно изучен. В данный период происходит активная инфильтрация носителей степных культур в равнинную и предгорную зону Северного Кавказа, начавшаяся еще около 1700 г. до н. э. В это же время в местных памятниках появляются инородные предметы и элементы погребальной обрядности, нехарактерные для культурных традиций северокавказского населения. Со степными истоками, по мнению ученых, необходимо связывать декор в виде шнура на посуде северокавказцев, а также бронзовые молоточковидные булавки[13]. Отражением несомненных связей с населением Южнорусской равнины следует считать и деформированные черепа в могильниках северокавказской культурно-исторической общности. Данный обычай не был характерен для местного населения, но имел большое распространение среди носителей катакомбной культуры. На территории Северного Кавказа изучены курганы с впускными катакомбными погребениями, с курильницами и камышовыми подстилками, что также является характерной чертой культурных традиций степного населения. В целом, как полагают исследователи, степные племена проникали на Северный Кавказ из районов Волго-Манычского междуречья. Их массовое продвижение на юг было вызвано экономическим фактором, прежде всего, потребностью в новых пастбищах и металле. Во второй половине II тыс. до н. э. связи со степными племенами заметно ослабевают. На это время приходится и завершающий этап северокавказской культурно-исторической общности, примерно охватывающий период 1400-1200 гг. до н. э.

Одним из ярких памятников эпохи средней бронзы на Северном Кавказе является Гатын-Калинский могильник в Чечне. Здесь открыто около 40 захоронений в грунтовых ямах и склепах, в некоторых из них было погребено до 10 человек. Усопших хоронили в вытянутом положении на спине. Их сопровождал разнообразный инвентарь, состоящий из каменных наконечников булав, топоров, различных украшений, в том числе – булавок с дисковидными и роговидными навершиями, браслетов и подвесок. На могильнике Гатын-Кале широко представлена и керамика.[78]

Интересный памятник, на котором отмечены признаки сразу нескольких культур развитой бронзы, исследован у села Бамут на границе современных Ингушетии и Чечни. Здесь, в частности, изучены подкурганные захоронения, где выявлены элементы северокавказской, майкопско-новосвободненской и катакомбной культурно-исторических общностей. В погребениях северокавказской общности скелеты лежали как на правом, так и

на левом боку с подогнутыми ногами. Головой усопшие были обращены на запад или восток. Погребения содержали большое количество вещей, которые состояли из керамики, различного рода украшений, ряда предметов оружия и быта.[79]

На территории Ингушетии эпоха средней бронзы представлена рядом памятников, изученных почти во всех ее физико-географических зонах. Сюда входят как случайные одиночные находки, так и погребальные и бытовые памятники данного времени.

Среди случайных находок на территории Ингушетии, относящихся к периоду средней бронзы Северного Кавказа, имеются археологические предметы, происходящие из окрестностей селений Верхний Алкун, Гоуст, ст. Орджоникидзевской. Из селения Верхний Алкун происходит каменный сверленый топор из серожелтоватого плотного песчаника. Он типологически близок каменным топорам Северо-Западного Кавказа и Подонья.[80] Из окрестностей селения Гоуст Джейрахского ущелья Горной Ингушетии известна случайная находка бронзового ножа.[81] Еще один топор так называемого кабардино-пятигорского типа, обнаружен в карьере у ст. Орджоникидзевской. Он был изготовлен из гранита.[82]

Погребальные традиции носителей северокавказской культурно-исторической общности на территории Ингушетии демонстрирует известный памятник эпохи средней бронзы – Галашкинский грунтовый могильник. Он открыт на северной окраине с. Галашки. Здесь исследовано восемь погребений в грунтовых ямах, обложенных и заваленных булыжником и совершенных в скорченном положении с невыдержанной ориентировкой. Могильник по погребальному инвентарю был датирован эпохой средней бронзы (середина II тыс. до н.э.). Проведенные раскопки дали возможность получить богатый материал, характеризующий материальную и духовную культуру местного населения. По мнению исследователей, могильник принадлежит культурной среде центральной части Северного Кавказа, имевшей тесные контакты с древними культурами Грузии.[83]

Носители северокавказской культурно-исторической общности широко практиковали обычай захоронения в курганах. На Северном Кавказе известно большое количество памятников данного типа. На территории Ингушетии такие памятники исследованы в окрестностях ст. Нестеровской и г. Малгобека. Возможно, к эпохе средней бронзы относятся и часть курганов, исследованных у с. Базоркино и Назрани.[84]

Курган, изученный вблизи ст. Нестеровской, имел небольшую каменную наброску, преимущественно состоявшую из окатанного речного булыжника. Непосредственно в центре кургана обнаружены остатки деревянной колоды с костяком, ориентированным головой на северо-восток-восток. Погребальный инвентарь состоял из бронзового наконечника стрелы, каменных ядер, терочника, каменного сверленного топора и керамического горшочка с темно-красным порошком.[85] Памятник датирован эпохой средней бронзы, точнее, второй половиной II тыс. до н. э.[86]

Сосуды из могильника Экажево II, курган 1

Еще один курган, давший разнотипный материал эпохи средней бронзы, раскопан на восточной окраине г. Малгобек.[87] Курган имел высоту 2,6 м при диаметре 35 м. В его центральной части обнаружено одно индивидуальное погребение, которое оказалось разрушенным. Кости погребенного были окрашены в красный цвет. Непосредственно из сопроводительного инвентаря в

Могильник Экажево II, курган 1, Погребение 5. Предметы погребального инвентаря

кургане были обнаружены три сосуда. Два из них представляли собой посуду бытового назначения – кубковидный горшок и кувшин черного цвета. Поверхность сосудов местами была залощена. Один из них – кувшин – был покрыт обильным орнаментом в виде горизонтальных зигзагов и характерным для средней бронзы декором в виде елочки.

Наибольший интерес среди погребального инвентаря Малгобекского кургана вызывает культовый сосуд – курильница. Он имел диаметр до 20 см при общей высоте в 9,5 см. Чаша курильницы имело боковое отделение. На ее дне отмечались следы сильного, но непродолжительного огня. Курильница имела крестовидную подставку, на который был нанесен орнамент. Венчик чаши также был украшен орнаментом, представлявшим собой мелкий угловатый штамп. Бортик же сосуда имел орнаментацию в виде угла, заключенного в треугольник.

Малгобекский курган с его набором керамических сосудов был датирован в пределах середины II тыс. до н.э. и отнесен к кругу памятников северокавказской культуры.[88]

Значительное число погребений северокавказской культурно-исторической общности изучены в Ингушетии в зоне строительства г. Магас. Здесь в зоне путепровода, а также под курганом 5 могильника Экажево I и курганом 1 могильника Экажево II открыты и исследованы 26 захоронений периода средней бронзы.[89] Материалы, изученные на этих памятниках, характеризуют практически все этапы развития северокавказской культурно-исторической общности, начиная от самой ранней стадии ее формирования вплоть до ее завершающего финала. Исследованные здесь памятники имеют ряд специфических черт, несколько отличающих данные комплексы от других известных среднебронзовых могильников Северного Кавказа.

Захоронения указанного времени на могильниках Экажево I и Экажево II совершались в глубоко впущенных в материк ямах. В основном, особенно в ранних погребениях, представлены ямы со своеобразным конструктивным элементом – заплечиками. В ямах без заплечиков для усопшего устраивалось ложе из тонких деревянных плашек. В засыпке погребений использовался камень. Погребенные тела чаще лежат вытянуто на спине, реже – скорченно на левом боку. Вещевой инвентарь был однороден и выделяется, прежде всего, наличием большого количества металлических украшений. Они представлены преимущественно ложковидными подвесками, уплощенно-сферическими и бочонковидными бусами. Предполагается также возможное наличие у погребенных и головных уборов, которые, по всей видимости, были в погребениях 2 и 17 кургана 1 могильника Экажево II.

Достаточно слабо в ранних погребениях, исследованных на территории г. Магас, представлены керамические изделия. Можно даже говорить о практически полном их отсутствии. В частности, во всех раскопанных в Магасе ранних погребениях найден лишь один

сосуд. Это плоскодонный профилированный одноручный сосуд коричневого и темно-серого цвета с шаровидным туловом. На его плечиках был нанесен геометрический орнамент в виде врезных продольных зигзагов, а также наклонных и горизонтальных линий.

Другую, более позднюю группу памятников эпохи средней бронзы на территории г. Магас образуют захоронения в зоне строительства путепровода и впускное погребение 13, помещенное в насыпи кургана 1 могильника Экажево II. Погребения здесь были совершены в широких прямоугольных ямах, часто с заплечиками. В засыпке погребений использовался камень. Усопшие были уложены скорченно, как правило на левом боку. Погребенные были обращены головой на юг, север или восток. Погребальный инвентарь состоял из небольшого числа украшений, представленных височными кольцами, стеклянным бисером, каменными бусами и керамикой. В то же время в вещевом наборе мало металлических изделий. Керамические изделия представлены пятью целыми и шестью фрагментарными сосудами. Это плоскодонные формы с ребристым туловом и короткой шейкой с двумя и одной ручками, небольшой баночного вида сосуд с загнутым внутрь краем и плоскодонная чаша. На некоторых сосудах в верхней их части имелся орнамент с элементами зигзага и елочки.

Вызывает чрезвычайный интерес система расположения могильных ям и погребальный обряд захоронения в путепроводе. Ямы погребений располагались по одному принципу – цепочкой по кольцевой дуге вокруг центрального погребения. Не установлен ни один случай их перекрывания друг с другом. Предполагается, что данные погребения могли быть отмаркированы на поверхности насыпи кургана, и что они могли совершаться в течение короткого промежутка времени. Вероятно, это должно свидетельствовать об использовании данных погребальных комплексов определенными группами местного населения, ограниченными по родовому принципу.[90]

Указанные группы памятников с территории строительства г. Магас отнесены к памятникам северокавказской культурно-исторической общности. Полученные здесь материалы представляют разные ее этапы, по существу демонстрируя эволюционное развитие этого культурного феномена в данном регионе.

Еще один погребальный памятник на территории г. Магас, характеризующий культуры развитой бронзы Северного Кавказа, изучен на участке строительства здания УФСБ по РИ. Это захоронение, совершенное в три яруса в округлой в плане яме, не имевшее курганной насыпи. Само захоронение было окружено кольцевым кромлехом из речного булыжника. В засыпке также обильно использовался камень. Погребения находились в центральной части памятника, где под каменным закладом были выявлены остатки одного и два целых скелета – мальчика 10 лет и молодого человека около 20 лет. Усопшие были уложены в сильно скорченном положении на правый бок и обращены головой на восток. У пяточных костей погребенных обнаружены следы охры. Каких-либо находок сопроводительного инвентаря не сделано. Дата данного погребального комплекса определена в рамках XX–XIX вв. до н. э., а этнокультурная принадлежность связана с постъямными традициями локальной предкавказской раннекатакомбной группы зоны предгорных равнин верхнего течения р. Сунжи.[91]

Отмечавшаяся исследователями сложность этнических процессов на Северном Кавказе в период бытования северокавказской культурно-исторической общности отразилась в активной инфильтрации в зону ее распространения носителей степных культур, в частности катакомбников. Их оседание на равнинах Предкавказья и даже в предгорных зонах Северного Кавказа широко засвидетельствовано археологическими источниками. Один из таких памятников изучен в Ингушетии. В селении Средние Ачалуки обнаружено и иссле-

довано захоронение, имевшее характерный облик погребальных традиций катакомбной культурно-исторической общности. Разрушенное еще в древности, данное погребение было совершено в небольшой катакомбе на глубине около 3 м от дневной, поверхности. Вещевой инвентарь из захоронения состоял из двух сосудов – горшка биконической формы и коричнево-глиняной курильницы катакомбного типа. Горшок был покрыт орнаментом в виде продольных зигзагов под веничком и по ребру. В верхней части сосуда отмечался декор в виде елки и треугольников с насечками, вписанных друг в друга.

Несомненный интерес представляет курильница. Она, как и курильница из Малгобекского кургана, имела боковое отделение и крестовидную подставку.

Чаша сосуда с внешней стороны была покрыта пышным орнаментом, нанесенным шнуром и штампом. Диаметр курильницы – 16,6 мм, высота – 8 мм.

Указанное Ачалукское захоронение, на основе данных анализа погребального инвентаря, отнесено к 1700-1500 гг. до н. э.[92] Вместе с тем отмечен и синкретический облик памятника, имеющего с одной стороны характерные черты северокавказской культурно-исторической общности, с другой – явно доминирующие элементы катакомбной культуры.

Материалы Ачалукского и Малгобекского захоронений наглядно иллюстрируют появление на равнинной части территории Ингушетии носителей степных культур, в чем мы видим проявление части общей южной миграционной волны населения Южнорусской равнины периода средней бронзы, продвинувшейся, как известно, к степям и предгорьям Северного Кавказа.

Многообразие религиозных взглядов, бытовавших в среде северокавказского населения эпохи средней бронзы, отражается прежде всего на разнообразии типов могильных сооружений и обряде погребения. Кроме того, наблюдаются отличительные черты памятников, расположенных в разных физико-географических зонах северокавказского региона. Особенно специфическими признаками характеризуются объекты, изученные в горных районах. Исходя из этого обстоятельства, памятники горной зоны Северного Кавказа признаются как особый этнокультурный массив в рамках системы материальной культуры и культовых верований населения Большого Кавказа периода средней бронзы.[93]

В высокогорной зоне Северного Кавказа погребальные сооружения местного населения, относящиеся к указанной эпохе, представлены почти исключительно каменными ящиками и подземными склепами. Один из таких памятников, полностью состоящий из склепов, открыт и исследован у селения Эгикал в Горной Ингушетии. Его стационарное изучение дало яркие материалы периода развитой бронзы. Данный могильник располагался на западной окраине с. Эгикал и состоял из 10 подземных склепов, имевших прямоугольную в плане форму. Камеры погребения одиночные, имели в некоторых случаях Г-образные каменные полочки и входные квадратные лазы. Склепы перекрыты довольно крупными каменными плитами. Постройки сложены насухо, без применения связующего раствора. Погребенные тела в склепах лежали в скорченном положении на боку. Их сопровождал разнообразный вещевой инвентарь, состоявший из украшений, предметов вооружения, керамического материала. При расчистке выявлены браслеты, подвески, булавки, кремневые наконечники стрел, бронзовые клинки, различные сосуды. Эгикальский склеповой могильник относится к середине – концу II тыс. до н. э.[94]

В отличие от погребальных памятников бытовые памятники Северного Кавказа эпохи средней бронзы изучены довольно слабо. Вместе с тем без анализа поселенческих археологических материалов невозможно иметь целостное представление о хозяйственной жизни северокавказцев в данную эпоху, уровне развития производительных сил, состоянии экономики и специфики повседневной бытовой инфраструктуры. Частично такое представ-

ление о быте северокавказцев указанного времени дает нам один из редких бытовых памятников средней бронзы, изученный в окрестностях селения Гатын-Кале в Чечне. Здесь было исследовано жилище, представляющее собой турлучную постройку, обмазанную глиной. Его площадь доходила до 25-30 квадратных метров. Жилище было разделено на два помещения каменной перегородкой. В одном из помещений находился очаг в виде заглубленной в материк ямы, выложенной по периметру камнями. Около очага найдены кости животных и фрагменты глиняной посуды. Пол жилища был вымощен каменными плитами. Непосредственно к помещениям был пристроен небольшой навес длиной 3 м и шириной около 1,5 м. Внутри и около жилища найдены обломок зернотерки, пест-терочник, костяное шило, фрагменты глиняной посуды, кости свиней, коров, овец и косули.[95]

На фоне крайне низкой изученности поселений периода развитой бронзы Северного Кавказа материалы, полученные при стационарном исследовании бытовых археологических памятников Ингушетии, имеют существенное значение для понимания процесса культурно-исторического развития местных племен в глубокой древности.

Один из таких бытовых археологических памятников указанной эпохи выявлен в нижней части Джейрахского ущелья.[96] Здесь, на правом берегу реки Терек недалеко от места впадения в нее реки Армхи, зафиксировано небольшое разрушенное поселение среднебронзового времени. Его площадь составляла 25 х 12 м. Собранный на этом памятнике подъемный материал состоял из значительного числа фрагментов лепной пористой керамики грубой работы. Поверхность посуды была орнаментирована различными узорами в виде штрихов, наклонных и вертикальных линий. В связи с разведочным характером работ, проводившихся на Джейрахском поселении, другие сведения, связанные с особенностями планировки жилищ, способом их возведения, наличием культовых или других построек на территории памятника, оказались не выявленными.

Более полные сведения о повседневной жизни населения Ингушетии II тыс. до н. э. дают раскопки Алхастинского поселения, располагавшегося в ущелье реки Ассы. На данном памятнике, имевшем два стратиграфических слоя, нижний подстилающий слой отнесен к эпохе средней бронзы.[97] При исследовании этого слоя найдены многочисленные фрагменты керамики черного, красного, светло-серого цветов. Тесто сосудов хорошо отмучено и обожжено. При изготовлении керамических сосудов применялся крупно и мелко толченый камень. На некоторых фрагментах керамики имеется резной геометрический орнамент в виде зигзагов и наклонных линий.

Кроме фрагментов керамики в нижнем слое Алхастинского поселения обнаружены также обломки каменных зернотерок, кусочки глиняной обмазки, каменное ядрище, костяное кольцо, обработанные астрагалы, костяное четырехгранное шило, проколка, орудие для дробления твердых тел. Здесь же найдены многочисленные кости домашних и диких животных: свиней, коров, овец, коз, лошадей, собак, косулей, оленей, лисиц.

Материалы нижнего слоя Алхастинского поселения показывают, что в жизни населения, обитавшего в Ассинском ущелье в эпоху средней бронзы, ведущими направлениями в хозяйственно-экономической сфере были скотоводство и земледелие. Охота играла вспомогательную роль. На это указывает малое число костей диких животных, обнаруженных среди остеологических остатков на нижнем горизонте поселения. Видимо это было обусловлено значительным прогрессом в земледельческом хозяйствовании и в скотоводстве. Охота уже не являлась важным экономическим подспорьем, обеспечивающим население ущелья реки Ассы периода средней бронзы ощутимым продовольственным достатком.

Нижний слой Алхастинского поселения отнесен к кругу древностей завершающей стадии северокавказской культурно-исторической общности. Принято считать, что Алхастинс-

кое поселение, так же как и Нестеровский курган, оставлены одним и тем же древним человеческим обществом, обитавшим в указанном районе Ингушетии во II тыс. до н. э.[98]

Развалины циклопической постройки близ с. Дошхакле

Один из уникальных для всего Северного Кавказа археологических памятников, характеризующий особенности жизнедеятельности северокавказских племен периода конца ранней – середины развитой бронзы, открыт и изучен в зоне строительства г. Магас. Это Экажевское поселение, изученное практически полностью.[99] На этом памятнике была исследована постройка, имевшая прямоугольную в плане форму. На ее территории расчищено 89 ям, из которых 10 отнесены к ямам хозяйственного назначения. В одной из ям были найдены кости животных – молодых особей крупного рогатого скота, кости барана и козленка. В другой аналогичной яме обнаружены скелет ягненка, голова барана и скелет новорожденного младенца. Большинство же ям, изученных на Экажевском поселении, были предназначены для опорных столбов жилых и хозяйственных помещений.

Постройка предположительно разделялась на две части – жилую и хозяйственную. В последней обнаружены керамическая бусина, фрагмент «сковороды-жаровни» и несколько небольших сосудов. В жилой же части найдены 10 фрагментарных сосудов, орнаментированных оттисками треугольного штампа, волнистыми врезными линиями, наклонными насечками, елочным орнаментом. Здесь же находилась и печь – так называемая «кор». Она состояла из двух продольных камер подпрямоугольной формы, отделенных друг от друга валиком из обожженной глины. К югу от печи находился очаг – жертвенник. Он имел вид площадки из обожженной глины размерами 1,14 х 1,2 м с вмазанной керамической фигурной плитой с солярными знаками. В этом же помещении обнаружены еще несколько крупных сосудов. В целом вся керамическая посуда Экажевского поселения подразделяется на горшки-пифоиды, столовые и кухонные горшки, «сковороды-жаровни», баночные сосуды, диски, миниатюрные сосудики, крупные чаны. Украшения на памятнике представлены единственной находкой – керамической бусиной.

Из предметов вооружения на Экажевском поселении найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы. Он изготовлен путем применения техники двухстороннего ретуширования.

Предметы хозяйственного назначения представлены ладьевидной каменной зернотеркой, серповыми вкладышами.

Довольно разнообразны костяные изделия. Интересны находки астрагала с отверстием и рога оленя с обработанной внешней поверхностью. Также на Экажевском поселении

найдены костяное шильце, пластинка, изделие с заполированной поверхностью и вырезанными зубчиками, изготовленное из клыка домашней свиньи.

Металлические предметы представлены единственной находкой бронзового втульчатого долота. Он был найден в одной из ям внутри постройки. Долото, обнаруженное на Экажевском поселении, относится к типам так называемых долот с коваными втулками, характерными для памятников эпохи бронзы.

Направления хозяйственной деятельности жителей Экажевского поселения свидетельствуют об оседлом быте его обитателей. Главными занятиями местного населения были земледелие и скотоводство. При исследовании Экажевского поселения получены очень ценные материалы, характеризующие довольно высокий уровень земледелия в данном регионе в эпоху средней бронзы. Сюда относятся найденные на стенках сосудов и глиняных конструкций зерна злаковых культурных растений. Предполагается, что это были зерна ячменя, ржи и пшеницы.[100] Также о значительном прогрессе в земледелии указывают обнаружение на Экажевском поселении зернотерки и вкладышей серпов.

Развитый способ животноводства местного населения документируется многочисленными находками костных останков домашних животных. В большинстве своем жители Экажевского поселения разводили крупный рогатый скот, в меньшей степени – мелкий рогатый скот, свиней и лошадей.

Охота не играла существенной роли. Об этом свидетельствует малое количество костей диких животных, найденных при раскопках памятника. Здесь обнаружены кости лишь двух диких животных – оленя и кабана.

В эпоху развитой бронзы на Северном Кавказе отмечается видовое многообразие археологических памятников. Особенно своеобразные черты имеют памятники высокогорной зоны. Вместе с тем в данной физико-географической среде Северного Кавказа в настоящее время не исследован в полной мере ни один бытовой археологический объект периода средней бронзы. Представляется, что применительно к Ингушетии к таким памятникам среднебронзового времени видимо следует отнести и так называемые циклопические постройки, имеющиеся в высокогорной зоне Ингушетии. Такого рода памятники открыты и археологически изучены в окрестностях горных селений Карт и Дошхакле.[101] Подобные же объекты отмечены на перевале горы Цей-Лом, а также у горных ингушских селений Хамхи, Эгикала, Лейми, Кели, Верхнего и Нижнего Оздика.[102]

Циклопические постройки представляют собой крупные мегалитические сооружения, возведенные из довольно больших каменных блоков. Они имеют прямоугольную в плане форму и практически всегда ориентированы по линии запад-восток. Некоторые циклопические сооружения имеют до двадцати камер и помещений. Кладка таких построек производилась в большинстве случаев насухо, без связующего раствора, путем тщательной обтески и обработки блоков. В процессе кладки обильно использовались мелкие камни-подпорки, с помощью которых закрывались небольшие отверстия и щели. Каменные блоки укладывались техникой стыковки и в перевязь. Длина некоторых таких циклопических построек доходит до 30 метров, при максимальной толщине стен более 1 м.

При археологических раскопках циклопических построек у селений Карт и Дошхакле, обнаружены грубые лепные фрагменты керамики, датируемые II тыс. до н. э. Часть керамики носила разновременные признаки. Другого инвентаря, который мог бы дать более точную хронологию указанных памятников, не выявлено. Вместе с тем, несмотря на неоднозначность датировок данных архитектурных сооружений, следует отметить, что аналогичные же циклопические постройки изучены и в Грузии. Здесь ряд таких построек датирован II тыс. до н. э.[103]

Рассмотренные археологические памятники эпохи средней бронзы Ингушетии показывают сложность и неравномерность культурно-исторического развития как Центрального, так и всего Северного Кавказа в указанный период. Это было связано с действием различных факторов. Одной из главных причин, оказывавших влияние на особенности исторического процесса северокавказского региона в рассматриваемое время, являлись частые климатические изменения. Именно в эпоху средней бронзы в очерченной ойкумене происходит резкое похолодание климата, самым существенным образом повлиявшее практически на все сферы жизнедеятельности местного оседлого населения.

На ход исторических событий влияли также и внутренние причины, обусловленные естественным ходом развития местного социума в древности.

На эти процессы оказывали существенное влияние активная инфильтрация в местную среду степных племен Южнорусской равнины и другие миграционные перемещения на Северном Кавказе, выявляемые на примерах изучения многочисленных археологических источников.

На основе дальнейшего развития племен северокавказской культурно-исторической общности на территории Центрального Кавказа, включая и территорию современной Ингушетии, складывается кобанская археологическая культура, знаменующая переход от бронзового века к веку железному.

4. Племена кобанской культуры (сер. II – конец I тыс. до н. э.)

На основе северокавказской культуры с середины II тыс. до н. э. начинает складываться кобанская культура. Кобанская и северокавказская культуры имеют настолько много общих черт, что некоторые исследователи называют кобанскую культуру поздним этапом северокавказской культуры.[104]

Первые находки предметов кобанского типа относятся к 40-50-м гг. XIX в. Название «кобанская» эта культура получила по названию аула Верхний Кобан в Тагаурском ущелье, где в 1869 г. был обнаружен могильник из каменных ящиков с многочисленными и своеобразными предметами из бронзы.[105]

Позже предметы кобанской культуры были обнаружены на обширной территории Северного Кавказа и высокогорной части Закавказья. На западе граница кобанской культуры проходит по междуречью Большого Зеленчука и Урупа. На востоке памятники этой культуры фиксируются до Андийского хребта. На севере Кавказского хребта кобанская культура занимала территорию до современной Ставропольской возвышенности. На юге она была распространена на высокогорной части современной Грузии.

Наиболее древние памятники кобанской культуры на сегодняшний день известны на территории древней Двалетии – могильник у селения Тли, который датируется XVI в. до н. э.

На Северном Кавказе хронологические рамки кобанской культуры определяются XII-IV вв. до н. э. Ученые делят весь период существования кобанской культуры на два больших этапа – раннекобанский (классический) этап, завершающийся в VII в. до н. э., и позднекобанский этап, оканчивающийся в IV в. до н. э. Но на Центральном Кавказе развитие кобанской культуры продолжалось «вплоть до раннего Средневековья»[106] – до начала гуннских походов в IV в. н. э.

Кобанцы в древнегрузинских хрониках именуются кавкасионами и дзурдзуками,[107] которые в научной литературе признаны нахоязычными. И граница расселения кавка-

сионов и дзурдзуков грузинских источников – от Андийского хребта на востоке до мест проживания адыгских племен – соответствует границам расселения носителей кобанской культуры.

В античных источниках (Лукиан Самосатский, Клавдий Элиан) племена кобанской культуры именуются махли (махлийцы, махалы).[108] Часть кобанцев, проживавших на плоскости в бассейне рек Терека и Сунжи, Страбон называет гаргареями.[109] Этноним «гаргарей» многие исследователи выводят из ингушского слова «гаргар» – «близкий, родственный».[110] Слово «гар» также в ингушском языке означает «род, ответвление рода». Но также некоторыми исследователями этот этноним выводится из дагестанских языков.[111]

На всей территории проживания кобанских племен исследователями давно обнаружен пласт ингушских топонимов.[112] «Установлено, что на всей территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья на западе до Андийского хребта и междуречья Сунжи и Аргуна на востоке – присутствует множество топонимических названий, объяснимых только на вайнахских языках, элементы топонимообразования которых не встречается ни одном языке кавказской семьи».[113]

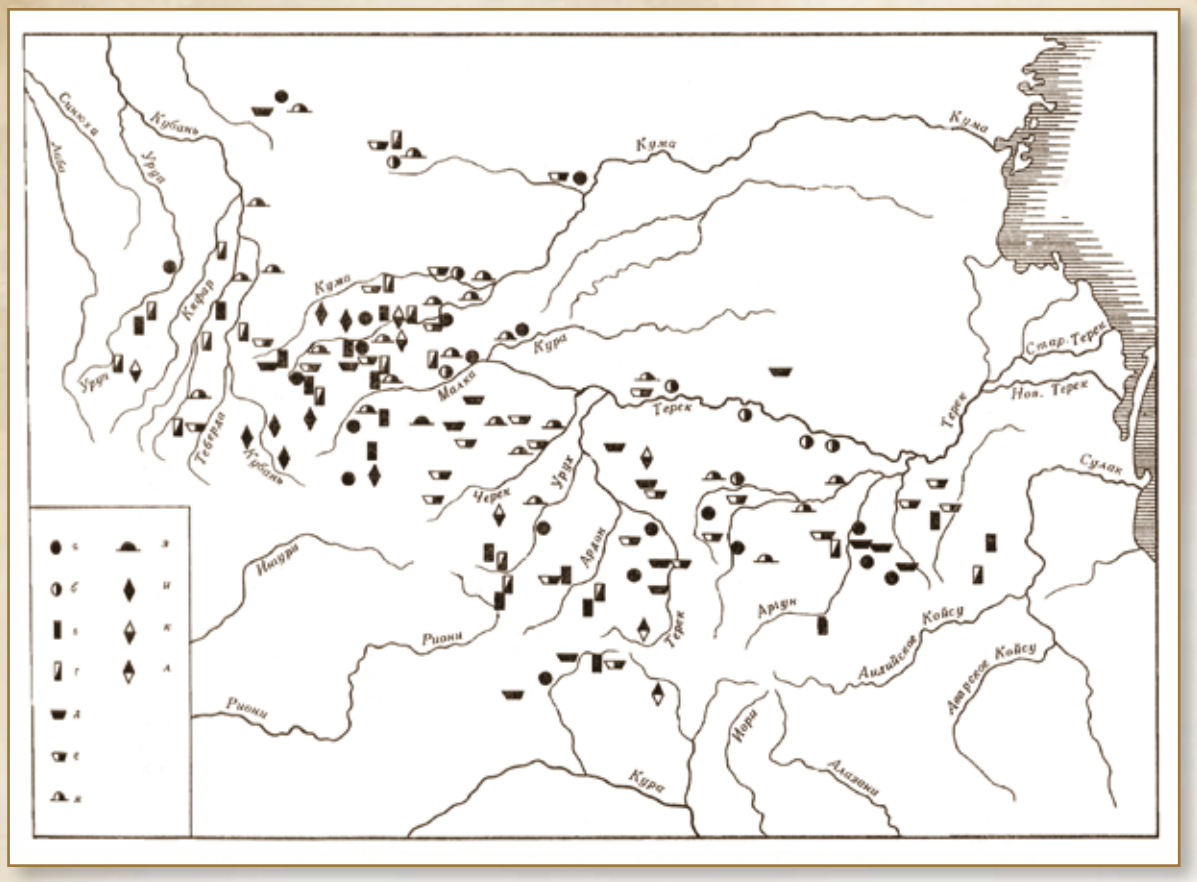
Племена кобанской культуры, по мнению ряда исследователей, являлись нахоязычными.[114] «Почти полное совпадение взаимодополняющих и контролирующих друг друга свидетельств смежных наук о проживании древних нахских племен на территории распространения позднекобанской культуры дает основание прийти к выводу, к которому уже вплотную подошли советские археологи, что носителями данной археологической культуры являлись протовайнахские племена, …составляющие единую этническую общность в пределах данной культуры».[115]

Поселения кобанцев располагались на предгорных естественно укрепленных возвышенностях или по долинам рек на высоких плато и на отдельно стоящих возвышенностях. В горных ущельях поселения располагались на уплощенных отрогах гор. В верховьях реки Ассы на территории современной Горной Ингушетии известны остатки кобанских циклопических (т. е. построенных из крупных каменных плит и блоков) крепостей, относящиеся к концу II – началу I тыс. до н. э. (Дошхакле, Эгикал, Хамхи, Карт и др.).

В поселках бытовые комплексы (жилища, производственные постройки и культовые сооружения) размещались поквартально. Кварталы были разделены узкими улицами, вымощенными булыжником. Форма жилых домов – прямоугольная. Только культовые постройки (храмы) имели пятиугольную форму. Строения размещались компактно, примыкая стенами друг к другу. Дома обычно состояли из двух отделений – жилого и хозяйственного. На поселениях встречаются многочисленные хозяйственные ямы цилиндрической и грушевидно-колоколовидной формы.

Характерным типом жилищ в предгорьях были глинобитные дома, укрепленные в нижней части стен рядами булыжников. Стены и пол тщательно обмазывались глиной. Внутри домов сооружались глинобитные очаги. Некоторые дома сооружались из камня и плетня, обмазанного глиной.

На плоскости дома более крупные (до 80-90 кв. м), прямоугольные, наземные или слегка углубленные в землю; стены сложены из булыжника в сочетании с глинобитной массой. Полы вдоль стен грубо вымощены плоскими плитами. Дома были разделены на комнаты более легкими, чем внешние стены, внутренними стенками. У некоторых домов были двускатные крыши. В жилищах имелись примитивные очаги хозяйственного назначения и один овальный глинобитный очаг в виде плоской гладкой площадки, скорее всего, культового назначения. Непосредственно к стенам жилых домов примыкали хозяйственные постройки.



Кобанская культура Кавказа
(а – поселения XII – середины VII в. до н. э.; б – поселения VII-V вв. до н. э.; в – каменные ящики I-II этапов; г – каменные ящики скифского периода; д – грунтовые могильники I-II этапов; е – грунтовые могильники скифского периода; ж – курганы II этапа; з – курганы скифского периода; и – клады металлургов; к – клады X-VII вв. до н. э.; л – клады VI-V вв. до н. э.)

Основными отраслями хозяйственной деятельности кобанских племен являлись скотоводство и земледелие.

Кобанцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Скот удовлетворял их потребность в самом необходимом. Он давал мясо, молоко, сыр, кожу и шерсть. Из кожи и шерсти производилась одежда. Скот у кобанцев выступал также в роли денег – его обменивали на необходимые товары и предметы. Лошади использовались как транспортное средство.

Особые условия существования в горах вызвали к жизни новые способы ведения хозяйства. В горных долинах располагались постоянные поселения скотоводов. В горах преобладало овцеводство. Весной из этих мест стада отгоняли высоко в горы, на тучные альпийские луга, где скот, в основном – овцы, находился все лето. На зиму стада перегонялись обратно в долины.

Основными земледельческими культурами были пшеница, ячмень, рожь, просо. В горах под их посевы использовались пригодные участки земли, а также искусственно созданные террасы. Обрабатывали землю с помощью деревянной сохи, деревянного плуга или мотыгой с бронзовой насадкой. Пахали землю с помощью быков. При сборе урожая

Глиняная корчага из Пседахского могильника

пользовались бронзовыми серпами. Мололи зерно каменными зернотерками. Хранили зерно и муку в больших глиняных сосудах – корчагах.

Территория расселения кобанских племен, особенно горная зона с богатым животным миром, являлась благодатным краем для охотников. Охота уже не имела большого значения в хозяйственной жизни кобанцев, скорее всего это был подсобный промысел. Охотились с помощью лука и стрел. Распространены были и коллективные формы охоты, при которых использовались собаки.

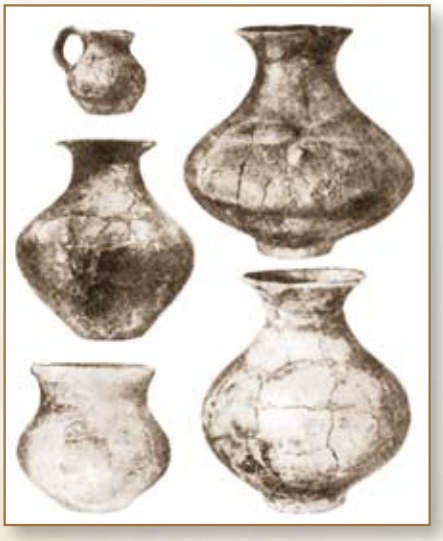
Занимались кобанцы различными ремеслами: гончарным делом, металлургией и металлообработкой, ткачеством.

Высокого уровня достигло у кобанцев гончарное производство. Керамические сосуды – горшки, чашки, миски, кружки – лепились от руки.

Они обычно отличались четкими пропорциями и правильными формами. Посуда обжигалась в горнах или в специальных ямах, а столовая посуда подвергалась тщательному лощению. Блестящая, хорошего качества поверхность сосудов покрывалась геометрическим врезным и налепным орнаментом. Некоторые сосуды, обнаруженные археологами, имеют зооморфные ручки.

Прядение и ткачество находились на довольно высоком уровне. Об этом свидетельствуют находки на всей территории распространения кобанской культуры многочисленных глиняных пряслиц. На памятниках, хотя и редко, но встречаются обрывки тканей и кожи. В производстве одежды и обуви широко использовалось сырье, даваемое животноводством – кожа и шерсть.

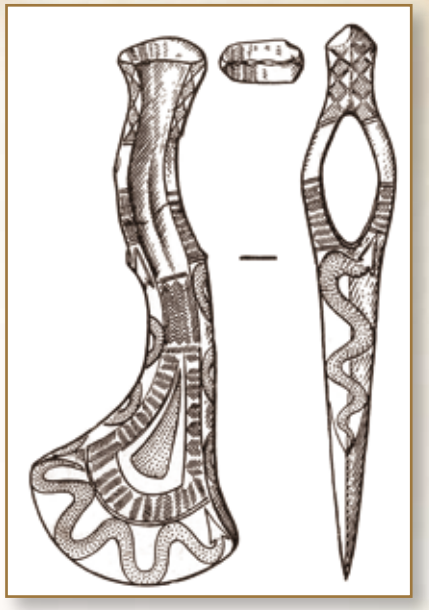
Подлинных высот мастерства достигли кобанские племена в металлургии и металлообработке. Добыча медных руд велась как открытым способом, с применением глубоких канав и ям, из верхних слоев месторождений, так и посредством подземных разработок с использованием шахт и наклонных штолен. Добывалась руда бронзовыми и каменными кирками, молотами, клиньями, а также корзинами и мешками для выноса добытой руды.



Глиняные сосуды из Пседахского могильника

При обработке руды ее вначале отделяли от пустой породы, дробили крупными каменными молотами, а затем сортировали. Для измельчения руды использовали объемистые каменные ступы. После измельчения руда поступала в плавильные мастерские. Медеплавильни находились, как правило, вблизи рудников. Плавка производилась в печах, сооруженных в ямах из каменных плит. В печи также закладывался древесный уголь. Через глиняные трубки в печи мехами нагнетался воздух. Таким образом выплавлялась чистая медь. Для производства бронзы в сплавах с медью использовались мышьяк, сурьма, свинец, цинк. Более распространена была мышьяковистая бронза. Археологами

найдено также много изделий, сделанных из оловянистой бронзы. По многим показателям (литейным свойствам, легкоплавкости, твердости предметов, красоте цвета) оловянистая бронза превосходит другие типы медных сплавов, но если мышьяк и другие вещества, используемые в сплавах с медью для производства бронзы, добывались на Кавказе, то олово завозили издалека – из Западного Средиземноморья, куда оно попадало из Британии.



Бронзовый топор из Пседахского могильника

Главнейшей стадией создания бронзовых предметов было литье. Литейные мастерские часто располагались вблизи от первичных производств металла, иногда же они примыкали к поселениям. Для отливки изделия пользовались глиняными, каменными, иногда металлическими (медными) литейными формами. В металлической форме можно было получать отливки сложного профиля, передавать точно мелкие детали, а сама медная форма была прочнее других и лучше годилась для многократного использования.

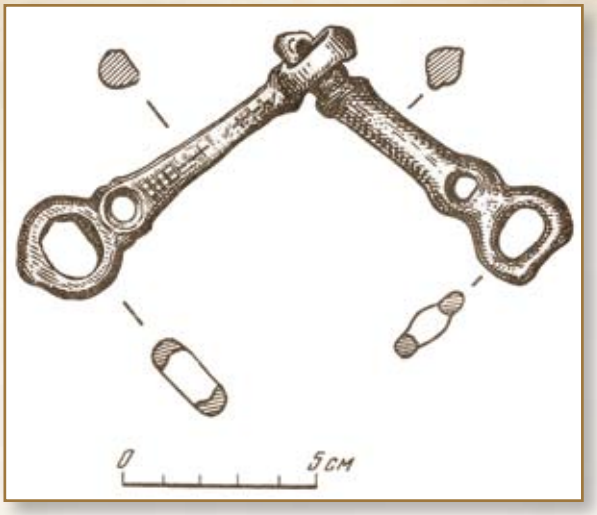
Еще при отливке бронзовых предметов намечалось и создавалось их украшение, часто в форме орнаментации. Литой орнамент обычно сводился к рельефным граням, выпуклостям, валикам, шнуровым линиям, превращению отдельных частей вещей, чаще завершений оконечностей, в прорезные фигурки.

Большое распространение получило украшение изделий гравировкой уже после их отливки. Так на поверхности вещей появлялись композиции геометрических фигур, иногда довольно сложные, а также изображения животных.

Иногда рисунки на изделие наносились методом чеканки. Применялась и техника инкрустации – украшение изделий различными вставками из кости, дерева, стекловидной пасты. Для инкрустации также применялось железо. В начале I тыс. до н. э. железо было редким металлом – оно очень ценилось и встречается только на отдельных вещах в виде небольших вставок.

Из бронзы кобанцы изготовляли орудия труда (бронзовые насадки для мотыг, скребки, топоры), посуду (миски, чаши, маленькие «рюмочки» на низкой ножке, кубки, ритуальные сосуды для питья в форме рога, котлы), оружие (боевые топоры, кинжалы, наконечники стрел и копий, навершия булав, доспехи), принадлежности конского убора (удила, псалии, бляхи для конской сбруи, колокольчики с большими петлями для подвешивания), украшения (пояса и пряжки к ним, булавки, пуговицы, застежки, всевозможные подвески, браслеты, цепочки и т.д.), различные предметы и скульптуры культового предназначения (скульптурные подвески – фигурки стоящих зверей, птички, головы баранов и козлов, рога и т.д., пластинчатые изображения животных, изображения человеческой руки, навершия на деревянные шесты, крошечные копии различных предметов вооружения, скульптурные антропоморфные изображения и т.д.).

С конца X в. до н. э. кобанские племена начали осваивать железо. Широкое освоение его кобанцами началось на южном склоне Кавказского хребта в конце X – начале IX в. до н. э. и несколько позднее уже на Северном Кавказе. С VIII в. до н. э. наблюдается овладение мастерством изготовления широкого ассортимента железных предметов, а с конца VII в. до н. э. – массовый переход к использованию железа.



Удила из Пседахского могильника

Продолжали существовать также косторезное и камнеделательное производства.

Определенную роль в хозяйственной жизни кобанских племен занимала торговля. Торговля развивалась путем натурального обмена. Меновой единицей часто выступал скот.

Торгово-экономические связи кобанцев имели широкую географию, о чем свидетельствуют многочисленные находки разнообразных предметов из погребальных памятников кобанской культуры, привезенных из Восточной и Центральной Европы, Закавказья, Передней Азии и Ближнего Востока. В кобанских памятниках обнаружены вещи урартского, ассирийского, иранского, малоазийского, греческого, средиземноморского, балканского происхождения. В свою очередь произведения кобанских мастеров были обнаружены в Юго-Восточной Европе, в Северном Причерноморье, в Нижнем Подонье и Поволжье.

Бронзовые изделия кобанцев являются произведениями декоративно-прикладного искусства и подлинными шедеврами мирового искусства. Главным образом это касается бронзовых украшений. Некоторые предметы специально создавались для погребального обряда. Для торжественных случаев в жизни древних кобанцев, по мнению исследователей, изготовлялись многие бронзовые украшения для костюмов. Все украшения снабжались петлями и отверстиями, чтобы они могли крепиться на одежде. В некоторых случаях фигурки подвешивались к пластинам, которые в свою очередь крепились к одежде.

В кобанском искусстве многочисленны изображения животных. С течением времени сложились свои каноны – правила, которые соблюдались при изготовлении того или иного предмета. Звери в большинстве случаев даны в движении. Но есть случаи, когда изображались и неподвижные звери. Фигуры зверей размещались на предмете (на топорах, сосудах, доспехах и т.д.), в зависимости от формы предмета располагаясь так, чтобы гармонично вписаться в эту форму. Но иногда попадаются предметы, на которых при изображении зверей наблюдается нарушение этого правила, – изображение животного может переходить с одной плоскости-грани на другую. Тем самым как бы усиливалось движение изображаемого зверя.

При изображении отдельных частей животных наблюдаются твердо установленные приемы. Например, на многочисленных подвесках в виде головы барана повторяются изображения длинных, завитых рогов, вытянутых морд, выпуклых глаз.

Расположение фигур на предметах часто симметрично. К примеру, часто на топорах одна и та же фигура зверя симметрично помещается на обеих плоскостях топора. Но встречаются и предметы с изображением одного зверя. Фигуры зверей в некоторой степени были схематичны. Но даже при сильной стилизации можно определить, какой зверь изображен.

Таким образом, у кобанских племен развивалась своеобразная, только данной культуре присущая манера исполнения бронзовых художественных произведений. Олени, собаки, бараны, козлы, змеи, птицы, рыбы, воплощенные в бронзе, даны в единой, особой

манере стилизации, объединяющей их в особую группу произведений кавказского звериного стиля.

Орнамент на бронзовых предметах кобанцев заключает в себе определенное смысловое значение, отражает мировоззрение, мифологию кобанцев. Часто на кобанских бронзовых, керамических предметах встречаются квадраты, треугольники, ромбы, свастики, круги, точки, пунктиры, спирали, прямые и волнообразные линии и т. п.[116]

Многие геометрические фигуры в кобанском орнаменте – это символы, изображающие солнце и другие небесные тела, которые, по-видимому, занимали большое место в религиозных воззрениях кобанских племен. Подобное же значение имеют и знаки, нанесенные на средневековые башни в Горной Ингушетии.

В мировоззрении древних кавказцев солнцу принадлежала особая роль. Это подтверждают не только сюжеты геометрического орнамента, но и иной материал. Найденные на кобанских поселениях в жертвенниках глиняные модели колес с шестью спицами исследователи считают изображениями солнца с шестью лучами, отмечая при этом связь понятий «колеса» и «солнца» в сознании древних.

Предполагается, что верховным богом кобанских племен считалось солнце – Малх.[117] Также, по мнению исследователей, почитался священный бык, олицетворявший божество плодородия. На кобанских памятниках известны находки культовых глиняных фигурок быков. По мнению исследователей, кобанские племена также поклонялись духам предков и различным божествам – покровителям земледелия, животноводства, охоты, воды, стихий, ремесел, культы которых угадываются в остатках древних святилищ, в домашних жертвенниках с остатками костей животных, в предметах со следами имитации магии, в заупокойных тризнах и в огневом ритуале при погребениях.

Весь мир представлялся кобанцам населенным добрыми и злыми духами, на которых можно воздействовать магическими действиями и заклинаниями. Божественные силы олицетворялись в образе животных. Изображения божеств и духов в виде зооморфных статуэток играли роль охранительных амулетов. Звери были символами тех или иных божеств.

Культовые места располагались на возвышенностях, на вершинах гор. В святилищах археологами найдено множество фигурок в виде людей и зверей, вероятно, являющиеся приношениями древних людей божеству, которому посвящено то или иное святилище или храм. Древние святилища представляли собой специальные площадки с каменным сооружением в центре. На них исследователи находят остатки костров и множество костей жертвенных животных.

Жизнь в мире мертвых представлялась древним кобанцам как продолжение жизни на этом свете. Поэтому многие вещи, которые окружали человека при жизни, сопровождали его на тот свет – их клали вместе с ним в могилу.

Чаще хоронили людей в так называемых каменных ящиках – ямах прямоугольной формы, обложенных и перекрытых каменными плитами. В каменный ящик клали покойника, чаще на правом боку, в скорченном положении. Вместе с ним в погребальное сооружение помещали одеяния, оружие и конскую сбрую, различные бытовые и ритуальные предметы, украшения, ставили сосуды с пищей. Иногда всадника хоронили со взнузданным верховым конем.

Кобанские племена находились на стадии развития военной демократии. В жизни общества приобрели огромный вес и выдвинулись на главную роль вожди военных дружин. Частые военные столкновения со степняками способствовали развитию военного дела и вооружения. Эта эпоха характерна производством в больших масштабах разнообразного,

отличной выделки, оружия. Воевали кобанцы в основном верхом на лошадях. Часто они и сами совершали военные набеги за добычей на территории соседних племен и народов.

В VII в. до н.э. территория проживания кобанцев подверглась скифскому нашествию. В 70-х годах VII в. до н.э. скифы совершили ряд походов через Кавказ в Переднюю Азию. Основная дорога скифов проходила через Дербентский проход, но некоторые отряды скифов использовали и дороги на Центральном Кавказе – Дарьяльское ущелье, Мамисонский и Клухорский перевалы. Скифы и савроматы, которые сопутствовали им, вступали в военное столкновение с кобанцами, что привело к гибели ряда кобанских поселений. Вполне вероятно, что часть местных жителей была вовлечена в скифские походы.

Военно-политическая активность скифов длилась до начала VI в. до н. э. За это время с участием кобанских элементов выработался комплекс черт, характеризующий скифскую культуру и больше всего ее оружие, конскую сбрую, оригинальное искусство и т. п.[118]

Во второй половине I тыс. до н. э. кобанские племена создали крупное политическое объединение племен, известное по античным источникам под названием Малх (Махли, Махелония), по грузинским источникам – под названием Дзурдзукети,[119] которое занимало территорию от Приэльбрусья и реки Малки на западе до подножия Андийского хребта и междуречья Сунжи и Аргуна на востоке. На востоке это государственное образование граничило с Албанией. «По надписи III в. персидского царя Шапура I на Кааба-и-Зардушт Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией.., находящаяся по обе стороны Главного Кавказского хребта рядом с тушинами».[120] На севере Малх включало территорию Ставропольской возвышенности, на юге – высокогорную часть современной Грузии.[121]

«Контролируя главный кавказский проход – Дарьяльское ущелье – и держа под постоянной опасностью вооруженного вторжения закавказские страны, в первую очередь Картли, нахский (древнеингушский. – Ред.) Союз племен представлял грозную силу для того времени».[122] Видимо, именно этим следует объяснять политическое влияние предков ингушей (дзурдзуков) на Картли, имевшее место на заре ее государственности (III в. до н. э.).

По сведениям Леонтия Мровели, приводимым им в своем историческом сочинении «Жизнь картлийских царей», первый царь Грузии Фарнаваз (Парнаваз) был женат на женщине «из племени дзурдзуков, потомков Кавкаса».[123] С помощью дзурдзуков, овсов (равнинных дзурдзуков. – Ред.) и леков (лезгин. – Ред.) он одолел ставленника Александра Великого Азона и основал грузинское государство.[124]

Л. Мровели также сообщает, что сын Фарнаваза Саурмаг (инг. «сармак» – «дракон»), взошедший на грузинский престол после смерти отца, узнав о том, что его хотели убить грузинские эриставы, вместе с матерью укрылся у своих дядей по матери в Дзурдзукетии. «Саурмаг собрал вокруг себя всю Дзурдзукетию, после чего направился против грузин. Никто не смог противостоять ему и он завладел Картли, истребив всех отложившихся от него, некоторых же он простил. Он урезал в правах картлосидов, и сделал знатными азнауров. Он содействовал росту численности дзурдзуков, потомков Кавкаса… И Дзурдзукети не умещала возросшего населения. Тогда Саурмаг привел половину всего потомства Кавкаса и некоторых из них сделал знатными, а других поселил в горах, выделив им землю от Дидоети до Эгриси, которая есть Суанети. И эту родню по матери сделал своей опорой. Воссел Саурмаг на царский престол в Мцхета».[125]

По данным античного писателя Лукиана, известно имя одного из правителей политического объединения древних кобанцев – Адирмах, которое абхазский исследователь Г.Д. Гумба с помощью ингушского языка этимологизирует как «обладатель мощи солнца» («а дар малх»).[126]

В начале II в. до н. э. в результате военного вторжения на Северный Кавказ селевкидского царя Антиоха III, которого поддерживали находившиеся непродолжительное время под его властью закавказские государства (Картли, Албания и Армения), политический союз кобанских племен был разгромлен.[127]

В результате распада политического объединения кобанских племен в источниках перестают употреблять общекобанские наименование и в дальнейшем – в I в. до н. э. – I в. н. э. – потомки кобанцев известны в источниках под названиями отдельных родоплеменных групп – «хамекитов», «сьербов», «двалов», «троглодитов», «санаров», «хонов», «масах/машах», «исадиков» и др. В грузинских же источниках в отношении потомков кобанцев до позднего Средневековья продолжают использовать наименование «дзурдзуки».

5. Мифология и Нартский эпос ингушей

Мифология. В древнейших ингушских мифах отразились тотемистические и анимистические представления древних. Мифы тесно увязывались с ритуалами и магией, они играли заметную роль в народном искусстве.

В древнейшем мифе о сотворении мира говорится: «Первоначально поверхность земли представляла собой ровную, пустынную твердь. Не было ни воды, ни растений, ни гор и никаких живых существ. Однажды с небес опустилась на землю отдохнуть мудрая белая птица, которая летела своей дорогой. Птица эта была настолько огромной, что покрыла своим телом всю землю. Птица, отдохнув и освободившись от своих экскрементов, улетела. Из экскрементов этой вещей птицы образовались вода и семя. Вода разлилась по всей земле, и появились различные растения. Так появилось по всей земле обилие всего: воды, растений, животных».[128]

Зарождаясь в глубинах тысячелетий, мифология выражала философию древних ингушей. «Подобно античным философам, ингуши пытались вывести все живое из общего первоначала… Так же, как у Фалеса (конец VII – пер. пол. VI в. до н. э.), одним из первоэлементов сущего у предков ингушей была вода (инг. «хи»). Эта вода не простая, она «разумная», т.к. птица, которая оставила воду, «мудрая». Но вода была только одной составной частью, другой составной частью являлось семя (инг. «ги»). Здесь можно наблюдать сходство с философией Ферекида (VII либо VI в. до н. э.), у которого семя также является одним из первоначал, из которого образовались вода, огонь и воздух, но у Ферекида это семя Зевса, а в ингушской философии это семя принадлежит мудрой белой птице».[129]

Развиваясь, ингушская мифология стала базисной основой местного политеизма, по своей типологии сближавшегося с развитой мифологией Шумера, Греции, Рима, и др. древних народов. В период своего бытования мифы воспринимались как безусловная правда. Часть мифов была сакральной и потому бытовала лишь в узкой среде и то чаще всего при свершении ритуальных действий, например таких как инициация мальчиков и посвящения их в мужчины.

Ингушская мифология на пути своего развития в течение многих тысячелетий испытала влияние политеизма некоторых близкородственных или соседствовавших с ингушами древних народов. Позднее стало сказываться влияние зороастризма, а затем и христианства. Уже в XIX в. с активным проникновением в местную среду ислама, ингушская мифология постепенно стала изживаться, так как монотеистические религии во все времена боролись против мифологии, нещадно искореняли ее, объявляя дьявольским наваждением.

Подобно тому, как у ряда древних народов весь мир имел дуальную природу, так и ингуши делили вселенную на две части: «мялха дуне» и «Іел». «Мялха дуне» («солнечный мир») представлял из себя земную твердь со всем на ней находящимся. Мир «Іел» – это подземный мир мертвых, являющийся копией мира верхнего. Небо («сигале») представлялось самостоятельной субстанцией. Оно было подвластно богу Халу, земной верхний мир был подвластен богу Дяла, подземный мир – богу Эштру. Правда, позднее этого бога стали упрощенно называть Іелда («бог // хозяин Іела»).

По представлению далеких предков ингушей, вначале был Хаос без конца и начала. Мир из Хаоса был создан богом Дяла, почитавшимся верховным богом. Дяла являлся верховным божеством единой «северокавказской этнической общности эпохи древности»,[130] до распада единого северокавказского языка на отдельные языки.

В подземном мире «Іел» умершие, уже воскреснув, вновь объединялись в свои семьи, продолжали свои обычные хозяйственные дела и т.д., но в отличие от земного мира в подземном было сумрачно, холоднее (потому, что солнце в этом мире проходило ночью, повернувшись к нему затылком). В этнографии отмечены случаи, когда ингуши обручали умерших холостыми юношей и незамужними девушек. Понятия «ад» не было, но было понятие воздаяния в мире мертвых. Так язык доносчика обсасывали змеи. Лекарь, лечивший людей за плату, постоянно держал в очаге котел, в котором была лишь одна вода и т. д.

Разливающийся по небу свет не связывался с солнцем, а представал самостоятельной субстанцией. Связано это было с тем, что сначала по небу разливался свет, а лишь затем восходило солнце. В сказках (предтечей которых часто являлись мифы) зафиксированы древнейшие представления о солнце в образе «Малх кІант» («Молодец Солнце»). Красные зори, дневной свет и движение солнца под землею в ночное время олицетворялись в образах Красного коня, Белого коня и Черного коня. Были еще и такие древнейшие божества, как «Бетта кІант» («Молодец Луна»), «Седкъа кІант» («Молодец Звезда»). Подобно многим народам, Солнце и Луну признавали братом и сестрою, и иногда – сестрою и братом (брат Луна храбрее и потому он ночью пасет овец – звезды). Дочерью Солнца является другая небесная богиня – Аза. Слово «Аза» родственно слову «азар» – «солнечный луч».

Происхождение всего мира в ингушских мифах предстает часто в форме самозарождения, например, из морской пены, из первородного яйца. Бог, создав небо и землю, решил соединить их, но земля оказалась больше, и ее пришлось сжать – отсюда идет появление гор. По древнейшим представлениям земля держится на рогах оленя, которого позднее сменил бык.

Сотворение человека в древности мыслилось как двойственный акт. Первый человек оказался неудачным творением (чрезмерно велик, имеет избыточный волосяной покров, грубоват и жесток) и потому был обречен. После его смерти из его спинного мозга вышло творение величиною с муравья. Постепенно совершенствуясь, оно превратилось в человека. По другому мифу, Дяла, взяв в обе руки землю, сжал ее. Затем простерев руки на запад и на восток, выпустил из рук уже сотворенных мужчину и женщину. По мифам животные предстают как бы изначально (до образования человека) существующими и предназначенными ему в удел.

Охотничьи мифы и связанная с ними магия занимали большое место в жизни древних ингушей. Охотничьими божествами представлялись Воачаби, Хагар-Ерда, Елта. Первые два божества владели промысловыми животными. Они, как и люди, могли одалживать друг другу животных для хозяйственных нужд, например, для молотьбы зерна. Как было

замечено Н.Я. Марром, когда вместо мяса постепенно стала основной пища из злаков, первоначальное название мяса стало переходить на название хлеба. Это хорошо иллюстрируется древнеингушским божеством Елтой. Оно может представать или в образе тура необыкновенной внешности (белый, ветвисторогий, крупный), или, уже позднее, в человеческом облике. По всей видимости, мясо первоначально называлось словом «елта», когда основной пищей были добытые охотниками продукты. Но когда предки освоили культуру злаков, которые заняли ведущее место в пищевом рационе, то слово «елта» // «ялат» было уже переосмыслено в понятие «урожай злаковых культур». И сегодня это слово бытует с тем же значением. Символом плодородия выступал козел – «бодж» – как одно из первых приручeнных животных. При разных языческих молениях изготавливался ритуальный треугольный хлебец, который назывался «божольг» (от сочетания двух слов: «бодж» – козел и «ольг» – лепешка).

Предки видели какую-то взаимосвязь быка и озера. Например, озеро Амка, обидевшись на людей, превратилось в быка, ушло в горы и превратилось в новое озеро Галай-ам. С Синими озерами в Арамхинском ущелье увязывается и золотой баран, который пасется на дне озера, а резвиться в лунную ночь выбегает на берег. Тут уместно вспомнить мотив «золотого руна» древней Колхиды.

Волк является «поэтическим» зверем в период варварства (военной демократии), когда набеговые дружины уподобляли себя волку, рыскающему в поисках добычи; например, это наблюдалось у древних германцев (Тацит), славян («Иван-царевич и серый волк») и других народов. Подобное мы видим и в ингушской мифологии. Имеется противопоставление волка – символа свободного, гордого, воинственного человека, и собаки, символизирующей человека зависимого, рабского склада.

В ингушской мифологии видное место уделено птицам. Почти все древние божества имеют своим атрибутом какую-либо птицу: у Дялы это сокол, у Селы – орел, удод у Тушоли, иволга у – Села Саты, голубь – у Сеска Солсы (он не только предводитель нартов, но также член пантеона ингушских древних божеств).

К слову «огонь» – «цIи» восходят слова: «цIе» – красный, «цIа» – дом, «цIа» – материнское лоно, «цIий» – кровь, «цIи» – имя, «цIаста» – медь, «цIув» – патронимическое божество, «цIена» – чистое, «цIай» – священное празднество. Такое гнездо слов само по себе является свидетельством того, что почитание огня восходит к весьма отдаленным временам. Но огонь иногда мог быть и врагом, подтверждением этому может служить имя вредоносного духа «цIе ЦIала» (упрощенно «ЦIол»). С огнем земным стал увязываться и огонь небесный – Солнце. У ингушей не зря существует поговорка «Хоть пожаром грозит – огонь милее; хотя засухой грозит – солнце милее» («ЦIа доаге а, цIи тол; кха доаге а, малх тол»). В связи с огнепоклонничеством примечателен стоящий особняком миф о чародее МIагIа (Маго). С его именем связаны вредоносная «звезда ветров», приносящая благодать белая змея. Сам он, что постоянно подчеркивается, является пришельцем с берегов Черного моря (вероятней всего Колхиды). Он дружил с полубожественным Сеска Солсой, и похоронены они были вблизи храма, носящего имя Маго.

Вызывает вопросы слово «ерд», весьма активно увязанное в ингушской среде с именами (и в честь их построенными храмами и святилищами) разных божеств. Перечень этих культовых храмов и святилищ весьма велик, начиная от общенациональной святыни Тхаба-Ерд и кончая одноаульными (часто связанные с именами одного рода) святилищами, например, «Хоаной-Ерд» (Ерд рода Ханиевых). Слово «Ерд» было и у древних скандинавов, которым обозначали имя божества земли. «Ард» – так назывался один из богов урартов.

Богиня Тушоли с удодом. А.Т.Тебоев

Несомненно, к периоду существования матрилокальной организации относятся ингушские богини – «ноаной» (матери // хозяйки) разных стихий: Хинана (Мать вод), Миха-нана (Мать ветра), Дардза-нана (Мать вьюг), Мехка-нана (Мать страны), У-нана (Мать заразных болезней). Таких богинь в науке принято называть «Великими Матерями». Функции перечисленных ингушских богинь прозрачно видны из их названий (воды, ветра и т. д.). Богини могут совершать как добрые, так и злые поступки. К примеру, если разозлить, то У-нана нашлет заразу, Миха-нана разметет скошенное сено, Дзардза-нана нагонит бурю и т.д. Если их умилостивить, они злых дел не совершают. Добрыми предстают Мать воды и Мать страны. Так, в нартском сказании об основании Назрани, эти богини увещевают героя Нясара не покидать край, а возродить врагами уничтоженную Назрань, которую в народе любовно называют Матерью-Назранью («Нана-Нясаре»). Именно с этим словом было связано и древнеингушское название Родины – «Наьначе» («Материнская обитель»).

В мифотворческий период взаимоотношения богов и людей были весьма демократичны и интимны. Человек едва ли не на равных вступает в отношения с божествами. Иногда эти боги обладают необходимыми для человека предметами, но жадность не дает им возможности поделиться с людьми. В таких мифах действуют герои типа греческого Прометея. Эти герои были характерны для мифологий многих народов. В тайное, а иногда и явное противоборство с богами вступают герои-полубоги Курка, Села Сата, Селий ПирIа и др. Курка забирает у верховного бога Ткъа овец и тростник, нужный людям для разжигания огня. Села Сата крадет у демонического существа Ешап предметы рукоделия и земледелия, из потустороннего мира приносит водяную мельницу Селий ПирIа. К таким хитрым похитителями (трикстерам) относится и божество Елта – вопреки воле верховного бога, он учит людей, как выращивать высокий урожай.

Существовали мифы, повествующие о некогда имевшейся в мире благодати – «золотом веке». Тогда не было ветров, земля была насыщена маслом, люди были велики и могли насытиться небольшим ломтем хлеба или одним бараньим ребрышком, гнушались дурных поступков и т. д. Была высокопочитаемой птица «Фаьра хьазилг» – «Благодатная птичка», которая улетела в другие края, унеся с собою всю благодать края. Все эти мифические «воспоминания» об идеальном прошлом повествовались с установкой на перспективу, т. е. выражалось желание, что подобные благодатные времена вернутся.

Верховным богом – создателем всего сущего – являлся бог Дяла. В понимании народа бог Дяла является воплощением справедливости, добра, источником плодородия, помощником слабых и беззащитных, суровым судьей для творящих зло. Любовь к древнему богу Дяле оказалось столь сильной, что даже после исламизации в быту вместо имени Аллаха чаще всего употребляется исконное Дяла.

Большой любовью в народе пользовалась богиня Тушоли. Ученые ее прообразы отмечают и в древних религиях передней Азии. Функциями этой богини были плодородие и размножение (в частности – деторождение). В честь нее пышные празднества приходились на период весеннего равноденствия, когда появлялась ее вестница – птица удод («Тушол-

котам» – «Курочка Тушоли»). С этого времени начинались хозяйственные работы. Культ Тушоли был тесно связан с древним фаллическим культом, лежавшим в основе первобытных представлений человека о плодородии в целом и деторождении в частности. При ее святилищах имелись фаллические камни, у которых женщины, страдающие бесплодием, совершали различные обряды и жертвоприношения. При длительном отсутствии осадков жрецы у этих святых камней проводили обряды вызывания дождя. Вот краткое изложение одной из молитв посвященных Тушоли: «Худое мы будем откармливать для себя, а откормивши, будем резать тебе (в жертву), божья дочь Тушоли, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе, дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе. Сделай так, чтобы неродившие родили детей, а родившихся оставь в живых. Пошли нам обильный урожай. Пошли дождь масляный и солнце лечащее». Богиню Тушоли любезно именовали «Мать людей». В посвященных ей мифах воплотилось высокое почитание женщины-матери.

Елта и Тушоли, наделенные конкретными функциями, в народном сознании мыслились как сын и дочь верховного бога Дялы.

Весьма грозным представлялось божество Села. Непознанные силы природы, особенно гроза, гром и молния, внушали суеверному человеку страх. Божество мыслилось сильным, могучим и опасным для человека. Пораженного молнией человека не оплакивали, а с почестями хоронили. У Селы были своя тронная гора – ЦIай-лоам («Священная гора») и атрибут – орел. Молнию, ударившую в землю, называли «головешкой Селы». Радуга – это лук бога Селы. Среда была посвящена ему и была почитаема. Один из летних месяцев носил его имя. При всем могуществе этого бога, ему противопоставляется полубожественный нартский предводитель Сеска Солса, который то наминает бока Селе, то стрелою ранит его в бок.

Подобно Сеска Солсе, нартская героиня Села Сата также причисляется к сонму богов. Чаще всего она соотносится с небом. Являясь дочерью Селы, она замужем за богом неба Халом. Два небесных названия связаны с ее именем – Млечный Путь и созвездие «Сатий Божольг» (три звезды: Сириус, Бетельгейзе и Процион) – «Хлебец Саты». Почиталась она как богиня искусств и покровительница девушек. С ее именем связаны семейный очаг, рукоделие. Ингушские невесты произносили магическое изречение: «Если в день моего замужества провозгласит мое здоровье и пожелает мне благополучия Сата, то у меня ножницы будут золотые, а игла серебряная; если же провозгласит здоровье цIол (злой дух), то я погибла».

Древним вселенная представлялась дуальной. Также представлялись дуальными и божественные силы: добрым земным и небесным богам противопоставлялись и вредные для человека силы. Антиподами богов предстают филин или сова. Так, они стремились противодействовать воле Всевышнего о единении созданных им первых мужчины и женщины. Естественно, что сова оказывается в проигрыше. Божества являются олицетворением света. Ночной образ совы определил в сознании народа ее связь с темными силами (до сего дня сохранилось поверье, что уханье совы предвещает чью-то смерть). Потерпевшая поражение в противоборстве с богом сова была наказана тем, что она не видит днем и презираема всеми другими птицами.

Суеверные рассказы о поведении различных персонажей – нечистой силы (цIол, убур), добрых гениев («тарам» – дух-двойник человека) или других существ (дикий человек, лесное чудовище женского рода – «алмаз» и др.), рассказы о встречах и различного рода взаимоотношениях этих персонажей и человека стали основным объектом т. н. «низшей мифологии».

Святилище Саниба-Ерд в с. Саниба в Даргавском ущелье

Ингушская мифология обнаруживает наличие в себе реалий из мифологии древних народов Передней Азии и Закавказья. Это означает, что далекие предки ингушей жили в общей орбите цивилизованных процессов, происходивших в ойкумене.

Нартский эпос. Нартские эпические сказания имеются у большинства народов Кавказа – от Дагестана до Сванетии и Абхазии, что является бесспорным доказательством кавказского происхождения нартского эпоса. Нартский эпос является высшим достижением духовной культуры народов Кавказа. Лишь позже, через кавказский субстрат, нартские сказания проникли в эпосы карачаевцев, балкарцев и осетин. По мнению В.И. Абаева, многие образы героев осетинского нартского эпоса проникли в осетинскую среду из очень древнего кавказского субстрата.[131]

Время создания основных сказаний нартского эпоса относится ко времени существования на Центральном Кавказе кобанской археологической культуры. По мнению Е.И. Крупнова «циклы нартских сказаний о Курдалогоне, о Сафе, о Тлепше – это гимны, певшиеся предками народов Центрального Кавказа железному веку, веку «топора и меча», определившему их дальнейшее развитие в условиях уже железоделательного производства, что, как мы выше показали, приходится на начало I тыс. до н. э.».[132]

Историчность нартского эпоса признается многими исследователями.[133] В эпосе о нартах отражена история кавказских племен, населявших северные склоны Кавказского хребта. В нем отражены реально имевшие место исторические события в жизни носителей кобанской, колхидской и прикубанской культур.[134] Однако, при этом не следует отрицать и некоторые вкрапления в эпос со стороны степи. Но последнее, скорее, является более поздним явлением, связанное в основном с последствиями гуннского, монгольского нашествий.

Термин «нарт» присутствует только в фольклоре кавказских народов. Происходит этот термин, вероятней всего, от урартского слова «нара» – «люди, народ, население».[135] (Суффикс «-т-» является окаменевшим и оглохшим классным показателем «д», в значении «суть, есть»). Известно, что многие этнонимы происходят от понятия «народ, люди».[136] В исторической науке отмечались «прочные узы, которые связывают нартские предания с хуррито-урартской мифологией».[137]

По авторитетному мнению Е.И. Крупнова, именно на Северном Кавказе появился нартский эпос. «По нашему глубокому убеждению, та же чрезвычайно бурная эпоха, изобиловавшая бранными делами (военными столкновениями, массовыми походами и грабежами) и героическими подвигами горцев Северного Кавказа, когда они представляли еще собою этническое и культурное целое, а не дробились на отдельные народности, ознаменовалось и другим новым и чрезвычайно важным культурным достижением – созданием эпической песни и первоначальным оформлением основ знаменитого героического нарт-

ского эпоса народов Северного Кавказа».[138] Кобанские племена еще с конца эпохи бронзы совершали военные походы на соседние территории (Закавказье, Передняя Азия), часто совместно со степняками.[139] Такие военные акции продолжались и в эпоху раннего железа, и на заре раннего Средневековья. В письменных источниках первых веков н.э. засвидетельствован совместный поход дзурдзуков, леков, дидоев, зихов, печенегов и алан степной зоны Северного Кавказа против Армении. Эти походы, совершавшиеся не раз, возможно, могли быть тем мощным импульсом, повлекшим за собой активное развитие героического эпоса у кавказских народов, основа которого, о чем было сказано выше, сформировалась еще в культурах эпохи бронзы Северного Кавказа. Кроме того, к сказанному необходимо добавить, что вообще сами термины «скифы» и «сарматы» во многом являлись собирательными, покрывая часто самые разные по происхождению, языку и культуре народы Восточно-Европейской равнины и, в частности, Предкавказья.[140]

В нартском эпосе очень мощно представлена металлургия – то, чем как раз и характерен Кавказ еще с эпохи бронзы. В сюжетах сказаний постоянно упоминаются бронзовые, железные, медные предметы, а также и золотые изделия. Наиболее многочисленны предметы вооружения. «О традиционном отношении к оружию у горцев Северного Кавказа можно судить по сюжетам нартского эпоса. Нартские богатыри предстают оснащенными полным набором вооружения, куда входят лук и стрелы, которыми они пользуются в совершенстве. Но, однако, истинным удальством и геройством отличаются у нартов те, кто

Сеска Солса и Ширтка. С картины Х.-А. Имагожева

показывает свое умение использовать в битве меч и копье».[141] Использование мечей и копий является характерной чертой кобанских племен, что четко фиксируется в погребениях всех вариантов кобанской культуры. Последняя, как известно, многими авторами связывается с племенами нахской этнической номенклатуры.

Многочисленные кобанские древности, связанные с самым совершенным вооружением, фиксируются и на территории Ингушетии. К таковым следует отнести погребения крупнейшего могильника VII-V вв. до н. э. Северного Кавказа – Лугового, расположенного у с. Мужичи в Ассинском ущелье Горной Ингушетии.[142] По материалам Лугового могильника Р.М. Мунчаев пишет о вооружении кобанцев следующее: «Мужские погребения отличаются богатством железного оружия».[143] При раскопках этого древнекобанского кладбища обнаружены 29 наконечников копий (иногда со свернутым концом), столько же боевых серповидных ножей, шесть топоров-секир, железные топоры-клевцы, шесть кинжалов, наконечники стрел и т. д.[144] Причем из 97 погребений, раскопанных Р.М. Мунчаевым, 32 были определены автором как мужские, включая как молодых, так и старых индивидуумов. То есть в 29 из 32 мужских погребений было найдено разнообразное вооружение. Из этого следует, что практически все погребенные мужчины Лугового могильника являлись воинами, включая как молодых, так и старых. И если добавить сюда факт фиксации в погребениях данного некрополя псалий, удил (восьмивидные и коленчатые) и другого инвентаря конского убранства,[145] то перед нами точная калька тех же самых героических нартов.

Подобная картина с богатством вооружения погребенных наблюдается и в Нестеровском могильнике VI-V вв. до н. э., находящемся в том же Ассинском ущелье Ингушетии.[146] Оба могильника, как известно, однозначно интерпретированы специалистами как сугубо кобанские памятники.[147] Стоит отметить, что археологические памятники с богатыми предметами вооружения обнаруживаются в древностях Ингушетии вплоть до позднего Средневековья. Здесь в это время оружейное ремесло достигает совершенства.[148]

В эпосе многие походы нарты совершают на конях, и все они являются отличными всадниками. Древние аборигены Кавказа активно использовали лошадь не только как основное транспортное средство, но и во всех сферах повседневной жизни, в том числе – и в ратных делах. Факт доместикации лошади на Кавказе еще в глубокой древности красноречиво доказывает археология. Например, интересны в этом плане материалы раскопок Экажевского поселения, относимые исследователями к III-II тыс. до н. э. В этом самобытном археологическом памятнике наряду с другими видами домашних животных обнаружены до 27 костей лошади. Авторы раскопок отмечают, что мясо лошади в пищу употреблялось мало в связи с другим хозяйственным назначением.[149]

Активное использование лошади у древних племен Северного Кавказа наблюдается и в позднюю бронзу, а также и в эпоху раннего железа. Укажем, что как транспортное средство здесь ее начинают постоянно использовать по крайней мере с IX-VIII вв. до н. э.[150] Затрагивая данный вопрос, Е.И. Крупнов писал: «Судя по бронзовым фигуркам лошадей, встречающимся среди ранних комплексов кобанской культуры (рубежа II-I тыс. до н. э.), и особенно по бронзовым кобанским удилам VIII-VI вв. до н. э., можно заключить, что и на Северном Кавказе всадничеству предшествовал какой-то период использования лошади как транспортной силы, как средства передвижения... В пользу определенной роли коневодства в хозяйстве древнего населения Центрального и Северо-Западного Кавказа говорит и исключительное многообразие форм конской упряжи. Вообще же на всем Кавказе насчитывается до 10 типов древних бронзовых удил и до 15 типов трензелей или псалий, в основном, местного производства. Такого многообразия конской узды мы не встречаем в других районах древней Евразии».[151]

Нарты в гостях у Жер-бабы. С картины Х-А. Имагожева

Не менее интересны параллели в археологии Северного Кавказа и в нартском эпосе, которые приводит в одной из своих работ кавказовед, доктор исторических наук В.И. Козенкова. В частности, она отмечает: «Факт бытования у древних насельников предгорий современных Чечни и Ингушетии элементов сельского благоустройства типа каменных мостовых объективно служит доказательством древности традиции поквартальной планировки поселений... обитатели которых были связаны родственными узами, действуя сообща во время опасности, как об этом повествуют сказания о нартах:

Ответили они: «Из трех кварталов
Собрались мы в вооруженье полном.
Квартал же нижний весь остался дома».[152]

Далее исследователь пишет: «Традиция квартального расселения как пережиток патриархально-родовой общины сохранялась до недавнего прошлого у многих народов Кавказа. Даже в современных чеченских и ингушских селениях родственники одной фамилии предпочитают строить усадьбы рядом, в одном и том же конце аула или на одной стороне улицы».[153]

В некоторой степени стоит коснуться вопросов социально-экономических предпосылок и времени появления изучаемого героического эпоса у горцев Северного Кавказа. Как представляется, основное ядро нартского эпоса отражает период т. н. военной демократии, ту формацию, которая в большинстве своем предшествует образованию этнополитических и государственных объединений. Нартское общество предстает родовым, но при этом отчетливо рисуется его более высокий уровень организации, достигающийся путем объединения военных дружин вокруг вождя, предводителя, с целью совершения грабительских и военных походов. Все перечисленные характеристики как раз и маркируют стадию военной демократии у нартов.[154] Следовательно, мы должны признать, что ядро эпоса о нартах слагалось у племен Северного Кавказа на том отрезке истории, когда их внутреннее социальное развитие уже достигло стадии военной демократии, а необходимая почва была уже полностью сформирована. В подтверждение сказанному, приведем данные относительно уровня социально-политического развития северокавказцев в древнюю эпоху. Каковы мнения исследователей на этот счет?

Известный кавказовед, профессор Е.И. Крупнов, говоря о социально-политическом развитии племен Северного Кавказа в начале I тыс. до н. э., пишет, что здесь «в это время создаются предпосылки для образования классового общества и впервые начинают оформляться племенные объединения».[155] Эта мысль ученого сформулирована на основе тщательного анализа сведений письменных источников, а также данных археологии, показывавших сильную социальную дифференциацию при сравнительно-сопоставительном изучении погребальных объектов. На процесс выделения родоплеменной верхушки, по мнению Е.И. Крупнова, указывали факты наличия дорогих импортных вещей в некоторых богатых погребениях кобанцев.[156]

Важную мысль относительно социально-политического развития северокавказских народов в I тыс. до н. э. высказал абхазский ученый Г.Д. Гумба Говоря конкретно о предках ингушей, он отмечает, что их политическое объединение в указанное время стояло по степени развития выше, чем союз племен. «По-видимому, – пишет исследователь, – развитие у них пошло дальше ступени «военной демократии»... Думается, что не будет преувеличением считать союз нахских племен второй половины I тыс. до н. э., как объединение, находившееся уже на грани превращения в государство».[157] Интересно, что примерно на этот же период указывают ученые И.В. Тресков, В.И. Абаев и Т.А. Гуриев говоря о начальной фазе формирования нартского эпоса, древнейшего его ядра.[158]

Таким образом, за созданием высокохудожественного и оригинального памятника – нартского эпоса – стояли племена северокавказцев, в том числе и древнеингушские племена кобанцев. Реликтовые следы нартского эпоса глубоко отложились в обычаях и традициях ингушей. В связи со сказанным, например, интересны свадебные церемонии, бытовавшие у ингушей в недавнем прошлом. Обычай состоял в том, что ингуши-молодожены, после окончания свадебных мероприятий, должны были показывать свое умение безупречно танцевать лезгинку – «вайнаьха халхар» («ингушский танец»). Для этих целей старики, все родственники и друзья жениха и невесты собирались после свадьбы на специальной площадке, располагавшейся около храма Тхаба-Ерды. В центре площадки очерчивали два круга, вписанных друг в друга. Задача танцующих сплясать в пространстве между двумя этими кругами. Если вдруг один из танцоров наступал или же переступал линию, то старики сразу же это замечали и выкрикивали «Э, нарто!». Это означало, что танцующие сплясали плохо и получают отрицательную оценку, наступив на линию, а тем более преступив за нее. Следующую попытку безупречно сплясать танец молодоженам предоставляли через год. И так продолжалось до тех пор, пока пара не станцует правильно.[159] Схожие параллели описанному выше обычаю мы имеем в нартском эпосе, в частности в сказании об Сосрыко и Челахстартаге.

Ч.Э. Ахриев отмечал, что «слово «нярт» сделалось между ингушами нарицательным именем. Ингуш, желая выразить посильнее похвалу кому-либо, говорит так: «Нярт вох санна ва из», т. е.: «Он молодец, как нярт, он добр, как нярт»... В памяти народа нярты являются рыцарями, защитниками слабых».[160]

Нартский эпос оказал сильное влияние и на ономастику ингушей. «В сознании народа нарты были реальными героями, которых в Ингушетии нередко причисляли к общенародным или родовым предкам».[161] К примеру, род Цицкиевых происходит от первопредка по имени Нарт,[162] а крупная фамилия Хамчиевых от Хамча, как известно являющегося видным нартским героем. Даже в наши дни ингуши именуют новорожденных Солсом, Калоем, Ботой, Чопой и другими именами персонажей из нартского эпоса.

В связи с вопросом самоидентификации ингушей с нартами интересно предание о происхождении крупного ингушского рода Газдиевых. Считается, что предок этой фамилии происходит от камня, что является прямой аналогией с мотивом происхождения кавказских нартов от камней и скал.[163] Ч. Ахриев отмечал, что от нартов «многие ингуши производят свои фамилии… Один старик уверял меня, что род его происходит от нартов и насчитал мне двадцать колен».[164]

В одном из ингушских сказаний главный нарт Сеска Солса являлся галгаем, и жил в Эгикале.[165] Ч. Ахриев отмечает: «В Галгаевском много памятников, свидетельствующих о Сеска Солсе».[166]Согласно другому сказанию, Сеска Солса являлся военным вождем, галгаем (ингушом) и жил в местности МацагIате.[167] Еще одно местожительство нартов, на которое указывают предания, – аул Саниба в Даргавском ущелье,[168] которое «по ингушским преданиям, считается родиной ингушских нартов и самих ингушей».[169]

До недавнего времени Сеска Солса считался священным героем у ингушей, и обожествлялся. Ч. Ахриев отмечал, что Сеска Солса «прямо произошел от бога».[170] В честь него в Чулхойском ущелье, вблизи башенного селения Маготе, выстроен храм Сеска Солса-Ерд. У храма устраивались священные ритуалы и религиозные церемонии, проводившиеся в определенное время.[171] Предания говорят, что нарт Сеска Солса даже погребен около селения Маготе, а его могила с надгробной вертикальной стелой и поныне находится там.[172]

В нартском эпосе, как и в древнейших сюжетах ингушской мифологии, вселенная делится на три части: небо (космос), земная твердь, потусторонний (подземный) мир, так и жизнь ингушских нартов связана с ними. В более отдаленные времена представление о нартах было дуальным – были нормальные люди-нарты и были их антиподы – злые черные нарты. В ингушских сказаниях также некоторые нарты являются божествами.

В сказании «Семь сыновей вьюги» вершителем судеб мира и людей предстает верховный бог Тга (Ткъа), названный «Великим Нартом», и обитающий на Казбеке – своей тронной горе. У него много всего, что необходимо людям, но он жаден и не желает делиться с ними. Мало того, Тга требует принесения себе человеческих жертв. Нарты приносят в жертву нартов-людоедов, но после того, как нарты-людоеды были полностью истреблены, нарты кидают жребий, который выпадают бунтарю Курке (Куркъа – сын гордости), сыну Созруко. Обреченный на жертву нарт Курка где смелостью, а где хитростью проникает в чертоги Тга и крадет у него овец и тростник. Нарт Курка заключается богом Тга в далекую пещеру. Герой обречен на муки, но его утешает то, что нарты стали жить лучше. Данное сказание имеет прометеевский сюжет. Из этого сказания также следует, что и верховный бог и жители земли являются нартами – предками ингушей.

Нарты не локализуются в рамках какой-то родоплеменной группы. Скорее всего, нарты напоминают древние воинские дружины, комплектовавшиеся по своим личным бое-

вым качествам. Нередко в сказаниях можно слышать, что нарты то рыскают по небу, то возвращаются из походов. Место жительства нартов локализуется в двух древних ингушских центрах – в Галгаевском обществе, в местности Саниба в Даргавском ущелье, где до сего дня сохранились склепы-некрополи, в которых, по указанию местных жителей, лежат костяки ингушских нартов.

Вот некоторые нартские герои: Сеска Солса, Хамча, его сын Хамчи Патарза, Селий Пиръа, Орзми, Арш, Курка, Нясар, Жов-Бятар, Джанталг, Цок, Моаказ, Сятал, Майра, Болат и др. Номенклатура женских имен представлена более скупо – это Села Сата, Мялха Аза и Жер-баба. Нартам противостоят многие враги: вампалы (великаны), Сармак Сартал (дракон Сартал), Ешап (страж мертвых), Гам (ведьма) и ее сподручный – великан Овда, Гарбаш (великанша-людоедка), Черный Неге (злой пришелец, великан); гномообразные существа – Пхагал-бяре (Заячий всадник), Бийдолг-бяре (Всадник с локоть и кулак), Накий Лоха Боштолг, напоминающий пушкинского Черномора также действуют в нартском эпосе богатырские кони и оружие, звери и птицы, иногда – волшебные предметы.

Главными героями Нартиады предстают Сеска Солса (Сосруко // Сосрыква, Сослан), Патарза (Батрадз) и Села Сата (Сатаней-гуаша, Сатана). Ингушский Сеска Солса (Солса, сын Сески) – персонаж многосторонний и во многом загадочный. Он и предводитель нартской дружины, и божество, которому возносили молитвы. В некоторых национальных версиях эпоса (абхазо-адыгских, осетинских) к этому герою двойственное отношение – при всей его положительности, его губят сами же нарты. В ингушском эпосе ничего подобного нет. Учитывая это обстоятельство, и то, что в ингушском быту имело место поклонение этому герою, можно констатировать, что Солса является наиболее любимым героем ингушей. Хотя Сеска Солса имел некоторые отрицательные черты характера с точки зрения современного человека, его оправдывает то, что древний идеал главного героя значительно отличался от современного идеала. Двойственность образа Сеска Солсы можно проследить по сказанию «Сеска Солса и Горжай». Прилежный и предельно мирный скотовод Горжай посредством жертвоприношения близок к богу и считает себя находящимся под его защитой. Сеска Солса с дружиною вознамерился угнать его стадо. Вместо того, чтобы внезапно осуществить свой замысел, Сеска Солса прилагает ряд усилий, чтобы вызвать Горжая на открытый бой, но пастух, уверенный в божьей защите до тех пор, пока Сеска Солса не убил его любимую птицу, сидящую на верху башни, в бой не вступает. В открытом бою Сеска Солса побеждает. В давние времена любая добыча у ингушей называлась «фос». Однако в прошлом по воинскому этикету почетной считалось добыча, приобретенная в честном, открытом бою, потому она и обозначалась специальным термином «кIай фос», т. е. «белая добыча». Как видно, Сеска Солса поступил согласно нормам ушедшего архаического общества. Здесь имеет место не обыкновенный грабеж, а рыцарский и достойный похвалы поступок, согласующийся с идеалами эпохи варварства.

Сеска Солса рожден из камня. Затем Сеска Солса, словно железо, подвергается закалке и становится телом стальным. Уязвимы у него лишь глаза, потому что они при закалке в горне были прикрыты веками (в других версиях северокавказской Нартиады уязвимым местом героя являются его колени). Рожденный из камня, а затем ставший телом стальным герой прозрачно намекает на эпоху смены каменного века веком металла (бронзы-железа). Таким же телом стальным становится и другой популярный герой ингушского эпоса Патарза, сын Хамчи (Батрадз у адыгов, осетин и др. народов). Имена Патарза и Батрадз разнятся первым звуком в имени – «п» – «б». Может возникнуть подозрение, что в ингушском языке имеет место оглушение «б» в «п». Это не так. Звук «б» в ингушском

языке более продуктивен. К тому же имеется имя нарта Бятара. Чем же объяснить, что ингуши произносят не Батрадз а Патарза? Представляется, что объяснение тут находится в самом ингушском языке: «петар» говорят ингуши про пух и про нательный волос; частица «за», приставляемая к концу слова, у ингушей обозначает отрицание. В результате имя Патарза имеет этимологию «безволосый». Вполне вероятно, что таким его и считали древние. Ведь логично предположить, что у героя, которого закаляли в горне, тело стало стальным, но безволосым, поскольку волосы выгорели.

По сравнению с положительным (даже божественным) Сеска Солсой Патарза предстает временами и отрицательным персонажем (якобы из-за него исчезла благодать на земле). Как и Сеска Солса, Патарза свободно сообщается с земным и потусторонним мирами. Утренние и вечерние зори (восходящие к древнейшим понятиям «солнца мертвых») связывались с его именем и потому назывались «Свет Патарза». С космогонией этого героя сближает и то, что он, убив сармака (дракона), освобождает Солнце.

В ингушском эпосе наглядно отразились древние солярные и, шире, космогонические явления. Случается, что нартские герои имеют на лбу солнце (обычно им ослепляется враг), между лопатками – луну, словно у пушкинской царевны-лебеди. В нартском эпосе божественным героем выступает также бог грома и молнии Села. Временами с ним в столкновения вступает глава нартов Сеска Солса, который обычно побеждает это грозное божество. Села является отцом примечательной нартской полубожественной Села Саты, покровительницы искусств и девиц. Она бывает в трех мирах: на небе, на земле и в подземном мире. Отсутствует ее четкая идентификация в качестве жены или матери. Имеется лишь намек, что она является женою верховного бога неба Хало. Именно к нему она несет охапку соломы на брачное ложе. От осыпающейся с нее мякины образуется Млечный Путь («Ча Токхадаь Никъ» – «Путь, По Которому Волокли Солому»). В основе имени нартской героини лежит слово «са». В ингушском языке это слово многозначно: «свет», «душа», «угол» (особое внимание уделяли крепости углов башен). Со словом «са» связаны слова «са тассар» – «рассвет», «са довр» – «закат», «сайре» – «вечер», «сагар» – «зажечь». К этому ряду можно отнести и имя бога Селы, зажигающего («сегаш») молнии и т. д. Другим подтверждением того, что нартская полубожественная Сата связана с небом, является и то, что с ее именем связаны два небесных светила: уже названный Млечный Путь и созвездие «Сатий Божилг» – «Хлебец Саты». Под стать Села Сате и дочь Солнца Мялха Аза. Она так же является искусницей и красавицей, выходящей замуж за Патарза, освободившего Солнце.

Сеска Солса увязывался не только с Солнцем, но и со светом. Так в народе утверждали, что от храма Сеска-Солса-Ерд ночами исходит такое яркое сияние, что свободно можно заниматься шитьем.

Особое место в нартском эпосе отведено полубожественному герою Ширткъе. Не являясь нартом, он вместе с тем предстает довольно активным персонажем эпоса. Он не принадлежит к миру солнечному. Он представитель мира подземного, потому-то он по собственному желанию свободно переходит из мира земного в мир подземный и наоборот. Маленький зверек, называемый по-русски «лаской», по-ингушски называется «ширткъа». Возможно, в древности это был тотем, позднее персонифицировавшийся в полубожественное существо, принявшее участие в мифотворчестве и связанном с ним древним эпосом

В осетинском эпосе есть герой Сырдон. Исследователи этого эпоса в прообразе этого героя видят какого-то зверька. Не исключено, что ингушское «шир» и осетинское «сыр» восходят к одной основе, тем более, что ингушский Ширткъа и осетинский Сырдон персонажи сближающееся по функции, но имеющие и свои особенности. Так Сырдон иногда вредит на-

ртам, а Ширткъа наоборот всегда им помогает, невзирая на то, что нарты убили его сына.

Нартские сюжеты представлены необычным рождением героя, его богатырским детством, совершаемыми нартскими героями подвигами, добычей необычных невест, борьбой с разного рода великанами и карликами, основанием поселений и их защитой, приобретением необходимых людям предметов или знаний, совершением кровной мести, охотой и мн. др. Наряду с этими эпическими героическими подвигами в нартском эпосе имеет место и мотив, который условно назван «и на сильнейшего найдется еще более сильный». Простой люд не любит, когда кто-то превозносит себя сам, кичится своею силою. Потому-то в эпосе нашли свое место сюжеты, в которых гордые и кичливые нарты посрамляются разного рода великанами (например, нарт едва не оглох, скрываясь в пупке великанши).

То, что нарты как герои неугомонны, беспокойны, находятся то на небе, то в походах, некоторым исследователям дало повод видеть в них пришельцев. Разве не могла в сознании древнего наблюдателя за небом ночная круговерть звезд навести на мысль, что нарты путешествуют по небу? Например, Большая Медведица представлялась в образе семи братьев нартов, сыновей бога Тга (Ткъа), и его жены Дардза-наны (Матери вьюг). А Малая Медведица, вращающаяся вокруг оси (Полярной звезды), называлась «Чухьи гIаьр» («Чухиева дружина»). Подобно тому, как с Села Сатой связаны два созвездия, имелось и созвездие, связанное с Сеска Солсой, и называлось оно «Солса гебагIа» («Копье Солсы»). Появление неверной идеи о нартах, как о пришельцах, породило другую неверную идею – наличие т. н. «местных героев». Такие утверждения не выдерживают критики. Нартов ингуши всегда признавали своими, близкородственными, даже предками. Несуразное определение «местные герои» было приложено к родовым богатырям, например, родов Барахоевых, Богатыревых, Баркинхоевых, Калоевых и др., являющихся представителями общества Галгайче. В целях идеализации родовых богатырей в эпосе стали их восхвалять через сопоставление с нартами и заключении родства с ними. Богатыри, что нартские, что родовые, одинаково являются местными, своими, родными, потому-то они и общаются между собой на равных. Приобщение родовых богатырей к нартскому эпосу – явление уже позднейшее и свидетельствовавшее о разложении древнего эпоса. Именно к этому времени относятся сказания о гибели нартов. Они настолько возгордились, что позволили себе выступить против бога. Герои всесильны, и никто их не сможет победить, но вот против Всевышнего они бессильны. Гордые, свободные, никого выше себя не признающие нарты не вписывались в каноны монотеистической религии. К тому же развившемуся обществу уже не нужны были чрезмерно абстрагированные (вплоть до небес) герои – новая эпоха испытывала потребности в восхвалении более реальных, приземленных, соответствующих новым идеалам эпических личностей. Вместо нартского эпоса стали создаваться новые эпические формы (героические предания, героико-эпические песни и др.), более соответствующие новым историческим условиям.

Нарты настолько горды, что доведенные Всевышним до голодной смерти, они не хотят, чтобы после смерти о них говорили, как о жалких людях, не сумевших сохранить себя и умерших от голода. Несмотря на то, что самоубийство в быту подвергается всяческому осуждению, нарты не хотят, чтобы после их смерти люди насмехались над их опухшими от голода телами. Им претит дурная посмертная слава. Они хотят, чтобы после их смерти люди с восхищением говорили о них: «Нарты, пившие расплавленную медь!» («ЦIийдаь чагIа мийна наьрташ!»). В ингушском эпосе нарты гибнут, выпив расплавленную медь. У нартов даже смерть эпизирована. Сказители даже самой смертью возвеличивают нартов.

Общим для нартских героев является их беззаветный героизм и этичное поведение. В эпосе невозможно найти случая, когда кто-либо из нартов показал себя трусом. Гордость,

независимость и предельное свободолюбие нартов, сопряженные с беззаветным героизмом и всяческим презрением к смерти, а также и проявления рыцарства в бою и быту, – все вместе порождает к ним симпатию, которая, начиная со времен человеческой юности, длится сквозь века и тысячелетия, вплоть до наших дней.

Великий кавказовед Е.И. Крупнов на основе неопровержимых фактов развенчивает порочную идею о привнесении к народам Кавказа основного ядра нартского эпоса какими-то степными народами, ведшими кочевой образ жизни. В своей статье «О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа» Е.И. Крупнов отмечает: «И сейчас я вновь со всей категоричностью хотел бы подчеркнуть свой главный тезис о том, что героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата. Поэтому не случайно нартский эпос возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой так называемые археологические культуры – кобанская, прикубанская и колхидская. Они развились и развивались также на базе более древних родственных культур эпохи бронзы».[173]

Нартский эпос является одним из ярчайших свидетельств исконных дружеских связей народов Северного Кавказа. Он прошел через многие века. В нем отложились думы и чаяния далеких и более близких к нам народов, объединяемых духовной общностью. Идеалы нартских сказаний во многом служили и продолжают служить нравственному и эстетическому воспитанию.

Примечания:

1 Амирханов Х.А., Магомедов Р.Г., Хангишиев. Открытие стратифицированного памятника раннеплейстоценового времени в Центральном Дагестане // Г.К. АО 2005 года. М., 2007. С. 290-291.

2 Дороничев В.Б. Ранний палеолит Кавказа // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 2006. С. 77.

3 Формозов А.А. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья // КСИА. XLVI. 1952; Замятин С.Н. Очерки по палеолиту. Л., 1961. С. 28.

4 Гиджрати Н.И. Новые данные о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 8-29; Его же. К проблеме интерпретации нижнепалеолитических отложений пещеры Ласок и (Мыштулагты лагат) в Северной Осетии // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987. С. 141-154.

5 Городцов В.А. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки // МИА. Вып. 2. М.-Л., 1941.

6 Любин В.П., Бадер Н.С., Марковин В.И. Первые местонахождения орудий каменного века в ЧИАССР // КСИА. Вып. 92. 1962. С. 121.

7 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. Грозный, 1967. С. 6.

8 Любин В.П. Мустьерские культуры Северного Кавказа // V Крупновские чтения по археологии Кавказа (Тезисы докладов). Махачкала, 1975. С. 2; Любин В.П., Беляева Е.В. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграции палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // Startum plus. №1. Кишинев, 2001. С. 322-337.

9 Любин В.П., Беляева Е.В., Мальсагов Б.Ж. Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии // Древний Кавказ: ретроспектива культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. М., 2004. С. 113.

10 Любин В.П., Беляева Е.В., Мальсагов Б.Ж. Палеолит Ингушетии и проблема заселения палеолитическими людьми предгорных равнин Северного Кавказа // Записки ИИМК РАН. Т. 1. СПб., 2006. С. 13.

11 Любин В.П., Беляева Е.В., Мальсагов Б.Ж. Палеолит Ингушетии... С. 13.

12 Любин В.П., Беляева Е.В. Указ. соч. С. 322.

13 Замятин С.Н. Очерки по палеолиту. Л., 1961.

14 Амирханов Х.А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.

15 Замятин С.Н., Акритас П.Г. Археологические исследования в Баксанском ущелье // УЗ КБНИИ. Т. XIII. Нальчик, 1957.

16 Амирханов Х.А. Чохское поселение (Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана). М., 1987. С. 95-113; Марковин В.И. Древнейшая архитектура на территории Северного Кавказа // Архитектурное наследство. Вып. 39. М., 1992. С. 86.

17 Кореневский С.Н. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М., 1993. С. 16-17; Его же. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. С. 12.

18 Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1967. С. 72-92.

19 Джапаридзе О. Вопросы раннего этногенеза древнейшего населения Кавказа // Кавказоведческие разыскания. Тбилиси, 2009. № 1. С. 543.

20 Квициани З. К вопросу об этническом происхождении горцев Кавказа (в разрезе археологических и антропологических данных) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас, 2010. С. 180-181.

21 Бунак В.В. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа // Газ. «Грозненский рабочий», 1935, 5 июля.

22 Квициани З. Указ. соч. С. 181.

23 Мунчаев Р.М. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 138.

24 ОАК за 1897 г. СПб., 1900.

25 Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. С. 15.

26 Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

27 Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 53-54.

28 Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья... С. 15.

29 Кореневский С.Н., Ростунов В.Л. Большие майкопские курганы у с. Заманкул в республике Северная Осетия-Алания // Степи Евразии в древности и Средневековье. К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Тезисы доклада конференции. СПб., 2002. Рис. 22, 3-5.

30 Мачинский Д.А. Об образном строе серебряных и золотых художественных изделий из майкопского кургана // Сборник памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 50.

31 Мунчаев Р.М. Древнейшая культура племен Северо-Восточного Кавказа // МИА. Вып. 100. М., 1961. С. 105-110, 122-127; Его же. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 166.

32 Гиджрати Н.И., Ростунов В.Л. Памятники эпохи энеолита и ранней бронзы в горах Северной Осетии // Кавказ и цивилизация Востока в древности и Средневековье. Владикавказ, 1993. С. 75-101.

33 Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ.Очерки… С. 51.

34 Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья… С. 12.

35 Куфтин Б.А. К вопросу о древних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии // КСИИМК. Вып. 8. 1940. С. 8-15.

36 Лопан О.В., Маслов В.Е. Экажевское поселение – памятник эпохи бронзы в Ингушетии // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С 61-86.

37 Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М. 1991, рис. 38-47; Мунчаев Р.М. Куро-араксская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. Табл. 10, 2-4.

38 Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С 77-86.

39 Там же. С. 61.

40 Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 378-383.

41 Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Северный Кавказ. Очерки… С. 45.

42 Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. С. 118-119.

43 Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 338-349; Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С. 71.

44 Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С. 70-71.

45 Исаков М.И. Чиркатинские древности в Дагестане // СА. №4, 1961. С. 250-253; Атаев Д.М. Кушнарева К.Х. Два поселения в урочище Чинна (Горный Дагестан) // КСИА. Вып. 108. 1966. С. 68-72.

46 Магомедов С.М. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III-II тыс. до н.э. // V Крупновские чтения по археологии Кавказа:. Тез. докладов. Махачкала, 1975. С. 35.

47 Коридзе Д.Л. Новая находка топора-кирки в районе Дманиси // Вестник Государственного музея Грузии. 1956. Вып. 19-В. С. 251.

48 Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа (V-III тыс. до н.э.). Л., 1970. С. 113-114.

49 Дзауров М.А. Гамурзиевское городище // ВАЦ. Вып. 1. Назрань, 2001. С. 74-76.

50 Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа… С. 202.

51 Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С. 65.

52 Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. С. 168.

53 Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961. табл. V,VIII, X; Джавахишвили А.И., Глонти Л.И. Археологические раскопки проведенные в 1954-1961 на селище Квацхелеби: (Твлепиакохи). Тбилиси, 1962.

54 Гадиев У.Б. О связях Эзмийского каменно-ящичного захоронения с памятниками куро-араксской культуры Кавказа // ВИИ. Вып. 4. Магас, 2006. С. 12. Рис. А-4.

55 Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа… С. 212.

56 Там же. С. 212.

57 Крупнов Е.И. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии // ТГИМ. Т. VIII, 1938. С. 40-47; Его же. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. Вып. 23. М., 1951. С. 54-55.

58 Ростунов В.Л. Эпоха энеолита и бронзы на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Владикавказ, 2007. Часть 1. С. 36.

59 Ростунов В.Л. Куро-араксские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 21-64.

60 Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1981. С. 36-48.

61 Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. Датировка куро-араксских погребений Эгикальского могильника // Тезисы докладов на конференции Археология на новостройках Северного Кавказа. Грозный, 1991. С. 59-63.

62 Марковин В.И. В стране вайнахов. М., 1969. С. 43-45; Его же. Склепы эпохи бронзы близ селения Эгикал // СА. №4, 1970.

63 Ростунов В.Л. Природно-климатический фактор в заселении северной части Центрального Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // III Минаевские чтения. Ставрополь, 1999. С. 62-67; Его же. Эпоха энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа. Том I. Владикавказ, 2007. С. 67.

64 Гадиев У.Б. Указ. соч. С. 8.

65 Любин В.П., Беляева Е.В. Указ. соч. С. 336.

66 Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910. С. 315-317.

67 Николаева Н.А. Выделение Кубано-Терской культуры ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 97-109.

68 Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов» // СА. М.-Л., 1950. Т. XII. С. 159, 198.

69 Спицын А.А. Курганы с окрашенными костяками // Записки РАО. СПб., 1899. Т. XI, вып.1, 2. С. 54-55.

70 Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // МИА. М.-Л., 1951. Вып. 23. С. 60.

71 Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. М., 1960. Вып. 93. С. 122-131.

72 Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978. С. 35.

73 Там же. С. 39, 49.

74 Круглов А.П., Подгаецкий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика // МИА. М.-Л.,1941. Вып. 3. С. 193-196.

75 Марковин В.И. Константиновсая группа курганов эпохи бронзы у г. Пятигорска // Древности Северного Кавказа. М., 1999.

76 Николаева Н.А., Сафронов В.А. Указ. соч. С. 29-32,49,52-53.

77 Марковин В.И. Северо-Кавказская культурно-историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. М., 1994. С. 283.

78 Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. С. 39.

79 Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. М., 1962. № 3. С. 187-192; Бурков С.Б. Культурно-хронологическое положение так называемых «восьмеркообразных ям с территории Северо-Восточного Кавказа // МИИКНСК. Крупновские чтения 1971-2006. М., 2008. Вып. VIII. С. 896-897.

80 Крупнов Е.И. Археологические памятники Ассинского ущелья // ТГИМ, 1941. Вып. XII. С. 160.

81 ОАК за 1889. С. 73.

82 Виноградов В.Б. Выборка археологических памятников Чечено-Ингушской АССР, открытых и исследованных в 1965-1980 гг. Грозный, 1982.

83 Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжа // ТГИМ. М., 1948; Крупнов Е.И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. Вып. 32. 1950. С. 85-95. См. также: Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. Вып. 93. М., 1961.

84 Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи… С. 10.

85 ОАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 132.

86 Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи… С. 10.

87 Петренко В.А. Новые памятники эпохи бронзы Чечено-Ингушетии // АЭС. 1969. Т. III. С. 27-36.

88 Там же. С. 32-33.

89 Воронин К.В., Малашев К.Ю. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннежелезного века равнинной зоны Республики Ингушетия // МОАИ. Т. 6. М., 2006. С. 53-55.

90 Там же. С. 55.

91 Гадиев У.Б., Цечоев И.Б. Ачалукское захоронение эпохи бронзы // ВАЦ. Вып.II. Назрань, 2002. С. 5-7.

92 Там же. С. 6.

93 Кореневский С.Н. К проблеме исследования памятников бронзового века // МОАИ. Т. 6. М., 2006. С. 9.

94 Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы близ селения Эгикал // СА. 1970, № 4.

95 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.I. С. 14.

96 Круглов А.П. Археологические работы на Тереке // СА, 1937. № 3.

97 Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи… С. 12-14.

98 Там же. С. 13.

99 Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С. 61-88.

100 Там же. С. 70.

101 Мужухоев М.Б. Работы в высокогорьях Чечено-Ингушетии // АО 1978 г., 1979. С. 138.

102 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т. 1. Назрань. 2003. С. 84, 109, 114, 115, 116, 122, 124, 131, 132, 133.

103 Шаншашвили Н., Нариманишвили Г. Раскопки «циклопических поселений» в Цалкском районе // Археологическая конференция Кавказа. Т. I. Тбилиси, 1998. С. 123-124.

104 Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. С. 131

105 Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 252.

106 Северный Кавказ с древних времен до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). (Под ред. В.Б. Виноградова). Пятигорск, 2010. С. 17.

107 Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 22, 25.

108 Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т.1. СПб., 1893-1900. С. 608; Лукиан. Избранное. М., 1996. С. 307; Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII в.). Автореферат дисс. Ереван, 1988; Гумба Г.Д. Об одном общенахском этнониме второй половины первого тыс. до н.э. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1990.

109 Страбон. География. М., 1994. С. 477-478.

110 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 70-75; Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия СКНЦВШ. 1975. Общественные науки. № 4. С. 36-44; Виноградов В.В., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. Грозный, 1966. С. 64-70.

111 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» (Армянская география VII века): Дис… канд. ист. наук АН Армянской ССР, Институт истории. Ереван, 1988. С. 13-16.

112 Виноградов В.В., Чокаев К.З. Указ соч. С. 64-70.; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 221.

113 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 10.

114 Крупнов Е.И. О происхождении и датировке Кобанской культуры // СА. 1957. № 1. С. 56-82; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 70-75; Крупнов Е.И. Заключительное слово на сессии по проблеме этногенеза // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 317; Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 106-109; Чеченов И.М. К вопросу о локальных вариантах Кобанской культуры // АЭС. Вып. I. Нальчик, 1974. С. 14-51; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 305, 310-311; Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. 2-5. Т. I. М., 1977; Мужухоев М.Б. Ингуши. Саратов, 1995. С. 8 и др.

115 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 11.

116 Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984. С. 51-52.

117 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 9-10.

118 Авалишвили Г.Б., Киквидзе Я.А. О некоторых связях скифского и колхидо-кобанского искусства // V Крупновские чтения. Тезисы. Махачкала, 1975.

119 Гумба Г.Д. Об одном общенахском этнониме… С. 9-10.

120 История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004. С. 129.

121 Гумба Г.Д. Об одном общенахском этнониме…

122 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 12.

123 Картлис цховреба. (История Грузии). Тбилиси, 2008. С. 24.

124 Там же. С. 24-25.

125 Там же. С. 25.

126 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 10.

127 Там же. С. 12.

128 Танкиев А.Х. Духовные башни ингушского народа. Саратов, 1997. С. 13.

129 Точиева М.Б. Человек в ингушской народной философии // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. СПб., 2009. С. 331-332.

130 Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р. О Верховном божестве северокавказской этнической общности // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. СПб., 2009. С. 336-337.

131 Абаев В.И. Проблема нартовского эпоса // Нартский эпос. Сб. ст. Орджоникидзе, 1957. С. 30.

132 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 375.

133 Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5; Инал-Ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях // ТАИИЯЛ. Сухуми, 1949. Т. XXIII; Аншба А.А. Вопросы поэтики абхазского Нартского эпоса. Тбилиси, 1970; Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали. 1977; Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978; Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985; Танкиев А.Х. Свет народного сознания вайнахов. Грозный, 1990; Козаев П.К. Аланы-арии. Владикавказ, 2000 и др.

134 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 15-29; Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976. С. 77.

135 Арутюнян Н.В. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван, 2001. С. 456.

136 Генинг В.Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970. С. 96.

137 Бакаев Х.З., Дударев С.Л. К вопросу об истоках нартского эпоса // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. (Материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 73.

138 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 372.

139 Дударев СЛ. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

140 Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 111-112; Раевский Д.С. Об историографии скифской проблемы в современном освещении (некоторые замечания к дискуссии) // РА. Вып. №2, 2003. С. 66.

141 Дударев СЛ. Указ. соч. С. 172.

142 Мунчаев Р.М. Луговой могильник // ДЧИ. М., 1963. С. 130-216.

143 Там же. С. 203.

144 Там же.

145 Там же.

146 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 482-484.

147 Там же. С. 297-298.

148 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура. Автореферат канд. дисс. М. 1972. С. 17; Чахкиев Д.Ю. Оружие и вопросы военного искусства позднесредневековых вайнахов (XIII-XVIII вв.) (археолого-этнографическое исследование). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1986.

149 Лопан О.В., Маслов В.Е. Указ. соч. С. 70-71.

150 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 309.

151 Там же. С. 310-311.

152 Козенкова В.И. Поселок-убежище Кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М., 2001. С. 11.

153 Там же.

154 Смирнова Я.С. Военная демократия в нартском эпосе // СА. № 6. М., 1959.

155 Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. С. 338.

156 Там же. С. 336,3 50-354, 489 и т.д.

157 Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен… С. 78-79.

158 Тресков И.В. Фольклорные связи Северного Кавказа. Нальчик, 1963. С. 106; Абаев В.И., Гуриев Т.А. Новое о происхождении термина «нарт» // Литературная Осетия, № XXI. 1971. С. 82-87.

159 Шиллинг Е. Религиозные верования народов СССР. М.-Л., 1931; Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. Грозный, 1986. С. 355; Азиев М.А. Храм Тхаба-Ерды. М., 2002. С. 6; Куркиев Р.С. Из истории ингушского танца // ВИИ. Магас, 2004. Вып. 1. С. 96.

160 Ахриев Ч. Несколько слов о героях в ингушских сказаниях // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. 5. С. 5-6.

161 Дахкильгов И.А. Об ингушском нартском эпосе // Антология ингушского фольклора. Т. 4. Нальчик, 2006. С. 13.

162 Абадиев И. У. Эздел – формула земной и вечной жизни. Тверь, 2005. С. 130.

163 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 287.

164 Ахриев Ч. Указ. соч. С. 7.

165 Далгат У.Б. Указ. соч. С. 321.

166 Ахриев Ч. Указ. соч. С. 6

167 ГIалгIай фольклор. (Ингушский фольклор. На инг. яз.). Грозный, 1940. С. 11-13.

168 Ахриев Ч. Указ. соч. С. 6.

169 Семенов Л.П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963. С. 27.

170 Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII, отд.1. С. 5.

171 Семенов Л.П. Археологические и этнографические изыскания в Ингушии в 1928-1929 годах // Известия ИНИИК. Владикавказ, 1930. Вып. II-III. С. 389.

172 Дахкильгов И.А. Мифы и легенды вайнахов. Грозный, 1991. С. 174.

173 Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969. С. 19-20.

Глава II

Ингушетия в I–XIV вв.

1. Этническая принадлежность алан

С первых веков нашей эры в письменных источниках появляется этнос под названием «аланы». Античные и закавказские авторы, впервые упоминавшие об аланах, не оставили каких-либо сведений об их миграции на Северный Кавказ с другой территории. Этот этнический термин получает распространение на территориях расселения племен кобанской культуры как бы незаметно, без сообщений о войнах и завоевательных походов, без свидетельств о появлении на Северном Кавказе нового иноязычного племени или группы племен. Специалисты, изучавшие произведения античных авторов, касающиеся территории Северного Кавказа, не случайно обратили внимание на то обстоятельство, что «греко-римский мир, внимательно следивший за «степью», не отмечает к 1 в. н. э. какого-либо серьезного изменения этнического плана, как это было здесь раньше, во время сарматского вторжения».[1] На этот же факт обратил внимание и историк Ю.С. Гаглойти, отметивший, что «ни один из античных авторов первых веков н. э., сообщающий об аланах, нигде не говорит об их переселении в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ как из Подонья или Северного Прикаспия, так и из Средней Азии».[2] По мнению языковеда Я.С. Вагапова «фиксация древними письменными источниками нахского слова («аланы». – Ред.) в Подонье и Приазовье может быть следствием передвижения части аланского населения на запад».[3] В этой связи заслуживает внимания свидетельство одного из авторитетных византийских авторов IV в. Аммиана Марцеллина, описывавшего быт приазовских алан и отмечавшего, что само наименование «аланы» они получили от гор.[4] Поэтому наряду с закрепившейся в современной науке версией о ираноязычности алан и этнокультурной преемственности между скифо-сарматским миром, средневековыми аланами и современными осетинами заслуживает пристального внимания и научного изучения получившая в трудах отдельных исследователей версия о возможной принадлежности алан к тюркоязычному миру. Не менее жизнеспособной представляется версия о нахоязычности алан и соответственно их кавказском аборигенном происхождении и преемственности от племен кобанской культуры. Придерживаясь последнего тезиса, считаем важным обозначить некоторые аспекты в проблеме происхождения алан.

Аланы занимали примерно ту же территорию, что и племена кобанской культуры – от реки Аргун на востоке до междуречья Малки и Кубани на западе. По мнению В.Б. Виноградова, «контингенты кочевнического населения в плоскостном Предкавказье были невелики, и не шли ни в какое сравнение с численностью и позициями здесь оседлых кобанцев».[5] В этой связи представляется актуальным тезис академика И.М. Дьяконова о том, что «полная смена населения практически никогда не происходила в древности, и даже частичное его изменение не должно постулироваться без надежных оснований».[6] Известный этнограф, академик Ю.В. Бромлей и известный антрополог, академик В.П. Алексеев также подчеркивали несостоятельность традиционного представления о том, что подавляющее большинство переселений народов влекло за собой почти полное уничтожение или вытеснение местного аборигенного населения.[7]

Представляется необходимым обратить внимание на этническую номенклатуру средневековых алан, в частности, на этноним «овсы». Термин «овс» впервые упоминается в грузинской хронике Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей». В хронике говорится, что «в первый же свой поход хазарский царь перевалил горы Кавказа и полонил народы… Был у него сын по имени Уобос, которому дал пленников Сомхити и Картли. Дал ему часть страны Кавказа, к западу от реки Ломека до западных пределов гор. И поселился Уобос. Потомками его являются овсы. Это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавка-

са. Дзурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавкаса, ушел и расположился в горной теснине, которой и дал имя свое – Дзурдзукети, и стал данником хазарского царя».[8]

Традиционно это извлечение из хроники Леонтия Мровели используется для доказательства теории о том, что овсы являются пришлым народом, противостоящим местному населению. При этом принято считать, что под хазарами в хронике подразумеваются скифы, а под овсами – потомками сына хазарского царя Уобоса – подразумеваются ираноязычные аланы, наследники скифов.

Из цитируемого выше извлечения из текста хроники («это и есть Овсети, что была частью [удела] Кавкаса») неизвестно, появилось ли наименование Овсети после того как эта территория стала владением Уобоса, либо оно бытовало еще ранее. Во всяком случае, источник предельно ясно указывает на то, что эта территория принадлежала аборигенному населению в лице Кавкаса и соответственно до ее завоевания могла носить местное наименование. Поскольку увязывание наименования исторической области Кавказа с именем полумифического хазарского царя представляется не до конца аргументированным, предположим, что еще до появления «хазар» существовала Овсети, как наименование одной из частей страны (удела) Кавкаса. Можно также предположить, что речь здесь идет о предгорной равнине, так как, судя по тексту хроники, удел Кавкаса разделяется параллельно Кавказскому хребту: «к западу от реки Ломека до западных пределов гор». Это подтверждает и последующее свидетельство грузинской хроники: «Дурдзук же, что был самым знаменитым среди сынов Кавкаса, ушел и расположился в горной теснине». Косвенное указание на то, что «Овсети» – предгорная равнина, и то, что она, возможно, именовалась «Овсети» еще до появления «хазар», содержится и в позднем свидетельстве царевича Вахушти: «Кавказос овладел страною от границ Лекана вплоть до Понтского моря вместе с северною от горы равниною, и через это стали называться гора – Кавказосом, а равнина – Оси».

Таким образом, представляется не лишенным основания предположение о том, что страна Кавкаса (Кавказоса) подразделялась по географическому, ландшафтному признаку на собственно горы и примыкающую к ним предгорную равнину, которые именовались соответственно – Кавкас (Кавказос) и Оси (Овсети), еще до появления «хазар» и разделения удела Кавкаса на Дурдзукети и Овсети. Из сказанного также следует заключить, что географическое название «Оси» или «Овсети» происходит из кавказских языков. Во всяком случае, нет предложенных этимологий этих названий на основе иранских языков. В этой связи заслуживает внимания объяснение названия «Оси», предложенное Я.С. Вагаповым, который видит в нем нахское «аса», т. е. «полоса» (узкая часть какого-либо пространства), «полоса ровной земли», «долина», «равнина», «долина реки». Замечание царевича Вахушти («равнина Оси»), по мнению Я.С. Вагапова, является отзвуком «некогда имевших место более ясных сведений о том, что ас//ос – равнина». «От этого географического названия («Овсети». – Ред.)», заключает Я.С. Вагапов, «образовался, очевидно, этнический термин «овсы», который мог означать «жители равнины», «равнинные», «жители долины»»[9].

Следует также отметить, что как античные авторы, упоминающие алан, так и Леонтий Мровели, описывающий события, происходившие в бывшем уделе Кавкаса, не приводят каких-либо сведений, позволяющих видеть в «овсах» пришлые племена».[10]

В русле этимологии термина «овс» на основе ингушского языка также отмечалось, что этот этнический термин «имеет аналогию с восходящим к древнейшему слою ингушского языка личным именем Овш, которое, например, отсутствует в осетинском

ономастиконе».[11] Среди авторов, последовательно отстаивающих теорию о нахоязычности алан, существует точка зрения о достаточно позднем закреплении этнонима «овсы» за предками современных осетин. Один из исследователей отмечает: «За собственно ираноязычными осетинами нарицательный географический термин «овсы» постепенно закрепился, вероятно, значительно позже. Еще в «Географии» царевича Вахушти (XVIII в.) этот термин не имеет четкой этнической определенности. Так наряду с собственно осетинскими этнографическими группами (“Тагаури», «Куртаули», «Валагири», «Дигори» – «Баделидзе» и др.) он «как превосходнейших из овсов» называет «Басиани» – балкарцев, а в «Описании современной Овсети или (жителей) внутреннего Кавказа» включает кроме «Басиани» (Балкарии) – «Кистети», «Дзурдзукети», «Глигви»».[12] Здесь необходимо заметить, что приведенные в цитате топонимы (Тагаури, Куртаули, Валагири – Алагир, Дигор) вряд ли являются бесспорно иранскими. Ни один этих топонимов не имеет ясной иранской этимологии. У Ч. Ахриева «Тагаурия», к примеру, названа «ТIоагIе» или «ТIоагIа-аре» (инг.: «плодородная долина»…, символ богатства и достатка»[13]). Согласно преданию, записанному Л.П. Семеновым у осетин в 1927 г., «ингуши некогда жили в Куртатинском и Даргавском ущельях. Под натиском осетин, сражавшихся под предводительством легендарных Тага и Курта, и кабардинцев, надвигавшихся на ингушей с плоскости, последние отступили на восток – сначала в Санибанское ущелье, затем, через Чми – на правый берег Терека».[14]

Исследователями древнегрузинской литературы подмечен интересный факт: в источниках генеалогической таблицы Леонтия Мровели кавкасионам соответствуют сарматы, а в древнеармянском источнике к ним добавлен этноним «аланы».[15] В то же время нельзя не согласиться с тезисом, что под кавкасионами летописец подразумевает «автохтонное население Северного Кавказа на территории от Терека до «западных пределов» Главного Кавказского хребта». [16] Под кавкасионами Леонтия Мровели вероятней всего, следует понимать, в первую очередь, предков современных ингушей, т. е. тот этнический массив, который в период до монгольского нашествия населял территорию от р. Аргун на востоке до адыгских земель на западе. Под этим же этническим массивом мы подразумеваем потомков носителей древней кобанской археологической культуры, известных с начала I тыс. н. э. под именем «аланы». Исходя из тезиса о том, что «в хронике Мровели под кавкасионами имеются в виду исключительно аборигены Северного Кавказа», мы также полагаем, что древние авторы, сообщая о кавкасионах, сарматах и аланах на Северном Кавказе, подразумевали именно тот самый этнический массив, имеющий генетическую преемственность от носителей кобанской культуры в прошлом до современных ингушей в настоящем.[17]

Древнегреческий историк и географ Страбон (64-63 г. до н. э – 23-24 г. н.э.), живший в то время, когда этноним «аланы» только появился в исторических трудах и хрониках, называл население Кавказа «сарматами»: «Большинство их сарматы, но все они кавказцы».[18]

Академик И.А. Джавахишвили аргументировано продемонстрировал в своих работах тезис о том, что под сарматами (читай: и аланами), древние авторы подразумевали и северокавказские племена, принадлежащие к иберийско-кавказской семье языков, в том числе и «нахские племена».[19] Академик Г.А. Меликишвили также отмечал, что северокавказские племена «тоже подразумевались под собирательным названием «скифов», «киммерийцев» и «сарматов»».[20] Таким образом, вывод авторитетных специалистов по древней истории Кавказа, принадлежащих к одной из старейших школ кавказоведения – грузинской, о собирательном характере этих этнических терминов, к которым в современном кавказоведении генетически возводятся и средневековые аланы, еще раз косвенно подтверждает гипотезу о местном происхождении тех этнических групп, которые под громкими для

своей эпохи и популярными среди древних авторов именами, локализуются на Северном Кавказе.

О возможном местном происхождении кавказских алан говорят и данные антропологии. Известный антрополог В.П. Алексеев указывает, что «население, относящееся к кавкасионскому типу, следует рассматривать как реликт древнейших племен Кавказа, заселявших центральные предгорья Кавказского хребта, по-видимому, еще до эпохи бронзы – в эпоху неолита, а может быть, даже и верхнего палеолита».[21] Антрополог В.В. Бунак отмечал, что «среди ингушей этот собственный кавказский тип сохранился более чем у кого-либо из других северокавказских народов».[22] В этой связи, интересны антропологические данные, полученные из аланских погребений и свидетельствующие о том, что среди алан также был распространен кавкасионский антропологический тип. В частности, антропологи В.П. Алексеев и К.Х. Беслекоева, исследовавшие черепа из склепов Змейского могильника и могильника на городище Верхний Джулат, пришли к выводу, что «антропологический тип этих групп говорит об их автохтонном происхождении».[23]

Интересны данные о распространенности у алан культуры строительства башен, подобных северокавказским башням. Современными исследователями в области фортификационного искусства алан сообщается, что «важным элементом защиты городищ и крепостей являлись башни, которые существенно защищали и укрепляли углы и стены на их протяжении. Башни являлись основными узлами обороны в системе укреплений… Краткий анализ башен аланских крепостей показывает, что они были закрытого типа и, вероятно, состояли из нескольких этажей. К сожалению, сведения о бойницах в башнях у нас отсутствуют, но, они безусловно были. Как нам представляется, их присутствие в древности подтверждается позднесредневековыми башнями, широко известными в горах Кавказа».[24] Дома алан (каменно-турлучные, двухэтажные, башнеобразные) также напоминали ингушские каменные жилые башни.[25]

Исходя из распространенного тезиса о происхождении алан от скифо-сарматов, т. е. якобы от степного кочевого мира, нужно отметить, что степняки не строили башен. Во всяком случае, эта культура была им чуждой и могла ими заимствоваться у других народов только при условии их перехода к земледельческому оседлому образу жизни. Но и при этом в роли строителей выступали, как правило, представители народа, для которых это ремесло было традиционным. В этой связи, интересны свидетельства о строительной практике среди осетин, полученные из этнографических записей XIX – начала XX вв. Сами осетины признавались в том, что они не умеют строить башни. «Осетинские народные предания не только не сохранили в памяти имен мастеров-иронцев, но даже признают, что башни достались иронцам от жившего здесь прежде другого народа или строились кем-то, кто был приглашен извне. В легенде «О постройке башни в Донисаре», записанной в 1905 г. А. Скачковым со слов 110-летнего жителя селения Дагом Дзиу Цабиева, говорится: «Ты спрашиваешь, почему в Донисаре такая красивая башня? Правда, она не похожа на другие? Мы, ироны, не умели строить такие башни».[26] Осетинские бытовые постройки жилого типа, сохранившееся в горной зоне, представляли собой однокомнатное большое помещение («хадзар»), напоминающее по своей планировке усовершенствованную и адаптированную к горскому жилищу степную юрту. В то же время в осетинских преданиях сохранились сведения о возведении сложных боевых башен в Горной Осетии ингушскими мастерами. Самый совершенный – пирамидальный тип боевой башни – в Осетии не был известен.

Вместе с тем исследователями башенного искусства народов Кавказа достоверно установлено, что наибольшее развитие культура строительства башен получила в Горной

Ингушетии. Установлено также, что эта культура у ингушей имеет глубокие исторические корни, восходящие к древним периодам кавказской истории.

В большинстве областей, располагавшихся на территории исторической Алании, в которых была развита башенная культура, она застывает после разгрома Аланского государства монголами в первой половине XIII в. Вероятно, это было связано со значительными изменениями в этническом составе населения этих областей бывшей Алании. Продолжает она развиваться только в Горной, Ингушетии и в прилегающих к ней части горных районов современных Грузии и Чечни, где, надо полагать, сохранились потомки алан, владевшие искусством строительства башен.

Думается, что требуют критического анализа и ряд предположений, закрепившихся среди специалистов по истории алан в качестве парадигмы, а именно: приписывание аланам катакомбного обряда погребения как отличительного этнического признака.

Принято считать, что катакомбный обряд погребения был принесен на Северный Кавказ ираноязычными кочевниками, и наличие катакомб является одним из доказательств ираноязычности алан. Рассматривая через призму археологических артефактов положения этого тезиса, один из ведущих отечественных археологов М.П. Абрамова пришла к заключению, которое ни в коей мере не может игнорироваться алановедами. Она отмечает: «Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы позволяют уже сейчас отказаться от возможности связывать появление катакомбного обряда погребений на Северном Кавказе в последних веках до нашей эры с приходом сюда сарматских племен. Это в свою очередь означает, что катакомбный обряд погребения не может служить критерием при выделении ираноязычных этнических группировок на Кавказе».[27]

Единственный сохранившийся памятник письменности на аланском языке – это надпись на большой каменной плите, найденной в 1888 г. Д.М. Струковым в верховьях реки Большой Зеленчук на территории Карачаево-Черкессии. Эту надпись пытались идентифицировать на основе ряда языков народов Северного Кавказа. При этом при расшифровке надписи приходилось прибегать к различного рода манипуляциям с текстом, в том числе переставлять или добавлять буквы. С помощью ингушского языка Зеленчукская надпись объясняется очень легко и без использования таких методов.[28]

Исходя из тезиса об ираноязычности алан, предлагается этимология термина «алан» на основе древнеиранского «ариана» («арийский»), авестийского «айриана», древнеиндийского «ариа» и т. д.[29] Таким образом, по версии сторонников иранской этимологии этнонима «алан», древнее «ариана» развилось в «алан», а потом уже в окончательное «ирон», т. е. самоназвание одной из осетинских этноплеменных групп. Но никто из античных, византийских, арабо-персидских, армянских и грузинских авторов не применял в наименовании кавказских алан этих этнических терминов. В тоже время нужно отметить, что в осетинском языке нет слова «алан», но имеется слово «алон» в составе сложного слова «æсæгælon», которое переводится как «чужой».[30] Первая часть этого слова «æсæg» означает «истинный», «действительный». Вторую часть – «ælon» В.И. Абаев переводит на русский язык как «чужой». В.И. Абаев дает буквальный перевод слова «æсæгælon» – «истинно чужой». Он также подчеркивает, что термин «æсæгælon» применяется только в отношении «к человеку, народу или стране», что «æсæгælon» может означать «чужой» в смысле «иноплеменник».[31]

Присутствие в осетинском языке созвучного с этнонимом «алан» слова «алон», употребляемого лишь в одном значении – «чужой» – и только лишь в отношении представителя чужого народа или племени, представляется неслучайным. Возможно, это является отголоском некогда существовавших межэтнических взаимоотношений, в которых как

минимум присутствовало два этноса – субъекта этих взаимоотношений: собственно предки осетин и этнос, скрываемый под именем «алон» – «чужой». В этой связи следует отметить, что единственным этнонимом в осетинском языке, содержащим указанное выше – «алон», является «махъхъалон», т. е. «ингуш». Возможно, тем самым осетинский язык свидетельствует о том, что этноним «алан»/«алон» не имел этнической связи с древними иранцами, что аланы были «чужими» для иранцев. В тоже время в этнониме «махъхъалон» явно присутствует некая связь с аланами, которую нельзя идентифицировать лишь как пример созвучий.

Приведем для сравнения один из вариантов этимологии этнонима «алан» на основе ингушского языка. Этноним «алан», возможно, происходит от ингушского слова «аьла»/«ал»/«hal» – «бог». При добавлении суффикса принадлежности «-н-» «аьла» преобразуется в «алан». Таким образом, «алан» на ингушском языке может этимологизироваться как «принадлежащий Богу».

Приведем также ряд тезисов, основывающихся на выводах различных исследователей, занимавшихся изучением древней и средневековой истории Кавказа. Эти выводы напрямую либо косвенно связаны с теорией о нахоязычности населения, занимавшего значительную территорию средневековой северокавказской Алании. При этом историки, антропологи, археологи и языковеды, каждый в своей области, независимо друг от друга приходят к довольно интересным заключениям, которые могут свидетельствовать о несомненной связи предков ингушей с историей алан. Эти заключения, зачастую игнорируемые исследователями, занимающихся аланской проблемой, одновременно ставят под сомнение преобладающий в науке тезис об ираноязычности северокавказских алан, как единственно возможный и якобы уже доказанный.

Так, например, по мнению известного антрополога В.П. Алексеева, переход древнего населения Центрального Кавказа на «тюркскую и иранскую речь имел место не раньше, чем в эпоху позднего Средневековья, то есть представляет собой заведомо позднее явление».[32] Этот вывод игнорируется сторонниками как иранского, так и тюркского происхождения северокавказских алан, видимо по той причине, что он не вписывается в логику их теоретических построений.

Необходимо также отметить, что ни один из средневековых иранских (персидских) авторов, писавших о Кавказе, не отметил какого-либо родства (схожести) между иранским и аланским языками.

Археолог В.А. Кузнецов, авторитетный специалист по истории алан, пришел к выводу, что территорию от Аргудана в Кабардино-Балкарии до Арджи Нараг (урочище в Осетии вблизи с. Эльхотово) и до р. Аргун в Чечне населяло племя аргов, которое, по его мнению, было «одним из древних вайнахских племен».[33] В тезисе об этническом субстрате северокавказских алан он отмечает: «В пользу того, что этнический субстрат был вайнахоязычен, свидетельствует древнейший на данной территории пласт местной топонимики, а сам этноним «арг» может представлять собой усеченную форму этнонима «гарг» – «гаргары», «гаргареи» – племя вайнахского этноязыкового круга».[34]

Приводимый В.А. Кузнецовым топоним «Арджи Нараг», который он переводит с осетинского как «теснина аргов», по всей видимости, является производным от ингушского «АргIи НаIар» – «Ворота Хребта». Сунженский хребет по-ингушски называется «АргI» («Хребет»). Вполне вероятно, что «арги» древних источников – это ингушское племя, жившее на Сунженском хребте.[35]

Я.С. Вагапов отмечает, что «топонимика Кабардино-Балкарии и Северной Осетии не оставляет никакого сомнения в том, что и на этих территориях некогда обитало нахоязычное население».[36]

Исследователями также подвергалось сомнению иранское происхождение наименований осетинских этноплеменных групп. Например, отмечалось что этноним «дигор», бытовавший на Кавказе задолго до появления в этом регионе иранцев, – это местный кавказский этноним, намного позже перешедший на иранцев, ассимилировавших кавказское племя дигоров.[37] Языковед В.И. Абаев отмечал, что осетинские этнонимы «ир», «дигор» и «туал»/«двал» «не имеют ничего общего с иранским миром и представляют старые местные этнические названия».[38]

В аланский период истории Северного Кавказа территорию современных Южной и прилегающей к ней горной части Северной Осетии населяли двалы, которых часть исследователей считает также вайнахским племенем.[39]

Между тем утвердившаяся в качестве незыблемой парадигмы гипотеза о ираноязычности северокавказских алан и возведение прямого генетического родства с последними современных осетин явно противоречат логике реконструкции средневековой истории Северного Кавказа, в которой аборигенным народам, оставившим уникальное историко-культурное наследие, практически не остается места. Поэтому несомненно перспективным направлением в изучении истории средневековых северокавказских алан является критика гипотезы, рассматривающей аланскую культуру как привнесенную на Кавказ извне, и разработка проблемы ее возможно местного происхождения и преемственности от племен кобанской культуры.

2. Аланы и Северный Кавказ в I – нач. XII вв.

В письменных источниках упоминаются военные походы алан в Закавказье, предпринимавшиеся в 72-74 и 135-136 гг. Выступая попеременно на стороне тех или иных политических сил, нуждавшихся в военной поддержке алан, они совершали военные акции в Армении, Иберии, Мидии, Атропатене, Парфии, доходя до Каппадокии и Малой Азии. Сведения об этих походах сохранились в трудах античных, древнегрузинских и древнеармянских авторов. Иногда из Закавказья и Малой Азии предпринимались ответные походы против алан.

Наиболее ранние подробные сведения о военных походах алан имеются в известном труде римского историка I в. Иосифа Флавия «О войне иудейской».[40] Описание этого похода встречается и в армянских источниках. Древнеармянский историк Моисей Хоренский, описывая события I в. н. э., сообщает: «аланы, соединившись с горцами и привлекши на свою сторону половину Иберии, огромными массами рассеялись по нашей стране».[41]

Историк Р.Д. Арсанукаев дает следующую интерпретацию информации, приводимой Моисеем Хоренским: «Из этого сообщения логично заключить, что аланы обитают на Северном Кавказе по соседству с горцами и являются военными союзниками иберов. Это не мешает предположить и особую этническую близость горцев Кавказа и алан, так как, судя по цитируемому отрывку, аланы отличаются от горцев лишь по географическому признаку: аланы («равнинники», «жители равнин»), соединившись с горцами («жителями гор»), «огромными массами рассеялись по нашей земле». Вместе с тем Моисей Хоренский, как и другие армянские историки, ничего не говорит о приходе алан на Северный Кавказ».[42]

Упоминание «Алании» как территории алан встречается в источниках II в. Кавказские горы римский историк Клавдий Птолемей называет «Аланскими». Судя по данным источников, территория Алании на Северном Кавказе включала земли от равнины Прикубанья (ингушское «ГIобан аре») вплоть до Северо-Восточного Кавказа, где территория по нижнему течению реки Терек называется у Птолемея «Алонта». Последний термин может ин-

терпретироваться с помощью ингушского языка, как «территория аланов»; суффикс «-та-» в ингушском языке – топонимический суффикс.

В общественном строе союза аланских племен I-IV вв. главенствовали черты военной демократии. Свободные члены общины избирали своих вождей исключительно на основе личных качеств и военных заслуг.

В 70-х гг. IV в. Северный Кавказ подвергается нашествию орд кочевников из Центральной Азии – гуннов. По свидетельству римского историка Аммиана Марцеллина, гунны отличались своей физической силой, «чудовищным и страшным» видом. Описывая быт гуннов, историк сообщает, что «все они, не имея ни определенного места жизни, кочуют по разным местам... с кибитками, в которых они проводят жизнь... гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их».

При движении гуннов из Центральной Азии на запад к ним присоединились различные этнические группы племен, проживавших на территории Южной Сибири и Казахстана. Этническая принадлежность самих гуннов достоверно не установлена. Преобладающей является гипотеза, что они говорили на тюркском языке.

В 372 г. гунны напали на алан, проживавших в Приазовье на Нижнем Дону. Аланы были разбиты и по условию мирного договора с победителями были присоединены к гуннам. Другая часть гуннов обрушилась на Северный Кавказ. Пройдя через всю его территорию с востока на запад, они вышли через Крым в междуречье Дона и Днепра, где соединились с основной массой гуннов, двигавшихся по территории Северного Причерноморья. Затем они напали на обитавшие западнее германские племена остготов и вестготов. Остготы и вестготы были разбиты и отступили далее на запад. Преследуя их, в 376 г. гунны и аланы появляются на восточной границе Римской империи.

Другая часть гуннов, не участвовавшая в походе на запад, осела на территории Северного Дагестана и положила начало гуннскому царству.

Гуннское нашествие имело тяжелые последствия для населения Северного Кавказа. И в последующие десятилетия гунны не раз совершали походы через Северный Кавказ, принося с собой разрушение и смерть. На рубеже IV-V вв. гунны через горные проходы Северного Кавказа несколько раз вторгались в страны Закавказья и Передней Азии.

В результате гуннского нашествия изменилась политическая и этническая карта Северного Кавказа. В степных районах не осталось аланского населения. Часть алан, живших в степных районах, была уничтожена, часть – увлечена в походы в Западную Европу, а оставшиеся продвинулись на юг, ближе к горам. Плотность населения в предгорной части и в горах резко увеличилась. Было уничтожено Боспорское царство, греческие города на Черноморском побережье.

Ушедшие на Запад аланы занимают заметное место в истории Европы раннего Средневековья. Часть из них укрепилась в Паннонии (территория современной Венгрии). Появляются аланы на реке Тиса. Согласно историку начала V в. Орозию, на левом берегу Нижнего Дуная в это время существует область Алания, а река Прут называется «Аланской рекой».

Вступая в союзы с различными племенами, аланы вторгаются в пределы Римской империи. В Паннонии аланы вступают в контакт с германскими племенами вандалов и свевов. В 405 г., потерпев поражение от войск Западной Римской империи и под напором надвигающихся с востока гуннов, аланы, вандалы и свевы начали движение на запад. К ним присоединились по пути и некоторые другие германские племена.

31 декабря 406 г. союзники, перейдя по льду Рейн, вторглись в Галлию. В Галлии аланы разделились на две части. Часть во главе с вождем Гоаром перешла на службу к Римской империи. Другая часть во главе с вождем Респендиалом осталась с германцами.

В этой связи представляет интерес гипотеза о сохранившейся в ингушском языке исторической памяти о событиях того времени. Так, например, заслуживает внимания, имеющееся в ингушском языке выражение «Гоара кIантий, яI!» («Эх, молодцы Гоара!»). В этом выражении, достоверное значение которого не известно, явно просматривается имя знаменитого военного вождя алан Гоара. В имени другого аланского вождя – Респендиала – заметно выделяется ингушское слово «ал»/«аьла» – «князь, правитель».

Аланы в составе римской армии участвовали во многих сражениях и битвах. Одной из величайших битв, в которых участвовал аланский отряд, явилась Каталаунская битва, решившая судьбу Западной Европы. 15 июня 451 г. на Каталаунских полях западнее гор. Труа в Галлии состоялось решающее сражение гуннской армии во главе с Аттилой с объединенными силами римлян, алан и вестготов. Аланы во главе с вождем Сангибаном были поставлены в центре союзного войска, где они столкнулись с отборной гвардией Аттилы. Битва была ожесточенной. По свидетельству готского историка Иордана, с обеих сторон погибло 165 тыс. воинов. Гунны потерпели поражение, и тем самым было остановлено их продвижение на запад. Через 2 года правитель гуннов Аттила умер, и вскоре непрочная гуннская империя распалась.

Аланы Респендиала в 406 г., отделившиеся от алан Гоара, вместе с вандалами и свевами двинулись через Пиренейские горы в Испанию и в 411 г. завоевали ее. Испания была поделена между союзниками. Аланам достались Лузитания и Картахена. Император Западной Римской империи послал против алан, вандалов и свевов, захвативших римскую провинцию Испанию, вестготов. В 416 г. вестготы вторглись в Испанию и под их давлением в 429 г. союзники переправились через Гибралтарский пролив в Северную Африку. С этого времени в источниках не упоминаются свевы, а вандальские короли упоминаются под титулами королей «вандалов и аланов».

Захватив северо-западную часть Африки (часть территории современных государств Туниса и Алжира), алано-вандалы основали в 435 г. свое государство и заключили мирный договор с Римом. Королевство вандалов и аланов просуществовало до времени завоевания его византийцами в 533 г.

Миграция различных кочевых племен, вызванная движением гуннов из Центральной Азии на запад, и ожесточенные войны между крупнейшими государствами того времени Византией и Ираном, вплотную примыкавшими к северокавказскому региону, явились событиями, которые во многом определяли развитие северокавказских племен в V-VI вв.

На Кавказе появляются кочевники различной этнической принадлежности – болгары, утригуры и кутригуры, позднее авары, савиры, тюрки.

Начинается период длительного взаимодействия алан и тюрок. В аланскую среду начинают проникать тюрки, чем было положено начало тюркизации части западных алан.

В этот сложный период истории алан их отряды часто участвуют в качестве наемников в Ирано-Византийских войнах то на одной стороне, то на другой, в зависимости от своих политических интересов, а чаще – в зависимости от того, кто больше заплатит.

Византия и Иран вели борьбу за господство в Передней Азии. Большое значение в этой борьбе имел контроль над Закавказьем. Большинство Ирано-византийских войн велись за закавказские государства. Часто в эту войну и та, и другая сторона втягивали северокавказские племена и кочевников. Большое значение для этих государств имел и контроль над торговыми путями из Индии и Китая. Из далекого Китая до средиземноморского и черноморского побережий проходил Великий шелковый путь. Значительная часть этого пути располагалась на территории Ирана, который в этот период включал огромные владения в границах современных государств Ирана, Ирака, Азербайджана, Армении,

Грузии и Афганистана. Чтобы контролировать всю протяженность пути, Иран стремился овладеть выходом к Черному морю. Византия же стремилась удержать причерноморское побережье в своих руках. Ирано-Византийские войны продолжались более ста лет – с начала VI в. до 629 г. В результате длительных и кровопролитных войн ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Последствием этих войн было ослабление обоих государств, что привело их к неспособности противостоять арабам, начавшим в VII в. свои завоевательные походы.

В послегуннский период в степях Предкавказья господствуют кочевники – тюрки. В V в. здесь сложился болгарский союз тюркских племен. Болгарские племена расселились в Приазовье вплоть до р. Кубань. Отдельные группы болгар проживали и в степях Северо-Восточного Кавказа. Наибольшего могущества Великая Болгария достигла в середине VII в. при хане Кубрате, но после его смерти в результате междоусобицы между сыновьями Кубрата и давления со стороны усилившихся к этому времени хазар, начинается миграция болгар (часть из них во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай и положила начало Дунайской Болгарии, вторая часть ушла на Волгу и положила начало Волжской Болгарии, третья часть во главе с ханом Батбаем осталась в Приазовье-Прикубанье и подпала под власть хазар).

На территории Дагестана сложился довольно сильный союз гуннских племен савиров, основным промыслом которых, как и алан, в этот период являлось участие в войнах имперских держав в качестве наемников. Византийский историк Агафий дает савирам такую оценку: «Этот народ, и величайший и многочисленнейший, весьма жаден и до войны, и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу, присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами (имеются в виду византийцы), то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим».

В VI в. в степях Предкавказья появляются авары, которые с помощью аланского «царя» Саросия (или Сародия) подчинив болгар, создали Аварский каганат. Скоро авары ушли на запад, а на смену им пришли тюрки, создавшие в том же VI в. крупное объединение тюркских племен – Тюркский каганат, в который были включены территории от границ Китая на востоке до Северного Причерноморья на западе. В конце VI в. Тюркский каганат распался на две враждующие части: Восточный тюркский каганат, располагавшийся в Средней Азии и Западный тюркский каганат, включавший восточно-европейские степи, в том числе и Предкавказье.

Хазары, появившиеся впервые в Предкавказье в период гуннского нашествия в середине VI в. были включены в состав Тюркского каганата. После его распада хазары выступили как самостоятельная сила. К середине VII в. на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа сложилось сильное государственное объединение – Хазарский каганат. Столица Хазарии – город Семендер – одно время находилась на территории современного Дагестана. Под давлением хазар часть болгар ушла из Предкавказья, оставшиеся болгары попали в зависимость от Хазарского каганата.

На протяжении трех веков – от середины VII в. до второй половины X в. – Хазарский каганат являлся самым мощным и влиятельным государственным объединением в кавказском регионе.

Степи Предкавказья были включены в состав Хазарского каганата. Граница между каганатом и Аланией на северо-востоке проходила по Тереку. По левому берегу Терека лежала Хазарская степь, по правому берегу протянулся ряд мощных аланских городищ – крепостей, расположенных на расстоянии 5-6 км друг от друга и укрепленных могучими

рвами. Широкий и глубокий Терек, в те времена более полноводный, отвесный и высокий (до 20 метров) его правый берег и густая сеть крепостей делали этот рубеж труднопреодолимым для кочевников. На северо-западе, граница между Хазарией и Аланией, возможно, проходила по Кубани.

Вскоре после возникновения Хазарского каганата, аланы попали в политическую зависимость от хазар. Хазарский каган Иосиф в письме, посланном в середине X в. испанскому сановнику Хасдаю Ибн-Шафруту, сообщает, что все аланы до границ Абхазии платят ему дань. Усиление Хазарского каганата особенно сказалось на восточных аланах, попавших в сильную зависимость от хазар. Причины этого кроются в том, что восточные аланы владели Дарьяльским проходом, имевшим важное стратегическое значение. Контроль над этим и другими проходами в Закавказье имел для хазар большое значение, особенно в период арабо-хазарских войн. Эти войны начинаются в середине VII в., и в них активно участвуют и аланы.

Первый совместный поход против арабов аланы и хазары совершают в 661 г. Он закончился поражением союзников. В следующем 662 г. арабы совершают ответный поход против византийцев и алан и, по свидетельству Ибн ал-Асира, обращают «их в страшное бегство».

В 721-722 гг. происходят столкновения между аланами и хазарами. Аланы, воспользовавшись тяжелой войной, которую вели хазары с арабами, предприняли попытку освободиться от хазарской зависимости. Но хазары разбили алан и в следующем 723 г. разбили арабскую армию, вторгнувшуюся на Северный Кавказ через территорию алан – Дарьяльский проход.

Арабы решают воспользоваться возникшими трениями между бывшими союзниками. В 723 и 724 гг. на Северный Кавказ через Дербентский и Дарьяльский проходы совершает походы арабский наместник Армении Джаррах ибн-Абдуллах, имя которого сохранилось в ингушских преданиях. Во время похода 724 г. Джаррах нанес свой основной удар по аланам. Пройдя через Дарьяльский проход, арабские войска вышли на аланскую плоскость и, разоряя все на своем пути, вернулись в Закавказье через Дербентский проход. В 725 г. Джаррах вновь совершил поход против алан и обложил их подушной податью.

В 728-729 гг. другой арабский полководец – Маслама вновь вторгся в Аланию через Дарьяльский проход. Но проливные дожди, не прекращавшиеся более месяца, помешали активным действиям арабов, и Маслама отступил.

В 730 г. огромное войско хазар, в котором находились и аланы, через Дарьяльский проход вторглось в Азербайджан, контролируемый арабами. В состоявшемся сражении с войсками арабов, последним было нанесено сокрушительное поражение. Знаменитый полководец Джаррах был убит в бою.

В ответ на это вторжение в 735 и 737 гг. арабы предприняли два крупных похода против алан и хазаров через Дарьяльское ущелье. Командовал арабскими войсками Мерван. Первый поход явился подготовительным к более масштабному походу арабов в 737 г. Мерван огнем и мечом прошел через территорию алан и вторгся в Хазарию, где им была захвачена хазарская столица – город Семендер. Хазары были полностью разбиты.

После сокрушительного поражения 737 г. только к 60-м гг. VIII в., хазары смогли восстановить свои силы. Окончательному разгрому Хазарии помешали начавшиеся в середине VIII в. смуты в Арабском халифате, в результате чего к власти пришла новая династия Аббасидов. В 764 г. хазаро-аланское войско вторглось в Закавказье и разграбило Азербайджан, Грузию и Армению.

Последним эпизодом войны древнеингушских племен с войсками халифата, можно считать разгром горцами санарами армии арабского полководца Буги ал-Кабира зимой 853 г. на южных склонах Главного Кавказского хребта у горловины Дарьяльского ущелья. Арабский хронист аль-Якуби очень сухо сообщает об этом событии: «Буга двинулся против санарийцев, сражался с ними, но они разбили его и обратили в бегство».

Арабо-хазарские войны привели к ослаблению Хазарского каганата. Столица Хазарии была перенесена на Волгу. В начале IX в. хазары приняли иудейскую веру в качестве официальной государственной религии. К концу IX в. в результате ослабления Хазарии аланы смогли вернуть политическую независимость. Окончательно Хазарский каганат перестал существовать в X в. в результате похода дружины русского князя Святослава в 965 г.

Ко времени арабо-хазарских войн относится бронзовая фигура орла из башенного поселения Арзи в Арамхинском ущелье Горной Ингушетии. Вероятно, она попала в Арамхинское ущелье в виде военного трофея.

Фигура орла из Арзи. Бронза, серебро, медь; высота – 38см.

Бронзовая фигура орла точно передает пластику тела и повадку хищной птицы. На тулове сосуда сохранились следы инкрустации серебром и медью. На шее орла арабская надпись: «Во имя Бога, Милостивого, Милосердного. Да благословит его Бог. Вот что приказал изготовить Сулейман. Слава Богу истинному. Год сто пятый». 105 год Хиджры соответствует началу VIII в.[43]

По сообщению Ч. Ахриева, этот орел служил гербом аула Арзи (инг. «Орел»), и «этот герб как знак власти был передаваем из рода в род старшему члену семьи».[44]

На сегодня данная фигура орла является древнейшим точно датированным бронзовым изделием исламского периода. Фигура орла была куплена в 1931 г. для Ингушского музея в г. Орджоникидзе.[45] В настоящее время она хранится в Государственном Эрмитаже в г. Санкт-Петербурге.

В конце IX – начале X вв. между Византией и Хазарией развернулась борьба за влияние на Аланию. Византийцы начинают миссионерскую деятельность среди алан, стараясь обратить их в христианство и тем самым укрепить свой союз с аланскими правителями. Византийцам удалось распространить христианство среди части западных алан, но все же, во время византийско-хазарской войны в 913-914 гг. аланы поддержали хазар и сыграли решающую роль при разгроме византийской армии.

Но уже около 932 г. аланы, подстрекаемые византийцами, идут войной на хазар. Потерпев поражение в этой войне, даже аланский предводитель, которого источники называют «царем», попал в плен, аланы под давлением хазар отреклись от христианства и изгнали византийских священников.

После падения Хазарского каганата аланы на некоторое время овладели степью за рекой Терек. Но уже в середине XI в. в степях появляются половцы (кипчаки), и аланы вновь были оттеснены за Терек, который стал рубежом между половцами и аланами.

Арабский автор X в. Масуди помещает алан между Сариром – государством, занимавшим часть территории современного Дагестана и Чечни до реки Аргун, – и адыгами. Кроме населения Сарира, алан и адыгов Масуди называет несколько народов проживающих на Кавказе: грузин, абхазов, санаров и хазаров.

В начале X в. после освобождения Алании от двухсотлетней зависимости от хазар политическое значение Аланского государства на международной арене резко возросло. Этому способствовало и сближение Алании с Византией, которая рассматривала алан как защиту от набегов кочевников. В Византии хорошо понимали и учитывали возросшую военную мощь алан.

Сами хазары так оценивали Аланию X в.: «Царство алан сильнее и крепче всех народов, которые жили вокруг нас». К концу X в. после падения Хазарского каганата, Аланское государство еще более усилилось.

Масуди сообщает, что «аланы более мощны, чем кашаки (адыги)». «Аланский царь, – пишет Масуди, – выступает в походы с 30 тысячами всадников. Он могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей». По свидетельству Масуди, между царем алан и царем Сарира «существуют брачные связи, поскольку каждый из них женился на сестре другого». Династическими браками были связаны правители алан и с Византией.

Столицей Аланского государства являлся город Магас.

В различных источниках даются различные варианты названия города Магас: Ма'ас (Ма1ас), Магас, Маγас (Маг1ас),[46] М.к.с. (Макас),[47] Микес,[48] М.н.к.с. (Минкас),[49] Мегет,[50] Ме-цио-сы,[51] Май-гэ-сы.[52] Есть еще один вариант, приведенный в ингушской легенде, который, возможно, имеет отношение к городу Магасу – Мцг1ате (Масаγate).[53]

Представляет интерес этимологизация топонима «Магас» на основе ингушского языка. В слове «Магас» слог «ма» означает «солнце», а слог «га»/«го» означает «круг, диск». «Мага»/«маго», таким образом, означает «круг солнца, диск солнца». Буква «с» в конце слова – ингушский топоформант, возникший из слова «са» – «земля, место».[54] «Магас» можно этимологизировать как «земля, место солнца», а если это название города – «город солнца».

Предки ингушей поклонялись солнцу с древнейших времен до принятия ислама и, по выводам абхазского исследователя Г.Д. Гумбы, оставили на Северном Кавказе ряд «таких топонимических образований на «малх» – река Малка (Малха), местности Малка, Малкана (Малк-ан), Малхар, Малгобек (Малк-/о/бек) в Северной Осетии; Малгобек, река Малка, область Малхиста (Малх-иста) в Чечено-Ингушетии».[55] К этому же ряду топонимов, происходящих от названия солнца, можно отнести и топонимы «Магас» и «Маго-Ерд» – храм в местности Магате (Маг1ате) в горах Ингушетии. В топонимах «Магас» и «Магате» («Маг1ате») присутствует один и тот же корень «мага» (суффиксы «с» и «те» являются топоформантами). Название «Магате» также тождественно одному из приведенных выше вариантов названия Магаса – Мегет. Таким образом, топоним «Магас» (в ином варианте) присутствует и на территории Горной Ингушетии.

В ингушской легенде «Сеска Солса» упоминается местность Мацагате. Согласно этой легенде, Сеска Солса является правителем страны галгаев, военным вождем, имеет свою военную дружину, сам является галгаем и живет в Мацагате.[56] Возможно, что под этой местностью имеется в виду город Магас, являвшийся местом пребывания правителей Алании.

Цари Алании являлись, по всей видимости, скорее военными вождями, чем царями (монархами) в обычном их понимании, что и зафиксировано в ингушской легенде. В.А. Кузнецов пишет: «Аланские цари – это вчерашние племенные вожди и военачальники, ставшие во главе крупного племенного объединения… Основные функции, которые осуществлялись царями Алании, – политическое и военное руководство, организация военных сил».[57] Доминиканский монах Юлиан писал об Алании: «Сколько там селений, столько же и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому».[58]

Аланский царь. Магас. С картины Х-А. Имагожева

Возможно, что топоним Магате (МагIате) и храм Маго-Ерд появились в горах Ингушетии после разрушения монголами города Магаса в 1238-1239 гг. Этот топоним мог мигрировать в горы вместе с частью плоскостного аланского населения, бывших жителей Магаса. Некоторые исследователи отмечают, что появление в горах Ингушетии Маго-Ерды связано с миграцией в горы плоскостных алан.[59]

Впервые о Магасе упоминает арабский автор X в. Масуди (умер в 956 г.) в своем сочинении «Мурудж аз-захаб» («Золотые истоки»). Он сообщает, что столица Алании называется Магас, но ничего не сообщает о местонахождении города.[60]

Ориентиры местонахождения столицы Алании дает другой арабский автор X века Ибн Руста: «Ты выходишь налево (на запад) от царства Сарир и, пройдя три дня пути среди гор и лугов, прибываешь в царство Ал-лан (алан)».[61] Тот же отрывок из сочинения Ибн Руста в переводе Н.А. Караулова звучит немного иначе: «Выйдя с левой стороны владений царя Серир, идешь в течение трех дней по горам и лугам и, наконец, приходишь к царю аланов».[62] Подобные сведения содержатся и в работе арабского автора XI в. Ал-Бекри, который пишет: «…налево от крепости царя Серир есть дорога, ведущая путешественников по горам и лугам после трех дней в страну царя аланов».[63]

В.Ф. Минорский приводит убедительные доказательства тождества аланского города Магас, упоминаемого Масуди, с городом М.к.с. (М.н.к.с., Май-го-се и т.д.) арабо-персидских и китайских хроник времени монгольского похода на Аланию.[64]

Исходя из данных исторических хроник и археологических раскопок, выдвинуто несколько версий о местонахождении Магаса. Наиболее распространенные среди них – это

отождествление с Магасом Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкессии[65] и Алхан-Калинского городища в Чечне[66]. Но если взять за основу географическое расположение этих городищ, то их нельзя отождествлять с Магасом, поскольку оба городища расположены на окраинах исторической Алании.

Раннесредневековый Магас – это комплекс средневековых городищ и поселений, укрепленных оборонительными валами и рвами и составляющих единый укрепленный район.

С учетом географического фактора более убедительной представляется версия о том, что Магас мог находиться в районе современных населенных пунктов Назрановского района Ингушетии: г. Назрани, селений Яндаре, Гази-Юрт, Экажево, Али-Юрт и Сурхахи, т. е. в местности, где расположены многочисленные памятники аланского времени. На обозначенной территории имеется целый ряд аланских городищ. Исследователями отмечено что «многие городища расположены группами или «гнездами» в пределах видимости. В некоторых из этих групп выделяется, как правило, своими большими размерами, укрепленностью и сложностью планировки одно из центральных городищ, к которому тяготеют менее значительные… «Гнездовое» расположение городищ связывается с сильными родоплеменными пережитками в соответствующем обществе».[67] По мнению В.Б. Виноградова, данный район группы памятников – один из крупнейших на Северном Кавказе.[68]

«Планировка оборонительных сооружений средневековой Алании практически всегда соответствовала естественному рельефу местности и состояла из одной или нескольких линий фортификационных сооружений из стен, рвов и валов. Строители крепостных сооружений стремились максимально использовать труднодоступность отдельных горных массивов, приспособив их к условиям обороны посредством куртин, боевых площадок, башен и др. Для Алании укрепления с поясным периметром стен – крайне редкое явление».[69]

В данном районе зафиксировано более 30 городищ и поселений, оборонительные рвы, соединяющие между собой городища, валы, многочисленные погребальные памятники аланского времени. Правый высокий берег реки Сунжи на всем его протяжении от селения Яндаре и до селения Ахки-Юрт в Пригородном районе представлял собой естественный оборонительный рубеж, укрепленный искусственными рвами и, возможно, в древности укрепленный оборонительными стенами. Таким же образом был укреплен и правый берег р. Назранки.

Укрепленными оборонительными линиями являются также высокие обрывистые берега Назранки и Сунжи. Правый берег Назранки и правый берег Сунжи были укреплены многочисленными рвами (искусственные рвы проходят через каждые 80-100 м). Возможно, в древности они были укреплены оборонительными стенами.

В китайской хронике «Юань-ши» об осаде монголами Магаса (в хронике – Ме-циосы) рассказывается: «Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался» и «Сили-цянь-бу с одинацатью готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам; вперед же поставил одинадцать пленников. Они громко закричали: «Город пал». За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины, и город взяли».[70]

В повествовании Джувейни о взятии монголами Магаса говорится о том, что окрестности Магаса покрыты болотами и густым лесом[71]. В районе предлагаемого нахождения исторического Магаса, на территории современной Ингушетии до сих пор сохранились густые леса. И местность эта сильно заболочена. Даже название урочища Эрз-Эли, где, возможно, находилась центральная часть Магаса, – «Камышовая балка» – говорит о заболоченности этой местности. Имеются письменные свидетельства XVIII в. о природно-географических особенностях указанной местности. В частности, в 1781 г. Леонтий

Штедер писал о речке Назранке, на берегах которой расположены несколько городищ, входивших в систему городищ Магаса, что она имеет чистую родниковую воду, болотистое дно и заболоченные берега, поросшие тростником и кустарником, и что реку можно перейти лишь там, где имелся брод.[72]

Вокруг центрального городища Хатой-Боарз, являвшемся, по всей видимости, цитаделью Магаса, расположено несколько оборонительных поясов, укрепленных довольно крупными городищами. Между городищами находились многочисленные поселения. В этой связи представляет интерес извлечение из повествования Масуди, который отмечает, что царство алан «состоит из непрерывного ряда поселений; когда утром запоют где-нибудь петухи, ответ им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений».[73]

Система городищ Назрановского района Ингушетии расположена на стыке гор и равнины между выходами на плоскость из Дарьяльского и Ассинского ущелий. Это наиболее подходящее место для расположения политического, торгово-экономического и географического центра исторической Алании.

Дарьяльское ущелье – наиболее удобный проход в Закавказье и далее в Переднюю Азию, по нему проходила основная ветвь Великого шелкового пути. Сеть дорог этого пути на территории современной Ингушетии представляется следующим образом: ответвление пути от основной ветви проходило через Джейрахское (Арамхинское) ущелье и далее через Чулхойское в Ассинское ущелье и оттуда уже – на равнину. Еще одна боковая ветвь Великого шелкового пути, идущая от Дербента на запад, проходила через территорию вышеназванного района городищ. Ветви шелкового пути проходили также по долине реки Сунжи с востока на запад, по долине Камбилеевки с юга на северо-запад (от Дарьяла к Эльхотовским воротам) и далее – через Ачалукский проход с юга на север.

Таким образом, данная группа городищ контролировала очень важные участки Великого шелкового пути. На ингушском языке Дарьяльское ущелье называется «Даьри аьли» («Däri äli») – «Шелковое ущелье» (инг. «даьри – шелк», «аьли» – «ущелье»).

Возможно, что именно Великому шелковому пути Магас был обязан своим зарождением, ростом и процветанием. Археологический материал и письменные источники свидетельствуют, что жители Алании и сами занимались торговлей: «В XI-XII и даже в XIII в., т. е. уже при татарах аланские купцы занимают важное место в торговле, которая в то время интенсивно шла как по волжскому пути из Болгар в Среднюю Азию, Кавказ, Иран и Дальний Восток, так и через степи в Крым, а оттуда – на Трапезунд в Малую Азию, на Константинополь, а также велась с русскими княжествами».[74]

Точную дату основания Магаса, с помощью данных письменных источников, известных на сегодняшний день исследователям, установить невозможно. Впервые Магас упоминается в труде Масуди, написанном в 943 г.[75]

Вполне вероятно, что среди пяти аланских «городов», о которых сообщал Захарий Ритор в VI в.,[76] подразумевался и крупнейший аланский «город» – Магас.

XI в. – это период наибольшего расцвета Аланского государства. В 1032, 1033, 1062 и 1065 гг. аланы совершают военные походы в Закавказье.

На правах военных наемников продолжают сражаться аланы и на стороне Византии. Византийский хронист Никифор Вриенний сообщает эпизод, относящийся к периоду царствования императора Михаила Дуки (1071-1078), когда византийцы привели из Алании шесть тысяч наемных воинов, но вскоре все аланы вернулись домой, так как византийцам нечем было им платить.

В XII в. наблюдается ослабление Алании. Если в источниках XI в. об Алании говорится наряду с Сариром, как о крупнейшем государственном объединении, то источники

XII в. свидетельствуют об изменении положения. Хроники говорят уже не о «царе» алан, а о многих «царях», что свидетельствует об отсутствии у них в этот период единого центра. Характерно, что в начале XII в. царь Грузии Давид III обращается за помощью не к аланам, а к половцам.

Тем не менее, аланы продолжают служить при византийском дворе, заключают династические браки. Ко второй половине XII в. относится заключение брака между царем Грузии Георгием III и дочерью аланского царя Худдана – Бурдухан. Дочь Георгия III и аланки Бурдухан – Тамара – в 1178 г. была возведена на престол еще при жизни Георгия III. В ингушских преданиях сохранилась память о царице Тамаре, как об «ингушской племяннице».

В первой половине XIII столетия Алания предстает в источниках раздробленной, раздираемой междоусобицами. Доминиканский монах Юлиан, побывавший в Алании в 1236 г., свидетельствует, что в Алании «сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса и другая работа, то они равным образом идут все при оружии... у них человекоубийство не считается ни за что». Подобные суждения об аланах высказывает и аланский епископ Феодор: «отличия моих пасомых – убийства, прежде всего».

Основой хозяйственной деятельности алан, как в предыдущие эпохи, являлось земледелие. Об этом свидетельствуют многочисленные письменные и археологические источники.

Масуди отмечает, что страна алан «хорошо возделана». Об аланах в персидской анонимной хронике X в. «Худуд ал-Алам» говорится: «Некоторые из них горцы, некоторые – земледельцы». Имеется свидетельство венецианского историка Мартина Канале о том, что во время голода в Италии 1268 г. аланы и некоторые другие народы дали хлеб венецианцам.

На аланских поселениях и городищах археологи находят каменные жернова и зернотерки, с помощью которых мололи зерно, каменные ступы и песты для измельчения зерна в крупу, многочисленность которых свидетельствует о больших урожаях зерна, получаемых аланами. Также при раскопках городищ и поселений были найдены железные лемеха для плугов, железные наконечники для сохи, цепи для молотьбы зерна, серпы и другие железные предметы, связанные с земледелием.

Основными зерновыми культурами аланы были пшеница и просо. Выращивали также овес, рожь и ячмень. После уборки урожая зерно хранилось в специальных зерновых ямах, обнаруженных археологами почти на всех поселениях. Они обычно располагаются вокруг жилищ, а иногда в виде погреба внутри жилища. Обнаружены археологами и надземные хранилища зерна, сплетенные из прутьев и обмазанные глиной.

В горах, как и в прежниее времена, широко использовалось террасное земледелие. В лесистых местностях применялось подсечное земледелие, при котором путем вырубки и выжигания леса освобождалась земля под пахоту.

Наряду с земледелием важнейшей отраслью хозяйства алан было скотоводство. В равнинных районах преобладал крупный рогатый скот, в горах – мелкий рогатый скот. Разводили и лошадей, которых использовали как транспортное средство. Археологами также найдены на аланских поселениях и городищах кости таких домашних животных, как свинья, осел, собака, кошка и кости домашней курицы.

Заметную роль в хозяйстве алан играли также охота и рыболовство. Археологами обнаружены орудия охоты и рыболовства и кости диких животных.

Развитие получили отрасли ремесленного производства: металлургия и металлообработка, гончарное производство, обработка камня, дерева и кожи, прядение и ткачество.

Основным материалом для изготовления орудий труда, оружия, различных предметов обихода служило железо. Аланская металлургия основывалась на местных месторождениях железной руды. На территории исторической Алании учеными открыты и исследованы древние штольни, в которых добывалась железная руда. Обнаружены также многочисленные железные шлаки, остатки плавильных печей и другие следы выплавки железной руды. Металлургическое производство было сосредоточено в основном в горной и предгорной зонах. По данным письменных источников, которые подтверждаются археологическими находками, аланы выплавляли и собственную сталь. Известны аланские стальные сабли. Аланы также были, по свидетельству современников, отличными кузнецами. Ими производились лемеха плугов, серпы, мотыги, ножницы для стрижки овец, различные крюки, топоры, ножи, напильники, тесла, зубила, шила и другие предметы. О высоком уровне кузнечного дела свидетельствуют и находки кольчуг. Аланам была известна обработка цветных металлов – меди, серебра, олова, свинца, цинка и их сплавов (бронзы).

Наблюдается элементы преемственности в культуре алан от племен кобанской культуры. В частности, археологи отмечают присутствие на аланской керамике элементов, свойственных керамике кобанских племен – налепных шишечек, зооморфных форм ручек сосудов, некоторых видов орнамента и т. д. С VI в. при производстве керамики начинают применять гончарный круг. К XIII в. вся керамика производится на быстро вращающемся ножном круге.

С X в. начинают производить черепицу и кирпичи из глины, что было связано с начавшимся в Западной Алании крупным церковным строительством. В XIII в. черепица известна и в Восточной Алании.

Традиционным производством древних ингушей была обработка камня, уходящая своими корнями в глубокую древность. И в более поздние времена ингуши славились своими мастерами по обработке камня, которых называли «т1оговзанч». В горных и предгорных районах камень всегда был основным строительным материалом. Из камня строились храмы, башни, оборонительные стены, погребальные склепы. Сооружения строились из тесаных каменных блоков. Археологами отмечено применение при строительстве храмов раствора (большинство сооружений строились в технике сухой кладки).

Известны созданные из камня памятники пластического искусства – высеченные на каменных плитах рельефные рисунки, символы.

Производился из камня также хозяйственно-бытовой инвентарь – жернова для размола зерна, зернотерки, пряслицы и другие предметы.

Была развита обработка дерева. Из дерева производились различные сосуды, гребни, ложки, шкатулки, древки копий и стрел, рукояти разнообразных хозяйственных орудий и инструментов, и т. д. Археологами обнаружены деревянные седла, разные части которых сделаны из разных пород дерева; седла покрывали различными орнаментами и вставляли медные пластинки с изображениями различных птиц и зверей. Ряд археологических находок указывают на существование у алан примитивного токарного станка для обработки дерева. Большой интерес представляют найденные в аланских могильниках столики на трех ножках, схожие с ингушскими традиционными столиками на трех ножках, называемые «кхоког» или «шу».

В археологических памятниках также обнаружены куски кожи двух сортов: сыромятной и тонкой сафьяновой. Из сыромятной кожи делались сбруя, уздечки, обувь типа поздних чувяк, без подошвы и каблука. Кожей обтягивались боевые щиты, колчаны для стрел;

возможно, кожаными были и шлемы. Из сафьяновой кожи вырезались сложные узоры-аппликации, украшавшие богатые праздничные платья, сапоги, головные уборы и т. д.

Была развита внутренняя и внешняя торговля. Развитию внутренней торговли способствовала специализация отдельных районов. В горных и предгорных районах преимущественно развивалось скотоводство, а на плоскости – земледелие. Также горцы специализировались на производстве и обработке металла. Но широкого развития внутренняя торговля достичь не могла, так как на внутреннем рынке господствовал натуральный обмен.

Развитию международной торговли способствовало в первую очередь выгодное расположение Алании на стыке Европы и Азии и международные торговые пути, проходившие через ее территорию. В X в. аланские купцы были известны в Крыму, на Кавказе, в Византии, в различных странах Востока.

Из Византии поступали керамические изделия, в том числе тарные сосуды (амфоры), стеклянные сосуды, шелковые ткани, браслеты, перстни, бусы из полудрагоценных камней, украшения из металла и кости, предметы христианского культа, монеты. Из Крыма привозили амфоры с вином, стеклянные браслеты. Из Закавказья привозили некоторые виды стеклянных браслетов и стеклянные сосуды. Из Руси и Волжской Болгарии купцы доставляли мед, воск, дорогие меха и другие товары, также через Русь поступал янтарь. Археологические раскопки свидетельствуют о торговых связях алан с кочевниками Предкавказья и Причерноморья, а также с населением Центральной Европы.

Прослеживаются связи с Малой Азией, Ближним Востоком, Передней Азией и Средней Азией. Особенно интенсивными были торговые связи с Сирией и Ираном. Из Сирии поступали стеклянные сосуды, бусы, из Ирана – белоглинная поливная керамика и бусы из драгоценных камней. С Ближнего Востока вывозился шелк, шерстяные и бумажные ткани, керамика, пряности. Из Средней Азии доставлялись шелковые ткани, украшения и керамика. Привозили товары и из далеких стран – Индии и Китая.

3. Северный Кавказ в период завоевательных походов монголов

В начале XIII в. в Центральной Азии произошли события, сыгравшие в дальнейшем огромную роль в истории многих народов и государств мира – образовалось Монгольское государство под властью Темучина, получившего имя Чингисхан – «Великий хан».

В 1219 г. монголы завоевали Среднюю Азию, разгромив обширное государство Хорезм. В 1220 г. Чингисхан отправил в глубокий разведывательный рейд на запад двадцатитысячный экспедиционный корпус под командованием двух опытных военачальников Джебе-нойона и Субэдэй-бахадура. По пути к ним присоединилось десятитысячное войско туркменов.

Пройдя с боями через Северный Иран и Закавказье, монголы в 1222 г. через Дербентский проход вторглись на Северный Кавказ. Здесь произошло сражение между ними и объединенным алано-половецким войском.

Летописец Ибн аль-Асир так повествует об этом событии: «Перебравшись через Ширванское ущелье, татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и разные тюркские племена. Они ограбили и перебили много лезгин, которые были отчасти мусульмане и отчасти неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все свое старание, со-

брали у себя толпу кипчаков, и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда татары послали к кипчакам сказать: «Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд, сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одежде и прочем: они татары действительно принесли им то, что было выговорено, и кипчаки оставили их (алан)».[77]

Монгольский воин. Средневековый рисунок

После ухода половцев (кипчаков) вновь состоялось сражение между аланами и монголами. Аланы потерпели поражение. По свидетельству Ибн аль-Асира, «татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их. Тут стали они (татары) нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что сами им принесли».[78]

После избиения алан и кипчаков монголы перезимовали в кипчакских степях, а 31 мая 1223 г. в битве на р. Калке разгромили русское войско, в составе которого были также отряды кипчаков. В 1224 г. экспедиционный корпус Джебе и Субэдэя вернулся в Монголию.

На курултае в 1235 г. в Каракоруме – столице Монгольской империи – было принято решение о необходимости совершить грандиозный завоевательный поход в Восточную Европу. Из всех намеченных к завоеванию на этом курултае городов Восточной Европы в монгольских и китайских хрониках упоминаются только Киев и Магас.[79]

Летописец Рашид ад-Дин сообщает: «В год барана (1235 г. – Ред.) благословенный взгляд хана (в то время верховным ханом был Угедей, сын Чингисхана. – Ред.) остановился на том, чтобы из царевичей Бату, Менгу-каан и Гуюк-хан сообща с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булгар, маджар, башкирд, асов, Судак и те края для завоевания таковых; и они занялись приготовлением к этому походу».[80]

Возглавлял поход внук Чингисхана хан Бату. Поход на Запад начался в 1236 г. с похода на Волжскую Болгарию. В течение 1236-1237 гг. подверглись разорению Волжская Болгария, поволжские народы, Русь, Северо-западный Кавказ.

Осенью 1238 г. начался поход монголов на Аланию. Бату поручил руководство этим походом Менгу-хану. «Потом в кока-иле, т. е. год свиньи, соответствующий 636 г. (14. 08. 1238 – 8. 08. 1239 г.), – сообщает Рашид ад-Дин, – Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкасу (Магасу. – Ред.) и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши (637 г. Хиджры – 3. 08. 1239 – 22. 07. 1240 г.)».[81] По свидетельству же китайской хроники «Юань-ши», осада Магаса продолжалась 3 месяца[82]. Таким образом, поход на Аланию начался осенью 1238 г. и продолжался до позднего лета 1239 г. Главным событием этого похода была осада и взятие монголами столицы алан – города Магаса.

Осада Магаса началась зимой в конце 1238 г. и продолжалась до начала 1239 г. По рассказу персидского хрониста Джувейни жители города М.к.с. «по многочисленности своей

были точно муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что в нем нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили город с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую дорогу, что по ней могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом против стен его выставили метательные орудия».[83]

В китайской хронике «Юань-ши» об осаде города Ме-цио-сы (Магаса) говорится: «Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался... Си-ли-цянь-бу с одинацатью готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам; вперед же поставил одинадцать пленников. Они громко закричали: «Город пал!». За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины, и город взяли». [84]

Судя по тому, что монголами применялись метательные орудия, и упоминанию о сроке в полтора месяца осады города, жители Магаса оказали завоевателям ожесточенное сопротивление. Численность монгольских войск, участвовавших в походе на алан и осаде Магаса, неизвестна.

По сообщению Джувейни, завоеватели оставили от Магаса «только имя его и нашли там много добычи».[85] По приказу монгольских царевичей, руководивших войском, после окончания битвы у каждого погибшего защитника Магаса было отрезано правое ухо. По сообщению Джувейни, было сосчитано 270 000 ушей.[86] Цифра огромная для средневековых городов. По всей видимости, Джувейни значительно преувеличил число погибших алан. Но все же приводимая цифра свидетельствует о многочисленности жителей Магаса, о множестве погибших во время обороны города и является еще одним свидетельством ожесточенного сопротивления, оказанного монголам аланами.

После разрушения Магаса весной 1239 г. часть монгольских войск была послана в Дагестан. Рашид ад-Дин сообщает, что «весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка («Железные ворота», т. е. г. Дербент. – Ред.) с тем, чтобы он занял его и область Авир (Авария. – Ред.)».[87]

После произведенных им завоеваний в Восточной Европе хан Бату послал донесение верховному хану, своему дяде Угедею, в котором говорилось: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет (Магас. – Ред.) и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов».[88] Таким образом, взятие и разрушение Магаса, по мнению Бату, который руководил всем походом в Восточную Европу, было самым значительным его достижением.

В результате похода 1238-1239 гг. монголами была завоевана равнинная часть Алании. Города и селения были разрушены. Уцелевшие аланы бежали в горы и продолжали борьбу против завоевателей.

Путешественник Плано Карпини, побывавший на Северном Кавказе в 40-х гг. XIII в. вскоре после разгрома Алании, свидетельствует, что аланы находятся в числе подчиненных монголам народов, но он отмечает также «некую часть аланов, оказавших мужественное сопротивление, и доселе еще не подчиненных им».[89] Причем некую гору в Алании, согласно Плано Карпини, монголы осаждают уже 12 лет, и за это время аланы «оказали им мужественное сопротивление и убили многих татар и притом вельмож».[90]

Другой путешественник Гильом Рубрук в 1253 г. сообщал, что монголам не удалось завершить покорение алан, что они «все еще борются против татар».[91] Он же сообщал, что монголы были вынуждены поставить охраны на выходах из горных ущелий: «Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине».[92] По сообщению арабских источников, монголы вынуждены были держать в предгорьях десятитысячное войско для предотвращения вылазок алан из горных ущелий.[93]

Северный Кавказ был включен в Улус Джучи, или Золотую Орду – одно из монгольских государств, образовавшихся в результате монгольских завоеваний.

Гибель Магаса. С картины Х.-А. Имагожева

«Во всех завоеванных районах были назначены наместники. По китайским источникам, это дарагуци, по монгольским – таньмачи, а также военные представители, по русским летописям – баскаки. Они осуществляли общий надзор за ходом дел, обеспечивали проведение переписи населения, сбор дани и доставку ее ко двору хана, устройство почтовых сообщений и набор войск из покоренных народов. Монгольские ханы принуждали насильно мобилизованных к участию в боевых действиях».[94]

После погрома 1238-1239 гг., когда большая часть аланского населения ушла в горы, какая-то часть алан все же продолжала проживать на плоскости под властью монголов. Об этом говорят данные русских летописей, повествующих о восстании жителей аланского города Дедяков или Дадаков. На основе ингушского языка название города может быть прочтено как «Город главы (вождя, царя)», также «Дада» или «Дедя» может являться и личным именем, такой вариант еще более соответствует поздней ингушской традиции в наименовании населенных пунктов.

Разгромив Магас и завоевав эту территорию в 1238–1239 гг., основные силы монголов ушли, и жизнь здесь возродилась, что подтверждает и само существование довольно крупного «славного» города Дедякова. Дедяков, вероятно, являлся крупным торговым центром региона, расположенным на путях пересечения торговых путей, и именно в этом качестве получил значительное развитие при монголах. «Торговля в жизни населения Северного Кавказа XIII–XIV вв. имела большое значение. Популярностью пользовались в то время торгово-ремесленные центры Северного Кавказа – Дербент, Аркас, Тарки, Алмак, Дедяков, Магас, Татартуп, Нижний Джулат, Капчигай, Маджары, Матрика, Мапа, Копа и др.».[95] О торговле алан в XIII в. имеются многочисленные свидетельства. По одному из них в 1268 г. во время большого голода в Италии венецианский дож Лоренцо Тьепола закупил хлеб у алан, зихов, русов, армян и греков.[96]

Согласно сведениям русских летописей, приводящих ориентиры местонахождения Дедякова, он, вероятно, находился на территории современной Ингушетии. В разных летописных сводах приводятся следующие ориентиры: Дедяков находится за Тереком, Терским и Сунженским хребтами на реке Сунже, рядом протекает река Ная (возможно, Нясар, т. е. Назранка. – Ред.), близ Дарьяльского ущелья, недалеко к северу от него, протекает р. Ачалук.[97] Этим ориентирам более всего соответствует местоположение крупного комплекса городищ в междуречье Сунжи и Назранки на территории Гамурзиевского и Насыркортского муниципальных округов г. Назрань.

В 1277 жители Дедякова восстали против ордынского гнета. Причиной восстания, вероятно, послужило то, что после переписи, произведенной монголами в 1254 г., аланское население было обложено налогами: «Открытое выступление населения Дедякова может быть объяснено тем, что монголы в 1254 г. произвели перепись населения в подчиненных им землях… и установили жесточайший налоговый гнет, вызвавший целый ряд восстаний…».[98] Вероятно, что это выступление стало возможным после ухода отсюда золотоордынцев, и в то же время жители Дедякова находились в союзнических отношениях с чингизидами южной ветви (ильханами), которые были во враждебных отношениях с золотоордынцами.[99]

Исследователи считают, что это было восстание только горожан – жителей Дедякова. В то же время высказывались соображения, что при наличии на Северном Кавказе монгольских гарнизонов вряд ли потребовались бы дополнительные силы, чтобы подавить только городское восстание.[100] Вероятно все же, что это было восстание не городское, а более крупной населенной области, центром которого был город Дедяков. Иначе трудно объяснить, почему в поход для подавления восстания выступил сам хан со своим войском и призвал еще русских князей.

Территория, прилегающая к Дарьялу, по всей видимости, находилась в полузависимом состоянии по отношению к Золотой Орде. Это подтверждает и свидетельство арабского автора Ибн Фадлаллаха Аль-Эломари: «Они [черкесы, русские и ясы] не в силах сопротивляться султану этих стран (хану Золотой Орды. – Ред.) и поэтому обходятся с ним как подданные его, хотя у них и есть [свои] цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами; сколько раз он убивал их мужчин, забирал в плен их жен и детей, уводил их рабами в разные страны».[101]

Хан Менгу-Тимур выступил в поход против Дедякова. По его приказу в походе приняли участие и русские князья со своими дружинами. После долгой осады, по сообщению Симеоновской летописи, Дедяков был взят и сожжен 8 февраля 1278 г. Как сообщает летописец, монголы и русские князья «полон и богатства много взяша, а иных смерти предаша, а град их сжгоша».[102]

В этом походе участвовали русские князья Андрей Городецкий, Глеб Ростовский с сыном и племянником, Федор Ярославский и другие со своими дружинами.[103]

Первое упоминание об этом походе содержится в Симеоновской летописи: «В лето 6785 (1277 г. – Ред.) поидоша князи в Татары, князь Борис с княгинею и детми, князь Глеб Ростовьский с сыном с Михаилом, князь Федор, князь Андреи и инии князи мнози. Князь же Борис Василкович разболеса в орде, тамо и представися месяца сентября в 16 день, на память святые мученици Еуфимии. Князь же Глеб плакася веями по брате своем. Княгини же Марья, вземши тело князя своего, с сыном Дмитрием повезе на Русь, и привезе в Ростов, и епископ Игнатии с игумены и попы, пев над ним, положища и в церкви святыя Богородица соборной, на левой стороне, месяц ноября в 13, на память святого отца Иоанна Златоустого, и плакася по нем весь град. Князь же Ростовский Глеб Василькович с братаничем своим князем Костянтином, князь Федор Ростиславичь, князь Андрей Александрович и инии князи мнози с бояры и слугами поехаша на воину с царем Менгутемером, и поможе бог князем русским, взяша славный град Ясьскый Дедяков зиме месяца февраля в 8, на память святого пророка Захарии, и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избища, а град их огнем пожгоша. Царь же почтив добре князей русских и похвалив велми и одарив, отпусти в свояси с многою честью, каждо в свою отчину».[104]

Вероятно, большая добыча, полученная русскими князьями при взятии города, послужило тому, что в летописях по отношению к Дедякову стали применять эпитет «славный», т. е. «богатый».

Но, как отмечают исследователи, «поход русско-ордынских войск на Дедяков все же не стал заключительным в окончательном установлении в округе Дарьяла политического диктата Золотой Орды. Армянские источники, освещая события, относящиеся к 1295 г., сообщают: «Молодой царь грузинский Давид сын Деметре с помощью мтиульцев, пхайцев и других северокавказских народов завладел аланскими воротами, откуда они изгнали стражу татарскую».[105]

Для алан завоевательные походы монголов обернулись катастрофой. Монгольское нашествие перекроило всю политическую и этническую карту Северного Кавказа. В результате монгольского завоевания было уничтожено Аланское государство. Во много раз сократилась численность и территория алан. Была полностью разрушена экономика.

4. Походы Тимура Хромого на Северный Кавказ

В конце XIV в. Северный Кавказ подвергся опустошительному походу среднеазиатского завоевателя Тимура Хромого.

15-17 апреля 1395 г. на предкавказской равнине между реками Курой и Тереком состоялось грандиозное сражение между войсками хана Золотой Орды Тохтамыша и Тимура. Горцы Кавказа в основном поддерживали золотоордынцев. В войске Тохтамыша в этой битве участвовали и предки ингушей. Согласно хронике Шереф-ад-дина Йезди, войско Тохтамыша состояло «из русских, черкесов, булгар, кипчаков, аланов, жителей Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов и М.к.с.».[106]

Оба войска имели примерно по 300 тысяч воинов. В течение трех дней шло одно из самых кровопролитных в Средневековье сражений. Тохтамыш потерпел поражение в битве, и его войско распалось на три отдельные части: одна часть ушла на север, к низовьям Волги, другая часть бежала в горы Кавказа, третья часть ушла на Дон и в Крым.

Только Тимур в этом сражении потерял убитыми более ста тысяч воинов. Еще больше погибло воинов из разгромленного войска Тохтамыша. Этим поражением Золотой Орде был нанесен смертельный удар. Более у монголов не было сил для возрождения былого могущества Золотой Орды.

После победы в сражении Тимур начал преследовать войско Тохтамыша. По пути он огнем и мечом прошел Поволжье, Южную Русь и Крым.

Осенью 1395 г. Тимур начал поход на Северный Кавказ. В течение нескольких месяцев войско Тимура прошло через весь Северный Кавказ с запада на восток, уничтожая все на своем пути, оставляя после себя руины и трупы.

Походы против северокавказских народов вероятно были связаны с тем, что северокавказцы поддерживали Тохтамыша в его борьбе против Тимура. После поражения Тохтамыша, один из его военачальников – Удурку бежал в горы и укрылся, по сообщению хроник Шами и Йезди, в крепости Пулада.[107]

Первый удар был нанесен по адыгским (черкесским) племенам. Адыги подожгли луга между Азовом и Кубанью. В результате, как сообщает хронист Шереф-ад-дин Йезди, «множество скота победоносного войска погибло на этом пути, и оно бедствовало около семи или восьми дней от бескормья».[108] Но все же адыгов это не спасло. Переправившись через сожженную землю, войска Тимура обрушились на них и «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу».[109]

Согласно средневековым хроникам, после похода против адыгов Тимур совершил несколько походов против алан (в текстах хроник – «эльбурзцы»): «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми подобными небосводу войсками повернул к горе Эльбурз».[110]

Против алан было совершено четыре похода: против «Буриберди и Буракана», против «Кулу и Тауса», против крепости Кабчигай, где был правителем Пулад, и против области Симсим. Выдвинуты различные предположения о маршрутах походов Тимура.

При исследовании маршрутов походов Тимура против северокавказцев исследователи в основном опираются на две хроники – «Зафар-намэ» («Книга побед») Низам-ад-дина Шами, являвшегося современником и личным секретарем Тимура, и «Зафар-намэ» («Книга побед») Шереф-ад-дина Йезди, жившего в первой половине XV в.[111]

Необходимо отметить, что под горой Эльбурз хронисты имеют в виду Кавказский хребет от Черкесии до Дагестана, т. е. территорию, которую занимали аланы, так как, согласно хроникам, походы против «эльбурзцев» начинаются сразу же после похода на черкесов и заканчиваются походом на область Аухар, которую большинство исследователей локализуют в Дагестане[112] и отождествляют с Аварией. [113]

То, что под «горой Эльбурз» средневековых хронистов скрывается весь Кавказский хребет, отмечено рядом исследователей.[114]

Первый поход против «эльбурзцев» Тимур совершил в область Буриберд, где правителем был Буракан (Бураган).

У Шами говорится: «Тимур, вознамерившись идти на Бурагана, велел вырубить леса и сделать дорогу. (При этом походе) они попали к горе Эльбурз, на горе нашли много крепостей и без числа больших областей, много сражались с врагами веры и взяли бесчисленную добычу из имущества неверных».[115]

Йезди так описывает этот поход: «Когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми подобными небосводу войсками повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберды и Буракана, который был правителем народа асов. На этом пути находились леса. Вырубив деревья и проложив дорогу, (Тимур) оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-дина при обозе, а сам с целью джихада взошел на гору Эльбурз. В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек с врагами веры, и во всех делах победоносное войско (его) согласно обещанию «поистине наши войска будут побеждены», одержало победу, многих из тех неверных, предав мечу джихада, отправили в огонь геенны, разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала несметная добыча из имущества неверных».[116]

Некоторые исследователи полагают, что Буриберд и Буракан являются личными именами правителей. Э.В. Ртвеладзе, вопреки данным хроник, приводит слово «правитель» во множественном числе.[117] Он считает Буриберди и Буракан тюркскими именами: «Так, имя Буракан, на наш взгляд соответствует широкому распространенному среди тюрков имени Барак, а имя Буриберды составлено, по-видимому, из двух тюркских слов: первая часть этого термина – Бури – означает волк, а вторая – берди – является 3-м лицом единственного числа прошедшего времени от глагола «давать», и, следовательно, все это имя буквально переводится, как «волк дал» или «волком данный».[118]

Некоторые исследователи считают Буриберди названием страны, области: «Более точными являются сведения о том, что Тимур в намерении покорить «неверных» направился в страну Буриберди».[119]

Вероятно, «Буриберд» – не личное имя, а наименование области, в которой правителем был Буракан (Бураган). Это подтверждает и приведенная выше цитата из хроники Йезди, о том, что Тимур направился на «Буриберды и Буракана, который был правителем народа асов».[120] И в хронике Шами отмечается только Бураган.[121]

Данную область асов Э.В. Ртвеладзе локализует в верховьях Зеленчука и Кубани. По его ретроспекции этих событий, «…Тимур пришел сюда с целью джихада, что вполне

объяснимо, так как именно здесь находились основные христианские центры алан, полное запустение одного из которых В.А. Кузнецов связывает с походом Тимура».[122]

В.А. Кузнецов поддерживает Э.В. Ртвеладзе, подчеркивая, что джихад Тимура – это «священная» война «мусульман против «неверных» христиан».[123] Джихад Тимура, В.А. Кузнецов считает аргументом в пользу локализации рассматриваемой области в верховьях Зеленчука, так как именно здесь отмечены христианские храмы. Необходимо заметить, что «неверными» для Тимура являлись не только христиане, но и все немусульмане и, в первую очередь, язычники.

Х.А. Хизриев так же располагает страну Буриберди в Карачаево-Черкессии.[124] Х.А. Хизриев без надлежащей аргументации распределяет четыре области, против которых были совершены походы Тимура против «эльбурзцев» или асов, между современными ему автономиями Северного Кавказа: область Буриберди – Карачаево-Черкессия, область Кулу и Тауса – Кабардино-Балкария, область Пулада – Северная Осетия, область Симсим – Чечено-Ингушетия: «Ко времени нашествия Тимура феодальная раздробленность Алании получила свое оформление примерно в современных этнических и политических границах республик и областей Северного Кавказа. На территории современной Карачаево-Черкесии (страна Буриберди) размещается владелец Буракан, а на территории Кабардино-Балкарии – братья Кулу и Таус. На территории Северной Осетии управлял Пулад. Правителем страны Симсим на территории Чечено-Ингушетии назван Гаюр-хан, у которого в вассальной зависимости находился сын Мухамед».[125]

Область Буриберд, где правителем был Буракан, ингушский исследователь Б.Д. Газиков отождествляет с районом современных ингушских селений Троицкая-Яндаре-Плиево-Барсуки-Гази-Юрт: «Буриберд может являться названием местности, где находился правитель асов Буракан (или Борахан). По нашему мнению, этой местностью мог быть район селений Яндаре-Троицкая-Плиево-Барсуки-ГIази-коа. На указанном пространстве река Сунжа имеет высокие обрывистые берега. «Буриберд» с ингушского языка можно перевести как «укрепленный берег (обрыв, склон)», как и аналогичное слово «бур-боарз» («укрепленный курган, холм, невысокая гора»).

Наличие здесь же на этой территории мавзолея БоргIа-Каш (датируемого началом XV в. – Ред.) свидетельствует о том, что здесь может быть похоронен царь, правитель БоргIа (Борохан, Буракан), а значит, в том же округе проживал и его народ – асы. [126] Следует отметить, что Б.Д. Газиков последовательно отождествляет в своей работе с асами предков ингушей.

Название «Буриберд» («бурой берд» – «берег крепостей») могло возникнуть применительно к высокому обрывистому правому берегу р. Сунжи. Выше этого берега проходит возвышенность, на которой расположены многочисленные аланские городища (инг. «бурборз[ы]» – «крепостные курганы»). Этот берег тянется на протяжении нескольких десятков километров. Во многих местах имеются искусственные рвы. Видимо, в древности этот берег представлял собой сильно укрепленный оборонительный рубеж.

Также не исключено, что слово «буракан», возможно, являлось не именем правителя области Буриберд, а его титулом. Слово «буракан, (бураган, бурахан)» можно перевести с ингушского языка, как «хан крепостей» – «владетель крепостей».

Заслуживает внимания и предложенная Б.Д. Газиковым версия о возможной связи слова «буракан» с названием мавзолея «Борга-Каш», расположенного на северо-западной окраине Плиевского муниципального округа г. Назрань на левом берегу реки Сунжи, на склоне холма, являющегося отрогом Сунженского хребта (высота над уровнем моря 652 м), известного в Ингушетии как гора Шейха.

Мавзолей построен в 1405-1406 гг. Над входным отверстием мавзолея сохранились три надписи на арабском языке: «Восемьсот восьмой год», «Бексултан сын Худайнада» и «Да будет постройка свободна от (всего) дурного!»[127] 808 год Хиджры соответствует времени с 29 июня 1405 г. по 17 июня 1406 г.

Не исключено, что владетелем области Буриберд являлся бурахан (бураган) Бексултан, сын Худайнада, являвшийся представителем Золотой Орды, ее ставленником, правившим областью асов.

Ф.С. Гребенец в 1913 г. на основе анализа фольклорных данных пришел к выводу, что в мавзолее Борга-Каш похоронен властелин Татартупа Боргахан.[128] К подобному заключению пришел и Л.П. Семенов: «В Татартупе жил легендарный Борга-хан, один из потомков ханов Золотой Золотой Орды, с именем которого связывают погребение в мавзолее «Борга-каш», находящемся близ станицы Карабулакской. Татартуп упомянут в ногайской поэме «Мурза Эдыге»; в ней говорится о том, что султан Берки-хан (Алтун Берды-хан), «обладатель золотого лука», властелин над Татартупом и Джулатом. В той же поэме есть упоминание о поражение Тамерланом Тохтамыша».[129] В этой связи заслуживает внимания и имя легендарного героя ингушского фольклора Баркима (Беркима), считающегося родоначальником крупного ингушского тейпа Баркинхой. Что интересно, в ингушских преданиях Барким выступает современником Тимура и его врагом, сражающимся против него.[130]

Тщательно изученный профессором Л.П. Семеновым[131] и М.М. Базоркиным[132] ингушский фольклор дал основание для вывода, что резиденция монголов одно время располагалась на Сунже, в районе, где находится мавзолей Борга-Каш.

Возможно, что ингушские предания не случайно связывают имя Бексултана Борогана с селением Яндаре и с городищем ЙиIий-боарз у селения Гази-Ков (Гази-Юрт), являющимся наиболее крупным и укрепленным городищем на правобережье Сунжи, где, вероятно, и находилась его ставка.

Также легенды связывают имя Бексултана Борогана с Тимуром: «Жил в Ингушетии шайх-араб (вариант – сподвижник Тамерлана) Бурхан-хан; предчувствуя кончину, он пожелал наметить место для своей гробницы: выехал в степь на верблюде и предоставил выбор ему. Там, где верблюд остановился, и находится ныне Борга-Каш».[133]

В хрониках Шами и Йезди о судьбе Бурагана (Буракана) ничего не сообщается. Вполне вероятно, что Буракан, возглавивший борьбу ингушей из области Буриберд с Тимуром, не погиб в период тимуровского похода, а умер (или погиб в какой-то стычке) через десять лет после похода Тимура в 1405-1406 гг. и был похоронен на территории своей области, а над его могилой возвели мавзолей Борга-Каш.

После похода на область Буриберды, Тимур направляется в поход на Кулу и Тауса.

В хронике Шами так говорится об этом походе: «Выступив оттуда, они направились на Кулу и Тауса. Все это были области эльбурзцев, и крепости их были на вершинах гор, а дороги к ним крайне трудны и тяжелы, так что из-за их большой высоты у наблюдающего темнело в глазах, а у смотрящего шапка падала с головы. Крепость же Тауса имела особенно прекрасное высокое строение и приятный климат; стрела не достигала снизу до верху крепости, и без усилия ум не мог представить взятия ее. Группа людей из племени мекритов постоянно находилась при его величестве; они постоянно охотились в горах и ущельях. Их Тимур назначил для исследования путей и засад той крепости. Они пошли и после долгих поисков совсем не нашли пути, по которому можно было бы достигнуть этой крепости. Тимур… указал, чтобы приготовили лестницы, с разных сторон приставили их к крепости и веревками привязали эти лестницы к стене. Смельчаки, играющие жизнью, согласно приказу,

жертвуя головой, поставили на них ноги и, взяв в руки веревки, пошли и начали бой. Многие из области Иркувун были убиты, Кулу и Тауса взяли в плен и, не доставив к Тимуру, убили по пути».[134]

Мавзолей «Борга-Каш». Современный вид

Йезди сообщает об этом походе следующее: «Тимур, снова оставив обоз, двинулся оттуда к крепости Кулы и Тауса. Они также принадлежали к племенам обитателей Эльбурза. У тамошних жителей были крепости и укрепления на вершине горы, и пройти туда было чрезвычайно трудно вследствие высоты их, которая была так велика, что у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса, которая лежала на третьем уступе горы, как гнездо хищной птицы, на такой высоте, что пущенная стрела не долетала до нее. Тимур вызвал несколько находившихся в победных войсках его человек из племени мекритов, которые в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место, куда только серна может забраться, и приказал им искать и исследовать дороги к той крепости. Они, согласно приказанию, занялись отыскиванием места, где можно взойти и спуститься по той горе, но сколько ни ходили и ни смотрели, совсем не нашли ни одной дороги, по которой можно было бы добраться до этой крепости… [Тимур] приказал сделать несколько высоких лестниц, привязать их одну к другой и, поставив их на первый уступ горы, нескольким храбрецам забраться по ним наверх, втащить лестницы, поставить на второй уступ, взойти наверх, снова втащив, поставить на третий уступ горы, на котором находится крепость. Те храбрецы, простившись с жизнью и обнажив мечи, один за другим взобрались по лестницам. Другая группа смельчаков, решившись пожертвовать жизнью, наверху той горы опоясались канатами, концы канатов прикрепили к вершине горы и с огненными мечами спустились до места, находившегося против крепости. Оба отряда согласованно сверху и снизу нападали на крепость. Сколько ни бросали из крепости стрел и камней и сколько ни гибло храбрецов, другие верующие смельчаки… храбро принимались за это дело... Храбрецы победоносного войска овладели этой крепостью и умертвили много людей из племени Иркувун, которые были в ней. Взяв в плен Кулу и Тауса, которые были предводителями той крепости, они убили их».[135]

Область Кулу и Тауса могла находиться в районе современных ингушских селений Галашки-Мужичи-Даттых, где обнаружено достаточное количество топонимов, соответствующих (близких) топонимам, приводимым в хрониках Шами и Йезди при описании похода войска Тимура на Кулу и Тауса: урочище Тоузан-Юххе, гора Тоузан-Корт, покрытая лесом и заметно выделяющаяся своей высотой на фоне других более низких вершин, речка Тоузан-хий; южнее горы Тоузан-Корт расположена гора Кулой-Лоам.

Рассматривания топонимию указанной местности и привязывая ее к сведениям вышеуказанных хроник, Б.Д. Газиков отмечает: «На расстоянии 8-10 км от с. Мужичи дорога переходит к горе Даьттах-корт или, как ее еще называют, Ир-бурув-корт. На южной стороне этой вершины на карте 1865 г. отмечена башня.[136] …По нашему мнению, названия Иркувун и Ирбуру-корт идентичны. В слове Иркувун «Ир» – имя собственное, «ков» – двор, поселение.

В слове Ир-буру-корт «Ир» – имя собственное, «буру» – «крепость, поселение», «корт» – «вершина горы». Таким образом, эти два названия выражают одно и то же: в первом случае «двор, владение Ира», во втором – «крепость Ира».[137]

В ингушском фольклоре упоминается присутствие Тимура в районе селений Галашки-Мужичи-Даттых. «Тимур с огромным войском пустился преследовать Сослана и, по следам его, дошел до Галашевского ущелья».[138] В легенде «Канава Темира Хромого», записанной Чахом Ахриевым, говорится: «От сына своего Темир узнал, что тот находился у Баркима, и с войском своим двинулся против него. Барким должен был бежать из Даттахо в Галгаевское ущелье».[139]

Захватив крепость Тауса и Куло, Тимур простоял один день в местности «Балкан».[140] Оттуда Тимур двинулся к крепости Пулада, в которой укрылся Удурку (Утурку) – военачальник Тохтамыша.[141]

Тимур послал письмо начальнику крепости Пуладу с требованием выдать Удурку. Пулад ответил: «Удурку искал у нас убежище. Пока душа будет в теле, я его не выдам, и пока остается один вздох от духа, буду защищать его».[142] После такого ответа Тимур двинул войска против крепости Пулада.

По пути крепости был такой густой лес, что, по выражению Йезди, «от множества деревьев и сплетения ветвей туда с трудом проходил даже быстрый ветер». По приказу Тимура была прорублена просека шириной в 3 фарсаха. По этой просеке войско Тимура подошло к крепости Пулада и начало сражаться.

Йезди сообщает о разыгравшемся сражении: «Крепость находилась в чрезвычайно недоступном ущелье, и тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться. После многих усилий победоносное войско одолело их и, овладев крепостью, мечом джихада уничтожило многих из этих заблудших. Утурку бежал и ушел в ущелье горы Эльбурз. Победоносное войско Тимура разграбило и сожгло дома их и взяло бесчисленную добычу. В это время кто-то принес известие, что три отряда неверных, убежав, взошли на склон горы и стоят там. Тимур двинулся против них и войска, подобные судьбе, вступив в бой, взяли их в плен и сожгли всех этих обреченных в ад».[143]

Следующий поход был совершен в область Симсим. Правителя этой области звали Гаюр-хан или Кырбек. Правитель области Симсим, вероятно, был представителем власти Золотой Орды, и, судя по тому, что его сын носил имя Мухаммед, часть населения этой области исповедовала ислам. Шами сообщает, что «Мухаммед, сын Кырбека, собрал свою область и явился к его величеству, а некоторые другие люди области и иля бежали и вошли в неприступные места, так что даже пешком туда с трудом можно было идти».[144] Судя по этому отрывку, область Симсим занимала плоскость и горы. На плоскости, вероятно, присутствовало тюркское население, среди которого уже частично было распространено мусульманство. В горной части Симсима, возможно, жило местное языческое население. Шами сообщает, что были разрушены «церкви и капища идолов» горцев.[145]

В горах Симсима Тимур встретил ожесточенное сопротивление. Шами подчеркивает, что «поддерживаемый свыше, верующий властитель Тимур... сам подвергался этим ужасам и опасностям». Разгневанный отчаянным сопротивлением горцев, Тимур жестоко расправился с ними.[146] По свидетельству Йезди, «жителей тамошних, по приказанию Тимура, связав, сбросили с горы... В местах, на которые по непомерной высоте их, даже воображение не в силах забраться, Тимур благодаря своему счастью и умным распоряжениям, взял в плен и уничтожил неприятелей и овладел крепостями. Один-два дня огонь гнева его так пылал, что сжег и сухое и влажное, и он разорил и уничтожил все церкви и капища их».[147]

Выйдя из этих районов, занимаемых предками ингушей и чеченцев, Тимур совершил поход на Аухар (Аварию) и оттуда вышел в область Бешкенд, правители и жители которых проявили покорность и не были тронуты Тимуром. Дальнейшие его действия проходили в районе Андийского Койсу, откуда он прошел за Терек и перезимовал в низовьях р. Кумы. Зимой 1395-1396 гг. Тимур совершил стремительный поход на золотоордынские города, лежавшие на Волге, Сарай-Берке и Хаджи-Тархан (современная Астрахань), население которых подверглось почти поголовному уничтожению, попутно истребил население, называемое в хрониках «балыкчиян» («рыбаки»). С весны 1396 г. Тимур продолжал военные действия в Дагестане.[148]

Тимур совершил несколько жестоких карательных экспедиций в горы в районе Галашки-Мужичи-Даттых и, возможно, в ущелье реки Чанты-Аргун в область Зумси (Симсим), приведших укрывшихся в горах людей, к почти полному физическому уничтожению. Резко сократилась численность народа. В результате завоевательных походов монголов и Тимура Хромого намного сократилась территория расселения ингушей.

Огромный ущерб был нанесен экономике, был разрушен весь хозяйственный уклад. Земледелие и ремесленное производство пришли в упадок. Плоскостные земледельческие районы были превращены в кочевья различных кочевых народов. В социально-экономическом, политическом, культурном отношении ингуши были отброшены на сотни лет назад.

В фольклоре ингушей сохранились предания о нашествии «несметных полчищ врагов на лошадях, которые закрыли их землю, как черные тучи в ненастье закрывают солнце», об уничтожении поселений на плоскости и в горах, об осаде башенных крепостей пришельцами, жившими в юртах, о героической борьбе горцев против врага. В этих легендах упоминаются имена монгольских вождей: Субед (Субэдэй), Менга (Менгу-хан), Сарта (Сартак), имя жестокого завоевателя Тимура Хромого и др.

Примечания:

1 Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 90.

2 Гаглойты Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 55.

3 Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем А. (Этимологические заметки) // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980. С. 75.

4 Марцеллин Аммиан. История. // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.

5 Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 290-291.

6 Дьяконов И.М. Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 6.

7 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 237; Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ, 1968, № 2.

8 Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 25.

9 Вагапов Я.С. Указ. соч. С. 76.

10 Арсанукаев Р.Д. Вайнахи и аланы. Баку, 2002. С. 113-114.

11 Газиков Б.Д. Архивная память. Сб. статей. Назрань, 2003. С. 29.

12 Арсанукаев Р.Д. Указ. соч. С. 124-125.

13 Ахриев Ч. Избранное. Магас, 2000. С. 303.

14 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Грозный, 1963. С. 27.

15 Кекелидзе К. Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. III. Тбилиси, 1945. С. 99.

16 Цулая Г.В. Комментарии // Мровели Л. Жизнь картлийских царей. М., 1979. С. 43.

17 Цулая Г.В. Указ. соч. С. 44.

18 Страбон. География // Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов-на-Дону, 1990. С. 183.

19 Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока // ВДИ. № 4. 1939. С. 42-48.

20 Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 120.

21 Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 196.

22 Бунак В.В. Антропологическое изучение чечено-ингушского народа // Газ. «Грозненский рабочий». 1935, 5 июля.

23 Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. № 114, М., 1963. С. 121.

24 Каминский В.Н., Цокур И.В. О фортификации у алан Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001. С. 173–174.

25 Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 149.

26 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. Назрань, 2002. С. 48.

27 Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 82.

28 Вагапов Я.С. О языке Зеленчукской надписи // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980; Ильясов Л.М. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М., 2004.

29 Vasmer M. Untersuchung uber die altesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranen in Sudrussland. Leipzig, 1923, S. 25; Marquart I. Osteurropaische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1930. S.83; Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М-Л., 1949. С. 47; Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М-Л., 1958. С. 47.

30 Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. С. 101.

31 Там же. С. 100-101.

32 Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986. С. 101.

33 Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992. С. 220.

34 Там же. С. 220-221.

35 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. С. 24.

36 Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1996. С. 162.

37 Гумба Г.Дж. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII века). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ереван, 1988.

38 Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М.-Л., 1949. С. 363; Народы Кавказа. Т.1. М., 1960. С. 68.

39 Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. Тбилиси, 1961; Меликишвили Г.А. К изучению древней восточномалоазийской этнонимики // ВДИ. № 1. 1962. С. 62; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 373.

40 Флавий Иосиф. Иудейская война. М., 2004. С. 431.

41 Хоренский Моисей. История Армении. М., 1983. С. 98.

42 Арсанукаев Р.Д. Указ. соч. С. 106.

43 Дьяконов М.М. Арабская надпись на бронзовом орле из собрания Государственного Эрмитажа // Эпиграфика Востока. IV. М.-Л., 1951. С. 25.

44 Ахриев Ч. Ингуши. Их предания, верования и поверья // ССКГ. Вып. VIII, отд. 1. Тифлис, 1875. С. 1.

45 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Магас, 2008. С. 68-69.

46 Minorski V. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and Afrikan studies. Universitu of London, 1952. Volume XIV. Part 2. С. 223; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 204.

47 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М-Л., 1941. С. 23, 156. (В дальнейшем: СМИЗО).

48 СМИЗО. Т. II. С. 185.

49 СМИЗО. Т. II. С. 37.

50 Козин С.А. «Сокровенное сказание»: монгольская хроника, 1240 г. М.-Л., 1941. С. 194.

51 Иванов А. История монголов «Юань-ши» об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 283.

52 Там же. С. 299.

53 Г1алг1ай фольклор. («Ингушский фольклор». На инг. яз.). Грозный, 1940. С. 11-13.

54 Чокаев К.З. Нахские языки. Грозный, 1992. С. 29; Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов Ма'ас и Дедяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 17.

55 Гумба Г.Д. Указ. соч. С. 8.

56 ГIалгIай фольклор. («Ингушский фольклор». На инг. яз.). Грозный, 1940. С. 11-13.

57 Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 232-233.

58 Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т.3. 1940. С. 78.

59 Виноградов В.Б., Бараниченко Н.Н. Легенды о Маго как источник по этнокультурным связям Горной Ингушетии // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983.

60 Минорский В.Ф. Указ. соч. С. 204.

61 Там же. С. 221

62 Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX-X веков по Р. Хр. о Кавказе, Армении, Азербайджане // СМОМПК, вып.38. Тифлис, 1908. С. 50.

63 Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч.1. СПб., 1878. С. 64.

64 Minorski V. The Alan capital Magas... С. 221-238.

65 Марковин В.И., Ошаев Х.Д. О местоположении ясского города Дедякова (по следам археологических исследований) // СА, 1978, № 1. С. 85; Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л., 1982. С. 194-195; Кузнецов В.А. Нижне-Архызское городище X-XII вв. С. 246.

66 Виноградов В.Б. Слава древнего города // Грозненский рабочий, 1966, от 27 апреля; Его же. Через хребты веков. Грозный, 1970 и др.

67 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 167.

68 Виноградов В.Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 29-31.

69 Каминский В.Н., Цокур И.В. Указ. соч. С. 168.

70 Иванов А. Указ. соч. С. 283.

71 СМИЗО. Т. II. С. 23.

72 Штедер Л.Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 192.

73 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 205.

74 Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 21.

75 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. С. 192.

76 Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа. // ВДИ, 1939, №1. С. 110.

77 СМИЗО. Т. 1. С. 25.

78 Там же. .

79 Козин С.А. «Сокровенное сказание»: монгольская хроника, 1240 г. М.-Л., 1941. С. 189, 192; Иакинф. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. С. 274.

80 СМИЗО. Т.1 . С. 34.

81 Там же. С. 37.

82 Иванов А.И. История монголов «Юань-ши» об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. Вып. III. СПб., 1914. С. 283.

83 СМИЗО. Т. II. М.-Л., 1941. С. 23.

84 Иванов А. Указ.соч. С. 283.

85 СМИЗО. Т. II. М.-Л., 1941.С. 23.

86 Там же.

87 Там же. С. 37.

88 Козин С.А. Указ. соч. С. 194.

89 Карпини Плано. История монголов. М., 1957. С. 57.

90 Там же.

91 Рубрук Гильом. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 111.

92 Там же. С. 186.

93 СМИЗО. Т. 1. С. 116, 160.

94 Хизриев Х.А. Кавказцы против Тимура. (Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура). Грозный, 1992. С. 40-41.

95 Там же. С. 30.

96 Очерки истории Адыгеи. Т.1. Майкоп, 1957. С. 89.

97 ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 89; ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 184; Кучкин В.А. Где искать ясский город Тютяков? // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т.2. С. 172-173, 177; и др.

98 Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 41.

99 Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 158–159.

100 Батчаев В.М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 90.

101 СМИЗО. Т.1. СПб., 1884. С. 231.

102 . ПСРЛ. Л., 1926. Т.1., вып. 1. С. 525.

103 Соловьев С.М. Сочинения. М., 1993. Т. III. Кн. 2. С. 227.

104 ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XVIII. С. 75.

105 Нарожный Е.И. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 58.

106 СМИЗО. М.-Л., 1941. Т. II. С. 156.
107 Там же. С. 122-123, 182-183.
108 Там же. С. 180.
109 Там же. С. 180-181.
110 Там же. С. 181.
111 Там же.
112 Там же. С. 122-124, 181-184.
113 Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // АЭС. Грозный, 1976. Т. IV. С. 119.
114 Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Т. 4. С. 87; Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 112; Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 83.
115 СМИЗО. Т. II. С. 122.
116 Там же. С. 181.
117 Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 113.
118 Там же.
119 Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 76.
120 СМИЗО. Т. II. С. 181.
121 Там же. С. 122.
122 Ртвеладзе Э.В. Указ. соч. С. 113.
123 Кузнецов В.А. Очерки истории алан. С. 347.
124 Хизриев Х.А. Указ. соч. С. 34, 76-77.
125 Там же. С. 34.
126 Газиков Б.Д. К вопросу о маршрутах походов Тимура против «эльбурзцев» // Ингушетия на пороге нового тысячелетия. Тезисы докладов научно-практической конференции 29 апреля 2000 г. Назрань, 2000. С. 79.
127 Лавров Л.И. Надписи мавзолея Борга-Каш // Известия ЧИНИИ. Т.V, вып. 1. Грозный, 1964. С. 163.
128 Гребенец Ф.С. (Панкратов Ф.С.) Борга-Каш // ТВ. 1913, № 224, 233, 234.
129 Семенов Л.П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947. С. 21.
130 Ахриев Ч.А. Избранное. Назрань, 2000. С. 151.
131 Семенов Л.П. Брагунский мавзолей // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1956. Т.17.
132 Базоркин М.М. Борганы в Присунженской долине // Известия ЧИРМК. Вып. 10. Грозный, 1961. С. 130-163.
133 Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып.1. С. 20.
134 СМИЗО. Т. II. С. 122.
135 Там же. С. 181-182.
136 Карта части Ингушевского округа // РГВИА. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 1. Л. 19.
137 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. С. 42.
138 Головинский П. Соски Солсан // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып.1. С. 257.
139 Ахриев Ч.А. Указ. соч. С. 151.
140 СМИЗО. Т. II. С. 182.
141 Там же. С. 182.
142 Там же.
143 Там же.
144 Там же. С. 123.
145 Там же.
146 Там же.
147 Там же. С. 183.
148 Там же. С. 183-186.

Глава III

Ингушетия в XV–XVIII вв.

1. Характеристика этнополитической ситуации в центральной части Северного Кавказа в XV-XVI веках

Этническая карта северокавказского региона в XV-XVI вв. претерпела значительные изменения, связанные с новым этапом в процессе консолидации территориально-языковых обществ, миграционными процессами и формированием этнотерриториальных границ.

Катализатором вышеуказанных явлений, существенно повлиявшим на весь ход последующего исторического развития народов Северного Кавказа, стала так называемая эпоха господства Золотой Орды (XIII-XV вв.), характеризовавшаяся в своих негативных проявлениях постоянными междоусобными войнами наследников империи Чингисхана, что в конечном итоге закончилось полным разгромом последних среднеазиатским завоевателем Тамерланом (Тимур-ленг – «Тимур Хромой»), который также позиционировал себя в качестве главного претендента на наследие «великого монгола». А последнее предполагало уничтожение всех потенциальных соперников и осуществление мечты о завоевании мира.

Почти столетнее не утихающее противостояние между Хулагидами и Золотой Ордой (1262-1357 гг.) и последовавшие за ним кровопролитные сражения между армиями Тохтамыша и Тамерлана (1388-1395 гг.), а затем и карательные экспедиции последнего против северокавказцев (1395 г.), воевавших против него на стороне золотоордынцев, – все эти события, проходившие на территории региона, коренным образом повлияли на этнополитическую картину Северного Кавказа и способствовали распаду (порой и уничтожению) этнических общностей и государственных образований. Одним из наиболее катастрофических последствий господства монголов на Северном Кавказе было резкое сокращение численности коренного населения региона, которое большей частью погибло в сражениях с завоевателями; уцелевшая же часть нашла убежище в горной зоне, где также проживало родственное им этническое население. В последующие столетия именно горы становятся средоточием северокавказской культуры, получившей новый импульс развития в результате вливания в среду горцев плоскостного населения. Однако вынужденная изолированность в течение нескольких веков большей их части от равнинных земель Северного Кавказа, существование в массе своей в тяжелых условиях безземелья отрицательно сказывались на социально-экономическом развитии горцев, прервали естественный процесс формирования государственных образований.

Сильный урон был нанесен развитым земледельческим районам плоскости, превратившейся сначала в кочевья золотоордынцев, а позже – и других кочевых народов. Крупнейшее государственно-политическое образование северокавказцев периода Средневековья – Алания – перестало существовать. Разрушение монголами крупнейших северокавказских центров – городов Магаса (1239 г.) и Дедякова (1278 г.), являвшихся политическими, экономическими и культурными центрами всей северной части Кавказа, на столетия вперед превратило этот регион в окраину цивилизации, занимавшую стратегическое положение, но представляющую интерес для окружающих государств и народов главным образом как территория, где проходили важнейшие торговые пути, но не в качестве самостоятельного культурно-цивилизационного мира, как это было прежде.

Распад Алании и отток в горы ее населения, закрепившегося к востоку и западу от Дарьяла путем строительства крепостей, послужило основой формирования новых этнотерриториальных общностей, что в свою очередь привело к образованию современных

северокавказских народов. При этом, учитывая, что средневековая Алания являлась полиэтничным государственным образованием, нужно отметить, что центральную часть северокавказской равнины, входившей в состав Алании, занимали ингушеязычные общности (племена). Как прямые наследники кобанской культуры, они составляли основной северокавказский элемент этого государственного образования. Логическим подтверждением этому является то обстоятельство, что проживавшее в центральной части Большого Кавказа, к западу, так же, как и к востоку, от Дарьяла население являлось ингушеязычным, что подтверждается элементами материальной культуры, сохранившимися на этой территории, и преданиями ингушей и осетин. Лишь начиная со второй половины XVI в. наблюдается постепенное продвижение ираноязычного (осетинского) элемента в район Газалте – территории, прилегающей с запада к Дарьялу, что являлось следствием миграционных процессов ингушеязычных общностей, проистекавших под давлением внешних факторов в восточном и северо-восточном направлениях.

Миграционные процессы, связанные с возвращением ингушей на плоскость (равнину), по-видимому начались довольно рано, уже вскоре после ухода Тимура с Северного Кавказа. Они, по всей вероятности, на самом раннем этапе носили характер отдельных военно-политических акций, предпринимаемых ингушами на равнинных землях с целью противодействия закреплению на них пришлых кочевых народов. Отдельные эпизоды, связанные с этим временем, сохранились в народной памяти. В одном из ингушских преданий, записанном в XIX в. этнографом Албастом Тутаевым, фигурируют представители Галгаевского общества Горной Ингушетии, выходцы из селения Таргим Малсаг Джамха Леег и Бек, которые состоят в дружественных отношениях с главным героем предания – князем Бексултаном Бороганoвым и участвуют вместе с ним в ряде военных акций, действие которых происходит на равнине на берегах Терека и Сунжи.[1]

В имени князя, сохранившегося в ингушском предании, прослеживается связь с известным памятником мусульманского зодчества, являющегося «в архитектурном отношении единственным в своем роде на Северном Кавказе»,[2] мавзолеем Борга-Каш, расположенным на северо-западной окраине современного с. Плиево в Ингушетии. По одной из арабских надписей, находящейся над входом в усыпальницу и содержащей дату – 808 год Хиджры, постройка датируется 1405-1406 гг.[3] По особенностям архитектуры она отнесена специалистами к маджарским мавзолеям золотоордынского типа[4]. Однако Борга-Каш имеет ряд отличительных особенностей, которые сближают его со склепами Северного Кавказа, в частности, Горной Ингушетии. Это такие отличительные черты, как использование в постройке камня вместо жженого кирпича, что нехарактерно для золотоордынских мавзолеев. Наличие подземного склепа с полукруглым сводом, коллективный обряд захоронения, аркообразный портал и некоторые другие детали говорят о сходстве данного мавзолея со склепами с поминальными камерами[5]. Эти особенности указывают на влияние местной архитектуры, проявляющейся «в появлении отдельных конструктивных деталей», указанных выше, и «использовании в качестве строительного материала камня» на архитектуру золотоордынских мавзолеев.[6] Следовательно, ранний мусульманский памятник Северного Кавказа Борга-Каш, можно рассматривать как исторический источник, свидетельствующий о тесной связи степного мира золотоордынского времени с северокавказской культурой, представленной в этой зоне предками ингушей, часть которых в этот период, на плоскости известна под именем «алан».

В народном предании о Бексултане Бороганове, имя которого очень схоже с именем запечатленном на погребальной надписи над входом в мавзолей Борга Каш – «Бексултан сын Худайнада», эти связи также находят свое подтверждение. В предании Бексултан Бо-

роганов и ингуши Галгаевского общества выступают союзниками («друзьями»), противостоящими кабардинцам и осетинам. Если абстрагироваться от бытовых и романтических деталей, вплетенных в сюжет предания, которое, несомненно, дополнялось новыми подробностями и видоизменялось в зависимости от конкретного исторического периода, стержневая основа его предельно ясно запечатлелась в народной памяти. Она выражена в диалоге между князем Бексултаном и ингушами. На вопрос князя, для чего они (ингуши-галгаевцы) собрались (в таком количестве) на равнине, а именно – у места впадения реки Нясыр (Назранки) в Сунжу – последние отвечают: «Эти земли принадлежат нам. Отсюда прямо идет наша граница дальше того места, куда вы приезжали к нам в горы, и далее до границы Грузии. Мы собрались, потому что слышали, что кабардинцы хотят переселиться на наши земли. Поэтому мы ожидаем их. Наверное, им понравятся наши места. Какие они наивные, если без разрешения нашего будут переселяться на наши земли! Если только Бог пошлет их сюда, мы им покажем, чьи эти земли».[7]

Народная память сохранила через данное предание исторические события, имевшие место в верховьях Терека и Сунжи в период, наступивший после разгрома Тимуром Золотой Орды. Оно свидетельствует о том, что связь с плоскостью населения, вынужденного мигрировать в горы под воздействием внешних обстоятельств, окончательно не прерывалась. Хотя на этих землях хозяйствовали (выпасали скот) в основном пришлые кочевые народы, горцы внимательно отслеживали процессы их перемещений и не упускали возможности препятствовать этим перемещениям на свои плоскостные земли и пытались всеми возможными способами помешать закреплению последних на них. В данном случае в предании идет речь о продвижении с запада кабардинцев, а так же о появлении в западной части бывших ингушских земель ираноязычных осетин. В завуалированной форме в сюжете о похищении кабардинской княжны и строительстве башни князем Бексултаном в Эльхотово (в котором, возможно, имеются и более поздние вставки) явно прослеживается один момент, а именно: ингуши пытаются воспрепятствовать продвижению кабардинцев в восточном направлении и закреплению здесь осетин. Для этого ингуши (галгаевцы) заключают союз с выходцами из Крыма, кочевниками-борганами, которые, по-видимому, представлены в предании в образе хорошо известной ингушам и запечатленной в народной памяти исторической личности Бексултана Бороганова.

Можно предположить, что хорошо знакомая ингушам, а во многом и «породнившаяся» в результате двухвекового соседства, следовательно, и взаимопроникновения культур, Золотая Орда в лице ее наследников, в данном случае – борганов, выступает союзником в противостоянии уже с новыми пришельцами с запада – адыгами (кабардинцами) – и менее выраженным в предании, но объективно (судя по развитию сюжета) имеющем место, противостоянии с ираноязычными осетинами. События эти, по всей вероятности, относятся к XV в., когда активно происходила миграция адыгов на территорию современной Кабарды, и шел процесс образования кабардинского этноса. В предании, возможно, отразился один из первых эпизодов проникновения кабардинцев на территории, лежащие восточнее современной Кабарды, т. е. появления их на землях ингушей. Но на этом этапе восточная миграция кабардинцев, по-видимому не имела успеха. Контроль над этими землями кабардинские феодалы установили и окончательно закрепились на них лишь во второй половине XVI в. при появлении одной из самых значительных фигур в истории Кабарды – Темрюка Идарова.

2. Этнонимы и территория расселения ингушей XV-XVIII веках

Выявление наиболее полной и достоверной картины этнических наименований и территории расселения ингушей в XV-XVIII вв. – одна из наиболее актуальных проблем историографии Ингушетии. В то же время это – одна из самых сложных задач, в силу скудости информации об ингушах в доступных нам письменных источниках, а также слабой изученности археологии плоскостной зоны центральной части Северного Кавказа, в особенности – интересующих нас районов: современных плоскостных территорий Ингушетии, Северной Осетии и, отчасти, Чечни. Утвердившаяся в науке гипотеза, что очагом этногенеза ингушей является горная зона, откуда они стали выселяться на плоскость лишь в XVI в. (аккинцы), а западные ингуши и того позже (в массе своей в XVIII – первой половине XIX вв.), эта ставшая аксиомой в изучении истории ингушей теория, к сожалению, сковывала исследователей, в первую очередь, археологов, которые все свое внимание сосредотачивали на изучении горной зоны.

Рассматриваемый хронологический период в истории ингушей по степени освещения его в источниках, а, значит, и по степени изученности, так же варьируется в зависимости от конкретной исторической ситуации на Северном Кавказе. Так появление наибольшего количества источников русского происхождения, наиболее доступных исследователям, относится к двум периодам: ко второй половине XVI – первой половине XVII в., и ко второй половине XVIII в., когда возрастает количество источников и, соответственно, количество содержащейся в них информации. Оба эти периода совпадают с этапами активизации политики России на Кавказе, в орбите которой оказались и народы его населяющие, в том числе – ингуши, или, скорее, именно они, по причине стратегического географического расположения в зоне главного выхода в Грузию – Дарьяла.

Период с XV по первую половину XVI вв. представляется наименее освещенным в источниках, реконструкция его в основном производилась по остаткам материальной культуры ингушей исключительно горной зоны. Эта же характеристика по большому счету относится и к предшествующим периодам, начиная с древности, изучаемым по данным археологии с привлечением известных историкам материалов описательного характера, а также летописей европейского, арабского и закавказского (грузинского и армянского) происхождения.

Поскольку некоторые этнонимы представленного в этой главе периода имеют преемственность от предшествующих времен, будет уместным в случае такой необходимости рассматривать их в этой динамике, указывая на эту преемственность. Необходимо отметить, что в вышеуказанных источниках советскими кавказоведами было выявлено некоторое количество этнонимов древности и Средневековья, которые идентифицировались ими как предки современных нахских народов. Это такие этнонимы, как дзурдзуки, кисты и глигвы. Ряд этнонимов древности и Средневековья, также определяемых как предки нахских народов, не вызывает у исследователей единодушного мнения и является предметом научных дискуссий в работах по этнической истории народов Северного Кавказа. К таковым можно отнести такие этнонимы, как хамекиты, исадики, гаргареи, цанары, двалы и некоторые другие. Одним из самых спорных в среде историков Северного Кавказа этнонимов Средневековья является этноним «аланы» («овсы» в грузинских источниках). Последний в науке утвердился в качестве осетинского в силу легитимизации теории о ираноязычности алан, что признано в качестве аксиомы и дает право ставить знак равенства между этими двумя этнонимами, определяя алан как прямых предков осетин. Одна-

ко сегодня для большинства историков Северного Кавказа вполне очевидно, что изучение средневековой истории северокавказских народов не представляется возможным без тщательной ревизии утвердившейся теории, незыблемость которой по большому счету представляется довольно спорной. Так как при ближайшем рассмотрении данная теория по большинству своих положений основана на «предположениях», которые подкреплены огромной работой, проделанной по скифо-сарматизации северокавказских алан (овсов), утверждению аксиомы их ираноязычности и предания осетинам статуса их прямых потомков. Всестороннее изучение данного вопроса, а главное – восстановление достоверного этнического портрета алан – представляются необходимыми для того, чтобы понять и раскрыть многие проблемы средневековой истории народов Северного Кавказа (в первую очередь ингушей), которые до настоящего времени остаются «темными» в силу монополии одного из этих народов на аланское наследие.

Проблемы этнонимии, расселения и миграционных процессов ингушей рассматриваемого периода исследовались в работах А.Н. Генко, Е.И. Кушевой, Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, Н.Г. Волковой, Е.И. Крупнова, Т.Х-Б. Муталиева, А.И. Шавхелишвили, М.Б. Мужехоева, А.А. Адисултанова, М.Х. Багаева, Х.А. Акиева, Б.Д. Газикова, Н.Д. Кодзоева, Г.А. Гантемировой и ряда других авторов.[8]

В «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», представляющей собой обобщающий труд достижений советской исторической науки по изучению прошлого северокавказских народов, указывается, что о предках ингушей (как и чеченцев) в письменных источниках, относящихся к XIII-XV вв., сведений очень мало. При этом сообщается, что в грузинских источниках XIII в. встречается этноним «кишты», который трактуется как общее название ряда ингушских и чеченских обществ, которые, согласно народным преданиям, стали выселяться на плоскость приблизительно к XIV в.; среди них называется общество Цечой, представители которого выселялись на р. Ярыксу. Основываясь на данных русских источников XVI-XVII в., называющих несколько территориальных обществ ингушей, делается вывод, что в Ингушетии и в XV в. существовало приблизительно такое же количество политических образований (читай обществ-шахаров), каждое из которых объединяло несколько селений.[9] Здесь нужно отметить, что авторы советского периода рассматривают ингушей только в одной связке с чеченцами, как единый вайнахский этнос, что соответствовало задачам изучения истории Чечено-Ингушетии. Поэтому приграничные общества Ингушетии, такие, как Аьккхи, Мелхи, Орстхой, Цечой, Мержой, Галай и др., которые сегодня частью позиционируют себя ингушами, частью – чеченцами, относятся советскими историками чаще всего к чеченцам, хотя по признанию многих авторов по своему языку они до недавнего прошлого являлись ингушами. В частности, А.Н. Генко приводит данные языка, подтверждающие, что ингушский язык был распространен в прошлом на всей нагорной полосе Чечни вплоть до Андийского хребта. И уточняет, что аккинцы в прошлом говорили на ингушском языке.[10] С ним согласна и Е.Н. Кушева, которая, перечисляя этнические термины, обнаруженные ею в русских документах XVI-XVII вв. – «калки», «ероханские люди», «ококи» или «акозы», «кисти» определяет их как горные общества Ингушетии: «Галга, Джерах (очеченившееся к XX в.), общество Акко, кистины».[11] В то же время она относит общество Мерези (Мержой) к чеченцам.[12] Сам этнический термин «орстхо» в форме «Arschte» появляется впервые в сочинении Клапрота в начале XIX в.[13] Тюркское наименование этого же народа «карабулаки» появляется в русских документах на позднее 60-х гг. XVIII в., в связи с переселением части карабулаков на плоскость, а в 70-90-х гг. того же столетия оно фиксируется в трудах западноевропейских авторов.[14] Этимология этнонима «орстхой», по

мнению некоторых исследователей, указывает на связь его с ингушским словом «аре», т. е. «равнина», иначе «орстхой» – «жители равнины». Последнее приводит к предположению, что «данный этноним возник в свое время как общее название всех вайнахов (правильнее, ингушеязычных территориальных групп. – Ред.), обитавших на предгорных равнинах».[15] Следовательно, этимология его свидетельствует, что в основе данного этнонима явно прослеживается территориальный (географический) принцип происхождения наименования, а не этнический. Есть все основания полагать, что по такому же принципу образовывались и другие этнотерриториальные общества ингушей, наименование которых зачастую происходит от местности, которую они населяют. Во всяком случае явно по этому принципу образовывались позднейшие этнонимы ингушей, такие как: «галашевцы», «хамхинцы», «цоринцы», «назрановцы». Такое же происхождение имеет и этноним «ингуши», возникший от наименования общества Ангушт в Тарской долине путем искажения в русском произношении ингушского названия общества «Онгуште». Жителей последнего в источниках именуют в разных транскрипциях данного слова: «онгуши», «онгушевцы», «унгуши», «унгушевцы», «ангушевцы», «ингушевцы», «ингуши» и т. д. Видимо по законам словообразования русского языка утвердился наиболее удобный для произношения вариант – «ингушевцы», «ингуши». Впервые упоминание селения Ангушт (по сути, группы селений, т. е. общества) встречается у Вахушти Багратиони, «который в своем главном труде «География Грузии» в главе об ингушах выделяет два ингушских селения: Джариехи (Джейрах), расположенное у входа в одноименное Джейрахское ущелье, и Ангусты, лежащее у выхода р. Камбилеевки в Тарскую долину».[16]

Из русских письменных источников, начиная со второй половины XVI до середины XVII в., известны следующие ингушские этнонимы, часть которых приводилась выше: «мержой» («мерези», «мирези», «Мерезинская земля», «мерезинские люди»), «гІалгІай» («калканцы», «колканцы», «калканские люди», «Калканская земля», «калканские кабаки»), «джейрахой» («ероханские люди», «ероханские кабаки»), «аькккхий» – «аккинцы» («ококи», «окохи», «окуки», «Окоцкая земля», «окочане», «окочаны», «окучаны»; «акозы», «Акоцкая земля», «акочане»; «Старые ококи», «Окоцкая слобода», «служилые окочане»), «кисты» («кисты», «кистичане», «кусты», «киштыы»). Последний этноним встречается в делах Посольского приказа, в документах грузинского происхождения.[17] В работе Вахушти Багратиони приводятся следующие этнонимы ингушей: «дзурдзуки», «кисты» и «глигвы». Автор достаточно ясно локализует указанные этнонимы, располагая их рядом друг с другом, на территории, населенной в этот период ингушами: это Горная Ингушетия, которая частично захватывает территорию современной Грузии (Хевсуретию). Вахушти указывает, что все эти ущелья (т. е. Дзурдзукия, Кистетия, Глигвети и Ангусти) первоначально назвались Дзурдзукией, «ныне же разделяются так». «В другом месте (описывая период раннего Средневековья. – Ред.) грузинский географ писал, что Дзурдзукия вновь разделилась на Дзурдзук, Кист и Глигв».[18]

Все три вышеперечисленных наименования представляются одними из древнейших этнонимов ингушей, во всяком случае по известным исследователям данным грузинских источников.

Кисты в форме «кусты» упоминаются впервые в «Армянской географии» VII в., хотя нужно отметить, что Н.Г. Волкова считает, что этот термин включен в текст «Географии» не ранее XIII-XIV вв. Она же сообщает, что «за исключением грузинских хроник XIII в. имя «кисты» становится известным лишь в источниках XVII столетия, когда им обозначались три группы вайнахов: ингуши, жившие в ущелье р. Кистинки (Охкарахи), жители верхней части Джераховского ущелья и чеченцы, населявшие верховья р. Чанты-Аргуна (общества Майсты и Малхисты)».[19] По данным А.Н. Генко, приводимым выше, мы знаем,

что ингушский язык в прошлом был распространен и к востоку от сегодняшней Горной Ингушетии, в том числе и среди обществ – Малхисты и Майсты. Эти общества наряду с некоторыми другими, расположенными в верховьях Аргуна были уже позже, в XIX в., известны под именем «дальние кистины». Г.А. Вертепов в конце XIX в. отмечал, что ранее «дальние кистины» относились к ингушам, а в настоящее время их «относят собственно к чеченцам».[20] Исходя из поздних реалий, когда население в верховьях Аргуна уже называлось чеченцами, некоторые авторы делают вывод, что «кисты» – этноним, покрывавший в прошлом, как ингушей, так и чеченцев, что в свою очередь «отражает традицию, восходящую к этническому единству нахов».[21] Однако в истории довольно часто имеет место явление, когда этническое название закрепляется за определенной территорией и сохраняется для наименования его населения, независимо от смены языка и даже самого этноса, его населяющего. Поэтому вполне закономерно, что языковые трансформации, происходившие в среде населения верховьев Аргуна под воздействием этнополитических факторов, постепенно ориентировавших его на Чечню, никак не отражались на наименовании этого населения, которое, как и прежде, для соседних грузин оставалось прежними кистинами, как и население, жившее по реке Армхи.

Из грузинских письменных источников, часть которых отложилась в делах Посольского приказа, видно, что этноним «кисты» имел широкое распространение среди грузин для наименования ингушей в XVII-XVIII вв. С XVIII в. он появляется и в русских документах. В последних он чаще всего упоминается в форме «киштy, киштинцы» и употребляется наряду с уже новым этнонимом «ингушевцы» как общее для ингушей наименование, что несомненно, идет из грузинской традиции. В начале XIX в. в русских документах этноним «кистины» обретает в основном узколокальные черты и употребляется в форме «дальние и ближние кистины». «Дальние» – для наименования населения в верховьях Аргуна, «ближние» – для наименования населения в ущелье р. Армхи. Западноевропейские авторы XVIII столетия кистинами называют преимущественно ингушей, включая в него как плоскостное, так и горное население Ингушетии. И.А. Гильденштедт, автор труда, являющегося одним из наиболее достоверных источников по истории ингушей второй половины XVIII в., в состав кистин включал и карабулаков.[22]Систематизируя некоторые итоги научных изысканий в кавказоведении по поводу этнонима «кисты» можно сделать несколько основных выводов:

1. Первоначальное уверенно датируемое упоминание народа «кисты» в грузинских источниках относится к XIII в. Правда, некоторые исследователи считают, что он упомянут еще в «Армянской географии» VII в. в форме «кусты», однако наиболее ранний из сохранившихся списков последней также относится к XIII в., что не исключает возможности позднейших вставок некоторых этнонимов переписчиками.

2. В русских источниках грузинского происхождения, как и в собственно грузинских, он появляется вновь в XVII в. С XVIII в. он уже широко используется в русских документах для наименования ингушей, а в начале XIX в. – обретает четкую локализацию, употребляясь в основном, для наименования населения верховьев Аргуна и ущелья р. Армхи под именем «дальних и ближних кистин».

3. В различных источниках, как грузинских, русских, так и западноевропейских, этноним «кисты» употребляется в качестве общего наименования всех ингушей, и в то же время грузины как наиболее осведомленные в отношении этнонимии ингушей, зачастую разделяли кист, глигв (галгаев) и дзурдзуков и придавали им четкую географическую локализацию. Хотя и они употребляли его в качестве общего для ингушей наименования, как, впрочем, и этноним «дзурдзуки», который, возможно, еще более раннего происхождения.

Анализ этнонима «кисты» был бы неполным, если не упомянуть, что в первой половине XIX в. этот термин также употреблялся для этнической классификации чеченцев, которые считались одним из «кистинских колен». Наиболее целостно классификация «кистинского народа» этого периода представлена у С. Броневского.[23] Позже, уже со второй половины XIX в., вектор классификации прежних «кистинских колен» сместится в сторону Чечни: ингушей (прежних «коренных кистов») начнут считать одним из чеченских племен. Это явление было следствием активных миграций в Чечне в ходе Кавказской войны и после нее, переселения горцев на плоскость и смешения их с восточно-чеченской крупной этнической (ичкеринской) группой, что способствовало этнополитической консолидации их вокруг Чечни. В результате этноним «чеченцы» значительно расширил ареал своего географического распространения в западном и юго-западном направлениях за счет вливания в него восточно-ингушских обществ горной и отчасти плоскостной зоны, в особенности это касается «дальних кистин». И как следствие этого процесса, завершившегося уже во второй половине XIX в. административными преобразованиями, причислившими эти территории к Чечне, чеченцы достигли значительного численного превосходства над ингушами, что соответственно давало право (учитывая территориальное и количественное соотношение) при проведении этнической классификации этих народов, ингушей причислять уже к чеченцам. Эта схема этнической классификации во второй половине XIX в. получила широкое распространение и стала преобладающей.

Этнический термин «дзурдзуки» представляется одним из наиболее древних ингушских этнонимов, который, несомненно, в прошлом охватывал гораздо более широкое территориальное пространство, нежели он локализуется у В. Багратиони: «А к югу от сего, выше Кистетии, находится Дзурдзукетия с строениями, селениями; башенные обе».[24] Н.Г. Волкова предполагает, что В. Багратиони имел в виду район южнее Кистетии (т. е. среднего течения р. Армхи, известного позже под названием «ближние Кистины»), охватывающего «верховья той же Армхи, а также ущелье р. Охкарохи, правого притока Терека, находящегося еще южнее Армхи».[25] Вахушти вслед за Леонтием Мровели (XI в.) возводит этноним «дзурдзук» к мифическому предку дзурдзуков, кист и глигв – Дзурдзукосу, потомку Кавказа (этнарха ингушей). А.Н. Генко, анализируя сведения, сообщаемые Леонтием Мровели, приходит к выводу: «…для древнейшей эпохи Дзурдзук символизирует собой весь Северный Кавказ»[26]. По данным Леонтия Мровели, уже при первых царях Картли Парнавазе и Саурмаге (III в. до н. э.) известна страна дзурдзуков, с которыми у грузин имеются тесные связи и даже родство – первый грузинский царь Парнаваз женат на дзурдзучке.[27] Вахушти Багратиони, сообщая об эпониме Дзурдзуке, определяет и территорию расселения его потомков, т. е. страны дзурдзуков, которая простирается от Ломеки (Терека) до границ Лекети (Горный Дагестан)[28]. Таким образом, можно предположить, что в более ранний период этноним «дзурдзуки» охватывал все население Большого Кавказа от Терека от Дагестана, локализующееся большей частью в горной зоне, на границе с Грузией, а также, возможно, и на предгорьях, к северу и к югу от Главного Кавказского хребта. Также вероятно, что «Дзурдзукия представляла четко очерченную территориальную общность с этнически однородным населением»[29]. Почти не вызывает сомнений, что это население напрямую связано с ингушеязычными обществами, населявшими этот район в более поздний период. Об этом косвенно свидетельствуют ранее приводившиеся данные об ареале распространения ингушского языка в горной зоне Ингушетии и Чечни. При упомянутый этот единый этнический массив в разные исторические периоды то объединялся под именем «Дзурдзукии», то вновь распадался на дзурдзук, кист и глигв, что подтверждается данными грузинских источников. Это, в свою очередь имея отношение к политической истории ингушей, в то

же время дает возможность предположить, что в составе дзурдзуков имелись, по крайней мере три территориальные группы – кисты, глигвы и собственно дзурдзуки. К XVII-XVIII вв. этноним «дзурдзуки» вытесняется в грузинских источниках этнонимом «кисты», который у Вахушти встречается еще и в форме «кисто-дзурдзуки», что, возможно, является свидетельством о более тесном родстве внутри древне-средневекового ингушеязычного этноса между этими двумя этнонимами (этнотерриториальными группами), нежели с глигвами (галгаями). Возможно, косвенным свидетельством такого родства в прошлом и преемственности между этнонимами «дзурдзуки» и «кисты» является появление в более поздний период наименования «кисты» в двух районах к западу и востоку от галгаев, т. е. в ущелье р. Армхи и в верховьях Аргуна («ближние и дальние Кистины).

В русских источниках этноним «дзурдзуки» неизвестен, исключение составляет сочинение С.Д. Бурнашева «Картина Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные пребывающим при Е.В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым», содержащее сведения 1786 г. В нем этот этноним упоминается в форме «дзюрдзюки» и охватывает население в верховьях р. Армхи, в верхних течениях рек Ассы (т.е. галгаев) и Аргуна.[30] Эти сведения заимствованы из поздних грузинских источников, в частности, у Вахушти Багратиони.

В подтверждение древности этнонима «дзурдзуки», который, кстати, известен и в форме «дурдзуки», можно привести два интересных наблюдения. На одно из них, принадлежащее Г.А. Меликишвили, указывают Р.Л. Харадзе и А.И. Робакидзе, которые отмечают: «Указывая, с ссылкой на древнейший топоним Zurzukka в приурмийский краях, Г.А. Меликишвили привлекает этот факт в качестве одного из аргументов для обоснования положения о наличии там во II-I тыс. до н. э. нахских элементов, не исключая вместе с тем их распространение в более северных и восточных районах Кавказа»[31]. Второе наблюдение принадлежит Е.Л. Сосниной, которая по-видимому не знакома с этнонимом «дзурдзук», имевшим распространение в восточной части Северного Кавказа, поэтому, обнаружив его в западной части, она делает предположение о родстве последнего с адыгским миром. Е.Л. Соснина пишет: «Большой интерес для древней истории адыгских народов Северо-Западного Кавказа представляет другая опубликованная Я. Потоцким карта, хранящаяся в Венской библиотеке под названием «Карта Весконти» 1327 г. На ней на черноморском берегу Зихии показан пункт Zurzuchi, на других картах Sirsacho, Susako. Последние номинации фонетически оформлены, по нашему мнению, как адыгские и это должно привлечь внимание историков и филологов-кавказоведов».[32] Очевидно, что этноним «дзурдзуки» тесно связан с древней историей Кавказа, генетическое же родство его с ингушами подтверждается сохранением его вплоть до конца XVII в. (Вахушти) именно в зоне, населенной ингушскими обществами, и указанием на бытование в качестве общего для них наименования в прошлом.

Этноним «глигви» в грузинских источниках соответствует наименованию ингушского территориального общества – гIалгIай («галгаевцы» в поздних источниках), располагавшегося в среднем течении р. Ассы в Горной Ингушетии. Этот этноним позже (по мнению большинства исследователей), в ходе активизации миграционного процесса ингушских обществ на плоскость, отмечавшегося со второй половины XVIII в., постепенно стал общим наименованием и самоназванием ингушей, так как именно тейпы (роды) из этого общества возглавляли движение ингушей на плоскостные земли. Эта версия вполне обоснована, если исходить из закономерности известной нам из более ранней истории ингушей, свидетельствующей, что в основе появления тех или иных этнонимов лежит

территориальный принцип. Соответственно, если галгаи начали первыми осваивать плоскостные земли, возглавив процесс возвращения ингушей на равнину, то и представители других обществ, подселяясь к первопоселенцам, которые в численном отношении их превосходили, для всех остальных горцев уже являлись также галгаями. Не смотря на то, что в предшествующий период ингуши, обитали в относительно замкнутых условиях горных ущелий, что способствовало более размежеванию по территориальности, нежели сплочению вокруг единого центра, они сохраняли самосознание единого этноса, основанное на общей культуре и едином языке. Наверное поэтому этноним «галгаи» был достаточно быстро принят всеми остальными обществами в качестве единого наименования жителей плоскости, а позже распространился и на горные общества ингушей от Джейраха до Цори. Горные общества, расположенные к востоку от Цори и соответственно не участвовавшие в этих миграционных процессах, более других сохраняли свою обособленность под именем «кистинов» (читай – горцев-ломарой), разделяясь на общества Мялхи, Майсты, Акки и др.

Несколько потоков миграций ингушей на плоскость уже во второй половине XVIII в. образовали по крайней мере две новые этнотерриториальные группы в предгорно-плоскостной зоне: орстхойцы и галашевцы (галаши). Последние представляют собой территориальное общество ингушей, располагавшееся в среднем течении р. Ассы и состоявшее из орстхойцев и галгаев (из обществ Галгайче и Цори). При этом нужно отметить, что на этом этапе, когда в равной мере были устойчивы все три вышеуказанных этнических термина, принцип территориальности был определяющим при отнесении выселявшихся из гор ингушей к той или иной этнической группе. Так, например, побывавший в этот период среди ингушей (1781 г.) Л. Штедер приводит интересные факты, свидетельствующие как об особенностях миграционных процессов, так и косвенно о процессах этнонимических. Он указывает, что на р. Сунже располагалось селение Казах-гечу (35 дворов), население которого было ингушско-карабулакским, а также сообщает о существовании значительно выше на той же реке дистрикта (читай – общества) Ахкин-юрт, также населенного орстхойцами и ингушами.[33] Первый населенный пункт расположен в зоне миграции ортсхойцев, второй входил в зону миграции ингушей-галгаев. В результате отдельные выселенцы из Галгайского общества, попадая к орстхойцам, в территориальном отношении считались представителями этого общества и попадали в зону территориального распространения этнонима «орстхой», и, наоборот, последние расселяясь среди галгаевцев-ингушей, получали статус представителей Галгаевского-Ингушского этнотерриториального общества. Хотя внутри самих этих обществ они могли и сохранять некую обособленность, основанную на своем первоначальном статусе, последняя со временем постепенно вытеснялась уже новым статусом этнотерриториальности.

Таким образом, в условиях плоскости новый импульс получает процесс этнополитической консолидации ингушей, во главе которого в силу вышеуказанных причин, а также целого ряда других факторов (в том числе геополитических, зависящих от исторической ситуации на Северном Кавказе) становятся галгаи. Этот ингушский этноним постепенно вытеснил все остальные и стал общим и единым самоназванием всех западных ингушских обществ, из которых и образовался современный ингушский народ.

В русских источниках этноним «галгай» впервые становится известным во второй половине XVI в. в форме «калканцы», «калки», «калканские люди». Упоминание этого этнонима встречается в статейных списках русских посольств в Восточную Грузию (Кахетию), подробно описывающих как сам путь следования, так и происшествия, случавшиеся по дороге. Е.Н. Кушева, изучавшая данный вид источников, пришла к выводу, что в

русских документах второй половины XVI – первой половины XVII вв. термин «Калки», «вероятно, покрывает другие (не только галгаев. – Ред.) родоплеменные группы Горной Ингушетии».[34] К такому выводу, судя по всему, ее подтолкнуло то обстоятельство, что «калки» неоднократно упоминаются в районе Дарьяла, где собственно с ними и столкнулись представители русских посольств в Грузию. Между тем известно, что само общество Галгай располагалось намного восточнее от Дарьяльского прохода и между ними расселялись кистинцы (по р. Армхи) и джераховцы. Соответственно, следуя логике Е.Н. Кушевой, под этнонимом «калки» в статейных списках могли фигурировать именно эти территориальные общества, расположенные западнее Галгая и ближе к Дарьялу. Одно из них, Джейрахское, так же упоминается в документах под именем «ероханские люди».

По всей вероятности, в этот период уже начался процесс консолидации ингушских обществ вокруг единого центра в лице общества «Галгайче», вследствие чего, возможно, этноним «галгаи» стал распространяться и на общества, лежащие к западу; во всяком случае, он мог применяться для этнической самоидентификации последних в отношениях с соседними народами. Завершение этого процесса относится к периоду массового выселения ингушей на плоскость в XVIII – начале XIX в.

Народная память сохранила достаточное количество свидетельств об имевших место в прошлом случаях переселения отдельных жителей (представителей родов) Галгаевского ущелья в эти районы, на земли расположенные по р. Армхи. Они часто основывали новые поселения (например, с. Хули). Позже к ним же могли подселяться и другие переселенцы из разных обществ, которые с общего согласия на взаимовыгодных условиях заключали союз, перераставший в братство («вошал») и постепенно оформлявшееся в виде фамильного (тейпового) родства. Это свидетельствует об имевших место внутренних миграциях в среде ингушей, в том числе межтерриториальных, из одного общества в другое. При этом, переселяясь в другие территориальные общества, представители, например, галгаевских фамилий, становились постепенно уже представителями (полноправными членами) этих обществ – и наоборот. Но статус первопоселенцев внутри самих обществ был выше вновь подселившихся, а этнотерриториальные образования (территориальные группы) в условиях гор были весьма устойчивыми. Кроме того, допуская, что под этноним «калки» могли в различных конкретных случаях подпадать как галгаи, так и кистинцы и джераховцы, нужно отметить, что известное расстояние, отделявшее Галагаевское общество от Дарьяла, никак не исключает возможности появления галгаев в этом районе.

3. Материальная и духовная культура средневековой Ингушетии

Изучение средневековой культуры ингушского народа тесным образом связано с достижениями археологии, являющейся одним из основных инструментов в деле реконструкции прошлого бесписьменных северокавказских народов.

Различные вопросы материальной и духовной культуры ингушей рассматривались в работах дореволюционных авторов, однако научную разработку они получили в советском кавказоведении.

Лабораторной площадкой для исследователей стала горная зона Ингушетии, что вполне закономерно. Горы, как известно, в силу своих географических условий, способствуют длительной консервации культуры, которая, видоизменяясь под воздействием исторических условий, все же сохраняет много архаических черт. В то же время, представляя со-

бой естественную преграду для вторжения завоевателей, никогда не обделявших своим вниманием Кавказ, горы способствовали лучшему сохранению памятников архитектуры. На равнине их практически не осталось. Абсолютное большинство объектов культурно-исторического наследия ингушей сосредоточено именно в горной зоне. Они являются основным источником для исследователей истории и культуры ингушей периода Средневековья.

Боевая башня со ступенчато-пирамидальным покрытием в с. Арзи. Современное фото.

Башенная архитектура. Наивысшего расцвета в этот период достигает самобытная ингушская башенная архитектура, истоки которой уходят своими корнями в глубокую древность. Подтверждением тому являются сохранившиеся в горах Ингушетии остатки мегалитических жилых построек из огромных каменных блоков, т. н. циклопические жилища. Часть из них, построенная с использованием известкового раствора, датируется некоторыми исследователями XIII-XV вв. Наиболее же архаичные циклопические постройки, сложенные насухо, без использования раствора, из огромных каменных глыб и состоящие зачастую из нескольких камер, датируются периодом, начиная со второй половины II тыс. до н. э.[35] В результате археологических раскопок на нескольких мегалитических жилищах были найдены остатки керамики, датируемой I тыс. до н. э., т.е. периодом кобанской культуры. По признакам планировки, технике кладки и некоторым другим особенностям циклопические постройки имеют общие черты с более поздними башенными строениями Горной Ингушетии. Исследователи отмечают преемственность башенной архитектуры ингушей, получившей высокое развитие в Средневековье, от техники каменного строительства, бытовавшей в горах Центрального Кавказа с древнего периода.[36]

Есть все основания для предположения, что родоначальниками башенного строительства в горной зоне, охватывающей территории современных Чечни, Ингушетии, Осетии и горной части Восточной Грузии, являются предки ингушей. Это косвенно подтверждается этногенетическими преданиями народов, проживающих в этом регионе и многими конструктивными особенностями архитектуры, подчеркивающими единство ее происхождения. А также и тем обстоятельством, что в

Башенное поселение Хани. Фото 1924 г.

Башня Цуровых в Арамхинском ущелье. Фото начала XX в.

количественном и качественном отношениях башенное строительство получило наибольшее развитие в период Средневековья именно на территории Горной Ингушетии. Это отмечалось практически всеми исследователями, касавшимися этого вопроса. Особенно высокую оценку получил классический тип ингушской боевой башни с пирамидально-ступенчатым покрытием. Выдающийся советский археолог и кавказовед, Евгений Игнатьевич Крупнов в своем фундаментальном труде «Средневековая Ингушетия» с неподдельным восхищением отзывается об этих архитектурных шедеврах: «Ингушские боевые башни являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края. Она поражает простотой формы, монументальностью и строгим изяществом. <…> Можно сказать, что ингушские башни для своего времени были подлинным чудом человеческого гения, как для нашего столетия новые шаги человека в небо».[37]

Разработанная в 20-х гг. XX в. Л.П. Семеновым схема классификации памятников материальной культуры Ингушетии сохраняет свою актуальность до настоящего времени. Основываясь на принципе функционального назначения памятников, он подразделял их на три основные группы: памятники оборонительного, религиозного и погребального характера.[38] Оставаясь в основном в рамках этой классификации, Е.И. Крупнов предложил схожую типологизацию по группам. К первой группе он отнес монументальные жилые и оборонительные сооружения: жилые башни («гIала»), высокие боевые башни («вIов»), укрепленные замки, городища и остатки заградительных стен. Ко второй группе им отнесены погребальные сооружения: подземные, полуподземные и надземные каменные склепы («каши»), пещерные и грунтовые захоронения, каменные ящики и курганы. К третьей группе им отнесены древние христианские храмы, разного рода языческие святилища и придорожные стелы («чурты»).[39]

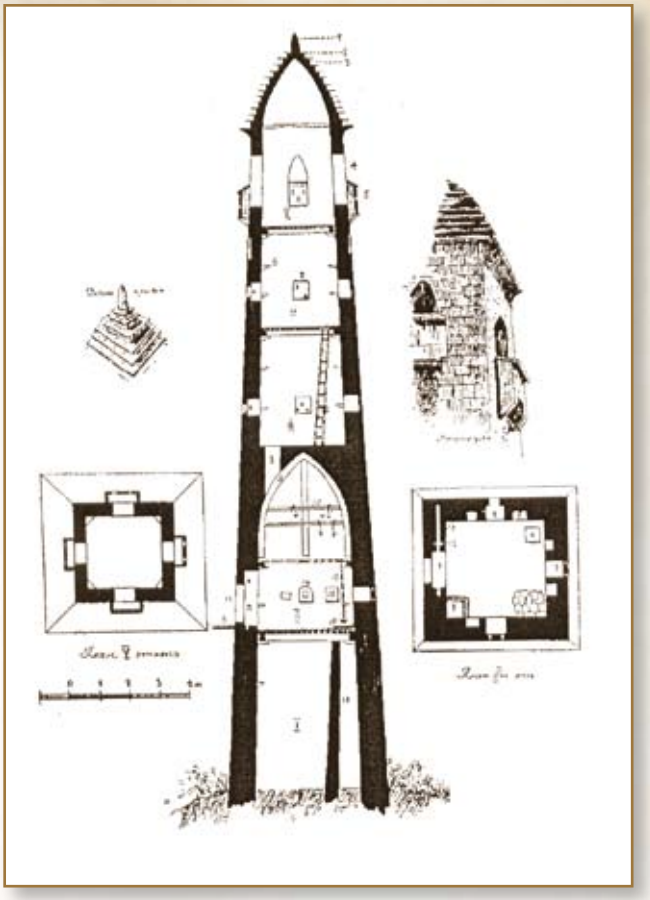
В горной зоне Ингушетии на территории современного Джейрахского района, включавшей в себя часть территориальных обществ расселения средневековых ингушей: Джейрах, Фяппи (Кистинское общество), Чулхой, ГIалгIай и Цори, располагалось около 150 населенных пунктов. Все они состояли из комплексов каменных жилых башен, за редким исключением в каждом из них имелись полубоевые и боевые башни. Многие селения представляли собой укрепленные замковые комплексы, включавшие в себя одну или несколько боевых и полубоевых башен, объединенных высокими оборонительными каменными стенами с жилыми постройками. Они напоминают западноевропейские феодальные замки.

В Средневековье наступает период возрождения башенной культуры Северного Кавказа, феномен которой, несомненно, ярче всего проявился в горах Ингушетии, по праву получившей наименование «страны башен». В это же время, по мнению большинства исследователей, окончательно сформировался классический тип ингушской боевой

башни со ступенчато-пирамидальным покрытием.

В горах Ингушетии от Джейраха до Цори исследователями выявлено и учтено более 120 боевых башен. Из них 50 башен со ступенчато-пирамидальным венчанием, более 40 башен – плоскокровельные, более 30 башен – полуразрушенные, несохранившиеся и неисследованные.[40]

Боевые башни ингушей были нескольких типов, в которых, как объясняют специалисты, прослеживается эволюция техники строительства оборонительных сооружений в горах Северного Кавказа. Считается, что боевые башни появились в ходе совершенствования техники строительства, путем эволюции жилых башен сначала в полубоевые, затем – в боевые башни с плоским венчанием и, наконец, в башни со ступенчато-пирамидальным покрытием.[41] В то же время появление более совершенных башен не означало прекращения строительства прежних типов, они все в равной мере продолжали возводиться вплоть до позднего Средневековья.



Разрез боевой башни. Рисунок И.П. Щеблыкина

Боевые башни ингушей были многоэтажными, как правило насчитывая от четырех до шести этажей. Большинство башен со ступенчато-пирамидальным покрытием строились в пять этажей, и достигали в высоту от 20 до 25 метров. Шестиэтажных башен, высота которых колеблется от 26 до 30 метров, насчитывается не так много. Они наиболее совершенны в архитектурном плане и, как правило, являются частью замковых комплексов. Подобные башни имелись в таких селениях, как Верхний и Нижний Эзми, Памет, Нижний Джейрах, Ляжг, Морч, Эрзи, Верхний Хули, Хяни, Дошхакле, Верхний Карт и Карт, Верхний, Средний и Нижний Оздик, Кий, Эгикал, Пуй, Пялинг, Ний и некоторые другие.[42] При этом прослеживается одна интересная особенность в географии распространения высоких боевых башен. Они распространены в селениях, расположенных ближе к Дарьялу. В бассейне реки Армхи их становится значительно меньше. В этом районе наблюдается распространение более приземистых башен с плоским покрытием. Уже ближе к Галгаевскому ущелью и в самом ущелье высоких башен с пирамидально-ступенчатым покрытием становится гораздо больше. Затем, на территории общества Цори снова большей частью получают распространение башни с плоской кровлей.

Башни с плоским покрытием обычно строились в 4-5 этажей. Кровля их для обороны укреплялась парапетом либо зубчатым венчанием. Высота их в среднем варьировалась от 16 (с. Мецхал) до 25 м (с. Баркин).

Боевая башня с плоским покрытием в с. Белган

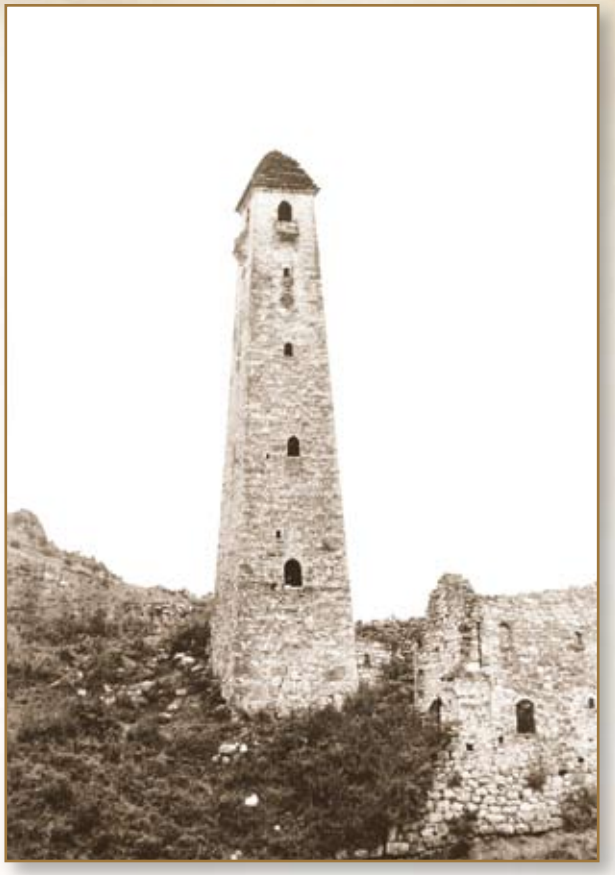
Боевые башни с плоским покрытием, завершающиеся высоким парапетом (барьером), имелись в с. Фуртоуг, Харп, Ляжг, Фалхан, Шуан, Гадаборш, Кост и др. Башнями с зубцами по углам крыши снабжены замковые комплексы в с. Гоуст, Мецхал, Горак, Бишт, Някист, Бисар, Цори и др.

Боевые башни, как и жилые, строились без фундаментов на скальной основе.[43] Выбор места строительства башенных поселений и их фортификационных сооружений (боевых и полубоевых башен) зависел от совокупности нескольких основных факторов. Поселение как правило основывалось в наиболее выгодном в стратегическом плане месте: у дороги, у переправы через реку, у входа в ущелье, что позволяло контролировать пути сообщения. При выборе места поселения также учитывались природные условия местности и качество почвы. Никогда поселения не основывались на участках пригодных для занятия земледелием, так как огромный дефицит таких земель в горах вынуждал буквально использовать под засевы каждый клочок, ценность которого в экономике горцев была очень высокой. Для возведения башенных поселений выбирали как правило наиболее бесплодные участки с каменистой почвой, а порой, строили и на голых скалах. Кроме этого также учитывались факторы безопасности от природных катаклизмов различного рода: сходов лавин, землетрясений, паводков, оползней и других. Поэтому старались не строить на участках, представляющих такую опасность. Селения основывали близ источников с питьевой водой, в которых в силу многочисленности небольших речушек и родников недостатка не было. Большое количество селений расположено в непосредственной близости от главных рек Горной Ингушетии – Ассы и Армхи.

Особое внимание уделялось выбору места строительства оборонительных сооружений: боевых и полубоевых башен, заградительных стен. Они должны были обеспечивать надежную защиту населения от нападения извне, а также давать возможность контролировать прилегающую к поселению местность.

Каждый этаж боевых башен имел свои определенные функции. Одним из первых попытался дать характеристику этим функциям архитектор И.П. Щеблыкин, который писал: «первый этаж предназначался для пленников, второй – для стражи и защитников, третий и четвертый – для защитников и семьи, а пятый – для наблюдателей и семьи».[44] Первый этаж служил тюрьмой для пленников и хранения сельскохозяйственных припасов, для этого они оборудовались специальными конусовидными каменными «мешками» – отсеками по углам башни.[45] В него можно было попасть только через квадратный лаз со второго этажа. Вход в башню обычно располагался на уровне второго этажа и представлял собой

сводчатый дверной проем, закрываемый изнутри прочными деревянными ставнями и запираемый на деревянный брус, который вдвигался в толщу стен. И только некоторые башни, расположенные в труднодоступных местах, имели вход на первом этаже. Второй этаж служил жильем на случай осады. Над ним, так же как и над верхним этажом, строились каменные перекрытия в виде сомкнутого (четырехстороннего) ложного свода стрельчатого очертания. Такое перекрытие, в отличие от деревянного, нельзя было поджечь, если осаждавшие врывались внутрь, а осажденные запирались наверху.[46] Все другие вертикальные этажи были разделены деревянными перекрытиями, опирающимися на выступы и специальные каменные карнизы. Сообщение между этажами осуществлялось через квадратные лазы – люки, оборудованные в углах башен, – по приставным лестницам в виде зазубренных бревен. Эти проходы между этажами были расположены зигзагообразно. Начиная со второго, на каждом этаже имелись световые окна, боевые ниши (бойницы) и смотровые щели (глазки). «Устройство бойниц велось таким образом, чтобы по возможности охватить все подступы к башне».[47] На уровне последнего (пятого или шестого), этажа являвшегося главным обзорным пунктом и одновременно главной боевой площадкой, в средней части каждой из стен устраивались сквозные створчатые ниши – амбразуры. Они прикрывались специальными каменными навесными балкончиками – машикулями. Верхняя часть амбразуры оставалась свободной для наблюдения. Археолог М.Б. Мужухоев предполагает, что выбор строительства того или иного типа оборонительной башни зависел от рельефа местности. Исходя из архитектуры башен с пирамидальной ступенчатой кровлей, отличающихся наибольшей обороноспособностью, он считает, что такой тип башен возводился в местах легкодоступных, подход к которым не был естественно укреплен. Такие башни строились с учетом, что противник сможет вплотную подойти к стенам башни. В местах же труднодоступных, с точки зрения возможного штурма, возводились менее укрепленные плоскокровельные башни.[48]



Боевая (шестиэтажная) башня замкового комплекса в с. Карт. XV-XVII вв. Фото В. Перфильевой, 1977 г.

Пирамидально-ступенчатая крыша башни, как правило, состояла из тринадцати сланцевых плит и венчалась крупным конусовидным камнем.

Архитектор и специалист в области кавказского каменного зодчества А.Ф. Гольдштейн, описывая эволюцию ингушских боевых башен, попутно объясняет причины появления на них каменных крыш в виде пирамидально-ступенчатого покрытия. «В Ингушетии, а также на соседних территориях – в Чечне и в Северной Грузии, – встречаются башни, плоская земляная крыша которых окружена высоким, выше человеческого роста, парапетом.

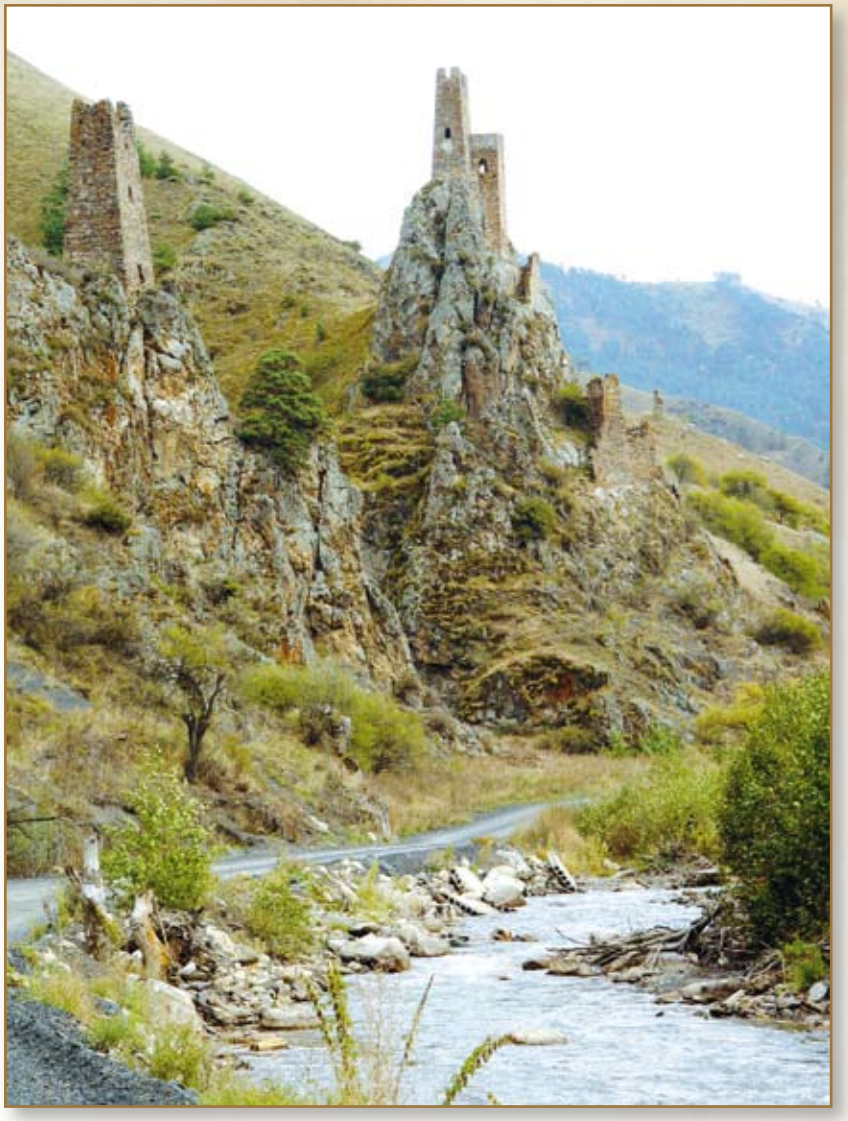
Башенное поселение Арзи. Фото XIX в

Он прорезан посередине каждой из четырех сторон большим проемом, так что парапет имеет вид не стенки, обходящей крышу по периметру, а отдельных простенков, образующих четыре больших зубца на углах верха башни. За этими зубцами укрывались защитники башни, которые, находясь на ее крыше, игравшей роль боевой площадки, через эти большие проемы в парапете стреляли из луков вниз, в нападающих. В нижней части проема устроен машикуль («чIерх») в виде балкончика, огражденного каменными стеночками и перекрытого сверху плитами, но не имеющего пола. Через него бросали вниз камни. А стреляли, опираясь коленом или локтем на каменную крышку машикуля, который, выступая вперед, прикрывал собой стрелка. Но земляная крыша требует постоянного ухода. После каждого дождя ее нужно затирать жестким веником, чтобы она не растрескалась, ее периодически смазывают глиной, укатывают катком. Иначе она начнет протекать, деревянные балки подгниют, и она может обрушиться. А зимой нужно постоянно очищать крышу от снега, тем более что он крупной массой скапливается за парапетом и заваливает люк выхода на площадку. Все это неудобно и трудоемко. Поэтому естественно предположить, что над плоской крышей башни, над этой боевой площадкой, сооружали деревянный навес для защиты от осадков. Деревянными шатрами, как известно, были крыты боевые башни и на Руси. Высокие угловые простенки, увенчивающие в виде четырех зубцов некоторые башни северо-восточного Кавказа, вероятно, служили столбами, поддерживавшими навес. Если заменить деревянный шатер каменным, получится форма венчания характерной вайнахской боевой башни. Деревянные шатры на боевых башнях заменялись более капитальными и в России, и в Западной Европе; естественно, что это могло быть сделано и в Ингушетии».[49]

Боевые башни, имеющие строгие гармоничные пропорции, поражают своим изяществом, сочетающимся с крепостью стен, достигающих у основания толщины около одного метра, и наглядно демонстрируют высокий уровень развития средневековой ингушской архитектуры. В то же время они – иллюстрация своей эпохи, повседневностью которой являлись война и борьба за выживание. Постоянное отражение внешних агрессий, внутренние междоусобные столкновения, а также само географическое расположение на перевальных путях из Закавказья на равнины Северного Кавказа – все эти обстоятельства, вынуждали ингушей строить крепкие каменные дома-крепости.

Постепенно разрастаясь с увеличением населения, средневековое поселение превращалось в укрепленный замковый комплекс, в котором были все атрибуты средневековой крепости – высокие боевые башни, крепостные стены, жилые и хозяйственные постройки. Каждое такое поселение было единым, самодостаточным и прочным объединением

соседей-родственников. Все отношения с окружающим миром регулировались посредством института старейшин, деятельность которых была строго регламентирована в соответствии с народным правом – адатом. По своей внешней форме эти поселения напоминали небольшие «средневековые города», в которых была единая политика, во главу которой были поставлены интересы «свободных и равноправных горожан». Эти интересы были превалирующими во всех отношениях с внешним миром и ограничивались лишь интересами соседей – таких же, расположенных рядом, «поселков-городов». В каждом таком поселении был старший («градоначальник»), которому беспрекословно подчинялось местное население. Горные ущелья, в которых группировалось до нескольких десятков средневековых поселений, так же являлись своеобразными «федерациями городков-поселков» со своими отличительными чертами и особенностями. Как правило в каждом таком ущелье был свой политический центр наподобие столицы, который обыкновенно являлся и самым крупным населенным пунктом ущелья, расположенным в самом выгодном в стратегическом плане районе, контролирующем перевальные пути. Например, в Ассинском ущелье, в обществе Галгайче таким центром являлось одно из крупнейших ингушских средневековых поселений – Эгикал. Оно состояло из нескольких мощных замковых комплексов, включавших в себя 11 боевых, 5 полубоевых и 50 жилых башенных сооружений с различными пристройками и каменными оборонительными стенами.[50]



Замковый комплекс Вовнушки

Боевые башни, несмотря на свою важность в жизни средневековых ингушей, однако, не являлись главными строительными сооружениями. Способные выдержать длительную осаду и незаменимые в случае военных действий, они были мало приспособлены

Боевая и жилые башни с. Эгикал

для жилья. Повседневность быта средневековых ингушей была связана с жилой башней («гІала»). В ней протекала большая часть жизни средневековой ингушской семьи.

Жилая башня представляла собой квадратную или прямоугольную в плане каменную постройку, сложенную обычно в два-три этажа, с плоской земляной крышей, хорошо обмазанной глиной. Высота трехэтажной башни достигала в среднем 10-12 метров, а размеры основания варьировались от 5×6 до 10×12 м.[51] Стены башни сужены к верху, что составляет отличительную деталь архитектуры ингушей периода Средневековья. Например, боевые башни имели значительный угол сужения стен, достигавший в среднем 10-11 градусов. В боевой башне с. Верхний Лейми угол сужения стен достигает рекордных 14 градусов, что придает особую стройность ее внешнему виду.[52] Кладка стен в жилых башнях, состоявшая из грубо обработанных каменных блоков, была более примитивной по сравнению с кладкой боевых башен, что вполне объяснимо. Задача построения жилой постройки отличалась от боевой, так как требовала скорейшего завершения строительства для заселения семьи, поэтому внешнему виду не уделялось такое пристальное внимание. Возводились башни в Горной Ингушетии повсеместно на известковом растворе, а сверху покрывались толстым слоем штукатурки желтого, либо желто-белого цвета, изнутри швы кладки замазывались раствором. Это было характерной деталью всех архитектурных памятников Горной Ингушетии: боевых и жилых башен, склепов и святилищ. По преданию, в состав известкового раствора добавляли молоко или сыворотку и куриные яйца.

Первый этаж жилой башни отводился под хлев, в котором скот был привязан к яслям в определенной последовательности. Для лошади устраивали особый угол. Часть этого помещения огораживалась плетнем: в этом углу хранили зерно. В некоторых случаях для мелкого рогатого скота освобождали весь второй этаж, куда скотину подгоняли по устро-

енному для этого деревянному настилу. Посередине башни с самого основания возвышался четырехугольный каменный столб («ердабIоагIа»), служивший опорой для основных толстых балок межэтажных перекрытий. «Поперек их проходили более тонкие балки, упирающиеся одним концом на выступающие параллельно им камни противоположной стороны. Сверху балок укладывался хворост, на который насыпалась и утрамбовывалась глина».[53] В большинстве башен второй этаж представлял собой основное жилое помещение («лакхера цIа»).[54] Оно в среднем было площадью 40-45 кв. м, в некоторых башнях площадь довольно значительна – 60-70 кв. м. Высота этого этажа превышала 3-4 м. Это было просторное помещение, в котором находились основные предметы домашнего обихода – спальные принадлежности, посуда, утварь. Здесь же был устроен центральный очаг («кхуврч»), над которым спускалась надочажная цепь («зIы»).[55] Основную часть времени, свободную от работы и других забот, семья проводила в этом помещении. Последний этаж предназначался для хранения продуктов и сельхозинвентаря. Он же являлся помещением для отдыха гостей, которых, принимая в жилом помещении, на ночь устраивали в отдельном верхнем помещении, где для этого было оборудовано специальное спальное место. Иногда к третьему этажу пристраивали балкон, имевший хозяйственное назначение. Первоначально «гIала» имели также и оборонное значение, что подтверждается конструктивными деталями архитектуры: защитными парапетами на крыше башен, устройством множества смотровых щелей и бойниц, отсеками для содержания невольников и т.д.

Переходной формой от жилых к боевым башням исследователи считают так называемые полубоевые башни. Они отличаются от жилых и боевых башен тем, что содержат элементы тех и других. Строились они в 3-4 этажа. В основании полубоевые башни почти квадратные и меньшей площади по сравнению с жилыми: их размеры колеблются от 4,5-5 м в ширину до 5-5,5 м в длину. Высота – 12-16 м. В этих башнях отсутствует центральный опорный столб, но имеются навесные балкончики-машикули, как у боевых башен. Перекрытие стен, как у жилых башен, плоское, бревенчатое. Вход устроен также, как у жилых башен, на первом этаже. Очень редко встречаются полубоевые башни, у которых вход, подобно боевым башням, расположен на втором этаже.

Ингушские башенные постройки заметно выделяются среди башен соседних народов своим изяществом и обилием мелких деталей архитектуры, выполненных в камне: кормушек для коней, вмонтированных в стены и заборы; камней – коновязей, выступающих наподобие катушек; наличием над окнами каменных навесов – козырьков и др. Все это придает башням ингушей особую живописность.[56]

Одной из самых сложных для специалистов стала проблема датирования ингушских башенных сооружений, особенно определения даты появления боевых башен с пирамидально-ступенчатым покрытием. Единодушного мнения по последнему вопросу так и не установилось, и он до сих пор является открытым. Варьируются эти датировки от XIII-XIV вв. до XVI-XVII вв. В тоже время большинство средневековых башенных построек Горной Ингушетии специалистами датируется XV-XVIII вв. Этот период можно охарактеризовать как «эпоха Ренессанса» башенной культуры Ингушетии, которая, несомненно, имеет древнюю историю, уходящую своими корнями в эпоху циклопических построек бронзового века.

Значительную часть памятников материальной культуры ингушей периода Средневековья составляют погребальные сооружения. В горной зоне они представлены наземными, полуподземными и подземными склепами, каменноящичными захоронениями и пещерными могильниками.

Наиболее многочисленными являются склеповые погребальные памятники. Самые ранние из них – подземные склепы с погребальными камерами, каменными полками и

Полубоевая башня с. Эгикал.
Рисунок В.И. Марковина

нишами, относятся к периоду XI-XIV вв. Полуподземные склепы обычно располагались на горных склонах. Их выступающая наружу фасадная часть венчается либо плоской, либо двускатно-ступенчатой кровлей. Они датируются второй половиной XIII-XV вв.

Наземные (надземные) склепы считаются наиболее поздними. Большинство из них специалистами относится к XV-XVII вв., встречаются склепы, датируемые XVIII в. Они, как правило, строились в 2-3 этажа и были башнеобразной формы. В Горной Ингушетии встречаются следующие виды наземных склепов: с квадратным основанием и пирамидально-ступенчатой кровлей; с квадратным основанием и пирамидальной гладкой кровлей (с. Фуртоуг, Джейрах); с прямоугольным неравносторонним основанием и двускатной ступенчатой кровлей; с прямоугольным неравносторонним основанием, двускатно-ступенчатой кровлей и поминальной камерой, открытой с фасадов (с. Эрзи, Хамхи, Вовнушки, Таргим, Эгикал); с круглым основанием и конусообразным верхом (с. Фуртоуг, Джейрах, Эрзи, Вовнушки, Таргим, Эгикал, Лейми, Мецхал).[57] Так же встречаются башнеобразные склепы с плоской кровлей (с. Эгикал, Лялах) и зубцами на плоской кровле (с. Цизды, Харпе, Пялинг, Эгикал, Вовнушки).[58]

Склеповые постройки зачастую занимают значительные площади, представляя собой целые «городки мертвых». Такие некрополи имеются в таких селениях, как Фалхан, Эрзи, Тарш, Бишт, Тумгой, Верхний Оздик и другие. Наиболее крупные «городки мертвых» Горной Ингушетии расположены у селений Шуан, Мохте (более 250 подземных и полуподземных склепов), Маготе (100 подземных и полуподземных склепов), Кели и Эгикал[59].

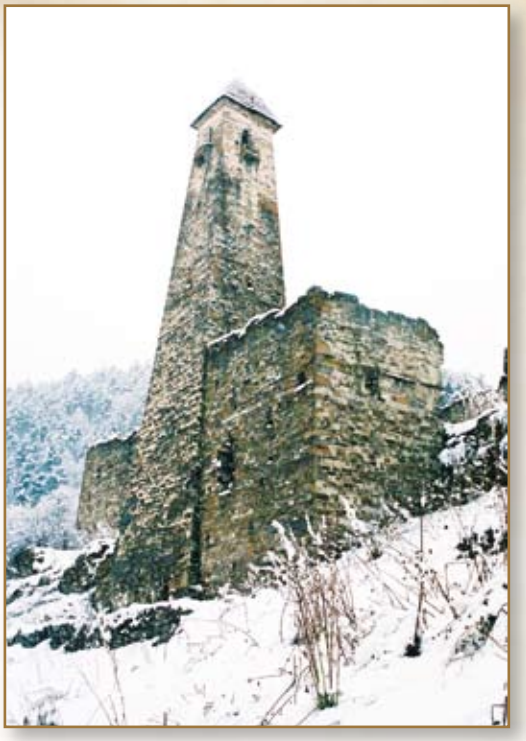
Обыкновенно склеповые усыпальницы располагались недалеко от поселений. Наземные склепы сложены из грубо отесанных камней на извести и покрыты известковой желтовато-белой либо белой облицовкой. Изнутри швы кладки замазывались раствором, иногда покрывались штукатуркой. В фасадной стене каждый склеп имеет небольшое окно – лаз, расположенный на высоте около одного метра от земли. Высота склепов колеблется от 3-4 до 5-6 метров. В зависимости от числа ярусов лазы располагаются по всем сторонам склепа, служа входом в каждый ярус. Все наземные склепы многоярусны, они имеют от двух до четырех ярусов. Перекрытия между ярусами сделаны из нескольких деревянных брусьев или плах, на которые укладывали покойников. В некоторых склепах встречаются перекрытия из каменных плит и каменные полки на первом этаже. В стенах склепов встречаются маленькие квадратные отверстия (иногда в виде ромба) или прорезное схематическое изображение человека и другие сквозные отверстия, обеспечивающие вентиляцию. Вблизи лазов на верхние этажи в башнеобразных высоких склепах в стенку кладки закреплялись выступающие песчаниковые камни или сланцевые плиты с округлым отверстием для установки траурного белого флага (с. Карт, Кост, Эгикал, Някист, Цоли и др.)[60]

Для коллективных захоронений в Средневековье также использовали пещеры, естественные гроты среди скал, в которых выравнивали пол, а вход прикрывали каменной

стенкой с дверью-лазом. Такие пещерные могильники, датируемые XV-XVIII вв., имеются у селений Фуртоуг, Верхний Хули, Верхний Оздик, Кели.[61]

Помимо коллективных склеповых усыпальниц к периоду Средневековья в Горной Ингушетии относятся памятники индивидуального обряда захоронения в виде мавзолеев и каменных ящиков.

Каменноящичные захоронения Средневековья прослеживаются на всей территории Горной Ингушетии и датируются специалистами периодом от IX до XVI вв. Каменные ящики как правило залегают в грунте на глубине до одного метра и более. Нередко они расположены в несколько ярусов. Материалом для ящиков служили крупные сланцевые плиты и песчаниковые камни. На поверхности такие захоронения обозначаются невысокими надгробными каменными столбиками-стелами, каменой обводкой по контуру ящика или холмиками земли.[62]



Башенный комплекс с. Верхний Оздик

Крупнейший средневековый каменноящичный могильник обнаружен археологами у с. Кели. Он насчитывает «более 500 разнотипных захоронений с выразительным погребальным обрядом и богатейшим инвентарем», расположенных местами в три яруса.[63]

Археолог Д.Ю. Чахкиев, зафиксировавший на территории Горной Ингушетии 26 каменноящичных некрополей, в результате изучения части погребений на нескольких из них и сравнительного анализа с погребальным инвентарем склеповых усыпальниц пришел к заключению, что появление в Средневековье в горах Ингушетии каменноящичных захоронений связано с вынужденной миграцией христианизированного ингушского населения с плоскостной и отчасти предгорной зоны под натиском монголо-татарских завоевателей в начале XIII в. Он также записал местные предания, свидетельствующие о том, что каменноящичные захоронения принадлежали пришлым, но родственным окрестным горцам, племенам. Вплоть до конца XIX в. территория каменноящичных некрополей считалась у местного населения священной. «Здесь находились особо почитаемые культовые места, совершались обильные жертвоприношения и моления, а иногда даже возводились культовые постройки».[64]

Особым типом погребальных сооружений средневековой Горной Ингушетии являются мавзолеи. Эти постройки по внешнему виду напоминают склепы, но предназначенны для индивидуальных захоронений. Появление мавзолеев на территории Северного Кавказа исследователи связывают с влиянием мусульманской обрядности.[65]

Большинство мавзолеев Горной Ингушетии датируется XVII-XVIII вв., т. е. периодом активного выселения (возвращения) ингушей на плоскость. Как правило, в таких мавзолеях хоронили знатных людей: предводителей воинских дружин, знаменитых воинов-наездников и искусных зодчих (строителей боевых и жилых башен, склепов, храмов и святилищ). Похороненные в мавзолеях знатные ингуши зачастую являются родоначальниками многих современных ингушских фамилий. Это такие знаменитые воины-наездники

Склеповый могильник с. Таргим. Фото 1921 г.

и предводители воинских дружин, возможно, прославившиеся во время битв за плоскостные земли, как Ярыж («Ярыч-каш», с. Морч), Тенк («Тенк-каш», с. Кейрах), Итар («Итар-каш», с. Ольгети), Албохча («Албохча-каш», с. Нижний Лейми), Танги («Танги-каш», с. Эгикал), Салам («Салам-каш», с. Гоуст), знаменитый зодчий Средневековья, родоначальник современной фамилии Яндиевых – Янда («Янда-каш», с. Эрзи) и др.

Мавзолеи в Горной Ингушетии возводились в основном двух типов. Наиболее распространенный из них – ядрообразный мавзолей с круглым основанием и конусообразным верхом. Он венчался крупным грибообразным либо конусообразным камнем (иногда из известняка-травертина). Стены мавзолеев покрывались слоем желто-белой или белой штукатурки. Иногда в стенку кладки рядом с квадратным лазом вставлялись песчаниковые камни с отверстиями для установления траурного белого флага. В некоторых мавзолеях лаз отсутствует. В нескольких селениях отмечаются мавзолеи с прямоугольным основанием и плоской либо двускатной крышей (с. Ольгети, Эбан). Также в нескольких мавзолеях отмечались парные захоронения. Интересен мавзолей в с. Тарш, похожий своей округлой цилиндрической формой на заостренную часть яйца. В его погребальной камере находилось 10-12 погребенных, что предполагает о возможном более позднем использовании его как коллективного склепа. Первоначально в мавзолее в каменном ящике покоилось двое погребенных.[66]

Возможно, мавзолеи свидетельствуют о появлении в Ингушетии в этот период сильных феодализирующихся фамилий.[67]

Оружие и военное искусство. Военное дело ингушей периода Средневековья достаточно подробно изучено в отечественном кавказоведении. Основным источником для исследователей стали многочисленные археологические находки в погребальных памятниках Горной Ингушетии, свидетельствующие о большом значении военного дела в жизни горцев ингушей.

Каждый из горцев был прирожденным воином, так как повседневность жизни в Средневековье была связана с необходимостью быть всегда готовым к отражению внешней опасности. Обучение навыкам военного искусства начиналось с детства и сопровождалось соответствующим воспитанием и физической закалкой. Систематический физический труд являлся одним из основных элементов такого воспитания-закаливания, поскольку каждый горец был в первую очередь скотоводом и земледельцем, а потом уже – охотником, воином, строителем и ремесленником. Это было универсальное воспитание горского мужчины – пастуха и пахаря, охотника и воина. Основные элементы обучения военному делу включали в себя основы рукопашного боя (борьбы), владения различными видами

холодного оружия, лучного боя, позже стрельбы из огнестрельного оружия.

Ингушам были известны практически все виды защитного и наступательного оружия, использовавшиеся в Средневековье, многие из них отличались своеобразием и оригинальностью, подчеркивавшими их местное происхождение и преемственность от древних традиций горского военного искусства.

Известный специалист в области средневекового военного искусства народов Северного Кавказа археолог Д.Ю. Чахкиев приводит подробную классификацию видов и образцов защитного и наступательного вооружения ингушей. Он отмечает, что «в качестве оборонительного оружия, надежно предохранявшего от ударов наступательного оружия, служили защитный доспех, боевые наголовья, щиты, налокотники и боевые перчатки», а наступательное оружие подразделялось «на различные образцы метательного, колющего, рубяще-режущего и огнестрельного оружия».[68]

Вооружение средневекового ингушского воина из склепа с. Оздик. Фото 1920-х гг.

Защитные доспехи ингушских воинов изготовлялись из кожи и металла. Металлические доспехи был представлены двумя основными разновидностями: кольчугами и панцирями. Доспехи представляли собой металлические рубашки из плетеных колец и имели небольшие различия в покрое. Кольчатые панцири, появившиеся на основе усовершенствования кольчуг, были более легковесными и отличались способами изготовления, крепления, размерами и количеством колец. Под металлический доспех одевалась специальная стеганая одежда, изготовленная на основе ваты или шерсти. Она дополнительно защищала и надежно фиксировала доспехи на теле воина. Изнутри и снаружи они часто обшивались разноцветными, нередко дорогими тканями и обтягивались (прочно фиксировались) поясами и ремнями. Доспехи ценились в зависимости от качеств очень высоко, их могли себе позволить лишь состоятельные и знатные горцы, в основном это были знаменитые наездники, предводители воинских дружин.

Головы воинов защищали металлические кованые шлемы, кольчатые мисюрки и специальные стеганые шапки. Металлические кованые шлемы конической и сфероконической формы, нередко располагающие кольчатой сеткой-бармицей, были основным видом металлических боевых наголовий вплоть до XVII в. Они, как и доспехи, относились к очень дорогому вооружению. С XVII в. получает распространение заимствованная с Востока мисюрка («мисар-кий»; от арабского «Миср» – Египет). Она состояла из металлической тульи и длинной кольчатой сетки-бармицы, защищавших голову, лицо, шею и плечи воина. Шлемы и мисюрки для удобства ношения и дополнительной защиты головы подбивались стеганными подкладками и крепились ремешками-бечевками под подбородком. Большинство горских воинов, которые не могли себе позволить дорогостоящие шлемы и мисюрки, пользовались менее надежными для защиты от ударов в область головы, но гораздо более удобными и практичными стеганными, часто двухслойными, боевыми головными уборами в виде округлых шапок.

К древнейшему виду защитного вооружения ингушей относились щиты. Щиты были в основном округлой формы и удобными как для защиты пеших воинов, так и во время

Вооружение средневекового ингушского воина

боевых столкновений всадников. Широкое распространение имели небольшие круглые шиты, сплетенные из прутьев и деревянные, обтянутые плотной кожей, с металлическими кругами-обручами. Употреблялись также плоские кожаные щиты на металлическом каркасе и выпуклые цельнокованые металлические щиты. Щиты чаще всего были черного, коричневого и красного цветов и являлись основным видом защитного вооружения от колюще-режущих ударов.[69]

Кроме того, к числу защитного вооружения также относились железные или стальные налокотники и специальные боевые кольчатые перчатки.[70] Они, так же как доспехи и шлемы, использовались в основном профессиональными воинами-наездниками и предводителями воинских дружин («бяччи»).

Также в качестве защитного вооружения выступала бурка, защищавшая воина как спереди, так и со спины.

Среди метательного наступательного оружия наибольшее распространение имели разнотипные луки и стрелы, большинство находок которых (введенных в научный оборот) обнаружено в таких селениях, как Шуан, Оздик, Эгикал и Вовнушки, а также в Цеча-Ахке, в склепах в селениях Мелхисты и пещерных погребениях в Ялхорое. Простые луки изготовлялись из дерева и использовались в основном в качестве обучающего оружия для детей. Взрослыми воинами применялись сложные и сложносоставные луки, изготовленные на деревянной основе с использованием в конструкции дополнительных материалов, таких как рога, кости и сухожилия животных, кожа, береста и других.[71] Такие луки отличались сравнительно небольшими размерами, тщательной отделкой и значительной боевой мощью. Они были идеальны для использования в горной местности как пешими, так и конными воинами. Весьма большим разнообразием отличались стрелы, имевшие в зависимости от назначения разнотипные по форме наконечники. Кроме луков также широкое распространение имели самострелы, отличавшиеся высокой боевой мощью и точностью стрельбы.[72]

Для ближнего боя использовались разнообразные виды колющего, рубящего и режущего оружия. В их числе, прямые двулезвийные и однолезвийные мечи, сабли и шашки. Кроме того, обязательным элементом вооружения воина были однолезвийные боевые ножи и двулезвийные кинжалы, которые отличались большим разнообразием по форме и размерам.[73]

Ингушскими воинами использовались также и древнейшие виды колющего оружия – копья и дротики.[74]

В качестве рубящего оружия в рукопашных схватках использовались боевые металлические секиры и топоры.[75] Широкое распространение также имели разнотипные массивные деревянные палицы с металлической оковкой, каменные и металлические булавы, железные шестоперы.[76] Причем секиры и топоры, так же как и палицы, булавы и шестоперы, нередко использовались воинами в качестве метательного оружия.

Одним из древнейших видов метательного оружия у ингушей была праща. Снарядами для нее обычно служили камни.[77]

Не позднее конца XV – начала XVI вв. у ингушей появляется огнестрельное оружие. Сначала фитильное, позже – кремневое. К горцам оружие поступало в основном с берегов Черного и Каспийского моря, из Турции, Крыма и других регионов. Неплохого качества огнестрельное оружие вскоре научились изготовлять сами горцы, в частности, в Черкесии, Дагестане. Также оно изготовлялось и в Грузии. Производство огнестрельного оружия было налажено и у ингушей. Однако огнестрельное оружие ввиду своей дороговизны и несовершенства в этот период не вытеснило у горцев луков, которые широко использовались наряду с ружьями и пистолетами вплоть до начала XIX в.[78] Появление огнестрельного оружия отразилось и на особенностях горского костюма. На черкеске появляются специальные кармашки с газырями для хранения свинцовых пуль и отмеренных доз пороха. Также использовались патронташи, пороховницы, натруски, мешочки-кисеты.

Оружие средневековых ингушей было как импортного производства, так и местного. Причем ингушскими мастерами оружейниками изготовлялись высококачественные образцы практически всех видов наступательного и защитного вооружения. Оружейное ремесло ингушских умельцев находилось на высоком уровне развития, опираясь на богатые традиции прошлых столетий и постоянно впитывая в себя нововведения и изобретения, попадавшие на Кавказ из других областей.[79] В горных аулах Ингушетии существовала некоторая специализация по производству различных видов вооружений. В с. Харпи, Кашиети, Хастмак находились крупные каменные ступки, в которых местные жители изготовляли разносортный порох. Изготовлением защитных доспехов занимались мастера из с. Эбан. Умельцы по изготовлению лучного оружия проживали в с. Фалхан, Салги, Хяни. Различные виды холодного и огнестрельного оружия производились оружейниками в таких селениях, как Хамышки, Эрзи, Шуан, Верхний Хули, Бисар, Эгикал, Дошхакле, Карт и других. В частности, в с. Карт имелась крупная оружейная мастерская, «где в прошлом местные потомственные ремесленники изготовляли превосходные фитильные и кремневые ружья и пистолеты, тонкие и гибкие шашки, прочные кинжалы, отличный порох».[80] В памяти народа сохранились имена знаменитых ингушских мастеров-оружейников: Дудик Амхадов (с. Карт, Дошхакле), Дост Додов (с. Салги), Темарко Патиев (с. Хамышки), Зок и Гат Шанхоевы (с. Шуан), Алпи Ханиев (с. Хани), Берд Циздоев (с. Цизди) и др.[81]

Знаменитыми военачальниками предводителями воинских дружин («бяччи») и воинами-наездниками, чьи имена сохранились в памяти народа, были Салам Ахильгов (с. Гоуст), Талевр Гагиев (с. Верхний Алкун), Эжи-Ахк, Довта и Хучбар Евлоевы (с Евли и Ахки-юрт), Албахча Леймоев (с. Верхний Лейми), Ярыч Морчхоев (с. Морч), Нати Харсиев (с. Нелх), Эзди Цикмиев (с. Вовнушки) и другие.[82] Лучшие образцы вооружения археологи находят именно в одиночных захоронениях знатных воинов. В частности, в каменно-ящичном захоронении в с. Верхний Алкун в 1987 г. было обнаружено богатое воинское захоронение. Ученым удалось установить имя воина – Талевр Гагиев, знаменитый военачальник XV в., павший в битве; он был с почестями и при полном воинском вооружении, захоронен на высоком берегу Ассы у с. Верхний Алкун, выше которого в этот период в узком месте Ассинского ущелья находилась высокая каменная стена с широкими воротами. Здесь постоянно дежурила стража, контролировавшая дорогу в Горную Ингушетию.[83]

Некоторые виды вооружения Средневековья, такие как сложносоставные луки, круглые щиты, дротики, использовались ингушами вплоть до конца XVIII – начала XIX в. На рисунке Г. Гейслера начала XIX в. изображены вооруженные ингуши в черкесках и стега-

ных шапках, с ружьями за плечами, на поясах – кинжалы и сабли, в левой руке одного из них – круглый щит и дротик.[84]

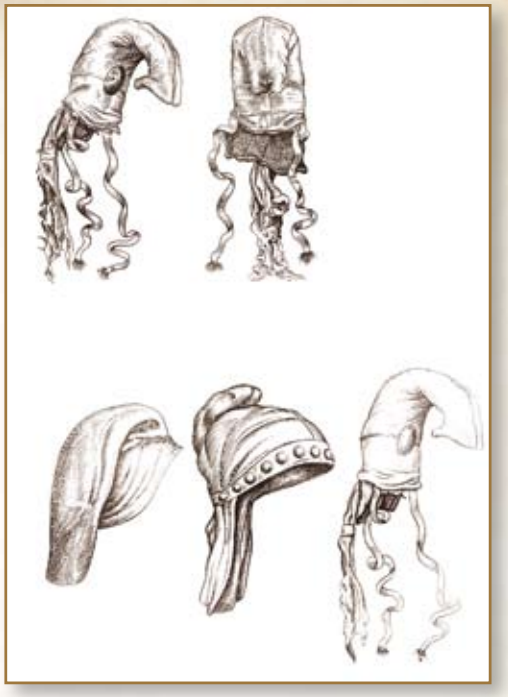
Одежда. Судя по археологическим материалам, полученным из погребальных памятников Горной Ингушетии, средневековый костюм мужчины состоял из двух одежд. На нижнюю (нательную) одежду надевался длинный шерстяной кафтан, доходящий до колен, и широкие шаровары из грубой шерстяной ткани, на ноги надевались мягкие козловые сапоги (ноговицы), а на голову – мягкая стеганая шапка. В погребениях более позднего времени встречаются черкески с газырями, меховые барашковые шапки (папахи). Кафтаны и черкески опоясывались одним или двумя кожаными поясами с железными и бронзовыми пряжками, тонкие пояса украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками. К поясам подвешивались кисеты из кожи с огнивом, кресалом и трутом. И обязательно холодное оружие: железные ножи с деревянными и костяными рукоятками, в кожаных ножнах, а также сабли и кинжалы.[85]

Костюм ингуша ко второй половине XVIII – началу XIX вв., судя по данным письменных источников, практически ничем не отличался от костюма соседних горских народов. Юлиус фон Клапрот, побывавший на Северном Кавказе в начале XIX в., отмечает, что одежда ингушей похожа на одежду других кавказцев, но она, как и их оружие, выглядит изысканнее.[86] Он и побывавший на Северном Кавказе чуть позже Моритц фон Энгельгардт в своих описаниях дают некоторые заметки об одежде и внешнем виде ингушей, они во многом аналогичны подобному описанию начала 80-х гг. XVIII в. Якоба Рейнегса, что объясняется известным консерватизмом горского быта. Приводимые этими авторами сведения вполне могут быть проецированы и на более ранний период позднесредневековой истории ингушей. Судя по этим описаниям, одежда ингушей аналогична одежде черкесов и состоит из короткой «чохи» (черкески) с газырями, длинных штанов, плотно прилегающих внизу к щиколотке, из темно-коричневого неплотного сукна. На ногах – кожаная обувь без крепкой подошвы, а на голове – «шапочка из бараньей шкуры». При езде верхом ингуши надевают длинные шерстяные носки выше колен, и покрываются буркой, служащей надежной защитой от дождя и снега. Для такой же цели служит башлык – остроконечный суконный колпак, закрывающий лицо до глаз и носа. Непременным атрибутом одежды ингуша является оружие: на поясе у него всегда кинжал, а при полном вооружении – сабля и ружье.[87]

Я. Рейнегсом, Ю. Клапротом и М. Энгельгардтом подробно описывается прически, внешний вид и костюм женщин, указывается, что «лицо они закрывают платком», а волосы их, «заплетенные в длинные косы, спускаются по спине». Также, сообщается, что «прочий их, головной убор состоит из длинных тяжелых серег и из черкесской шляпы, которая им очень идет».[88]

Женская одежда периода позднего Средневековья реконструируется также на основе материалов, найденных в склеповых усыпальницах Горной Ингушетии. Такие материалы приводятся, в частности, Е.И. Крупновым: «Женщины одеты в длинные платья-рубахи с неглубоким разрезом на груди. Нижнее платье – с короткими рукавами из грубого белого холста. Нередко встречается и третье платье, сшитое из плотной грубоватой шерстяной ткани собственного производства. Это платье также имеет длинные рукава и разрез на груди, застегивающийся пуговицами. Все верхние платья, особенно шелковые, обычно имеют яркие цвета: красный, синий, зеленый, оранжевый. Кроме рубах и платьев женщины имели шаровары из холста или тонкой материи. Ноги были обуты в чувяки или сапожки на мягкой подошве из цветного сафьяна. Головы украшали высокие головные уборы в виде конька, сделанные из красного войлока или плотного сукна. Этот парадный

головной убор, называемый «кур-харс», носился только богатыми женщинами». Далее, Е.И. Крупнов, сообщает, что «головы женщин украшали массивные плоские медные или бронзовые и серебряные височные восьмилопастные кольца… У шеи находились низки, состоящие из набора разнообразных бус: сердоликовых, стеклянных и из цветной пасты. На пальцах рук надето иногда по нескольку бронзовых и серебряных колец и перстней с глазками из цветного стекла. Талию опоясывал кушак из шелка или холста, к которому привязывались железные ножницы, а также сумочки с шелковыми цветными нитками, иглами и наперстками, деревянные гребни и очень редко стеклянные зеркальца в деревянной оправе».[89] Подобные сведения приводятся и Л.П. Семеновым, который отмечает: «У женщин волосы заплетены в мелкие косички; головы чаще всего покрыты белым или цветным платком или не прикрыты ничем, а над головой – «курхарс».[90]



Типы курхарсов

Оригинальный головной убор ингушских женщин – «курхарс», известный на Кавказе только в Горной Ингушетии, впервые упоминается еще в 30-х гг. XVII в., в статейном списке русских послов, описывающих свой маршрут через ингушские земли в Грузию.[91] «Курхарсы» были, по-видимому, атрибутом парадной, выходной одежды ингушских девушек и надевались во время праздников и «выхода в свет». Они изготовлялись из красного войлока или плотного сукна и представляли собой высокие колпаки в виде конька с изогнутым вперед и раздвоенным концом («хохолком»). Большая коллекция «курхарсов» была собрана археологами из башнеобразного двухэтажного склепа позднего Средневековья в селении Пялинг. Находки поразили ученых не только своей многочисленностью, но и богатой отделкой, в которой использовались как местные материалы, так и очень дорогие импортные ткани (шелк, полушелк, атлас, бархат, парча) иранского, китайского, египетского, сирийского, российского производства. «Курхарсы» были изготовлены с применением золотого и серебряного шитья и использованием различных материалов: войлока, кожи, бисера, бусин, раковин, серебряных блях. Технические приемы также отличались оригинальностью и особым изяществом.[92]

Л.П. Семенов в работе об ингушско-фригийских культурных связях сравнивает «курхарс» со знаменитым «фригийским колпаком», подчеркивая этим глубокие корни взаимоотношений и общность культур Кавказа и исторических областей Малой Азии.[93]

Религия и культовые памятники. Мировоззрение и внутренний духовный мир, мораль и этика средневекового ингуша во многом формировались его религиозными представлениями. В средневековой Ингушетии религия являлась доминантой, значительно влиявшей на все сферы жизнедеятельности каждого члена общества. Это, в свою очередь, способствовало высокому развитию духовной культуры, в особенности духовно-нравственных ценностей. Религия ингушей, как отмечали исследователи, несмотря на свои внешние, казалось бы, первобытно-языческие черты содержала в себе глубокий нравственный стержень. Внешним проявлением высокого развития духовно-религиозной

Святилище Тушоли у с. Ког

культуры ингушей периода Средневековья являются многочисленные культовые памятники и широкий диапазон верований, включавший в себя мотивы древних языческих культов, сочетающихся с монотеистическими воззрениями (в первую очередь, христианскими).

Наиболее устойчивой формой религиозного мировоззрения ингушей вплоть до принятия ислама являлось язычество. Однако средневековое ингушское язычество ни в коем случае нельзя просто отождествлять с мировоззрением первобытного человека. Поскольку язычество ингушей – это очень сложное и высокоразвитое в культурном отношении явление, впитавшее в себя систему религиозных представлений человеческой цивилизации начиная от древности и до средневековой современности, в которых политеистические мотивы в равной степени уравновешиваются глубоко присущем ингушскому язычеству понятии о едином творце, создателе всего сущего.

Религиозные представления ингушей включали в себя элементы таких древних форм верований, как сабеизм (поклонение небесным светилам)[94], тотемизм (почитание животных), анимизм (одухотворение природы и стихий), различные виды магий (колдовства), нагуализм (культ личных духов-покровителей), промысловый, погребальный и аграрные культы, родо-семейный культ святынь и покровителей, культ предков.[95] В язычестве ингушей явно прослеживаются и мотивы фетишизма, в особенности – культа камней.[96]

Пантеон языческих божеств ингушей удивляет своим многообразием и сложностью. Он обладает иерархической структурой, в которой по степени почитания выделяются божества «общеплеменные (почитавшиеся всеми), региональные (группы селений), сельские и фамильные».[97]

В лице верховного бога Дяла прослеживается симбиоз языческих и монотеистических представлений, что, возможно, является следствием влияния монотеистических религий, в первую очередь христианства. Как известно, в этот и предшествующий период, на Северном Кавказе вели активную миссионерскую деятельность западная и восточная ветви христианской церкви в лице развитых государств Средневековья: Византии, Генуи, Венеции, Грузии. Возможно, у истоков языческих представлений ингушей о верховном божестве стояли древние культы солнца и луны. В мифологии ингушей сохранилось древнее имя верховного бога солнца – «Тхьа». Но что характерно, имя бога Тхьа сохранилось в названии главного храма-святилища Средневековой Ингушетии – «Тхаба-Ерды».[98]

В то же время культ Дяла, несомненно, очень древний.[99] Возможно, он первоначально был связан с культом луны, одним из древнейших культов сабеизма на Кавказе, восходящем к эпохе матриархата. Луна в древности первоначально считалась у ингушей божеством женского пола.[100] В то же время луна была связана с загробным миром, которым управляет бог «подземного царства и властелин над мертвыми» – Дяла-Эштр. Он в пе-

риод господства сабеизма мог ассоциироваться с луной, тогда как солнце – бог живых. Загробный невидимый мир считался более сложным, недаром Дяла создавал его в более длительный срок, нежели мир живых. Эштр, по сути, имеет самые существенные атрибуты бога Дяла, так как «от него зависело и земное, и загробное существование, человек умирает, только когда захочет Эштр».

С появлением антропоморфных богов многие качества, ранее приписываемые древним верховным божествам – солнцу и луне, перешли к ним. Сами солнце и луна также обладали антропоморфными качествами, в которых прослеживаются остатки древнего матриархата. Так, например, у этих светил есть матери. Мать солнца зовут Мялха-нана, а мать луны – Бетты-нана или Кинч.[101]

Загробный (невидимый) мир ингуши представляли себе по аналогии с осязаемым миром живых. Его освещает и согревает луна, подобно тому, как солнце освещает и согревает мир живых. По другому варианту, зафиксированному в мифологии, солнце освещает и его, только ночью, после заката. Загробный мир не является местом отдыха, там так же выполняют все работы. Покойники работают по ночам, когда солнце уходит из мира живых в мир мертвых. По окончании жатвы ингуши устраивали «марс-пхьор» – жатвенный ужин. Он должен был служить угощением для умерших родственников. Празднество в честь умерших устраивалось каждой семьей отдельно, на нем готовились хорошие кушанья. Для этого был специальный ритуал. Считалось, что праздничную пищу хозяин «передает» умершим родственникам. Эта передача пищи называлась «хето» и осуществлялась с произнесением молитвы посвящения.[102]

Один из главных центров в Горной Ингушетии культа верховного бога Дяла находился в районе горного хребта Цейлом. Там же было расположено святилище Тушоли, богини плодородия, считавшейся дочерью бога Дяла. В культе Тушоли также просматриваются отголоски бытовавшего когда-то на Кавказе матриархата. Связь между культом Тушоли и культом Дяла в этом районе очевидна, возможна она была еще более тесной в древний период, который трудно реконструировать исходя из этнографических и фольклорных записей XIX-XX вв.

Этот район культа Дяла и Тушоли находился в Галгаевском ущелье на вершинах хребта Цейлом и у селений расположенных у его отрогов, – Дошхакле, Карт, Одзике, Кели и Ког. Тушоли являлась одним из наиболее почитаемых ингушами языческих божеств. Как сообщает Б. Далгат, Тушоли почиталась всем народом без исключения. Ее имя фигурировало и в клятвах, и во всех молитвах, даже если

Святилище Мятцели на горе Мятлом (Столовая)

Храм Тхаба-Ерды

они возносились у святилищ других божеств.[103] Особым почитанием Тушоли пользовалась у женщин, которые уповали на нее как на главную покровительницу деторождения. Женщины, посещая места поклонения богине и принося ей жертвенные дары, молили о даровании им потомства и всяческих благ: «Божье лицо (другой вариант – «дочь». – Ред.) Тушоли, дай нам благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся к тебе, дай нам благополучие, чтобы мы могли постоянно приходить к тебе».[104] Главное святилище («элгац») Тушоли первоначально находилось в селении Карт. В этом святилище стоял отлитый из чистого серебра идол женского пола с опущенными руками, величиной с новорожденного ребенка. Это было изображение богини. Позже главный центр Тушоли переместился в селение Ког, где находился деревянный идол богини с металлической маской на лице. В ингушском народном календаре был месяц Тушоли («Тушоли-бутт»), который начинался после весеннего равноденствия (25 марта) и примерно совпадал с апрелем. В этот месяц устраивали ежегодное празднование в честь богини Тушоли. В этот месяц прилетала священная птица удод («тушолкотам»), вестник Тушоли, олицетворявший приход весны. Эту птицу нельзя было убивать за исключением редких случаев, когда это делал жрец для лечебных целей, предварительно принеся в жертву барана. С месяцем Тушоли был связан важный момент годового круга нагорного скотоводческого хозяйства ингушей: выгон стад на летнее пастбище.[105] В культе Тушоли, по мнению специалистов, прослеживается связь с фаллическим культом плодородия, распространенным в древности на территории Передней Азии. В пользу такого предположения свидетельствуют многие параллели во внешних обрядовых сторонах этих культов. Кроме того, в районе поклонения Тушоли имелись фаллические памятники, которые определенно имеют связь с культом этой богини. Такие памятники были на Цей-Ломе, а также в с. Ког.[106] Празднества в честь Тушоли являлись весенним праздником возрождения природы.

Среди наиболее почитаемых ингушских языческих божеств был бог грома и молнии – Села. Он представлялся в виде грозного, но справедливого бога-мужчины, принимающего самое активное участие в жизни людей. Люди верили, что бог Села живет на Цейломе. Если эта гора не закрыта тучами, значит Села отдыхает, и не будет непогоды и дождей. У Селы огромный меч, которым он рубит цолаш (злых духов), пытающихся ему навредить, когда он спит на Цей-Ломе. Когда он просыпается и начинает махать своим мечом, гремит гром и сверкает молния. Селе прислуживают богини – Миха-нана и Хи-нана; первая

гоняет ветры, вторая льет дождь. Иногда Села наблюдает над людьми, летая по небу в облике орла. Увидев у Цейлома летающего орла, люди возносили ему молитву. У Села есть дочь Села Сата. Она покровительница искусств (в частности рукоделия). Считалось, что Села Сата дала женщинам нитки, иголку, наперсток и ножницы, Села же дал мужчинам саблю, кинжал и ружье.[107] По имени Села у ингушей названы радуга – «селаIад» (лук Селы) и молния – «селахьашк» (головешка Селы). Считалось, что убитый молнией человек удостаивался благодати громовержца Селы, поэтому его не оплакивали. На этом месте в честь Селы воздвигался каменный столп-святилище («сиелинг»). Таких святилищ очень много по всей Горной Ингушетии. У святилищ Селы совершались моления с жертвоприношениями скота. Они приходились на май (Сели-бутт), когда наступали первые весенние грозы.

Помимо имени бога Дяла, ставшего нарицательным и перешедшего в само понятие «бог» и позже, с принятием ислама, утвердившегося в таком качестве, было еще одно имя бога, также ставшее нарицательным еще в период Средневековья. Это имя бога Ерда. Образ Ерда, как и образ Дяла, в ингушском язычестве, по-видимому, очень древний, включавший в себя религиозные представления древних культов небесных светил. Прослеживается связь образа Ерды с солнечными культами народов древности.[108] В качестве племенного патрона-покровителя Ерда был известен среди групп фяппинских (Арамхинское ущелье) и галгаевских (Ассинская котловина) родов. Галгаевский патрон имел вид мужчины. Его местом жительства являлась пещера, расположенная на северном склоне Скалистых гор (Цейлом). Ему молились в один из дней начала покоса, в так называемый «ветреный понедельник», когда все работы приостанавливались из-за боязни вызвать неудовольствие ветра и его незамедлительную кару – губительную для всех бурю.[109] В средневековой Ингушетии, по-видимому, древний образ бога Ерда уже трансформировался в нарицательное имя бога-покровителя, употреблявшимся наряду с именем Дяла. Ердами называли богов-патронов общеплеменного, фамильного и даже семейного значения.

Поклоняясь главному богу Дяла и приближенным к нему божествам высшего уровня (Селе, Тушоли, Галь-Ерду и другим), ингуши, в то же время, имели множество святых-патронов узколокального родового и территориального значения, которым приписывались божественные качества, а иногда и происхождение от высших общеплеменных богов. Этих патронов называли «ердами». В этом значении теоним «Ерд», по-видимому, был наиболее распространенным в средневековой Ингушетии, хотя он же сохраняется и в наименовании высших божеств. Кроме того, в образе Ерда прослеживается и связь с древним культом камней. Часто «ердами» называли священные скалы. О древности культа Ерда свидетельствует и известное из преданий распространенное место локализации этого божества – горные гроты (пещеры), т. е. места первобытного обитания человека.

Почитаемыми были «царь лесов и зверей», покровитель охотников Елта и бог-покровитель земледелия Мятцели.

Бог Мятцели, по верованиям ингушей, живет на Столовой горе (Мятлом), где находилось посвященное ему одноименное святилище Мятцели. Рядом с ним на Мятломе располагались еще два святилища – Мятер-Дяла и Сусон-Ерда (или Сусон-Дяла), которые, по мифологии ингушей, возведены в честь одноименных богов-побратимов Мятцели, которые в свою очередь после заключения братства поселились рядом с ним.[110] В этом мифе прослеживается связь с широко распространенной в Средневековье у ингушей практике побратимства, когда не родственные изначально переселенцы из разных горных обществ селились вместе и таким образом образовывали новое поселение. Они заключали братство – «вошал», которое со временем начинало осмысливаться как кровнородственное. В

честь Мятцели отмечали ежегодный праздник – «Мятцели-цей», приходившийся на конец июня – начало июля, т. е. на период летнего солнцестояния. Ингуши этот период называли «время, когда солнце гостит у своей матери». После общей молитвы у святилища Мятцели мужчины и женщины разделялись для совершения отдельного культового церемониала. Первые направлялись к святилищу Мятер-Дяла, а женщины шли к святилищу Сусон-Дяла. Молодежь во время празднования на Столовой горе устраивала танцы и исполняла обрядовые песни. Месяц июль в ингушском народном календаре носил имя бога Мятцели – МаьтцIели-бутт.[111]

Одноглазый Елта – покровитель охотников. Удача на охоте зависела всецело от него. Поэтому отправляясь на охоту, горцы всегда обращались к нему с молитвой – просьбой о помощи. Просили его, чтобы он не отгонял от них зверей. После охоты Елте приносили в жертву определенную часть добычи. Часто это были оленьи, либо турьи рога. Сам Елта в мифологии ингушей представляется в виде красивого белого оленя, пасущего свои стада. Елта считался благодетельным божеством, помогающим хорошим людям в охоте и покровительствующим нуждающимся.[112]

Имя бога Елты чаще всего исследователями объясняется через от слова «ялат» – «хлеб, хлебное зерно». Отсюда делается вывод, что Елта, первоначально исполнял две функции бога урожая и бога охоты. Впоследствии, когда урожая стали просить у богов-патронов, он стал сугубо покровителем охоты.[113] В то же время известно, что охота – один из древнейших (наряду с собирательством) источников пропитания человека. Поэтому, возможно, что само понятие «ялат» – «хлебное зерно» в ингушском языке является производным от имени древнего ингушского бога охоты, которое в своем первоначальном значении могло обозначать бога «добычи, пропитания». «Ялат» – пропитание, дарованное богом Елтой. С переходом к земледелию оно могло перейти в название «зерна-хлеба», а сам Елта, на определенном этапе являться покровителем урожая.

К числу древнейших богов-патронов относится бог неба Галь-Ерд (ХIал-Ерд). Супругой Галь-Ерда считалась дочь Селы Сата. У.Б. Далгат указывает, что Галь-Ерд не имел олицетворения и считался духом.[114] Скорее всего, это более позднее понятие ингушей о субстанции бога Галь-Ерда (ХIал-Ерда), что вполне объясняется влиянием монотеизма (христианства и ислама). Первоначально Галь-Ерд являлся, по-видимому, одним из имен и культовых проявлений бога Солнца. Неслучайно его награждали эпитетом – золотой. В честь Галь-Ерда два раза в год устраивали празднества, связанные с периодами зимнего и летнего солнцестояния. Культ Галь-Ерда был тесно связан с животноводством. Его почитали как покровителя скотоводства, основного источника пропитания горцев. Само имя бога имеет отношение к скоту. Во многих языках, в том числе и северокавказских, слово «ГIал» означает вол.[115] В то же время известно, что вол, как и «божественная корова», «золотой телец», является одним из древних символов культа солнечного божества. Возможно, в древности сам Галь-Ерд представлялся в образе быка. Наверное не случайно в молениях Галь-Ерду участвовали исключительно мужчины. Женщины на них не допускались.[116] Пастушество, скотоводство – одно из древнейших занятий мужчин. Жрец святилища Галь-Ерд, обратившись лицом к солнцу, просил, прежде всего, размножения скота, а потом и о других благах: «О Золотой Галь-Ерд! Кто родился, того сделай счастливым, а кто еще не родился, того тоже подай нам благополучно. Кто не является еще нашим родственником, чтобы и тот сделался нашим родственником!… Не лиши нас родственных связей, не сделай нас немощными и бедными, избавь от града, молнии, ветра, не погуби напрасно нашего труда!».[117]

Помимо Бога Селы, имеющего некоторые черты покровителя мужчин-воинов, в ингушском пантеоне был отдельный бог войны – Молыз-Ерд (или Молдыз-Ерд). «Он по-

добно Аресу, шел на войну впереди ингушей и нес им победу. Его нельзя уязвить, так как он дух».[118] Считалось, что Молыз-Ерд незримо присутствует на всех сражениях и предохраняет воинов от ран, делает их неуязвимыми. Богу войны молились и приносили жертвы скотом, испрашивая удачу в ратных делах.[119]

Храм-святилище Маго-Ерда

Культовые памятники Горной Ингушетии весьма многочисленны. За редким исключением они встречаются практически у каждого населенного пункта.

Древнейшими культовыми местами являлись священные горы, скалы, пещеры, рощи, поляны и другие природно-географические объекты, с которыми в языческом сознании связывались места обитания божеств и духов. Наиболее почитаемые боги помещались, как известно, на вершинах гор. Эти древнейшие представления продолжали бытовать и в Средневековье. Такие культовые места располагались на Цейломе, у таких селений, как Верхний Джейрах, Фуртоуг, Духаргишт, Ляжги, Фалхан, Кейрах, Нижний Хули и других. В священных рощах запрещалась охота, рубка деревьев, сбор плодов и ягод. Использование каких-либо «даров природы» со священных мест допускалось только на религиозные праздники исключительно в культовых целях.[120]

Одним из таких мест являлось урочище Елти-Корт, посвященное богу охоты Елте. Оно находилось на высокой горе в окрестностях селения Гули (ГIул), расположенном в территориальном обществе – Цори (Цхьорой-мохк). Урочище считалось священным. Там были «грудой свалены рога оленей. Деревья, росшие на этом месте, … нельзя было рубить из боязни навлечь на себя несчастье; запрещалось пасти скот – из боязни, что у коров и коз не будет молока». Во время засухи жители окрестных селений ходили в Елте-Корт для совершения молений о ниспослании дождя.[121]

К особому роду культовых мест относились горные перевалы, где часто встречаются архитектурные памятники, в том числе культовые. Перевалы имели важное политическое, экономическое и культурное значение в жизни горцев, являясь узловыми пунктами путей сообщения. Перевалы – связующее звено между разрозненными горными обществами, представляли собой своеобразный символ потенциального единства. Преодолев высокий перевал, житель обособленного ущелья попадал в такой же маленький мирок соседей, где у него были родственные, деловые и дружеские связи. На одном из важнейших перевалов горной Ингушетии, связывавших ее центр Галгайче с западными и восточными ингушскими обществами – Цейломе и Цориломе, вблизи ухоженных троп, располагались интересные культовые места, представлявшие собой огромные кучи камней. Согласно преданиям, каждый проходивший здесь горец оставлял небольшой камень и таким образом благодарил духов за удачно пройденный путь.[122]

Храм-святилище Дялите

Специальные постройки для культовых целей повсеместно возводились исключительно из камня. Они представлены двумя видами: святилища-здания и столпообразные святилища.

Святилища первого вида представляют собой прямоугольные в плане постройки склепообразной формы, различных размеров, с двускатно-ступенчатой кровлей из уплощенных камней и шиферных плиток. Кровля завершалась коньком – гребнем из длинных овальных камней. Потолок в святилищах чаще всего был сводчатым, изредка – плоским.[123]

Центром и основным ареалом распространения святилищ-зданий Горной Ингушетии являлись территории, входящие в зоны расселения территориально-этнических групп – ГIалгIай и Фяппи. Профессор Л.П. Семенов, акцентируя внимание на географии распространения святилищ-зданий со ступенчатой двускатной кровлей, отмечал, что они «распространены от Столовой горы до реки Ассы… Начиная от правого берега Ассы и далее к востоку памятники этого рода отсутствуют… Культовые памятники в восточной части области [Ингушской АО] представлены лишь небольшими столпообразными сооружениями более поздней и упрощенной архитектуры».[124]

Святилища-здания принято классифицировать на языческие и христианские. Последние идентифицируются как храмы, либо как храмы-святилища, что подчеркивает двойственность их происхождения и культового назначения. Собственно нет ни одного культового памятника, который функционировал бы как сугубо христианский. Христианские храмы как правило основывались на месте бывших языческих святилищ, а после упадка христианства в горах вновь возвращались к своему первоначальному назначению. К числу таких храмов-святилищ, относятся крупнейшие культовые постройки Горной Ингушетии: Тхаба-Ерды, Альби-Ерды, храм Таргимский, Дялите (Долте), святилище у с. Дошхакле, Тумгой-Ерда, Маго-Ерда, Дзорах-Дяла. К христианским храмам причисляют и культовые постройки, имевшиеся у селений Памет (Памет-Ерда), Фалхан (Гиерг-Аьргие), храм у с. Кошк и некоторые другие.[125]

В период позднего Средневековья крупнейший христианский храм Центрального Кавказа Тхаба-Ерды, по-видимому, уже функционировал в качестве языческого святилища регионального значения, объединявшего селения расположенные в Ассинской котловине: Эгикал, Хамхи, Таргим и некоторые другие.[126] В то же время в этот период, когда политико-административный центр Горной Ингушетии был сосредоточен в этом районе (ущелье Галгайче), Тхаба-Ерды являлся и храмом общеингушского значения. Но последнее касалось его общественно-политических функций, в то время как в религиозном плане он, по всей видимости, все же оставался главным святилищем селений округи.

К крупным храмам-святилищам регионального значения относятся Дзорах-Дяла и Дялите (Долте), первый из которых расположен у Верхнего Оздика и Гадаборша, второй – у с. Карт. Они, наряду с близлежащими святилищами Дяла в с. Дошхакле, составляли центр поклонения верховному богу Дяла, который ранее располагался выше этих селений на вершинах Цейлома. В ближайший круг селений, группировавшихся вокруг этих храмов-святилищ бога Дяла, входили Дошхакле, Верхний Карт и Нижний Карт, Гадаборш, Верхний, Средний и Нижний Оздик, Верхний и Нижний Лейми, Кели, Ког. В этом же районе располагался и центр культа богини Тушоли. Святилища Тушоли в разное время существовали на Цейломе и у селений Карт, Кели и Ког. В этом же районе сохранились фаллические памятники, символизирующие плодородие и связанные с культом богини Тушоли (Цейлом, с. Кели, Ког). В обществе Фяппи также был свой центр культа Тушоли, расположенный в районе с. Мэлери, Лежги, Кошк, Хамышк. Здесь у с. Мэлери располагался храм-святилище Тушоли.[127]

К регионально-фамильным патронам относился Гурмет-ЦIу. Храм-святилище, посвященный ему, располагался у с. Гаппи.[128] Помимо жителей этого селения Гурмет-ЦIу почитался в селениях соседнего ущелья: Хайрах, Кяхк и некоторых других.

К культовым памятникам регионально-родового значения относится крупный храм-святилище Тумгой-Ерда, почитавшийся жителями одноименного Тумгоевского ущелья («ТIумхойчIож»), включавшего несколько близкородственных поселений: Тумгой, Каштынхой, Галашпи, Бисар, Цоли и некоторые другие. Эти же поселения, наряду с жителями близлежащего небольшого Салгинского ущелья («ЧулхойчIож») почитали расположенный в этом ущелье крупный храм-святилище Маго-Ерда, построенный в честь легендарного общего родоначальника фамилий-первопоселенцев этих ущелий (Тумхой и Салгирхой). Рядом с храмом-святилищем Маго-Ерда, находится небольшой храм-святилище – Сеска Солса-Ерда. Легендарный эпический герой ингушей Сеска Солса по преданиям дружил с Маго. «Не случайно, что храмы Соска Солса-Ерда и Маго-Ерда находятся по соседству, сами герои якобы похоронены на той же местности, где стоят эти два культовых сооружения».[129]

К святилищам, имевшим также узколокальное регионально-родовое значение, относятся Тамыж-Ерды («Ткъамыж-Ерд») и Амгали-Ерды., возведенные в честь одноименных божеств-патронов. Последние по преданиям ингушей считались братьями покровителя земледелия Мятцели.[130] Интересно, что святилище Тамыж-Ерды располагалось в пещере, а само божество представлялось в виде духа, явившегося впервые людям в образе почитаемого ингушами домашнего животного, вожака овечьих стад – козла («бодж»), говорившего человеческим голосом и предписавшего обряды поклонения ему. Здесь прослеживается связь с присущим монотеистическим религиям элементом – мессианством. Само имя Ткъамыж-Ерд, по-видимому, имеет отношение к древнему культу солнца. «Ткъамыж» – значит «крылатый», а крыло – один из древних символов солнечного божества. Ткъамыж-Ерда являлся покровителем охотников и почитался за главную святыню жителей селений Верхнего и Нижнего Хули.[131]

По мифологии ингушей, к братьям Мятцели относятся и божества Хал-Ерда и Амага-Ерда, в честь которых имеются святилища у селений Шоан и Мекалте. Они пользовались особым почитанием у территориально-этнической группы – шоанхой. Эти божества-покровители, по всей видимости, являются аналогом вышеназванным Ткъамыж-Ерде и Амгали-Ерде. Во-первых, они названы братьями Мятцели, что подчеркивает общность их происхождения. Во-вторых, у них схожие имена. «Ткъам» и «Хал (ГIал)» – символы солнечного божества, а в основе имен «Амгали» и «Амага», вероятно, лежит один корень

Столпообразное святилище у с. Ний

«Іам», т. е. озеро. «В районе Амага-Ерды действительно имеются небольшие Синие озера (Сийна Іамарч)»[132].

Значительное число святилищ посвящено регионально-родовым и фамильно-сельским патронам. К ним помимо нескольких вышеназванных, относятся: Дик-Сели (с. Фуртоуг, почиталось Куштовыми), Бейни-Сели (с. Бейни), Мэлер-Ерд (с. Мэлери), Мецхали (с. Мэцхал), Морч-Сели (с. Морч), Эрдзели (с. Эрзи), Итаз-Ерд (с. Ольгети, почиталось Евкуровыми и Итазовыми), Мекал (с. Мекалте), Цулой-Ерд (с. Цоли),[133] Ауша-Сел (с. Эгикал, почиталось Аушевыми) и другие. При этом Итаз и Ауш – эпонимы вышеуказанных фамилий, почитавших святилища Итаз-Ерда и Ауша-Сел.

Наиболее распространенным видом культовых построек были столпообразные святилища, которые имелись в окрестностях практически каждого горного поселения. «Они представляли собой обычные прямоугольные кладки с двускатными, выложенными сланцевыми плитами или плоскими вершинами».[134] В таких святилищах оставлялись специальные ниши для жертвенных даров. Столпообразные святилища по своему происхождению можно подразделить на два основных вида. Первый из них, называемый сиелинг, возводился в честь бога Селы на месте гибели человека от удара молнией. Это место считалось святыней как место прикосновения могущественного Селы. Второй вид, не такой распространенный, тоже, возможно, своими корнями восходит к богу Селе (как содержащему атрибуты покровителя мужчин-воинов). К нему относятся святилища, возводимые в честь местных героев: воинов-наездников, предводителей воинских дружин и других знаменитых предков. Эти святилища как правило возводились рядом с их захоронениями-мавзолеями и назывались «цІу». Они сохранились у таких селений, как Гоуст («Салам-ЦІу»), Нижний Джейрах, Верхний Хули, Верхний Лейми («Албохча-ЦІу»), Эгикал («Танги-ЦІу»), и ряда других селений. У селения Тумах имеются столпообразные святилища, возведенные в честь легендарных предков, сыновей Маго – Гия и Цикмы, считающихся родоначальниками фамилий Тумгоевых и Цикмабухоевых (Оздоевых).[135]

Наличие довольно значительного количества культовых построек, возведенных в честь фамильно-родовых патронов и предков-родоначальников, свидетельствует о большой роли в религиозных представлениях ингушей культа предков. Родоначальники фамилий не только представлялись легендарными предками, совершающими героические поступки, но и, наделяясь некими божественными качествами, возводились в ранг святых. Считалось, что они обладают способностью влиять на жизнь своих потомков, в особенности помогать им в разрешении бытовых и общественных проблем. Поэтому такой же святостью окружались и места захоронения предков: склепы, каменноящичные могильники и т. д.

Жрецы кроме исполнения религиозных ритуалов занимались также наблюдением за небесными светилами и составлением календарей. У башенного поселения Кейрах в ущелье реки Арамхи в местности, называемой «Седкъий босе» («Склон звезд»), находилась позднесредневековая обсерватория. Согласно преданиям, эту обсерваторию вплоть до XIX в. обслуживали старцы Эсмурзиевы.[136]

4. Хозяйственная деятельность

В хозяйственной деятельности ингушей издревле преобладали скотоводство и земледелие. Также значительное место занимала охота, в особенности в горной зоне. Горское хозяйство было натуральным, но со значительными элементами разделения труда. Выводы, сделанные в историографии советского периода, в частности Е.И. Крупновым, о том, что у ингушей не было ремесел и им совершенно не было знакомо разделение труда,[137] опровергаются одним фактом наличия высокоразвитой башенной архитектуры. Создать ее могли только профессиональные мастера-строители со своими традициями и специальными знаниями, передаваемыми сугубо от учителя-мастера к ученику. Как и в классическом цеховом братстве, здесь была определенная замкнутость, свои правила и секреты. В Горной Ингушетии, судя по археологическим, этнографическим и фольклорным материалам, существовало довольно развитое для своего времени ремесленное производство с характерными признаками специализации по отдельным видам ремесел различных горных селений, по сути, являвшихся небольшими «городами мастеров». Ингушам были знакомы практически все виды ремесел, бытовавшие в этот период в регионе: добыча и обработка камня и металлов, обработка дерева, глины, кожи и изготовление из них самой различной продукции.

В горных районах топографические и климатические условия благоприятствовали развитию скотоводства,[138] поэтому в период позднего Средневековья, когда значительная часть ингушей еще проживала в горной зоне и отчасти в прилегающих к ней предгорьях, скотоводство было основным источником пропитания населения. Скот являлся главной ценностью в хозяйстве горца, служил всеобщим эквивалентом во всех сделках, в том числе торговых операциях, был платой за труд при найме мастеров-строителей. Скотом уплачивали калым при заключении брачных союзов. В качестве эквивалента денег при оплате штрафов за всякого рода преступления также использовался скот, что нашло отражение в нормах обычного права (адате).[139] Особая роль скотоводства в хозяйственной деятельности прослеживается в мифологических и религиозных представлениях горцев. В фольклорной традиции, идущей с древности, мотивы скотоводства также занимают одно из ведущих мест. Многие герои нартского эпоса ингушей, а также персонажи героических песен, преданий, легенд являются пастухами-скотоводами. В обрядовой и культовой составляющих религии заметное место занимало жертвоприношение скотом.[140] Мясная и молочная пища занимали особое место в рационе горцев. Праздники, свадьба, поминки, рождение ребенка и другие значительные события всегда сопровождались забоем скота, а вареное мясо было лучшим угощением для гостя.

Судя по костным остаткам жертвенных животных, в большом количестве встречающихся в храмах и святилищах Горной Ингушетии, ингуши в Средневековье разводили крупный и мелкий рогатый скот.[141] Горцы-ингуши разводили коров и быков, овец и коз, буйволов. До принятия ислама также разводили и свиней. Быки использовались зачастую как вьючные животные и тягловая сила при пахотных работах. Заметное место в качестве перевозчика грузов по горным вьючным дорогам занимали ишаки, их также разводили в

Косовица в горах. Художник Г.-М. Даурбеков

горной зоне в большом количестве. Лошадей на тяжелых физических работах, как правило не использовали. Они в жизни горца – крестьянина и воина – занимали особое место. Главное предназначение лошади – это верховая езда, поэтому в первую очередь ценились ее скаковые качества и выносливость. В понятии горца хорошая лошадь – быстрый и неутомимый скакун, лучший друг джигита-наездника. Хорошая лошадь ценилась очень высоко и являлась, как и оружие, лучшим подарком для горца, предметом его гордости и престижа.

Ведущее место в животноводстве занимало разведение овец. На это указывают многочисленные находки из подземных, полуподземных и надземных склепов XII-XVII вв., в их числе бараньи астрагалы и ножницы для стрижки овец. В горной зоне были все условия для занятия животноводством и, в частности, овцеводством: прекрасные альпийские луга и сенокосы. В качестве пастбищ использовались и леса, расположенные у подножия гор.[142] Овцы и козы, как менее прихотливые и не требующие больших запасов фуража на зиму, с древнего периода разводились в горах в большом количестве и давали горцу все необходимое для удовлетворения его потребностей: мясо, молоко, сыр, шерсть и кожу для одежды и обуви.[143] Овцеводство в Горной Ингушетии было отгонным. Летом овечьи стада выпасались на высокогорных альпийских лугах, а с наступлением холодов их перегоняли на зимние пастбища, лучшие из которых находились в предгорных долинах, либо содержали в местах зимних стоянок. Зимними стоянками для овец часто служили нижние этажи жилых башен, специально приспособленные для этих целей.[144]

Однако без использования подножного корма зимних пастбищ на плоскости (в предгорьях) овцеводство не было бы столь развитой отраслью животноводства, каковым оно являлось у ингушей. Да и скотоводство в целом не могло успешно развиваться без использования пастбищ и сенокосов плоскостной зоны. Особенности хозяйственной деятельности ингушей и, в частности, высокоразвитое отгонное овцеводство, имевшее древние традиции, предполагают определенную мобильность населения в пространственном отношении. В этом случае вполне закономерно предположение, что ингуши в Средневековье не ушли с плоскости окончательно. В хозяйственном отношении ингуши продолжали присутствовать на плоскости, в особенности в зоне, непосредственно прилегающей к горам, без которой полноценное развитие скотоводства, основного источника их пропитания, было бы невозможным.

В числе ведущей отрасли хозяйства ингушей наряду с доминирующим скотоводством в средневековый период было земледелие. Его особенностью в горной местности, где ощущался острый дефицит земли, пригодной для обработки, была подсечная система с созданием искусственных участков пашни – террас. Для устройства таких земельных наделов

горцы в буквальном смысле вступали в противоборство с природой. Требовалось создать на каменистом грунте не только земельные наделы, способные приносить урожай хлеба, и ирригационную систему. Террасное земледелие «требовало огромных затрат труда для освоения неудобных и малопригодных к хлебопашеству угодий».[145] Н.Ф. Грабовский в своем очерке о Горной Ингушетии, составленном в 70-х гг. XIX в., так характеризует эту форму традиционного горского земледелия: «Вблизи жилищ встречаются искусственно устроенные террасы для посева хлебов. Нужно видеть эти террасы, чтобы судить о громадности труда, потребовавшегося на устройство их; они находятся обыкновенно на таких местах, где сама природа отказалась дать что-либо. Чтобы устроить площадку в 10-12 аршин длины и в 5 ширины, необходимо было горцу расчистить и сравнять выбранную для этого местность; но так как и после этого площадка кроме камня ничего другого не представляла, то понадобилось натаскать туда земли и вообще удобрить ее настолько, чтобы она могла приносить желаемую пользу».[146] Зачастую корзины с землей приходилось втаскивать на крутые горные склоны вручную, затем таким же образом доставлять и удобрения (навоз), укреплять границы террасы камнями, а иногда и стеной. Такие работы требовали усилий многих людей, и скорее всего производились силами всего родового коллектива,[147] либо силами патронимии (фамилии), позже – большой патриархальной семьи. Террасное земледелие, требующее значительных затрат трудовых ресурсов, в том числе связанных с регулярным усиленным унавоживанием почвы, иссушаемой ветрами, и укреплением террас, подверженных обрушениям, тем не менее получило значительное развитие и по-видимому являлось, в средневековый период ведущей формой земледелия ингушей. Террасное земледелие напрямую зависело от развития скотоводства, так как постоянно нуждалось в значительном количестве удобрений.

В то же время сам факт существования этой формы земледелия, представляющей собой добывание хлебных продуктов в «экстремальных условиях», наглядно демонстрирует древность традиций самой земледельческой культуры ингушей.

О заметной роли земледелия в средневековой хозяйственной деятельности ингушей свидетельствуют материалы археологии, этнографии, фольклора. Конструктивные особенности архитектуры, в частности устройство в жилых и боевых башнях специальных отсеков – тайников в виде «каменных мешков» для хранения зерновых запасов,[148] подчеркивают особую ценность земледельческого продукта – зерна, которое берегли как самую дорогую вещь.

На своих террасных полях ингуши выращивали в основном ячмень, а также овес и пшеницу. Позже, не ранее XVII в., стали культивировать кукурузу,[149] которая позднее, на плоскости, станет ведущей зерновой культурой в земледелии ингушей. Техника обработки земли в горных условиях, учитывая низкую рентабельность земельных участков, дающих малые урожаи, была довольно примитивной. К числу древнейших земледельческих орудий, продолжавших использоваться, относилась острая палка для взрыхления почвы, также применялся деревянный плуг с железным наконечником (горская соха). Орудием заделки сева служила горская борона-волокуша, а при прополке использовалась мотыга. Жали хлеб серпом либо скашивали косой. При молотьбе пользовались лошадьми или быками, которых прогоняли по току. Очистка зерна производилась с помощью лопаты или деревянного лотка путем веяния на ветру.[150] В системе горного полеводства господствовало однополье, гораздо реже встречалось трехполье.[151]

В предгорно-плоскостной зоне, освоение которой в процессе возвращения ингушей на плоскость началось на самых ранних этапах не позже середины XVI в. (в частности – миграции аккинцев), получает распространение пашенное земледелие. Со второй поло-

вины XVIII в., когда процесс выселения на плоскость приобрел массовый характер, оно стало основной формой земледелия ингушей, а горное террасное земледелие, с потерей рабочих рук и налаживанием снабжения населения плоскостным хлебом, начинает постепенно приходить в упадок.[152]

Наряду со злаковыми культурами ингуши в небольшом количестве выращивали овощи, в основном чеснок, редьку и некоторые другие. Ингушам было знакомо и растениеводство, в частности, в исторической литературе встречается указание, что карабулаки (орстхойцы) разводили коноплю и табак.[153] Волокна конопли служили отличным материалам для плетения крепких бечевок, из зерен конопли добывали масло. Также занимались «садоводством, пчеловодством, бортничеством (сбором дикого меда) и сбором дикорастущих трав».[154] Травы и мед широко использовались в народной медицине и в приготовлении пищи. В горных ущельях был отличный климат для произрастания фруктовых деревьев – груши, яблони, абрикоса, сливы, тутовника и других. Некоторые фруктовые деревья, в частности дикая груша, пользовались особым почитанием у ингушей, их нельзя было вырубать, а разведение «освещалось» самими религиозными представлениями. С освоением предгорно-плоскостных земель садоводство и огородничество получает дальнейшее развитие.

В качестве подсобного источника пропитания была распространена охота. Выявлено большое количество остеологических и археологических материалов, относящихся к средневековью и связанных с охотничьей деятельностью ингушей. Они вырисовывают объект охотничьего промысла в Горной Ингушетии. В качестве последнего чаще всего выступают олени, косули, медведи, туры и кабаны. О развитой в этот период охоте свидетельствуют религиозные представления и данные фольклора. Особенный интерес представляют графические сюжеты на погребальных памятниках позднего Средневековья, изображающие сцены охоты на оленей.[155] Охота также является и постоянным промыслом некоторых горцев, профессиональных охотников. Имена знаменитых охотников, некоторые из которых знали так называемый «охотничий язык»[156], и были наиболее удачливыми, становились популярными в народе и входили в устное народное творчество. Охотничьи сюжеты были одними из любимых и распространенных в ингушском фольклоре. Побывавший в Горной Ингушетии в начале XIX в. ученый и путешественник Мориц фон Энгельгардт был свидетелем редкой для «чужеземца» сцены поведения ингушей на охоте: «В лесистой луговой лощине мы охотились на оленя. Мне было интересно поведение ингушей, которые, подкрадываясь к дичи, объяснялись знаками, находчиво и спокойно перемещались в зарослях, так что мастера быстрого нападения не могли быть недооценены».[157]

В средневековый период в Горной Ингушетии получают дальнейшее развитие различные ремесла. Судя по многочисленным находкам из погребальных памятников, особенностям архитектуры, фольклорным и этнографическим данным, в Ингушетии не только существовало собственное кустарное домашнее ремесленное производство, обслуживавшее натуральное хозяйство, но и были профессиональные мастера, работавшие на заказ, в частности строители башен, оружейники, ювелиры и другие.

Одной из самых развитых областей являлось строительное дело. Если добыть камень, доставить его на место строительства и даже сделать первичную грубую обработку мог практически каждый горец, то придать камню нужный вид, размер, а тем более, с «ювелирной» точностью обтесать грани и углы, мог, наверное, только мастер-камнетес. Этому нужно было учиться, для этого нужны были соответствующие инструменты, знания и сноровка, которые приобретаются только с опытом работы. Хотя нужно отметить, что в научной литературе имеются некоторые сведения о существовании в строительном деле

и отдельных «специальностей» – добытчиков камня, камнерезов и наемных перевозчиков.[158]

Еще более сложным и требующим особой профессиональной подготовки было ремесло строителя. Предполагая, что возведение не очень сложных жилых и хозяйственных построек могло производиться и без участия профессионального мастера силами самих жителей, то возведение боевых башен, как отмечает и Е.И. Крупнов, «требующее высокого мастерства, многолетнего опыта, знаний и технических навыков, безусловно, находилось в руках отдельных мастеров… и было уделом довольно ограниченного круга специалистов-строителей».[159] К таким же специалистам безусловно нужно отнести и строителей, «искусников камня», специализировавшихся на возведении добротных многоэтажных жилых построек, разнотипных склепов, храмов и святилищ. При этом строительство культовых построек, связанных с сакральными понятиями для горцев, могло быть доверено лишь избранным мастерам. Для мастера же такое доверие являлось большой честью, признанием обществом его профессиональных заслуг и высоких морально-этических качеств. Признанными и знаменитыми мастерами-строителями позднего Средневековья, были: легендарный Янд из с. Эрзи; Дуго Ахриев, Дяци Льянов и Хазби Цуров из с. Фуртоуг; Баки Барханоев из с. Бархане; Ерда Дударов из с. Верхний Хули; Арсамак Евлоев из с. Евли; Хинг Ханиев из с. Хяни; Тет-Батык Эльдиев из с. Таргим[160] и многие другие. Строительное ремесло иногда было делом чуть ли не целых фамильных братств, своего рода «профессионального клана». К таким признанным мастеровым – в особенности по строительству боевых башен («воув») – относился род Баркинхоевых из сс. Верхний, Средний и Нижний Оздик.[161]

Медно-чеканный котел Котиевых из с. Верхнего Оздика

Произведения средневековых ингушских зодчих охватывают всю нагорную часть Центрального и Северо-Восточного Кавказа: современные Осетию, Горную Грузию, Ингушетию и Чечню. Лучшие образцы каменного зодчества ингушей сохранились в центральной части средневековой Ингушетии – современном Джейрахском районе.

Таким же уважением, почетом и признанием пользовались оружейники, чьи произведения по своему мастерству также вышли за уровень кустарного производства и поставлялись на заказ на внутренние и внешние рынки. Оружейное ремесло ингушей имеет древние истоки. Местными мастерами изготовлялись практически все виды средневекового оружия, в том числе огнестрельное. Произведения некоторых ингушских оружейников пользовались большим спросом и в соседних регионах, например, в Горной Грузии.[162]

Судя по многочисленным материалам археологических раскопок, такого же высокого уровня достигало в период Средневековья и ювелирное дело ингушей.[163] Ингушскими ювелирами изготавливались различные украшения: серьги, подвески, перстни, браслеты из золота, серебра и бронзы, «отличающиеся изяществом форм и сложностью работы, в чем можно увидеть настоящее мастерство и высокий художественный вкус ювелиров».[164]

Особый интерес у исследователей вызвали оригинальные серебряные восьмилопастные височные кольца (или подвески), «морфологически сходные со славянскими.., вятическими семилопастными украшениями».[165] Было отмечено отсутствие этого типа украшений в соседних регионах Северного Кавказа и в Закавказье, что подчеркивает их местное происхождение, и выделены некоторые отличия по орнаментальным мотивам между височными кольцами из разных районов Горной Ингушетии.[166] Центрами ювелирного дела Горной Ингушетии были башенные селения Эгикал, Бисар, Эрзи, Гарак, Мецхал, Лежги и другие.[167]

В Горной Ингушетии также были свои мастера – гончары, кузнецы, деревообработчики, скорняки, мастера по обработке кости и рога, медники и бондари.

Были и ремесленники по изготовлению музыкальных инструментов, в частности такие признанные специалисты проживали в селении Бисар. Изготовленные ими «изящные музыкальные инструменты… считались одними из лучших в Горной Ингушетии, очень высоко ценились также в соседних районах Грузии и Северной Осетии».[168] Из кости изготовлялись газыри, пороховницы, гребни, рукоятки ножей и многое другое, из кожи – обувь, пояса, кисеты, чехлы для ножей и прочие предметы обихода. Знакомы были ингуши и с изготовлением различных видов красок.[169]

Гончарное дело было довольно развитым, «значительное количество керамической посуды из полуподземных склепов XIII-XIV вв. и из надземных склепов XVI-XVII вв. в виде кувшинов и чаш, сделанных из хорошо отмученной глины отличного обжига и украшенных волнистым и линейным орнаментом, доказывает их местное происхождение и преемственность от посуды золотоордынского периода».[170]

Деревообделочное мастерство также имело значительное распространение. Ингушам был знаком токарный станок, с помощью которого изготовлялась самая различная продукция для домашнего обихода, в том числе деревянная посуда. Массовые находки деревянной посуды, изготовленной на токарном станке, и проведенный анализ этих находок позволили Р.А. Даутовой «поставить вопрос о наличии специализированного ремесленного производства, расцвет которого приходится по-видимому на XV-XVI вв.».[171] Деревянная посуда, изготовленная на токарном станке, приходит на смену использовавшимся ранее гончарным изделиям и получает широкое распространение в Горной Ингушетии в период позднего Средневековья.[172] Были и свои искусные резчики по дереву, о чем свидетельствуют резные мотивы национального орнамента на некоторых деревянных изделиях.[173] Часто такие резные орнаменты встречались на крышках гробов, найденных в склеповых усыпальницах. В частности Л.П. Семенов сообщает: «В большом двускатном склепе с. Евлой нами найдено несколько досок от гробов, покрытых художественной резьбой с геометрическим орнаментом. Резные доски того же типа были доставлены нами в Ингушский музей в 1929 г. из склепа с. Тери».[174]

Обработка шерсти и изготовление одежды и обуви были в основном кустарного домашнего производства, однако и в этих областях были свои известные мастерицы по искусству шитья и вышиванию золотыми и серебряными нитями.[175] Женщинами в домашних условиях с помощью примитивных средств изготавливалась продукция, не уступающая по качеству фабричным изделиям и удовлетворяющая все потребности горцев в одежде и обуви. Особым направлением женского домашнего ремесла являлось ковроткачество. Ингушские оригинальные ковры («истинги») изготовлялись из тонкого войлока четырехугольной формы, на которую с помощью специальных бумажных форм наносились цветные рисунки. Рисунки обшивались по контуру белым шерстяным кантом. В рисунках-орнаментах, состоящих из криволинейных форм, в основном преобладали мотивы из

растительного и животного мира. Излюбленным мотивом для орнамента являлись оленьи рога, рисунки полумесяца и шестиконечной звезды. Очень часто наносился растительный орнамент, форма которого была взята с особого горного цветка («худ-худараш»). В окраске ковров преобладали яркие цвета: желтые, оранжевые, красные, зеленые и некоторые другие.[176]

5. Миграционные процессы среди ингушей в XVI-XVIII вв.

В XVI-XVIII вв. происходят значительные изменения в этнической карте северокавказского региона, связанные с активными миграционными процессами, складыванием территориально-языковых общностей и постепенной консолидацией крупных этнических объединений в народности.[177]

Период XVI-XVIII вв. можно охарактеризовать как эпоху миграционных процессов на Северном Кавказе. В полной мере такая характеристика подходит для ингушской истории этого периода. Миграции ингушских территориальных групп носили перманентный характер. Переселенческое движение, затронувшее все этнотерриториальные общества ингушей, было вызвано как целым рядом причин внешнего свойства, так и внутренними этническими процессами.

Сложная этнополитическая ситуация сложилась на Северном Кавказе, ставшем важной геополитической зоной в противостоянии имперских держав – Турции, Ирана и России. В это противостояние были вовлечены практически все северокавказские народы, в особенности кочевые народы северокавказской равнины, на которых сильное влияние оказывали Османская империя и ее вассал – Крымское ханство. Внутренние этнические процессы среди северокавказских народов, связанные с этнополитической консолидацией либо междоусобными конфликтами, как правило сопровождались передвижениями населения.

Начиная со второй половины XVI в. большое влияние на весь ход миграционных процессов и сложение в последующее столетие этнополитических границ на Центральном и отчасти Северо-Восточном Кавказе оказывали кабардинцы. Полукочевой образ жизни и развитые феодальные отношения способствовали сложению высокого уровня этнической мобильности, позволявшего кабардинцам на протяжении нескольких столетий доминировать в регионе. Среди внешних факторов, оказавших существенное влияние на динамику миграционных процессов ингушей, в том числе на географию этого явления, следует отметить перманентное противостояние с «хозяевами плоскости», каковыми начиная со второй половины XVI и до второй половины XVIII в. являлись кабардинцы.

Этническая территория ингушей приблизительно с середины XVI в. начинает смещаться в целом на восток. При этом значительно сокращаясь на западе, она все более увеличивается к востоку и северо-востоку. Вытеснение основной массы ингушеязычного населения с предгорий и горной зоны Центрального Кавказа в этот период было связано с мощной волной миграций с Северо-Западного Кавказа сначала ногайских, а затем и адыгских родоплеменных групп, завершившихся сформированием на Центральном Кавказе новой этнической общности – кабардинцев. Ко второй половине XVI в. кабардинские феодалы закрепляются на предгорной равнине по левобережью Терека, вытеснив из этой зоны кочевья ногайцев,[178] и воможно оставшееся местное оседлое население, которое вероятно относилось к ингушскому этнокультурному полю, как и население, расселявшееся в горной зоне, непосредственно примыкавшей к вышеуказанным равнинным землям, в ущельях

Башня Дударовых в ауле Ларс

образованных левыми притоками Терека.

Первая волна ингушской миграции, ставшая прологом всех последующих миграционных процессов, началась с вынужденного переселения значительной части ингушеязычного населения горной и предгорной зоны Центрального Кавказа на правобережье Терека и далее к востоку в ущелье, образуемое течением ее правого притока – Армхи, а оттуда – в восточную часть Горной Грузии (Тушетию) и в горную зону современной Чечни. Особая близость между населением ущелья р. Армхи, известным под именем «фяппи», и жителями Цовской Тушетии (бацбийцами) так же, как и с аккинцами, прослеживается на основе данных письменных источников более позднего времени и в этногенетических преданиях ингушей и аккинцев. В свою очередь, аналогичные предания осетин свидетельствуют, что «ингуши в прошлом обитали в Куртатинском и Даргавском ущельях, из которых под натиском осетин и кабардинцев ушли в Санибанское ущелье, а позднее через район Чми – на правый берег Терека».[179] Существуют предания, описывающие некоторые эпизоды, связанные с миграционными процессами среди аккинцев, которые также говорят об «их постепенном движении с запада на восток», с левобережья Терека (подножия Казбека – в предании) через Горную Ингушетию на Кумыкскую равнину.[180]

В последние годы ингушскими исследователями высказаны предположения, что поход кабардинского князя Темрюка Идарова конца 1562 г. был направлен против равнинного и предгорного населения правого и отчасти левого побережья Терека, которое было ингушеязычным.[181] Другая точка зрения, близкая по географии к первой, указывает направление удара совместных кабардинских и русских войск (стрельцов Григория Плещеева) в сторону Дарьяльского ущелья и прилегающих к нему горных территорий по правую и левую сторону от р. Терек.[182]

Переселение западных территориальных групп ингушей к Дарьялу и далее на восток, по-видимому происходившее с середины XVI в., было вызвано давлением кочевых народов, занимавших плоскостные земли. По всей вероятности, массовый отток коренного населения с указанных территорий к востоку пришелся на вторую половину XVI в. Оставшаяся часть населения была ассимилирована пришедшими вслед за кабардинцами (а, возможно, и вместе с ними) осетинами (в пользу этой версии свидетельствует ряд осетинских этногенетических преданий). Последние начиная со второй половины XVI в. постепенно заселяют левые притоки Терека восточнее Алагирского ущелья, где позже сложится территориальное общество осетин – Куртатинское. Вытеснение ингушей из этих районов шло в результате многих военных акций кабардинских князей, в союзе с которыми, по всей вероятности, выступали ногайские мурзы, а также ранее попавшие в зависимость от тех и других осетины. К концу XVI – началу XVII вв. значительная часть

ингушского населения уже покинула горную зону в верхних течениях левых притоков Терека. Покинутую ингушами территорию к тому времени заселили осетины. Процесс ассимиляции оставшейся в этих районах части ингушей, численно уступавшей пришлому населению, скорее всего был форсирован в силу их социального статуса. Это был статус первопоселенцев, т. е. первоначальное социальное положение, игравшее особую роль в становлении феодальных отношений в горных районах Северного Кавказа. Это позволило аборигенному населению влиться в среду привилегированного сословия ираноязычных осетин, что способствовало их более быстрой и «безболезненной» ассимиляции. Через пару столетий они полностью растворились в новой этнической среде.

Стратегически важное Дарьяльское ущелье оставалось под контролем ингушей вплоть до второй половины XVIII в., когда Северный Кавказ вошел в зону влияния Российской империи. К концу XVIII в. левобережье Терека, непосредственно примыкавшее к Военно-Грузинской дороге, было населено смешанным ингуше-осетинским населением. Численность последних (осетин) в последующее время в этом регионе все более возрастала, учитывая тот факт, что самые влиятельные среди тагаурских алдаров Дударовы – ингуши по происхождению – в конце XVIII – начале XIX вв. подселяли в свои владения осетин, чтобы иметь зависимое население. Впоследствии это привело к тому, что сами Дударовы были ассимилированы в осетинской этнической среде, хотя даже намного позднее Дударовы признавали себя ингушами. Являясь самой крупной фамилией среди алдаров Тагаурии, они все больше позиционировали себя как привилегированное сословие осетин (впоследствии действительно самое влиятельное среди феодалов Осетии) и укрепляли свое положение путем переселения новых групп осетинских переселенцев в селения, расположенные по левому берегу Терека в Дарьяле – Балта, Чми и Ларс, а впоследствии – и на Владикавказскую равнину. В то же время эти миграции осетин, считавшихся подданными Дударовых, воспринимались лояльно со стороны коренного ингушского населения, которое на протяжении и последующего XIX столетия продолжало считать Дударовых «своими», т. е. ингушами, что объясняется их поздней ассимиляцией в осетинской этнической среде.

Ингушские переселенцы с запада, получившие название «аьккхий» (букв.: «изгнанники», «беженцы»; в дальнейшем закрепилось в качестве этнонима за частью переселенцев), в массе своей оседали в приграничном к Дарьялу Джераховском ущелье, в зоне расселения позднего территориального общества Фяппи. Другая их часть ушла через земли цоринцев в горную зону современной Чечни, в частности в земли аккинцев («Аьккхий-мохк»), и далее на восток – в междуречье Сулака и Терека на территории современного Дагестана, и частью – в горную зону восточной Грузии – Тушетию («бацбийцы»).

О возможном движении населения из Джераховского ущелья в восточном направлении свидетельствуют данные топонимики. Встречаются населенные пункты с одинаковыми наименованиями в Джераховском ущелье, в землях цоринцев («Цхьорой-шахьар») и в землях аккинцев («Аьккхий-мохк»). Не исключая случаев переселения населения в обратном (западном) направлении, имевших место в русле внутренних миграций в ингушских территориальных обществах, все же основной вектор миграции ингушей, начавшийся с переселения с левого берега Терека, имел выраженное восточное направление. В этой связи представляет интерес этимология этнонима «фяппи», приводимая Ф.И. Горепекиным: «Фяппи» собственно называется рой пчел, вышедший после первого, а также люди – переселенцы, идущие нестройною толпою».[183] Предложенная другим исследователем, лингвистом и этнографом А.Н. Генко этимология этого этнонима связана «с именем хазарского царя – Уобоса», известного из грузинских источников. Что характерно, географию

первоначального распространения этого этнонима он относит «к западу от реки Ломеки (Терека)», охватывая им всю территорию современной Осетии.[184]

По всей вероятности, гораздо меньше ингушских переселенцев с запада оседало в густонаселенном Ассинском ущелье, в территориальном обществе ГIалгIайче (галгаевцы).

Другим направлением ингушской миграции в период позднего Средневековья было юго-восточное, на территорию современной Тушетии. Вероятнее всего, этот регион был населен ингушскими этническими группами задолго до миграций, относящихся к периоду позднего Средневековья. А.И. Шавхелашвили отмечает, что «некогда вайнахские племена проживали и на южной стороне главного хребта, причем территория их проживания тянулась от Дагестана до Сванетии».[185] О проживании ингушей в древности на территории Горной Грузии, в частности Тушетии, Пшавии и Хевсуретии, и в целом к югу от Главного Кавказского хребта, свидетельствуют также данные топонимики, этнонимики, материальной культуры указанных регионов. Засвидетельствованная в этногенетических преданиях ингушей волна миграции в Тушетию относится ко второй половине – концу XVI в. Направление миграции именно в эту зону может быть связано с проживанием там родственного для мигрантов населения. Одно из преданий, касающихся событий, связанных с переселением в Тушетию, причиной миграции называет голод в горах как следствие ряда неурожаев.[186] Возможно, самый массовый отток населения Горной Ингушетии в Тушетию следует рассматривать в общем русле миграционных процессов западных территориальных групп ингушей (фяппи) в восточном направлении. Предания о переселении ингушей в указанные районы были зафиксированы в основном среди населения Джераховского ущелья, восточнее территориального общества Чулхой (с. Салги) они не известны.[187] С именем фяппинцев увязывается и название местности в Тушетии, где обосновались ингушеязычные переселенцы (цова-тушины) – Цовата, звучащее по-цова-тушински – «Вабуа».[188] В то же время «пирикитские тушины, называя всех тушин бацбийцами, выделяют из них группу с нахским языком, именуя последних ваьппий».[189] Ингушеязычное население Тушетии было известно в Горной Ингушетии и Чечне под именем «бацой» или «фяппи-бацой», при этом, второе наименование бытовало в Ингушетии, связывая с этим этнонимом выселение в Горную Грузию фяппинцев. Однако упоминание в преданиях о переселении в Тушетию большого количества жителей соседнего с фяппинцами Чулхойского общества Горной Ингушетии, а также наличие среди населенных пунктов цова-тушин, крупного селения Царо, населенного фамилией Цароелеби (т. е. царойцы)[190] говорят о миграции в этот район Грузии жителей и других этнотерриториальных обществ ингушей.

Хронологические рамки миграции ингушей в Тушетию определяются не позднее конца XVI в., исходя из упоминания в русских документах «Батцких гребней», увязываемых с самоназванием цова-тушин – «бацой». В то же время этногенетические предания самих бацбийцев связывают это переселение с шахом Аббасом, «походы которого на Кавказ приходятся на первые пятнадцать лет XVII в. Согласно преданиям, он распространял ислам, что и явилось главной причиной ухода части ингушей в горы Грузии».[191] Различные причины ухода населения в Тушетию, указываемые в преданиях, вовлечение в этот процесс жителей различных этнотерриториальных групп, свидетельствуют о том, что миграционные процессы ингушей в этот регион состояли из нескольких этапов. Самые значимые из них, в результате которых сложилась основа ингушеязычного населения в Тушетии, по всей видимости, относятся ко второй половине XVI – началу XVII вв.

Селения, расположенные в горной зоне, группировались в основном по локальным ущельям, что способствовало их этнополитической консолидации в обособленные территориальные группы – общества (шахары). К концу XVI в. по всей видимости уже сложились основные территориальные общества ингушей. С запада, начиная от Дарьяльского ущелья, на восток располагались ингушские общества-шахары: ЖIайрахой (джераховцы; «ероханские люди» – в русских источниках), Фяппи (кисты, кистинцы), Чулхой, ГIалгIай (галгаевцы, другие наименования – «кхаькхалой», «хамхой»), Цхьорой (цоринцы), Аькккхий (аккинцы). К северо-востоку и северо-западу от Аькккхий, начиная от верховьев р. Фортанги до р. Гехи, располагался целый ряд этнотерриториальных групп, из которых позже, с началом активного выселения на плоскость, сформируется этнотерриториальная общность – Орстхой. Южнее их сформировались общества Мержой, Цечой, Галай. Эти общества были близки со смежным обществом Аькккхий, откуда часть орстхоевцев, согласно этногенетическим преданиям, ведет свое происхождение. Возможно, что ранее этноним «аькккхи» распространялся и на часть этих обществ. К аккинцам примыкала и этнотерриториальная группа – Кий (Кей). Южнее Аькккхи и юго-восточнее от Цхьори располагалось общество Мялхи, выше последних, к юго-востоку, небольшое общество – Майстой.

Вышеперечисленные этнотерриториальные группы стали первичным пластом, основой для позднего этногенеза и этнополитической консолидации двух родственных народов – ингушей и чеченцев. При этом в конце XVI – первой половине XVII в. по всей видимости при активной миграции значительной части населения вышеназванных обществ, в особенности восточных, в северо-восточном и в целом восточном направлении, этнополитическая консолидация и образование уже новых этнотерриториальных групп, ставших позже составной частью (основой) чеченского этноса, протекали довольно успешно. В то же время этот процесс на западе, встретившись с сопротивлением кабардинцев, препятствовавших активной колонизации плоскости, протекал в замедленном темпе. Таким образом, основной вектор миграции ингушских территориальных групп в XVI-XVII вв. был направлен к востоку и северо-востоку. В этот же период ими стала осваиваться и плоскость Северо-Восточного Кавказа. Эти явления протекали в тесной взаимосвязи с тюркским (кумыки, ногайцы) и славянским (казаки) этнокультурным полем, со всеми элементами адаптации этих народов к совместному сосуществованию. Происходило активное взаимопроникновение культур, связанное в том числе с этносимбиозом.

Из русских письменных источников XVI-XVII вв. известны наименования северо-восточных территориальных групп: «Мичкизы, Шубуты, Отчанская земля, Тшанские люди, Мулки» и некоторые другие.[192] Большая часть из этих обществ («землиц» в русских источниках) находилась в бассейне р. Аргун, вдоль которой шел один из путей русских посольств в Грузию, благодаря чему эти «землицы» попали в поле зрения «дипломатической службы» Московского государства. В верховьях этой реки, в ущельях образуемых рукавами Чанти-Аргун и Шаро-Аргун, располагались одноименные территориальные группы – Чантий («Отчанская земля») и Шарой. К северу, вниз по Чанти-Аргуну, у слияния двух рукавов располагалось общество – Шотой, с которым связывают два наименования в русских источниках – «Тшанские люди» и «Шибуты». Между этнотерриториальными группами шотой и чантий по Чанти-Аргуну располагалось несколько родоплеменных и территориальных образований, крупнейшее из которых – Чиннахой. Родство последней родоплеменной группы с крупными современными ингушскими родами (тейпами), состоящими из нескольких десятков патронимий (Тумахой, Оздой, Салгахой), прослеживается по данным этногенетических преданий и данных генеалогии ингушей.[193] Восточнее

от общества Шарой располагалась этнотерриториальная группа Чеберлой. Два последних территориальных общества, граничащие с Дагестаном, подверглись сильному этнокультурному влиянию со стороны соседних дагестанских горцев и в какой-то мере формировались в едином (с Горным Дагестаном) этнокультурном поле. В особенности это влияние со стороны Дагестана прослеживается в Чеберлое.

Часть из вышеперечисленных этнотерриториальных групп, располагавшаяся на территории современной Чечни, сыграла важную роль в позднем этногенезе чеченского народа. В XVI-XVII вв. эти группы представляли собой локальные территориальные общества, часть из которых находилась еще в стадии формирования. Границы между этими обществами были довольно условны, в силу подвижности населения вследсвие перманентных миграционных процессов. Все эти этнотерриториальные группы были изначально ингушеязычными, различаясь, возможно, лишь незначительными местными особенностями. В этот же период, вероятно, к северо-востоку от этих обществ, в бассейне р. Хулхулау и верховьях р. Аксая уже в основном сформировалась новая крупная этнотерриториальная общность – нохчи (чеченцы). С ними связывают известный из русских источников XVI-XVII вв. этноним «мичкизы». В последующие столетия миграционные процессы среди населения этого общества, направленные к северо-западу, будут способствовать широкому распространению этнонима «нохчи» на плоскости Северо-Восточного Кавказа и постепенно вовлекут в сферу своего влияния восточные ингушские территориальные группы. Этот процесс занял несколько столетий. Еще во второй половине XIX в. население, расположенное по р. Аргун, в частности шатойцы, отличало себя как «отдельный народ» от нохчи (чеченцев).[194] В другой работе, относящейся к тому же времени, отмечалось, что язык нашхойцев, населяющих, согласно преданиям, «первоначальную родину чеченцев» – Нашах, «совершенно сходен только с языком галгаевцев», т. е. ингушей.[195] А.И. Генко, характеризуя языковые особенности всей нагорной полосы Чечни вплоть до Андийского округа в Дагестане, подчеркивал отличие языка горцев от языка плоскостных чеченцев и выделял его в особую группу наречий, называя ее «условно ингушской».[196]

Не позже середины XVI в. начинаются миграционные процессы, связанные с колонизацией ингушами плоскостных земель. Длительное существование в относительно замкнутых горных ущельях, где полноценное социально-экономическое развитие было ограничено самой природно-географической средой, было невозможным. Ограниченное количество пригодных для хозяйственной деятельности земель, природные катаклизмы (обвалы, оползни), неразвитая сеть коммуникаций с дорогами, пригодными для нормального передвижения лишь в определенные сезонные периоды, и целый ряд других неблагоприятных условий – все это тяжело отражалось на быте горцев. В то же время горы исторически являлись естественной преградой для пришельцев-завоевателей и защитой (убежищем) для местного населения. В этой же, самой безопасной, зоне находились главные святыни ингушей – храмы и святилища. На вершинах гор и скал «обитали их языческие боги-патроны».

По всей видимости, массовый отток населения в горную зону всегда был вынужденным, а возвращение на плоскость предпринималось сразу же, как только появлялась такая возможность. Пространство горных ущелий могло вместить только ограниченное число жителей. Даже в относительно благоприятные периоды, наступавшие вследствие хорошей урожайности на протяжении какого-то времени, отсутствии эпидемий и других болезней (нередких в горах), внешних и внутренних войн и конфликтов все эти факторы, способствовавшие естественному приросту населения, в конечном итоге заканчивались новыми миграциями, если не на плоскость, то в соседние, либо отдаленные горные районы, где

были свободные места для поселения. В то же время, естественный прирост населения в горной зоне был ограничен и шел довольно медленно, в силу тех же ограниченных хозяйственных ресурсов, которые сказывались на ходе социально-экономического развития в целом. Существенное значение имел механический прирост населения. В XVI-XVII вв. такое заполнение локальных пространств горных ущелий новыми группами населения, вытесненными, в свою очередь, с прежних мест обитания либо ушедших от голода, эпидемий, войн и других социальных потрясений, осуществлялось периодически. В некоторых случаях это было массовое переселение, в других – небольшими группами (родственников, семей и т. д.). Теснота и ограниченность жизненных ресурсов нередко приводили к локальным конфликтам, сюжеты которых наглядно отразились в целом ряде ингушских преданий. Конфликты также порождали миграции, иногда целые фамилии были вынуждены мигрировать, спасаясь тем самым от кровной мести. Их территория переходила к новым владельцам, которые в свою очередь могли стать объектом нападения для более сильных соседей, нуждающихся в расширении своих владений. Для закрепления на новых территориях переселенцы из самых разных мест заключали братство («вошал»).[197] Иногда вновь поселившиеся сами приглашали к себе новых переселенцев, тем самым их населенные пункты, увеличиваясь численно, становились менее уязвимыми для нападения извне и могли обеспечить собственную безопасность. Это позволяло быстрее обустроиться, выстроить жилье и оборонительные сооружения, установить контроль над прилегающей к поселению территорией и коммуникациями, т. е. стать полноценным хозяином на новом месте.

Массовое возвращение ингушей на равнинные земли шло в общем русле их миграционных процессов в северо-восточном направлении. Равнинные земли Центрального Кавказа, как и междуречье Терека и Сунжи, в этот период и в последующее столетие были зоной активных миграций кабардинцев, где во второй половине XVI в. образовалась Малая Кабарда. Колонизация западными ингушскими этнотерриториальными группами этих территорий в XVI в. по-видимому была остановлена продвижением на них кабардинцев. И на всем протяжении последующего XVII в. ингуши в этой зоне вероятно не продвинулись далее верховьев рек Камбилеевки и Сунжи. Вследствие этих обстоятельств, основные миграционные процессы ингушей начиная с XVI в. (возможно, и ранее) имели северо-восточное направление. Шло активное переселение населения Горной Ингушетии, начиная от самого западного Джейрахского общества, на территорию современной Горной Чечни. Отсюда с середины XVI столетия начинается продвижение ингушеязычного населения на предгорья, а впоследствии и на равнину Северо-Восточного Кавказа.

Первое документально фиксируемое массовое переселение ингушей на равнинные земли произошло не позднее середины XVI в. Оно было связано с передвижением части населения общества Аьккхи в Терско-Сулакское междуречье (на территорию современного Хасавюртовского района Дагестана). Переселенцы оседали в основном в верховьях рек Ямансу и Ярыксу[198], на предгорной равнине между реками Аксаем и Акташем.[199] «Это переселение было уже совершившимся в 1550-1570 гг., когда возникновение русских городов на Северном Кавказе повело к ориентации ряда кавказских владельцев и племен на Москву».[200] В русских источниках эта этнотерриториальная группа известна с 80-х гг. XVI в. под именем «Ококи» (в других транскрипциях – «окохи», «окуки», «окочаны», «акозы»), а территория их названа – «Окоцкая земля».[201] Однако, из документов того времени, известно, что уже в период строительства первых русских крепостей в регионе в 1560-1570 гг., воеводы установили связи с окоцкими мурзами. Эти связи получили продолжение и значительно окрепли в 80-х гг., когда «в царствование Федора Ивановича и Бориса

Годунова начался оживленный обмен посольствами между Москвой и Кахетией, и когда в 1588-1589 гг. в устье Терека была основана русская крепость – Терский город, просуществовавшая до 20-х годов XVIII в.».[202] С 1586 г. в документах Посольского приказа появляется имя окоцкого «владельца» Шиха-мурзы Ушаромова, который в 80-е начале 90-х гг. XVI в. являлся одним из самых влиятельных сторонников Московского государства среди горского населения и активным проводником его политики на Северо-Восточном Кавказе. Что характерно, эта его служба русскому царю была преемственной и перешла к нему от отца – Ушурмы-мурзы. Последний служил еще царю Ивану IV и вместе с сыном Шихом помогал русским воеводам возводить первые крепости (городки) на Тереке. «Умирая, Ушурма завещал сыну служить Москве так же честно и последовательно, как и он сам».[203]

В 1587 г. «Окотцкая земля» значилась в числе вновь присоединенных к Московскому государству территорий, о чем сообщалось в грамоте царя Федора к австрийскому императору Рудольфу. В следующем 1588 г. в Москву прибыло посольство от аккинцев, которое возглавлял племянник Ших-мурзы – Батай.[204]

В 1588 г. Ших-мурза первым из северокавказских владетелей пришел со своими людьми служить в Терский город, а в конце XVI в. рядом с крепостью возникло небольшое поселение – Окоцкая слобода. «Служилые окочане» играли важную роль в политике Московии на Северном Кавказе, участвовали во всех военно-политических акциях, служили связующим звеном с остальными горскими «землицами» Северо-Восточного Кавказа и фактически несли все тяготы военной службы наравне с гарнизоном крепости и казаками. Успехи российской политики в этом регионе и налаживание связей с Грузией во второй половине XVI в. во многом были следствием лояльного отношения и активной помощи со стороны влиятельной силы на Северо-Восточном Кавказе, каковой стала в этот период Окоцкая земля.

Миграции на предгорные земли Терско-Сулакского междуречья по всей видимости продолжались и в последующие столетия. В них были втянуты и другие этно-территориальные группы, но все они получали новый статус территориальной принадлежности и именовались общим именем первопоселенцев – «аькккхий». В русских источниках более позднего времени это население было известно как Ауховское общество. Естественный прирост населения и новые миграционные потоки способствовали расширению первоначальной этнической территории аккинцев, сложившейся в верховьях рек Ямансу и Ярыксу. Продвигаясь далее на восток, они закрепляются на равнинных землях, где возникают новые колонии. На вновь осваиваемых территориях каждая группа переселенцев имела опорные поселения, вокруг которых появлялись многочисленные кутаны («гIота»). Одно из самых северо-восточных таких опорных поселений находилось в районе современного г Кизляра. Другая группа аккинцев продвинулась вплоть до Акташского озера.[205] В ходе миграций в предгорья Терско-Сулакского междуречья переселенцы образовали две основные крупные группы, два территориальных общества – «пхьарчхой» и «гIачалкъой». Земли, на которых они проживали, назывались Пхьарчхошка-Аькккха (или, Ширча-Аькккха, что означает Старая Акка) и ГIачалкъа-Аькккха (или просто Аькккха).[206]

При этом феномен столь массовой аккинской миграции на северо-восток заключается видимо в том, что под этим этнонимом в регионе Терско-Сулакского междуречья, скрываются не только переселенцы из горного Аккинского общества (первопоселенцы), но и из многих других этнотерриториальных групп. Этнический термин «аькккхий» в этих географических широтах, по-видимому, включает в себя всех переселенцев с запада, получивших новый статус этнотерриториальности в соответствии со структурой обра-

зования ингушских обществ. В свою очередь, это общество подразделялось на группы, образованные по своему первоначальному этнотерриториальному статусу (т. е. по месту происхождения). Так, среди общества Пхьарчхой при расселении аккинцев на равнине в низовьях Терека выделилась группа под названием «Шарой». Другая группа аккинцев из того же общества, расселилась на землях граничащих с Акташским озером, она именовалась «Шебарлой».[207] Оба наименования аналогичны наименованиям приграничных горных обществ, расположенных в верховьях Аргуна (Шарой) и к востоку от него (Чебарлой), что вероятнее всего говорит о первоначальном происхождении этих двух этнотерриториальных групп аккинцев Терско-Сулакского междуречья из этих горных районов. Другая группа аккинцев, относящаяся к древнейшему пласту Пхьарчхоевского общества и населявшая территории между двумя рукавами Сулака, именовавалась «ЧIонтой», а их земли – «ЧIонтой-мохк».[208] Данный этноним, не связанный с этно-племенной группой «Чантий» в верховьях Аргуна[209], возможно, имеет отношение к другой ингушеязычной этнотерриториальной группе, расселившейся в Тушетии и известной как «бацой». Название первоначального места поселения бацбийцев (бацой) в Пирикитской Тушетии – «Чонтио» (население – «чонтийцы»)[210] напоминает этнический термин аккинцев «ЧIонтой», что возможно раскрывает еще один путь миграционных процессов, направленный уже через Тушинские горы на северо-восточную равнину.

Значительный пласт среди переселенцев в Терско-Сулакское междуречье составили жители верховьев рек Фортанги и Гехи, которые, возможно, стояли у истоков миграций в этот регион. Переселенцы из крупной родоплеменной группы «Цечой» из местности «ЦIечеахк» были в числе первых, выселившихся в предгорье на р. Ярыксу.[211] По преданиям восточных чеченцев, нынешние хасавюртовские аккинцы – это ЦIечой-тейпа, переселившиеся на восток из Горного Акки (Акки-лом).[212] О принадлежности населения на реках Акташе и Ярыксу (Ауховское общество) к карабулакам (орстхоевцам), Цечой и другим, говорилось еще в военно-топографических и этнографических описаниях начала XIX в.[213] Существуют предания и о переселении в эти земли части населения родоплеменной группы Мержой,[214] приграничной с Цечой. Первые упоминания в русских источниках этнонима «Мержой» относятся еще к началу XVII в. («Мерези, Мерезинская земля, Мерезинские люди»).[215]

Другим направлением ингушской миграции, также связанным с возвращением на плоскость, было продвижение населения из Горной Ингушетии, а именно из обществ от Дарьяла на западе до р. Фортанги на востоке в северном направлении по руслам рек Терека, Камбилеевки, Сунжи, Ассы и Фортанги. Эти миграционные процессы, вероятно, также начались уже в XVI-XVII вв. Но по причине появления и закрепления в этой зоне кабардинских феодалов, они не получили на первоначальном этапе такого широкого развития как на северо-востоке. Однако вероятность наличия ингушского населения в верховьях Сунжи, Камбилеевки и Терека (у Дарьяла) еще в XVI-XVII вв. подтверждается как данными письменных источников, так и сведениями, полученными из генеалогии ингушских фамилий. В русских документах конца XVI в. упоминается ингушский старшина Салтан-мурза (Солтмарз), «владелец Ларсова кабака», расположенного в верховьях Терека у входа в Дарьяльское ущелье. Салтан-мурза, как и Ших-мурза (Шахмарз) Окоцкий, неоднократно «оказывал услуги» русскому правительству на Северном Кавказе, в частности сопровождал послов в Грузию. Он придерживался пророссийской политической ориентации и сам проявлял инициативу, заявляя послам, что желает «быть в подданстве» и «служить России, как служит брат его Ших-мурза».[216] Ингушский Ларсов кабак – нынешнее селение Ларс, неоднократно упоминается в русских дипломатических документах XVI-XVII вв.[217]

В то же время, к началу XVII в. можно отнести основание в верховьях Сунжи поселения Ахки-Юрт. Основанием для такого предположения являются данные генеалогии крупного ингушского рода Евлоевых. Согласно сведениям из этногенетических преданий ингушей селение Ахки-Юрт было основано знаменитым представителем рода Евлоевых Эжи Ахком. Последнего считают своим предком практически все патронимии Евлоевых. При сравнении различных вариантов генеалогических древ этих патронимий можно приблизительно высчитать время, в которое родился основатель Ахки-Юрта, – конец XVI – начало XVII в.

Одним из старейших очагов расселения ингушей на плоскости является Тарская долина (название долина получила от названия аула Тарш, основанного выходцами из одноименного аула в Арамхинском ущелье). Здесь располагалось крупное территориальное общество Ангушт или Большие Ингуши, известное по письменным источникам второй половины XVIII в. Вопрос о хронологии заселения ингушами Тарской долины является открытым. Трудно сказать с достоверностью, когда этот процесс стал массовым. Однако уже к концу XVII – началу XVIII в. Тарская долина была густонаселенным районом. В «Географии Грузии» Вахушти Багратиони, составленной по материалам, собранным в первой половине XVIII в. упоминаются ингушские селения Джариехи и Ангусти.[218] Ангусти (Ангушт), расположенное у выхода р. Камбилеевки в Тарскую долину, в то время уже было крупным селением. И.А. Дахкильговым приводятся природно-географические характеристики долины Тарс-аре, которая «смыкается в сторону Буро (нынешнего Владикавказа) с долиной «Іаьрч-атагІе» (от названия речки «Іаьрчхи», то есть «Черноречье») и далее – с Тирк-чІоже – Дарьяльским ущельем. Расположение Ангушта было весьма удобным: привольные пастбища и покосы, плодородная земля, девственные леса, здоровый климат… Выгодным для своего времени являлось и расположение Ангушта: кругом горы, лишь несколько выходов из долины».[219] Ангушт был связан с Горной Ингушетией несколькими дорогами, идущими через перевалы и по ущельям горных рек из Джейрахского и Ассинского ущелий.[220] Некоторые из этих дорог были весьма благоустроены и приспособлены для передвижения колесного транспорта – горских повозок (арб).

Народная память сохранила важнейшие эпизоды из событий, связанных с освоением плоскостных земель. В частности, в записанном в горном селении Пхамат И.А. Дахкильговым предании повествуется о том, как собрались именитые мужчины нескольких территориальных обществ Горной Ингушетии с целью объединения страны. Собравшиеся постановили, что отныне они все будут именоваться единым именем – «Галга», прекратят распри и начнут организованно выселяться на плоскость.[221] Вероятно, эти события были связаны с освоением земель в верховьях Сунжи и Камбилеевки, где и возникли старейшие населенные пункты ингушей Ахки-Юрт и Ангушт. Колонизация этой зоны, по-видимому, осуществлялась на протяжении XVI-XVII вв. и получила активизацию, с дальнейшим продвижением на север, после ухода с Сунжи и Камбилеевки кабардинцев, начиная с 30-х гг. XVIII в.

Во внешнеполитическом ведомстве и высших государственных органах Российской империи, начиная с 40-50 гг. XVIII в. откладывается значительное количество документов, отражающих политику России на Северном Кавказе и взаимоотношения с северокавказскими народами. На первоначальном этапе политическая деятельность в регионе, и в частности в стратегически важных районах Центрального Кавказа, прилегающих к Дарьялу, осуществлялась через Священный синод. Проводниками российской политики на местах были православные священники, чаще всего грузинского происхождения, на которых, помимо основной задачи – духовного наставления и восстановления «падшего»

христианства, возлагалась ответственная миссия склонения горских народов к ориентации на Россию. Кроме того, священнослужители были одним из основных источников информации об этнополитической ситуации в регионе и соответственно о настроениях среди горцев и их отношении к России. Общее руководство политической миссией на Северном Кавказе, в частности среди ингушей, и управление осуществлялись через комендантов крепостей: сначала Кизляра, а с 1763 г. – Моздока. В 50-70 гг. XVIII в. ингуши находятся в самых тесных взаимоотношениях с администрацией российских крепостей. Эти отношения были взаимовыгодны обеим сторонам, поскольку Россия в этот период не имела еще прочных позиций на Кавказе и нуждалась в союзниках среди горцев, тем более среди народов, которые располагались в стратегически важных районах. С другой стороны, ингуши также искали союза с Россией, поскольку он давал им некоторые гарантии в урегулировании отношений с кабардинскими феодалами, беспокоившими ингушские поселения на плоскости постоянными набегами, особенно во время сельскохозяйственных работ и пытавшимися подчинить ингушей своей власти, хотя бы и номинальной.

В ранний период им иногда удавалось установить такую власть над ингушами в приграничных районах, поскольку ингушские поселения на плоскости были немногочисленны, однако такая номинальная зависимость ингушей от кабардинских князей никогда не была долговременной, как например, это было в Осетии. Тем более что ингуши в свою очередь не менее активно беспокоили подобными набегами селения Малой Кабарды. Это была борьба за возвращение на плоскостные земли, которую ингуши вели, начиная с конца XVI в., и к середине XVIII в., когда регион Центрального Кавказа стал сферой интересов России, противостояние плоскостных ингушей с кабардинскими феодалами перешло в новую фазу. Россия же была вынуждена выступить в качестве третейского судьи. Ее участие на первоначальном этапе в отношениях между народами, было скорее декларируемым, однако налаживание отношений с ингушами, миссионерская деятельность – все это не без основания беспокоило кабардинских феодалов, которые видели в этой политике угрозу своим интересам в регионе и открыто заявляли об этом российской администрации. В свою очередь, явно выраженная ориентация ингушей на Россию, не могла ею игнорироваться и не быть используемой в своих политических целях на Северном Кавказе.

В разгар русско-турецкой войны 1768-1774 гг. российская администрация активно добивается склонения плоскостных ингушей к принятию подданства России. И ей это удалось, тем более что сами ингуши были в этом «подданстве» заинтересованы. В 1770 г. ингуши приняли присягу и первыми среди народов Северного Кавказа стали именоваться «подданными Российской империи». В 1774 г. с подписанием Кючук-Кайнарджийского договора к России отошла Кабарда и зависимая от кабардинских князей Осетия. Осетины, так же как и ингуши, в период, начиная с 40-х гг. XVIII в. активно вовлекаются в сферу российской политики на Центральном Кавказе и также «желают быть в подданстве» и просят защиты от кабардинских феодалов. Один из новейших исследователей, отмечая, что «осетины желали российского подданства для избавления от притязаний кабардинских князей, для получения возможности выхода из перенаселенных гор в предгорные и равнинные районы» и видя в факте присоединения Осетии к России «специфическую региональную подоплеку», в таком же ключе представляет и развитие российско-ингушских отношений.[222] В общем такая точка зрения не является оригинальной, она выработана и отшлифована еще в советской историографии, рассматривавшей кабардинских феодалов как гегемона в политических взаимоотношениях с народами Северного Кавказа, от которого последние, в частности осетины и ингуши, искали защиты у России. Однако, если в отношении осетин такая точка зрения вполне объективна, то особенности ингушско-

кабардинских взаимоотношений нельзя рассматривать в таком категоричном ключе, поскольку степень зависимости плоскостных ингушей от кабардинских князей нельзя ни в коем случае сравнивать с ситуацией в Осетии, население которой было буквально заперто в горах кабардинцами.

Исследователем Т.Х.-Б. Муталиевым, на основе детального анализа историографии вопроса, в том числе документальной базы, приводятся убедительные аргументы, свидетельствующие о том, что «освоение Владикавказской равнины ингушами началось более чем за сто лет до появления здесь русских войск». Выделяя особенности российско-осетинских и российско-ингушских взаимоотношений, он подчеркивает: «Если осетины искали союза с Россией вообще для осуществления самой возможности переселиться на равнину, то ингушам такой союз нужен был в первую очередь для защиты своих сел», которые к этому времени на плоскости существовали уже давно.[223]

Процесс освоения ингушами предгорно-плоскостных земель конечно же активизировался и получил дальнейшее развитие в связи с плодотворным развитием российско-ингушских отношений и принятия ингушами подданства Российской империи, однако он не начался первоначально с ее «разрешения», как это было в Осетии. Российская администрация на этом этапе лишь закрепила существующую этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе, опираясь на реалии сложившихся этнотерриториальных границ. Поэтому ингуши, получив «мандат» на свои территории и признание в качестве отдельного субъекта в политических взаимоотношениях с Россией (чего так опасались кабардинские князья), вполне закономерно восприняли этот факт как возможность дальнейшего продвижения на северном направлении, тем более, что кабардинцы еще ранее ушли с этих земель на северо-запад. Миграционные процессы ингушей, связанные с дальнейшим освоением плоскостных земель, вновь активизировалось с 60-70 гг. XVIII в. и протекали довольно активно. В то же время осетины, находящиеся в зависимости от кабардинских князей, попрежнему, вплоть до 20-х гг. XIX в., в массе своей проживали в горных ущельях.[224] Лишь отдельные их небольшие колонии оседали вблизи российских крепостей. Как, например, осетинский аул, который был основан вблизи Владикавказской крепости в 1784 г., и был покинут осетинами сразу же после упразднения крепости в 1786 г. Вновь этот аул появляется у стен крепости после ее восстановления в 1803 г.[225]

Вопросы расселения и динамики численности плоскостных ингушей второй половины XVIII в., направления их миграционных движений достаточно достоверно реконструируются на основе данных письменных и картографических источников. Среди письменных источников особой популярностью пользуются сведения историко-этнографического и военно-топографического характера, составленные иностранцами на российской военной и дипломатической службе, а также учеными-энциклопедистами, посещавшими в этот период Кавказ. Из них наиболее известны и введены в научный оборот работы И. Гюльденштедта, Я. Рейнегса, Л. Штедера. На основе комплексного изучения данных источников и литературы кавказоведами А.Н. Генко, Н.Г. Волковой, Ш.Э. Дахкильговым и Т.Х.-Б. Муталиевым рассмотрены основные вопросы миграционных движений и расселения ингушей в XVIII в., воссоздана картина колонизации равнинных земель.

К началу 30-х гг. XVIII в. кабардинцы покидают район междуречья Сунжи и Камбилеевки и переселяются на северо-запад, в 1781 г. они, судя по данным Л. Штедера, уже проживали в районе современных с. Пседах, Сагопши, Инарки Малгобекского района Ингушетии.[226] После ухода кабардинцев ингуши осваивают верховья р. Сунжи, где основывают поселения, известные в литературе как округ «Ахки-юрт», в который в 1769 г. входило пять селений,[227] а к 1781 г. границы пастбищных и сенокосных участков ингушей

этих селений продвинулись к северу до р. Конч.[228] В 50-60-х гг. XVIII в.[229] часть жителей Тарской долины переселяется к северу и, «пройдя дефиле, отделяющее ее от равнины», занимает оба берега р. Камбилеевки,[230] где основывает новую колонию – «Шолхи». И. Гюльденштедт, побывавший в этом районе в 1770 г., засвидетельствовал, что у выхода рек Камбилеевки и Сунжи из горных ущелий расположено было 24 ингушских селения, сгруппированных в две «колонии», называемые русскими «Большие Ангушты» и «Малые Ангушты».[231] Округ «Малые Ангушты» («Малые Ингуши») или «Шолхи», будучи приграничным, постоянно подвергался нападениям кабардинских князей. Л. Штедер, заставший в этом районе уже более 300 дворов,[232] отмечал, что «одна лишь эта колония, благодаря ее мужеству и силе нации, могла держаться, сбрасывая при каждой попытке кабардинцев налагаемое ярмо».[233] Другое направление ингушской миграции было направлено по правобережью Терека, где на старой дороге в Грузию в 30-60-е гг. XVIII в., было основано селение Заур-Ков (Заурово), располагавшееся на крутом берегу Терека, в четырех верстах от места, где в 1784 г. возникла крепость Владикавказ.[234] В 60-70-е гг. XVIII в. миграционное движение ингушей по правобережью Терека и обоим берегам Камбилеевки и Сунжи, шло с большой интенсивностью, к 1780 г. в этой зоне русскими миссионерами было зафиксировано более одной тысячи дворов ингушей.[235]

Строительство Военно-Грузинской дороги также сыграло значительную роль в дальнейшем расширении зоны ингушской миграции и направлении ее вектора еще дальше в северном направлении по берегам Сунжи и Камбилеевки. Эти миграции поощрялись и русской администрацией, рассчитывавшей с помощью «мирных» ингушских аулов создать дополнительную линию защиты дороги в Грузию с северо-восточного направления.

В Тарской долине, судя по сведениям, сообщаемым Л. Штедером, проживали ингуши – выходцы из Ассинского и Арамхинского ущелья, распадавшиеся на «семь племен»: Тергимхоевы, род Эги, Хамхоевы, Картоевы, Цикмабухоевы (Оздоевы), Евлоевы и веппинцы (фяппи).[236] Первые шесть ингушских родов, крупнейшие в Ингушетии, по-видимому, были в авангарде ингушской колонизации плоскостных земель. Они же в 1810 г. от своего имени («ингушский независимый народ, считающийся в родах шести фамилий») принимают уже повторную присягу на верность России и подписывают специальный акт, в котором оговаривается на каких условиях и договоренностях это подданство основывается. Подписанный акт подводил итоги ингушской колонизации XVIII – начала XIX в., предоставляя ингушам право на пользование «землями по правую сторону Терека».

Другое направление миграционных потоков было направлено по берегам р. Ассы. На карте 1768 г. у места впадения Ассы в Сунжу, фиксируются населенные пункты под наименованием «Галачи».[237] На карте Л. Штедера 1782 г. они обозначены как «Галашка».[238] Галашкинское территориальное общество, одно из старейших в предгорной зоне, было образовано переселенцами из верховьев р. Ассы (общества – Галгай и Цорой), Галанчожа (общество Галай) и с р. Фортанга (общества – Орстхой и Цечой).[239]

6. Ингушские героико-эпические песни илли: причины и условия зарождения жанра

Ингушские героико-эпические песни илли являются вершинным жанром ингушского фольклора, т. к. вобрали в себя лучшие достижения всех предыдущих жанров.

Жанр илли зародился, бытовал и развивался в период с XV по XIX в. Подобные периоды принято называть героическим веком или эпической эпохой. Что же было характерно для ингушской эпической среды того периода, что определило «нужность» ингушского героического эпоса?

Жанр илли возник не на пустом месте, а «на плечах» предыдущих жанров ингушского фольклора, в первую очередь – нартского эпоса и героических песен. Особенно богатым и древним был ингушский нартский эпос, но на новом этапе развития ингушского общества возникает необходимость в новых идеалах, новых героях, новых песнях.

В XIII-XIV вв. на равнине и предгорьях Северного Кавказа происходят сложные процессы: длительные и небывало жестокие войны, массовые переселения различных этносов, которые привели к кардинальным изменениям этнической карты края. На плоскости поочередно сменяли друг друга такие кочевники и полукочевники, как кипчаки, монголы, калмыки, ногайцы, кумыки, кабардинцы и т. д. Потерпев поражение от пришельцев, ингуши уходили в горы, но при первой же возможности возвращались на равнину. Процесс возвращения с гор на плоскость обычно проходил в сложных условиях. Немногочисленные переселенцы оказывались в окружении гораздо более многочисленных, сильных и враждебно настроенных соседей. Различия в образе жизни, внешнем облике, одежде, культуре, менталитете, религиозных воззрениях, традициях и обычаях также не способствовали сближению горцев и кочевников. Мало того, что ингуши были земледельцами и полуязычниками, они, в отличие от кочевых соседей, не знали развитых форм феодализма.

Ингушские переселенцы подвергались постоянным притеснениям со стороны иноземных феодалов. В ответ на это ингушские молодцы совершали набеги на их владения. По мере укрупнения ингушских сел на плоскости и в предгорьях эти набеги становились все более частыми, а со временем – превратились в доходный промысел для их участников. Наездники, грабившие иноземных князей и раздававшие добычу беднякам, становились объектом восхваления, воспевания, идеализации. В ингушском фольклоре выработался образ героя, защищающего бедный люд от разбойничьих шаек иноземных князей. В честь таких удальцов слагались героико-эпические песни. В илли такой герой не только воспевался, но и всячески идеализировался.[240]

У ингушей, как и у других народов, окруженных воинственными соседями, совершавшими грабительские набеги, вырабатывается образ героя, защищающего свою землю и освобождающего свой народ от поработителей, налагавших дань. Герой наделяется высокими моральными качествами, выработанными народом в его борьбе за свое существование.[241]

Главным героем героико-эпических песен ингушей является обездоленный герой или известный предводитель. Образ предводителя может быть как положительным, так и отрицательным. Обездоленный же герой во всех без исключения песнях показан не просто положительным, но и идеальным героем.

Значительное место в героико-эпических песнях ингушей уделено образам матери, верной жены, невесты, любимой и сестры героя. Они часто выступают активными эпиче-

скими фигурами. В этих образах отражены идеалы этических и эстетических представлений ингушского народа. Мать воплощает понятия дома, рода, семьи, она наделена мудростью и провиденциальным знанием, дает мудрые советы, предупреждает об ожидаемых опасностях, судит за неправильные поступки. На ее же долю выпадают эмоциональные переживания, оплакивание погибших, принятие вестей о поражениях и т. п.

Успех героя в бою во многом зависел и от его главных и самых надежных «товарищей» – коня и вооружения. В ингушских песнях им уделено внимания больше, чем описанию самого боя. Бой во многом рисуется стереотипно и менее всего прочего соответствует действительности, в то время как подготовка к бою коня, оружия и доспехов описываются детально, подробно и красочно.

Наиболее часто упоминаемое в песнях оружие героя – это кремневое ружье мажар, или мажар-топ. Из холодного оружия песенные герои предпочитают высококачественные знаменитые марки мечей, сабель и шашек: «тонкие булатные», из «барсовой» стали (цIокъболат), «ревущей обезьяны» (терсмейл).

С одной стороны, возникновение рассматриваемого жанра явилось результатом эволюции и трансформации других предшествовавших ему более архаических жанров, а с другой – было обусловлено конкретными историческими условиями. Фольклор черпает материал для создания сюжетов и образов из реальной жизни, а она в «героический век» «требует» создания культа героизма и молодечества, т. е. именно такого жанра как илли. Идеальным в таких условиях, с точки зрения эпической среды, является герой, всегда, по выражению Б. Путилова, «заряженный» на борьбу с эпическим врагом. Пафос илли заключается не столько в воспевании реально существовавших личностей, сколько в утверждении идеалов и устоев «своего» мира. Эпос не просто сообщает нам исторические факты, а передает отношение народа к ним. Идентифицировать время действия в эпосе с каким-то определенным историческим периодом можно лишь весьма условно. Попав в эпос, имена и характеры героев, исторические факты, вообще сама реальная действительность изменяются до неузнаваемости. В эпосе признается лишь своя, эпическая, история.

Период, который ученые называют «эпической эпохой»,[242] характеризуется наличием эпической среды и живой эпической традиции, «военной демократии», «эпическим» характером жизни народа.

Сам героический эпос развивается и бытует до тех пор, пока он «нужен» эпической среде. При постоянных войнах и набегах, постоянном ожидании опасности, постоянной готовности отразить нападение враждебных соседей или же самим совершить на них набег эпическая среда «требует» создания и бытования героико-эпических песен, воспевания и идеализации культа молодечества, удальства, геройства. Как отмечают ученые, суровая жизнь горцев, полная внешних и внутренних опасностей и тревог, требовала от членов общества высоких боевых качеств, и народная поэзия, являясь мощным средством воспитания, воспевала и утверждала идеал мыслимого в данную конкретно-историческую эпоху героя.[243]

Говоря о сюжетике ингушского песенного эпоса, следует отметить, что при наличии ряда общекавказских черт его сюжетные темы имеют много специфических, национальных особенностей. Сюжеты героико-эпических песен построены на эпическом вымысле и на известных условных допущениях, в принципе не согласующихся с законами правдоподобия.[244] «Эпический мир моделирует не конкретную историческую эпоху в жизни определенного общества с его событийной историей, реальными людьми, отношениями, бытом, но комплекс представлений народа о своем прошлом, в котором переплавлены исторический опыт, чаяния и ожидания, традиции предшествующих эпох, – и все это подвергнуто обработке «эпическим сознанием» и «эпической эстетикой»».[245]

Действительность в героическом эпосе, по мнению В.Я. Проппа, не столько изображается, сколько воспевается и героизируется. Поскольку эта действительность героическая – она не может быть ложью, и все, что в ней изображается, принимается на веру – таково, как справедливо отмечает В.Я. Пропп, убеждение народа.[246]

Нельзя идентифицировать эпический мир, время действия в эпосе с каким-то определенным историческим периодом. Попав в эпос, подвергаются переработке не только имена, характеры, внешние признаки и физические возможности героев, но и сама историческая реальность. Эпическая среда отвергает реальную историю, если она ее не «устраивает», если она не соответствует ее идеалам, представлениям, художественному сознанию, эпической эстетике, эпической трафаретности, и предлагает взамен свою, эпическую, историю.

В большинстве эпических песен не указывается ни место, ни тем более время действия. Слушателям просто дают понять, что действие происходит либо в «своем», либо в «чужом» мире. Наиболее отчетливо особенности историзма эпики «проявляются, прежде всего, в таких первоэлементах эпоса, как эпические конфликты, эпические герои, эпический фон».[247]

Если «свой» мир в песнях всячески идеализируется, то мир «чужой» рисуется как средоточие зла, откуда постоянно исходит угроза миру эпического героя. Наименования стран или сел приходят в ингушский эпос из реальной географии и истории, но, подвергшись переработке в соответствии с представлениями эпической среды, не могут служить ориентирами для вычисления маршрутов походов эпических героев.

То, как эпические герои преодолевают расстояния, выглядит подчас парадоксально. Одно и то же расстояние герой в одном направлении преодолевает длительное время, прилагая много сил, встречая массу препятствий, путь в другом направлении преодолевается без каких бы то ни было трудностей и затраты времени. У эпоса есть свои правила игры, лишь признав и приняв их, мы сможем ориентироваться в пространственно-временных отношениях.

Эпическая среда воспринимает эпос как действительную историю. Вопросы о том, когда и в каком месте происходит описываемое в эпосе событие, каков маршрут эпического героя и т. п. являются, с точки зрения эпической среды, незаконными, неуместными, нечестными, нарушающими эпические правила игры.

В песне «Вдовий сын и прекрасная Аза»[248] («Жерочун воIи тоам бола Азаи») девушка обещает выйти замуж за вдовьего сына в случае, если он доставит ей (по некоторым вариантам – ее отцу или брату) мундир «городского полковника». В ингушских песнях с подобным сюжетом не даются вовсе или же даются весьма слабые мотивировки того, зачем понадобилась невесте форма полковника. Учитывая представления и требования эпической среды, сама постановка такого вопроса представляется явно некорректной.

В некоторых песнях эпический герой идет дальше, он не только доставляет одежду эпического врага, но и сам переодевается в нее. Интересно, что «переодевание в одежду убитого – черта древнего быта, в поэзии восходящая к гомеровскому эпосу».[249] Мотив переодевания героя в одежду убитого врага присутствует и в песне «Муса, не имеющий брата». Люди в эпосе «по-эпически доверчивы и простодушны, но и по-эпически же прозорливы, по-эпически мужественны и по-эпически слабы; здесь они обретают сверхвозможности и здесь же подвергаются суду, какой в реальной обстановке вряд ли возможен».[250]

Главная задача эпоса заключается не в том, чтобы в точности сообщить нам исторические факты, а в том, чтобы передать реальную атмосферу, дух того времени, дать нам почувствовать отношение народа к историческим событиям, к защитникам «своего»

мира и представителям «чужого» мира. Устный эпос, как известно, очень редко сохраняет точность фактических деталей, но у него есть другое важное преимущество: эпос может хранить веками без радикальных изменений ту обобщенную оценку сущности события, какая отложилась в сознании широкой общественной среды.[251]

Илли насыщены разнообразными тропами, в них много гипербол, эпитетов, сравнений, метафор, благопожеланий и т. д.

Песни создавались безвестными, но талантливыми народными певцами – поэтами «илланчи». Большая часть илланчей, по наблюдениям З. Мальсагова, простые крестьяне, «не считающие поэзию своей специальностью».[252] Хотя, как отмечает Д. Мальсагов, был целый род Бисыркоевых, славившийся как прекрасные исполнители музыки и песен.[253]

Сам илланча должен был обладать высокими нравственными качествами, хорошо знать народные обычаи, обряды, фольклор и язык. Очевидно, что илланча всегда должен был иметь «в запасе» множество «заготовок»: сюжетов, поэтических формул, типических мест и т. д. По мнению исследователей И. Джабраиловой и Д. Чахкиева, по обычному праву ингушей убийство илланча считалось особо тяжким преступлением перед всем обществом.[254]

Все вышеизложенное убеждает нас в том, что эпический певец играл значительную роль в жизни средневекового ингушского общества. Он знал, чувствовал настроение, внутренний мир, психологию эпической среды. В его песнях звучало то, что в данный момент хотела услышать эпическая среда.

При кажущемся единообразии типических мест, тем и идей илли являются произведениями, имеющими определенный индивидуальный облик, который им придавала индивидуальность илланчей. Певцы-импровизаторы были выразителями народных идеалов.

Илли исполнялись мужчинами, слушателями бывали все. Типичную картину исполнения и прослушивания илли описал Н. Семенов, который пишет, что певец «…не пел, а только говорил в тон балалайке. Это было вроде нашего речитатива. Каждая строфа кончалась долгим и быстрым перебором струн. Но певец до того углубился в положение воспеваемого героя, что казалось, будто он импровизирует. Что-то вдохновенное слышалось в его голосе, полном тоскливого созерцания павшего абрека. Да, он действительно импровизировал, иначе бы ему не удалось так цельно пропеть всю эту песню...»[255] Илли исполнялись под аккомпанемент струнных инструментов (дахчан-пандар, чIондарг).

Малоземелье, бедность большинства населения, ограниченность сельского быта с его натуральными формами хозяйствования, строгая традиционность бытовых отношений в сочетании с постоянной военно-политической напряженностью в крае создавали предпосылки для длительного сохранения эпической среды. Эпические герои являлись образцом поведения. Многие песни начинаются и заканчиваются призывом к молодежи быть такими же смелыми, благородными, щедрыми, неутомимыми, как эпические герои.

Одной из характерных особенностей эпической среды является массовая популярность эпических песен в народе. Можно утверждать, что в период с XVI по начало XIX в. все ингушское общество составляло эпическую среду. Социальная дифференциация в ингушской эпической среде становится заметным и влиятельным фактором лишь во второй половине XIX в. До этого ингушское общество не знало сколько-нибудь серьезного имущественного неравенства и в большинстве своем было социально однородным.

Эпическая эпоха жизни народа является порождением, главным образом, культа героизма и военной доблести. Эпическая традиция поддерживается устойчивостью и преемственностью традиций бытовых, культурных, социально-психологических. Эти факторы могли иметь значение для сохранения эпической среды лишь постольку, поскольку с ними

связывался героический характер жизни, выражавшийся в активнейшем и самом непосредственном участии всего народа в борьбе против иноземных феодалов, против захватчиков, против представителей «чужого» мира.[256]

По целому ряду причин во второй половине XIX в. началось угасание жанра илли. Накопленные им богатые традиции и поэтические средства стали трансформироваться в другие жанры ингушского фольклора. В XIX в. все активнее заявляют о себе ингушские исторические песни, а некоторая часть героико-эпических песен уже тогда переходит в народные баллады и предания. В конце XIX – начале XX вв. среди ингушей все чаще начинают бытовать песни об абреках, разбойниках, народных мстителях, в финале которых песенный герой обычно погибает, более популярными становятся песни с трагическим финалом, навеянные пессимизмом и безысходностью.

Часть сюжетов, мотивов и поэтических формул ингушского песенного эпоса илли перешла в жанр шуточного сватовства зоахалол. Известно, что появление пародийных мотивов – это один из признаков завершения творческого этапа в жизни героического эпоса. Значительная часть ингушских героико-эпических песен трансформировалась в сказки, сказания и предания.

Примечания:

1 Тутаев А. Князь. Подг. к публ. Б. Газиков // Газ. «Сердало», 1997, № 83, 85-89, «Сердало», 1998, № 1,2.

2 Семенов Л.П. Брагунский мавзолей //Известия СОНИИ. Т. XVIII. Орджоникидзе, 1956. С. 203.

3 Лавров Л.И. Надписи мавзолея «Борга-Каш» // Известия ЧИНИИ. Т. V. Вып. 1. Грозный, 1964. С. 163.

4 Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа X-XIII вв. Ч. I. М., 1966. С. 48.

5 Даутова Р.А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 39.

6 Там же. С. 40.

7 Тутаев А. Князь. //Газ. «Сердало», 1997, № 89.

8 Генко А.Н. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ при Азиатском музее АНСССР. Т. V. Л., 1930; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963; Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС. Вып. II: «Очерки этнографии Горной Ингушетии». Тбилиси, 1968. С. 12-40; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия линия Северного Кавказа в XVIII – начало XX вв. М., 1974; Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971; Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Известия ЧИРКМ. Вып. 10. Грозный, 1961. С. 112-129; Мужухоев М.Б. Ингуши: страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995; Адисултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI – XVIII веках. Грозный, 1992; Багаев М.Х. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вайнахов с гор на плоскость (XIII – XVI вв.) // АЭС. Т. 2. Грозный, 1968; Газиков Б.Д. Этнический состав населения средневековой Осетии // Ученые записки школы-гимназии г. Назрань. Вып. 1. Назрань, 2002. С. 108-120; Кодзоев Н.Д. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 3-13.

9 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /Отв. Ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988.

10 Генко А.Н. Указ. соч.

11 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 64.

12 Там же.

13 Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 162.

14 Там же.

15 Гантемирова Г.А. К истории карабулаков // Известия ЧИРКМ. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 68.

16 Муталиев Т.Х.-Б. Благодаря силе и мужеству нации // Тернистый путь народа. М., 1992. С. 6.

17 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 62-63.

18 Вахушти Багратиони. География Грузии /Введение, перевод и примечания М.Г. Джананашвили. Тифлис, 1904. С. 137, 151-152.

19 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 111.

20 Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС. Вып. II: Очерки этнографии Горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 17.

21 Там же.

22 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 143.

23 Броневский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. В 2 томах: т.1. т.2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И.К. Павловой. СПб, 2004.

24 Вахушти Багратиони. Указ. соч. С. 151.

25 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 26.

26 Генко А.Н. Указ. соч.

27 Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 22.

28 Там же.

29 Там же.

30 Генко А.И. Указ. соч.

31 Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И. Указ. соч. С. 26.

32 Соснина Е.Л. Северный Кавказ по материалам графа Яна Потоцкого (1761-1815): Автореферат… канд. ист. наук. Владикавказ, 1998. С. 12.

33 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX вв. М., 1974. С. 161.

34 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 66.

35 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии. Т.1. Назрань, 2003. С. 103.

36 Мужухоев М.Б. Ингуши. Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995. С. 42.

37 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 71.

38 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-27 гг. // Известия ИНИИК. Вып.1. Владикавказ, 1928. С. 5.

39 Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 61-62.

40 Чахкиев Д.Ю. О территории и этнической основе зарождения боевых башен с пирамидальным венчанием на Кавказе //Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 153.

41 Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры // Архитектурное наследство. М, 1975. Вып. 23. С. 121.

42 См. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

43 Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры… С. 119.

44 Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры //Известия ИНИИК. Вып.1. Орджоникидзе, 1928. С. 277.

45 См. Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

46 Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977. С. 236.

47 Мужухоев М.Б. Ингуши… С. 30.

48 Там же.

49 Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С. 237-238.

50 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии… С. 132-133.

51 Гольдштейн А.Ф. Указ. соч. С. 229.

52 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

53 Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии. Грозный, 1977. С. 20.

54 Робакидзе Л.И. Жилища и поселения горных ингушей // КЭС. Вып. II. Тбилиси, 1968. С. 48-49.

55 Там же.

56 Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры…С. 126.

57 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1925-1927 гг…С. 14-15.

58 Каменная летопись в стране вайнахов /Сост. М.А. Азиев, Д.Ю. Чахкиев. М., 1994. С. 157, 166, 169; Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп у селения Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 67.

59 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

60 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия… С. 93; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

61 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 17, 67, 112, 118.

62 Там же.

63 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 116.

64 Он же. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Памятского могильника Горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 20-21.

65 Даутова П.А. О ранней группе мавзолеев Северного Кавказа // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 31-45.

66 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…; Каменная летопись страны вайнахов… С. 142.

67 Каменная летопись страны вайнахов… С. 142.

68 Чахкиев Д.Ю. Оружие вайнахов // Сабли рая (горское оружие в Кавказской войне). Грозный, 1992. С. 15, 20.

69 Описание разновидностей защитного вооружения по Д.Ю. Чахкиеву. Оружие вайнахов… С. 15-19.

70 О находках наручней и налокотников на Северном Кавказе, в частности в Горной Ингушетии, и их разновидностях, подробно: Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV вв.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. (Отдельный оттиск). Армавир, 2003. С. 137-140; Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых средневековых образцов вооружения вайнахов // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 74-78.

71 Мамаев Х.М., Чахкиев Д.Ю., Даутова Р.А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 44-80.

72 Чахкиев Д.Ю. Оружие вайнахов… С. 20-21.

73 Там же. С. 21-22.

74 Чахкиев Д.Ю. Копья и дротики у позднесредневековых вайнахов // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987. С. 67-78.

75 Чахкиев Д.Ю. Оружие вайнахов… С. 22.

76 О разновидностях ударного вооружения: булав, шестоперов, кистеней и других, подробно: Нарожный Е.И., Чахкиев Д.Ю. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XV вв.) //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. (Отдельный оттиск). Армавир, 2003. С. 126 – 137; Чахкиев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И. О хронологии и методах применения некоторых средневековых образцов вооружения вайнахов / /Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986. С. 70-75.

77 Ошаев Х.Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою // КЭС. II. Тбилиси, 1968. С. 118-127.

78 Чахкиев Д.Ю. Оружие вайнахов… С. 22-23.

79 Чахкиев Д.Ю. Новые воинские захоронения золотоордынского времени Паметского могильника Горной Ингушетии // Новое в археологии и этнографии: Сб. ст. Нальчик, 1998. С. 21.

80 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 21, 24, 30, 35, 37, 39, 45, 52, 57, 67, 73, 78, 95, 98, 102, 133.

81 Муталиев Т. Х-Б, Чахкиев Д.Ю. Славные сыновья и дочери Ингушетии // Архивный вестник ГАС РИ. Вып.1. Назрань, 2004. С. 46; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 57, 102.

82 Муталиев Т. Х-Б, Чахкиев Д.Ю. Славные сыновья и дочери Ингушетии… С. 47.

83 Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 129-135.

84 Гаствацатурян Э. Кавказское оружие XIX века // Северный Кавказ в истории России. XIX век. / ГИМ. Отв. Ред. В.М. Безотосный. М., 2004. С. 94.

85 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 95.

86 Юлиус фон Клапрот. Путешествие на Кавказ и в Грузию предпринятое в 1807 и 1808 годах /Извлечения. Пер. с нем. Б.Д. Газиков // Архивный вестник ГАС РИ. Вып. II. Назрань, 2005. С. 49.

87 Путешествие в Крым и на Кавказ Моритца фон Энгельгардта и Фридриха Паротта, доктора медицины // Ингушетия и ингуши. Сост. М. Яндиева. Назрань-М., 1999. С. 109.

88 См. Гаджиев В.Г. Якоб Рейнегс о Чечено-Ингушетии // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 21-35; Юлиус фон Клапрот. Путешествие на Кавказ и в Грузию предпринятое в 1807 и 1808 годах … С. 46-59; Путешествие в Крым и на Кавказ Моритца фон Энгельгардта и Фридриха Паротта… С. 102-115.

89 Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 93-94.

90 Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Ингуши: сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. Сост. А.Х. Танкиев. Саратов, 1996. С. 447.

91 Генко А.Н. Указ. соч. С. 731.

92 Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг // Новое в археологии и этнографии Ингушетии. Нальчик, 1998. С. 64.

93 Семенов Л.П. Указ. соч. С. 445-449.

94 Далгат Б. Первобытная религия чеченцев // ТС. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 119.

95 Мужухоев М.Б. К эволюции верований Центрального Кавказа в период Средневековья (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии) // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 81.

96 Семенов Л.П. Фригийские мотивы в древней ингушской культуре // Ингуши: Сб.ст. Сост. А.Х. Танкиев. Саратов, 1996. С. 450.

97 Мужухоев М.Б. К эволюции верований... С. 81.

98 Ужахов М.Р. Годичные циклы хозяйственных работ чеченцев и ингушей периода Средневековья. Грозный, 1979. С. 23.

99 Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р. О Верховном божестве северокавказской этнической общности // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008-2009 гг. СПб., 2009. С. 336-337.

100 Ужахов М.Р. Указ. соч. С. 10.

101 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 59.

102 Там же. С. 56-57.

103 Далгат Б. Первобытная религия чеченцев…

104 Там же. С. 101.

105 Шиллинг Е. Культ Тушоли у ингушей // Известия ИНИИК. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934. С. 98.

106 Захаров А.А. Ингушская богиня Тушоли // Известия ИНИИК. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934.

107 Могучий Села //Антология ингушского фольклора. Т.1. Сост. И.А. Дахкильгов… С. 121-122.

108 Ужахов М.Р. Указ. соч. С. 19.

109 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа (К истории религиозных верований X-XIX веках). Грозный, 1989. С. 82.

110 Дахкильгов И.А. Маьтлоам / Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя Ингушетия: публицистический сборник. Нальчик, 2007. С. 412.

111 Дахкильгов И.А. ГIалгIай календарах / Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя Ингушетия… С. 34.

112 Далгат У.Б. Указ. соч. С. 54-55.

113 Далгат У.Б. Указ. соч. С. 54.

114 Далгат У.Б. Указ. соч. С. 61.

115 Мадаева З.А. Летне-осенние календарные обычаи и обряды вайнахов и их связь с хозяйственным бытом (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 31.

116 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия…

117 Алборов Б.А. Ингушское «Галь-Ерды» и осетинское «Аларды» // Известия ИНИИК. Т.1. Владикавказ, 1928. С. 349.

118 Далгат У.Б. Указ. соч. С. 61.

119 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники… С. 85-86.

120 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

121 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1930-1932 гг. //Известия ИНИИК. Т. IV. Вып. 2. Орджоникидзе, 1934. С. 154.

122 Алмазов И.Г., Дзариева З.М., Чахкиев Д.Ю. Новые материалы о культовых памятниках позднего Средневековья Горной Ингушетии и Чечни // Новое в археологии и этнографии Ингушетии: Сб.ст. Нальчик, 1998. С. 32; Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии… С. 84.

123 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа… С. 19.

124 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в 1930-1932 гг… С. 175.

125 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

126 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа… С. 86.

127 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

128 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа… С. 87.

129 Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя Ингушетия… С. 212.

130 Далгат У.Б. Героический эпос чеченцев и ингушей… С. 61.

131 Алмазов И.Г., Дзариева З.М., Чахкиев Д.Ю. Указ. соч.

132 Антология ингушского фольклора. Т.1. С. 135.

133 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

134 Мужухоев М.Б. Средневековые культовые памятники … С. 21.

135 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии…

136 Там же. С.48.

137 Там же. С. 130.

138 Там же. С. 122.

139 См. Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.2. Одесса, 1883.

140 Мужухоев М.Б. Остеологические материалы из средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии /Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 88-93.

141 Мужухоев М.Б. Ингуши: Страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры. Саратов, 1995. С. 46.

142 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия… С. 122.

143 Там же. С. 128.

144 Гамкрелидзе Б.В. Из истории скотоводства в Ингушетии // КЭС. II. Тбилиси, 1968. С. 239.

145 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1988. С. 390.

146 Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // Ингуши: сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа… С. 112.

147 Ужахов М.Р. Указ. соч. С. 4.

148 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930-1932 гг. ... С. 169.

149 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия… С. 119.

150 Там же. С. 121-122.

151 Там же.

152 Мужухоев М.Б. Ингуши…С. 48.

153 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-XX вв. М., 1974. С. 164.

154 Кодзоев Н.Д. Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. Назрань, 2000. С. 122.

155 Мужухоев М.Б. Ингуши… С. 48.

156 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 14.

157 Путешествие в Крым и на Кавказ Моритца фон Энгельгардта и Фридриха Паротта… С. 114-115.

158 Хасиев С.-М. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 23.

159 Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия… С. 137.

160 Муталиев Т. Х.-Б, Чахкиев Д.Ю. Славные сыновья и дочери Ингушетии…С. 47.

161 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии… С. 126; Хасиев С-М. А. Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня)… С. 25.

162 Там же. С. 103.

163 Даутова Р.А. О генезисе и этнокультурной интерпретации некоторых типов серег и височных подвесок XIII-XVIII веков Горной Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 161; Мужухоев М.Б. Указ. соч. С. 49.

164 Мужухоев М.Б. Указ. соч. С. 49.

165 Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 133.

166 Там же.

167 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 133, 95, 52, 43, 41, 35.

168 Там же. С. 95.

169 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушии в 1930-1932 гг. С. 182.

170 Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 133.

171 Даутова Р.А. Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего Средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. цС. 78-86.

172 Чахкиев Д.Ю. Башнеобразный склеп в селении Пялинг …С. 65-66.

173 Крупнов Е.И. Указ соч. С. 134.

174 Семенов Л.П. Указ соч. С. 156.

175 Чахкиев Д.Ю. Древности Горной Ингушетии... С. 95.

176 Щеблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ, 1928. С. 29-30.

177 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 276.

178 Кокиев Г.А. Малокабардинские поселения в XVI-XVIII вв. на Северном Кавказе // Ученые записки КНИИ. Нальчик, 1947. С. 24-25.

179 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-XX вв. М., 1974. С. 143.

180 Там же.

181 Газиков Б.Д. Кабардинское проникновение в Ингушетию во второй половине XVI в. // Современные под-

ходы в исследовании проблем истории и языка ингушского народа: сб. тезисов республиканской науч. конф. Магас, 2002; Его же. Взгляд в прошлое: статьи по истории Ингушетии. Назрань, 2002; Кодзоев Н.Д. История ингушского народа: учебное пособие. Магас, 2002. С. 134-135; Его же. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 3-13.

182 Акиев Х.А. Этническая карта Северного Кавказа в середине XVI в. (К вопросу о поселениях ингушских племен в Дарьяльском ущелье) // Точка зрения: сб. ст. Назрань, 2006. С. 3-11.

183 Горепекин Ф.И. Краткие сведения о народе «ингуш» // ГАИМК. Кабинет Н.Я. Марра № 19 (рукопись). С. 4.

184 Генко А.И. Указ. соч. С. 705.

185 Шавхелишвили А.И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963. С. 16.

186 Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 117.

187 Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингуши в 1930-1932 гг. С. 164.

188 Генко А.И. Ука. соч. С. 698.

189 Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 161.

190 Там же. С. 153.

191 Там же. С. 154.

192 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 64.

193 Танкиев А.Х. Отражение процесса миграции населения Ингушетии в фольклоре вайнахов (XIX – начало XX в.) // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 124.

194 Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып.6. Тифлис, 1874.

195 Попов И.М. // Сборник сведений о Терской области. Вып. I. С. 263-264.

196 Генко А.И. Указ. соч. С. 684.

197 Танкиев А.Х. Указ. соч. С. 125.

198 Муталиев Т. Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации // Тернистый путь народа. М., 1992. С. 5.

199 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 277.

200 Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 69.

201 Там же. С. 62-63.

202 Кушева Е.Н. Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI-XVII вв.): сборник документов. М., 1997. С. 7.

203 Исаева Т.А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI – первой половине XVII в. // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI- начале XX в. Грозный, 1981. С. 12.

204 Ахмадов Я.З. Первое вайнахское посольство в Москву (1588-1589 гг.) // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.): Сб. ст. Грозный, 1983. С. 19.

205 Адилсултанов А.А. Акки и аккинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992. С. 13.

206 Там же. С. 12.

207 Там же. С. 13.

208 Там же. С. 14.

209 Мамакаев М. Чеченский тейп (род) в период его разложения. Грозный, 1970. С. 19.

210 Волкова Н.Г. Этнический состав… С. 154.

211 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 239.

212 Волкова Н.Г. Этнический состав… С. 125.

213 Буцковский А.М. Военно-топографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих Горских областей // РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 300.

214 Долбежев В.И. Археологические исследования в Терской области // Архивный вестник ГАС РИ. Вып. 1. С. 7.

215 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 61-62.

216 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 347.

217 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. С. 67.

218 Муталиев Т. Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации... С. 6.

219 Дахкильгов И.А. Ангушт // Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя родная Ингушетия... С. 17.

220 Там же. С. 19-20.

221 Мохк вIашагIтохарах // Ингушский фольклор. Сост. А.Х. Танкиев. (На инг. яз). Грозный, 1991. С. 26-27.

222 Виноградов В.Б. Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар-Армавир, 2004. С. 25, 28.

223 Муталиев Т.Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации... С. 17.

224 Кокиев Г.А. Малокабардинские поселения в XVI-XVIII вв. на Северном Кавказе // Ученые записки КНИИ. Т. II. Нальчик, 1947. С. 47.

225 Березов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII-XX вв.). Орджоникидзе, 1980. С. 42.

226 Генко А.Н. Указ. соч. С. 694.

227 Муталиев Т.Х.-Б. Указ. соч.

228 Генко А.Н. Указ. соч.

229 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 158.

230 Там же.

231 Муталиеву Т.Х.-Б. Указ. соч. С. 7.

232 Генко А.Н. Указ. соч.

233 Цит. по: Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 160.

234 Там же. С. 161.

235 Муталиев Т.Х.-Б. Указ. соч. С. 11.

236 Генко А.Н. Указ. соч.

237 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 157.

238 «Карта пограничной линии Российской империи между Каспийским и Азовским морями и земли близ линии лежащей. 1782 г.» // ГАРФ. Ф. 846, оп. 16, д. 25675.

239 Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 157.

240 Дахкильгов И.А. Исторический фольклор чеченцев и ингушей. Грозный, 1978. С. 97-98.

241 Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 58.

242 Путилов Б.Н. Героический эпос черногорцев. Л., 1982. С. 6.

243 Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М., 1981. С. 38.

244 Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 184-185.

245 Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 8.

246 Пропп В.Я. Фольклор и действительность: Поэтика фольклора. М., 1968. С. 83.

247 Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. С. 105.

248 Ингушский фольклор. (На инг.яз.). Составитель Осмиев Х.С. Грозный, 1959. С. 365-369.

249 Халанский М. Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893-1896. С. 676.

250 Путилов Б.Н. Героический эпос черногорцев. С. 175.

251 Азбелев С.Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 36.

252 Мальсагов З.К. Избранное. Нальчик, 1998. С. 57.

253 Мальсагов Д.Д. Современное состояние искусства в Ингушетии // «Революция и горец», N 2-3, 1932. С. 100

254 Джабраилова И., Чахкиев Д. Музыкальные инструменты в воинских захоронениях XVI-XVIII вв. в Горной Ингушетии // Газ. «Народное слово» , 28.03.1998.

255 Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПБ., 1895. С. 67.

256 Путилов Б.Н. Героический эпос черногорцев. Л., 1982. С. 9.

Глава IV

Взаимоотношения Ингушетии с Россией в XVI–XVIII вв.

1. Военно-политическое соперничество Турции, Ирана и России на Кавказе в XVI–XVII вв.

Российское государство с начала XVI в. уделяет все большее внимание восточной политике, отношениям с Османской империей, Сефевидским Ираном и Крымским ханством.[1]

Северный Кавказ и Закавказье, являясь важной геополитической зоной, занимали особое место в военно-стратегических и политических планах близлежащих великих держав России, Турции и Ирана.

Турецкая империя стремилась использовать территорию Северного Кавказа, с тем, чтобы со стороны Дагестана нанести удар по Ирану, а также установить непосредственные контакты со среднеазиатскими владетелями.

Со своей стороны Сефевидский Иран стремился овладеть стратегическими позициями на Северном Кавказе. Шах стремился прибрать к своим рукам Закавказье и Дагестан, выйти на Волжско-Астраханскую магистраль, установить свое безраздельное господство на Каспийском море, лишить Турцию и ее вассала Крымское ханство возможности осуществления связей с Бухарским ханством и другими среднеазиатскими владениями.

Россию Кавказ интересовал по ряду причин. Во-первых, как приграничная территория, во-вторых, как арена военно-политического противостояния с Турцией и Ираном. Кроме того, через его территорию проходили военно-стратегические и торговые пути, имевшие важное экономическое и политическое значение. Вдоль каспийского побережья Кавказа пролегал южный отрезок Волжско-Астрахано-Ширванского пути, который связывал Восточную Европу, и в первую очередь, русские земли, с Ираном и другими странами Ближнего и Среднего Востока. С этим путем была связана вторая важная военно-торговая магистраль, соединявшая Каспийское побережье Кавказа с Черноморско-Азовским побережьем.[2]

Активным проводником политики Турции на Северном Кавказе и Северном Причерноморье являлся ее вассал – Крымское ханство.[3] Конница крымского хана не раз принимала участие в военных действиях на Северо-Западном Кавказе, в Дагестане и Закавказье. Крымские татары совершали походы и непосредственно против России – в первой половине XVI в. они совершили сорок три таких набега-похода.[4] Одновременно и казанские татары разоряли восточные земли России, действуя зачастую в союзе с Крымским ханом. Российское правительство предпринимало попытки установить дружеские отношения с Турцией с тем, чтобы через Турцию оказав воздействие на Крым, остановить походы крымчаков против России. Но эти попытки ни к чему не привели, поскольку Турция выступала против усиления России в регионе, тем более, что геополитические интересы России в татарских государствах Поволжья неизбежно толкали ее на решение проблемы военным путем, что не могло не беспокоить Турцию.

В рассматриваемый период наибольшую опасность для России представляли Турецкая империя и Крымское ханство. Что же касается Ирана, то интересы его резко противостояли политике Турции и сефевиды на определенном этапе объективно становились даже союзниками Московского государства.

Уже в конце первой половины XVI в., используя войска, а также политические связи крымских ханов, правящие круги Турецкой империи предпринимают определенные шаги, чтобы закрепиться на Северном Кавказе, а также поддержать ослабевшие Казанское и Астраханское ханства.

Война России с Казанским ханством началась в 1545 г., и долгое время была для нее неудачной из-за активной поддержки Казани Крымом. Противоречия между Турцией и

Ираном, которые вылились в войну 1548-1555 гг., отвлекли крымские силы, что позволило Ивану Грозному одержать победу над Казанью в 1552 г. С падением Казани был прорван единый фронт татарских государств. Россия не только укрепила свои границы, но и вскоре их расширила – в 1556 г. было завоевано Астраханское ханство. После присоединения к России Астрахань становится важнейшим центром экономических и политических связей с народами Северного Кавказа.

Со второй половины XVI в., после завоевания Казанского и Астраханского ханств, и последовавшего за ним присоединения земель Большой Ногайской орды, границы России вплотную приблизились к Северному Кавказу.

Успехи России в завоевании Казани и Астрахани вызвали соответствующую реакцию среди народов Северного Кавказа. К этому периоду относятся первые контакты верхов некоторых северокавказских народов с Москвой. Историк Кавказской войны В.А. Потто отмечал: «Слава покорителя Казани пронеслась далеко за пределы тогдашней Руси – пятигорские черкесы первые послали в Москву свою депутацию, явившуюся к царю в том же 1552 г. Она просила от лица всей пятигорской земли принять ее в подданство и дать ей защиту и помощь против крымского хана. Крымцы встревожились».[5] Со своей стороны, правительство Ивана IV, заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ, также искало союзников среди народов Северного Кавказа.

Обозначившийся переход части северокавказских народов на сторону России значительно ослабил позиции Турции и Крыма на Северном Кавказе и в то же время заложил там фундамент для русского влияния.

Россия предполагала использовать горцев Северного Кавказа в борьбе против турок и крымчаков, продолжавших набегами разорять окраины русского государства. С этой целью в 1553 г. на Северный Кавказ был направлен посол А. Щепотьев. В августе 1554 г. посол вернулся в Москву с известием, что черкесы «дали присягу всей землей».[6]

Летом 1555 г. к Ивану IV прибыло представительное посольство от адыгских народов, состоящее из 150 человек, и приняло присягу подданства. В 1557 г. в Москву через Астрахань прибыли дагестанские послы от шамхала Казикумухского и правителя Тюменского ханства, находившегося в устье Терека, с просьбой о принятии в подданство и о защите их от врагов «со всех сторон».[7]

В истории сближения России с Северным Кавказом важной датой следует считать 1557 г., когда в Москву прибыло посольство от кабардинских князей Темрюка Идарова и Тазрюта с просьбой «чтобы их государь пожаловал и велел себе служить». Кабардинские послы, прибыв в Москву, сообщили государю, что «иверский князь» (т. е. царь Кахетии) просит, чтобы русский царь пожаловал его, как и черкесских князей. Кабардинский посол добавил, что между Кабардой и Грузией существуют дружба и взаимопонимание, а потому он уполномочен вести с русским царем переговоры и от имени грузинского царя и «всей Иверской земли» с которой кабардинские князья состоят в «одной правде и заговоре».[8]

Кабарда была принята под российское покровительство, но признание их подданными русского царя, а также их служба Русскому государству в этот период не означали установления господства Москвы над Кабардой и, соответственно, не привели к назначению там русской администрации. В то же время часть владетелей Кабарды и Дагестана придерживались протурецкой или проиранской ориентации. В зависимости от политической ситуации и своих личных интересов, они поддерживали ту или иную сторону.

Кабардинские князья неоднократно обращались к России за помощью в борьбе против своих политических противников на Северном Кавказе. В то же время кабардинская конница привлекалась в военных действиях против Крымского ханства. В 1560 г. был

осуществлен поход царских войск на Северный Кавказ, задачами которого, вероятно, были разгром шамхала Тарковского и Тюмени, выход в Кабарду и даже ее крещение. Некоторые кабардинские князья согласились на принятие царских воевод и на переход в христианскую веру.[9] Однако поход не умел успеха, и поставленные задачи не были реализованы.

В этот период в предгорно-плоскостной зоне части современных Осетии и Ингушетии уже существовали ингушские поселения. Сохранились записи ингушских преданий, свидетельствующих о том, что до прихода кабардинцев в район рек Терек, Камбилеевка, Сунжа и Назранка, в этой зоне проживало ингушское население.

Так, например, в песне-легенде «Махкинан», записанной В. Козьминым и опубликованной в газете «Кавказ» в 1895 г., говорится, что «лет триста назад» ингуши жили в долине Сунжи «до гор Ачалукских».[10]

О причинах ухода ингушей в горы, связанных с кабардинскими миграциями, имеется и другая запись В. Козьмина: «Сакля примыкала к старому прадедовскому жилищу Джантемира – высокой трехэтажной башне, возвышавшейся пред группою низеньких одноэтажных построек, как гигант перед пигмеями. Она имела 65 футов высоты и по тридцати футов длины и ширины в четырехугольном основании. Нижний этаж ее служил конюшней и хлевом для загона лошадей и другого скота, а средний и верхний предназначались для жилья всей семьи. Башне этой, выстроенной из крупных шиферных плит, насчитывалось около полутораста лет. Она выстроена прапрадедом теперешнего хозяина, неким Янди, пришедшим сюда с Назрановской плоскости. Как рассказывают, он был вынужден покинуть тамошнюю привольную жизнь вследствие притеснения кабардинских князей, властвовавших тогда на равнине».[11]

Положение Кабарды на Кавказе особенно укрепилось после женитьбы в 1561 г. Ивана Грозного на дочери Темрюка Идарова – Гошаней, принявшей при крещении имя Мария.[12]

Кабардинские князья стремились при помощи России занять господствующее положение на всем Северном Кавказе. Одним из направлений интересов кабардинских князей являлись земли в бассейне рек Терека и Сунжи, прилегавшие к главной артерии, соединявшей Центральный Кавказ с Закавказьем, – Дарьялу. Здесь они столкнулись с ингушскими селениями и попытались взять их под свой контроль, но видимо безуспешно, поскольку Темрюк вновь обращается за помощью к России.

В 1562 г. на Северный Кавказ были направлены царские войска во главе с Григорием Плещеевым. В Астрахани воеводу встретили Темрюк Идаров и его старший сын. На помощь к Темрюку пришел также отряд ногайцев. Готовился большой поход на Центральный Кавказ.

Некоторые исследователи отмечают, что между кабардинскими князьями шла борьба за «татцкие», то есть не кабардинские, земли. Ряд исследователей также полагает, что «Мщанские», «Сонские» и «Татцкие» земли, упоминающиеся в описании похода, находились между Кабардой и Грузией. Вероятно, конечной целью этого похода было установление контроля над главной дорогой в Грузию, для чего требовалось подчинить местное ингушское население и тем самым получить возможность свободного сообщения с Закавказьем из Центрального Кавказа. К этому же периоду относится и посольство царя Левана к Ивану Грозному. В результате в Грузию через Дарьял был отправлен первый русский отряд.[13] Грузия также была заинтересована в обеспечении путей для связи с Северным Кавказом и Россией.

В 1562 г. кабардинские князья совместно с ногайскими мурзами и объединенным отрядом стрелков русского царя и казаков во главе с Г. Плещеевым совершили поход на Цен-

тральный Кавказ. Действия разворачивались на ингушской территории и вызвали исход ингушей с междуречья Терека и Камбилеевки и долины реки Сунжи.[14] Вероятней всего, поход был направлен на территории, прилегающие к Дарьялу с запада и востока – долины рек Гизель, Терека, Камбилеевки и Сунжи.

Сведения о походе Темрюка Идаровича на Центральный Кавказ содержатся в документах из Посольского приказа Русского государства: «...того же месяца октября в 3 день приехал ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русии Григорий Семенов сын Плещеева с Черкас Пятигорских, а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темгрюку-князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов от черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. А сказывал Григорей – пришел он в Астрохань в 71-м [в 1562 – Ред.] году ноября в 3 день, а Темгрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрохань и с сыном своим з Доманук. И Темгрюк-князь и сын его Доманук-мирза в Черкасы пришли декабря в 6 день, а Григорей в Черкасы с ними же пришел, а с ним голова стрелецкая Григорей Вражской, а с ним стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек. И Темгрюк со государственными людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добили челом Темгрюку-князю, и дань Темгрюк-князь на них положил. И воевал землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля. А отпустил Темгрюк Григориа ко царю и великому князю».[15]

Документ датирован октябрем 1563 года (7072 г. по древнерусскому летоисчислению от сотворения мира). В октябре 1563 г. в Москву вернулся Григорий Плещеев и отчитался перед царем. В документе говорится, что Темрюк с русскими стрельцами и казаками, общим числом в 1000 человек, начал поход 6 декабря 1562 г. (7071 г.), а поход длился 11 дней. Таким образом, поход Темрюка состоялся с 6 по 17 декабря 1562 г.

Сведения о кабардинском походе сохранились в преданиях ингушей. В предании о Бексултане Борагане, в котором, по-видимому, отразились разновременные сюжеты, рассказывается, что Бексултан и его дружина вместе с ингушами боролись против напавших на них кабардинцев. Действия эти происходили в районе Назрани.[16]

В песне-легенде «Махкинан» сюжет похода 1562 г. просматривается предельно ясно:

«Когда это было – никто не упомнит…
Должно быть лет триста назад.
Народ наш в то время богатый,
Живучи в долине Доксольджи,[17]
Размножился быстро
До гор Ачалукских,
И жил бы доселе,
Если бы не дьявол,
Которому стало досадно,
Что людям привольно живется…
И вот потому-то, однажды,
Ночною порою
Ногайские орды

С толпой кабардинских князей
Напали на наши селенья,
Жители коих все спали спокойно.
Резня началась повсюду,
И кровь обагрила долину…
Пожары везде запылали…
Прадеды наши,
Вскочивши спросонья,
Оружия в руках не имели.
Дабы отразить нападение
И гибли все в яростной битве.
Женщины же, девы и дети
Горько рыдали,
В плен попадая к ногайцам.
Скоро управился
Враг беспощадный
С нашим несчастным народом…
Кто уцелел,
Так бежал прямо в горы,
Спасаться в скалистых пещерах…»[18]

В этой песне-легенде указывается, что ко времени кабардинского похода ингуши жили в районе «Большой Сунжи» (район Назрани) и до «гор Ачалукских» (Сунженский хребет), что вместе с кабардинцами на ингушские селения напали ногайцы.

С.А. Белокуров отмечает: «По велению русского царя в 1562 году кабардинский князь Темрюк и ногайский мурза Исмаил заключают договор «объема за один бытии на недругов и с други дружиться за один же».[19] Военно-политические союзы, по обычаю своего времени закреплялись брачными узами правящих династий. Иван Грозный был женат на дочери Темрюка Гошаней, на другой его дочери Малхуруб был женат сын ногайского правителя Исмаил-мурзы Тинехмат.

Объединенный поход кабардинских, ногайских и русских войск был направлен через Эльхотовские ворота на прилегающие к Дарьяльскому ущелью земли, и далее продолжался вдоль Черных гор до устья р. Сунжи. В результате этого похода и разгрома ингушей, живших на этой территории, в устье Сунжи была основана первая русская крепость для защиты Темрюка от его «недругов», она же стала первым форпостом Российского государства на Северном Кавказе.

Этот поход вызвал исход ингушей с территории Двалетии. Оставшиеся на местах двалы были ассимилированы позже грузинами и поселившимися на этой территории под покровительством кабардинцев ираноязычными осетинами. Несколькими потоками беженцы с этой территории, получившие название аькккхий (инг.: «изгнанники, беженцы»; русс.: «ококи, окочане, акинцы») переселились на восток – в Арамхинское ущелье (ближние кисты; часть которых в XVII в. переселилась в Тушетию – бацбийцы), в Аргунское ущелье (дальние кисты) и далее, через Аргун, на территорию проживания дагестанских племен. В конце XVI в. акинцы появляются в Терско-Сулакском междуречье.[20]

В связи с походом Плещеева возник спорный вопрос о времени построения первого русского укрепленного пункта на Северном Кавказе.

В источнике говорится о построении этого укрепления в 1563 г.[21] Некоторые исследователи полагают, что первая русская крепость была основана в 1567 г. по просьбе Темрюка, который в 1566 г. направил в Москву посольство с просьбой построить в устье р. Сунжи укрепленный городок.[22] Наиболее вероятным представляется мнение П. Юдина, что крепость была поставлена при слиянии Сунжи с Тереком в 1563 г., а в 1567 г. только восстановлена.[23]

В 1563 г. отряд Плещеева вернулся в Москву, после их ухода крепость просуществовала недолго. В 1564 г. сын Темрюка сообщил: «Темрюку князю пришли многие тесноты от черкес и ему непослушны во всем».[24]

Не исключено, что против Темрюка выступили ингуши, которых он пытался подчинить в 1562-1563 гг. В 1565 г. вновь были посланы русские войска, пришедшие в Кабарду в 1566 г. В декабре того же года в Москву приехал «Матлов князь Темрюкович» с просьбой о построении на Тереке городка.

Для строительства крепости было выбрано место слияния рек Сунжи и Терека. Эта крепость должна была защищать интересы Российского государства в регионе и способствовать развитию русско-северокавказских связей.

Экспедиции русских войск, строительство укреплений, усиление политического влияния России в северокавказском регионе вызвали негативную реакцию ряда дагестанских владетелй. Встревожены были и турки, позиционировавшие себя покровителями северокавказских и татарских народов. Турция и Крым решили силой оружия ликвидировать новую русскую крепость. Турецкий султан выдвинул царю Ивану IV требования в ультимативной форме: «астраханскую дорогу отперети и оставити город на Тереке».[25] В 1569 г. началась первая русско-турецкая война, которая велась за контроль над устьем Волги и за Северный Кавказ. Для защиты Астрахани направлены были крупные силы русских войск, были задействованы гарнизон «Терского города и кабардинская конница».[26]

Воспользовавшись Ливонской войной, отвлекавшей внимание Ивана IV от южного направления, войска Девлет-Гирея в 1571 г. напали на Москву и сожгли значительную часть города. В июле 1572 г. в решающем сражении на р. Пахре русские войска одержали победу над крымской армией. Казань и Астрахань остались в составе России.[27]

Что касается вопроса о «Терском городке», то Иван IV, учитывая международную обстановку и сложное положение в Прибалтике, был вынужден отступить перед турецко-крымской угрозой. В 1572 г. русские войска из Терского городка были выведены. Но уже, в 1578 г. на том же самом месте вновь была построена деревянная крепость, снабженная артиллерией. Это вызвало негативную реакцию в Стамбуле и стало одной из причин создания антирусского военно-политического союза. В состав этого союза вошли Речь Посполитая, Османская империя и Крым. В 1580 г. Русскому правительству пришлось вновь ликвидировать крепость на Тереке.

В 1586 г. в Москву прибыло посольство Кахетии, которое настоятельно просило восстановить крепость для обеспечения устойчивой связи между Астраханью и Грузией. С аналогичной просьбой обратились вновь князья Кабарды и владетели «Окоцкой земли».

В этой ситуации решено было восстановить крепость на Тереке, но на этот раз она была сооружена не у впадения Сунжи в Терек, а в устье Терека.

С 1588 г. начался новый этап в политической истории региона, присутствие России на Тереке сделалось постоянным и русское государство значительно активизировало свои действия на юге.

Русские письменные источники, датируемые концом XVI в., говорящие о заключении соглашения с притерскими окочанами, в качестве субъекта договора упоминают

«старшину» Ших-Мурзу Окоцкого (Аккинского). И далее в архивных документах можно встретить неоднократные упоминания об аккинских (ингушских) «старшинах», «мурзах», «владетелях».[28]

Окоцкие владетели принимали участие в военных предприятиях царского правительства. «Ококи» вместе с казаками не только охраняли пограничные рубежи России от турецко-крымских вторжений, но и активно способствовали укреплению позиций России на Северном Кавказе. В челобитной Ших-Мурзы к царю Федору Ивановичу о принятии аккинцев под свое подданство говорилось: «Прежде сего, которые ваши государевы на Тереке городы были и в те поры, я с отцом своим Ушаром-Мурзою тебе государю верою и правдою служили».[29]

Царь посчитал необходимым ответить Ших-Мурзе специальной грамотой, а вместе с ней были переданы дорогие и почетные подарки. В грамоте царя говорилось: «Держати тебя и твое владение под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим от всяких недругов и воеводам нашим Астраханским и Терским и о том приказ наш крепок».[30]

Для России иметь «ококов» в числе своих союзников было тем более важно, что восточные соседи их – кумыкские владетели – были в «дружбе и в любви» с крымским ханом».[31] Окоцкое владение играло важную роль в обеспечении безопасности пути, связывающего Астрахань с Терским городком.[32]

Ших-Мурза обеспечивал продовольственное снабжение воевод во время строительства крепости.[33] А в годы засилья турок и крымчаков на Северном Кавказе, действуя во главе казацких и окоцких отрядов Терского городка, прервал сообщение турок между Азовом и Дербентом, участвовал во всех антитурецких акциях кавказских владельцев.[34]

После передачи Ших-Мурзе царской грамоты и подарков с просьбой о принятии в подданство России обратился и его брат Салтан-Мурза – старшина аула Ларс в Дарьяльском ущелье.[35]

Ингушский аул Ларс имел стратегическое значение благодаря контролю над важным участом дороги в Дарьяльском проходе. Салтан-Мурза, мотивируя свое желание вступить в российское подданство, писал: «Хочу государю же служити по свою смерть, как служит брат мой Ших-Мурза Окоцкий».[36]

В 1586 г. кахетинский царь Александр отправил послов в Москву с просьбой о подданстве.[37] В 1587 г. русским царем в Грузию было направлено посольство во главе с Родионом Биркиным и Петром Пивовым. Путь их пролегал из Москвы на Астрахань, из Астрахани – на Терек. Окочане, зачисленные в разряд «служилых людей Терского города», были проводниками и переводчиками для царских послов ко всем представителям горских обществ, «в походы и во всякие государевы службы… ходили с государевыми воеводами из головами стрелецкими и с вольными атаманами казачьи». Находясь на этой службе, многие из окочан «головы свои поклали, побиты на смерть».[38]

Посольства во главе с Р. Биркиным и П. Пивовым (1587-1588 гг.), С. Звенигородским и Т. Антоновым (1589-1590 гг.), М. Татищевым (1604-1605 гг.), Ф. Волконским (1637-1638 гг.) следовали по маршруту от устья Сунжи до реки Камбилеевки, где их берега наиболее близко подходили к восточному берегу Терека. Перейдя Терек, далее следовали к Дарьяльскому проходу или сворачивали налево, в долину реки Армхи, и двигались к Архотскому перевалу.[39] В частности, по причине осложнения отношений грузинского царя Теймураза с арагвинским эриставом, контролировавшим часть Дарьяльского ущелья по последнему пути, следовало в 1637 г. посольство князя Ф. Волконского и дьяка А. Хватова. Посольство свернуло от Ларса в ущелье р. Кистинки (ОхкарочIож – инг.), где было встречено ингушским владельцем Хавсой и сопровождено далее до границы с Грузией.[40] В посоль-

ских документах содержится описание ущелья, населенного ингушами: «И того же дни послы, перешли кабаки горских владельцев. А те кабаки стоят по обе стороны того ручья. Дворы у них в горах каменные. А ходят мужики по-черкесски, а жонки носят на головах, что роги вверх в поларшина».[41] Примечательно, что документ содержит наиболее раннее упоминание традиционного головного убора ингушских женщин, известного по находкам из погребальных памятников Горной Ингушетии XVI-XVIII вв., – «курхарса» с отличительными особенностями, подмеченными послами: «что роги вверх в поларшина».

Во время нахождения посольства в Горной Ингушетии владелец Хавса выразил русским послам свое желание перейти в подданство России. В 1638 г. грузинский правитель Теймураз отмечал верное служение Хавсы Грузии и России.[42]

Расстановка сил на Северном Кавказе в конце 80-90-х гг. XVI в. благоприятствовала России. Иран и Турция увязли в войне и поэтому не могли эффективно заниматься северокавказскими делами. В 1589 г. завершилось очередное строительство Терского городка.

В это время происходит сближение России с Восточной Грузией. С этого периода в титул русского царя было внесено добавление: «Государь иверские земли, картальских и грузинских царей и кабардинские земли черкасских и горских князей… государь».

В то же время, воспользовавшись тяжелым внутриполитическим положением России в начале XVII в., Турция и Крымское ханство активизируют свои военно-политические акции на Северном Кавказе. Однако они встречают упорное сопротивление большинства северокавказских народов, что позволило России уже вскоре после Смутного времени перейти к более активной политике на Кавказе, тем более что свои завоевания и границы на Северо-Восточном Кавказе по Тереку ей удалось сохранить, как и крепость Терки. Основное направление политики Москвы в регионе осталось прежним – это защита своих союзников на Северном Кавказе и налаживание новых связей с северокавказскими народами, закрепление своих позиций на Кавказе в целом через покровительство грузинским царям.

Укрепление позиций России на Северо-Восточном Кавказе, в том числе активизация взаимоотношений с кумыкскими владетелями, как и политика в Грузии, постепенно обостряло отношения с Ираном.

В 1616 г. в Закавказье между Ираном и Турцией возобновились военные действия, которые с перерывами продолжались до 1639 г. В борьбе против Ирана Турция активно использовала Крымское ханство. С целью привлечь на свою сторону северокавказских владетелей и тем самым обеспечить свободный проход через их земли своих войск султан направлял щедрые подарки и грамоты дагестанским и кабардинским владетелям. Последним приходилось проводить политику лавирования, учитывая в своих действиях позиции великих держав. В целях самосохранения они зачастую шли и на вынужденное признание двойного, а то и тройного подданства.

После заключения в 1639 г. с Турцией мирного договора Иран стал готовиться к переходу к решительным действиям против России, поставив перед собой целью установить полный контроль над Дагестаном и в целом над Северо-Восточным Кавказом.[43]

Агрессивные планы и действия Ирана вынудили некоторых владетелей Дагестана обратиться за помощью к русскому правительству, добиваясь покровительства и принятия в подданство. По просьбе Эндерийских владетелей был восстановлен Сунженский острог, и это событие совпало по времени с обновлением засечной черты на южной границе России, где было вновь построено 28 крепостей.[44]

В начале 1650-х гг. Иран начинает военные акции на территориях, контролируемых Россией. При этом, Иран, не ввязываясь в открытое противостояние, действовал через

связанных с ним местных владетелей. По приказу шаха Аббаса II проводник его политики в регионе Шемахинский хан организует нападение войск кумыков во главе с Шамхалом Тарковским на вновь отстроенный Сунженский острог. Ханы закавказских провинций Ирана должны были одновременно наступать на Терский город.[45]

Однако военные акции, спровоцированные Ираном на Северо-Восточном Кавказе, не имели успеха. Россия заявила, что нападения на крепости на Тереке и Сунже, расценивает как нарушение ее границ и потребовала от шаха немедленного вывода войск из Дагестана, угрожая начать ответные военные действия против самого шаха. Не желая вступать в открытую борьбу, шах возвратил свои войска в Закавказье. Это еще больше подняло престиж русского правительства на Кавказе и усилило ориентацию народов Дагестана и в целом Северного Кавказа на Россию.

Русско-иранский конфликт на Тереке и Сунже не имел дальнейшего развития в этот период, Иран и Россия не желали открытого межгосударственного столкновения. Немалое значение для укрепления позиций России в конфликте с Ираном имела поддержка, оказанная северокавказскими народами, в частности служилыми горцами – окочанами и кабардинцами, которые сражались бок о бок с казаками и стрельцами, защищая русские крепости на Тереке и Сунже.

Большую роль в XVII в. стал играть Терский городок. Он превращается в крупный экономический центр, где пересекаются торговые пути не только из Причерноморья и Закавказья, но и из Средней Азии. В начале XVII в. под стенами Терского городка, в его заречной части, сложились различные «слободы великие», занятые северокавказским населением: Черкесская, Окоцкая, Новокрещенская и Татарская. К концу XVII в. в Окоцкой слободе насчитывалось 160 дворов окочан.[46] Население этих слобод находилось на военной, дипломатической и административной службе у Русского государства.[47]

2. Попытки христианизации ингушей со стороны России

Царское правительство, приступив к освоению Северного Кавказа, рассматривало все возможные варианты для более основательного утверждения в этом регионе. Одним из важных направлений в рамках «установления владычества» на Кавказе, являлась политика христианизации. Первые христианские миссионеры на Северный Кавказ были направлены еще императрицей Елизаветой Петровной, и хотя их деятельность не принесла больших результатов, христианизация с этого времени становится одним из приоритетных направлений и способов мирной «духовной» интеграции северокавказского региона в пространство Российской империи и в качестве такового была поставлена на государственный уровень.[48]

Центрами пропаганды христианства среди горцев стали города Кизляр и Моздок. В качестве проповедников христианства были привлечены грузинские священники.[49]

К началу 1745 г. в Моздоке была учреждена специальная духовная комиссия для проповедования основ христианства и обращения в православие горцев. Начальником этой комиссии был назначен грузинский архимандрит Пахомий, который прибыл с «причетниками» из Санкт-Петербурга. Комиссия проводила пропаганду православия в ингушских и осетинских обществах и руководствовалась задачей «восстановления падшего христианства» среди этих народов. «Члены духовной комиссии проникали вглубь горных ущелий, одновременно с миссионерской деятельностью собирали сведения экономического и военного характера, представляющие значительный интерес для царского правительства

в его подготовке к активной политике на Кавказе, плацдарме между Россией и соперничавшими с ней державами». Распространяя православие среди ингушей, царское правительство преследовало прежде всего политические цели, используя идеи христианства как орудие политического влияния. «Духовная комиссия имела свои «подворья» в устье Куртатинского ущелья, а по свидетельству И.А. Гюльденштедта – и у ингушского аула Ангушт».[50]

О том значении, которое придавалось миссии архимандрита Пахомия, бывшего духовника царя Картли Вахтанга VI, можно судить хотя бы по тому, что правительствующий сенат только за три года (1747-1749) на своих заседаниях семнадцать раз рассматривал вопросы ее деятельности.[51]

В 1761 г. к ингушам был послан полковник Петр Гак, который предложил им переселиться на Моздокскую линию. Ингуши ответили согласием. В Моздоке 27 сентября 1764 г. была учреждена Духовная осетинская школа[52] для обучения ингушских и осетинских детей, в ней преподавались основы православия и российская грамота.

Осетинская духовная комиссия была подчинена российской администрации на Северном Кавказе – Кизлярскому коменданту и Святейшему Синоду в Петербурге и состояла из русских и грузинских духовных лиц. Руководителем комиссии был назначен протопоп Афанасий Лебедев, которому дано было от Святейшего Синода тайное наставление, каким образом следует поступать в обращении ингушей и осетин в греко-российскую веру.[53]

Принимающим христианство предоставлялись льготы в торговле, выплачивались деньги, делались подарки. Для многих из горцев, побуждением к принятию православия являлось желание получить 50 копеек, холст на рубаху и крестик, которыми снабжали каждого новообращенного. Н.Ф. Грабовский отмечал, что «один из стариков рассказывал, что он, подобно другим, несколько раз крестился, чтобы получить – деньги, рубаху и крестик».[54] Женщинам давали зеркальце и ножницы. На выделяемых для вознаграждения горцев финансовых средствах зачастую наживались нечистоплотные священники, и материально заинтересованные в продолжении своей деятельности члены комиссии докладывали в Петербург о своих больших успехах в миссионерской деятельности.

Невежество части священнослужителей, грубое отношение и нежелание считаться с местными обычаями и особенностями быта зачастую приводили к конфликтам между местным населением и членами комиссии.[55] Результат деятельности комиссии был достаточно скромным. По данным Д. Лаврова, в Ингушетии и Осетии за 21 год ее деятельности обращено в христианство 2141 чел.[56] По другим данным, за тот же период Моздокской Осетинской комиссией «были окрещены 6657 душ».[57] Постепенно деятельность указанной комиссии была свернута.

Неудачей окончилась также деятельность двух католических патеров, проникших к ингушам в 1765 г. Они вынуждены были покинуть Ингушетию, так как Коллегия иностранных дел предписала захватить их и впредь подобных патеров не допускать к проповеди в этом народе.[58]

В начале XIX в. Россия вновь обращается к идее обращения ингушей в православие. При этом проповедь христианской религии среди ингушей значительно усилилась, а меры христианизации стали приобретать насильственный характер. Распространяя христианство, российское правительство всячески старалось противодействовать исламу, который завоевывал позиции среди ингушей. Так в акте о принятии подданства России 1810 г., подписанном представителями некоторых ингушских обществ, ингуши обязались не допускать мулл в свои селения и не строить мечети.[59] Но несмотря на это обязательство, ислам все больше проникал в Ингушетии, и это обстоятельство вынуждало российскую

администрацию действовать в деле обращения горцев в православие все более решительнее и активнее.

В 1812 г. в отношении министра внутренних дел князя Голицына к главнокомандующему в Грузии генерал-лейтенанту Паулуччи говорилось о необходимости обращения осетин и ингушей в христианскую веру.[60] Активное развитие политика христианизации в Ингушетии приобретает при кавказской администрации генерала Ермолова и его приемниках. Генерал А.П. Ермолов, один из самых ревностных проводников колониальной политики царизма на Кавказе, еще в начале своей деятельности на Кавказе принял меры по усилению христианской пропаганды в ингушских обществах, сочетая их с мерами по противодействию распространению ислама в их среде.[61] В 1819 г. в специальном письме к митрополиту Феофилакту Ермолов просил направить «известных поведением и отличного качества проповедников для просвещения ингушей. Народ сей от природы кроткий и трудолюбивый, занимается скотоводством и хлебопашеством, – писал он, – религии же никакой у себя не имеет, кроме некоторых идолопоклоннических обрядов».[62] По его просьбе к ингушам были направлены миссионеры, и в первое время казалось, что они легко добьются в этом деле успеха. В письме от 6 ноября 1820 г. митрополит Феофилакт писал А.П. Ермолову, «что нашел их [ингушей – Ред.] гораздо сговорчивее».[63] Однако уже вскоре отмечалось нежелание ингушей креститься. В рапорте коменданта Владикавказа полковника Скворцова от 31 января 1821 г. указывается, что ингуши тянут время, не желая креститься, что выявлено наличие в Назрани людей, принявших ислам. Но выдать их ингуши отказались. В резолюции Вельяминова на этот рапорт значилось: «Полковнику Скворцову отвечать, что хотя весьма бы желательно было, чтобы ингуши приняли христианскую религию, но если сего невозможно сделать без возбуждения всеобщего бунта, то, истощив все меры кротости в приведении их к христианской религии, в случае неудачи оставить их в покое. Между тем стараться описать все фамилии, принявшие мухаммеданскую веру и всех тех, кои отклоняют народ к принятию христианства, сих последних – не теперь, но при благоприятнейшем случае можно будет схватить…»[64]

О сложном характере и противоречиях процесса христианизации свидетельствуют документы, относящиеся к 20-40-м годам XIX в., в которых донесения о достигнутых успехах в деле обращения ингушей в православие соседствуют с сообщениями об активном противодействии этому процессу, оказываемого большей частью ингушского населения. Так, например, генерал Вельяминов докладывал Ермолову, что вместе с подвластными «семь старшин приняли христианскую религию и здесь же окрещены».[65] И в то же время другие ингушские старшины, доведенные до отчаяния преследованиями миссионеров и местных военных властей, начали готовиться к активному противодействию. А.П. Ермолову пришлось лично вмешаться и разрядить обстановку. Накануне своей отставки в 1827 г. Ермолов по поводу этого конфликта писал: «Потом, в 1822 г., в проезд мой через Владикавказ, явились ко мне несколько старшин Назрановских, принявших от наших священников святое крещение, и удостоверяя, что с переменою религии потеряли они общее уважение от народа, сопротивляющегося явно введению христианства, что они не могут уже более удерживать его в надлежащем повиновении и что при дальнейших действиях наших миссионеров ингуши решились, оставя Назрань, удалиться в горы, просили меня дозволить им обратиться опять к прежнему их закону. По важности места, занимаемого ингушами, которые были до сего времени преданными России, по положению их селений, Назрани и Заурово, служащими наилучшими сторожевыми постами нашими и оградою со стороны от неприязненных чеченцев и кабардинцев, не мог я не предвидеть, сколь неприятные последствия могли бы произойти, если бы народ сей – самый воинственнейший

и мужественнейший, был доведен до возмущения, решился удалиться в горы; и потому хотя и не мог я дать означенным старшинам прямого позволения отпасть от принятой ими веры, но должен был, однако ж, приказать местному начальству смотреть на поведение их сквозь пальцы».[66]

Для нужд новообращенных горцев были открыты духовные училища – в 1834 г. в Моздоке и в 1836 г. во Владикавказе – в которых учились и дети обращенных в православие ингушей. Чаще всего это были дети старшин, находившихся на службе при кавказской администрации. 10 февраля 1837 г. Владикавказское духовное училище приняло обращение «ингушевского переводчика, находящегося при Назрановском приставстве… Батимурза Чирикова, которым он просил о принятии 10-летнего сына его Александра и 9-летнего Николая племянника во Владикавказское духовное училище на полное казенное содержание и о присоединении их к православной греко-российской вере». На это ему было объявлено, что «сын его Александр и племянник его Николай могут быть приняты в училище и окрещены без подписи, а на полное казенное содержание не иначе, как если он, Чириков, дает подписку в том, чтобы означенные дети по окончании курса наук, поступили в духовное звание, на что он, Чириков,… дал таковую подписку, а дети 11-го числа сего февраля месяца окрещены в Владикавказской церкви».[67]

Несмотря на неудачи, идея обращения ингушей в христианскую веру возникала у каждого нового наместника Кавказа. В 1839 г. к ингушам были направлены четыре грузинских священника, новокрещенные разделены на четыре прихода, в которых предполагалось построить церкви.

Невежество и злоупотребления духовных лиц и чуждые ингушам русский и грузинский языки, на которых проповедовалось христианство, никак не могли способствовать успеху в данном деле.

11 июня 1842 г. семьсот назрановских жителей подали от имени ингушского народа прошение военному министру А.И. Чернышеву, проезжавшему через укрепление, возводимое на Сунже между Казах-Гечу и Назрановской крепостью, в котором объясняли «что они обращены в христианскую религию мерами насильственными и обольстительными, изъявляют желание возвратиться к прежнему мухаммеданскому закону».[68]

Николай I не оставил без внимания ходатайство ингушей. Как явствует из отношений Военного министра командующему Отдельным Кавказским корпусом и обер-прокурору Святейшего Синода от 15 июля 1842 г., император велел объявить ингушам, что «просьба их удовлетворена быть не может». Одновременно Николай I поручал «сделать секретные внушения местным духовным лицам и гражданским властям, чтобы они вообще не преследовали новообращенных, если даже и заметят между ними неточное исполнение обрядов христианской религии, и ни в коем случае не действовали бы мерами полицейскими, а старались бы утверждать их в христианстве примером собственной благочестивой жизни».[69]

С 1840-х гг. политика христианизации в Ингушетии постепенно сворачивается, чему способствовала и ориентация большинства населения на принятие ислама, который все прочнее завоевывал позиции среди ингушского населения не только на плоскости, но и в отдаленных горных районах, где были сильны позиции традиционных культов и верований. В результате большинство насильно обращенных в православие ингушей постепенно перешли в ислам, а христианство продолжали исповедовать лишь отдельные ингушские офицеры и чиновники, но и их потомки, за исключением тех, которые проживали за пределами Ингушетии, позже переходили в ислам.

3. Ингушетия в сфере внешней и внутренней политики России в XVIII в.

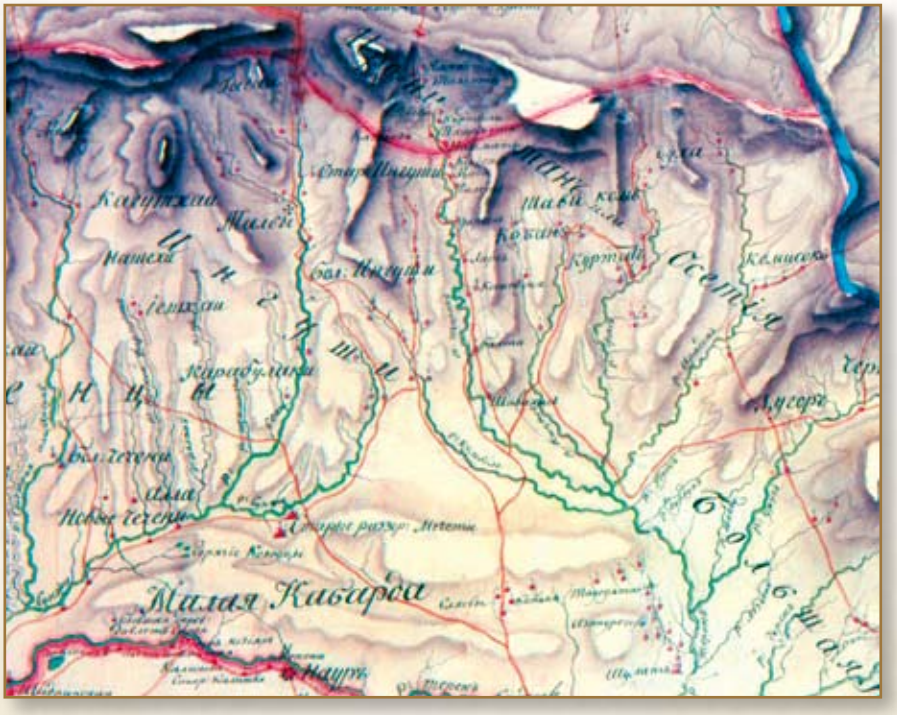
XVIII век открывает новый период в истории русско-кавказских отношений. Это время, когда Россия в деле покорения Северного Кавказа переходит к более решительным действиям.

В этот период, воспользовавшись распадом государства сефевидов в Иране, султанская Турция пытается закрепиться на Кавказе. Турция отправила в Ширван, Дагестан, Кабарду и Черкессию своих эмиссаров с целью привлечь народы Кавказа на свою сторону и поднять их на антирусские выступления.

Поддерживая действия Турции, ее вассал Крымское ханство осуществляло набеги на Кабарду. Кабардинцы противостоять агрессии турок и крымчаков в одиночку не могли, поэтому они искали защиты у России. Российского подданства просили также эндереевский, аксаевский и другие владетели Дагестана. За помощью к России обращались народы Закавказья.

В 1722-1723 гг. Петр I предпринимает персидский поход. Поход этот был нацелен на присоединение к России прикаспийских провинций Ирана. Также ставилась задача присоединить к России части северокавказских и закавказских земель. В планах Петра I Прикаспию отводилась важная экономическая роль – здесь было сырье, необходимое для развития мануфактурной промышленности России.

Приход на Северный Кавказ русских войск оказал влияние на развитие отношений русских с горцами. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять дружественные и торговые отношения с горцами, оказывать им возможную помощь и поддержку. Вместе с тем правительство России, учитывая осложнившуюся обстановку и в связи с тем, что турки готовились к войне с Россией, запросило азовского губернатора «похотят ли они (горцы) с нами за одно быть».[70]



Копия фрагмента карты Кавказа. 1799 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 20156.

В результате Каспийского похода к России отошли все земли по западному и южному побережью Каспия с городами Дербент, Баку, Решт, Астрабад.

Но недовольство Турции, тяжелое положение в армии, заставили Петра I прекратить свой поход. Велев заложить крепость Святой Крест, Петр I отбыл в Астрахань. В результате появления здесь новых крепостей рас-

ширились рынки сбыта продукции сельского хозяйства и домашних промыслов, увеличились источники приобретения необходимых товаров мануфактурного производства.

Высадка Петра 1 на берег Каспийского моря 11 августа 1722 г.
С картины Ф. Рубо, 1893 г.

В 1733 г. в ходе войны между Персией и Турцией, воспользовавшись тем, что в Прикаспии не было крупных отрядов русских войск, Турция объявила о распространении своего подданства на Дагестан и решила через Северный Кавказ направить в Закавказье крымского хана с восьмидесятитысячным войском.[71] Приблизившись к Чечне, хан стал склонять чеченцев к сотрудничеству. Однако чеченцы не только не поддались уговорам, но стали совместно с ингушами вести партизанскую борьбу против войск крымского хана, совершая «немалые отгоны лошадей у войск ханских и другие вредительства».[72]

Захваченные в результате похода Петра I прикаспийские территории вскоре правительством Анны Ивановны были возвращены Ирану. По договору 1735 г. русская граница отодвинулась на Север до р. Сулак. В то же время в 1735 г. на Тереке стала сооружаться русская крепость Кизляр.

Воспользовавшись этим договором, Турция объявила себя покровительницей горцев и направила Крымского хана с армией на Северный Кавказ. В этот период часть северокавказских владетелей ориентировалась на Турцию и Крымское ханство.

Российские дипломаты заявили, что население Дагестана – давнишние подданные России и отказались пропустить крымчаков через свою территорию, что привело к русско-турецкой войне 1735-1739 гг., окончившейся разгромом Россией Крымского ханства.[73]

В войне на стороне России участвовали кавказцы. Кабардинская конница участвовала во взятии Азова, несла охрану дорог между Кизляром и Астраханью. В составе кабардинских войск участвовали и ингушское ополчение.[74]

Из-за неблагоприятного международного положения Россия вынуждена была подписать с Турцией в 1739 г. Белградский договор, по которому Кабарда была объявлена буферной зоной между Россией и Турцией. Договор не отвечал ни интересам России, т. к. осложнял налаживавшиеся политические связи с Северным Кавказом и Закавказьем, ни интересам самой Кабарды, князья которой привыкли рассчитывать на поддержку русских в их устремлениях установить контроль над некоторыми народами Северного Кавказа.

В начале XVIII в. в северокавказском регионе возникла новая угроза интересам России со стороны Ирана. Иран предложил Турции заключить военный союз против России с целью захвата всего Северного Кавказа. Войска иранцев подошли к границам Дагестана. Ведя неравную борьбу с захватчиками многие из владетелей Дагестана обращались к Рос-

Комендант Кизляра Фрауендорф награждает ингушских делегатов. С картины У.М. Джапаридзе

сии, прося покровительства и защиты против шаха.[75] Многие из них, говоря словами П.Г. Буткова, «сами отдавались в подданство России».[76]

Зная о том, что иранский шах старался склонить султана к совместному выступлению против России, и что такого союза добивались западные державы, российское правительство не могло принять в свое подданство владения Дагестана или оказать им вооруженную помощь. Не сумев покорить горцев Дагестана, шах Ирана вынужден был вывести оттуда свои войска.

При Екатерине II значение Кавказа во внешней политике России резко возрастает. Важнейшей задачей для России в тот период был выход к берегам Черного моря. В этот период Кавказ становится рынком сбыта для русской промышленности. Русский экспорт в регионы Кавказа состоял преимущественно из промышленных товаров, в частности текстиля и металлических изделий. Все это усилило экономические связи народов Северного Кавказа с Россией.

Во второй половине XVIII в. правительством России предпринимаются серьезные шаги для изучения природных богатств Кавказа. Край этот был богат полезными ископаемыми. «Много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы прибыток немалый быть государству Российскому», отмечалось русскими послами, проходившими через Северный Кавказа в Грузию.[77]

В этот регион российским правительством направляются геологоразведывательные экспедиции, которые выясняют наличие полезных ископаемых и составляют проекты их использования. Всестороннее изучение Кавказа и населяющих его народов предприняла Академия наук.

В XVIII в. русско-ингушские отношения вступили в новую фазу развития. В XVIII в. завершается процесс возвращения ингушей на свои плодородные земли в бассейне Сунжи и Терека. Уже в последней четверти XVIII в. ингуши неоднократно изъявляют желание вступить в Российское подданство, проявляя в этом вопросе настойчивость. Начались многочисленные хождения ингушских делегаций в Кизляр, стали проводиться массовые общенародные сходы.

Новокрещенные ингушские старшины Цоук-Мирза Колмамоков, Харитон Мисос, Амбросий Пахомиев в 1756 г. писали коменданту Кизляра, что «киштинские старшины со всем народом присягали 900 человек, чтобы были вечно в подданстве.[78]

В 1758 г. девять ингушских старшин принесли присягу коменданту Кизляра на верность России. Но эти присяги в силу сложного международного положения России оставались без последствий. Россия была скована в своих действиях условиями Белградского договора.

Но когда началась русско-турецкая война 1768-1774 гг., аннулировавшая ограничение Белградского договора, Россия ответила на прошения ингушей реальными политическими действиями.

В 1770 г. в Кизляр прибыло ингушское посольство в количестве 24 человек во главе с влиятельными старшинами Гарсом Чопановым и Сурхаем Мирзахановым для решения вопроса о вхождении ингушского народа в состав Российского государства.

Во время этих переговоров представители ингушских обществ просили прислать к ним представителя, получившего от высшей власти полномочия, и установить место и время проведения акта присяги. Кизлярский комендант И.Д. Неймич сообщал в правительствующий Синод, что «они присланы от всего народа и общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное подданство…». По указанию правительства И.Д. Неймич направил в Ингушетию архимандрита Порфирия, которого ингуши хорошо знали, и гусарского полка капитана Дегостодия, с поручением принять «тамошний народ в подданство…»[79]

4-6 марта 1770 г. при большом стечении народа вблизи предгорного аула Ангушт на поляне с символическим названием «Барта-Бос» («Склон согласия») авторитетное представительство из 24 старейшин торжественно принесло присягу. На этом мероприятии присутствовал академик И.А. Гюльденштедт. В своем труде «Путешествие по России и Кавказским горам» он сообщал, что посетил «ингушцев», «которые живут рядом с Малой Кабардой, южнее Моздока приблизительно на расстоянии в 80 верст, преимущественно около речки Кунбелей, притока Терека, которые я посетил, когда их в 1770 г. русский офицер привел к присяге о верности и достал заложников».[80]

3 апреля 1770 г И.Д. Неймич послал в святейший Синод «Особое доношение» о принятии ингушами присяги.[81] Коллегия иностранных дел 12 июля 1770 г. одобрила эту присягу.

Россия брала на себя обязательство обеспечить их внешнюю безопасность и не препятствовать их возвращению на равнинные земли. Чтобы гарантировать это, в Ингушетию был направлен отряд гребенских казаков.

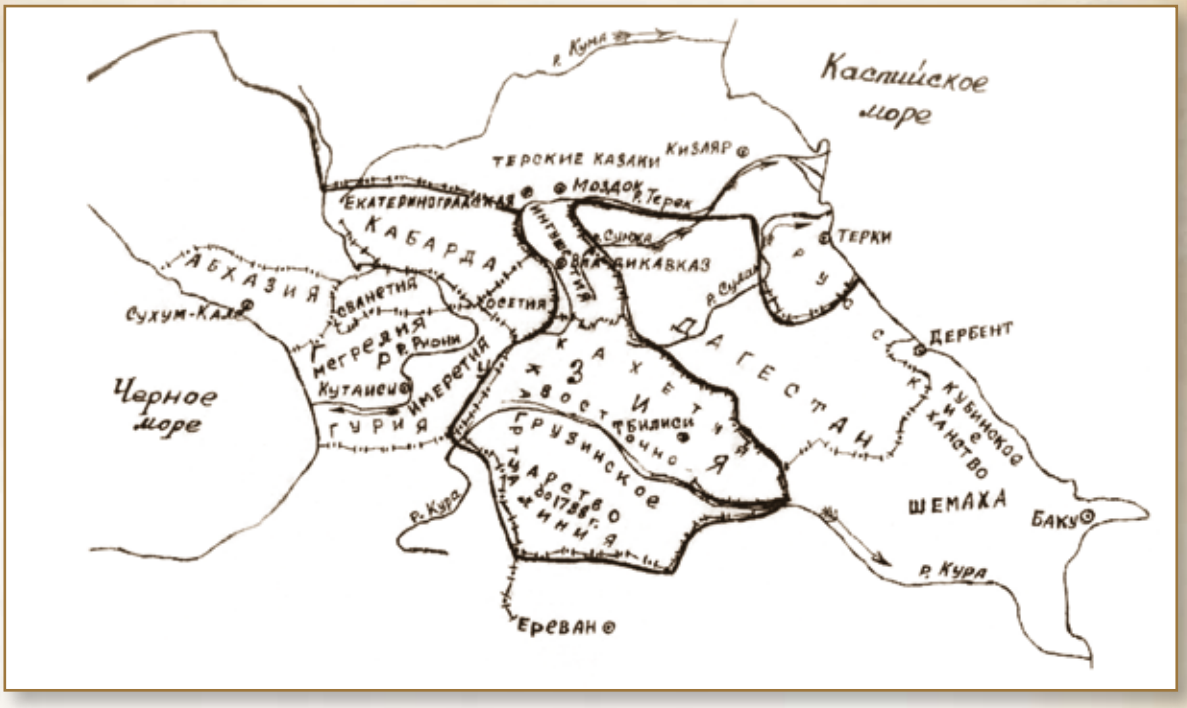
В том же году подписали присягу о принятии российского подданства ингуши из Тагаурского общества.[82]

Присяга ингушей способствовала установлению дружеских союзнических отношений между Россией и ингушами. Но вряд ли подобные присяги стоит рассматривать, как акты включения того или иного народа в состав России. «На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно учитывать различия во взглядах на присоединения к России и на статус пребывания в ее составе у русских властей и у присоединенных народов».[83]

Через 13 лет после подписания присяги в марте 1770 г. ангуштовцы вновь дали «присягу» в марте 1783 г. после похода против них русского войска под командованием майора Рика. По свидетельству П.Г. Буткова, «майор Рик… ударил на Ингуш (Ангушт, – Ред.); но они без сопротивления покорились, дали присягу и в заложники восемь человек».[84]

Чуть ранее в Тарской долине произошло сражение ингушей (ангуштовцев) с чеченским отрядом,[85] спровоцированное военной администрацией на Кавказе. П.Г. Бутков свидетельствует: «В то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края сорить между собой разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными об-

Русская империя с 1725 по 1801 гг.



разами чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 года сразились, имея каждая сторона до одной тысячи человек».[86]

Покровительство России для народов Северного Кавказа становилось практической необходимостью. Вместе с тем немалую роль в укреплении русско-кавказских отношений играл постоянный, крайне полезный для горцев рост торгово-экономических связей.[87]

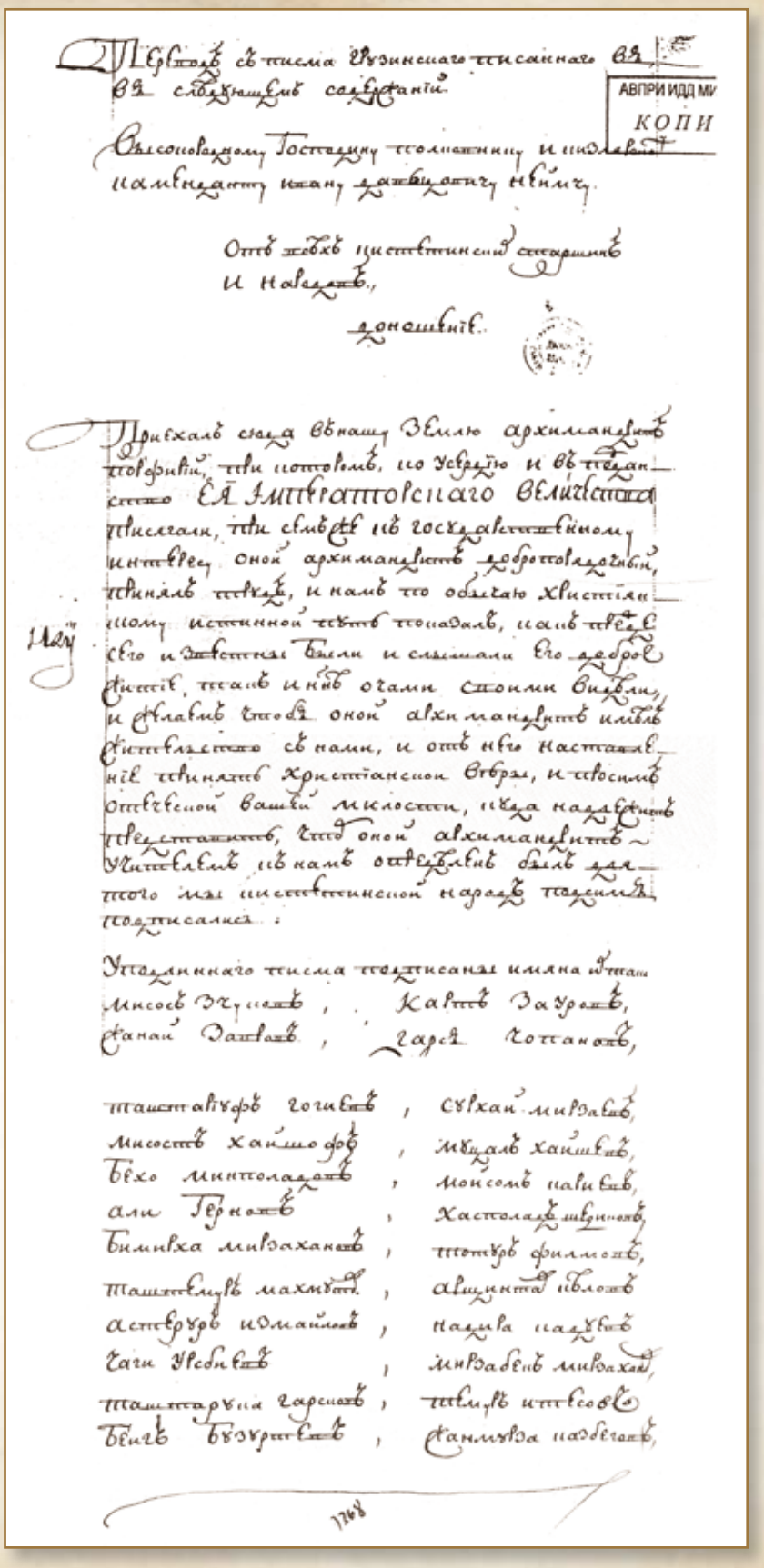
Крепость Кизляр во второй половине XVIII в. стала главным торговым центром Северного Кавказа. Эта крепость сыграла значительную роль в жизни всех горских народов. Кизляр рассматривался русскими властями как форпост в борьбе за овладение и экономическое освоение Северного Кавказа. Он являлся административным и военно-стратегическим центром Северо-Восточного Кавказа.

Поощряя развитие торговли с горцами, правительство распорядилось в 1765 г., чтобы кабардинцы (в т. ч. имелись в виду и ингуши) и кумыки при продаже своих товаров в Кизляре пошлин не платили.

В 60-х гг. на Северном Кавказе появляется первая линия русских военных укреплений, идущих из Кизляра до Моздока, положившая начало возведению Кавказской линии. Для сооружения этих крепостей использовали земли горцев. Из России на Северный Кавказ начинается переселение русских крестьян. Основными звеньями военных укреплений являлись казачьи станицы.

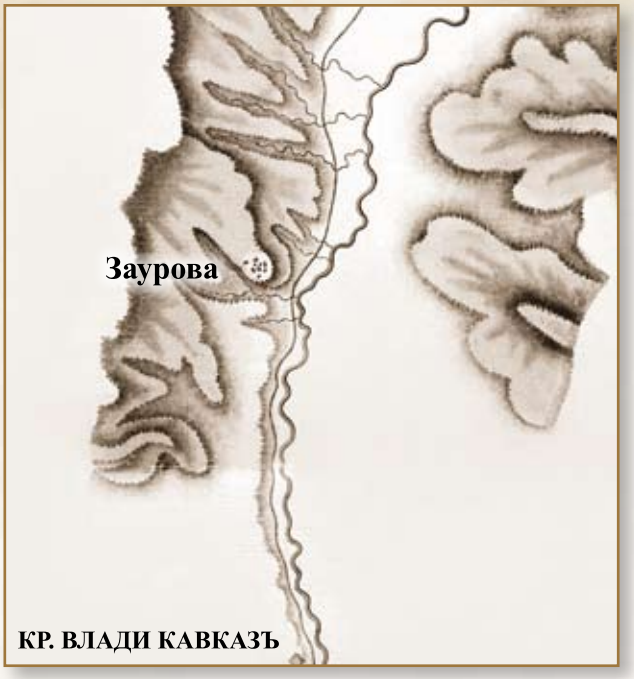
Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Россия ведет уже активные действия против Турции не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье.

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. способствовал изменениям на Кавказе в пользу России. По этому договору Турция теряла Крым – свое важнейшее орудие в установлении господства над северокавказскими народами. Россия по этому договору получила возможность через Крым влиять на прикубанские народы, так как они входили в зону интересов Крыма. Также Россия добилась от Турции окончательного отказа от притязаний



Из «доношения» кизлярскому коменданту Неймичу «от всех киштинских старшин и народов» (перевод с грузинского, 1770 г.). Письмо подписали 24 старшины Ангуштского общества (АВПРИ. Ф. «Осетинские дела», оп. 128-2, д. 1, лл. 1226, 1227)

Имена ингушских старшин, подписавших эту присягу: Гарий Чопанов, Сурхови Мирзаханов, Таштаруко Гогиев, Богатыр Темурков, Миссо Хагшов, Бехо Минполадов, Или Гернов, Бимарза Мирзаханов, Таштаруко Махмутов, Астемир Измайлов, Чаги Усбиев, Таштаруко Гарсов, Берг Бузуртов, Карт Зауров, Муцал Ханшов, Хасполат Шедиков, Татур Филмов, Арутан Калов, Надир Кадцев, Марзабек Мирзаханов, Тимур Итесов, Жанмирза Казбеков.



Крепость Владикавказ и ингушское селение Заурово на топографическом плане Военно-Грузинской дороги. 1803 г.

на кабардинцев, которые по особому соглашению с крымчаками были признаны подданными России.

Для закрепления за Россией Предкавказья было решено продолжить Кизляро-Моздокскую линию от Терека до Дона. С этой целью в 1777-1779 гг. от впадения р. Малки в Терек до устья Дона было построено 10 укреплений, составивших так называемую Азово-Моздокскую линию.[88]

С присоединением Крыма Россия не только освободилась от опасности нападения со стороны Турции и Крыма, но и стала господствовать в Северном Причерноморье.

В этот период правительство Екатерины II вело подготовку к присоединению Восточной Грузии к России. В 1783 году в крепости Георгиевск был заключен договор о переходе Карталино-Кахетинского царства (Восточная Грузия) под покровительство России.

Междуречье Терека и Сунжи, через которое проходила дорога в Грузию, приобретает в этот период стратегическое значение для России. Эта территория была освоена ингушами не позднее конца XVII – начала XVIII века. Наиболее ранним из образованных ими поселений было с. Ангушт, от названия которого и происходит этноним «ингуши». Согласно данным И.А. Гюльденштедта, на берегах рек Сунжи и Камбилеевки было множество ингушских селений. Ангушт являлся центром округа известного под названием «Большие Ингуши». Переселенцы из «Больших Ингушей» образовали новую колонию «Малые Ингуши», центром которой стало селение Шолхи.[89]

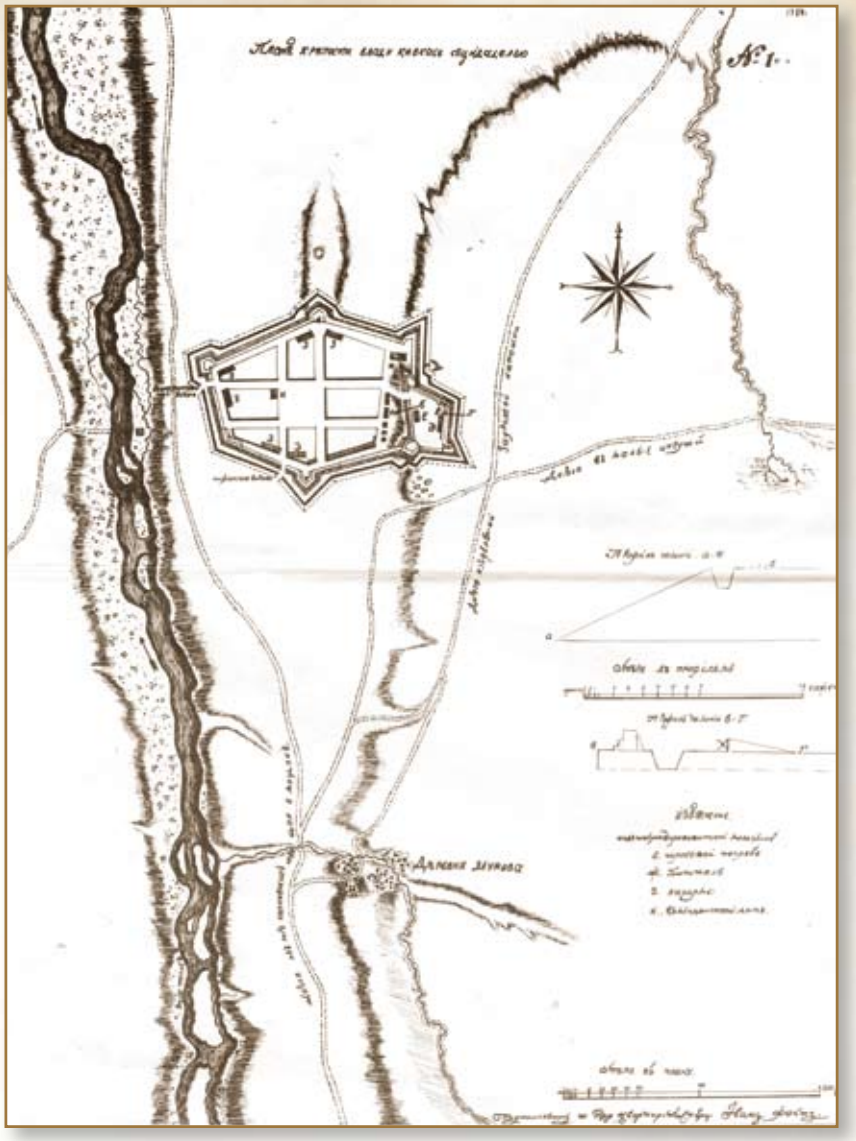
В дальнейшем происходит продвижение ингушей к Назрановской долине. В 1781 г. у слияния Назранки с Сунжей выходцами из района Ангушта было основано селение Назрань (Нясаре). Квартирмейстер русской армии Л. Штедер в том же году фиксирует на этой территории ингушскую заставу.[90] Таким образом, в 1781 г. Назрановская долина уже контролировалась ингушами.

В связи с необходимостью устройства надежных путей сообщения с территорией Грузии в мае 1784 г. у ингушского селения Заурово (Заур-Ков) была заложена крепость Владикавказская.

Комендант принял на себя функции координатора в русско-ингушских отношениях. Десятки подлинных документов, исходящих из штабов русских войск, расположенных на Северном Кавказе, отражают тесный и разнообразный характер отношений, установившихся первоначально между ингушами и гарнизоном крепости.[91]

Этому способствовало не только серебро, розданное властями «для приласкания горцев» в день закладки крепости, но, в первую очередь, необходимость взаимной поддержки. В помощи солдат гарнизона нуждались ингуши, поскольку расположенные дугообразно вокруг Владикавказской крепости на открытой местности, их селения не-

редко подвергались нападениям хорошо вооруженных и многочисленных дружин кабардинских и кумыкских владетелей.[92] По первому зову на помощь под стены крепости являлись и ингуши. Это подтверждается рапортами коменданта и другими документами, заполненными именами ингушей. В частности в них указаны имена старшин селений Заурово и Шолхи – Геты и Чоша.[93]



План крепости Владикавказ. Южнее расположено с. Заурово. 1784 г.

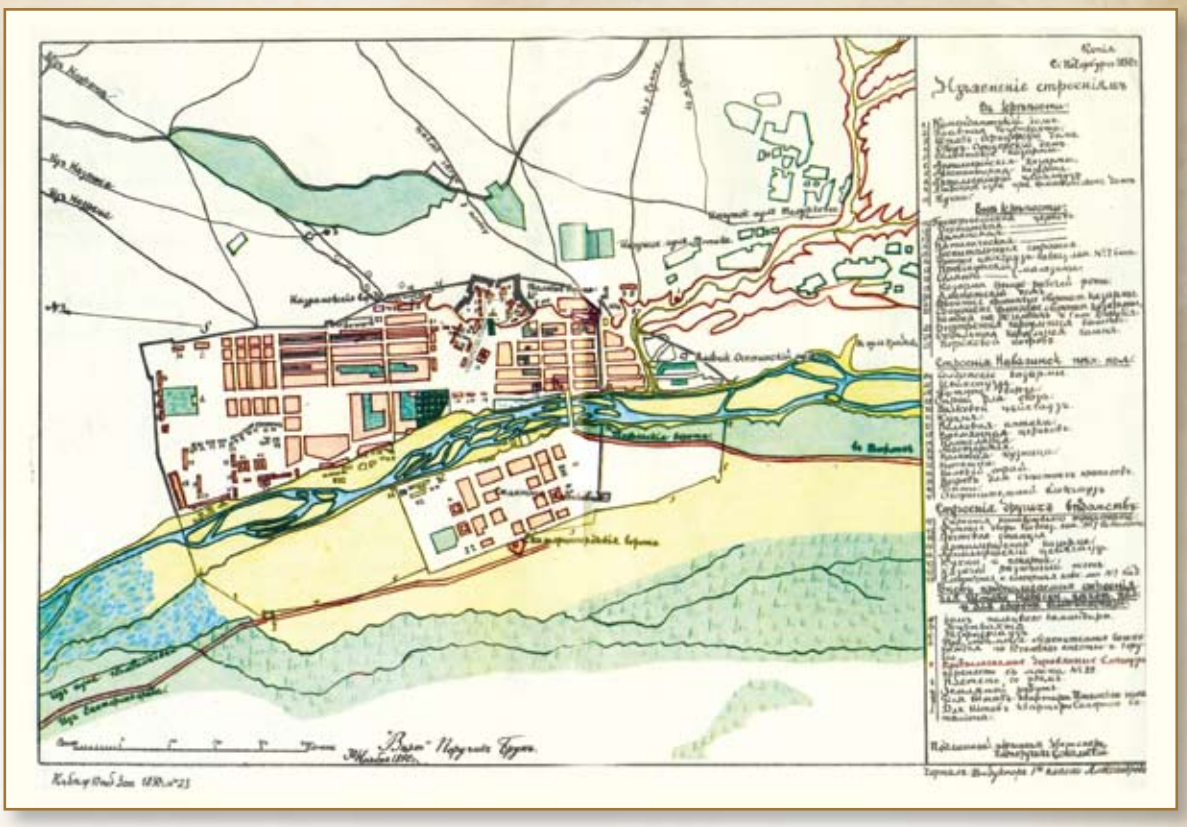
В октябре 1785 г. Г.А. Потемкин приказал выдать ингушам подарки за оказанную им помощь в защите Владикавказа от нападения восставших горцев. В июне 1785 г. вновь были посланы деньги во Владикавказ «для отдачи ингушам за послушание их и усердие».[94]

О доверии друг к другу ингушей и русской военной администрации на Кавказ говорит и то, что в 1786 г. был создан отряд ингушской милиции для охраны крепости Владикавказ. В случае необходимости военному начальству на Кавказе «разрешалось сформировать и большее число войск из ингушей... для действия в их крае».[95]

Основанный в географическом центре Ингушетии, Владикавказ стал экономическим, политическим и культурным центром ингушей и одним из важнейших городов на Северном Кавказе.

В 1786 г. по проекту Г.А. Потемкина было образовано Кавказское наместничество, административным центром которого стал Екатеринодар. Начинается усиленная колонизация края.

Укрепление Азово-Моздокской линии и усиление влияния России на народы Северного Кавказа и Закавказья вызывало большое недовольство не только в Турции, но и в столицах западных держав.



План крепости Владикавказ. 1850 г.

Российское правительство оказывало поддержку кабардинским и дагестанским владетелям. Последние стали получать большие поместья, царское жалование, чины и звания. Целеустремленно осуществлялось переселение на Терек крестьян из Центральной России. Терское, гребенское, а затем и кубанское казачество превращалось в служилое сословие на южных границах России. Все это вызывало недовольство ингушей, чеченцев, адыгов и других народов Северного Кавказа, страдающих малоземельем и хозяйственными трудностями. В Чечне и Дагестане в это время вспыхивают восстания.

Турция следила за настроением кавказских народов, она стремилась использовать любое выступление горцев против царизма. Когда в 1785 г. на Северном Кавказе вспыхнуло движение горцев под руководством шейха Мансура, охватившее часть Дагестана и Чечни, султанская Турция проявила к нему большой интерес.[96] Воспользовавшись этим восстанием, Турция в 1787 г. начала войну, в которой Россия одержала победу. В 1791 году был подписан Ясский мирный договор, по которому определена была граница по Днестру и подтверждено присоединение Крыма к России. Все это способствовало еще большему упрочению позиции России на Северном Кавказе и Закавказье.

В 1786 году из-за осложнения военно-политической ситуации, вызванного движением шейха Мансура, гарнизон Владикавказа был вынужден оставить крепость, предварительно разрушив ее валы и сняв с них орудия.[97] Гарнизон крепости был переведен в Моздок. Ингушские поселения сохранялись на тех же местах, где существовали и до возникновения Владикавказа. Более того, на рубеже XVIII-XIX вв. возникло новое ингушское село Темурково. Владикавказская крепость вновь была восстановлена лишь в 1803 году.

4. Российские ученые XVIII – начала XIX вв. об Ингушетии и ингушах

В XVIII в. Российская Академия наук посылает на Кавказ ученых-исследователей для изучения быта, истории, языков и нравов народов, проживающих на этой территории. С этой целью в XVIII в. на Кавказе побывали многие крупные российские ученые. Многие из них побывали в Ингушетии. Военные также изучали горцев. В дальнейшем интерес российских ученых к Кавказу и кавказцам, в том числе к Ингушетии и ингушам, не ослабевал, а наоборот усиливался. С начала XIX в. материалы о народах Кавказа появляются в журналах, выходивших в Санкт-Петербурге и в Москве – «Вестнике Европы», «Современнике», «Временнике», издававшемся «Обществом истории и древностей российских», созданном в 1804 г. при Московском университете. В 1818 г. при Академии наук было учреждено Восточное отделение и открыт Азиатский музей, что положило начало официальному изучению Кавказа.

Одним из первых совершил путешествие на Кавказ Иоганн Густав Гербер (…-1734), русский офицер немецкого происхождения. Еще в период подготовки Каспийского похода И. Гербер по заданию русского правительства объехал побережье Каспийского моря. В чине артиллерийского офицера И. Гербер принял участие и в самом походе в 1722 г. В течение семи лет Гербер находился на Кавказе, наблюдал за бытом и различными сторонами жизни кавказских народов, «изведал… все внутреннее состояние тех земель, которые для определения границ и для снятия точной ландкарты в 1726 и 1727 гг. из конца в конец объехал».[98] «Частые поездки в разные районы Северо-Восточного Кавказа позволили И. Герберу наблюдать различные стороны жизни и быта народов Кавказа, собрать разнообразный материал по истории и этнографии края».[99]

И. Гербер по материалам, собранным во время пребывания на Кавказе, написал на немецком языке труд «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г.». Этот труд был включен в сборник «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», изданном в Петербурге в 1760 г.

В своем сочинении Гербер в основном рассказывает о дагестанских народах. О других же «диких и варварских» народах, которые «причиняют всякие грабительства в Грузинии и Черкесии», среди которых имеются и ингуши, написано очень мало и им дана общая характеристика: «Они употребляют огнестрельное оружие, иное с замками, иное с фитилями зажигаемое. Некоторые имеют луки и стрелы, а все вообще – кривые сабли. В уездах их есть по старшине, которых сами выбирают, и сии старшины вместе с кадием или духовным главой все ссоры прекращают. Ежели старшины им не нравятся, то они опять их низвергают или убивают до смерти. Они не находятся ни под чьим владением, не платят никому подати, и понеже от такой гористой земли прибыли надеяться не можно, то никто и не старается учинить их своими подданными».

В 1766 г. на немецком языке в Петербурге выходит книга Иоганна Готлиба Георги (1729-1802) «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей». В 1799 г. в Петербурге вышел перевод этой книги на русский язык. В книге были обобщены материалы, собранные И. Георги во время его путешествий по Сибири и Кавказу с академиками Палласом и Фальком.

И. Георги одним из первых описал Ингушетию. Границы «кистецкой» области, по Георги, «простираются по северному хребту Кавказа от Терека до Сунжи; граничат с вос-

Изображение храма Тхаба-Ерды. Фрагмент карты «Пограничной линии Российской империи между Каспийским и Азовским морями и земли близ линии лежащей» 1782 г. Автор – Леонтий фон Штедер. РГВИА

тока с татарскими и лезгинскими округами; к югу с лезгинцами и грузинами, к западу с Малой Кабардой, а к северу имеют границей реку Терек».

По описанию Георги, ингуши жили в то время «друг от друга неподалеку лежащими» небольшими хуторами, «в коих дворов не более 20», имели каменные башни «для защищения жен, детей и имущества». Приводит он некоторые сведения о хозяйственной деятельности («главные промыслы кавказцев состоят в земледелии и скотоводстве, причем многие производят также простые ремесленные работы и торги») и религиозных верованиях («имеют они у себя первосвященника, который должен быть человек неженатый и хорошего поведения… Покойников своих пеленают они в большие простыни и хоронят их без гробов... Чанинстаг /чистый человек/ у кистинцев холост, имеет пребывание при некотором старинном каменном молебном храме, в коем, по их сказкам, есть такие истуканы и книги, которых никому видеть не подобает. По окончании жатвы посещают благоговейные люди сего чанинстага, который тогда закалает у себя как будто бы в жертву многих белых овец. Местами попадаются надгробные камни с крестами и христианскими надписями»), отмечая сохранившиеся «следы христианской веры, почитание воскресных дней и праздников».

Приводит Георги также названия некоторых ингушских обществ: «югуши», карабулаки, которые «прежде сего назывались югушами», «Ватский», «Ангушский» и «Шемский» округа, «живущие по Камбалее».

Отмечает Георги черты общественного устройства ингушей: «Князей у себя не имеют, но выбирают для управления собой старейших из знатнейших фамилий».[100]

В 1769-1774 гг. в экспедиции на Кавказе был академик Иоганн Антон Гюльденштедт (1745-1781). Поездки Гюльденштедта по региону открыли новый этап в истории российского кавказоведения, когда в центре внимания оказались новые географические области и новые политические приоритеты. Материалы его исследований были опубликованы П.С. Палласом в 1787-1791 гг. в двух томах под названием «Путешествие по России и Кавказским горам» (на немецком языке). В 1809 г. в Петербурге был издан сокращенный перевод этой книги на русском языке под названием «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа». В 1834 г. в Берлине работа И.А. Гюльденштедта была издана Ю Клапротом на немецком языке под названием «Описание Кавказских стран». В 2002 г. в Петербурге был издан на русском весь труд И.А. Гюльденштедта под названием «Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг.». Труд И.А. Гюльденштедта является ценнейшим источником по истории народов Кавказа последней трети XVIII в. Много содержится в этом труде ценной информации об Ингушетии и ингушах того периода.

Об ингушах И.А. Гюльденштедт сообщает, что эта нация «совершенно свободна и не подчиняется никакому князю, как почти все остальные кавказские народы, а управляют ею несколько выборных старшин», также он сообщает что «обсуждавшееся же давно предложение о подчинении России было осуществлено только недавно через посредство Моздокского коменданта, полковника фон Неймич».[101]

При написании своего труда И.А. Гюльденштедт использовал труды своих предшественников, в т. ч. Гербера и Георги. Ингуши, как пишет Гюльденштедт, «живут в близко расположенных деревнях; в каждой из них находится около 20 домов. Они прилежные земледельцы и скотоводы. По кавказскому обычаю они все вооружены; во многих деревнях имеется каменная башня; в нижнем ее помещении во время ведения войн спасаются женщины и дети; сверху же мужчины защищают свою собственность».[102]

Избражение мавзолея Борга-Каш. Фрагмент карты «Пограничной линии Российской империи между Каспийским и Азовским морями и земли близ линии лежащей», 1782 г. Автор – Леонтий фон Штедер. РГВИА

О религии ингушей Гюльденштедт сообщает то, что «они сохранили некоторые следы христианства, и более отчетливые, чем у других кавказцев. Они верят только в одного бога, которого они называют Даила, и не знают никаких идолов или побочных богов или святых. Воскресенье они празднуют, как абхазы, только тем, что прекращают всю работу. Летом они воздерживаются на короткое время от мясной пищи, зимой – на более долгое. Вся нация почитает святого смиренного отшельника, который называет себя «цани саг» (чистый человек), который живет в высоких горах у старой церкви и после поста благословляет овец на заклание для первого употребления мясной пищи. Но при этом и также при рождениях, свадьбах и похоронах существуют самые незначительные церемонии. Они женятся на нескольких женщинах, как магометане, но едят, вопреки их обычаям, свинину».[103]

И.А. Гюльденштедт впервые описал мавзолей «Борга-Каш» начала XV в., находящийся на территории с. Плиево Назрановского района Ингушетии.[104]

В 1772 г. в Петербурге был издан «Географический месяцеслов на 1772 год», в котором была опубликована заметка «Описание черкесов» Якова Яковлевича Штелина (1709-1785).[105] Он родился в Швабии, окончил Лейпцигский университет. В 1735 г. его пригласили в Россию. Штелин был близок к императорской семье, в течение трех лет состоял воспитателем будущего императора Петра III. По предложению Штелина с 1768 г. Академия наук стала издавать календари: исторический, географический, экономический и т. д. Самое значительное литературное произведение Штелина – «Подлинные анекдоты о Петре Великом».

На Кавказе Штелин не бывал. В «Описании черкесов» приводятся сведения и об ингушах, которые во многом повторяют изложенное И.А. Гюльденштедтом.

В том же «Географическом месяцеслове на 1772 год» была опубликована статья военного картографа С.Д. Бурнашева «О Черкасской или Кабардинской земле». Со ссылкой на материалы И.А. Гюльденштедта, недавно присланные в Академию наук, он пишет: «Подле Большой Кабарды [у Гюлденштедта – Малая Кабарда. – Ред.] у живущего в горах особливого народа Кисты или Ингушофы называемого…, видны еще развалины каменной церкви, и в ямах оной, как то сказывают, лежат согнившие книги и пергаментные листы».[106] Вероятней всего речь идет о храме Тхаба-Ерды в Ассинской котловине.

В 1793 г. в г. Курске была опубликована книга С.Д. Бурнашева «Картина Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные пре-

бывающим при Е.В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым», содержащее сведения 1786 г. В нем упоминается этноним «дзурдзуки», который охватывает население верховьев рек Армхи, Ассы и Аргуна.[107]

Профессиональный военный разведчик и талантливый картограф, дивизионный квартирмейстер, капитан Леонтий фон Штедер был первым исследователем, которому удалось посетить горную Ингушетию. Результатом путешествия стали топографическая съемка маршрута дороги в Грузию, составление карты Северного Кавказа и наиболее подробное для своего времени описание горских земель Центрального Кавказа. В его дневнике путешествия содержится и первое краткое описание храма Тхаба-Ерды, а на составленной им рукописной карте, датируемой 1782 г., помещены рисунки с изображением памятников Центрального Кавказа, в том числе того же храма Тхаба-Ерды, мусульманского мавзолея Борга-Каш, Татартупского и Джулатского минаретов и др. Эти иллюстрации являются первыми изображениями уникальных памятников архитектуры средневековой Ингушетии – храма Тхаба-Ерды и мавзолея Борга-Каш.

Такую характеристику дает ингушам Штедер: «Эти ингуши трудолюбивы, особенно их женщины, которые заботятся о хозяйстве и одежде, таскают по горам большие тяжести и часто за 8 верст ходят за дровами для огня… Насколько я знаю, их потребности самые минимальные. Они одеваются на татарский манер; в жару и холод обходятся одной буркой; часто пищей им служат только корни растений; охота обеспечивает им хорошую пищу, но очень умеренную. Старшие едят первыми и оставляют немного другим, чтобы они и дети могли утолить голод. При их гостеприимстве, при всеобщей их доброте, при похвальном равномерном распределении того, что дает им счастье и случай, теряют они облик дикарей и предстают более человечными, чем наши алчные благовоспитанные люди. Они чрезвычайно худые, высокие, с легкой походкой, крепкие и неутомимые. Внешне они свободные, гордые и серьезные. В речи они пылкие, но очень быстро успокаиваются. Все их чувства проявляются искренне и открыто. Презрение к жизни считают они добродетелью, малейшее проявление страха – большим пороком, поэтому они безрассудно отважны… Их горячность очень быстро возбуждается и так же быстро утихает, и хладнокровие, как я заметил, считается у них лучшим достоинством. Охота, набеги и война – славные занятия их молодежи. У них есть фамильные главнокомандующие, не имеющие власти; руководят только красноречие и способность к делам. Отец вооружает сына, как только тот становится способным защищать себя, и затем предоставляет произволу судьбы. Они почитают одного Бога, создателя и кормильца, приносят Ему в жертву животных и другие мелочи».[108]

Л. Штедер определил в Ингушетии стратегические места, удобные для закладки крепостей. Через три года после его посещения Ингушетии, в 1784 г., у деревни Заурово была заложена крепость Владикавказ. И место для закладки крепости Назрань (заложена в 1810 г.) также было определено им. Вот что писал Штедер о стратегическом положении этой местности: «Назиран – небольшая река, которая бежит на северо-восток по болотам, заросшим кустарником и тростником; у нее прозрачная вода и топкое ложе, поэтому ее, кроме как на отмелях, невозможно перейти. Эти трудные переправы, возвышенности и сама Сунжа, которая бежит на восток через лесистые горы, образуют здесь крепкое тесное ущелье, у которого ингуши обычно держат заставу… Это ущелье на Назиране возле Татартупа могло бы стать вторым важным постом, с помощью которого можно было бы держать в узде кабардинцев и чеченцев. Природа и положение обеспечивают им крепость и все насущные потребности».[109]

В 1780-х гг. по Ингушетии часто совершал поездки Якоб Рейнегс, находившийся на русской дипломатической службе в Грузии. В 1796 г. на немецком языке была издана его

книга «Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов на нем обитающих». Выдержки из этой книги в переводе на русский язык были опубликованы в 1986 г.[110]

Я. Рейнегс описывает территорию проживания ингушей: «На правом берегу Терека по северо-западной вершине восточного Кавказа и по всем около онаго лежащим горам, живет народ, называемый инкучь, который из Мадшара начало свое выводит, в соседстве с ним с южной стороны обитают кисты, нежели самые суть сии народы, о которых Плиний под именем гистов, а Моисей Хоренский по именем хустов упоминает? По крайней мере они суть из числа древнейших кавказских жителей, ибо язык их в употреблении у большой части тех народов, которые на наружных горах к N.O. поселились. Кисты простираются до берегов Терека, а к востоку граничат они с другими народами, называемым карабулаки, оныя живут уже на высочайших горах и распространяются к востоку по долгой долине, даже до соседняго пограничнаго народу, который называется билитли. [Возможно, чеченское общество, – Ред.]».[111] Рейнегс приводит ряд ингушских (кистинских) и чеченских слов и отмечает, что «все они вообще должны от кистов иметь свое начало, ибо язык чеченский весьма сходен с языком кистов и оба сии народы при порядочном выговоре друг друга разумеют».[112]

Из историков первым непосредственную связь возникновения Владикавказа с ингушскими селами отметил Я. Рейнегс. Я. Рейнегс пишет что, «инкучи считают от себя несколько селений, а именно: 200 дворов поселившихся при Шалгу и деревне Саур [Заурово, Заур-Ков, – Ред.], лежащих возле крепости Владикавказ», и подчеркивает, что «Владикавказ от них же свое начало получил».[113]

Описывая общественное устройство ингушей, Я. Рейнегс отмечает, что народ, «сколько бы он в прочем ни был непокорен в своей вольности, всегда имеет некоторых из своих сочленов, которые, будучи от всех единогласно выбраны, пекутся в внутреннем порядке общего блага и для того почитаются за судей и за советников, коим все обязаны повиноваться, весьма редко бывают из них столь ослушны, чтоб не захотели себя подвергнуть наказанию, которое судья на них налагает».[114]

Я. Рейнегс дает описание жилищ, мужской и женской одежды, религиозных обрядов и танцев ингушей. В записках Рейнегса описан не сохранившийся у ингушей на сегодняшний день массовый круговой танец: «Пляска же их начинается сперва всякого рода опасным прыганием, потом, когда уже сие многими плясунами было повторено, взявшись за руки, поют в коротких и обрывистых словах и пляшут длинными рядами, иногда делают круг, который то разрывают, то опять соединяют, и, наконец, оканчивают таким же опасным прыганием, которым начали свою пляску». Впервые описаны Рейнегсом и музыкальные инструменты ингушей, которые состоят из «двухструнной скрипки, свирели и волынки».[115] Далее он описывает полезные ископаемые ингушских гор.

В 1793-1794 гг. совершил экспедицию на Кавказ академик Российской Академии наук Петр Симон Паллас (1741-1811) – ученый-энциклопедист, натуралист и путешественник. Результаты экспедиции были опубликованы в книге «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг.», которая вышла на немецком языке в Лейпциге в 1799 г.

Ингушам Паллас дает очень высокую оценку: «На Кавказе живет некий народ, который совершенно отличается от других кавказских народов по языку, облику и чертам лица; их самоназвание – ламур, означающее – жители гор; другие называют их галгаями или ингушами». «Честнейшими» и «храбрейшими» называет Паллас ингушей. [116]

Паллас отмечает, что ингуши являются замечательными земледельцами. Он описывает вооружение ингушей: «Это единственный народ Кавказа, у которого сохранился щит как часть вооружения. Эти щиты изготовлены из дерева, покрытого кожей, и охвачены железными обручами овальной формы. Короткая сучковатая палка, являющаяся частью их вооружения, служит не только для обороны, но и в качестве подпорки для ружья, которое кладут между рогатками этой пики, укрепляя ее конец в земле, что дает возможность более точно стрелять в цель».[117]

О территории проживания ингушей Паллас пишет: «Они живут на истоках Кумбелея и Сунжи до высоких гор на восточном берегу Терека, где они граничат с осетами. Карабулаки происходят именно от них; они граничат с ингушами на западе, с чеченцами на востоке… Хотя чеченцы говорят на одном языке с ингушами, по характеру они совершенно отличаются друг от друга».[118]

Говоря о происхождении ингушей, Паллас отмечает: «Рассудительный Гюльденштедт относил это племя к мичкизам или кистам, которых считал остатками реальных алан. В Морском журнале (Перипле), извлеченном в основном из сочинений Арриана и Скимна Хиосского, Тавридский город Феодосия называется по-алано-тавридски «Ардауда», что на языке алан означает «семь богов». Это имя с этим же значением до сих пор употребляется в языке нынешних кистов, у которых «Уар» означает «семь», а «Дада» – «отец» или «бог»; интересно, что имя «Таут» среди огнепоклонников в районе Баку в наши дни означает имя Бога. Я не обнаружил ни в одном из языков народов Кавказа, чтобы слово «семь» звучало аналогично «Ар» или «Уар»».[119]

В 1791-1803 гг. проходил военную службу на Кавказе один из видных ученых-кавказоведов Петр Григорьевич Бутков (1775-1857 гг.). Будучи на Кавказе (в 1801-1803 гг. он являлся правителем канцелярии главнокомандующего на Кавказе генерала К.Ф. Кноринга), П.Г. Бутков собрал огромный материал историко-этнографического характера о горцах Северного Кавказа. Фундаментальный труд П.Г. Буткова «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 годы» увидел свет только после смерти автора – в 1869 г.[120] «Этот труд, незаконченный обработкой и изданный после смерти автора Л. Броссе-сыном, включает в се бя большое количество исторических материалов, собранных Бутковым за время его службы на Кавказе. Много здесь выдержек, больших и иногда дословных, и из путешественников по Кавказу: Гербера, Гмелина, Гюльденштедта и др. Непосредственно как «путешественник по Кавказу» выступает здесь и сам Бутков в его записке о персидском походе 1796 г.».[121]

По вопросу о подписании ингушами договора с Россией П.Г. Бутков пишет: «Народ ингуши, известный также под именем кистов или киштинцев, обитающий между рек Терека и Сунжи, будучи трудолюбив и покоен, искал освободиться от притеснения кумыков (аксайских) и кабардинцев. Они взошли с просьбою о том к кизлярскому коменданту, и по собственному их желанию приняты в 1769 году в российское подданство и дали аманатов».[122] Вслед за ингушским (ангуштским) обществом, по сообщению П.Г. Буткова, договор с российской администрацией подписали представители другого ингушского общества – карабулаков, «обитающие в 300 дворах… при вершинах Сунжи, по рекам Осай и Бал, в Черных горах», которые «еще в 1763 году просили позволения переселиться из крепких горных мест на плоские… Сие переселение тогда не сделано. Но в 1772 году генерал-майор де Медем позволил тем из карабулаков, которые вступали тогда в подданство России, переселиться в назначенное им прежде место, урочище Карасу-Яндар, по речке Осай, на то самое место, где Осай соединяется с Сунжею. К ним был послан нарочный от Медема, который и привел их к присяге в верности к российскому престолу,

Фрагмент карты Кавказа 1819 г. (РГВИА. Ф.846. Оп 16. Д. 20565)

и присяжный лист отправлен в Коллегию иностранных дел. Карабулаки дали аманатов, которые и в 1791 году были в России. Как они имеют промыслы, то их всегда считали мирным народом».[123]

П.Г. Бутков свидетельствует об основании Владикавказа на ингушской земле: «Весною 1784 года для сообщения Грузии с Моздоком основана у входа в Кавказские горы, в урочище Заур, Владикавказская крепость… Прежде всего, для связи кавказской линии с Грузией в 1784 году построена отрядом войск крепость у Терека, при входе в ущелье Кавказских гор, при ингушевской деревне Зауре, и названа Владикавказом».[124]

Приводит П.Г. Бутков сведения о деятельности среди ингушей Духовной комиссии по обращению в христианство осетин и ингушей, о деятельности среди ингушей католических священников.[125]

В целом труд П.Г. Буткова является ценнейшим источником по истории Ингушетии второй половины XVIII в. – начала XIX в.

В 1807-1808 гг. по поручению Императорской академии наук Санкт-Петербурга путешествие на Кавказ совершил академик, немец по происхождению, Юлиус фон Клапрот.

Рисунок М. Энгельгарда. Древняя застава в Ассинском ущелье. 1811 г.

В 1814 г. в Галле-Берлине на немецком языке вышел его труд в двух томах «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей. Юлиуса Клапрота».

Ю. Клапрот оставил довольно ценные сведения о заселении ингушами плоскости, о борьбе, которую они вели с кабардинцами, господствовавшими в этих краях со второй половины XVI в., о хозяйственной и общественной жизни, об одежде, вооружении, пище ингушей того времени.

«Кумбалей, как ее называют черкесы, – пишет Клапрот, – зовется кистинскими народностями Галун и берет свое начало в шиферных горах, около Казбека на верхнем Тереке и течет в долину Большие Ингуши или, как ее называют русские, Старые Ингуши… Около сорока лет тому назад колония ингушей, которую называют Шалха, поселилась у подножья гор на Кумбалее. Ее сильное население в нескольких плодородных долинах вынудило их переселиться на равнину… Колония Шалха, которая благодаря своему мужеству и численности могла держаться лучше, отбрасывала снова каждую попытку кабардинцев наложить ярмо и мужественно держалась против них. На левом берегу Кумбалея живут у самых предгорий двести семей, которые благодаря отвесному склону у реки могут самостоятельно продолжительное время защищаться».[126]

Об одежде и вооружении ингушей Клапрот пишет: «Их одежда похожа на одежду других кавказцев, но их одежда и оружие изысканнее. Из всех своих соседей, только они одни продолжают использовать щит в своем вооружении. Этот щит из дерева перетянут кожей и обит железными овальными лентами. Их короткая узловатая пика служит не только для обороны, но также и в качестве рогатины, когда она острием воткнута в землю, кладут на

нее ружье, чтобы вернее целиться. Они фехтуют больше на лошадях, но в горах – пешими, и, само собой разумеется, мастерски пользуются свои щитом».[127]

Об общественных отношениях среди ингушей он сообщает: «Общественные отношения в народе поддерживаются старшими, которые отличились своими способностями, или из сильных семей; но их влияние на плоскости на простого человека больше, чем в горах, где всеобщая бедность сохраняет больше равенство».[128] Думается, что больший вес старшин на плоскостиц объясняется в первую очередь тем, что необходимо было сохранять военную дисциплину в связи с постоянной угрозой нападения кабардинцев.

Ингушам Ю. Клапрот дает следующую характеристику: «По их гостеприимству, по их коллективному пользованию своим имуществом, по справедливому распределению того, что дает счастье и случай, они теряют вид дикости и предстают более человечными, чем наши алчные благонравные жители. Их взгляд свободный, дикий и серьезный. В речах они жаркие, но тут же быстро успокаиваются, и все их страсти проявляются открыто и правдиво. Пренебрежение к жизни считают они добродетелью, а малейший страх – за величайший порок, поэтому они скорее лишат себя жизни, прежде чем их покорят. Такими же героическими являются их женщины… Охота, налеты и война у ингушей – похвальные занятия молодежи, и они грабят больше из желания выделиться, чем из-за потребности. Они имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды и все у них решается по древним обычаям».[129]

В 1823 г. в Москве вышел объемный труд члена Российской Академии наук Семена Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». С 1810 г. С.М. Броневский проходил службу на Кавказе, являясь руководителем канцелярии при князе П.Д. Цицианове. В своем труде С.М. Броневский обобщил известные на период материалы о Кавказе и кавказцах. Широко использовал он материалы Гюльденштедта и Палласа. В разделе, посвященном кистам (С.М. Броневский поясняет: «Кисты сами себя называют попеременно кисты, галга, ингуши, и одно название вместо другого употребляют»[130]), автор приводит подробные сведения о географии, хозяйственной деятельности, религии, быте ингушей. «Кисты, и наипаче ингуши, – отмечает С.М. Броневский, – образованием своего лица и языком отличны от прочих кавказских народов, но происхождение и история сего племени покрыты неизвестностью».[131] Далее автор повторяет версию Палласа, «что кисты могут быть потомками аланов».[132]

«Кистинскую область, – пишет С.М. Броневский, – можно было бы разделить на две части: то есть на обитаемую кистами в теснейшем смысле, под именем коих разумеются ингуши, карабулаки и прочие колена, и на область чеченскую».[133] «Ингуши разеделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин», – пишет С.М. Броневский.[134] Сборными местами разных ингушских обществ называет автор селения Джерах и Зауровo, по названиям которых «русские называют их зауровцы и джерахи».[135]

Также С.М. Броневский отмечает, что «частые разорения, наипаче от кабардинцев им причиняемые, побудили ингушей в 1770 году предаться Российскому покровительству… Наравне с прочими подвластными России народами, ингуши дают аманатов и остаются при прежних своих обычаях без платежа дани».[136]

В 1815 г. в Берлине на немецком языке вышла книга «Путешествие в Крым и на Кавказ Моритца фон Энгельгардта и Фридриха Паротта», написанная после совершения путешествия по Ингушетии к храму Тхаба-Ерды.

Энгельгард сделал первый план и подробную зарисовку храма Тхаба-Ерды и древней заставы в Ассинском ущелье, описал путь по долинам рек Назрани, Сунжи, Камбилеев-

ки и Ассы, встречавшиеся в пути ингушские селения, обычаи ингушей, их вооружение, одежду, образ жизни, характер.

Иоганн Бларамберг, русский офицер немецкого происхождения, пробыл на Кавказе в командировке по приказу главноуправляющего Путями сообщения с декабря 1828 г. по март 1830 г. Во время службы на Кавказе Бларамберг под начальством генерал-майора Абхазова участвовал в июле-августе 1830 г. в экспедиции в Горную Ингушетию. На основе составленных им лично и многими офицерами Генерального штаба различных обзоров и описаний Северного Кавказа, Бларамберг провел большую работу по подготовке сводного обобщающего труда по итогам изучения северокавказского региона. В 1834 г. Бларамберг закончил работу над рукописью своего фундаментального труда «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа» общим объемом более 900 страниц.

При создании своего труда Бларамберг использовал ранее изданные труды ученых-исследователей, писавших о Кавказе. Ингушетии и ингушам в труде Бларамберга посвящен отдельный раздел. Одно перечисление заголовков подразделов, говорит о многом: «Границы. Названия. Историческая справка. Местоположение. Климат. Плоды земли. Деление. Кистинцы. Ингуши. Галгаевцы. Галашевцы. Облик жителей и их одежда. Жилища. Пища. Домашние промыслы и сельское хозяйство. Нравы и обычаи. Танцы. Религия. Тхаба-Ерда (святилище, или храм ингушей). Захоронения. Народонаселение. Карабулахи. Ахи, или акинцы. Цоринцы».[137]

Бларамберг приводит исторические сведения и сведения о географическом положении каждого ингушского общества, перечисляет географические объекты и населенные пункты, расположенные на территории этих обществ, дает описание жилищ, святилищ, храмов, погребальных памятников, приводит распространенные среди ингушей личные имена, описывает внешний облик и одежду, нравы и обычаи ингушей того периода.

Об ингушских нравах Бларамберг пишет: «Ингуши считают оскорбление словом самым чувствительным из оскорблений и мстят за это вплоть до смерти того, кто произнес оскорбление. Они из-за пустяка могут вспылить в разговоре, но легко успокаиваются. Их пыл проявляется открыто, без малейшего притворства. Презрение к жизни рассматривается как доблесть, а малейшее проявление страха – как величайший позор. Они предпочитают смерть плену. Их мужество и доблесть разделяют также их женщины, в чем мы могли убедиться во время экспедиций 1830-1832 годов против ингушей высокогорных долин».[138]

В 1805 г. в Санкт-Петербурге был издан труд Якова Лангена «Описание Кавказа с кратким историческим и статическим описанием Грузии». В 1882 г. в Одессе вышли два выпуска «Адатов кавказских горцев» Ф.И. Леонтовича.[139] Об ингушах писали И. Шопен[140], Н.Ф. Дубровин[141], А. Лилов[142], А.П. Зиссерман[143], Н.Ф. Грабовский[144], Г.Н. Вертепов[145], Н.К. Зейдлиц[146], А.П. Берже[147], Миллер В.Ф.[148], Долбежев В.И.[149], П.К. Услар[150], М.М. Ковалевский[151] и мн.др.

Примечания:

1 Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М., 1998. С. 20-21.

2 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 316.

3 Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. С. 187.

4 Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI-XVII вв. Грозный, 1988. С. 83.

5 Потто В.А. Два века терского казачества. Т.1. Владикавказ, 1912. С. 4.

6 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 23.

7 Там же.

8 Нарочницкий А.Л.Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа // Материалы Всероссийской научной конференции. Грозный, 1982. С. 26.

9 Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959. С 143.

10 Махкинан. (Фея гор). (Ингушевская песня-легенда) // Газ. «Кавказ», 1895, № 98.

11 Вл. К-н. Под Казбеком // КВ. Тифлис, 1900, № 10.

12 Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С. 9-10.

13 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 235.

14 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань, 2002. С. 60; Кодзоев Н.Д. К вопросу о завоевательном походе кабардинского князя Темрюка Идаровича в район Центрального Кавказа в XVI в. // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 3-13.

15 Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Т.1. М., 1957. С. 11.

16 Тутаев А. Князь. // Газ. «Сердало», 1997, № 83, 85-89; 1998, № 1, 2.

17 Большая Сунжа (инг.)

18 Махкинан. (Фея гор). (Ингушевская песня-легенда) // Газ. «Кавказ», 1895, № 98.

19 Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып.1. М., 1889. С. 57.

20 Адилсултанов А.А. Акки и акинцы в XVI-XVIII веках. Грозный, 1992. С. 11-12.

21 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 57.

22 Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 241.

23 Юдин П. Первые русские города на Тереке // ТВ. 1912, № 221.

24 ПСРЛ. Т 29. С. 301.

25 Мальбахов Б.К. Дзаминхов К.Ф. Указ. соч. С. 31.

26 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 23-24.

27 Там же. С. 24.

28 Иваненков Н.С. Горные чеченцы // ТС. Вып.7. Владикавказ, 1910.

29 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 64.

30 Дахкильгов И.А. Шли в подданство не из принуждения. Магас, 2004. С. 7.

31 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 65.

32 Ахмадов Я.З. Указ. соч.

33 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 64

34 Ахмадов Я.З. Указ. соч.

35 Вехи единства. Грозный, 1982. С. 25.

36 Магомадова Т.С. Владелец Ларса Султан-мурза в первых русско-ингушских взаимосвязях // Материалы конференции. Грозный, 1986.

37 Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв. Документы и материалы в 2-х т. Т.1. М., 1957. С. 95.

38 Полиевктов М. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тбилиси, 1935. С. 251.

39 Белокуров С.А. Указ. соч.

40 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 146-148.

41 Выдержка из рапорта посла князя Ф.Волконского Московскому царю Михаилу Федоровичу // Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937. С. 251.

42 Белокуров С.А. Указ. соч. С. 16-17.

43 Там же. С. 30-31.

44 Ахмадов Я.З. Указ.соч.

45 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 31.
46 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 331.
47 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 30.
48 Парова Л.М. Место и роль христианизации в политике российского царизма в Ингушетии // Третьи «Ахриевские чтения». Назрань, 1997. С. 22-23.
49 Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 22.
50 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае. Грозный, 1989. С. 238.
51 Там же.
52 Котиков С.Б. К вопросу о присоединении Ингушетии к России // Известия, материалы и статьи по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972. С. 81.
53 Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 24.
54 Там же.
55 Дахкильгов Ш.Э. Страницы истории Ингушетии. С. 100.
56 Лавров Д. Об Осетии и осетинах // СМОМПК. Вып. 3. отд. 1. Тифлис, 1883. С. 228.
57 Парова Л.М. Указ. соч. С. 23.
58 Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 24.
59 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 86.
60 АКАК об Ингушетии и ингушах. /Сост. Парова Л.М./ Назрань, 1995. С. 93-94.
61 Дахкильгов Ш.Э. Страницы истории Ингушетии. С. 100.
62 АКАК.Т.6. Ч.1. Тифлис, 1784. С. 387.
63 Там же. С. 96.
64 Там же. С. 98.
65 Там же. С. 406.
66 Там же. С. 106-107.
67 Клычников Ю.Ю., Клычникова М.В. Из истории религиозной политики России на Северном Кавказе (конец XVIII-1864 г.). // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Вып. 2. Пятигорск, 2005. С. 40.
68 Там же. С. 120-121.
69 РГВИА. Ф.1. Оп. 1. Д. 13628. Л. 10-10об.
70 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 408.
71 Алмазов И.Г. Ингушская военная интеллигенция в русской императорской армии. Назрань, 2008. С. 5.
72 Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. I. СПб., 1869. С. 122-123.
73 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 35
74 Там же. С. 35.
75 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. С. 422.
76 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 223.
77 РГВИА. Ф. ВУА. Оп 1. Д. 35. Л. 51.
78 Вехи единства. С. 38.
79 Бузуртанов М.О., Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. 1982. С. 57.
80 Гюльденштедт И.А. Географические и статистические описания Кавказа. СПб., 1809.
81 Бузуртанов М.О., Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 58.
82 Блиев М.М. Русско-осетинские отношения. Орджоникидзе, 1970. С. 212-215.
83 Трепавлов В.В. «Добровольное вхождение в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. № 11. 2007. С. 155.
84 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 111.
85 Генко А. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ при Азиатском музее АН СССР. Т.5. Л., 1930. С. 695.
86 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 111.
87 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. С. 435.
88 Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX вв. С. 39.
89 Гюльденштедт И.А. Указ. соч. С. 113.
90 Штедер Л. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 192.
91 Муталиев Т.Х.-Б. К вопросу о возникновении ингушских поселений в междуречье Терека и Сунжи в

XVIII в. // Материалы региональной конференции. Грозный, 1990. С 32.

92 Муталиев Т.Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации// Ингушетия и ингуши. (Сост. М.Д. Яндиева) Т. 1. Назрань-М., 1999. С. 175.

93 РГАДА. Ф. 23. Раз. 23. Д. 13. Ч. 10-а. Л. 111.

94 Котиков С. Б.О присоединении Ингушетии к России // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972. С. 83.

95 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 173.

96 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 87.

97 Муталиев Т.Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации. С. 178.

98 Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. С. 9.

99 Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся». М., 1979. С. 11.

100 Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1799.

101 Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. СПб., 2002. С. 36.

102 Там же. С. 37.

103 Там же. С. 240.

104 Там же. С. 270–271.

105 Штелин Я.Я. Описание черкесов // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1772. Без пагинации.

106 Бурнашев С.Д. О Черкасской или Кабардинской земле // Географический месяцеслов на 1772 год. СПб., 1772. Без пагинации.

107 Бурнашев С.Д. Картина Грузии, или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанные пребывающим при Е.В. царе Карталинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым. Курск, 1793.

108 Штедер Л. Указ. соч. С. 197-198.

109 Там же. С. 192.

110 Рейнегс Я. Историческое, топографическое и физическое описание Кавказа и всех различных народов на нем обитающих // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 26-35.

111 Там же.

112 Там же.

113 Там же.

114 Там же.

115 Там же.

116 Паллас П.-С. Путешествие по южным провинциям российской империи в 1793 и 1794 годах // Аталиков В.М. Наша старина. Приложение. Нальчик, 1996. С. 248.

117 Там же.

118 Там же. С. 248, 250.

119 Там же. С. 248-249.

120 Бутков П.Г. Указ. соч.

121 Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. С. 28.

122 Бутков П.Г. Указ. соч. С. 302.

123 Там же. С. 302-303.

124 Там же. С. 161, 165.

125 Там же. С. 437-443 и др.

126 Julius von Klaproth. «Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternomen in dem Jahren 1807 und 1808». Zweiter Band. Halle und Berlin. 1814.

127 Там же.

128 Там же.

129 Там же.

130 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. С. 153.

131 Там же.

132 Там же.

133 Там же. С. 156.

134 Там же. С. 163-164.

135 Там же. С. 160.

136 Там же. С. 164-165.

137 Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 329-352.

138 Там же. С. 342.

139 Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып.I-II. Одесса, 1882.

140 Шопен И. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.

141 Дубровин Н.Ф. История войн и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн. 1. СПб., 1871; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. IV. СПб., 1886 и др.

142 Лилов А. Очерки быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892.

143 Зиссерман А.И. Двадцать пять лет на Кавказе. Ч.1. СПб., 1879.

144 Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870; Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь, обычаи и верования) // ССКГ. Вып. 9. Тифлис, 1876.

145 Вертепов Г.Н. Очерки кустарных промыслов в Терской области // ТС. Владикавказ, 1887; Вертепов Г.Н. Ингуши. Историко-статистический очерк. // ТС. Вып. 2. Кн. 2. Владикавказ, 1892; Вертепов Г.Н. В горах Кавказа. Владикавказ, 1903 и др.

146 Зейдлиц Н.К. Поездка в Галгаевское и Джейрахское ущелья // ИКОРГО, т.2, № 4. Тифлис, 1873.

147 Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879 и др.

148 Миллер В.Ф. Археологические экскурсы. Материалы по археологии Кавказа. Вып. 1. М., 1888 и др.

149 Долбежев В.И. Археологические исследования в районе Терека (Северный Кавказ) // Журнал этнологии. Т.19. Берлин, 1887. (На нем. яз.).

150 Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870 и др.

151 Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. В 2 т. М., 1886; Ковалевский М.М.Закон и обычай на Кавказе. В 2 т. М., 1890.

Глава V

Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Ингушетии в XIX в.

1. Возвращение ингушей в Назрановскую долину

Назрань была основана выходцами из Тарской долины в 1781 г. С этого времени ингуши контролировали долину р. Назранки, но из-за ряда причин прошло несколько десятков лет, прежде чем ингуши смогли прочно основаться на этой территории. Массовому переселению ингушей в Назрань способствовало укрепление русским военным командованием на Кавказе линии Моздок-Владикавказ, произведенной в 1784-1786 и 1803-1804 гг., что обезопасило район Назрани со стороны Кабарды. «Движение ингушей не заставило себя ждать, и в самом начале XIX в. совершился прочный захват камбилеевскими ингушами Назрани».[1]

Битва за Назрань. С картины Д. Оздоева

Представители нескольких родов – Таргимхоевы, Эгиевы, Хамхоевы, Цикмабуховы (Оздоевы), Евлоевы и Картоевы, – объединившись, выселились в Назрань. Возглавлял переселение Карцхал, сын Орцха, потомок Малсага из рода Таргимхоевых.

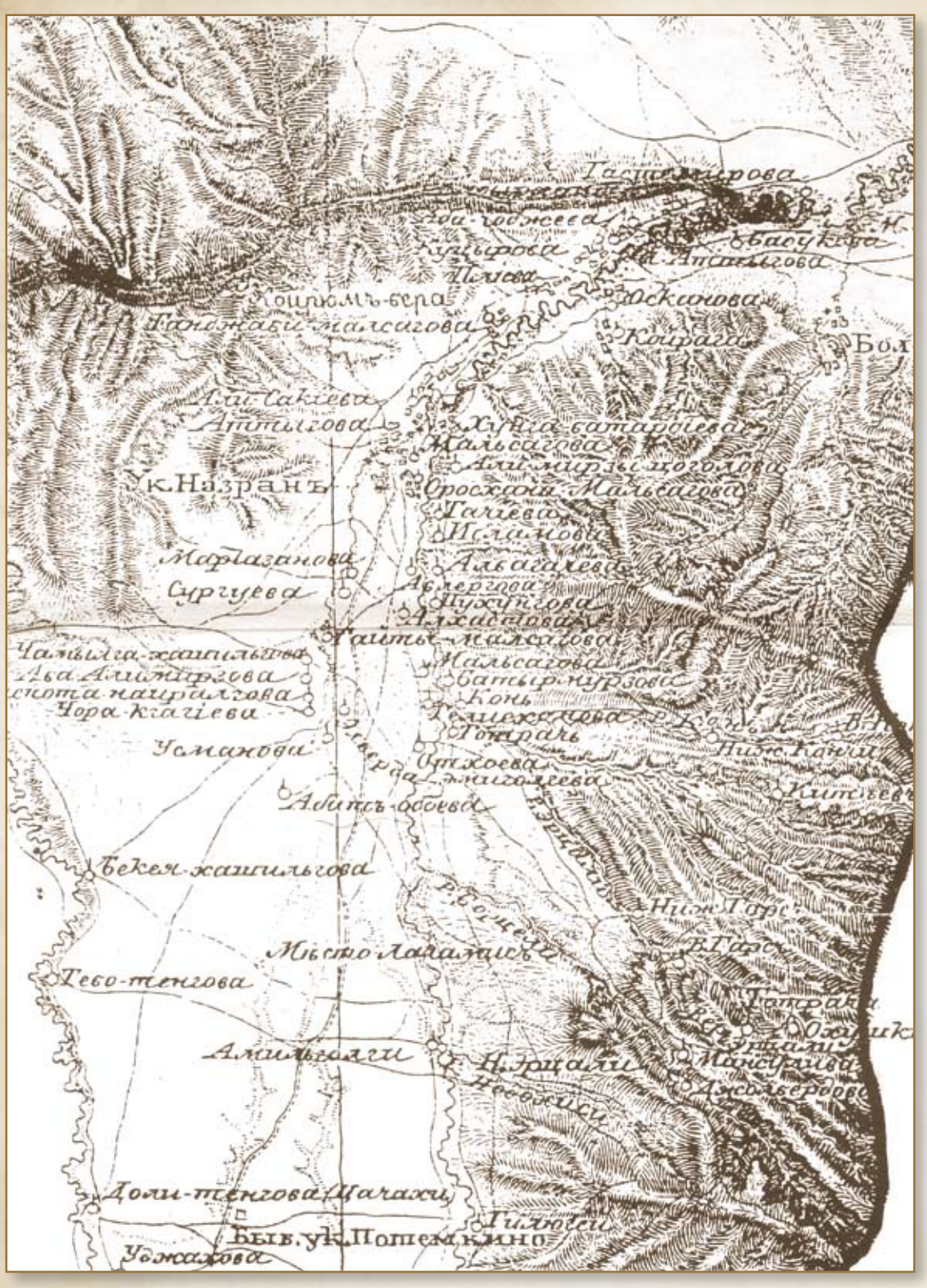
М. Энгельгардт, побывавший в районе Камбилеевских хуторов в 1811 году, отмечал, что на месте Камбилеевских хуторов остались только «пустые дома некоторых теперешних жителей Назрани».[2]

Переселение ингушей с Камбилеевских хуторов в урочище Назрань состоялось в 1810 г. 13 июля 1810 г. комендант Владикавказа генерал-майор Дельпоцо, сменивший в июне 1810 г. на этом посту генерал-майора Ивелича, докладывал командующему войсками на Кавказской линии генералу от инфантерии С.А. Булгакову: «...ингуши переселились все на место, именуемое Назран, в расстояние отсель за тридцать две версты».[3]

Ингуш. XIX в.

Согласно рапорту коменданта Владикавказа генерал-майора Ивелича генералу С.А. Булгакову от 9 июня 1810 г., численность назрановских ингушей превышала 7000 человек.[4]

В том же 1810 г. происходит столкновение назрановских ингушей с отрядом горцев, состоявшем из чеченцев, представителей различных горских народов Дагестана и кумыков. Согласно процитированному выше рапорту от 13 июля 1810 г., ингуши пропустили чеченскую партию к Владикавказской крепости, «но, когда чеченцы, не воспользовавшись около крепости чаемою добычею, возвратились обратно в их деревни, и, убив пастуха их бараньего стада, хотели отогнать баранов, тогда сделалась между ними и чеченцами ссора, а следствием оной дошло и до известного между ними сражения».[5] Сражение это состоялось 5 июня 1810 г.[6]



Поселения Назрановской долины в 40-х гг. XIX в.

Развалины башни Овлура. 1926 г. Фото Л.П. Семенова

В этом сражении, согласно рапорту генерала Ивелича генералу С.А. Булгакову от 9 июня 1810 г., со стороны нападавших был убит пятьдесят один человек, «из коей убиты ими предводитель кн. Албаксид Канчокин и уздень его, главный наездник хищнических партий, Эльжеруко Абаев» и в плен взято двадцать три человека. Также захвачено «лошадей здоровых и раненых до ста».[7]

В рапорте генерала А.П. Тормасова государственному канцлеру, графу П.А. Румянцеву от 2 сентября 1810 г. об этом сражении говорится: «...чеченская партия, состоящая из 600 чел., переправившись через р. Сунжу и Камбулейку, потянулась к Владикавказской крепости, о чем узнавши, бывший там комендант генерал-майор граф Ивелич послал к ингушевскому народу с предварительным о том известием, и чтобы на обратном пути чеченской партии ингушевцы, встретив оную, разбили бы, что было исполнено ими на другой же день, 5-го числа июня: когда чеченцы были отражены от крепости Владикавказской и гнаты, то ингуши бросились на них и разбили. При сем сражении убили распоряжавшихся партией, главнейших разбойников князя Албаксида Канчокина и узденя его Эльжеруко Абаева».[8]

Опасаясь нового нападения, руководители назрановцев обратились к военной администрации Владикавказской крепости с просьбой выделить им «одно орудие и несколько канониров с зарядами, чтобы могли для страха хищникам по утрам и вечерам выстрелы чинить и тем устрашать».[9]

По мнению известного историка Кавказской войны В.А. Потто, не назрановцы просили помощи у русской военной администрации, а военные уговорили ингушей принять к себе русский отряд.[10]

В июне 1810 г. комендантом Владикавказской крепости генерал-майором Дельпоццо в Назрань был командирован отряд под командованием подполковника Фирсова. Отряд состоял из 200 рядовых с тремя орудиями и 150 казаков.[11]

Вскоре после прибытия отряда Фирсова, 28 июня 1810 г. произошло новое сражение назрановцев с чечено-дагестанским отрядом.

В результате сражения нападавшие потеряли убитыми более двухсот человек.[12] Со стороны ингушей в этом сражении было убито тридцать человек и семь человек было ранено.[13]

В 1810 г. было основано село Орцха Карцхал-Юрт. Рядом было основано селение Овлург-Юрт, по имени Овлурга Сурхоевича Мальсагова. Овлург построил каменную башню с пирамидальной кровлей на северо-восточной окраине современного Гамурзиевского муниципального округа Назрани, названную в народе Овлург-гІала («башня Овлурга»). «…Из селения Шолхи к Карцхалу переехал со своим младшим сыном Овлургом довольно известный и авторитетный среди ингушей Сурхо Марзаханович Мальсагов. Он поселился в полутора верстах от места расположения будущей Назрановской крепости. Примечательно, что, по опыту устройства жилищ в Горной Ингушетии Сурхо решил и здесь выстроить каменную башню, получившую впоследствии название «башня Овлурга».[14] В

1869 г. 25 августа, ко дню десятилетия пленения имама Шамиля и окончания войны на Северо-Восточном Кавказе, по приказу начальника Терской области башня Овлурга была разрушена.[15] В настоящее время от башни остались лишь камни, положенные некогда в ее основание.

Вооруженная помощь Назрановским ингушам была оказана русскими военными властями с условием принятия ими Российского подданства.[16]

22 августа 1810 г. во Владикавказе представители шести родов, проживавших в Назрани, подписали акт о вступлении в Российское подданство. Акт подписали по десять представителей от каждого рода – Таргимхоевых, Цикмабуховых (Оздоевых), Эгиевых, Картоевых, Евлоевых, Хамхоевых.

Согласно договору, назрановцы обязаны были выставлять в случае необходимости экипированное войско в составе 1000 человек, которое должно было находиться на довольствии России; всех врагов России должны были считать своими врагами, при обнаружении попыток враждебных России групп организовать набеги на русские позиции, доносить об этом русским властям и, в случае необходимости, отбивать эти набеги вместе с русскими войсками. Ингушей, которые будут предпринимать враждебные России действия, должны были передавать русским властям. По договору ингушам запрещалось принимать ислам и строить мечети. Без согласия начальства ингуши не имели права переселяться в другое место. Ингуши обязывались принять в свое селение русское войско и возить для него провиант из Владикавказа на своих подводах.[17]

После подписания акта о принятии российского подданства Назрановскими ингушами, военная администрация приняла решение построить у Назрани укрепление с постоянным гарнизоном, состоящим из одного офицера, «с пристойным числом обер и унтер-офицеров,

Подписание Назрановскими ингушами договора с Россией в 1810 г. С картины А.В. Артемьева

Ворота Назрановского укрепления. 1926 г. Фото Л.П. Семенова

из ста человек рядовых Владикавказского гарнизонного полка, с одним орудием и пятьюдесятью казаками при одном старшине».[18]

Место, где была основана крепость, было определено как стратегически важное и удобное для основания крепости еще Л. Штедером. Во время своего путешествия по Ингушетии в 1781 г. Л. Штедер писал: «Это ущелье на Назиране возле Татартупа могло бы стать вторым важным постом, с помощью которого можно было бы держать в узде кабардинцев и чеченцев. Природа и положение обеспечивают им крепость и все насущные потребности».[19]

Вскоре в Назрань был послан отряд для строительства новой русской крепости на этом стратегически важном месте. Отряд при помощи местного населения приступил к строительству редута – укрепления с наружным рвом и бруствером.

Таким образом, осенью 1810 г. был заложен Назрановский редут. В 1817 г., 1832 г. и 1842 г. крепость перестраивалась и усиливалась.

С 1829 г. Назрановские ингуши начали заселять долину речки Ачалуки.[20] К концу 40-х годов XIX в. ингуши заселили район Пседаха-Сагопши-Кескема.[21]

К 40-м годам XIX в. по берегам Назранки и среднего течения Сунжи и Камбилеевки возникло более 30 небольших ингушских поселений: Плиева, Оросхана Мальсагова, Овлургова, Алхастова, Мирзаханова, Сургуева, Отхоева, Осканова, Али-Мирзы Цаголова, Тачиева, Дола Тенгова, Тебо Тенгова, Бекея Хашильгова, Була Уджахова и др. Впоследствии (после 1858 г.) эти селения слились и были известны как Плиево, Барсуки, Гамурзиево, Альтиево, Насыр-Корт, Экажево, Сурхахи, Базоркино, Долаково, Кантышево.[22] Жители этих селений «занимались земледелием, сея более всего просо и пшеницу, менее кукурузу; имели значительное скотоводство: овец, которых они пасли по рекам Камбилеевке, Сунже, на Кабардинских горах, и рогатый скот, выпасаемый ими в окрестностях селения».[23]

Крепость Назрань. Рисунок XIX в.

В обзоре политического состояния Кавказа, составленном в 1840 г., численность ингушей составляла: назрановцев – 9489 человек, галашкинцев – 775 человек, карабулаков – 1690 человек, галгаев – 1534 человека, цоринцев – 135 человек, кистов ближних – 1269 человек, кистинцев – 1195 человек, джераховцев – 313 человек, кистов дальних – 18000 человек.[24]

2. Русско-Кавказская война и Ингушетия

К началу XIX века к России было присоединено почти все Закавказье. Но непокоренными еще оставались народы, населяющие северные склоны Главного Кавказского хребта. «Кавказские горы, – писал К. Маркс, – отделяют Южную Россию от богатейших провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, таким образом, ноги гигантской империи отрезаны от туловища».[25]

После окончания войны с Францией Россия решила раз и навсегда покорить Кавказ. До этого Кавказ втягивался в состав России медленно, более экономическими и политическим мерами, чем военными.

Начало Кавказской войны было связано с назначением в 1816 г. главнокомандующим русских войск на Кавказе генерала А.П. Ермолова, который «придерживался той точки зрения, что покорение горцев возможно только при условии решительных военных действий, причем последние он мыслил проводить постепенно, но твердо».[26] Цели войны предельно емко обозначил император Николай I в письме к генералу И.Ф. Паскевичу: «...усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных». [27]

В конце 20-х гг. XIX в. национально-освободительное движение горцев возглавил имам Гази-Мухаммед Гимринский. После его гибели в 1832 г. в бою при взятии аула Гимры русскими войсками имамом был избран Гамзат-Бек. Гамзат-Бек погиб от рук кровников в 1834 г., после чего национально-освободительное движение возглавил талантливый администратор и полководец – имам Шамиль. При Шамиле национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа достигло наиболее широкого размаха. При нем сложилось государство горцев – имамат. Главной задачей этого государства была борьба за независимость Северного Кавказа. Основные военные события развернулись в Чечне и Дагестане. На Северо-Западном Кавказе воевали адыгские племена. На Северо-Восточном Кавказе война закончилась взятием последнего оплота Шамиля – высокогорного аула Гуниб. 25 августа 1859 г. Шамиль сдался в плен. На Северо-Западном Кавказе война продолжалась до 1864 г.

Время от времени в Ингушетии происходили восстания, что приводило к карательным экспедициям русских войск. В 1825 г. были совершены карательные экспедиции в аулы, лежащие по рекам Фортанге и Ассе. В том же году было подавлено восстание ингушей селения Яндаре. Руководитель восстания Джамбулат Цечоев был взят в плен и убит по приказу генерала А.П. Ермолова.

В июле 1830 г. в Горную Ингушетию была совершена карательная экспедиция русских войск под командованием генерала князя Абхазова. Русские войска выступили из Владикавказа и двумя колоннами – через Дарьяльское и Ассинское ущелья – двинулись в горы. В результате этой экспедиции были разорены многие ингушские аулы, особенно пострадало селение Эбан, жители которого оказали царским войска мужественное сопротивление. Башни Эбана были взорваны.

В июле 1832 г. войска под командованием барона Г.В. Розена, главнокомандующего войсками на Северном Кавказе, вторглись в Горную Ингушетию. Поводом этой экспедиции послужило убийство жителями с. Хули пристава Константинова. Было истреблено множество ингушских селений, потравлены пашни, угнано большое количество скота. При войске барона Розена находились отряды осетин и горных грузин. Сам барон так объяснял нахождение горцев при своем войске: «Сходно с высочайшим соизволением употреблять горских жителей одних против других для укрепления взаимной ненависти их, находятся при моем отряде осетины, живущие близ Владикавказа, и милиция из горцев,

Имам Шамиль. Литография В.Ф. Тимма

обитающих по Военно-Грузинской дороге от Ларса до Пасанаура, принадлежащих к Грузии, под названием горских народов».[28]

В следующем 1833 г. вспыхнуло восстание в с. Яндаре. Во главе восстания стоял Джанхот Азаматов. В июле того же года восстание было подавлено. Дома Джанхота Азаматова и его родственников были сожжены. Скот и имущество их были переданы войскам. Уничтожение всего селения было остановлено из-за заступничества назрановских ингушей.

В то же время ингуши несколько раз разбивали отряды мюридов: в 1832 г. с участием ингушей было отбито нападение войска Гази-Мухаммеда на Назрановское укрепление, в 1841 г. под Назранью в результате трехдневной битвы было нанесено поражение войску Шамиля, в 1846 г. у горного селения Цори было нанесено поражение двухтысячному отряду Шамиля под командованием Нур-Али-муллы.

Наиболее крупное сражение жителей Назрани с войском Шамиля произошло 6-8 апреля 1841 г.

1841 год – период наибольшего расцвета имамата Шамиля. В 1841 г. почти весь Дагестан и вся Чечня признали Шамиля своим имамом и предводителем. Им было принято решение о походе на запад. Он пытался расширить территорию своего имамата, вовлечь в национально-освободительную борьбу назрановцев, установить контроль над стратегически важной Военно-Грузинской дорогой, связывавшую Россию с Закавказьем, и, при удачном стечении обстоятельств, овладеть Владикавказской крепостью, объединить Северо-Восточный и Северо-Западный Кавказ.

Уже 23 февраля 1841 года владикавказский комендант, полковник Широков получил от лазутчиков сведения о подготовке похода на Назрань. Полковник Широков в марте 1841 г., прибыв в Назрань, чтобы не допустить перехода назрановцев на сторону Шамиля, взял в заложники 40 человек. По инициативе полковника Нестерова, являвшегося командующим русским отрядом в Назрани, и пристава Назрановского общества есаула Гайтова в версте от крепости назрановцы приступили к прорытию оборонительного рва от берега реки Назранки до берега реки Сунжи. К началу апреля по распоряжению Широкова, большая часть скота назрановцев была переведена во Владикавказ – в случае антирусского выступления назрановцев скот переходил в собственность русской армии. К 5 апреля семьи назрановцев с оставшимся скотом были собраны в укрепленный лагерь между крепостью и прорытой канавой.

6 апреля 1841 г. девятитысячное войско Шамиля расположилось на возвышенности, находящейся на правом берегу Сунжи вблизи Назрани. После пребывания здесь Шамиля эта возвышенность получила в народе название «Шамала Гув» («Гора Шамиля»).

Обороной крепости Назрань командовал полковник Нестеров. Под его командованием находился отряд в полторы тысячи человек и назрановское ополчение в три с половиной тысячи человек.

Войско Шамиля было разделено на три части. Отряд под предводительством Кахара двинулся со стороны р. Кен для пересечения дороги на Владикавказ, прервав сообщение с этой крепостью на трое суток. Второй отряд Ахверды Магомы из аула Яндаре направился к возвышенностям, господствующими над р. Назранкой. Шамиль же с третьим, более

многочисленным отрядом стал на высотах на правом берегу реки Сунжи. Ставка Шамиля находилась на древнем городище «ЙиІий-Борз» вблизи современного с. Гази-Юрт.

Возвышенность «ЙиІий-Боарз» (городище V-XIII вв.), где находилась ставка Шамиля

Шамиль послал к назрановцам парламентеров с предложением присоединиться к своему войску и дать заложников. Ингуши, чтобы выиграть время, стали затягивать переговоры. Когда Шамиль понял, что назрановцы не собираются выполнять его требования, он приказал поджечь оставленные назрановцами аулы, лежавшие в отдалении от крепости. Ветер быстро разнес огонь, и многие аулы по берегам Сунжи и Назранки оказались в огне. На уцелевшие аулы, находившиеся вблизи крепости, начали наступать мюриды имама. Мюриды наступали с холма ЙиІий-Борз по направлению к аулу Ведзижев, находившемуся при впадении Назранки в Сунжу. «Назрановцы, пришедшие в отчаяние при виде своих горящих аулов, спросив разрешение у царского командования, ободренные Нестеровым и подкрепленные пушечным огнем, бросились в бой. Атака назрановцев была усилена тремя ротами русской пехоты с двумя орудиями под командованием майора Траскина. Эти роты расположились между крепостью и валом по берегам Назранки и Сунжи; остальные же три роты, два орудия и 150 малороссийских казаков, оставшись на прежней позиции, расположились так, чтобы мюриды были долгое время в недоумении о числе отряда русских».[29]

На рассвете 7 апреля к Нестерову прибыло подкрепление. До полудня 7 апреля Шамиль не предпринимал никаких действий. Шамиль присоединил отряд Ахверды Магомы к себе и стал выжидать. К полудню назрановцы завязали перестрелку и бросились на штурм возвышенности ЙиІий-Борз. Мюриды левого фланга Шамиля были выбиты с высот и начали отступать. Русские подкрепляли действия назрановцев огнем артиллерии из крепости. Видя успех назрановцев, Нестеров воспользовался минутным замешательством на левом фланге мюридов и тотчас под командой подполковника Рихтера послал один батальон, два орудия и 150 малороссийских казаков по левому берегу Сунжи для действий в тыл и на фланг мюридов. Казаки и солдаты переправились через реку. Мюриды были выбиты и, теснимые со всех сторон, отступили на юг.

Почетное знамя, пожалованное ингушскому народу в 1841 году

Назрановцы потеряли убитыми двенадцать человек, ранеными сорок четы-

ре. Русские потеряли два человека убитыми и восемь ранеными.[30] После поражения в этом сражении, на рассвете 8 апреля Шамиль со своим войском отступил в лес в сторону селения Сурхахи.

За отражение нападения войска имама Шамиля на Назрань Назрановское общество было награждено царем Николаем I почетным военным знаменем. 26 апреля 1841 г. военный министр России генерал-адъютант граф Чернышев в письме к командующему войсками Кавказской линии генерал-адъютанту Граббе: «Его Величество с особенным удовольствием усмотрев из этого журнала храбрость, усердие и преданность нашему правительству назрановских жителей, оказанные им при отражении нападения, сделанного Шамилем 7 апреля, всемилостивейше соизволил пожаловать им знамя, разрешая притом войти с представлением о награде пристава их есаула Гайтова, предводительствовавшего ими».[31] Есаул Гайтов за участие в отражении нападения Шамиля на Назрановское укрепление был награжден Георгиевским крестом. Назрановские старшины получили подарки и денежные вознаграждения.

В апреле 1846 г. Шамиль вновь двинулся в Назрань, чтобы поднять восстание среди назрановцев. Присоединение назрановцев к Шамилю поставило бы русские войска в крайне тяжелое положение – под угрозой было бы сообщение по Военно-Грузинской дороге, а восстание могло перекинуться в Кабарду. Но русским военным командованием был отдан приказ согнать всех назрановцев, включая женщин и детей, под стены назрановской крепости и выдвинуть войска навстречу Шамилю. Войско Шамиля было остановлено русскими войсками в верховьях Камбилеевки в Тарской долине.

Часть войск Шамиль послал к Дарьяльскому ущелью, чтобы перерезать сообщение русских с Грузией, но ингуши сорвали его планы, не пропустив мюридов через свои земли. В сражении у аула Цори мюриды были отброшены.

Наиболее крупным событием Кавказской войны в Ингушетии явилось Назрановское восстание мая-июля 1858 г., известное по официальным документам как «Назрановское возмущение».

В конце 50-х годов XIX века, когда стало ясно, что Кавказская война близится к концу, военные российские власти на Кавказе стали ужесточать свою политику по отношению к ингушам.

Б.В. Скитский, посвятивший Назрановскому восстанию 1858 г. обстоятельную статью, так описывает социально-экономическое положение Ингушетии накануне восстания: «В рассматриваемую пору часть ингушского народа была уже в полном подчинении русской власти и входила в приставства «Назрановских и карабулакских народов», другая же часть еще находилась в «сомнительной», как выражались русские власти, зависимости. Войдя в соприкосновение с русскими, ингуши стали втягиваться в круг тех капиталистических отношений, которые несло с собою русское владычество. Рушились основы натурального хозяйства, росли товарные отношения. Предметом торговли были, главным образом, русские фабрикаты: красный товар (ситец, нанка, парча) и железо, из которого горцы выделывали орудия и оружие. Торговля велась по преимуществу в русских крепостях или в покоренных аулах… С ростом торговли росло значение денег, пробуждался дух капиталистической наживы, пробуждалась жажда к удобной земле, к земледелию и хозяйственности, к мирному укладу жизни. А это, в свою очередь, влекло за собой общественное расслоение… Русская власть тяжелой рукой старалась внедрить в эту общественность начала, свойственные капиталистическому обществу».[32]

Переселявшиеся в начале XIX в. на плоскость ингуши, селились мелкими хуторами по несколько семей в каждом хуторе. В конце 50-х годов военными властями было приня-

то решение создать на плоскости крупные населенные пункты путем уничтожения мелких хуторов и переселения их жителей в специально отведенные для создания крупных населенных пунктов места. Каждое село должно было иметь не менее 300 дворов. По мнению главнокомандующего Кавказской армией генерала А.И. Барятинского, «главнейшая причина» Назрановского восстания «заключалась в невозможности иметь за жителями надлежащий надзор при рассеянном их поселении отдельными хуторами, а потому я признал необходимым поселить их большими аулами на избранных нами местах... В то же время, совершенно независимо от этого, учрежденный во Владикавказе Комитет для разбора личных и поземельных прав туземцев потребовал от назрановских депутатов сведения о численности народонаселения. Столкновением этих двух обстоятельств воспользовались противники общественного порядка и возмутили народ».[33]

Ингуши за время Кавказской войны много раз переселялись из одного места в другое, что не давало возможности наладить хозяйственную жизнь и настраивало население против России.

Главная цель военной власти при переселении ингушей в крупные селения – облегчить надзор над населением, укрепить колониальную власть. «Созданием на плоскости крупных аулов царизм стремился навсегда покончить с претензиями населения на земли, отрезанные для колониальных нужд. Укрупнение аулов облегчало полицейский надзор и сбор налогов».[34]

В восстании принимали участие не только назрановцы, но и ингуши из других обществ. Организаторы восстания послали письма к Шамилю, призывая его на помощь. Для большей части ингушского народа это переселение было неприемлемым, так как нарушался традиционный уклад жизни. Также ингуши понимали, что в результате переселения окажутся в полной зависимости от русской власти.

Собравшись 25 мая на «сборном народном кургане... в двух верстах от укрепления», восставшие направили к военному командованию в крепость 16 депутатов для переговоров. Депутаты передали начальнику штаба войск Левого крыла Кавказской линии полковнику Зотову о нежелании ингушей селиться большими аулами. В ответ полковник Зотов задержал четырех депутатов, которые, по его мнению, «были в числе главных виновников», и приказал собравшимся разойтись. Это задержание депутатов спровоцировало нападение ингушей на крепость. Собравшиеся, по данным полковника Зотова, около 5000 человек бросились на укрепление. Артиллерийским и ружейным огнем нападавшие были рассеяны. В результате этого неравного боя только одних назрановцев было убито 42 человека. Потери военных составили «...три убитых и семеро раненых нижних чинов (один из раненых уже умер), сверх того, убиты в повозках два тульских мещанина и один отставной Навагинского полка».[35]

Ингуши надеялись на помощь Шамиля и посылали к нему письма. Шамиль прислал воззвание к Назрановскому обществу от 8 июня 1858 г., с призывом присоединиться к его войску[36] и начал движение из Дагестана в Ингушетию на помощь восставшим с войском, насчитывавшим восемь тысяч воинов. Для противодействия Шамилю в Чечне и Ингушетии в общей сложности было сосредоточено два дивизиона, шесть батальонов, четырнадцать рот, шестнадцать казачьих сотен, двадцать два конных, пеших и горных орудия. Эти силы были расположены в стратегически важных пунктах: в ст. Ассинской, Ачхое, в Тарской долине, перед Владикавказом.

9 июня Шамиль попытался прорваться на плоскость в районе аула Ачхой, но, понеся большие потери, вынужден был отступить. Затем Шамиль перешел р. Фортангу и занял аулы Алкун и Мужичи в Ассинском ущелье. Оттуда Шамиль попытался пройти на Владикавказ по Ахки-Юртовскому ущелью. 13 июня Шамиль расположился лагерем в верховьях

р. Сунжи. «Видя успехи Шамиля, русское командование усилило войска шестью сотнями Алагирской, Куртатинской и Осетинской милиции и двумя сотнями горского казачьего полка, которые были двинуты форсированным маршем во Владикавказ».[37]

Шамиль, поняв, что ему не удастся прорваться на плоскость, отдал приказ об отступлении. 15-го июня войска мюридов двинулись к Мереджи и Даттыху. При отступлении Шамиля царские войска прикрывали подвластные территории от отступающих мюридов. «Следуя таким образом за обратным движением имама, царские войска не допустили его на территорию, подвластную России, и Шамиль, пройдя Акинское и Шубутовское общества, переправился через оба Аргуна и, распустив часть собранных им горцев, удалился в Ведено».[38]

В августе 1858 г. Шамиль еще раз безуспешно попытался прорваться в район Назрани. По свидетельству самого Шамиля, его призвал командир осетинского округа Мусса Кундухов, пообещав выступить во взаимодействии.[39]

Восстание было подавлено. Военное командование жестоко расправилось с восставшими ингушами. Военно-полевым судом были приговорены к расстрелу пять человек – юнкер Чолдыр Арчаков, знаменосец Магомет Мазуров (Султыгов), Джогаст Бехоев, муллы Башир Ашиев и Урусби Мугаев. Ч. Арчаков и М. Музуров предварительно были лишены полученных от правительства знаков отличия. Главнокомандующим Кавказской армией расстрел был заменен повешением.

Мулла Башир Ашиев являлся кумыком по национальности. Он обучал ингушских детей арабской грамоте и основам ислама в селениях, лежащих вблизи крепости Назрань. Мулла Урусби Мугаев, вероятней всего, также являлся представителем одной из дагестанских народностей. В тот период в Ингушетии было мало своих мулл. В основном проповедью и обучением детей основам ислама занимались дагестанские и чеченские муллы.

Кроме Джогаста Бехоева, совершившего побег, четверо задержанных были повешены 25 июня 1858 г. на том самом холме, где был назначен сход. Д. Бехоев позже явился с повинной и был прощен. Кроме того, «тридцать два человека было приговорено к наказанию шпицрутенами – по 1000 ударов на каждого, с лишением всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на каторжные работы: в рудники без срока пять человек и на работу на заводах на восемь лет двадцать пять человек».[40]

Военным командованием были отмечены старшины и офицеры, которые сохранили верность русским властям и отличились при подавлении восстания. четырнадцать милиционеров были представлены к наградам «за преданность правительству и отличие во время возмущения». «В их числе выделялись юнкер Той Кантышев, поручик Дошлако Гамурзиев, Б. Тамбиев, Т. Санталиев, О. Муталиев, Б. Мальсагов и другие, которые получили за это награды и чины… К слову сказать, большинство вновь образованных селений получило названия по личному имени или отчеству, фамилии все тех же старшин, «отличившихся» при подавлении народного восстания».[41]

Восстание не было заранее подготовлено, а было спровоцировано действиями полковника Зотова, задержавшего парламентеров.

Чах Ахриев так оценивал влияние Шамиля на восстание: «Хотя назрановское дело охватывало почти весь ингушский народ, однако оно вовсе не было предварительно и систематически подготовлено. В этом удостоверяет нас тот факт, что когда Шамиль задумал взять Владикавказ, в числе войск, отражавших его, были и назрановские милиционеры. Так как наступление Шамиля происходило одновременно с бунтом, то можно допустить, что при существовании какой-либо предварительной организации в бунте назрановцы на первых же порах вступили бы в сношения с Шамилем. Они не только не сделали этого, но даже на присланные к ним прокламации Шамиля отозвались равнодушным молчанием».[42]

Назрановское восстание имело для ингушей трагические последствия. Но возможно, что именно это восстание спасло ингушей от еще более трагических событий. Дело в том, что военной администрацией в это время обсуждался проект «Об увеличении русского населения на Кавказе и о переселении оттуда на Дон горцев».[43] Этот проект был предложен главнокомандующим Кавказской армией генерал-адъютантом А.И. Барятинским. В рапорте к генерал-адъютанту Васильчикову от 26 июля 1858 г. А.И. Барятинский сообщал: «…события в Назрани оправдали опасения Комитета, предугадывавшего подобные происшествия при переселении горцев. Полагаю, что здесь разумеется тот Комитет, который за несколько месяцев пред сим был собран для обсуждения предположений моих о средствах к усилению на Кавказской линии казачьего населения и к переселению на Дон выходцев из гор».[44]

После Назрановского восстания военным руководством был сделан вывод: «...если только предложение мирным назрановцам сосредоточиться в большие аулы на занимаемом ими участке земли послужило поводом к восстанию, то предложение горцам, имеющим изъявить покорность, оставить их родину и идти на Дон послужит поводом к ожесточенной войне, и, следовательно, повлечет к истреблению, а не покорности горцев».[45]

Также, по представлению главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта А.И. Барятинского, по решению императора назрановцы были лишены некоторых привилегий, дарованных им в разное время: «1) пожалованного им знамени, 2) уничтожение звания двух знаменщиков и прекращения производившегося им содержания по двенадцати рублей серебром в год, и 3) предоставленного им права не платить податей в казну».[46]

В результате подавления Назрановского восстания 1858 г. Ингушетия окончательно была включена в систему жесткого административного управления Российской империи.

После подавления восстания военная администрация приступает к осуществлению плана уничтожения мелких хуторов и создания крупных населенных пунктов. Переселение в новые крупные селения было в основном осуществлено осенью 1858 – весной 1859 г. В это время возникают крупные селения Плиево, Барсуки, Гамурзиево, Альтиево, Насыр-Корт, Базоркино, Экажево, Сурхахи, Кантышево и др. В эти селения переселилась и часть жителей населенных пунктов, располагавшихся по рекам Ассе, Сунже и Камбилеевке, в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. преобразованных в станицы и заселенных казаками.

С начала завоевания Кавказа Россией не раз ставился вопрос о выселении горцев, в том числе ингушей, с Кавказа.

Еще в 1806 г. коллежский асессор Лофицкий, служащий русской администрации в Грузии, подал на имя императора Александра I записку под названием «Замечания о Грузии», в которой он предлагал выселить ингушей и чеченцев во внутренние районы России. В своей записке Лофицкий писал: «Чеченцев же и ингушевцев весьма бы полезно было вывесть вовсе из ущельев настоящего их жительства на другие пустопорожние российские земли, ибо народы сии по закоренелости в разбойничестве ничем уняты быть не могут, как или истреблением вовсе наций тех, или выводом на другие земли... Земли же лежащие между р. Малкою и Тереком, населить природными россиянами, поелику те земли наивыгоднейшие для земледелия, скотоводства и других заведений, при хорошем климате, и коими без пользы для человечества доселе владеют оные хищные народы».[47]

Один из руководителей декабристов П.И. Пестель в своей «Русской Правде», принятой в 1823 г. на съезде руководителей декабристов за основу будущей конституции России,

Станица Слепцовская. Рисунок XIX в.

предлагал «разделить все сии кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробить их мелкими количествами по всем русским волостям. Завести в кавказской земле русские селения и сим русским переселенцам разделить все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую».

Когда Кавказская война стала близиться к своему концу, Россия приступила к политике создания казачьих станиц на месте селений горцев на стратегически важных направлениях для недопущения в дальнейшем выступлений горцев против колониального владычества русских. Эта политика ярко выражена в словах: «мы, по необходимости, прибегали к коренной русской исторической системе заселения окраин государства казаками».

Создание сети казачьих станиц на территории Ингушетии. В записке генерал-адъютанта Граббе о мерах по покорению ингушей говорится: «Для утверждения здесь русского владычества представляется два средства: 1) поселение казачьих станиц на Сунже, и 2) возведение укреплений при главных выходах из гор».

Первые казачьи станицы на территории Ингушетии были основаны в 1845 г. – ст. Троицкая на месте ингушского селения Эбарг-Юрт и ст. Сунженская (переименована в ст. Слепцовскую в 1851 г.) на месте селения Курай-Юрт.

В 1847 г. на Терском хребте, на месте ингушского селения Махьмад-Хите была основана станица Вознесеновская.

Еще в 1852 г. в лекциях «Кавказский край», прочитанных в Военной академии генерального штаба по военной географии, граф Н.П. Игнатьев, директор азиатского департамента министерства иностранных дел, посол России в Турции писал: «Водворение казаков было всегда средством самым решительным для окончательного занятия края: сами горцы привыкли считать навсегда для них потерянною ту землю, которая отошла под казачьи станицы».[48]

Командующий Левым крылом Кавказской линии генерал-адъютант Евдокимов в записке от 14 августа 1860 г., направленной начальнику Главного штаба Кавказской армии, генерал-адъютанту Милютину, пишет: «Владикавказскую станицу я полагал бы выселить всю целиком будущею весною в Тарскую долину, переселив жителей последней на свободные земли в Малой Кабарде. Меру эту я считаю совершенно необходимою для обеспечения областного города Владикавказа; а поводом к переселению тарцев могут служить хищничества, бывшие в последнее время в окрестностях Владикавказа, которые не могли быть произведены без содействия жителей Тарской долины... Усилить русское народона-

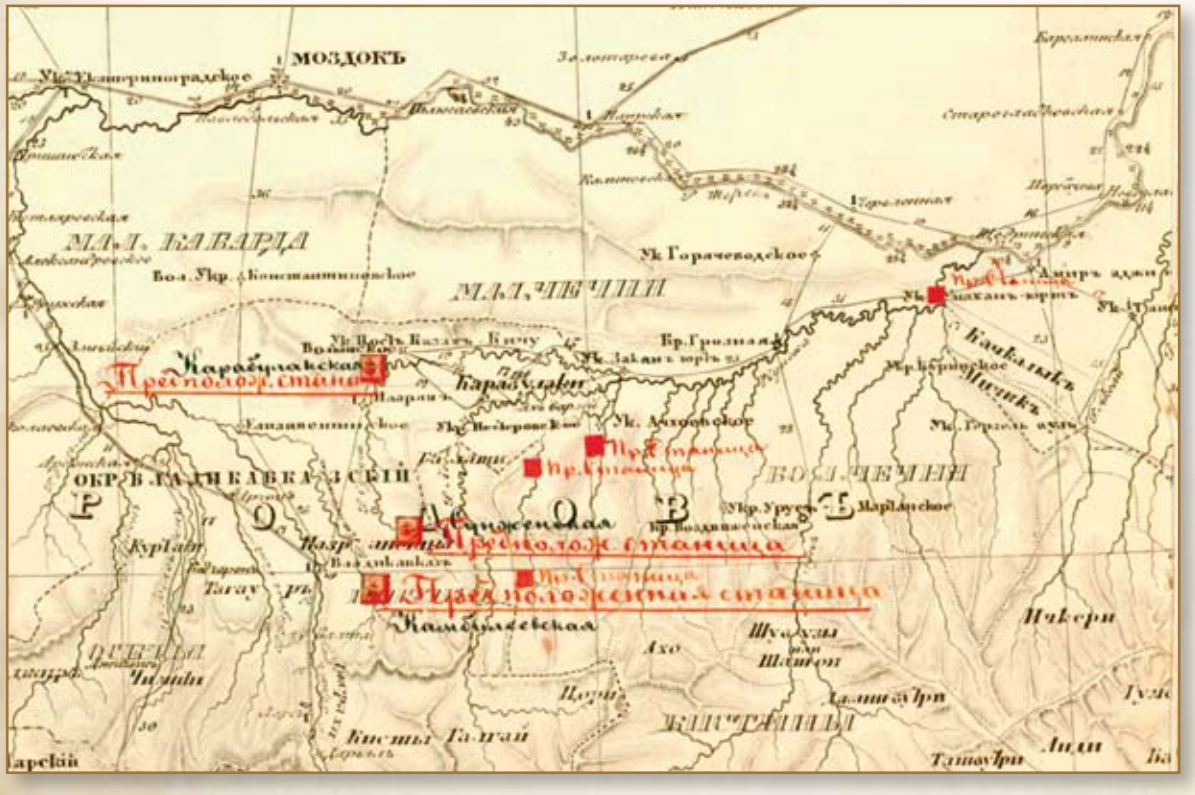
селение в Ассинском ущелье я считаю также совершенно необходимым; но вместо увеличения числа дворов в водворенных уже станицах, лучшим между станицами Галашевской и Алкунской водворить новую станицу в 125 дворов, на месте бывшего аула Мужич... Народонаселение Даттыхской станицы я полагаю возможным покуда не увеличивать».[49]

В письме от 4 ноября 1860 г. Евдокимов пишет: «Галгаевскому народу также предназначено переселение, и потому объявление прокламации галгаевцам должно быть отложено до окончательного заселения ими новых мест для своего водворения».

В 1860 г. на месте древних ингушских селений Ангушт и Ахки-Юрт были основаны станицы Тарская и Сунженская.

В декабре 1860 г. наместником Кавказа Барятинским получено разрешение Александра II на устройство станицы Нестеровской, которая была основана в следующем 1861 г. на месте ингушского селения Гажар-Юрт.

В 1859 г. на месте селения Илдарха-гала была основана станица Карабулакская. В 1860 г. на месте селения Алхасте была основана станица Фельдмаршальская. В 1861 г. на месте селения Ах-Борзе основана станица Ассиновская. В 1861 г. на месте селения Тоузан-Юрт основана станица Воронцово-Дашковская. В 1867 г. на месте селения Шолхи основан хутор Тарский. Также были выселены жители селений, расположенных на Фортанге и Ассе, – Галашки, Мужичи, Даттых – и на их месте основаны станицы Галашевская, Даттыхская и хутор Мужичий. Позднее казаки последних трех станиц выселились из-за непригодности земель для обработки, но земли и лес оставались собственностью Терского казачьего войска до 1918 г. Ингушам приходилось арендовать свою же землю у казаков за плату.


МОЗДОКЪ
МАЛ. КАБАРДА
МАЛ. ЧЕЧНИ
Карабулакская
Преположительная станица
Сунженская
Преположительная станица
Преположительная станица
Назрановская
Ингушская
Ингушская
Ингуш

Селение Гвилети. Фото XIX в.

Главная цель, которая преследовалась при основании станиц на месте ингушских селений, – это вбить казачий клин между различными ингушскими обществами, горными и плоскостными ингушами. По ущельям рек Камбилеевки, Сунжи, Ассы и Фортанги горцы всегда связывались с плоскостными районами. Других дорог, связывавших горы и плоскость, не существовало.

Ингушское население, жившее в селениях, расположенных к востоку от р. Фортанги (Евлоевы, Вадельговы, Оздоевы, Тумгоевы, Цечоевы, Галаевы, Мержоевы, Дидиговы, Цороевы и другие, жившие в населенных пунктах на территории современного Ачхой-Мартановского района), в результате искусственного отделения от основной части народа с течением времени было ассимилировано чеченцами.

В мае 1888 г. решением царских властей были выселены ингуши из с. Гвилети (Гелате), расположенного на Военно-Грузинской дороге и входившего в состав Тифлисской губернии.

Село состояло из пятидесяти одного двора. Гвилетинцы в количестве 329 человек, были выселены в разные селения Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Грузии – по две-три семьи в каждое селение. К моменту выселения Гвилети было единственным селом на Военно-Грузинской дороге, в котором еще проживали ингуши, т. к. ингуши из других селений были выселены раньше. В частности, в 1865 г. Хаматхановы и Цуровы были выселены из с. Длинная Долина. Еще раньше в 1851 г., были выселены ингуши – жители с. Темурково, располагавшегося вблизи крепости Владикавказ. В 1896 году гвилетинцы получили разрешение переселиться в Ингушетию (Терскую область), но с условием, что они будут селиться не более двух-трех семей в каждом селении.

Будучи запертыми в горах и обреченными на тяжелое нищенское существование, ингуши оказались в полной экономической зависимости от казаков,. Казачьим станицам были переданы огромные площади наиболее плодородных земель ингушей и в последующие десятилетия, вплоть до революции 1917 г. и гражданской войны в России 1918-1920 гг., земельный вопрос являлся для Ингушетии наиболее актуальным. К примеру, в 1873 г. земельные наделы (в десятинах) на душу населения в Терской области распределялись на плоскости следующим образом: терские казаки – 21,3; кабардинцы – 8,37; осетины – 5,3; ингуши – 4,3; чеченцы – 4,11. В Горной Ингушетии на душу приходилось всего по 1,6 десятин земли. В 1868 г. Н. Грабовский писал: «Человеку, первый раз попавшему в горы, придется бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые употребляет горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки земли служили ему подмогою в средствах для жизни».

Часть жителей, выселенных из селений, на месте которых были основаны казачьи станицы, вынуждена была переселиться в горы, часть – получила наделы земли на плоскости, часть – погибла от холода, голода и болезней. Некоторые вынуждены были эмигрировать в Турцию.

Переселение ингушей в Турцию. В 50-60-х гг. XIX в. военным командованием на Кавказе проводится политика переселения горцев в Турцию. Официальное выселение народов Северного Кавказа началось после постановления Кавказского комитета «О переселении горцев» 10 мая 1862 года. Хотя и до постановления тысячи кавказских горцев с семьями выселялись в Турцию, именно с 1862 года можно говорить о масштабном переселении многих кавказских народов, среди которых были и ингуши.

В переселении горцев была заинтересована как Россия, так и Турция. После окончания Кавказской войны Россия искала различные варианты для установления своего контроля над Северным Кавказом и как один из них (и даже лучший) рассматривала переселение.[50]

Секретные донесения русского военного агента в Константинополе штабс-капитана Франкини в 1860-1861 гг. свидетельствуют, что даже требование Турции «приостановить переселение и не совершать его впредь без соглашения Правительства» получило ответ «Его величество (Александр II) изволит признать, мы не хотим и не можем противиться исполнению желания переселяющихся».[51]

Заинтересованность царской администрации в переселении горцев исходила из желания освободить земли от «враждебной нам части населения» и заселить сюда «угодных

Переселение горцев в Турцию. С картины П.Н. Грузинского

Ингуши в Турции. Начало XX в.

нам людей», такими угодными людьми были не только казаки и крестьяне-переселенцы из Центральных губерний. Сама идея «замирения» Кавказа путем замены антироссийски настроенных горцев на какой-нибудь более лояльный и желательно православный этнос возникла еще в 40-х годах XIX в. Тогда в правительственных кругах (в том числе в МИД) всерьез начали обсуждать такой, например, проект: Турция принимает на свою территорию адыгов Северо-Западного Кавказа, а Россия в свою очередь вывозит с Балкан и размещает на оставленной адыгами территории черногорцев.[52] Проект не был реализован, но 9 ноября 1861 г. был учрежден Комитет о переселении в Россию выходцев из Турции, и идея заселения бывших земель горцев христианскими народами получила вторую жизнь. В журнале Комитета переселения от 29 ноября 1861 г. есть прямое этому подтверждение. «Генерал-адъютант Игнатьев объяснил, что в конце 1859 года до сведения Министерства Иностранных Дел дошло, что около ста семейств черногорцев и многие жители Боснии и Герцеговины желали бы переселиться в Россию. Поселить в частях Кавказа, где новое христианское племя могло бы служить оплотом против хищнических горцев».[53]

Не менее была заинтересована в переселении и Турция. С 1858 г. вопрос переселения стал предметом дипломатической переписки двух правительств. Начавшийся на рубеже XVI – XVII вв. системный кризис Османского государства, затронувший по мере его углубления все сферы жизни общества, самым непосредственным образом отразился на его демографической структуре.[54]

Самый неблагоприятный для Османского государства аспект демографической ситуации заключался в постепенном нарушении исторически сложившегося баланса между численностью мусульманского и немусульманского населения империи в пользу последнего.[55] «Положение Турции сделалось значительно хуже, чем прежде. Бедственное состояние финансов и внутренние волнения парализуют действия правительства и ...уничтожают независимость империи... Чтобы выйти из подобного состояния Турции нужно: 1) бескорыстных людей, 2) денег, и 3) армии. Первых двух условий в Турции нет; армии же, если не примут нужных мер, так же не будет».[56]

Теми самыми «нужными» мерами для турецкой армии были выходцы из Кавказа, воинственные, подготовленные Кавказской войной к борьбе с любым противником. Были у Турции и расчеты на приток свежей рабочей силы, как это произошло после подавления революционных и национально-освободительных движений 1848-1849 гг., когда в Турцию хлынули тысячи польских, венгерских и других иммигрантов, оправдавшие османские расчеты экономического и социального характера.

Отражением чрезвычайной заинтересованности Порты в привлечении населения из-за рубежа следует считать принятый ею в 1856 г. акт, устанавливавший весьма либеральные условия прибытия и расселения иммигрантов. Данный документ, в котором впервые были сформулированы некоторые базовые принципы османской иммиграционной и колонизационной политики, провозглашал, что все иностранцы, желающие стать подданны-

ми султана, готовые уважать османские законы и имеющие минимальный капитал в размере 60 золотых меджидие (около 1500 французских франков), могут получить участки плодородной пахотной земли из казенного фонда практически любой части империи. Такие поселенцы обязаны были обрабатывать предоставленные им земли и воздерживаться от их продажи в течение двадцати лет.[57]

Ингуши в Турции

Также вышеуказанный закон содержал статьи, представляющие интерес для иммигрантов: земля, представляемая переселенцам, налогом не облагается; желающим переселиться в Османскую империю султан гарантирует безопасность, свободу личности и неприкосновенность имущества; балканские поселенцы – на шесть лет, а анатолийские – на двенадцать лет освобождаются от воинской повинности.

Причин того, что ингуши решили оставить свой край и переселиться в Турцию, было много, но главной была нехватка земли.

Земельные наделы жителей плоскостной части Ингушетии были намного крупнее, чем у горцев, но и они были недостаточны для прожиточного минимума. Так комиссия по личным и земельным правам туземцев Терской области в 1865 г. при обследовании земельного состояния жителей Назрановского общества сделала вывод, что размеры надела, приходящие на каждый двор назрановцев «комиссия ни в коем случае не признает удовлетворительным». Малоземелье ингушей признавал и командующий войсками Терской области Лорис-Меликов, но решить земельный вопрос он предложил переселением горцев в Турцию. Он пишет: «В разбросанности казачьего населения и в недостатке земель как для казаков, так еще более для местного населения, заключается вся трудность и исключительность управления Терской областью в сравнении с прочими частями Кавказа... С одной стороны – стесненность территории, происшедшая от водворения в пределах области стотысячного казачьего населения, поставила большую часть туземных племен в полную невозможность прежних условий хозяйственного быта их; с другой же – замкнутость края, лежащего между безводною степью и снеговым хребтом, лишает возможности вывести из пределов области неспокойное и малоспособное к принятию гражданственности чеченское племя».[58]

Незавидную роль в переселении ингушей сыграл генерал-майор царской армии Мусса Алхастович Кундухов. Он сам выразил желание агитировать горцев к переселению в замен на полную негласность его личного участия в этом деле. Кундухову были выданы деньги для реализации планов, он подкупал религиозных деятелей и уважаемых людей, распускал слухи о прекрасной жизни в Порте, и был готов подать личный пример и отправиться с ними на чужбину. При этом он не распространялся насчет сорока пяти тысяч рублей кредитными билетами, которые ему обещало правительство за принадлежащий ему дом и землю, в случае, если в Турцию уйдет до пяти тысяч семейств горцев.

С ведома кавказской администрации М. Кундухов отправился в Турцию для согласования вопроса переселения горцев с турецким правительством. Агитация Лорис-Меликова работала хорошо, на 21 февраля 1865 г. в Терской области были аулы, желавшие уйти все до единого человека, такое же желание изъявило одно из ингушских обществ – карабулаки.

Чтобы ускорить переселение ингушей и чеченцев в Турцию, представители царской власти на Кавказа пошли на откровенную провокацию – они начали распространять слух о скором переселении в Турцию Кунта-Хаджи, находящегося в ссылке в Новгородской губернии. Поверив этому слуху, жена Кунта-Хаджи Седа с детьми в мае 1965 г. переселилась в Турцию. Следом потянулись многочисленные последователи учения Кунта-Хаджи. «Горцы восприняли провокацию царских чиновников за чистую монету, поддавшись этому обману, они в значительном количестве покидают родину».[59]

Уход даже небольшого количества ингушей, чеченцев и других горцев уже облегчал правительству разрешение поземельного вопроса. Поэтому для переселения было отпущено до 65-70 тыс. рублей. В Турцию был направлен капитан Генштаба Зеленый, который должен был проследить, чтобы мухаджиры не были поселены в пограничных областях, а были отправлены в места назначения.

Комиссия по переселению выдавала эмигрантам денежные пособия в размере 10 рублей на семью, вела переговоры с русским «Обществом Пароходства и Торговли», а также с владельцами транспортных судов о перевозке мухаджиров. Для отправки изгнанников были созданы три комиссии, которые находились в Анапе, Константиновском и Тамани. Кроме того, в наиболее крупных пунктах были назначены комиссары, которые следили за операцией отправки. Местным властям было дано указание о выдаче желающим эмигрировать заграничных паспортов.[60]

Выселение ингушей с Кавказа в Турцию началось 23 мая 1865 г. К отправке готовились семьдесят семейств назрановцев. За ними собирались и остальные. Так как переселяться они должны были за свой счет, то землю не стали засевать, не желая тратить свои последние деньги и зерно. Однако правительство не хотело этого допускать, и Александр Нурид, контролировавший подготовку к переселению, предлагал «не дозволять назрановцам в нынешнем году переселяться»,[61] или переселить их осенью, после сбора урожая. Предложение Нурида не получило поддержки.

Горцев отправляли партиями не более 100 семей. Для перевозки своего скарба каждая семья могла иметь две арбы, запряженные парой волов. 141 семейство ингушей отправившиеся первой и второй партиями имели 237 арб. Мужчины могли взять холодное и огнестрельное оружие, но без всяких припасов. Переселенцы могли перегонять свой скот и по пути пасти его на общих пастбищах. На ночлеги они должны были останавливаться вдалеке от поселений. Общие пастбища для скота, дрова для приготовления пищи и много другое было предусмотрено заранее. Переселение было четко организовано, денег не жалели, и это позволило увеличить число переселенцев и без хлопот доставить их до Турецкой границы.

«Выселенцы должны были следовать гужевым транспортом по Военно-Грузинской дороге в Закавказье, а оттуда – к границам Турции».[62] Кавказские беженцы доставлялись в различные приморские города Османской империи в основном турецкими и российскими судами. Судовладельцы требовали за перевоз высокую плату, отбирая у горцев последние деньги, брали на борт большое количество людей, из-за чего процветали болезни. Часто корабли тонули.[63] Порта размещала эмигрантов в Европейской Турции, Болгарии, Югославии, Албании между славянскими и греческими поселениями, вдоль больших дорог

и важных горных проходов, образуя непрерывную цепь, чтобы в случае восстания силой удерживать последних.[64]

Особенно трагична была судьба ингушей, которых поселили за Диарбекиром и Эрзинганом, в безводной пустыне. Даже само турецкое правительство было против такого варварского отношения к переселенцам, но на этом настаивали и куратор переселенческих партий капитан Зеленый, и русский посол в Константинополе граф Н.Н. Игнатьев. Хотя до начала переселения ингушам и чеченцам обещали, что в Турции они получат земли равноценные оставленным, и их поселят в провинциях Ван и Муша.

Ингуши в Турции. Начало XX в.

Турецкое правительство в самом начале переселения, когда эмигрантов было немного старалось помочь им, но в 60-е годы переселенцы хлынули в Порту в таком количестве, что не ожидавшие этого турки были не в состоянии разместить всех прибывших и оказать им помощь. И хотя турецкими властями собирались пожертвования в пользу мухаджиров, остановить голод и большую смертность было невозможно. Из переселившихся в Аравию чеченцев и ингушей за восемнадцать месяцев от непривычного климата и жары умерло около половины, то есть 30 тыс. душ.[65]

Жизнь мухаджиров в Турции была очень тяжелой: непривычный климат, эпидемии, голод приводили к массовым жертвам. Переселенцы были помещены в грязи и скучены – отсюда ужасающая смертность.[66] В письме русского консула в Константинополе Мошнина к генералу Кирцову от 28 декабря 1863 г. говорится: «С начала выселения в Трапезунде и окрестностях перебывало до 247000 душ; умерло в пути 19000 душ; теперь осталось 63000 человек. Средняя смертность около 200 человек в день. Свирепствует тиф. Лагерь в Ачка-Кале совсем предполагается уничтожить, так как там нельзя жить от нечистот и трупного разложения».[67]

Мухаджиры получали самую плохую землю, их расселяли по всей империи, в рекруты турки брали только неженатых, и потому горцы продавали своих жен и детей и поступали на службу.[68] Что касается проблемы приема и размещения переселенцев турецкой стороной, то у царской администрации к ней было только одно безоговорочное требование: «Нам желательно, чтобы наши выходцы не были поселены вблизи нашей границы».[69]

Из Ингушетии выселилось 1454 семейств из Карабулакского и Назрановского обществ.[70]

В 1870 г. к начальнику Ингушского округа полковнику Морозову обратились с прошением ряд «почетных лиц» Ингушского округа с просьбой разрешить вернуться некоторым переселенцам на Родину.[71]

В просьбе было отказано. В рапорте от 9 апреля 1870 г. начальнику Терской области полковник Морозов писал: «В 1869 году, в весенний проезд его Императорского Высочества Главнокомандующего Армией через Ачалуки собравшиеся там карабулаки просили о дозволении некоторым из их родственников возвратиться из Турции. Его Высочество в просьбе решительно отказал. Ныне представители пятнадцати аулов Назрановского обще-

ства подали мне просьбу о возвращении из Турции семидесяти шести дворов их родственников, причем они обязуются принять на себя все издержки по возвращению, отвечать за их поведение и поместить на отведенной им земле, а для разыскания места жительства просят отправить на свой счет в Турцию доверенных лиц. При рассмотрении списка, приложенного при прощении, оказалось, что в нем не помещено штрафованных и вообще дурного поведения. В продолжение четырех лет назрановцы неоднократно обращались ко мне с просьбами о возвращении их родственников из Турции, но им было отказано, так как исполнение этой просьбы не согласно с видами правительства».[72]

На родину переселенцы возвращались небольшими группами, преодолевая препятствия, чинимые царскими властями. Хотя параллельно продолжался обратный процесс переселения в Турцию. Проходило оно в форме «богомольчества». Еще в начале 1860 г. Александр II писал:

«1). Мы никогда не оспаривали и не оспариваем у других Держав права принимать в их подданство наших выходцев без разрешения нашего правительства.

2). Наши мусульмане ходатайствуют о разрешении им выезда в Турцию, не для переселения, а для поклонения гробу Магомета.

Мы не хотим и не можем противиться исполнению желания, внушенного религиозными убеждениями».[73]

На «богомолье» горцы отправлялись небольшими группами, организованного характера переселение не имело. Ингуши уходили на «богомолье» и не возвращались обратно. Причинами были тяжелые социально-экономические условия, малоземелье, вызванное тем, что земли администрацией забирались и отдавались казакам и служилым чиновникам. Особенно много ингушей уходило во второй половине 1883 г. Это был своеобразный протест против колониальной политики царизма. По распоряжению высочайшего начальства в Турцию в 1887 г. были переселены семьи: Еулоева Багыл-Хаджи Осмиева (четыре человека), Еулоева Бехо Мирзаева (восемь человек), Досхоева Ослако Дударкиева (девять человек), Галаева Ломролока Астемирова (шесть человек), Евлоева Бозорко Мургустова (состав неизвестен), Кортоева Абдуыл Шологова (пять человек) и многие другие.[74]

Переселение продолжалось до 1890 г., хотя число мухаджиров и уменьшилось. В 1904 г. из пятнадцати селений Ингушетии в Турцию ушло 329 семей (примерно 1000 человек). Правительство было не против таких «богомольческих» переселений, так как земля освобождалась, социальная напряженность в крае спадала.

В наше время потомки тех переселенцев живут в Турции в основном в населенных пунктах Бейшахир, Арелия, Сивас, Муш, Ярмади.[75] «Немало ярких имен дала ингушская диаспора Турции. Это генерал Салих Полаткан (Хаматханов), в 1950-1952 гг. он был военным атташе в Югославии; талантливый журналист, главный редактор газеты «Мерам» Хасан-Басри Геккая (Беков), его сын Экрем – известный турецкий киноактер. Есть среди ингушей-мигрантов герои Турции, удостоенные высшей награды «Истиклал Медальон» («Медаль Свободы»): Мехмет Кетей (Магомед Котиев), Сулейман Сырр Койдемир (Бештоев), Абдул-Межид Койдемир (Бештоев), Исмаил Ташкой (Торшхоев). Один из героев, представленных к этой награде, – Осман Тимурзиев – отказался от медали в связи с тяжелым экономическим положением Турции (медаль была из чистого золота)».[76] Среди знаменитых ингушей Турции можно назвать имена Макшарифа Бештав (Ахриев из Яндаре), доктора исторических наук, и Атилы Тачой (Точиев), доктора медицинских наук.[77]

Они помнят свою Родину, тоскуют по ней. Они рассказывают, что когда первые мигранты-ингуши прибыли в Турцию, они долго не сходили с кораблей, пока не нашли местность, похожую на их Родину. «Они искали местность, похожую на Назрань, два ме-

сяца просидели на корабле, отказываясь сойти с него, пока их гонцы наконец не нашли то, что искали. Это было село Бейшахир. В переводе с турецкого – село баев, знатных людей. Сегодня это город, в котором живет около 60 тыс. человек. Бейшахир действительно похож на Назрань природой».[78]

3. Административное устройство и судебная система Ингушетии в XIX в.

Судебная реформа. В период Кавказской войны на Северном Кавказе было введено военное управление. До 60-х годов X1X в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей Левого (Северо-Восточный Кавказ) и Правого (Северо-Западный Кавказ) флангов Кавказской линии. Имелись военные суды, где разбирались преступления, совершенные по отношению к военным или представителям иной национальности.

После карательного похода против горных ингушей в июле 1830 г. генерал-майора князя Абхазова были учреждены окружные суды и введено гражданское устройство. Генерал-майор Абхазов назначил приставом над джейраховцами, кистинцами (фяппинцами) и галгаями хорунжего Константинова. Помощником Константинова был назначен поручик Тоу-Султан Дударов.[79] В 1831 г. пристав Константинов был убит жителями с. Хули, что послужило поводом для карательной экспедиции в Горную Ингушетию отряда русских войск под командованием генерал-майора барона Розена в 1832 г.[80]

В том же году во Владикавказе был учрежден окружной суд, для куртатинского, тагаурского, джейраховского, кистинского и галгаевского обществ, в котором рассматривались все спорные вопросы и значительная часть поданных к рассмотрению дел касалась кровной мести. В донесении военному министру генерал-адъютанту Чернышеву от 12 декабря 1830 г. генерал Паскевич сообщал: «Признав нужным учредить по управлению народами сими окружной суд под председательством владикавказского коменданта, с назначением в оный двух депутатов от народа с голосами совещательными и секретаря и, составив наставление об обязанностях пристава и его помощников, я предписал ген. Эмануелю: а) учредить на основании штата во Владикавказе окружной суд по управлению народами куртатинским, тагаурским, джераховским, кистинским и галгаевским, и б) отослать наставление к приставу и его помощникам для надлежащего руководства по их должностям».[81]

Этот окружной суд просуществовал всего шесть лет. Большая часть дел не подлежала рассмотрению, так как решение их было невозможно при существовавших правилах «судопроизводства». Местное население, не зная русского языка, незнакомое с существующими формами судебной системы и не имеющее своей грамоты, сталкивалось со многими сложностями, связанными с учреждением такой системы судебного исполнения. В 1836 г. генерал Розен докладывал военному министру Чернышеву: «Тяжбы между горцами редки и ничтожны, потому что они вообще бедны, нужды их малы и понятия ограничены; одно кровомщение, бывшее у них прежде долгом священным, есть главное и почти единственное преступление, за которое они строго преследуются; прочие же их поступки по маловажности своей редко могут подлежать судебному разбирательству или требуют скорого решительного наказания».[82] За шесть лет существования Владикавказского окружного суда «в производстве его было только двенадцать уголовных, четыре следственных и два гражданских дела».[83] Для этого населения нужны были особые правила судопроизводства, приближенные к существующим нормам адата и шариата. Местное население, при-

Наместник Кавказа А.И. Барятинский. Литография В.Ф. Тимма

выкшее разбирать все вопросы внутри общества в рамках существовавших общественных отношений, еще не было готово выносить эти вопросы на всеобщее обсуждение с привлечением судов.

После признания неэффективности работы судов в 1836 г. было решено упразднить упомянутый суд и его полномочия возложить, как и прежде, на приставов и помощников, которые будут вести письмоводство, и единицу переводчика из местного населения. Обязанности приставов были определены инструкцией, в соответствии с местными особенностями, а «всех горцев, обличаемых в важных уголовных преступлениях, коих поступки будут подлежать судебному рассмотрению, предавать военному суду и исполнять приговоры о них по установленному порядку». Такая форма управления должна была сохраняться до тех пор, когда само население будет готово к введению новой судебной системы.[84]

В 1840 году российская администрация ввела на Кавказе уголовный и гражданский суд, разработанный по проекту сенатора Гана. Продержалась такая судебная система недолго, всего два года, «так как была вопиюще не согласована с местными особенностями и обычаями».[85]

Свое недовольство существующей судебной системой выразили депутаты Назрановского общества, которые обратились к Его Императорскому Величеству с просьбой «о дозволении им в делах между своим обществом и соседственными горскими племенами разбираться собственным судом и только за преступления против правительства и вообще против русских, предавать виновных суждению российских законов».[86] На что последовал ответ следующего содержания: «При Назрановском приставе для этого постоянно находятся шесть старшин, выбранных народом; они разбирают все маловажные споры между жителями и старые претензии и относятся в Комендантское управление только в таком случае, ежели просители остаются недовольны решением старшин; дела же уголовные и вообще с русскими решаются нашими законами».[87]

В 1857 г. территория Левого фланга Кавказской линии была разделена на четыре округа: Кабардинский, Военно-Осетинский, Чеченский и Кумыкский. Ингушетия, разделенная на четыре приставства (Нагорное, Назрановское, Карабулакское и Галашевское), входила в состав Военно-Осетинского округа.

В связи с новым административным делением и введением системы военно-народного управления, возникла необходимость создания нового органа для управления населением, в связи с чем 1 апреля 1858 г. было издано Положение об Управлении Кавказской армии, которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения по управлению горским населением.[88]

Согласно этому Положению, при начальнике округа выбиралось несколько помощников «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени, в каждом округе учредить суд из постоянных членов». Состав суда был следующим: председателем народного суда являлся начальник округа, членами – «несколько депутатов, назначенных от всех отдельных обществ, входящих в состав округа», кадий, словесный и письменные переводчики и несколько писарей, судебным делопро-

изводителем адъютант начальника округа. Местопребыванием начальника Осетинского округа и суда являлся Владикавказ, где для заседания суда избирались одинадцать депутатов, «а именно: от назрановцев – двое, от галашевцев – один, джейраховцев и кистинцев – один, от тагаурцев – двое, от алагирцев и куртатинцев – двое, от горских осетин – один, от карабулаков – один, и впоследствии еще один от дигорцев».[89] Таким образом были созданы народные суды, в которых все судебные разбирательства, касающиеся отношения внутри ингушского общества, осуществлялись по адату. «Вводя в суде разбирательство дел по адату, царизм преследовал основную цель – ослабление позиций мусульманского духовенства. Также учитывалось и то, что адат, являясь менее консервативным, по сравнению с шариатом, и «не имея начала духовного, беспрепятственно может покоряться изменениям, тогда как изменения в шариате, по самому смыслу его, составляют уже вопрос совести и верованья мусульманина». Это обстоятельство позволяло кавказскому начальству почти безболезненно отменять некоторые наиболее устаревшие или неугодные ему обычаи и заменять их новыми».[90]

«Ограниченные в большей или меньшей степени действием в крае мусульманского права, адаты кавказских горцев стали подчиняться также влиянию русских законов, с тех пор, как образовалось местное Горское управление, учрежденное на Кавказе русским правительством. Нужно, впрочем, заметить, что в то время как туземные приверженцы шариата стремились к полной отмене действия адатов в практике горских судов, русское управление во многих случаях становилось на сторону адата в борьбе его с шариатом, прежде всего старалось ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства, по отзыву Горского управления 40-х годов, всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края».[91]

Специальной инструкцией для окружных начальников от 23 марта 1860 г. генерал-фельдмаршалом А.И. Барятинским были утверждены принципы и порядок управления горскими народами, права и обязанности должностных лиц. По этой инструкции «округа делились на участки. В каждом округе и участке учреждались народные суды. Окружные народные суды были созданы по типу народных судов «мехк-кхел» и имели весьма широкий круг компетенции по гражданским, уголовным и полицейским делам. Кроме этого суд решал вопросы, связанные с благоустройством и управлением округа, вносимые начальником округа на его обсуждение. Для участия в разборе этих вопросов разрешалось приглашать на заседание почетных стариков и лиц, которые могли оказать помощь своими знаниями и опытом, в то время как при решении судебных дел присутствие посторонних было запрещено.

Ведению окружных народных судов подлежали дела по претензиям об имениях, долговым обязательствам, опеке имений; здесь же разбирались семейные разногласия и религиозные дела мусульман, дела о воровстве, сборах, насилиях, произведенных с нанесением или без нанесения ран. Суд мог выдавать свидетельства лицам, выезжающим за пределы округа, занимался составлением актов – купчих, закладных и других документов. Он был вправе выдавать свидетельства о благородном происхождении, об отпуске холопов на волю. Ряд преступлений, признанных наиболее тяжкими (возмущение против правительства, неповиновение начальству, укрывательство абреков, грабеж, разбой, святотатство, похищение казенного имущества, поранение с нанесением увечья), изымались из ведения народных судов и подлежали разбору по военно-уголовным законам.

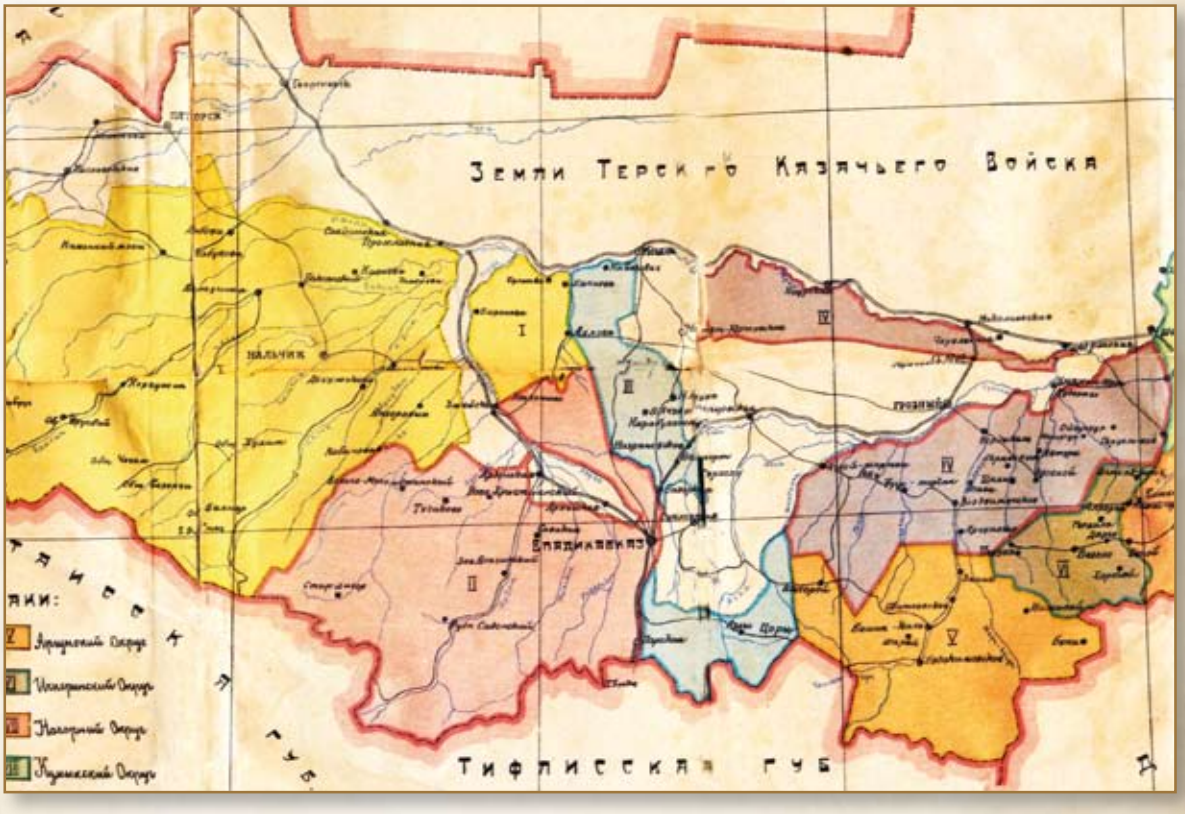
При решении дел суд руководствовался прежде всего постановлениями, утвержденными главнокомандующим Кавказской армии. Если же по какому-либо вопросу таких постановлений не было, то он разбирался по адату. Разбирательству на основании шариатских установлений подлежали религиозные дела мусульман, но при этом власть кадия была ограничена: суд мог не утверждать его решения. Если же постановления шариата предусматривали такие наказания,

как смертная казнь, телесные наказания лицам, освобожденным от них по русским законам, то суд назначал наказание по собственному усмотрению.[92]

В члены суда, согласно инструкции А.И. Барятинского, избирались совершеннолетние мужчины. «Кандидаты в члены окружных судов избирались доверенными от каждого селения, причем избиралось не менее двух кандидатов на вакантное место. Право же окончательного выбора членов судов из числа кандидатов оставалось за окружным начальником, который представлял списки избранных им лиц на утверждение командующего войсками».[93] Члены участковых судов избирались таким же образом.

В соответствии с новым административно-территориальным делением Северного Кавказа, введенным приказом наместника Кавказа А.И. Барятинским в мае 1860 г., 29 мая 1862 г. было принято «Положению об управлении Терской области», согласно которому в Терской области вводился главный народный суд. Местом пребывания главного народного суда был определен г. Владикавказ. В округах были образованы окружные суды и в участках – участковые суды.

Существенное влияние на последующее развитие судебной системы на Северном Кавказе оказала судебная реформа, проведенная по высочайшему Указу от 20 ноября 1864 г. Эта судебная реформа создала в России судебные органы, организованные по образцу развитых европейских стран. Судебная система, организованная в соответствии с реформой 1864 г., состояла из мировых и общих судов. Должность мирового судьи была выборной. Срок службы избранного судьи составлял три года.



Карта земель Горского населения Терской области. Составлена по карте 1868 г. в 1925 г.
I – Кабардинский округ, II – Осетинский округ, III – Ингушский округ, IV – Чеченский округ, V – Аргунский округ, VI – Ичкеринский округ, VII – Нагорный округ, VIII – Кумыкский округ

В компетенцию мирового судьи кроме рассмотрения некоторых категорий гражданских дел, не отличавшихся особой сложностью, входило рассмотрение проступков, за совершение которых могло быть назначено наказание в виде штрафа не свыше трехсот рублей и арест не свыше трех месяцев или заключение в тюрьму на срок не свыше одного года и шести месяцев. Мировой судья приступал к разбирательству дел как по сообщениям судов, лиц прокурорского надзора, судебных следователей и полицейских, так и по жалобам частных лиц.

Институт мировых судей в России просуществовал недолго. В 1889 г., за исключением Санкт-Петербурга, Москвы и некоторых других крупных городов России, мировые судьи были упразднены.

Герб Терской области

По Указу от 20 ноября 1864 г. был принят судебный Устав для горских народов и образован Терский областной суд во Владикавказе с двумя отделениями – уголовным и гражданским.

В 1869-1870 гг. на Северном Кавказе была проведена судебная реформа. 30 декабря 1869 г. был обнародован Указ императора о введении в Терской и Кубанской областях «Временных правил горских словесных судов». В соответствии с этим указом, судебные уставы от 20 ноября 1864 г. были распространены на русское население Терской и Кубанской областей. В округах вводился словесный суд под председательством начальника округа или его помощника. Состав судов утверждался начальником области. В сельских обществах учреждались «аульные суды», в ведение которых были переданы уголовные дела по маловажным преступлениям, совершенных в пределах территории сельского общества. Более важные уголовные дела (нанесение ран, увечья, случайные убийства, изнасилование, кража со взломом и с применением оружия и т. п.) рассматривались окружным словесным судом. Суды руководствовались положениями обычного права – адата. «Адат стал, таким образом, отправной точкой в организации системы нового судопроизводства».[94] Но когда при применении положений адата не было прецедентов, суды использовали общероссийское судебное законодательство. Таким образом, с введением новых правил было положено начало нивелирования различий между прежними горскими судами и общероссийским судебным законодательством. При решении ограниченного круга вопросов, таких как заключение и расторжение брака, вопросы о личных и имущественных правах, применялось мусульманское право – шариат. «Новая система судопроизводства была подчинена военной администрации и ничего в ней народного не было ни по форме, ни по содержанию. Военные в любое время могли отстранить судей от должности. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники».[95]

Временные правила для горских словесных судов Терской и Кубанской областей были утверждены Кавказским наместником 18 декабря 1870 г. В соответствии с этим актом, в Ингушетии был создан Назрановский горский словесный суд.

«Председатель суда, депутаты и кадий образовывали состав горского словесного суда. Председатель суда назначался администрацией. Как правило, председательствовал в судебном заседании начальник округа или его помощник (соответственно в отделах – помощник атамана) по должности. Считалось, что депутаты-судьи и кадий избираются населением, но по существу они также назначались администрацией».[96]

Списки назначенных в Назрановском округе членов суда, депутатов и кадия публиковались в газете «Терские ведомости», выходившей во Владикавказе.

Административно-территориальная реформа. До 60-х годов XIX в. горское население Северного Кавказа находилось в подчинении военных властей Левого (Северо-Восточный Кавказ) и Правого (Северо-Западный Кавказ) флангов Кавказской линии. Гражданское управление было только в Ставропольской губернии. После окончания Кавказской войны военное управление Кавказом было ликвидировано. В 1860 г. вся территория Северного Кавказа была поделена на Ставропольскую губернию, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области. Области, в свою очередь, делились на округа. Терская область состояла из восьми округов: Нальчикского, Владикавказского, Назрановского, Аргунского, Чеченского, Нагорного, Ичкеринского и Кумыкского. Ингушское население было сосредоточено в нескольких округах – Назрановском, Аргунском и Владикавказском (в дальнейшем, в 1883 г. Аргунский округ был присоединен к Чечне, и его жители ассимилированы чеченцами).[97]

Было установлено раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. Ингушский (Назрановский) округ был разделен на Назрановский, Пседахский и Горский участки. Было установлено раздельное управление для гражданского, казачьего и горского населения. В 1866 г. территория акинцев и мереджинцев была выделена из Горского участка Ингушского округа и подчинена управлению Аргунского округа.

В 1870 г. в Терской области были проведены административные преобразования, приведшие к некоторым изменениям. В частности, Осетинский и Ингушский округа были объединены во Владикавказский округ. Округа были разделены на участки, во главе которых стояли участковые начальники – царские офицеры. Административная, военная и судебная власть в округах принадлежала начальникам округов. Назрановское общество было включено во Владикавказский округ.

В 1882 г. были введены «особые правила», ужесточавшие ответственность горцев за любое выступление против русского населения и запрещавшие ношение оружия по сути везде за пределами горских селений, а в 1884 г. – специальное постановление о полном запрете на ношение огнестрельного оружия в пределах края без особого на то разрешения.[98]

Наконец, в 1888 г. было реформировано и само военно-народное управление. По новому административно-территориальному делению Терская область включала три отдела (Кизлярский, Пятигорский и Сунженский) и четыре округа (Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Хасавюртовский). В Сунженский отдел наряду с казачьим населением были включены и ингуши, которые теперь, как и все горское население, оказались в подчинении новой системы управления, по сути своей – военно-полицейской, узаконенной 16 апреля 1888 г. приказом по Военному ведомству, который, не меняя в целом системы управления Терской области, все административное и полицейское управление в области, за исключением Отдельного корпуса жандармов, в полном объеме передавал из Министерства внутренних дел в ведение военного министерства.[99] Помимо телесных наказаний широко практиковались «массовые административные высылки горцев из одного округа в другой, на остров Чечень и в Кизлярский отдел»[100]. Кстати, высылку на Чечень осетинский поэт и публицист К.Хетагуров считал равнозначным погребению заживо.[101]

Это полное подчинение ингушей казачьей власти вызвало неоднократные протесты со стороны ингушей. Ингуши вели долгую и упорную борьбу за то, чтобы вывести Ин-

гушетию из подчинения Сунженского отдела и создание отдельной административной единицы ингушей.

Доверенные от сельских обществ 2-го участка Сунженского отдела Юсуп-Хаджи Плиев и Хами-Хаджи Гулоев в своем прошении на имя генерала Мартынова, командированного в 1903 г. в Терскую область для выяснения причин грабежей и разбоев, писали: «45-тысячное население ингушского племени имеет общее административное управление с казачьим населением 17 станиц в управлении Сунженского отдела и трех начальников участков. Казачье население этих станиц простирается, судя по официальным данным «Терского календаря» за 1902 год (стр. 3 стат. ежегодника этого календаря), до 74456 душ. Немыслимо вести управление 45-тысячным ингушским населением и 74456 казачьим сколько-нибудь успешно с должным выяснением административно-полицейской и земской функции власти. Мы имеем право сказать, что в отношении нас нашими начальствующими лицами проявляется лишь власть полицейская во всех видах, подчас очень суровая, с применением за провинности отдельных лиц довольно частых экзекуций войсками над сельскими обществами, уносящих с собою последние материальные крохи и без того обнищавших жителей, без малейшего проявления деятельности земской в смысле народного просвещения, т. е. увеличения просветительно-культурных или средств в населении, народного здравия и народного продовольствия. Можно сказать, что нашим сельскохозяйственным бытом никто не заинтересован, и мы вполне предоставлены нашей природе, в чем убедила нас холерная эпидемия 1891-1892 гг., когда у нас не оказалось ни участковых врачей, ни приемных покоев для заболевших страшной холерой, и в чем может убедить первый же возможный случай голода или недорода хлебов».[102]

4. Социально-экономическое развитие Ингушетии в XIX в.

Во второй половине XIX в. во всех сферах жизни Ингушетии происходят активные преобразования, связанные с процессом интеграции в государственное пространство Российской империи. В этот период Россия вступила в капиталистическую стадию своего развития и под влиянием капиталистических отношений Ингушетия, как и другие регионы Кавказа, втягивалась в товарно-денежные отношения.[103] В связи с установлением в Ингушетии законов российского государства местное население вовлекалось в процесс модернизации Российского государства.

Основным занятием и главным средством материального обеспечения большинства населения Ингушетии являлось сельскохозяйственное производство. На плоскости, где население было относительно лучше обеспечено землей, получило развитие земледелие. В предгорной и горной зонах из-за малоземелья традиционно преобладало скотоводство. По данным первой всеобщей переписи населения за 1897 г., 92,4% ингушей «добывало себе пропитание земледельческим трудом».[104] Т. е. большинство населения Ингушетии активно занималось обработкой земли.

На плоскости характерна была трехпольная система земледелия (сенокос, пашня, выпас), широко применялось орошение. Удобрения, как правило, мало использовались. Сеяли ячмень, пшеницу, просо, овес, фасоль и другие культуры. В конце XVIII – начале XIX вв. в жизнь ингушей прочно вошла кукуруза, а со второй половины XIX в. она стала преобладающей культурой в предгорно-плоскостной зоне. В горных районах земледелие получило меньшее развитие по причине особенностей почв горной зоны и больших затрат и усилий, требуемых для получения урожаев. Издревле горцы создавали на крутых склонах

Ингуши из горного Джейрахского общества, конец XIX в.

пахотные участки в виде террас, но их строительство требовало много труда и времени. Террасные поля удобрялись органическими удобрениями и орошались. Применялись специальные желоба – сборные водопроводы из липовой коры. Обрабатывали землю в горах специальной горной сохой. В рассматриваемый период уже в основном возделывали кукурузу. Бессменная культура одной кукурузы при отсутствии системы в восстановлении плодородия почвы и наличии самой примитивной техники, не могла служить признаком интенсивности полеводства – это однообразие придавало сельскому хозяйству горной зоны своеобразный экстенсивный характер.[105] Из-за малоземелья горцы были вынуждены покупать хлеб у жителей плоскостных районов. Под влиянием русских переселенцев и развивающихся капиталистических отношений земледелие у ингушей постепенно приобретало более интенсивный характер. Стали применяться новые, более совершенные орудия и методы ведения хозяйства. Во второй половине XIX в. начинают возделываться новые культуры, в частности подсолнечник. С 80-х гг. XIX в. стали проникать в Ингушетию плуги фабричного производства. Также появляются фабричные косы, серпы, жатки. Для молотьбы хлеба применяли различные способы: выбивание зерна копытами лошадей, колесами телег при помощи молотильной доски, а также использовали молотильные катки, заимствованные у русского населения. Зажиточные ингуши имели конные и паровые молотилки. Использовать новую технику могли далеко не все. Например, сноповязалка стоила 335 руб., жнейка – 160 руб., сенокосилка – 125 руб., конные грабли – 55 руб.[106] Такие орудия могли покупать только зажиточные крестьяне и казаки. Большая часть кре-

стьянских хозяйств в аулах продолжала пользоваться самодельными сохами или плугами, не имея возможности купить заводские.[107] Излишки сельскохозяйственных товаров, особенно кукурузы, вывозились на рынки в русские крепости и поселения, прежде всего во Владикавказ.

В конце XIX в. в связи со строительством Владикавказской железной дороги наблюдается дальнейшее оживление экономической жизни края. Увеличиваются запашки, производство и вывоз товарного хлеба. Происходила ломка старых форм хозяйства, социальных отношений и формирование новых. Среди ингушей появились зажиточные крестьяне и купцы.

С земледелием тесно были связаны садоводство и огородничество. Выращивались различные фрукты (яблоки, груши, абрикосы, сливы, вишни) и овощи (лук, чеснок, тыква, фасоль). В основном эти отрасли были развиты в районах рек Сунжи и Терека. Садоводство больше развито было в казачьих станицах и ингушских селениях Сунженского отдела.[108] Также было развито пчеловодство.

В экономической жизни ингушей традиционно большую роль играло скотоводство, которое было развито как в горах, так и на равнине. В горах преимущественно разводили мелкий рогатый скот (овец и коз), на плоскости – крупный рогатый скот. Скотоводство в горах носило отгонный характер: летом скот отгоняли на высокогорные пастбища, а зимой – держали в селениях. На зиму заготавливали сено. Разведению скота придавалось большое значение. Он служил мерой стоимости при торговых сделках, уплаты калыма, штрафа за кровь.

Из отраслей животноводства наиболее развитым у ингушей, как и других народов Северного Кавказа, являлось овцеводство. Овцы, неприхотливые к корму, требовали меньше ухода, давали мясо и шерсть. Славились черкесская и калмыцкая породы овец. Форма ведения скотоводства носила явно экстенсивный характер. Ингуши не занимались выведением новых пород, скот в основном был малопродуктивным и малорослым, что объяснялось дефицитом кормов, отсутствием правильной селекции. Во второй половине XIX в. с целью улучшения породы скота, ингуши, стали приобретать быков и овец у терских и гребенских казаков. В последней четверти XIX в. в Ингушетии появляются тонкорунные мериносы и другие улучшенные породы овец.

Слабее было развито коневодство. В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. в Ингушетии насчитывалось 8559 лошадей (22 лошади на 100 жителей).[109] Следует отметить, что имело место неравномерное распределение скота между плоскостными и горными жителями. В Ингушетии крупного рогатого скота в среднем на крестьянский двор приходилось 4,6 головы, на 100 жителей – 95 голов. Не имевших крупного рогатого скота у ингушей было 5,4%. Численность мелкого рогатого скота была более высокой: на 100 плоскостных жителей – 154 головы, на 100 горных жителей – 330 голов.

У ингушей были развиты различные ремесла. Многие селения являлись ремесленными и кустарными центрами, чему способствовала местная сырьевая база. Существовали такие промыслы, как оружейное и кузнечное дело, резьба по дереву и камню, изготовление ювелирных изделий, обработка шерсти, кожи, шкур, плотничество, но особенно было развито строительное дело. В Ингушетии производились сельхозорудия, предметы домашнего обихода. Были прекрасные мастера по изготовлению бурок, сукна, ковров, паласов, кошм. Изделия ингушских мастеров расходились по всему Северному Кавказу и поставлялись в Закавказье.

Заметное место в хозяйственной деятельности ингушей занимала металлообработка, которая находилась на довольно высоком уровне развития. Ингушскими мастерами эффективно использовались многие металлы: медь («цIаст»), сталь («болат», «Iанда»),

свинец («даша»), железо («аьшк»), золото («дошув»), серебро («дотув»), бронза («геза»), олово («гIаьле»). Эта отрасль ремесла представлена двумя направлениями: кузнечным и ювелирным. Большую роль в хозяйственной жизни играло кузнечное дело. Если ювелирное ремесло было больше ориентировано на продажу и обмен за пределами своего селения, то кузнечное – на обеспечение собственных потребностей: предметы кузнечного производства должны были удовлетворять нужды жителей своего селения, и только небольшая часть их шла на продажу. Изготовлением металлических предметов занималось небольшое количество лиц. Это было сугубо мужское занятие. Для занятия земледелием развитие кузнечного ремесла было просто необходимым условием – требовались профессиональные мастера для изготовления нужных в хозяйстве и быту предметов. Росла потребность ингушей в металлических изделиях, которые недостаточно завозились из городов. Определенного мастерства требовал также ремонт сельскохозяйственных орудий. Из железа изготовлялись различные орудия труда: ножи, подковы, топоры, косы, серпы, лемехи, котлы, цепи, гвозди, совки и другие изделия. Кузнецы пользовались особым почетом в обществе. Свое мастерство они передавали из поколения в поколение. Известно, что целые династии потомственных кузнецов жили в Цеча-Ахке, Эгикале, Салги, Кашети и других населенных пунктах Горной Ингушетии.[110] Г.К. Мартиросиан описывает кузницу в с. Салги, сооруженную из леса и камня, которая перешла от деда к отцу, от отца к сыну.[111]

Местные ювелиры производили разнотипные женские и мужские украшения (серьги, кольца, перстни, подвески, браслеты, газыри, серебряные накладки на мужские пояса, инкрустировали кинжалы и сабли). Наиболее известными центрами ювелирного дела у ингушей являлись Цори, Евли, Эгикал, Верхний Алкун, Эрзи, Мецхал, Цеча-Ахк. Мастера-ювелиры в своей работе умело сочетали разные операции по обработке металлов: зернение, чернение, золочение, инкрустацию и т .д. В конце XIX – начале XX вв. ювелирное производство стало приходить в упадок, не выдержав конкуренцию со стороны дагестанских мастеров.

В рассматриваемое время деревообделочное ремесло у ингушей получило значительное развитие. Изделия мастеров по дереву не только удовлетворяли потребности горцев, но и шли на продажу во Владикавказ и Тифлис. Из дерева изготовлялась домашняя утварь и посуда, бочки, повозки, отдельные детали оружия и хозяйственных орудий. Этим ремеслом в основном занимались мужчины. Многие деревянные изделия делались на токарном станке, а некоторые предметы – ложки, половники, песты, ковши изготовлялись вручную. Распространение получили резные оконные наличники, ставни, двери, мебель, особенно – лари и шкафы.

Развито было и гончарное ремесло, что подтверждается археолого-этнографическими источниками. Из глины делали различные изделия: кувшины, кружки, чашки, которые украшались орнаментом, подвергались лощению.

Широкое развитие получила у ингушей обработка шерсти, из которой изготовлялись различные сукна, войлоки, ковры, бурки и т. д. Шерсть обрабатывали с помощью однорядного, двухрядного, реже – трехрядного гребня («тха оалха ехк»), веретена («йоачIинг»), прялки («йоачишк»), лука («тха тоха Iад»). О.В. Маргграф писал, что по обработке шерсти среди других народов Северного Кавказа ингуши занимают ведущее место, что все женщины умеют шить обувь и этот труд лежит на их обязанности. Он также дал описание ткацкого станка, на котором женщины выделывали сукно.[112] Шерсть очищали, стирали, сортировали, расчесывали, а затем только из нее начинали, что-то делать. Весь этот процесс был трудоемким и поэтому для помощи приглашали женщин, в основном из числа родственниц. Мастерицы делали несколько видов войлочных ковров и бурки. Известны

имена знаменитых мастериц по изготовлению войлочных изделий: Хази Ведзижева, Рабият и Салихат Баракиевы, Куси Ахильгова и др. Войлочные изделия Х. Ведзижевой (до 50 единиц хранения) экспонировались на международной ярмарке в г. Дамаске, где вызвали большой интерес специалистов.

Часть ремесленных изделий изготовлялась для внутреннего потребления, а часть – на продажу. На рынках Владикавказа, Моздока, Тифлиса, Кизляра и других городов ингуши продавали бурки, башлыки, арбы, колеса, соль, медную посуду, строительные доски, мельничные желоба, молотильные доски, ободья, спицы, резные сундуки и др. изделия.

Заметное место занимало мукомольное производство. Исследователь ингушского быта XIX в. Н.Ф. Грабовский дал описание горских мельниц с регулятором помола, с помощью которого можно было получить как крупную, так и мягкую муку.

Таким образом, кустарные промыслы играли большую роль в хозяйстве ингушей. Для значительной части населения Ингушетии во второй половине XIX в. они были единственным источником существования.

Большое значение для развития экономики Ингушетии имела торговля. Торговые связи ингушей с другими народами усиливаются с открытием в начале XIX в. меновых дворов. Меновые дворы, между тем, не способствовали развитию достаточно свободной торговли, ей мешали военное положение края, карантинные ограничения. К началу 30-х гг. XIX в. оживляется ярмарочная торговля в Моздоке, Кизляре и других городах. Меновая торговля со второй половины XIX в. постепенно вытеснялась денежной. Ингуши стали продавать свои товары на северокавказских рынках (Владикавказ, Моздок, Кизляр) и в Тифлисе. В их селах открывались лавки, где продавали предметы первой необходимости. Пользовались горцы и станичными лавками, в которых покупали самые необходимые товары: хлопчатобумажные ткани, платки, чай, сахар.

Повышение товарности земледелия, скотоводства, ремесла втягивало экономику Ингушетии в общероссийский рынок, разрушало патриархальные устои общественной жизни, способствовало развитию в Ингушетии экономики, социальных отношений, приобщению народа к русской культуре.

Знаток традиций и быта ингушей Н.Ф. Грабовский писал, что, стремясь всеми доступными средствами «завоевать себе и образование, и место в торговле и промышленности», ингуши проявляют недюжинную активность, практичность, сметливость.[113] В поисках новой жизни и новой прибыльной работы они потянулись во вновь созданные города и поселки. Указывая на разительные перемены, которые произошли в психологии, настроениях ингушей и других народов Кавказа, А. Ардасенов отмечал, что ингушей «можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни, ищущих всюду работу – приложения своих рук».[114]

К концу XIX – началу XX вв. у ингушей появляются крупные для региона предприниматели, владеющие целым рядом предприятий, большая часть которых была расположена в районе железнодорожной станции в Назрани, превратившейся в торгово-экономический центр Ингушетии. Здесь располагались мануфактурные и бакалейные лавки, хлебные амбары, керосиновые склады и хлебопекарни. Крупнейшими из них, по данным Ставропольской казенной палаты, являлись: хлебный амбар Гаирбека Гелисханова (с годовым оборотом 300 тыс. руб.); мануфактурная лавка, хлебный амбар и склад керосина Гази-Магомета Плиева (с общим годовым оборотом 71 тыс. руб.); мануфактурная лавка Авди Гиреева (с годовым оборотом 60 тыс. руб.) и др. Предприниматель С. Горчханов построил на железнодорожной станции Плиево большой склад с годовым оборотом в 50 тысяч рублей.[115]

Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., штабс-капитан Батоко Мочкиевич Ужахов

Социально-экономические преобразования затронули и вековые традиции общественного и семейного быта ингушей. К концу XIX в. почти целиком исчезают обычаи и обряды, связанные с культом родоначальников, предков, с представлениями об их живом участии во всех делах общины. Основанные на древних верованиях судебные разбирательства и решения уступают место шариатскому и горскому словесному судопроизводству. Многие особенности этих преобразований со всеми их плюсами и минусами очень подробно были рассмотрены в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. первым ингушским этнографом Чахом Ахриевым.

Существенные изменения происходят в семье и семейном быту ингушей. Традиционные большие семьи разделяются, трансформируются в малые. Известный этнограф Н.Н. Харузин, исследовавший этот процесс, отмечает; «За последнее время среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще происходят семейные разделы. Прежние семьи распадаются все более и более на несколько самостоятельных небольших семей, получающих каждая новый наследственный надел от общества».[116] Этот процесс знаменует собой преодоление пережитков родового строя.

Таким образом, во второй половине XIX в. в Ингушетии начинают развиваться процессы, все больше втягивающие ее в российскую экономическую систему: рост производительных сил, капиталистическая перестройка сельского хозяйства, быстрый рост посевных площадей, дифференциация крестьянского хозяйства. Все явственнее выделяются новые экономические отношения при существовании старых форм: купля-продажа (земли) и натуральный обмен; существование домашних промыслов наряду с привозимыми фабрично-заводскими товарами и плата казне подымной подати. Крестьянин-ремесленник превращается в мелкого капиталиста, появляются рядовые рабочие. Отталкиваясь от этого, положительным можно назвать и получение ингушами единого административно-территориального деления и управления, пусть даже имевшего полицейский характер и цели. К тому же территориальная и экономическая стабилизация края благотворно влияла и на этническое самосознание народа, а также на развитие товарно-денежных отношений и рост торгового земледелия и скотоводства.

Под влиянием модернизационно-цивилизационного процесса начала меняться психология ингушей, их отношение к земле, к вопросам культуры и просвещения.

5. Участие ингушей в войнах России в XIX в.

Правительство России придавало большое значение организации воинских формирований из представителей горских народов для использования их в военных действиях на Кавказе и во внешних войнах. В случае войны из горцев формировались иррегулярные части. Правительство России добивалось того, чтобы «иметь все сии народы в своей зависимости и учинить полезными государству».[117]

Впервые отряд ингушской милиции на службе России был создан в 1786 г. для охраны Владикавказской крепости.

Более активно привлекать на военную службу ингушей Россия стала в начале XIX в. С начала XIX в. ингушские воинские образования привлекались к участию почти во всех внешних войнах России.

Ингуши, будучи прирожденными воинами, охотно вступали в иррегулярные формирования. Назрановская милиция, принимавшая активное участие в военных акциях в период Кавказской войны и прикрывавшая Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу с северо-восточного направления, имела репутацию «самой лучшей по воинственности» среди горских народов.

До сих пор в народной памяти сохраняются имена ингушей – офицеров русской армии, ставших героями преданий и легенд, таких как Малсаг Уцигович Долгиев и Мочко Бейсарович Базоркин.

Одними из первых кадровых ингушских офицеров являлись выпускники Дворянского полка (позже Константиновское военное училище) – подполковник Анзор Мамилов и майор Николай Альдиев, воспитанник Павловского кадетского корпуса – подполковник Муса Булгучев. В 1857 г. при переводе из лейб-гвардии в армейскую кавалерию звание подполковника было присвоено Гаирбеку Мальсагову, сыну почетного ингушского старшины, прапорщика Гайти Мальсагова.

Ингуши, в составе русских войск, участвовали в Крымской войне (1853-1856 гг.) против коалиции англо-франко-турецких войск. До сорока ингушей служило в Кавказско-Горском полку, сформированном из северокавказских горцев и казаков. Этот полк «стал первой «кузницей» формирования офицерских кадров из горцев. Именно этот полк положил начало системе создания иррегулярных воинских частей из северокавказских горцев».[118]

Также для участия в этой войне создавались отдельные горские формирования в виде кавалерийских сотен, в том числе и из ингушей.

Особенно прославились ингуши, сражавшиеся против турецкой армии на Кавказском фронте. Своими мужественными и решительными действиями получила известность двухсотенная горская милиция, в 1855 году воевавшая на Кавказском фронте.[119] После окончания войны было награждено памятной бронзовой медалью 325 ингушей – рядовых всадников и 80 офицеров временной милиции.[120]

Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., подпоручик Атаби Бонухоевич Базоркин

Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., прапорщик Анзор Дударович Боров

Активное участие приняли ингуши в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Боевые действия «развернулись на двух фронтах – на Балканском и на Кавказском (Малоазиатском). На обоих этих фронтах в составе русской армии сражались и иррегулярные (милиционные) части, сформированные из представителей народов Северного Кавказа».[121]

Осенью 1876 г. был сформирован Терско-Горский иррегулярный полк, состоявший из двух дивизионов – Ингушского и Осетинского, начальником которого был назначен полковник П.Ф. Панкратов. Командиром Ингушского дивизиона был назначен подполковник Бонухо Базоркин, командирами сотен – подпоручик Батако Ужахов и майор Бунухо Долгиев. Младшими офицерами Ингушского дивизиона в полк были зачислены прапорщики Темурко Боров, Дох Мальсагов, Керим Богатырев, Артаган Мальсагов, ротмистр Николай Альдиев, поручик Генардуко Есенов, подпоручики Маги Наурузов, Умар Сампиев и Гани Джемиев.[122]

Ингушский дивизион под командованием подполковника Бонухо Базоркина, входивший в Терско-Горский конно-иррегулярный полк, за героизм, проявленный в боях с турецкими войсками на территории Болгарии, по указу императора России Александра II от 17 апреля 1878 г. был награжден Георгиевским знаменем с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов». Полторы сотни ингушских всадников, действовавших под Рущуком, Шумлой и Варной, получили знаки отличия Военного ордена различных степеней и медали. Также почетными Георгиевскими знаменами были награждены и другие части, в которых служили ингуши, в частности Александропольский конно-иррегулярный полк, в котором с начала его формирования служило пятнадцать ингушей. Один из них – Джамбот Джениевич Картоев, награжденный за отличие в бою с турками 16 июня 1877 г. знаком отличия Военного ордена Св. Георгия IV ст.[123]

Офицер милиции Берс Мальсагов

Особенно отличились воины-ингуши в сражении за село Кацелево 3 ноября 1877 г. «Поведение ингушей… выше похвалы… – писал командующий восьмым армейским корпусом, генерал-адъютант, генерал-лейтенант князь А.М. Дондуков-Корсаков. – Они с беспримерною храбростью бросались на неприятеля, осыпавшего их пулями… Ингуши, поддержанные третьим эскадроном гусар, смело атаковали пехотные части в ложементах. По общему отзыву, героями дня были всадники Терско-Горского полка».[124] Приказом по войскам за мужество в этом бою были награждены: командир дивизиона Бонухо Базоркин – орденом Святой Анны 2-й степени с мечами, ротмистр Николай Альдиев – орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом, прапорщик Артаган Мальсагов орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За

храбрость». Подпоручик Маги Наурузов был произведен в поручики. Знаками отличия Военного ордена были отмечены урядники Бати Мальсагов, Парчо Темирсултанов, Генардуко Алиев, Николай Мурашов, Исай Местоев, Габжуко Цуров, Дебир Мусостов, всадники Тебо Хадарцев, Таташ Плиев, Эси Луракиев, Мауси Ужахов, Дженерал Джантемиров, Долотмурза Ведзижев, Чалдыр Гойгов, Дударко Хаштыров, Дота Дудургов, Дуда Батыжев, Индерби Хашагульгов, Гайти Аспиев, Зейпул Меирбиев.[125]

Участник Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., всадник Берд Наурузович Амирханов

Массовый героизм проявили офицеры и всадники Ингушского дивизиона в боях под Шумлой и Рущуком в январе 1878 г. За этот подвиг знаками отличия Военного ордена были отмечены урядники Муса Ганижев, Кути Куркиев, Эльмурза Гойгов, Иса Мальсагов, Каци Маршани, Хатажуко Мальсагов, Мудар Гойгов, Саит Альмурзиев, Александров Тарханов, Татаре Албогачиев, Маги Даурбеков, Шейх Мальсагов, Касбулат Мамилов, Мурдул Дзортов; всадники Асланбек Куркиев, Бексултан Мальсагов, Бази Цургов, Ильяс Хампиев, Дени Аблизаев, Азар Асмурзиев, Татархан Боров, Толхут Бекботов, Маги Акиев, Ибиш Арсамаков, Джантемир Чериев, Мустаби Мальсагов и многие другие. «В первый офицерский чин были произведены: участник Крымской войны, кавалер трех георгиевских крестов, юнкер Муртуз Дзортов, урядник Магомет Мальсагов».[126]

При прощании с Ингушским дивизионом командир Восьмого армейского корпуса генерал-адъютант Манзей издал приказ, в котором были следующие слова: «...Войска Восьмого корпуса с великим сожалением расстаются с этими славными боевыми товарищами, заслужившими по общему отзыву название отличных храбрецов в отряде. Заслуги эти вознаграждены самою почетною для войск наградою... – пожалованием дивизиону Георгиевского штандарта. Господа офицеры, урядники и всадники Ингушевского дивизиона! Вы можете с гордостью развернуть на Кавказе ваш Георгиевский штандарт и заявить своим землякам и соаульчанам, что военные товарищи, всего труднее отдающие другим предпочтение в храбрости, признали за вами это преимущество. Войска Восьмого корпуса знают о ваших смелых подвигах под Соленикомом и молодецких стычках под Шумлою, они будут помнить ваш богатырский и победоносный конный бой 3 ноября с турецкою пехотою на Кацелевских крутых высотах, покрытых кустарниками, по которым и пехота с трудом ходила. Поздравляю Ингушевский дивизион и мужественного их полкового командира с этою завидною для всякого воина репутацию и от лица войск восьмого корпуса благодарю за бдительную аванпостную службу, охранявшую спокойствие стоявших сзади войск, и за беззаветную храбрость в бою, выручавшую не раз товарищей из опасности».[127]

Участник Крымской (1853-1856 гг.) и Русско-турецкой войн (1877-1878 гг.), полковник Эльджи Джабагиевич Джабагиев

Генерал-майор Бонухо Бейсарович Базоркин (1832-1906)

Первый ингушский генерал Бонухо Бейсарович Базоркин (1832-1906) родился 21 сентября 1832 г.[128] в семье Бейсара из рода Газдиевых в хуторе на р. Камбилеевке.

Военную карьеру Бонухо Базоркин начал с участия в Кавказской войне. В 1850 г. он произведен в юнкера, в 1851 г. – в прапорщики. После окончания военных действий на Северо-Восточном Кавказе в течение десяти лет – с 1861 по 1871 г. – он прослужил в императорском конвое, причем почти семь лет (1864-1871 гг.) – командиром горского взвода Лейб-гвардии Кавказского эскадрона.

Участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. На этой войне в звании подполковника являлся командиром Ингушского дивизиона Терско-Горского конно-иррегулярного полка. Ингушский дивизион под командованием подполковника Бонухо Базоркина, входивший в Терско-Горский конно-иррегулярный полк, за героизм, проявленный в боях с турецкими войсками на территории Болгарии, по указу императора России Александра II от 17 апреля 1878 г. был награжден Георгиевским знаменем с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».

6 октября 1888 г. был произведен в полковники. В 1896 г. участвовал в качестве представителя от ингушского народа в коронации императора Николая II. 20 августа 1904 г. Бонухо Бейсарович Базоркин первым из ингушей был удостоен звания генерал-майора. В том же году он вышел в отставку.

Умер Бонухо Бейсарович Базоркин в 1906 г. Похоронен в родном селении Базоркино.

За долгие годы безупречной службы он был награжден многими орденами. В 1888 г. за безупречную службу Ставропольским Дворянским Собранием Бонухо Базоркину было пожаловано потомственное дворянство.[129]

Потомственного дворянства был удостоен и его старший брат – подполковник Мочко Бейсарович (Сергей Федорович) Базоркин, первый среди ингушей кавалер самой высокой военной награды Российской империи – ордена Св. Георгия IV степени.

Также потомственное дворянство получил и подполковник Хоуда Шмакович Ахушков с сыновьями Заурбеком и Алиханом. По выходе в отставку в 1890 г. он был произведен в полковники. Оба его сына также стали русскими офицерами.

В 1886 г. среди кадровых военных, состоящих на службе в регулярных войсках, значились: подполковники Бонухо Базоркин, Хоуды Ахушков, Анзор Мамилов, Бонухо Долгиев; штабс-капитан Атаби Базоркин; поручики Янарсан Бекбузаров, Пшемахо Дахкильгов, Атаби Дидигов; подпоручик Хасбулат Пошев; портупей-юнкер Заурбек Альдиев и др. Большое количество ингушей служили в Терской постоянной милиции, по данным за 1886 г., офицерами милиции числились: подполковник Сергей (Мочуко) Базоркин; поручики Батоко Ужахов, Дондуко Мальсагов, Эльберд Мальсагов, Седи Доурбеков; подпоручики Арсакай Тадыгов, Темурко Голиев, А. Ужахов, Керим Богатырев, Умар Сампиев (Албогачиев), Гани Джимиев (Картоев), Дох Мальсагов; прапорщики Эса Горчханов, Берс Мальсагов, М. Мальсагов, Эльмурза Пошев, Джантемир Костоев, Ар-

сануко Леймоев, Долтмурза Леймоев (Албогачиев), Саит Богатырев; юнкер, переводчик при Кавказском наместничестве в Тифлисе Инал Парагульгов и др.

Во второй половине XIX в. появляется целая плеяда ингушей – российских офицеров, служащих в иррегулярных формированиях и в регулярных частях Русской Императорской армии. Военная служба, приносящая стабильный заработок, дающая возможность сделать карьеру и обеспечивающая по мере повышения по службе материальное благополучие, становится зачастую делом наследственным, среди ингушского офицерства нередко встречаются преемственность поколений. Сделавшие карьеру на военном поприще ингушские офицеры, как правило, активно способствуют привлечению на службу своих родственников и фамильных братьев. Так сформировываются целые офицерские династии некоторых ингушских фамилий – Мальсаговых, Базоркиных, Ахриевых, Долгиевых, Куриевых, Ужаховых, Боровых, Пошевых, Альдиевых, Дахкильговых, Бекбузаровых и др.

Примечания:

1 Генко А. Из культурного прошлого ингушей // ЗКВ при Азиатском музее АН СССР. Т.5. Л., 1930. С. 695.

2 Путешествие в Крым и на Кавказ Моритца фон Энгельгардта и Фридриха Паротта, доктора медицины. // Ингушетия и ингуши. Т.1. Назрань-М., 1999. С. 103.

3 АКАК об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995. С. 70.

4 Там же. С. 75.

5 Там же. С. 70.

6 Там же.

7 Там же. С. 74-75.

8 Там же. С. 81.

9 Там же. С. 73.

10 Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 665.

11 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 79.

12 Там же. С. 79.

13 Там же.

14 Мальсагов Ах.У. Ингуши: история и века родословий. Нальчик, 2003. С. 81.

15 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае. Грозный, 1989. С. 61.

16 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 79, 81-82.

17 Там же. С. 84-90.

18 Там же. С. 83.

19 Штедер Л. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа. // Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 192.

20 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 46-47.

21 Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. М., 1974. С. 166-168.

22 Волкова Н.Г. Указ. соч.. С. 162; Карта Левого фланга Кавказской линии. 1840 г. Составитель штабс-капитан Петухов. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д.20609.

23 Волкова Н.Г. Указ. соч.. С. 162.

24 РГВИА. ВУА. Ф.482. Д. 136. Лл. 2-19.

25 Маркс К. Лорд Пальмерстон – статья седьмая // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 9. С. 408.

26 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 54.

27 Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX в. Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 58.

28 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 169-170.

29 Хожаев Д. Чеченцы в Русско-Кавказской войне. С. 178.

30 Там же. С. 180.

31 ЦГИА Грузии. Ф.1083. Оп.6. Д.381. Л.18.

32 Скитский Б.В. Назрановское возмущение 1858 г. // Многоликая Ингушетия. СПб., 1999. С. 154-155.

33 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 216-217.
34 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 125.
35 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 212-214.
36 Там же. Примечание. С. 162
37 Парова Л. Восстание ингушей 1858 года. С. 366-367.
38 Там же. С. 367.
39 Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамиле во время пребывания его в г. Калуге с 1859 по 1862 год. // АКАК. Т.XII. Тифлис, 1904. С. 1413; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 380-381.
40 АКАК об Ингушетии и ингушах. Примечания. С. 243-244.
41 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае. С. 58.
42 Ахриев Ч.Э. Избранное. Назрань, 2000. С. 172.
43 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 226.
44 Там же. С. 224.
45 Там же. С. 226.
46 Там же. С. 228.
47 Там же. С. 59-60.
48 ГАРФ. Ф.730. Оп. 1. Д. 21. Л. 110.
49 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 149-150.
50 Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (втор. пол. XIX – пер. пол. XX в.). М., 2001. С. 22.
51 РГВИА.Ф. 450. Оп. 1. Д. 64. Лл. 9-13.
52 Силаев Н.Ю. Миграционная политика Российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 3. М., 2002. С. 86.
53 ГАРФ. Ф.730. Оп.1. Д.477. Лл.10-11.
54 Чочиев В.Г. Роль иммиграции в истории Османской империи конца XVIII – начала XX вв. // Вестник Московского университета. Сер.13. Востоковедение. №3. М., 2000. С. 5.
55 Там же.
56 РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 64. Лл. 79-81.
57 Чочиев В.Г. Указ. соч. С. 10.
58 Базоркин М.М. История происхождения ингушей. Нальчик, 2002. С. 131-132.
59 Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994. С. 64-65.
60 Кумыков Т.Х. Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа // Всесоюзная научно-практическая конференция (24-26 октября 1990 г.). Нальчик, 1994. С. 20.
61 Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Ростов-на-Дону, 1925. С. 86-87.
62 Базоркин М.М. Указ. соч. С. 145.
63 Березгов Б.Н. Современное положение северокавказских мухаджиров в странах мира (история расселения и историко-культурные перспективы) // Всесоюзная научно-практическая конференция (24-26 октября 1990 г.). Нальчик, 1994. С. 76.
64 Гожба Р. От Кубани до Нила расселялись, уходящие от родных очагов, горцы // Родина. № 3-4. М., 1994. С. 131.
65 Там же. С. 132.
66 Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. Нальчик, 2001. С. 307.
67 Из архива времени // Ингушетия и ингуши. (Сост. М.Д. Яндиева). Назрань-М., 1999. С. 383.
68 Кипкеева З.Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь, 2000. С. 53.
69 РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 64. Лл. 12-13.
70 Базоркин М.М. История происхождения ингушей. С. 155.
71 Там же. С. 388-389.
72 Там же. С. 387-388.
73 РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 64. Лл. 9-13.
74 Посемейные списки населенных пунктов Владикавказского округа Терской области 1886 года. Т. 2. Нальчик, 2009. С. 145-397.
75 Ялхароева М. Девочка по имени Назрань // Газ. «Аргументы и факты – Северный Кавказ». 2001, № 46.
76 Там же.
77 Там же.
78 Там же.

79 АКАК об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995. С. 184.
80 Там же. С. 168-178.
81 Там же. С. 184-185.
82 Там же. С. 189.
83 Там же. С. 189.
84 Там же. С. 190-191.
85 Лисицына Г.Г. Обзор основных источников по истории Российской политики на Кавказе в XIX веке // Россия и Кавказ. СПб., 2003. С. 135.
86 РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б. Л. 19 об.
87 РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 311б. Л. 30.
88 Мужухоева Э.Д. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40-60 гг. XIX в. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII – начало XX в.). Грозный, 1982. С. 75.
89 АКАК об Ингушетии и ингушах. С. 192-193.
90 Мужухоева Э.Д. Указ. соч. С. 72-73.
91 Маттис Йоахан. Предисловие // Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Вып.1. Нальчик, 2002. С. 39.
92 Мужухоева Э.Д. Указ. соч. С. 75-76.
93 Там же. С. 76.
94 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 281.
95 Там же. С. 282.
96 Кокурхаев К-С.А-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей. Грозный, 1989. С. 47-48.
97 Г. Вертепов отмечал, что дальние кистины раньше относились к ингушам и лишь «в настоящее время эту группу чеченского населения относят к собственно чеченцам».
98 Ахмадов Ш.Б. Источники о социально-экономическом развитии переселенческой деревни Терской области в пореформенный период // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 69.
99 Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление и управление Терской области в 80-90-е гг. XIX в // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 69.
100 Там же.
101 Мужухоева Э.Д. Публицистика К.Хетагурова как источник изучения административной политики царизма в Чечено-Ингушетии на рубеже XIX-XX вв. // Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 54.
102 Труды комиссии Владикавказской городской думы для рассмотрения вопросов о причинах грабежей и разбоев в г. Владикавказе. Приложение. Владикавказ, 1905. – Цит. по: Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 103-104.
103 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 82-84.
104 Хасбулатов А.И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистическое развитие России: вторая половина XIX – начало XX вв. // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX вв). Грозный, 1986. С. 118.
105 Тусиков М.Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926. С. 86-87.
106 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г. М., 1998. С. 304.
107 Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). Грозный, 1963. С. 187.
108 Там же. С. 59.
109 Хасбулатов. А.И. Указ. соч. С. 126.
110 Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный, 1990. С. 28.
111 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 34.
112 Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 147.
113 Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. 9. отд.1. Тифлис, 1876. 28-29.
114 Ардасенов А. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис,1896. С. 35.
115 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917). Грозный, 1968. С. 29.
116 Харузин Н.Н. О юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1898. С. 124.
117 История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 82.
118 Алмазов И.Г. Ингушская военная интеллигенция в русской императорской армии. Назрань, 2008. С. 8.

119 Паренсов П.Д. Из прошлого // Русская старина. СПб., январь, 1890. С. 605.
120 Муталиев Т.Х.-Б. В одном строю. Грозный, 1978. С. 6.
121 Там же. С. 8-9.
122 Там же. С. 35-36.
123 РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1855. Л. 26.
124 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 4. СПб., 1898. С. 104-195.
125 Муталиев Т.Х.-Б. Указ. соч. С. 60.
126 Там же. С. 70.
127 ЦГА РСО-А. Ф. 83. Оп. 1. Д. 34. Лл. 7-8.
128 Владикавказское окружное полицейское управление. Посемейный список сел. Базоркино. 1886 г. // ЦГА РСО-А. Ф. 30. Оп. 1. Д. 61.
129 ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 748.

Глава VI

Культура и просвещение Ингушетии в XIX в.

1. Материальная культура ингушей XIX в.

Развитие материальной культуры тесно связано с характером хозяйственной деятельности и социальных отношений, природно-географическими и историческими условиями, в которых шло формирование ингушского народа.

Поселения и жилища. Заметное место в производственной деятельности ингушей занимало строительное дело. Тесные экономические и культурные связи с народами Северного Кавказа и Россией способствовали значительным изменениям в быту горцев во второй половине XIX в. Совершенствовалась строительная техника: появились дома нового типа, увеличился завоз строительных материалов, изменилась одежда, пища, прикладное искусство.[1]

В первой половине XIX в. в поселениях ингушей произошли заметные изменения. В связи с переселением на равнину появились новые типы поселений, которые в основном располагались по берегам рек Ассы, Камбилеевки, Сунжи и Терека, а также их притоков, при этом необходимо отметить, что место для жительства ингуши тщательно выбирали. Они учитывали стратегическое положение местности, удобное расположение для обороны, наличие водных источников, пастбищных и сенокосных угодий и земель под пашни.

Поселения ингушей на равнине до 1858 г. были небольшими и находились далеко друг от друга, но в связи с переселением ингушей из мелких хуторов в большие аулы, появились новые типы поселений, более крупные, с планировкой улиц.[2]

В XIX в. усилилась подвижность населения, чаще стали наблюдаться переселения целых селений, возникло много новых аулов, в связи с этим постепенно изменялся и тип жилища. На плоскости больше строили из камня или самана одно- или двухэтажный жилой дом («цIа»). Появились длинные прямоугольные дома, в которых каждая брачная пара имела свою комнату с отдельным входом. Вместо традиционного очага появился пристенный камин. Появились застекленные окна, дверная коробка, к которой дверь прикреплялась с помощью петель. Земляные полы заменялись деревянными. Значительная часть населения стала строить дома из самана, жженого кирпича. Саманный кирпич изготовляли обычно сами члены семьи, иногда с участием приглашенных мастеров. Саман готовился из глины с добавлением соломенной сечки. Обожженный кирпич ингуши покупали. Крыша покрывалась черепицей или жестью. В горах продолжали жить в каменных башнях или в турлучных саклях.

Изменения, которые происходили в типе, планировке жилища в разные периоды сопровождались изменениями в его внутреннем убранстве. У зажиточных семей увеличилось число предметов обихода, утвари, постельных принадлежностей, появилась деревянная мебель (кровать, низкие диваны, сундуки фабрично-заводского изготовления, скамейки, табуретки, столики) и различные предметы (большие зеркала, покупные ковры, паласы, керосиновые лампы, привозная фаянсовая посуда, самовар).[3] Окна занавешивали тюлем или другой тонкой тканью.

У ингушей были свои мастера-профессионалы, занимающиеся постройкой домов, но часто строительные работы выполняли мастера из Дагестана и Чечни.

Одежда. На Северном Кавказе издревле изготовлялись шерстяные ткани разного качества, из которых шилась различная одежда, скреплявшаяся бронзовыми булавками, застежками. Из шерсти шили женские головные уборы, вязались чулки, широкие пояса и пуговицы, изготовлялись хозяйственные сумки. Кожа и шерстяные ткани являлись основными материалами, идущими на изготовление одежды. Из такой ткани шили также легкую обувь.

Ингушская мужская и женская одежда XIX – начала XX вв. в основном имела единый покрой и была приспособлена к условиям быта. Одежду ингушей можно подразделить на нательную, верхнюю, а также на праздничную, будничную и траурную.

Потребности в одежде и тканях удовлетворялись за счет местной сырьевой базы, в то же время использовались и привозные материалы.

С появлением на Северном Кавказе русских городов и ростом товарно-денежных отношений ингуши предпочитали покупать и обменивать ткани на рынке. Специальных мастерских по пошиву одежды у горцев не было.[4]

Повседневным костюмом мужчины был бешмет («гIовтал»), который шили из домотканого сукна темных расцветок, а с начала XX в. – из материалов фабричного производства.[5]

Мужчины носили под бешметом рубаху («коч») со стоячим воротником, доходившую до колен и с прямым разрезом на груди, которая застегивалась на самодельные, круглые пуговицы из шнура и ниток («ильг-фетинг»). Рубаху эту надевали и без бешмета, она носилась навыпуск или перетягивалась ремнем.

Праздничной одеждой была черкеска («чокхи»). По своему покрою черкеска была схожа с бешметом, однако ее делали значительно шире и длиннее. Так в конце XIX – начале XX вв. длина ее доходила до середины икр. Черкеску надевали, когда шли в гости, на танцы, в мечеть, на сельские сходы. Как и бешмет, ее шили из домотканого сукна белого, черного, коричневого, синего цветов. Рукава были длинными, на груди по обеим сторонам нашивались газырницы («бустамаш»), которые предназначались для хранения зарядов пороха и пуль, позднее они утратили свое значение и превратились в предмет украшения.[6] С каждой стороны черкески нашивались по четыре и более газыря, которые изготовлялись из дерева и кости, с костяными и орнаментированными серебряными верхушками-колпачками, покрытыми чернью и золотом. Они закреплялись между собой серебряной цепочкой. Края черкески обшивались тесьмой и галуном из серебряных или золотых ниток. Носили ее застегнутой и подпоясанной кожаным поясом с металлическими бляшками. На поясе обычно висел кинжал с костяной рукоятью. Пояс надевали поверх верхней одежды. Только маленькие мальчики и очень старые мужчины могли ходить без пояса.

Распространенной верхней одеждой ингушей была шуба из овчины («кетар») и бурка («ферта»). Бурку одевали при верховой езде. Она заменяла путнику во время отдыха постель и защищала в ненастье.

Ингуши пользовались разнообразными головными уборами. Зимой носили папаху из овчины («кхакха кий») или каракуля («элтара кий»), которая шилась из выделанной шкуры барана особой породы. Летом носили войлочную широкополую шляпу («мангала кий») или шляпы, которые делали из тонкой и мягкой шерсти («бIегIинга кий»). Шили шапки с широкой меховой тульей и суконным верхом полусферической формы. В XIX в. были распространены высокие папахи, несколько суженные кверху. В начале XX в. в моду входят папахи более низкие, имеющие форму цилиндра, расширенного кверху. Формы папахи менялись в различные периоды. Отношение к головному убору было уважительным. Его ношение символизировало мужское достоинство.

В гардероб мужчин входил также башлык («палчакх»), который надевали зимой и в дождливую погоду поверх головного убора. Изготавливали его из верблюжьей шерсти. Он имел вид своеобразного капюшона с длинными концами. Края башлыка отделывали шелковыми нитями. На конце капюшона пришивали бахрому, кисть из шелковых или золотых нитей («кIудж»). Украшали галуном.[7]

Обувь мужчин была разнообразной: чувяки, ноговицы, сапоги и т. д. Основным видом обуви были чувяки («маьчеш»), которые шили из кожи, низ подшивали из сыромятной кожи. Носили также легкие башмаки, сшитые без задников («маьхьсеш»), из выделанной кожи молодого барана или годовалого теленка; распространены были теплые полусапожки из овчины или черного войлока («бIаржамаш») – иногда они носились с калошами; сапоги из валяной шерсти («окхаш»), которые носили в основном пастухи; сафьяновые сапожки («тIаьрсиг»); кожаные или войлочно-кожаные сапоги («пезгаш»). В горах носили обувь из сыромятной кожи («нахьарамаьчеш») – несколько типов, отличавшихся друг от друга. К ним относились горские сандалии с плетеной подошвой («хулчи»), охотничья обувь («симха»), обувь на ремнях в форме босоножек («калбаш»), тапочки («кIархаш»), обувь, называемая «хIолхIа», «кIохаз» и т. д.

Обувь ингуши, в основном, шили сами из кожи домашних животных, шерсти и тканей, с кожаной подошвой. Одни и те же виды обуви носили и летом, и зимой. Но в конце XIX – начале XX вв. к ингушам начала поступать и готовая обувь (сапоги, башмаки) из российских городов. Более состоятельные мужчины шили обувь на заказ или приобретали в готовом виде утепленную сафьяновую обувь, сапоги (иккаш) и т. д. Менее состоятельные ингуши с наступлением холодов утепляли свою обувь с помощью высушенной травы, а также надевали теплые вязаные носки.

В качестве украшений многие мужчины носили серебряные кольца – с печатками или без печаток – на безымянном пальце или мизинце правой руки.

Одежда мальчиков и девочек в целом повторяла одежду взрослых. Описанную выше одежду, за исключением бурок и черкесок, носили и мальчики.

Количество детской одежды зависело от материального положения семьи. В зажиточных семьях детям иногда шили и черкески без газырниц и шубы из мерлушек. Одежду обычно шили из ярких пестрых тканей, и в большинстве случаев она переходила от старших детей к младшим или перешивалась из старой родительской одежды.

Женская одежда являлась наиболее устойчивой частью старинной национальной одежды, отличалась сравнительно большим разнообразием, чем мужская. Костюм женщин меньше мужского подвергался нивелировке, сохранил больше древних черт. Молодые женщины шили одежду из тканей ярких расцветок. Женщины старшего возраста предпочитали спокойные темные тона. Качество тканей зависело от состояния семьи.

Повседневной одеждой женщин были платье-рубаха («коч») и штаны («хачи»), которые шили из той же ткани, что и рубаху. Основным видом верхней одежды был бешмет, который женщины всех возрастов носили и дома, и на улице. Он был отрезным до талии и плотно облегающим фигуру, с глубоким воротом, без воротника с расклешенной юбкой. Бешметы были тонкие и утепленные, с короткими и длинными рукавами. Поверх него надевали пояс. Носили также шаровары, по цвету которых определяли девушек и замужних женщин. Последние носили шаровары красного цвета, а девушки – белого, вышитые различными нитями. Вдовы и пожилые женщины носили шаровары голубого цвета.

Большим разнообразием отмечались головные уборы женщин. Носили ингушские женщины платки из шелка или шерсти («кортали»). Эти платки часто бывали с бахромой на концах («чачакх»),различались по материалу, качеству и цвету. Надевали платок так, чтобы один конец его спускался на грудь, другой конец закидывался назад.[8] Существовали и другие головные уборы женщин: косынка («делг»), вязаный платок или шаль из козьего пуха («петара цхьарал»), очень любили ингушские женщин азербайджанские набивные, шелковые платки («гурмали»), носили также простые платки («йовлакх»). На свои длинные косы девушки надевали плотный волосяной мешочек, называемый «чIаба».

В конце XIX – начале XX вв. в Ингушетию стали поступать шифоновые шарфы и другие платки из России. В ходе археологических раскопок в с. Цори в склепе был найден женский головной платок, изготовленный из хлопчатобумажной ткани. Платок этот был с окрашенной каймой, на которой было поставлено клеймо с надписью: «Фабрики московской купчихи, вдовы Авдотьи Клементьевой».[9]

Обувь ингушек состояла из мягких сафьяновых сапожек, из туфель с глухим носком без задника («пашмакх»), являвшейся легкой домашней обувью. С конца XIX – начала XX в. появилась женская фабричная обувь: туфли, ботинки на высоких каблуках со шнуровкой, а также сапоги, которые надевали на свадьбу, праздники. Сапоги были из кожи, с короткими голенищами.

Обувь шилась из сафьяна, из сыромятной кожи. Обработка кожи была распространена повсеместно. Из кожи изготовлялись кисеты, ремни, чехлы и т. д.

Женщина, сбивающая масло. Аул Мецхал. XIX в.

Особое значение женщины придавали украшениям из всевозможных бус, кораллов, цветного стекла, сердолика, бирюзы. Очень ценились металлические украшения из серебра, меди, латуни и бронзы. В ряде случаев в аулах работали дагестанские и черкесские ювелиры, которые выполняли работу по вкусу заказчиц по образцам традиционного ингушского, ювелирного искусства. В качестве украшений использовались и привозные предметы: монеты, бусы, а в ряде случаев – и готовые ювелирные изделия, изготовленные далеко за пределами Ингушетии – в Петербурге, Москве, Тифлисе, Баку. Все украшения можно было разделить на группы: шейные, головные, нагрудные, поясные, носимые в ушах и на руках. Это были серьги, браслеты, кольца, пояса и т. д. Постепенно украшения кустарного производства заменялись фабричными.

В конце XIX – начала XX вв. одежда ингушей подверглась определенным изменениям, отразившимся как на материале, из которого шили одежду, так и на типах костюма. В обиход вошла одежда, сшитая из тканей фабричного производства, причем самого широкого ассортимента (сатин, бязь, ситец, коленкор).

Все больше и больше в быт входила готовая одежда, обувь и головные уборы. Национальный костюм, в частности мужской, стал дополняться элементами городского – френчами, шинелью военного образца, кожанками, брюками-галифе, сапогами, [10] которые приобретали в близлежащих городах. Большой популярностью пользовались костюмы разных фасонов, а также всевозможные сорочки, жакеты, свитера, пальто, плащи, куртки.

Существенным изменениям подверглись головные уборы и обувь. Ингуши все чаще стали приобретать готовые изделия (шапки, сапоги, азиатские калоши, шляпы, кепки и т. д.), получавшие все большее распространение среди зажиточных слоев населения и интеллигенции.[11]

Определенным изменениям подверглась и женская одежда, которая тоже шилась из тканей фабричного производства (бархат, шелк, ситец, сатин, бумазея). Под влиянием русского населения женщины, в основном проживавшие на равнине, стали носить юбки

и кофточки. Существенным изменениям подверглись и головные уборы. Женщины стали носить дорогие покупные платки, купеческие шали, клетчатые пледы. Девушки из состоятельных семей носили и шелковые газовые шарфики, кружевные косынки, шарфы вологодской работы.[12]

Пища. Кухня ингушей отличалась многообразием блюд. На традиционную пищу ингушей повлияли как природно-географические условия и связанные с ними направления хозяйственной деятельности народа, так и его быт.

Продукты питания ингушей делились на молочные, мучные, мясные и растительные. В рацион была включена пища из яиц, меда, фасоли, картофеля и разнообразные напитки.

Ингуши выпекали несколько видов хлеба: пшеничный, ячменный, кукурузный. Из пшеничной муки пекли хлеб, лепешки, пироги, варили галушки. Тесто готовилось с простоквашей. Знакомо было и дрожжевое тесто (дрожжи из хмеля). Основной продукт, изготовляемый из кукурузы, – кукурузный хлеб чурек («сискал»).

В молочный рацион входили кислое молоко, сметана, сыр, сливочное масло, творог, молозиво и т. д., сыр из коровьего и овечьего молока. Большое значение в питании ингушей играл творог, который готовили из простокваши. Популярностью у ингушей пользовалось блюдо из творога с топленым маслом («кIодар»).

Свежая молочная пища преобладала у ингушей весной, летом и осенью. Зимой же в большинстве случаев довольствовались сушеным сыром, вяленым мясом и курдюком, а также зерновыми продуктами.

Большое место в традиционной кухне ингушей занимало мясо. В основном употреблялась баранина, говядина, а также птица. Рыбу ели мало. Неохотно употребляли конину. Мясо ели в вареном, реже – жареном виде. Традиционным блюдом у ингушей было мясо с галушками и чесночным соусом («дулх-хьалтIам»).[13] Готовили и разнообразные колбасы, в том числе и особую ливерную из внутренностей барана («бIар»). Говяжье и баранье мясо заготавливали на зиму.

Готовили различные мясные и куриные супы. Особо ценилась курятина и мясо индейки со специальным картофельным соусом из картофельного пюре на молоке или на бульоне, в котором варилось мясо, с поджаренным на масле луком. Также готовили курицу в молоке. Из первых блюд популярным был фасолевый суп с сушенным бараньим или говяжьим мясом, а также блюда из мясных субпродуктов (печени, сердца, легких), которые готовили с добавлением картофеля, риса.[14] Употребляли в пищу яйца, как в жареном, так и вареном виде.

Повседневной пищей были каши, которые варили из всех видов муки, ели их с молоком, маслом, творогом или рассолом из сыра,

Многие исследователи отмечают умеренность ингушей в еде.[15] Ингуши питались нехитрой пищей, которую можно было долго хранить и быстро приготовить, не разжигая огонь. Например, блюдо из толокна готовили из жареных зерен ячменя, проса, ржи, кукурузы и груши. Стоило такую муку перемешать с водой и с солью, а при наличии, – с топленым маслом, получалась довольно сытная пища.

Из фруктов подавали к столу яблоки, груши, сливы, абрикосы и т. д., а также бахчевые культуры – арбузы, дыни. Употребляли всевозможные ягоды – землянику, ежевику, бузину, голубику и т. д. Употребляли в пищу черемшу, сурепку и свежую крапиву. Широко применялись в пище разные пряности и приправы. Пили калмыцкий чай с солью, а также в качестве заварки чая использовали некоторые виды трав – чабрец, иван-чай, мать-и-мачеху и др.

Умели ингуши готовить и различные напитки. Из корок ячменного, ржаного и пшеничного хлеба готовили брагу («них»). Квас («масхам») готовили из кукурузной муки. Ячменное пиво («йий») варили с добавлением солода. Умели гнать самогон из диких груш, яблок и других продуктов. Подавали его с бараниной.

В связи с развитием товарно-денежных отношений в конце XIX – начале XX вв. в пище ингушей также произошли определенные изменения. Пища становилась разнообразнее, в ней больше использовалась мука и мучные изделия, разнообразные крупы. Признание получали такие овощи, как капуста, картофель, помидоры, морковь, свекла. Широкое распространение получали и новые способы хлебопечения в специальных надворных и комнатных печах или на сковороде.

Знали ингуши с XIX в. и табак. Известен следующий способ приготовления табака, употреблявшийся ингушами: глиняный кувшин изнутри смазывали медом, затем каждый слой табака накрывали слоем лепестков роз и томили его в течение одного-полутора часов в специальной печи для обжига посуды и выпечки хлеба.

2. Общественный и семейный быт ингушей

Низовой территориальной организацией ингушского общества выступала сельская община, регулировавшая всю производственную и общественно-политическую жизнь общества.[16]

Общественная жизнь и быт ингушей регламентировались неписанными нормами, правилами и обычаями, которые складывались в течение длительного времени. Общественные, хозяйственные, судебные дела общины решались на общем сходе – кхел. Кхел регулировал пользование общинным лесом, производил примирение кровников, решал вопросы об устройстве дорог, мостов, каналов. У каждого общества был свой местный кхел. Члены этого органа заседали у аульных святилищ. «Около них медиаторы отправляют правосудие, всякий призывает патронов своего аула в свидетели и клянется их именем».[17]

Для решения вопросов, касающихся всего народа, созывался мехк-кхел («Совет страны») – общенародный выборный орган, в который избирались наиболее уважаемые старики, хорошо знавшие адаты (неписаные законы). Право быть членом мехк-кхела «вверялось лицам, избранным свободным голосованием, из народа известными своею честностью, безукоризненным поведением и знанием адатов. Все эти качества в судьях были необходимы потому, что адаты сохранялись большею частью только в памяти народа и переходили от поколения к поколению путем устного предания».[18]

Ингушская семья. Горная Ингушетия, конец XIX в.

Народное собрание.С картины Х.- А.Имагожева

Древнейшими центрами сбора Совета страны были храм Тхаба-Ерды, горы Мят-Лом и Муйти-Корт, предгорные селения Ангушт, Заурово, Шолхи и др. «На правом берегу Терека, в 7 км к югу от Владикавказа в местечке Алам-Босе находился еще один центр, где заседал мехк-кхел».[19]

Побывавший в начале XIX в. на Кавказе, Юлиус фон Клапрот, описывая общественные отношения у ингушей писал, что они «имеют старших в роду без власти, которые могут управлять только красноречием и доверием. Законы и покорность им чужды и все у них решается по древним обычаям».[20]

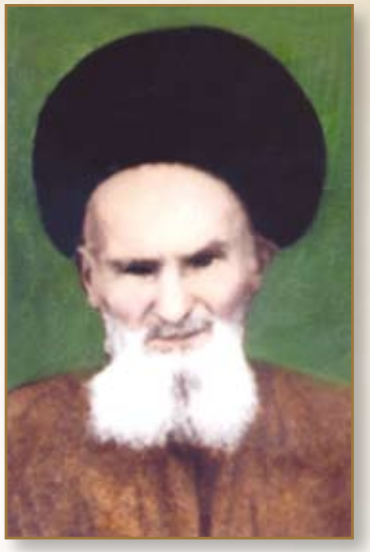
В начале XX в. исследователь Н.Ф.Яковлев отмечал: «Ингуши любят судиться друг с другом по всем правилам и обычаям старины. По сравнению с нами, русскими, привыкшими в судебных делах полагаться на государственный суд и защитников-адвокатов, ингуши – большие знатоки разных тонкостей этого дела, и часто простой горец-ингуш для защиты своей выгоды пускается на такие увертки, которые сделали бы честь любому нашему юрисконсульту, ученому советчику по судебным делам».[21] Знаток обычного права ингушей Б.К. Далгат отмечал, что «дикари» – ингуши некогда приблизились к тому идеалу правосудия, до которого не смогут мечтать дойти когда-либо цивилизованные народы мира».[22]

Избираемые ингушами судьи обязаны были работать безвозмездно. Высшей платой за их труд считались уважение и почет общества. Поэтому не каждого избирали в Совет страны. Член мехк-кхела обязан был досконально знать обычное право, держать в памяти многочисленные случаи судебных разбирательств, иметь авторитет в народе,[23] умение красиво, логично, правдиво, дельно и убедительно говорить.[24] Мехк-кхел устанавливал порядок землевладения и землепользования, согласовывал нормы поведения и меры наказания за их нарушение, решал вопросы торговли как внутренней, так и внешней, принимал меры для того, чтобы обеспечить оборону крепости, решал вопросы войны и мира, для общественных нужд проводил сборы материальных средств и определял различные обложения и повинности.[25] Решения мехк-кхела были обязательными для выполнения. Мехк-кхел не имел права расходиться, пока не решит все поставленные вопросы.[26]

По свидетельству Р.Л. Харадзе, хевсуры нередко приглашали ингушей для разрешения вопроса о применении норм обычного права к тому или иному конкретному случаю, так же как и ингуши приглашали хевсур с этой целью.[27] Не только хевсуры, но и другие соседние народы часто приглашали ингушских судей мехк-кхела «для решения особо сложных вопросов, связанных с межличностными конфликтами и с правом пользования земельными и охотничьими угодьями».[28]

Такого рода взаимоотношения между соседними народами способствовали возникновению общих черт в сфере норм обычного права.

С усилением ислама местные авторитеты в мехк-кхел вытеснялись алимами – учеными (последние были более эрудированными). При разборе спорных дел замена шариатом устаревших норм адата, локализация наказания на одном преступнике и замена многочисленных присяжных непосредственными свидетелями не встречали сопротивления. По шариату дела разбирали быстрее и проще, нежели по адату.



Судья обычного права Осман Жантиевич Сайнароев (1856-?).

Обычное право ингушей представляло развитую систему, регламентирующую все стороны общественной жизни. Нормы обычного права регулировались в соответствии с изменениями в жизни народа. На сходах ингушского народа в Назрани в 1879, 1887, 1890 гг. в нормы обычного права были внесены изменения. Они коснулись свадебных обрядов «определяли известные наказания за убийство, поранения и другие проявления кровной мести, которая санкционировалась обычаем».[29]

В памяти народа сохранились имена народных судей, живших во второй половине XIX – начале XX вв.: Осман Джантиевич Сайнароев, Увайс Арапхиевич Сайнароев, Мохамад Джантиевич Сайнароев, Юсуп Амиевич Мейриев, Ахмед Чонтиевич Барахоев, Анзор Дудиевич Бисаев, Магомед Мочкиевич Долгиев, Гармихан Писиевич Мальсагов, Бексултан Букиевич Льянов, Терсбот Боракиевич Мерешков, Шахмарза Махиевич Арчаков, Шаип Бунхоевич Олигов, Абазбек Гобнакиевич Цечоев, Аки Пазиевич Мужехоев, Мати Чабеханович Муцольгов, Дунда Чабиевич Гондалоев, Бийсултан Товбот-Хаджиевич Сагов, Артаган Чада-Хаджиевич Дзауров, Тегал Толхаш-Хаджиевич Полонкоев, Тури Берзакиевич Баркинхоев, Шаам Темерботович Оздоев, Хасан Мамиевич Кациев, Бимарза Гайриевич Тумгоев, Сулейман Загигиевич Хашагульгов, Элмарз-Хаджи Хаутиев, Анарбек Амиевич Бузуртанов и многие др.[30]

Судья обычного права, последний языческий жрец Ингушетии Элмарз-Хаджи Хаутиев (1766-1923 гг.). Фото нач. 1920-х гг.

Институт взаимопомощи. Значительную роль в общественном быту ингушей играла традиция взаимной помощи. Институт взаимопомощи – «белхи» своими корнями уходит в глубокую древность. Его происхождение, прежде всего, связано с тем, что в условиях примитивной сельскохозяйственной техники такие земледельческие работы, как пахота, сев, уборка, сенокошение и многие другие, вызывали постоянную потребность отдельных крестьянских хозяйств в помощи родственников, соседей. Постепенно эта укоренившаяся традиция стала обычаем. Одной из самых распространенных форм взаимопомощи было участие в строительстве дома. «Белхи» при строительстве дома, сенокошении проходил в основном при участии мужчин. Женщины оказывали помощь при уборке урожая, изготовлении кустарных изде-

лий, особенно ковров-истингов, кошм. Работа сопровождалась весельем, танцами, песнями. Хозяева готовили еду и угощали участников «белхи». Совместная работа сближала людей, облегчала труд.

Одной из форм взаимопомощи была помощь во время свадьбы. Моральная и материальная помощь оказывалась на похоронах. Одной из распространенных форм соседской и родственной взаимопомощи были взаимные одалживания. Предметами одалживания могли быть рабочий скот, предметы обихода, продукты питания и т. д. Узаконенной адатом формой взаимопомощи была материальная помощь при несчастных случаях – пожаре, падеже скота и т. д. Существовал обычай, согласно которому активная помощь оказывалась девушке-сироте в подготовке приданого.

Взаимопомощь распространялась на многие сферы жизни общества и была большим подспорьем для бедняков, так как в трудный момент они всегда могла рассчитывать на помощь сельчан, родственников. Благодаря этому обычаю в ингушском обществе не было нищих.

Гостеприимство. Важную роль в общественном быту ингушей играло гостеприимство, которое как традиционная форма взаимного общения людей имело широкое распространение у всех народов Кавказа. Обычаи и правила приема гостей складывались веками. Отношение к гостю было самым уважительным. Для гостей отводили специальные комнаты – кунацкие. В этих комнатах были лучшие войлочные ковры, постельные принадлежности, циновки, музыкальные инструменты – все то, что дало бы возможность гостю хорошо устроиться и отдохнуть. Гостем считался любой человек знакомый и незнакомый, попросившийся на отдых и ночлег, высказавший просьбу защиты и содействия в чем-либо. Б. Далгат отмечал: «Гостеприимство у ингуша найдет всякий странник, кто бы он ни был, найдет и убежище от врагов. Гостеприимство развито сильно, все лучшее подается гостю, сеют редьку, лук или что-то другое – и ингуш говорит: «Это пригодиться для гостя», и так во всем».[31]

Законы гостеприимства у ингушей особо почитались и ставились выше даже кровной смерти. Кровный враг, если он переступал порог дома, становился гостем, и ему в этом доме нельзя было мстить. Высока была ответственность и за личную безопасность гостя. Позор ложился на семью, которая не сумела уберечь гостя. В случае убийства гостя, хозяин мстил за него так, как он мстил бы за убийство члена своей семьи. Гостеприимство и почтительное отношение к гостю так же поощрялись исламом.

У ингушей, как и у других народов Кавказа, сложились определенные правила поведения, которые соблюдал также и гость. Согласно этикету и культуре поведения гость должен был быть скромным, обходительным, и подчеркнуто вежливым с хозяином и остальными домочадцами, не привлекать к себе излишнего внимания. Гость не должен был заходить в комнату, где находятся только женщины. При въезде и выезде из селения гость должен был слезть с коня, так как считалось неприличным здороваться со встречными, сидя верхом на коне.

Семья и семейные отношения. Семья являлась основой и первичной ячейкой общества, от благополучия которой зависело и благополучие всего общества. Будучи важным социальным институтом общества, семья выполняла целый ряд общественно значимых функций – организация производства, передача новым поколениям этнокультурных норм, традиций, обычаев и т. д.

В XIX в. у ингушей еще существовали большие семьи. «Так, в семье Ахриевых горного села Джейрах вплоть до 1890 года вместе жили двенадцать сыновей в возрасте от 22 до 40 лет (и примерно столько же дочерей), которые являлись детьми пяти братьев…

Аналогичный состав в конце XIX имели и семьи Льяновых, Саутиевых. Семья Саутиева Товмарза-Хаджи состояла из жены, шести сыновей, шести снох и сорока внуков. Она разделилась только после смерти отца».[32]

Ахриевы из аула Фуртоуг. Владикавказ. Начало XX в.

Большие семьи сохранялись не только в Горной Ингушетии, но и на плоскости. Их наличие было обусловлено особенностями хозяйственного и общественного быта. Проживание нескольких индивидуальных семей вместе также связано с особенностями земельных отношений ингушей – совместным владением неразделенным участком пашни, пастбища или сенокоса. Большое значение имели и сохраняющиеся в обществе родственные отношения.

Наличие больших семей объяснялось малоземельем, сохранением натурального хозяйства, суровым климатом и несовершенной техникой. Сохранению большой семьи способствовала и налоговая политика российской администрации: подати собирались с каждой отдельной семьи (дыма) и поэтому дробление семей приводило к нежелательному увеличению налогового бремени.

В связи с массовым переселением на плоскость и развитием в пореформенное время капиталистических отношений, а также под влиянием роста производительных сил и внутренних противоречий большая семья распадалась, преобладающей стала малая семья. Еще одной причиной распада больших семей было отходничество. «Если в горных районах больше семейная организация еще оставалась сравнительно распространенным явлением, то на равнине она уже в основном прекратила свое существование».[33]

Индивидуальная семья состояла чаще из представителей двух поколений – родителей и детей, реже включала в свой состав кого-нибудь из представителей старшего поколения и боковых родственников.

Традиционная ингушская семья была авторитарной. Взаимоотношения между членами как больших, так и малых семей складывались на основе уважения и почитания старших. Почет, которым окружали домочадцы главу семьи, вырабатывал у него определенную, санкционированную этикетом, манеру держаться в кругу семьи. Он делал все без спешки, суеты, говорил мало, но внушительно, с чувством сознания собственного достоинства, избегал шуток. Возмущение или одобрение выражал не столько словом, сколько взглядом, жестом. Строгость в отношениях с домочадцами и в первую очередь с женой соединялась с терпимостью и обходительностью.

Власть мужа над женой выражалась и в том, что при разводе инициатором всегда выступал мужчина, и лишь он вправе давать развод жене без всякого повода. Б. Далгат в материалах по обычному праву ингушей пишет: «что по своему одному желанию, при простом даже недовольстве женою муж может по шариату развестись.[34] Развод по ини-

Ингушская семья. Горная Ингушетия. Конец XIX – начало XX вв.

циативе женщины был явлением крайне редким. Он считался позором не только для самой женщины, но и для ее родных. Поэтому женщина очень редко прибегала к нему.

Отношения между остальными членами семьи также регламентировались традициями подчинения младших старшим, женщин – мужчинам. Младшие братья относились к старшим с тем же почтением, что и к отцу. Брат любого возраста мог свободно общаться, даже приказывать сестрам старше себя, но с замужней сестрой, особенно имевшей детей, младшие братья вели себя почтительно. Младшие сестры слушались старших почти как мать. Отношение сестер к братьям, в том числе и моложе себя, основывалось на любви к ним. Сестры гордились братьями, чем больше их было, тем выше считался их социальный статус. «Я сестра семи братьев» – с гордостью говорила ингушка своей обидчице. Породниться с семьей, где много братьев, считалось престижным. По представлениям ингушей такая девушка лучше воспитана, более нравственна, более способна как хозяйка дома, жена и мать.

Мужчины заботились о женщинах и защищали их честь. Нанесение оскорбления женщине посторонним мужчиной приравнивалось к убийству и приводило к кровной мести. «Несмотря на внешнее бесправное положение свое женщина при уме и энергии играет выдающуюся роль и в родовом быту народов», – писал Б. Далгат об ингушской женщине.[35] Так же высоко отзывается об ингушских женщинах Н.Ф.Грабовский: «Во второй половине XIX в. женщины-ингушки пользовались большими правами и свободой, хотя и были обременены большой долей труда».[36]

Обычай избегания. Особую разновидность семейно-родственного этикета составляют обычаи избегания, которые являются важным средством поддержания порядка в семье. По ингушскому обычаю отец при своих родителях или посторонних не брал на руки своего ребенка, не ласкал. Зять избегал родителей своей жены. Строже всего придерживалась избегания невестка по отношению к свекру, особенно в первые годы замужества. Она старалась не попадаться ему на глаза, незаметно выходила из помещений, когда он входил, не разговаривала, при нем не садилась. Положение невестки усугублялось при ее беременности. Невестки выполняли большую работу по дому, беспрекословно подчинялись свекрови, золовкам и другим старшим членам семьи. Они ложились позже всех, должны были вставать раньше всех. Без разрешения свекра или свекрови нельзя было пойти или съездить к своим родителям. В присутствии старших невестки не ласкали своих детей, громко не разговаривали, не смеялись. Со временем во многих своих проявлениях обычай избегания стал изживаться.

Свадебная обрядность. Важное место в жизни ингушей, так же как у всех народов Кавказа, занимала свадебная обрядность. Семья складывалась на основе брака. У ингушей продолжение рода не мыслилось вне брачных отношений. Брачный возраст регламентировался обычно-правовыми нормами.

У ингушей брак был экзогамным, то есть запрещались браки в пределах одной родственной группы. При вступлении в брак ингушам приходилось считаться с многочисленными запретами и ограничениями, запретом браков между отцовскими и материнскими родственниками любых степеней родства. Не допускались браки с иноплеменниками. Запрещались браки между враждующими на почве кровной мести сторонами. Случаи ухода ингушки из семьи после смерти мужа при наличии детей были крайне редки. Ингуши соблюдали порядок старшинства в браке. По обычаю, младший брат не имел права жениться раньше старшего. Осуждался также выход замуж младшей сестры раньше старшей. По своей структуре ингушская свадебная обрядность распадалась на предсвадебный цикл (знакомство и ухаживание, помолвка, сватовство), свадьбу и послесвадебный ритуалы.

Воспитание детей. Важнейшей задачей семьи и общества являлось воспитание детей. У ингушей воспитание начиналось с малолетства и носило непрерывный характер. Первыми воспитателями и наставниками детей являлись родители и члены семьи. Образ настоящего горца и настоящей горянки требовал всестороннего физического, трудового, нравственного, эстетического и религиозного воспитания.

Дети с самого рождения становились объектом забот и внимания всех членов семьи. Наставления, которые делаются в раннем возрасте, накладывают отпечаток на характер человека и остаются на всю жизнь. «Бера дег чу десса хIама чIоагIа латт» («Детское сердце запоминает крепко») – гласит народная мудрость.

С раннего детства обращалось внимание на питание ребенка. Важнейшими средствами физического воспитания детей являлись нормальный и хороший сон, различные народные игры (игра в мяч, соревнование в прыжках, беге, борьбе, метании камня, борьба пеших и конных, скачки, джигитовка, стрельба в цель). С раннего детства ингуши учили детей владеть всеми видами оружия, обучали искусству верховой езды. Л.П. Семенов писал о предмете, который встречался на таких состязаниях: «В местном музее имеются следующие предметы, поступившие из святилища Маго-Ерды: небольшой черный камень, имеющий с одной стороны пять круглых углублений, а с другой – два; камень этот некогда служил для испытания зрелости юноши. Испытуемый должен был вложить пальцы в углубления камня и поднять его». [37]

Большое значение придавалось трудовому воспитанию детей. Девочки с раннего возраста учились подметать двор, пол, подносить топливо, ухаживать за младенцами. Мальчики выгоняли скот, пасли лошадей, принимали посильное участие в перевозке сена, молотьбе. Мальчику с детства внушалось, что в дальнейшем он будет играть главную роль в семье.[38]

Важное место отводилось нравственному воспитанию. Свод морально-этических ценностей и норм поведения ингушей «эздел» как издревле сложившаяся культура нравственности ингушского этноса определял мотивы действий и вырабатывал оценку деятельности индивидов. Составляющими свода морально-этических ценностей и норм поведения «эздел» являются: «денал» (сила воли), «эхь» (скромность), «яхь» (доброе соперничество), «сабар» (внутренне спокойствие). Ингуши ставили нравственность, честь и совесть выше любого богатства и положения. За свои честь и достоинство горец мог пожертвовать жизнью. Эти моральные качества проявлялись в отношении к родине, родителям, старшим, к женщине и т. д.

Основными методами нравственного воспитания были личный пример старшего, убеждение, упражнение, испытание, поощрение. Чтобы процесс воспитания проходил успешно, недостаточно было использовать перечисленные методы. Необходимо было, чтобы старшие и родители пользовались авторитетом в обществе. Если дети росли непо-

слушными, общество осуждало прежде всего родителей. Пословица гласила: «Чем иметь плохое потомство, лучше его не иметь».[39]

В деле воспитания огромное значение имели поощрение добрых и, напротив, порицание плохих поступков детей, которым далеко не безразлично, как к их поведению относятся старшие и родители. Ни одно их действие не оставляли без внимания. Хорошие поступки детей хвалили и одобряли, плохие – порицали.

Эстетическому воспитанию ингуши также уделяли большое внимание. Воспитывалось сознательное отношение к прекрасному. Детей учили замечать красоту человека и природы. Огромной была роль бабушки и матери в воспитании ребенка. Колыбельные песни, считалки, прибаутки и сказки являлись первыми методами эстетического воспитания детей. Через колыбельные песни ребенок учился понимать красоту мелодии. Они обогащали духовный мир ребенка. С помощью игр и прибауток воспитывалось отношение к жизни, умение мыслить самостоятельно. В эстетическом воспитании огромную роль играли танцевальное и музыкальное искусство. Молодежь учили грациозно танцевать.

3. Народное творчество и литература

Одной из составных частей традиционной духовной культуры является устное народное творчество, представленное различными фольклорными жанрами. Это нартские сказания, героическо-эпические песни, героико-исторические песни, календарно-обрядовый фольклор, семейно-обрядовый фольклор (свадебные песни, здравицы, похоронные плачи, благопожелания, проклятия), произведения народной прозы (сказки, легенды, предания, рассказы) и т. д. Фольклорные произведения, являясь в большинстве случаев продуктом индивидуального творчества, попадая в народные массы, обрабатывались, обрастая новыми деталями, и в результате приобретали черты коллективного творчества.

В произведениях устного народного творчества прослеживались мировоззрение, миропонимание, нравственно-этические идеалы народа, различные стороны его жизни и быта, представления о добре и зле, благородстве и справедливости, давалась народная оценка многим событиям и человеческим поступкам.

В фольклоре отражена многовековая история духовного развития народа, выражены его мечты и чаяния, философия, взгляд на прошлое и настоящее, вера в светлое будущее. Вместе с тем, отражая особенности и своеобразие социально-экономических условий, быта, присущие данному народу и отличающие один народ от другого, в нем имеются схожие сюжеты. Имея свои отличительные особенности, устное народное творчество ингушей несет в себе черты, характерные многим горским народам, а, находясь в непосредственном контакте с народами Северного Кавказа, – и отпечаток северокавказской духовной культуры.

Сказочный эпос ингушей. Сказочный эпос ингушей состоит из различных типов – сказки о животных, волшебные, социально-бытовые и новеллистические сказки, циклы сказок-загадок, сказок-быличек и т. д. Особую группу составляют сказки о Цагене (двойник известного Ходжи Насреддина).

Ингушские сказки о животных возникли на основе мифических представлений древних людей, обожествлявших животный и даже растительный мир. Древний человек стремился вымолить покровительство у животного и растительного мира, вступить с ними в родственную связь. Люди называют себя родственниками определенного зверя, стараясь этим обезопасить себя, стать под его покровительство.

Освобождение человеческого сознания от анимистических, тотемических и магических представлений привело к тому, что сказки о животных потеряли свой мифологический и магический характер и приблизились к нравоучительной басне, которая складывалась на иной основе. Образ животного стал восприниматься в сказке как аллегорическое изображение человека.

Говоря о генезисе волшебных сказок ингушей, следует отметить, что они требуют для своего возникновения более сложных, чем это было со сказками о животных, общественных отношений. В них широко отражены следы древних форм сознания, отзвуков архаичных форм общественной, родовой и семейной жизни. Как определенный жанр народного творчества, волшебная сказка появилась в глубокой древности, когда возникли лишь первые представления о человеке и мире. Она сохранила и донесла до наших дней черты давно исчезнувших представлений и форм социальной жизни, говорит о единой трудовой основе, на которой вырастает не только фантастика, но и каждое реальное достижение человеческой мысли.

Многие сюжеты, мотивы, образы волшебных сказок ингушей роднят их с мировым народным творчеством. В фольклоре народов мира доминирующее большинство сюжетов волшебных сказок о младшем сыне, невинно гонимых женах, падчерицах, пасынках и других обездоленных героях: «Дошо гІаьнаш» («Золотые листья»), «Іуна гІа» («Сон пастуха»), «ЗагІ-МагІли» («Заг-Магли»), «Мишта котдаьлар бакъдар» («Как победила правда»), «Іовдилг» («Дурачок») и многие другие. В этих сказках имеется большое сходство с аналогичными сказками народов мира. Например, один из ярких героев ингушских волшебных сказок «Іовдилг» («Дурачок») типологически близок образу Иванушки-дурачка из русских, «Пульчинелло» из итальянских, «Кульбая» из кумыкских сказок и т. д. Эстетика сказки основана на идеализации социально-обездоленного. Он – носитель народного идеала, и образ любимого героя становится художественным воплощением мировоззрения народа.

Значительное место в фольклоре ингушей занимают социально-бытовые и новеллистические сказки. Анализ этого типа сказок дает возможность утверждать, что исторические причины их возникновения кроются в развитии социально-классовых отношений, развитии семьи и права наследования имущества в новых условиях. Сказки эти как нельзя лучше показывают быт, характеризующий именно этот народ, его специфику, нравственные понятия и устои, ум, склонный к иронии, простодушный в своем лукавстве. В социально-бытовых сказках ингушей на первый план выводятся социальные мотивы, в семейно-бытовых сказках высмеиваются недостатки бытового плана. Это в большинстве случаев истории о семейной жизни, о взаимоотношениях людей, чаще всего – мужа и жены, свекрови и невестки. Это также сказки о супружеской верности и неверности, о строптивых женах и их укрощении, об умных ответах, о ловких ворах, о человеческом достоинстве, о споре и борьбе человека с нечистой силой и др. К ним можно отнести сказки: «Дас хержа нус» («Невеста, выбранная отцом»), «Сесаго «ваь» дика къонах» («Как жена помогла мужу стать настоящим мужчиной»), «Кхалсага хьалхашка куралаш е езий?» («Следует ли гордиться перед женщиной?») и многие другие. Их характеризует занимательность необычных приключений, сжатость изложения, темп наращивания действия. Все это роднит такого типа сказки с литературной новеллой.

Представлены также в ингушском фольклоре и малые жанры – сказка-загадка, сказка-анекдот. К данному типу близко примыкают народные сказки-анекдоты о Цагене – знаменитом острослове и балагуре. Этот герой всегда расправляется со своими врагами, во всех ситуациях одерживает над ними победу. Рассматривая данную разновидность социально-

бытовой сказки, особо отмечается сила сатирического разоблачения косного, всего того, что мешает развитию общества. Это осмеяние недостатков человека, его слабостей и отрицательных пристрастий, критика несправедливого общественного уклада.

Сказки-загадки можно подразделить на несколько групп. В одних сюжет состоит из настоящей загадки в ее прямой, непосредственной форме, в других в центре сюжета – метафора, еще не оформившаяся в загадку, в третьих – загадка, требующая не разгадки, а остроумного ответа. В некоторых сюжетах – это рассказ, где наличествуют трудные вопросы. Загадка как жанр предельно кратка, а иносказание в сказке носит более или менее развернутый характер. Горцы особенно любят говорить иносказательно. Это дает пищу для работы мозга.

Любимыми жанрами ингушей также являются сказка-анекдот, сказка-пословица. Ингуши, как и другие горцы, любят краткие и меткие изречения, и речь сказочных персонажей изобилует ими.

Лирические песни. Ингушские лирические песни чаще называют девичьими, т. к. их обычно исполняют девушки.

Многие ингушские народные песни, связанные с язычеством, были широко известны еще в середине прошлого века. Некоторые обряды, имеющие языческое происхождение, сохранились до наших дней, например, «Муста гударг» – обряд вызывания дождя. В сильную засуху группа подростков, одного из которых одевали в зеленые ветви таким образом, чтобы он представлял собой движущуюся копну (позже на него просто надевали старый мешок). «Муста гударга» водили по дворам, а сопровождающие пели песню-моление, при этом хозяйки дворов обливали «Муста гударга» водой и давали детям и подросткам фрукты, орехи, сладости. Подобный обряд зафиксирован и у других народов Северного Кавказа.

Меньше сохранились песни-плачи, т. к. с принятием ислама их исполнение было запрещено. Языческие моления и песни-плачи являются древнейшими песенными жанрами. Они стоят на стыке прозы и поэзии.[40] От древнейших обрядовых песен пошли многие другие песенные жанры, часто уже не связанные с язычеством. Песенное моление при храмах и святилищах было монополией самого ограниченного круга взрослых мужчин, являвшихся жрецами при многочисленных в древней Ингушетии языческих святилищах и полухристианских храмах.[41]

Свадебные песни, которые когда-то были частью ритуала, давно не исполняются. Сегодня мало кто помнит, что в прежние годы невеста трижды обходила родительский очаг и при этом пела прощальную песню, а в доме жениха, также трижды обойдя очаг, пела приветственную песню. Сами тексты песен почти не зафиксированы. Песенные диалоги-споры между девушками со стороны невесты и девушками со стороны жениха, хоть и в небольшом количестве, но были записаны в начале XX в.[42] В этих песнях сочетались как устойчивый текст, так и импровизация. Это был спектакль, в котором принимали участие все слушатели. На молодежных вечеринках танцы, шуточное сватовство, шутки перемежались с песнями. Исполнялись также и величальные песни, в которых обычно славили гостя. Были популярными песенные диалоги-споры между юношей и девушкой.

Ингушских колыбельных песен записано немного. Их недостаточная распространенность объясняется в том числе и тем, что прилюдно выражать любовь к своим детям у ингушей считалось неприличным.

Нельзя понять, почему ингуши пели именно эти песни, не представляя, в каких условиях они жили. Жизнь горцев всегда была трудной. Выжить в горах, где было мало земли, пастбищ и сенокосных угодий, могли только чрезвычайно выносливые, трудолюбивые, терпеливые, мужественные люди. Нужду испытывали все, но труднее всего приходилось женщинам. Сегодня сложно себе представить, насколько им было трудно.

Особенно несчастной была судьба одинокой сироты, об этом с большим сочувствием говорится во многих песнях.

Ты хороша, ты красива, весна,
Как неожиданно ты наступила.
Хоть я по-прежнему в мире одна,
Хоть ничего ты и не изменила,
Все-таки как ты прекрасна, весна! [43]

Но даже в песнях об одиночестве есть не только грустные нотки.

Велик ли толк оттого, что очень
Много свиней в стадах?
А волк одинок, и в одиночку
На всех наводит он страх.

Когда сегодня видишь ингушские башни, кажется, что они всегда были частью горного пейзажа. Точно так же и горцы осознавали себя неотъемлемой частью природы родного края. Песни были частью системы воспитания молодого поколения, поэтому в них воспевается идеальный, с точки зрения народа, герой – мужественный, трудолюбивый, благородный, нравственно чистый.

Там, где синюю птицу настигнет мрак,
Эта птица уснет и спит.
Где отважному воину встретится враг,
Там падет он иль победит.
Где-то ланей сзывая, олени трубят,
Где-то соколы кличут своих соколят.
Это слышится где-то не соколов зов,
Вдалеке не олени трубят.
Это в битву скликает труба удальцов,
Чтоб, уйдя, не прийти им назад.

Любовь к труду воспитывалась с детства. Поэтому труд, часто очень тяжелый, становился для горцев не обязанностью, а естественной потребностью. Вот рассказ девяностопятилетней Аминат Эсмурзиевой, чьи детство и юность прошли в высокогорном селе Керах: «В летнюю пору девушки и молодые женщины работали в поле весь световой день. При этом у многих за плечами были люльки с детьми. После изнурительного труда в поле вечером дома ждала куча дел: готовили ужин, стирали, убирали. Но самое удивительное было в другом – после того, как домашние ложились спать, девушки по очереди собирались у одной из подружек, чтобы валять бурки, расчесывать шерсть, вязать, вышивать. Здесь мы пели, шутили, смеялись до утра, это и было настоящей целью наших собраний. Так мы отдыхали. А с рассветом – снова в поле. Сегодняшние девушки очень слабы, они бы так не смогли».[44] Удивительное жизнелюбие!

Жизнелюбие и искрометный юмор являются характерными особенностями лирических песен ингушей. Шутки и юмор помогали людям жить, преодолевать трудности, вселяли в них оптимизм.

Лирическими обычно считают песни, не имеющие сюжета. Из них мы узнаем о душевных переживаниях героя, его чувствах. За многие века народными певцами в процессе художественного творчества был выработан комплекс поэтических приемов и образных средств. Поражают богатство, красота и сочность языка ингушских народных песен. В этих песнях отразились суровая, но богатая природа родного края, трудная, но по-своему прекрасная жизнь горянок, их мечты и чаяния, боль и страдания, радости и печали. Одной из важных художественных особенностей лирических песен является их краткость, «куплетность», сюжетная мозаичность. В них много шуточных мотивов. Лирическим песням присуща тематическая гибкость, подвижность, способность реагировать на конкретные события.

Духовные песни (назым). Значительное место не только в культуре, но и в жизни ингушей XIX в. заняли духовные песни (назым). Это поэтизированные, фольклоризированные рассказы о жизни, деяниях, подвижнической деятельности мусульманских проповедников, святых, духовных наставников, сподвижников пророка, праведных халифов и т. д. Назымы являются удачным симбиозом исламских и ингушских (фольклорных) традиций.

История появления жанра назым в Ингушетии связана, в том числе, и с судьбой жанра ингушских героико-эпических песен (илли).

Во второй половине XIX века в результате изменения общественно-политической ситуации в Ингушетии, развития в ней капиталистических отношений, частых карательных экспедиций царских войск в ингушские села, насильственных переселений, наложения непомерных штрафов и других акций, направленных против традиционного уклада жизни ингушей, произошел слом общественного сознания, сильно изменились уклад жизни, психология, менталитет, система ценностей значительной части ингушского народа. До этого эпические герои являлись образцом поведения, эпический кодекс воспринимался как вполне достижимый на практике идеал жизненного кодекса обычного, среднего ингуша, эпическая история представала как идеальная реализация народных стремлений, позволяла эпической среде ощущать ее участие в истории. В конце XIX – начале XX вв. среди ингушей все чаще начинают бытовать песни об абреках, разбойниках, народных мстителях, в финале которых песенный герой обычно погибает, более популярными становятся песни с трагическим финалом, навеянные пессимизмом и безысходностью.

В связи с усилением антиингушских репрессий укрепились позиции ислама в Ингушетии, что можно рассматривать как одну форм протеста населения. Особенно популярными среди ингушей стали идеи исламского проповедника и подвижника Кунта-Хаджи Кишиева. Эти и другие факторы стали причиной того, что во второй половине XIX в. значительная часть традиций и поэтических средств ингушского песенного эпоса илли стала «обслуживать» песни религиозного содержания назам. Эти песни, исполняемые обычно солистом в сопровождении хора, по форме исполнения, по своей роли и значимости для народа «заменили» героический эпос. В них пропагандировались исламские и общечеловеческие идеалы богобоязненности, добра, мира, человеколюбия, милосердия.

Ингуши в XIX в. испытали на себе произвол царизма и в особенности его местной администрации. Царская администрация, совершенно не учитывая местные национальные особенности, в лице приставов, урядников и чиновников чинила произвол по отношению к местному населению. Разорялись целые аулы, под разными предлогами налагались на них непосильные штрафы. Нередко царская судебная администрация без вины, отправляла горцев в Сибирь на каторжные работы, откуда редко кто возвращался. В народе родился страшный образ Сибири, где метут метели и от мороза визжат красные лисицы, а с небес падают замерзшие птицы. Доведенные до отчаяния молодые люди уходили в абреки.

В этот период произошли коренные изменения как в идейно-тематической основе местного фольклора, так и в его исполнительном мастерстве.

Наряду с песнями-жалобами стали бытовать и песни протеста, призывавшие людей противостоять чинимому насилию. К героям – народным защитникам, например, обращена «Песня, времен покорения Кавказа». В таких песнях часто звучал рефрен:

О ты, под ногами, черная земля,
Сделавшись пушечным порохом,
Взорви царское войско!
Ты, над головою синее небо,
Ставши пушечным ядром,
Разнеси царское войско!

Место простых досужих исполнителей песен теперь заняли певцы, проникнутые духом гражданственности и патриотизма. Эти «новые» исполнители становились народными трибунами. Увеличилась их общественно значимая роль. Используя богатые традиции народной лирики, они наполняли свои песни новым содержанием, отображающим думы и чаяния своих современников. Обыкновенные исполнители песен становились, условно говоря, народными поэтами, предвестниками позднее появившихся профессиональных поэтов. Сохранились имена бывших в народе известных «ашугов»: Моказ Богатырев, Лом-Али Аушев, Сай Ханиев, Сулейма Гиреев, Буни Хидриев, Ахмет, Аюб и Марзабек Евкуровы, Берд Хутиев, Фатима Марзиева, целая семья Бисархоевых из рода Тумгоевых и мн. др. Они славились как прекрасные исполнители героико-эпических песен, главными героями которых становились знаменитые наездники – непримиримые борцы с представителями самодержавия (генералом, полковником); исполнялись ими и песни-жалобы.

У ингушей богатые традиции имела и народная драма, корни которой уходят в ритуальные детства мифологического времени. Были народные празднества, связанные с годичными циклами движения солнца: дни зимнего и летнего солнцестояния, весеннего и осеннего равноденствия. На Новый год, приходившийся на начало годичного солнечного цикла, на 25 декабря, ингуши отмечали рождение солнца («Малх наьна керара боагIа» – «Солнце идет из материнского чрева»). В первый день праздника с поздравлениями ходили мужчины, во второй день – женщины, устраивались сельские пиршества с увеселениями. Девушки и юноши, образовав группы под названием «фар» (благодать), совершали хождение по дворам с песнями-пожеланиями, – обычай, напоминавший колядование. В дар разносили «IaIa» – куст или ветвь дерева, увешанную разными сладостями. Было принято выкидывать все устаревшие вещи и на их место ставить или вывешивать все новое. Общее веселье и гуляние длились три дня. Было в марте празднество, посвященное богине плодородия и размножения Тушоли. Устраиваемые в это время пышные торжества знаменовали собою начало хозяйственного земледельческого цикла. Драматические действа совершались при первой борозде, началом покосов, с косовицей первого снопа и т. д.

Как бы с расписанными ролями проходил обряд «Мустагударг» – вызывания дождя, сохранившийся и по сегодняшний день. Даже пиршественный стол – и тот сопровождался разными драматическими действиями (роль тамады и его сподручного, произнесение здравиц, роль прислужников и хозяев дома и т. д.). Драматическими действиями сопровождались вплоть до недавнего времени практиковавшиеся плачи по покойникам. Проводились спортивные соревнования (скачки, стрельба в цель, борьба), свадебные торжества и мн. др. На всех увеселительных торжествах проходило шуточное сватовство – драматиче-

Чах Эльмурзиевич Ахриев (1850-1914)

ский диалог юноши и девушки. Большое драматическое действо некогда свершилось при игре «Темара тIом» – «Война Тимура»: обычно один аул изображал народное войско, другой – войско Тимура, в ход шло бутафорское оружие, брали людей в плен, требовали выкуп, проводили обряд примирения, завершавшийся пиршеством и всеобщим весельем.

Драматическими поэмами предстают героико-эпические песни. В них ярко выражены монолог певца и диалоги героев.

Народная драма сопровождала ингуша со дня его рождения (родильный обряд) до дня его кончины (плачи и поминки). Ингушская народная драма не переросла в профессиональный театр, но она воспитала народ в понимании драматических игровых действий, в понимании их условности. Не случайно с появлением профессиональной драматургии уже в 20-х годах XX века и первых сценических постановок народ живо и с большим интересом воспринял новый для него вид театрального искусства.

В ингушском устном народном творчестве сформировалось художественно-эстетическое мышление народа, которое не могло не сказаться на процессе возникновения литературного творчества.

В тот период, приобщаясь к русской культуре, науке и литературе, стала зарождаться местная гражданская и военная интеллигенция. Появились первые исследователи своей национальной культуры, стали открываться школы, местная интеллигенция все чаще стала публиковать материалы по национальной тематике. Свой прогресс ингуши видели прежде всего в просвещении.

В XIX веке из жизни и фольклора горцев черпали темы и образы для своих кавказских произведений русские писатели и поэты. Свои произведения они создавали для русского читателя, но постепенно, с приобщением горцев к русской культуре, эти произведения горцы стали считать «своими», стали переводить их на свои языки.

Также в XIX в. о горцах написали свои замечательные произведения и грузинские писатели Александр Казбеги (потомок ингуша Чопига Тумгоева) и Важа Пшавела. Их произведения смыкаются с кавказским творчеством русских классиков. Бацбийцы помнили и чтили свою прародину Галгайче (Ингушетию). Об этом писал яркий представитель бацбийского рода Цискаровых И. Цискаров (у ингушей сохранялся род Цицкиевых). Он записывал и переводил на русский язык образцы местного устного творчества, пытался создать грамматику своего родного языка. В середине XIX в. им было написано и опубликовано произведение «Лозы любви» (кистинское предание)». Основной для него стала извечная тема фольклора и литературы о трагической гибели влюбленных юноши и девушки. В произведении ими являются лихой наездник Омар-Али и горская девушка Газело. В результате рокового случая они гибнут и их хоронят в одной могиле, над которой позднее вырастают сплетающиеся две виноградные лозы. Имя Омар-Али выбрано не случайно. Именно под таким именем был известен мужчина из рода Галаевых, воспетых в народных песнях и позднее переселившийся в Турцию. Древний фольклорный сюжет автор связал с современными ему событиями Кавказской войны. Знание жизни и мест-

ных обычаев позволило автору создать полнокровные живые образы горцев. Достаточно глубока и психологическая обрисовка героев. Для предания своему произведению фольклорно-экзотического характера и для типизации героев автор широко использует этнографический материал и пейзажные зарисовки, данные в романтическом стиле. Перу И. Цискарова принадлежат очерк «Картины Тушетии», рассказ «Дикло и Шанохо».

Асланбек Бунхоевич Базоркин (1852-1890)

Чах Ахриев (1850-1914), первый ингушский этнограф и историк, в 70-х гг. XIX в. записал и опубликовал бесценные материалы по этнографии и фольклору ингушей, осуществил ряд научных исследований, весьма ценных для ингушеведения. Наследие его имеет большое значение не только для истории, социологии, фольклористики его народа, но и для всего кавказоведения.

Произведенные Чахом Ахриевым записи позволяют нам заглянуть вглубь ингушской истории. Сопоставляя его ингушские материалы с известными материалами других древних народов, находя то, что для них является общим и разным, можно пролить дополнительный свет на эволюционные процессы этногенеза ингушей. Будучи высокообразованным человеком своего времени (окончил гимназию, а затем и лицей), он публиковался в таких солидных изданиях как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Терские ведомости», «Сборник сведений о Терской области». Творческое наследие ученого можно условно подразделить на исследовательские труды, этнографические разыскания и фольклорные записи с комментариями. Немалый интерес представляют его размышления по социально-политическим и мировоззренческим вопросам. Его угнетало тяжелое материальное положение его народа. Он писал: «Общая характеристика материального положения ингушей, как горных, так и населяющих плоскость, состоит в бедности, скудости и неудовлетворении существенных потребностей». Все это исследователь объяснял земельным стеснением ингушей. Касаясь юридических вопросов, Ч. Ахриев пришел к выводу, что необходимо сочетать официальное самодержавное (государственное) право с обычным правом ингушей. Занимали исследователя и вопросы этнопсихологии. Категорию национального характера ученый понимал, не как что-то извечно застывшее, а как подверженную изменениям под воздействием внешних факторов: «Резкие и оригинальные особенности ингушского характера значительно видоизменяются с изменением общественных порядков края». К достоинствам национального характера ингушей ученый относил и то, что они не подвержены разным формам фанатизма. Научные интересы талантливого исследователя наглядно видны из заглавий его работ: «Ингуши (их предания, верования и поверия)», «Несколько слов о героях ингушских сказаний», «Похороны и поминки горцев», «Ингушские праздники», «Из ингушских сказаний», «Ингушские каши», «О характере ингушей», «Об ингушских женщинах», «Этнографический очерк ингушевского народа с приложением его сказок и преданий», «Присяга у ингушей».

Имея научную ценность, очерки Ч. Ахриева были весьма значимы и как литературные произведения. Очерковые и публицистические его произведения стали первыми шагами в большую литературу.

Современником Ч. Ахриева и его сокурсником по лицею был Асланбек Базоркин (1852-1890), сын героя Русско-турецкой войны генерала Бунхо Бозоркина. Прожил Асланбек Базоркин недолго, но в наследство от него остались два замечательных художественных произведения: «Из далекого прошлого» и «Горское паломничество».

Первый рассказ как бы подслушан молодым писателем из разговора двух ингушей. Вкраце его содержание сводится к следующему: в ингушское село врывается урядник с казаками и заявляет, что следы украденной скотины ведут в это село, и требует ее возвращения и выдачи скотокрада. В противном случае село обязывается к выплате штрафа, намного превышающего стоимость самой скотины. Сельчане обходят все село, а затем и дальние его окрестности. Наконец, корова, привязанная в лесу, найдена, а следы ее похитителя уходят в заросли камыша. В перестрелке похитителя ранят и ведут в село. Казаки и сельчане поражены его видом: это тощий и изможденный человек, одетый в лохмотья. Кровоточит его рана. Свой поступок он объясняет безысходной нуждою. Он почеловечески у всех вызывает большую жалость и даже сочувствие. Рассказ обрывается, и читателю самому предстоит подвести итог случившемуся. В данном случае похититель или умрет от истечения крови, или будет осужден на сибирскую каторгу. И, конечно же, печальна судьба его голодающей семьи.

Проявляя жалость к скотокраду люди (и автор) не склонны оправдывать его проступок. Автор свое основное внимание нацеливает на то, что люди доведены до отчаяния, что на преступления их толкает безысходность, появившаяся в результате обезземеливания горцев – лишения их своего основного источника существования.

В июне 1873 г. А. Базоркин побывал в Горной Ингушетии, вместе с паломниками взошел на святую гору Мят-лоам (г. Столовая) и был свидетелем моления ингушей в период летнего солнцестояния. Вернувшись, он написал произведение «Горское паломничество». По композиции оно несколько напоминает «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Перед читателем – путевой рассказ о местности, горцах, молении и пр. Произведение в целом предстает как путевой очерк с вкрапленными в него тремя небольшими рассказами.

С помощью путевых наблюдений и «подслушанных» им рассказов-миниатюр А. Базоркин разносторонне изобразил тяжелое положение горца-ингуша XIX века. Все три миниатюры вложены в уста разных людей – это позволяет автору внешне остаться сторонним слушателем. Автор не вмешивается в рассказы попутчиков, не резонерствует, а как бы созерцает и фиксирует. И все же за каждым словом рассказчиков стоит автор. Стилевой манерой рассказа, эмоциональной окраской фактов он создает такой подтекст, который заставляет читателя размышлять над прочитанным. Это позволило А. Базоркину придать рассказу документальную правдивость, лаконичность и перед лицом цензуры эзоповским языком высказать свои взгляды на тяжелое положение своего народа. Незаурядные способности автора в бытописательстве, создании портретов, пейзажных зарисовок очевидны. Видна острая наблюдательность, способность к типизации образов. В оценках действительности, народного сознания, быта и обычаев А. Базоркин стоял на демократических позициях

4. Общественная мысль и просвещение в Ингушетии в XIX в.

В начале XIX в., когда шло продвижение России на Северный Кавказ, российская администрация на Кавказе нуждалась в том, чтобы у нее на службе находились грамотные горцы, которые способствовали бы проведению ее политики среди народов Кавказа. Для выполнения этих целей 18 октября 1837 г. была открыта Ставропольская гимназия. При гимназии 17 февраля 1842 г. было открыто подготовительное отделение для детей горцев. С нее начинается процесс зарождения просвещения в Ингушетии. Ставропольскую гимназию в разное время окончили первый ингушский этнограф и историк Чах Ахриев, первый литератор Асламбек Базоркин, просветители Инал Бекбузаров, Адиль-Гирей Долгиев, Кураз Мальсагов, Сай Мальсагов, народоволец Саадал Ахриев, генерал Тонта Укуров и др.[45] Многие ингуши, окончившие Ставропольскую гимназию, продолжали учебу в высших учебных заведениях Москвы, Санкт-Петербурга, Тифлиса и других городов Российской империи.

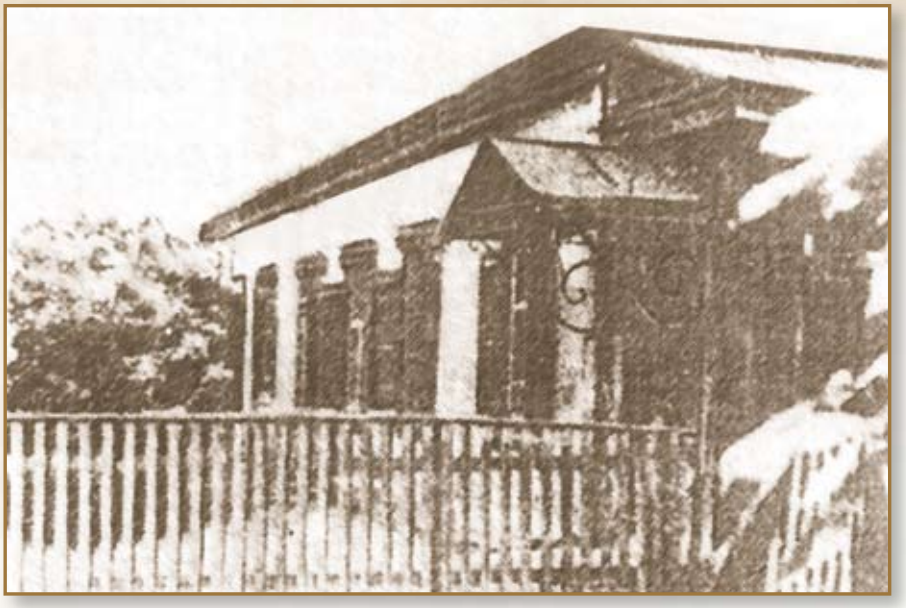
В 1848 г. был создан Кавказский учебный округ, перед которым ставились задачи развития учебного дела среди горцев и сближения учебных заведений Кавказа по составу и направлению преподавания с учебными заведениями империи.

На территории Ингушетии в XIX в. было мало светских школ. В XIX в. функционировало несколько школ во Владикавказе, в которых учились ингушские дети. Одной из первых в Ингушетии начала функционировать в 1855 г. школа в станице Троицкой (основанной на месте ингушских селений Эбарг-Юрт и Серали Опиева в 1845 г.). Первым директором этой школы был И.Д. Кукушкин. Школа имела четыре классные комнаты. В ней учились дети казаков.

На основании высочайшего повеления от 20 октября 1859 г. на Северном Кавказе были учреждены горские школы. Цели, которые преследовались при этом, были сформулированы в первом параграфе их устава: «Для распространения гражданственности и образования между покорившимися мирными горцами и для доставления служащим на Кавказе семейным офицерам и чиновникам средств к воспитанию и обучению детей учреждаются горские школы на степени уездных и первоначальных училищ».[46]

Всего на Кавказе было открыто пять горских школ: Нальчикская (основана в 1861 г.), Грозненская (1863 г.), Майкопская (1863 г.), Назрановская и Сухумская (1868 г.).[47] «Все эти школы были крайне примитивного типа. Просвещению горцев они содействовали мало, потому что охватывали незначительный процент детей школьного возраста из числа горского населения. В 1898 году во всех пяти горских школах из общего числа учащихся обучалось 46,8 процента детей горцев».[48]

Ставропольская гимназия



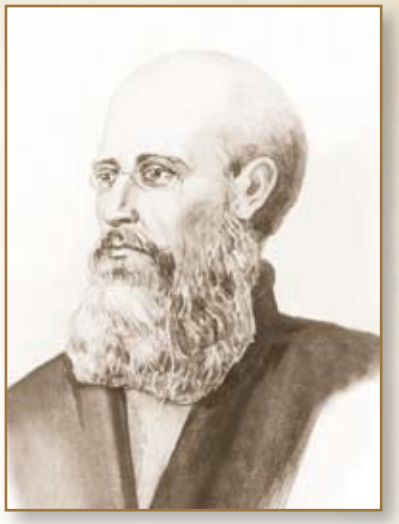
Назрановская окружная горская школа в крепости Назрань

Ингуши между тем не оставляли надежды на улучшение школьного образования, собирали для этого финансовые средства и возбуждали ходатайства перед кавказским начальством. Начальник Терской области в письме к начальнику Кавказского горского Управления от 15 ноября 1866 года сообщал: «Жители Ингушевского округа постоянно обращаются с просьбами об определении своих детей в учебные заведения, к сожалению, удовлетворение подобных просьб оказывается совершенно неисполнимым, вследствие недостатка вакансий во Владикавказской горской школе, в которую до сих пор, по мере возможности, зачислялись дети жителей названного округа. Подобное положение при развивающейся потребности к образованию заставило жителей обратиться к начальнику округа с просьбой исходатайствовать разрешения на учреждение в укреплении Назрань особой школы, при этом просители заявили готовность вывезти лес, камень, глину, песок, дать рабочие руки, перевозные средства, доставлять отопление для здания и, независимо от сказанного, вносить какую угодно плату за обучение детей».

Биберд Бибихаджиевич Картоев

Строительство школы в крепости Назрань началось в апреле 1867 г. Школу строили при материальной поддержке местного населения. В статье «Открытие Назрановского двухклассного училища для приходящих мальчиков», опубликованной в «Терских ведомостях», рассказывалось о строительстве этой школы: «…народ заявил настоятельную просьбу об устройстве училища в Назрани, предлагая со своей стороны на постройку посильные пожертвования, заключавшиеся в поставке леса, песка, камня и глины и в назначении бесплатно во все места перевозочных средств для подвозки к Назрани фабричных материалов. При таком значительном пожертвовании оказалось необходимым отпустить только деньги на наем мастеровых и на покупку фабричных материалов, всего около 6 тыс. руб. – из них 3 тыс. от казны, а 3 тыс. – от общественной суммы. По получении разрешения на постройку приступлено было к заготовлению

сырых материалов, сделана раскладка между жителями, которая передана старшинам, и не более как в 1/2 месяца все материалы были заготовлены. Таким образом, вывезено было: до 2 т бревен, 600 возов камня, 700 возов песка, 300 возов щебня и 40 возов турлука и, кроме этого, до 600 подвод назначались в разные места для перевозки фабричных материалов. Нашлись из среды туземцев люди, вполне сочувствующие благому делу, о которых нельзя здесь не упомянуть, именно – майор Базоркин, ротмистр Заурбек Мальсагов и юнкер Муртуз Зортов безвозмездно приняли на себя наблюдение за заготовлением и приемом сырых, а также и закупкой фабричных материалов. К их добросовестным трудам нельзя не отнести значительное удешевление постройки школы. Ни один из аулов не отказался от пожертвования, а напротив, каждый старался поскорее выполнить данное обещание без малейшего побуждения начальства, несмотря на страшные затруднения, с которыми вывозился лес из трущоб, и нередко за 50 верст».[49]



Адиль-Гирей Олмазович Долгиев (1845-1903)

Открытие Назрановской горской школы состоялось 14 февраля 1868 г. Она располагалась в четырех казенных домах, по признанию попечителя Кавказского учебного округа, «настолько тесных, что в отчетном году пришлось отказать в приеме за недостатком мест 63 мальчикам».[50] Школа имела самые тесные классные комнаты, по сравнению с другими горскими школами Северного Кавказа: Назрановская школа – 9,3 кубических аршина (для сравнения: Майкопская горская школа-7,7 куб. арш.).[51]

Это учебное заведение лишь частично финансировалось государством. «Согласно уставу 1859 года, приходящие вносят в окружной школе по 5 руб. за право учения, в начальных – по 3 руб.».[52] На содержание пансионеров казной отпускалось 90 руб., с воспитанников взималось 60 руб.[53] «Так, по высочайшему повелению, горским школам в 1874 году на наем вольной прислуги было установлено 800 рублей; в 1876 году на содержание больницы при школах – 500 рублей; на квартирные расходы смотрителя и двух надзирателей – 510 рублей; на расходы по обучению воспитанников различным ремеслам – 400 рублей; на дополнительное довольствие (хлеб, крупы, масло и т. д.) от интендантства – 500 рублей. Выделенные средства рассчитывались на все горские школы, что не могло удовлетворить потребности каждой из них».[54] На содержание Назрановской горской школы ингуши платили огромные налоги. Так в 1890 г. на содержание школы было уплачено до 7000 рублей.[55]

Бей-Султан Мочкиевич Зязиков (1860-1924)

Со дня открытия Назрановская горская школа была одноклассной, не считая подготовительного. Необходимо учитывать, что до 1917 г. понятие «класс» означало курс, и этот курс мог включать в себя 3-4 года обучения. В 1899 г. в этой школе был открыт второй класс. В 1911 г. школа стала четырехклассной.

Минга Альтемиров, преподаватель закона Божьего в Назрановской горской школе. Фото начала XX в.

В школе учились только мальчики. Лишь однажды было допущено отступление от этого принципа. По настоянию учителя Б.М. Зязикова, в школу были зачислены три девочки. «Власти были уверены, что девочки-туземки не способны постичь грамоту. И когда после двухлетнего обучения наступило время экзаменов, комиссия, приехавшая из Владикавказа, была удивлена глубиной знаний, продемонстрированных этими девочками. Две из них – Асет и Нина Тутаевы впоследствии стали врачами».[56]

Уровень обучения в школе был невысоким: в экзаменационных ведомостях преобладала оценка «3», а процент переводимых из класса в класс колебался от 60 до 80 процентов. За время ее существования всего было принято в школу 2500 учеников, а выпущено – 562. Ученики жаловались на скудное питание, плохую одежду, побои и оскорбления.

Слабая материальная база, низкий уровень учебной работы, воспитание в духе преданности империи – таковы характерные черты вообще всех горских школ того времени, в том числе и Назрановской. Но несмотря на это Назрановская школа все же явилась в то время очагом распространения просвещения и формирования национальных кадров среди ингушей. Лучшие ученики Назрановской школы поступали во Владикавказское реальное училище, Ставропольскую гимназию и другие учебные заведения. Но таких насчитывались единицы, причем из числа наиболее обеспеченных. «Так в анкетных данных по Назрановскому округу говорилось, что в 1896 году из 29 окончивших школу продолжали обучение 10 человек, из них в низших учебных заведениях 6 человек, в средних – 4 человека».[57]

Назрановская школа располагалась в крепости Назрань, в которой находились также тюрьма и военные чиновники. В 1883 г. учителя протестовали против нахождения школы в крепости.

Мус-Мулла Целиевич Мохлоев (1798 – 1922)

Ингуши в то время мечтали о хороших школах, собирали на них средства, возбуждали ходатайства. Многочисленные обращения аульных обществ об открытии школ убедительно свидетельствуют об этом. Население готово было взять на себя обязательства по содержанию школ. «Так в приговоре от 16 ингушских сельских обществ (1884 год) указывалось о сборе по 25 копеек с каждого дома в каждом селении».[58] Н.Ф. Грабовский отмечал: «Вообще стремление ингушей к образованию до того сильно, что между ними, несмотря на их убогое экономическое положение, очень распространено желание завести женские школы, а в одном из селений – Сурхохи – даже и заведено все необходимое для школы: здание, различные принадлежности и учебные пособия; но остановка за приисканием учителя».[59]

Но русская администрация на Кавказе не была заинтересована в просвещении горцев. Им нужна была лишь

небольшая грамотная прослойка, которая обслуживала бы их интересы на местах.

В школе в разное время преподавали учителя из числа ингушей: Адиль-Гирей Долгиев, Абдул-Вагап Куразов и Минга Альтемиров (преподавали закон Божий), Бейсултан Зязиков, Эльджи Саутиев, Биберд Картоев и др.

После исключения за революционную деятельность из Петербургского университета, ареста и высылки из Петербурга недолгое время в школе преподавал просветитель Адиль-Гирей Олмазович Долгиев (1845-1903). А.-Г.О. Долгиев за время работы в школе попытался улучшить условия для учебы детей. В феврале 1870 г. он выступил в «Терских ведомостях» со статьей «Несколько слов о Назрановской горской школе». В ней он отмечал старания и успехи учеников. «В самое короткое время, – писал автор, – мальчики, особенно старшего отделения, выучились весьма правильно читать по-русски и бывали в состоянии сознательно передавать многое из прочитанного… оказали в практическом знании русского языка такие значительные успехи, что некоторым удавалось перевестись во Владикавказскую реальную прогимназию».[60] Он отмечал, что в школе изменилось отношение преподавателей к ученикам: «грубые наказания, вроде драния ушей, таскания за волосы и т. п., совершенно устранены, на учеников стараются действовать не угрозами, а добрыми наставлениями».[61] В 1870 г. его стараниями в школе было введено производственное обучение.

Слева направо: Абдурахман-Хаджи Актолиев, Илез Озиев (стоит) и Исмаил Озиев. Снято во Владикавказе. 1907 г.

Мулла Минга Альтемиров, учитель закона Божьего, составил программу по своему предмету на арабском языке и сам перевел ее на русский язык.[62]

За свои труды на ниве просвещения М. Альтемиров был награжден серебряной медалью.[63]

Одним из первых учителей-ингушей Назрановской горской школы был Бейсултан Мочкоевич Зязиков (1860-1924 гг.). Б.М. Зязиков окончил начальную школу во Владикавказе, а затем и реальное училище. После окончания училища Бейсултан стал учительствовать в Назрановской школе. «Понимая, что только знания помогут ингушскому народу выйти из вековой отсталости, Зязиков Бейсултан с большим энтузиазмом взялся за обучение детей. По воспоминаниям его бывших учеников, он был строг и требователен».[64]

Вместе с ингушскими учителями в Назрановской школе работали и большую роль сыграли в ее становлении русские учителя. Они пользовались заслуженным уважением среди учеников и коллектива. Первым смотрителем этой школы был Протопопов, его сменил Михаил Нечаев, который заведовал школой с 1875 г. по 1883 г. Длительное время здесь работал Дмитрий Дмитриев. Начинал он свою работу в школе с 1874 г., затем, после некоторого перерыва, в 1883 г. вновь вернулся в школу. Это был очень инициативный и ответственный человек. Смотрителем Назрановской школы после окончания ремесленного училища во Владикавказе и Кубанской учительской семинарии стал работать Алексей Гусев. На эту должность его рекомендовал инспектор 2-го района М. Орел «как одного из достойнейших учителей Терской области».

В центре – Хаджи-Али-Мулла Чумаков из Кантышево.1930-е гг., г. Орджоникидзе.

А. Гусев действительно был внимательным и чутким руководителем. Безудержное желание сделать жизнь школы интересной проявилась в том, что именно при нем стали проходить праздничные мероприятия с участием ингушских школьников, которые воспринимали их с большим воодушевлением.

Ингушский народ остро нуждался в национальной интеллигенции: в чиновниках, врачах, юристах, хорошо знакомых с местными условиями, бытом, языком коренного населения.

Гражданская интеллигенция в крае начала формироваться в основном во второй половине XIX – начале XX вв. Формировалась также учительская интеллигенция. Большую роль в этом процессе сыграли учебные заведения Владикавказа, Ставрополя, Тифлиса, Москвы, Петербурга, а особенно Назрановская горская школа.

Простые люди сами хорошо сознавали, что без русского языка и русской грамоты они не могут выжить в новых экономических условиях, добиться каких-либо успехов в предпринимательстве или сделать карьеру на военной или гражданской службе. Обращая на это внимание, Н.Ф. Грабовский писал: «Нельзя сделать ингушу большего удовольствия и одолжения, как согласиться взять к себе в дом (даже для прислуги) сына, брата или родственника его. От подобного рода просьб не отобьешься, и где только представляется возможность приткнуть между русскими людьми маленького ингуша, там этой возможности не упускают их родственники; поэтому-то всюду, начиная от передней, и кончая аудиторией университета, можно встретить ингуша. И все это творит жажда знания русского языка и грамоты».[65]

В XIX в. в Ингушетии проводниками грамотности среди ингушей являлись также представители мусульманского духовенства. При их поддержке почти во всех селах создавались мусульманские начальные школы («хьужаре»), которые открывались в основном при мечетях и содержались за счет пожертвований. Возникали такие школы в зависимости от желания преподавателя или учащихся и так же легко закрывались. Преподавали в этих школах муллы. Обучение своих детей в религиозных школах родители считали престижным. Каждый родитель, даже не очень состоятельный, считал своим долгом дать образование ребенку. Родители отдавали детей, как мальчиков, так и девочек, в примечетские школы в семилетнем возрасте. В этих школах обучали арабской грамоте, а также ингушскому письму, созданному на основе арабской графики, уделялось внимание изучению столпов ислама, выполнению религиозных обрядов, правил поведения в быту и обществе. Мулла разъяснял, как вести себя с родителями, соседями, родственниками, что положено

делать мусульманину и что не дозволено. Все это благотворно влияло на процесс воспитания детей. Обучение детей длилось от четырех до шести лет. Те, кто умел читать и писать по-арабски, пользовались большим влиянием, были примером для подражания. Им были доступны должности духовного служителя, сельского муллы, обеспечивавшие им безбедное существование.[66] Также практиковалось индивидуальное обучение учителями-муллами на дому.

В примечетских школах мальчики и девочки обучались раздельно. Ни дети, ни их преподаватели не знали русского языка.[67] В XIX в. в этих школах в основном преподавали духовные лица, приезжавшие из Дагестана и Чечни, а на рубеже XIX-XX вв. появились учителя-муллы из ингушей. Требования к учителю-мулле предъявлялись довольно высокие. Не каждый мулла мог стать учителем. Прежде всего, он должен был быть человеком уважаемым, пользоваться авторитетом, обладать высокими нравственными качествами, иметь репутацию хорошего учителя. Начинающий учитель должен был получить положительную рекомендацию от кадия.

Первые примечетские школы были открыты в с. Гамурзиево и Базоркино. Кавказская администрация, хотя и не вмешивалась в дела этих школ и не поддерживала их материально, но за неблагонадежными преподавателями установила негласный надзор.

В Ингушетии к ученым-алимам сложилось бережное и уважительное отношение. К их голосу прислушивались, с ними советовались, и недаром они выступали в качестве посредников в примирении кровников, решении других острых конфликтов. Такое отношению к ученым и просвещению во многом было обусловлено тем, что народ Ингушетии всегда отличался природным, пытливым умом и любознательностью, и эти качества ингуши проявляли в одинаковой степени, как к исламским, так и к светским наукам. Представители Ингушетии в целях получения глубоких знаний отправлялись в культурные центры мусульманских стран. Такие центры находились в Тимер-хан-Шуре в Дагеста-

30-31 июля 1891 г. Д.И. Менделеев в Фуртоуге.

Саадала Темуркоевич Ахриев (1853-1932)

не, Стамбуле, Багдаде, Бухаре, Самарканде, Ташкенте. Вернувшись на родину, они распространяли среди соотечественников передовые знания и идеи, оказывали практическое содействие общему просветительскому направлению, пробивавшему дорогу в цивилизованное общество.[68]

Важным явлением в культуре Ингушетии стало мусульманское просветительство, которое сыграло положительную роль в развитии общественно-политической мысли. Оно являлось составной частью не только общероссийского, но и мирового общественного движения и свидетельствует о том, что мусульманская культура оказала большое влияние на развитие культуры и общественной мысли Ингушетии. Создавалась здесь и литература на арабском языке. Известный арабист И.Ю. Крачковский отмечал, что в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти в Кабарде и Черкесии создавалась оригинальная литература на арабском языке.[69]

Наиболее известными деятелями мусульманского просветительства в Ингушетии были Мус-Мулла Дударов-Мохлоев, Абдурахман-Хаджи Актолиев, Тешал Ужахов, Магомед Куркиев, Ильяс и Исмаил Озиевы, Гайрбек-Хаджи Евлоев, Хусейн-Хаджи Гарданов, Терсмейл-Хаджи Гагиев, Батал-Хаджи Белхароев, Исхак-Мулла Чапанов, Усман-Мулла Барахоев, Хаджи-Али Чумаков, Ахмед Арапханов и многие др.

Культурно-просветительские учреждения. Развитию материальной и организационной поддержки образования и культурно-просветительского движения во второй половине XIX – начале XX вв. способствовали общественные организации. В 80-е гг. XIX в. на Северном Кавказе появились первые общественные просветительские организации. Эти организации способствовали развитию материальной и организационной поддержки образования и культурно-просветительского движения. Такими организациями были «Нальчикское благотворительное общество», организованное в 1881 г., «Общество распространения образования и технических знаний среди чеченцев», инициатором создания и автором устава которого был публицист И.М. Мутушев, «Общество образования горцев Северного Кавказа», созданное в г. Кисловодске, «Черкесское благотворительное общество» в Адыгее и т. д.

Во Владикавказе было создано в 1882 г. «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Кавказа». Его возглавляли Г. Шанаев, М. Кипиани и др. Члены общества делились на действительных, пожизненных, почетных членов и соревнователей. В 1913 г. в нем состояло «344 пожизненных члена и 143 действительных».[70] В числе пожизненных членов были и ингуши. За 1905 г. пожизненным членом этого общества был Т.Б. Дударов, а действительными членами числились Ч.Э. Ахриев, С.Б. Ахриев. Общество сыграло значительную роль в просвещении народов Северного Кавказа, в том числе и ингушей, в подготовке национальной интеллигенции, в разработке письменности и в становлении системы народного образования среди горцев. Общество имело право открывать «начальные школы среди горского населения Терской области» по программе обучения Кавказского учебного округа с «параллельным обучением ремеслам, чтению письма на родном и русском языках», содействовать распространению «технических зна-

ний и оказывать материальную помощь учащимся учебных заведений». Учредители и члены этого общества не раз поднимали вопросы, связанные с просвещением своего народа, считая это дело самым прочным залогом спокойного развития края с его живым и восприимчивым населением.[71]

Албаст Цехарович Тутаев (1855-1941)

Общество оказывало посильную помощь выпускникам различных учебных заведений изъявивших желание продолжить образование в средних или высших школах России, а также выступило с идеей обучения на родном языке и подготовке национальных педагогических кадров. Время от времени «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области» собственными силами выпускало отдельные издания на языках народов Северного Кавказа. Правление этого общества приняло решение о расширении издательской деятельности и формировании собственного финансово-издательского фонда. Впрочем, эти планы так и остались нереализованными.[72] Средства общества составлялись, из ежегодных членских взносов (пожизненные члены платили по 100 рублей, действительные – не менее 5 рублей, соревнователи – не менее одного рубля в год), сборов по подписным листам из всякого рода пожертвований, платы за право учения в училищах общества детей состоятельных родителей, сборов, устраиваемых обществом концертов, спектаклей, публичных лекций и других мероприятий.

Молодежь, обучавшаяся в высших, средних и профессиональных учебных заведениях пользовалась финансовой поддержкой, оказываемой обществом. В отчетном 1913 г. обществом была оказана помощь 74 учащимся различных учебных заведений. Всего пособий было выдано на сумму 1151 руб., 25 коп.[73] Благодаря этой поддержке многие получили возможность окончить учебные заведения. Усилиями членов Общества во Владикавказе было открыто Горско-Пушкинское общежитие для детей, проживающих в сельской местности. Общежитие было приспособлено для 50 мальчиков. В случае большого количества претендентов преимущество имели дети менее зажиточных родителей и притом преуспевающие в науках. Заведующего общежитием избирало правление общества. При общежитии была открыта и библиотека, где имелись все необходимые журналы, словари, школьные книги и карты.

Деятельность всех этих обществ содействовало развитию народного образования, распространению среди населения медицинских, естественнонаучных и сельскохозяйственных знаний, изучению истории и экономики края, развитию культуры, распространению научных и экономических знаний.[74]

Тяга к светскому образованию была связана у ингушей с необходимостью получения знаний и навыков, необходимых для наилучшего приспособления к условиям развивающихся капиталистических отношений и адаптации к русской культурной среде.

Во второй половине XIX в. сформировалась интеллектуальная прослойка в ингушском обществе. Это Ч.Э. Ахриев, А.Б. Базоркин, А.-Г.О. Долгиев, С.Т. Ахриев, А.Ц. Тутаев и др.

Саадала Темуркоевич Ахриев после окончания Ставропольской гимназии учился в Петербургском университете, принимал активное участие в демократическом движении, в 1876 г. вступил в организацию «Земля и воля».

С.Т. Ахриев дружил со многими известными русскими учеными и писателями. В июле 1891 г. у него в гостях в ауле Фуртоуг побывал знаменитый русский химик Д.И. Менделеев.

После окончания университета С.Т. Ахриева, считая не вполне благонадежным, посылают подальше от Ингушетии – в г. Геокчай в Азербайджане. С 1877 по 1912 гг. Саадал работал в землеустроительных органах в Бакинской и Елизаветпольской губерниях, где он защищал интересы бедняков. Здесь он занимался просветительской деятельностью, при его активном участии открылась женская школа. Кроме того он помогал многим ингушам получить хорошее образование, и, в том числе, своим племянникам Гапуру и Мухтару Ахриевым. В 1912 г он вышел в отставку и поселился во Владикавказе, где в 1913 г. был избран председателем Ингушского общества для распространения грамотности и технических знаний среди ингушей. Вернувшись уже после установления Советской власти во Владикавказ, он работал заведующим областным архивом Ингушской автономной области.[75] Он стоял у истоков создания ингушского архива. Архивное бюро Саадала возглавил в солидном возрасте.

Представителем просветительской мысли ингушей был также Албаст Цехарович Тутаев (1855-1941), который проделал большую работу по разработке важнейших вопросов истории и культуры Ингушетии. В своих трудах «Галгаевский календарь» (1881), «Ингушский праздник после окончания поста», «Скачки «Мархий цIей»», «Праздник Тушоли», «Царь Аландий», «Галгаевцы», «Приезд грузинской царицы Тамары в горную Ингушетию», «Галгаевцы в Санибе», «Князь Бексултан Бораганов» автор рассматривал вопросы происхождения галгаевцев, ингушских фамилий, основание селений, церемонии проведения языческих праздников, исполнения обрядов, ритуалов. Большое внимание он уделял памятникам архитектуры: истории появления храмов, святилищ, башен, также отмечал тесные духовно-культурные взаимоотношения с Грузией, Чечней, Кабардой.

Следует отметить, что появлению первых ингушских просветителей в немалой степени способствовала активная поддержка со стороны целой плеяды прогрессивно настроенных общественно-политических деятелей культуры. Прежде всего это относится к Я.М. Неверову, П.К. Услару, Н.И. Воронову и др.

Прогрессивный педагог и великолепный организатор учебного дела Я. М. Неверов отдал значительную часть своей жизни делу просвещения, в том числе – просвещению горцев. Он старался дать горцам такое образование, которое помогло бы им быть полезными своему народу. Педагогическая деятельность Я.М. Неверова и его единомышленников формировала основы демократического мировоззрения у будущих просветителей и общественных деятелей из числа горцев.

Нельзя обойти вниманием деятельность известного ученого-языковеда П.К. Услара. Он являлся крупнейшим знатоком истории и этнографии народов Кавказа. Одно лишь его произведение «Древнейшие сказания о Кавказе» говорит о нем как о незаурядном историке. Этот труд содержит серьезный анализ использованных документов и других материалов, имевшихся в библиотеках России и соседних восточных стран. Он отверг всякого рода измышления, которые искажали подлинную историю Кавказа. Передовые люди, к числу которых, несомненно, относился и П.К. Услар, понимали, что «на Кавказе, как всюду и всегда, масса народонаселения состоит из людей, дорожащих домашним кровом, домашнею мирною деятельностью». В результате напряженного и кропотливого труда и на основании большого фактического материала, П.К. Услар написал фундаментальные исследования о языках народов Кавказа. Так же, как и Я.М. Неверов, он

отстаивал необходимость обучения горских детей не только на русском, но и на родном языке, важность создания письменности на языках народов Кавказа. «Грамотность на родном языке, – писал П.К. Услар, – составляет первый шаг к просвещению».[76]

Большую просветительскую работу на Кавказе проводил Н.И. Воронов, редактор двух периодических изданий, имевших большое значение для развития просветительской деятельности, – «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Сборник статистических сведений о Кавказе». С 1854 по 1856 г. он преподавал в Ставропольской гимназии. Много путешествовал, побывал почти во всех областях Северного Кавказа. В 1861 г. в двух номерах журнала «Колокол» появились две небольшие статьи Н.И. Воронова, разоблачавшие колониальную политику самодержавия на Кавказе. Он считал, что передовые русские люди должны приблизить к себе горцев, чтобы между ними и Россией всегда было согласие. Для разрешения этой задачи он обращался к передовым деятелям из среды самих горцев. В редактируемых им изданиях печатали свои статьи дагестанцы Омаров, Амиров, Черкеевский, ингуши Чах Ахриев, Асланбек Базоркин, чеченец Умалат Лаудаев и др.

Во второй половине XIX в. – начале XX в. значительно возрос интерес деятелей культуры, поэтов и писателей России к Кавказу. Решая задачи просвещения, они вышли за пределы русской действительности и стали соразмерять с ними жизнь малых народов России.

Произведения А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова последнего периода творчества дают представления о высоком морально-нравственном содержании характера горцев. Сочувствуя им, восхищаясь их жизнью, вольнолюбием, поэты не были пассивными наблюдателями: внутренняя сущность, природа создаваемых ими образов направлена на вмешательство в ход жизненных событий горского бытия и изменение их в сторону просвещения и прогресса.[77]

Писатели Г.И. Успенский, А.И. Островский, Л.Н. Толстой, А.М. Горький и др. в своих произведениях касались истории горских народов.

В 80-х гг. XIX в. на Кавказе побывал писатель демократического направления Г.И. Успенский (1843-1902). Его «Путевые заметки», «Кавказские горы» дают интересный материал о Северном Кавказе. Он показывает развитие капитализма и его негативные последствия как в центральной России, так и на окраинах. Вместе с тем Г.И. Успенский подчеркивает, что за последние десятилетия в жизни горцев произошли серьезные сдвиги, улучшились отношения между горцами и русскими.

Кавказ посетили А.Н. Островский и А.П. Чехов. Свои впечатления о поездке на Кавказ А.Н. Островский запечатлел в «Дневниковых записях поездки на Кавказ 1883 года», а также в письмах к друзьям. А.П. Чехов побывал на Кавказе несколько раз. В своих письмах он писал: «Кавказ Вы видели. Кажется, видели Вы и Военно-Грузинскую дорогу... Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ».

Идеи просветительства нашли свое новое отражение в кавказских произведениях Л.Н. Толстого. Он постоянно стремился «понять духовный строй жизни местных народов», их нравы и обычаи, иметь лично свои впечатления о них. Повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» посвящена событиям Кавказской войны. Л.Н. Толстой использовал в ней огромное количество историко-этнографического материала, который был, по его собственному признанию, «до малейших подробностей верным действительности».[78] Повесть «Казаки» Л.Н. Толстой писал в течение 10 лет. В повести раскрываются особенности жизненных устоев казачества на Кавказе, его быт и нравы, связи с горцами. Дружба Толстого с горцами ознаменовала собой преодоление психологических барьеров недоверия между русской интеллигенцией и простыми горцами, начало новых русско-кавказских культурных отношений.

На Кавказе в дореволюционное время четырежды побывал А.М. Горький (в 1891, 1898, 1900 и 1903 гг.). Говоря о значении этого края для своего творчества, он писал: «Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги литератора». Известный рассказ «Макар Чудра» был написан на Кавказе. Проблемы Кавказа нашли отражение и в других произведениях А.М. Горького «Мой спутник», «Два босяка», «Рождение человека», «Ущелье» и др. В этих произведениях Горький обличал политику национальной вражды, проводимую царизмом.

Большое влияние на ингушских просветителей и деятелей культуры оказывали представители соседних горских народов, занявшие определенное положение в культурной жизни Северного Кавказа: Умалат Лаудаев, Коста Хетагуров, Дмитрий Кодзоков, Адиль-Гирей Кешев, Кази Атажукин, Бассият Шаханов, И. Крымшамхалов, Шора Ногмов и др. Свою основную задачу они видели в просвещении горцев, в том, чтобы способствовать росту их образовательного уровня, культуры, самосознания.

5. Развитие физической культуры и спорта в Ингушетии в XIX в.

Важной частью народной культуры являются традиционные игры, национальные виды спорта. Еще в древности ингушский народ создавал свою систему физического воспитания и игр, передавал ее из поколения в поколение. При этом она частично видоизменялась в зависимости от условий жизни горцев.[79] Основными чертами этой системы были ее военно-патриотический, трудовой и воспитательный характер.

Народная физическая культура и спорт также были связаны с хозяйственным и общественным бытом, с календарными праздниками, обрядами, с событиями в семейной и общественной жизни горцев.

Основополагающую роль в физическом воспитании играла закалка детей, трудовое воспитание, воспитание культуры общения, уважения к старшим.

Трудовая деятельность горцев, постоянная военная угроза, междоусобицы требовали от них военного искусства, а следовательно и воспитания в подрастающем поколении силы, ловкости, навыков обращения с конем и оружием, стойкости и мужества.

Основу физического воспитания составляли упражнения и игры, связанные с верховой ездой, также имело место использование других видов физических упражнений и игр, таких, как прыжки, бег, борьба и т.д. На спортивных состязаниях выявлялись меткие стрелки, сильные борцы и искусные наездники. Такие джигиты все время были на виду у общества, к ним обращались при возникновении военной опасности. Многие из них с течением времени становились народными героями.[80]

Ученый-этнограф Ч.Э. Ахриев в своих работах много внимания уделял играм и физическому развитию ингушей. В его работах мы находим ценные сведения о джигитовках, скачках, физическом развитии и характере ингушей. Ч. Ахриев подробно описывает некоторые народные виды спорта. Много внимания он уделял упражнениям и состязаниям, проводимым горцами на лошадях.[81]

Многие исследователи отмечали исключительные физические и волевые качества горцев. Лучших наездников, бегунов, борцов ингуши воспевали в песнях. Певцы играли большую роль в воспитании моральных и физических качеств горцев.

Народные игры ингушей подразделялись на подвижные, логические и развлекательные, а также на игры для обоего пола и игры только для мальчиков. Широкое распространение имели подвижные игры. В этих играх выявлялись физическая подготовленность

детей. Игры были веселые, шумные и нередко опасные, особенно конные.

Конь был спутником и другом горца на войне и в мирное время, а также во время празднеств и народных гуляний. Поэтому понятно, что наиболее древним и развитым видом спорта на Кавказе является конный спорт.

Под присмотром старших мальчиков обучали верховой езде с четырех-пяти лет, для лучшего привыкания к коню и укрепления их вестибулярного аппарата. С семи-восьми лет ребята допускались к участию в спортивных соревнованиях по скачкам.

Цогол Газиков

По случаю любого торжества ингуши устраивали скачки. Распространенным видом была стрельба при джигитовке. Здесь необходимо было показать умение не только управлять конем, но и владеть оружием, делать различные трюки особой сложности. Во многих источниках описывается мастерство ингушских наездников. Самые почетные старики выступали в качестве судей. Они отмечали качества как наездника, так и его коня. Особое значение придавали меткости, ловкости стрелка и резвости коня, а также умению управлять этим конем. Одним из видов конного спорта была «конная борьба». «Всадники старались стащить друг друга с лошади или же крупом своей лошади свалить с ног другую лошадь. Это борьба требовала от всадника умения в совершенстве управлять лошадью и самому прекрасно держаться на ней. В этой борьбе определялась не только сила и ловкость всадника, но и сила лошади. История возникновения этого «поединка» относится к далекому прошлому».[82] Среди ингушей была распространена также борьба пешего со всадником. Основная цель этого состязания сбить пешего с ног грудью коня, или всадника стянуть на землю.[83]

Одним из популярных видов конного спорта были скачки со сменой коней «Ди хувцаш ловзар». Два всадника на полном скаку должны были перепрыгнуть с одной лошади на другую, затем нужно было разъехаться, и подбросить шапки, которые выстрелом нужно было сбить. Стрелять по своей шапке не разрешалось.

Интересным было состязание «расседлывание и оседлывание на скаку». Это делалось на полном скаку, все три подпруги отстегивались. Затем нужно было поднять седло и показать его судьям. Сложным по технике исполнения были состязания «пролезть на скаку под животом лошади на другую сторону», «скачки с поднятием вещей, лежащих на земле», «скачки до обрыва». Последнее состязание требовало от всадника большой смелости, мужества, точности умения сдерживать коня и владеть им. Нередко происходили и трагические случаи, когда участник успевал спрыгнуть, а конь срывался в обрыв. Победителей этих состязаний награждали оружием, черкесками, башлыками, серебряными предметами.

Особенно популярны были конные состязания на свадьбах. Кроме перечисленных, на свадьбах проводились скачки («ди хахкар») с джигитовкой («ди х1овзбар»). Скачки устраивались и в честь рождения сына, а также на похоронах и поминках. Народные предания донесли до наших дней имена лучших наездников. Это были Юсуп Патиев (Га-

Яни Бузуртанов

даборшево), Аси Доскиев, Ислам Цицкиев (Длинная Долина), Вари Цицкиев и др.[84] Популярным среди ингушей было «конное поло», называли эту игру «цIена бургац» («чистый мяч»). В источниках сохранилось и другое название этой игры «таузи»: «128-летний ингуш из аула Сурхахи Назрановского района А. Аушев говорил, что старики много раз рассказывали о игре в мяч на лошадях. У него сохранился сачок-ракетка, изготовленный его дедом из шкуры молодого ягненка. Аушев и другие долгожители почему-то называют эту игру «таузи»… Это игра заключалась в том, что игроки, сидя верхом на лошадях, подобием клюшки («молотком») загоняли мяч в ворота противника, в которых стоял верховой или пеший вратарь. Команда состояла из 3-4 всадников».[85] Эта игра была распространена и у других народов Кавказа. А.И. Краснов, интервьюировавший того же А. Аушева, пишет, «что игра, подобная той, которая бытовала среди ингушей при его жизни, была распространена не только среди его соотечественников, но также и среди карачаевцев и грузин. Он утверждает, что правила для играющих в эту игру были одинаковы как у ингушей, так и у карачаевцев и грузин. Его утверждение об идентичности правил игры в конное поло у ингушей, грузин и карачаевцев основывается на следующем: по рассказам его деда, какой-то знатный ингуш при жизни деда женился на карачаевской девушке из знатного рода. Во время свадьбы отец выдаваемой замуж девушки прибыл со своими приближенными в Ингушетию. Между прибывшими карачаевцами и ингушами состоялась игра в «таузи».[86] Далее А.И. Краснов сообщает, что игры в конное поло проводились между ингушами и грузинами.[87] В газете «Тифлисские ведомости» за 1830 год была помещена информация о свадебном торжестве одного грузинского князя, взявшего девушку из знатного ингушского рода, и состоявшейся во время торжества игре в конное поло между ингушами и грузинами, закончившейся и дома и в гостях победой ингушских игроков.[88] Из ингушских преданий известно, что игры в «цIена бургац» проходили между представителями целых фамилий.

Во многом напоминающую хоккей на траве и одновременно похожую на русскую лапту игру записал в Ингушетии В.М. Сысоев. «Игроки, – писал он, – разделялись на две партии. Количество игроков не ограничено. Мяч делался из белой козьей шерсти или из обрубка белого дерева. Игра в основном проходила в лунные зимние и летние ночи. Старший забрасывал мяч в степь, и обе партии бросались его искать. Выигрывала партия шесть раз отыскавшая мяч. Партия, нашедшая мяч, стремилась привести его к центру поля, в чем ей препятствовала вторая партия.[89] Эта игра особой популярностью пользовалась среди пастухов, которые вместо мяча использовали войлочную шляпу или шапку набитую травой, а ракетки заменяли им пастушьи палки из березы.

Среди ингушей популярностью пользовались состязания в ходьбе. Имела место ходьба на подъем, спуск, преодолений препятствий: рвов, заборов и т. д. Имелось несколько разновидностей бега: на скорость, выносливость по сильно пересеченной местности, часто на подъем. После прибытия на финиш бегуны обычно не садились (как бы они ни устали) – это считалось неприличным. В некоторых селах Ингушетии (Джейрах, Барсуки, Кантышево), особенно когда бежали дети, применяли счет. Один из пользовавшихся доверием у общества человек начинал считать от одного и дальше с момента старта. Запоминали

или отмечали, кто на каком счету пришел к финишу. Так определялся победитель. Однако этот способ определения по сведениям информаторов редко практиковался, в виду того, что бегуны бывали недовольны считающим. На этой почве возникали споры. Когда все участники заканчивали бег, старший судья делал несколько выстрелов. Это было сигналом к тому, чтобы все успокоились. И тогда громко называли имя победителя и вручали ему подарок. Почти каждый аул имел своих искусных бегунов.

Муса Бузуртанов

Популярным было среди ингушей метание камней. Камни были разного веса, формы. Они подбирались с учетом возрастных особенностей. Соревнования по метанию камней проводились на дальность, в цель, в высоту и на крышу домов. Участнику нельзя было выходить за черту метания, пока камень не упадет на землю. Место падения камня отмечалось. Победителем считался тот, кто дольше всех метнет камень. Мелкие камушки метали как рукой, так и с помощью пращи («шурдолг»).

Большое место в системе физического воспитания ингушей занимала борьба («латар»). Вероятно, возникновению и развитию борьбы у горцев способствовала сама окружающая среда. В суровых условиях гор их обитателям не раз приходилось защищаться от диких зверей и врагов. А в боевых действиях, когда вооружение было еще не совершенным, умение сбить противника с ног и этим реализовать возможность активных боевых действий имело огромное значение. Для борьбы не требовалось специального оборудования. Она проводилась на поляне, лужайке или на сельских площадях. В каждом селе были свои борцы-силачи.

Не были развиты среди ингушей контактные виды борьбы, такие, как бокс или карате, при котором противника можно было бить кулаком или ногой, так как удар по телу и, особенно, по лицу даже в спортивных состязаниях не допускался.

Издревле горцам был известен такой вид спортивного упражнения, как стрельба из лука. Лук широко использовался горцами на охоте и в состязаниях. Стрельба в цель – в древности из лука, а позже – из ружья или пистолета – являлась популярным занятием горцев. Известны были такие виды состязания, как фехтование на шашках, мечах, кинжалах, а также борьба на копьях и рубка саблей.

Проводились соревнования по прыжкам (через рвы, ручьи, канавы, камни и другие препятствия), по подниманию тяжестей (камней и т. п.), по плаванию.

Зимой ингуши практиковали катание на лыжах и санках, а также, когда снег уплотнялся, занимались скольжением со снежных склонов.

Спортивные состязания по тем или иным видам проводились по определенному традиционному случаю (рождение ребенка, обрезание, укладка ребенка в люльку, календарные и религиозные праздники, приезд гостей, свадьба). Поводов для организации скачек, конных игр, различных упражнений, подвижных игр было очень много. Любое радостное или траурное событие могло послужить причиной для возникновения игр. Рождение сына у ингушей, особенно первенца, отмечалось очень шумно. Раздавались оружейные выстрелы, устраивались скачки и различные состязания. Через несколько дней после рождения укладывали ребенка в колыбель. Это событие тоже сопровождалось определенными обря-

Исакх Бузуртанов

дами. Право положить ребенка в колыбель предоставляли здоровому сильному подростку. Обычно девочку укладывала девочка четырех-шести лет, мальчика мальчик того же возраста. При этом обязательно нужно было зарезать курицу или барана, то есть пустить кровь.

Особо отмечали праздник перехода подростков пятнадцати-шестнадцатилетнего возраста в следующую возрастную группу совершеннолетних юношей. У ингушей он совпадал с началом сенокоса в августе. Этот праздник сопровождался прыжками через костер, рубкой дров или дерева, поднятием тяжестей, борьбой, бегом, джигитовкой, состязанием в кошении сена с опытными косарями. Во время похорон и поминок проводили состязания по стрельбе.

Весьма популярным видом упражнений в народном физическом воспитании было лазанье на столб. Связано было это упражнение с трудовой практикой во время сенокоса в горных условиях, а также во время охоты и в боевых действиях в горах. В лазании на обмазанный жиром столб состязались и на многих семейных празднествах и в дни траурных событий. «Это состязание проводилось главным образом по национальным праздникам и предназначалось для подростков 13-16 лет. В землю вкапывали толстый столб, гладко обструганный и смазанный животным жиром. Наверху столба прикрепляли корзину, наполненную различными предметами. Наиболее догадливые мальчики набирали в карманы, а иногда и за пазуху песок и золу, обтирали ими столб и руки, добирались до корзины и забирали себе ее содержимое. Еще долго после праздника вокруг столба шумели, спорили, толкая друг друга, оспаривая первенство в лазании по столбу».[90]

Высокое мастерство, сила и ловкость требовались при ходьбе по канату («пилхьал валар»). Это было абсолютно мужское занятие и известного канатоходца очень уважали и ценили в ингушском обществе.

Подвижными играми мальчиков были игра в чижик («куллах ловзар»), передвижение на ходулях («кIожолгаш тIа лелар»), игра в волчок на ледяном катке, («маркъилгах ловзар»), игра в альчики («гIолгех ловзар»), метание камня («кхер кхоссар»), игра в орехи («бIарех ловзар»), игра в самодельный мяч («каьрдига бургацах ловзар»), катание на салазках («ког-соалозаш хахкар») и др.

Играми для девочек были игра в камешки («тIаршингах ловзар»), игра в куклы («тениках ловзар») и др.

К подвижным играм для детей обоего пола относились игра в прятки («лечкъоргах ловзар»), игра в городки («тялгах ловзар»), бег наперегонки («хьалхвоаларгах вадар»). Одной из самых любимых детских игр была игра в качели («гонгул» и «бурчолг»). Для детей кроме игр устраивались отдельно и трудовые соревнования («балха яхьаш»), которые соответствовали их полу и возрасту.

Огромное значение и важность в культурной жизни ингушей занимали развлекательные игры. Они в основном заключались в умении петь и играть на музыкальных инструментах. Завязывались состязания, кто кого переговорит или перетанцует. Каждый участник стремился продемонстрировать высокую технику исполнения танца. На празднике выходил из группы молодой человек и начинал нараспев петь. Его поддерживали остальные. Затем выходила девушка и соответствующей песней отвечала солисту мужской груп-

пы, остальные девушки ее поддерживали. Такого рода игры способствовали духовному настрою, сохранению традиций, обычаев, этикета народа.

Открытие на Кавказе школ, как примечетских, так и светских, преподавание в них гимнастики, а также специальные указания царских наместников на Кавказе о запрещении устройства публичных состязаний по народной борьбе, во многом способствовали угасанию традиционных видов игр и упражнений.

На новом этапе развития Ингушетии (вторая половина XIX – начало XX вв.) горцы стремились воспитывать своих детей в школах с пансионатами. Открывались гимназии с пансионатами, в которых выделялись вакансии для детей горцев. В этих учебных заведениях они принимали активное участие во всех спортивных соревнованиях. И. Попко писал, что в гимназиях были введены военные науки, фехтование, маршировка, стрельба, верховая езда, гимнастика и различные игры.[91] В Назрановской горской школе в числе необязательных предметов также была введена гимнастика. Обычно гимнастикой занимались все учащиеся этой школы. Свободное от учебы время они занимались физическими упражнениями: лазали по канату и шесту, любили упражнения с набивным мячом, который подбрасывали вверх и ловили (если ученик не мог уловить три раза подряд мяч, то он выбывал из игры), занимались акробатикой и конным спортом.

В XIX в. ингуши играли и в шахматы. В книге А.И. Краснова «Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии» среди сильнейших игроков в шахматы Ингушетии XIX в. упоминаются жители Назрановского общества братья Базоркины.[92]

Среди ингушей были известные альпинисты. В XIX веке предпринималось много попыток восхождений на Казбек (Бешлом). Обычно проводники в таких экспедициях выступали ингуши – жители с. Гвилети (Гелате), расположенного в Дарьяльском ущелье. Две попытки немецких путешественников Энгельгардта и Паррота предпринятые в 1811 году закончились неудачей. Добравшись до высоты 3907 м., они вернулись обратно. Затем последовала неудачная попытка доктора Коленати в августе 1844 года. Его проводниками были гвилетцы Кариевы Бимарза и Хамарза. Коленати достиг высоты 4436 м и вернулся обратно.[93]

Впервые Казбек был покорен английскими альпинистами в 1968 г. То, что гвилетцы поднимались на вершину Казбека еще раньше, говорит тот факт, что еще до покорения его в 1868 г. англичанами, которые впервые достигли вершины Казбека, у гвилетцев уже были в обиходе названия горных вершин, скал, впадин и т. д. доходивших вплоть до седловины, чего нельзя было сделать, не исходив эти места. Гвилетцы Цогол Газиков, Тото Озиев, Анзор Досхоев и еще один гвилетец 19 июня 1868 г. привели на вершину Казбека английских альпинистов Д. Фрешфильда, В. Мура, К. Туккера и швейцарского проводника Франсуа Девуасси.[94]

Известными проводниками-альпинистами были также сыновья Цогола Газикова Муса, Яни и Исакх Бузуртановы (Газиковы).

23 июля 1895 г. Казбек покорила группа в составе полковника Ерофеева, геолога Э.А. Штебера и братьев Мусы, Яни и Исакха Бузуртановых. Маршрут этой группы пролегал через Девдоракский ледник. Гвилетцы были надежными спутниками в горах. За многие годы не было случая, чтобы они подвели кого-нибудь. Надежность их была настолько безупречна, что в августе 1894 года, А. Фишер и А. фон Мекк при покорении вершин Западного Кавказа воспользовались услугами Яни Бузуртанова.

А. Сипягин в 1901 г. писал о братьях Бузуртановых: «Все братья превосходные ходоки и побывали на вершине Казбека; Исаак был уже 4 раза. Из них могут выработаться великолепные гиды».[95]

Примечания:

1 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 503.
2 Там же. С. 223.
3 История Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005. С. 203.
4 Чахкиев Д.Ю., Абдувахабова Б.Б. Традиционная одежда чеченцев и ингушей. Грозный, 1992. С. 3.
5 Беркен-Хаев Д. Традиционная одежда вайнахов // Ингушетия и ингуши. Сост. М.Д. Яндиева. Т.1. Назрань-М., 1999. С. 295.
6 Чахкиев Д.Ю., Абдулвахабова Б.Б. Указ. соч. С. 5.
7 Беркен-Хаев Д. Указ. соч. С. 295.
8 Хасбулатова З.И. Одежда в традициях и обычаях чеченцев и ингушей в XIX – начале XX вв. // Традиционная материальная культура Чечено-Ингушетии. Грозный, 1989. С. 112-124.
9 Чахкиев Д.Ю., Абдулвахабова Б.Б. Указ. соч. С. 7.
10 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 505.
11 Там же.
12 Там же. С. 506.
13 Кухня народов Северного Кавказа. Минводы, 1992. С. 9.
14 Там же. С. 9.
15 Дубровин. Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. СПб., 1871. С. 416.
16 История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.). С. 231.
17 Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 113.
18 Лилов А. Очерк быта кавказских горцев // СМОМПК. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 10.
19 Саидов И.М. Этнографические заметки. Мехк кхел // Известия ЧИНИИЯЛ. Вып.1. Т. 5. Грозный, 1964. С. 124-125.
20 «Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807 и 1808 годах, содержащее полное описание Кавказских стран и ее жителей, Юлиуса Клапрота». Т.2. Галле-Берлин, 1814.
21 Яковлев Н.Ф. Ингуши. Популярный очерк // Ингуши. Сб. статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. / Сост А.Х-А. Танкиев. Саратов, 1996. С. 244.
22 Далгат Б.К. Указ. соч. С. 114.
23 Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. М., 2006. С. 22.
24 Саидов И.М. Мехк кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968. С. 206.
25 Там же. С. 201-202.
26 Дахкильгов И.А. Боль и гордость моя – Ингушетия. Нальчик, 2007. С. 49.
27 Харадзе Р.Л. Некоторые стороны сельско-общинного быта горных ингушей // КЭС. Вып. 2. Тбилиси, 1968. С. 186-187.
28 Кодзоев Н.Д. Указ. соч. С. 27.
29 Цуров М.М. Обычное право ингушей // Обычное право в России; проблемы, теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С. 343.
30 Мерешков С. ГIалгIай Мехк кхел // Газ. «Сердало», 2004, 3 августа; Кодзоев Н.Д. Указ. соч. С. 25.
31 Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929. С. 311.
32 Кудусова-Долакова Ф.И. Семья и семейный быт ингушей (XIX – начало XX вв.). Ростов-на-Дону, 2005. С. 26.
33 Смирнова Я.С. Семья и семейный быт // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 185.
34 Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. С. 334.
35 Далгат Б. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом. Орджоникидзе, 1935. С. 62.
36 Грабовский Н.Ф. Экономический домашний быт жителей горского участка Ингушского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 15.
37 Семенов Л. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1927 гг. // Многоликая Ингушетия. СПб., 1999. С. 130-131.
38 Этнография чеченцев и ингушей. Грозный, 1990. С. 74-75.
39 Там же. С. 75.
40 Далиева А.Х. Профессиональная устная поэзия в жизни ингушского народа // Научный вестник ИнгГУ. № 1-2. 2010. С. 170.
41 Ахриев Ч. Ингушевские праздники // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. V. Тифлис, 1971.
42 Ингушский фольклор. Ингушские песни, собранные З.Измайловым. (На инг. яз). Владикавказ, 1932.
43 Здесь и далее перевод Н.Гребнева.
44 Матиев М.А. Лирические песни ингушей // Материалы Международной научной конференции «Археология, этнология, фольклористика». Тбилиси. 2010. С. 629.

45 Мужухоева Э.Д. Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии // Роль России в исторических судьбах Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). Грозный, 1983. С. 74.
46 Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887 год. Тифлис, 1988. С. 131.
47 Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1898 г. Владикавказ, 1899.
48 Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940 годы). Грозный, 1974. С. 21.
49 Открытие Назрановского двухклассного училища для приходящих мальчиков // Газ. «Терские ведомости», 1868, № 9, 26 февраля.
50 Отчет попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1887 год. С. 135.
51 Там же. С. 136.
52 Там же. С. 134.
53 Там же.
54 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 21.
55 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 106.
56 Точиева С. Истоки подвига. // Газ. «Сердало», 2002, 31 января.
57 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 22.
58 Там же. С. 23.
59 Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 31.
60 Долгиев А.-Г. Несколько слов о Назрановской горской школе // Газ. «Терские ведомости», 1870, 12 февраля.
61 Там же.
62 Симонов П.И. Горские школы // Известия Северокавказского педагогического института. Т. XIII. Ростов-на-Дону, 1937.
63 Там же. С. 35.
64 Точиева С. Истоки подвига // Газ. «Сердало», 2002, 31 января.
65 Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 13.
66 Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX вв. Нальчик, 2002. С. 388
67 Пантюхов И. Ингуши. Этнографо-антропологический очерк // ИКОРГО. Т. 13. № 6. Тифлис, 1900. С. 64-65.
68 Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 392.
69 Крачковский И.Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Т.6. М.-Л., 1960. С. 612.
70 ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д. 325. Л. 112-119.
71 Саблиров М.З. Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 127.
72 Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни. М., 2005. С. 545.
73 ЦГА РСО-А. Ф. 199. Оп. 1. Д.325. Л. 112-119.
74 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.- 1917 г.). С. 515.
75 Мужухоева Э.Д. Роль Ставропольской гимназии в развитии просвещения и общественной мысли Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983. С. 79.
76 Услар П.К. О распространении грамотности между горцами // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 2.
77 Л.Н. Толстой и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1989. С. 59.
78 Там же. С. 22-23.
79 Джамбулатов И.И. Из истории развития конных игр и состязаний у ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 10. Грозный, 1976. С. 310.
80 Тайсаев К.У. Этнография советского спорта у народов Северного Кавказа. М., 2000. С. 46.
81 ТВ. № 31. 1871.
82 Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. Грозный, 1963. С. 96.
83 Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 199.
84 Джамбулатов И.И. Указ. соч. С. 315.
85 Черкасов Ю.А. Очерки по истории спортивных игр. Харьков, 1940. С. 100.
86 Краснов А.И. Указ. соч. С. 48.
87 Там же. С. 49.
88 Газ. «Тифлисские ведомости», 1830, № 27.

89 Сысоев В.М. Карачай // Сборник материалов о Кавказе. Вып. 10-13. Тифлис, 1913.
90 Краснов А.И. Указ. соч. С. 61-62.
91 Попко И. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. С. 149-150.
92 Краснов А.И. Указ. соч. С. 85.
93 Reiseerringerungen von F. A. Kolenati. 1 Teil. Dresden, 1858. S. 242-243.
94 Титов. Казбек. М., 1938. С. 91-92.
95 Сипягин А. Краткий очерк истории восхождений на гору Казбек // Записки горного клуба. №№ 3-4, 1901.

Глава VII

Ингушетия в начале XX в. – 1917 г.

1. Общественно-политическое и социально-экономическое положение Ингушетии в первые годы XX в.

На рубеже XIX-XX вв. Ингушетия являлась одной из многих окраинных колоний Российской империи, находящихся еще в стадии перехода от присоединения к интеграции. Острейшей из проблем, создаваемых политикой царизма, был земельный голод, душивший Ингушетию более чем другие части Терской области и возникший как следствие передачи в собственность Терского казачьего войска, а также казны большей и лучшей части пахотных земель. Это в совокупности с привилегированным положением казачества, часть которого использовалась властями как орудие проведения жесткой колониальной политики, включая карательные экспедиции против горцев, вело к осложнению межнациональных отношений. Еще более усугубляло ситуацию то обстоятельство, что ингуши с 1888 г. не имели даже самостоятельной административной единицы, будучи переданы под контроль казачьей верхушки Сунженского отдела.

Ингушетия, как и Кавказ в целом, в данный период во многом изживала еще последствия Кавказской войны. Это отражалось на самых различных сферах жизни края и населявших его народов: и экономической, и общественно-психологической, и даже демографической. Так доля не вовлеченных формально в Кавказскую войну ингушей среди народов Северного Кавказа в 1835-1858 гг. снижается с 1,5 до 1,2%.[1]

Робкая попытка введения единого для горцев и русскоязычного населения гражданского управления в 1870 г. сразу натолкнулась на неприятие со стороны немалой части чиновников и военных в центре и на Кавказе, хотя инициатором этих мер был никто иной, как великий князь Михаил Николаевич, тогдашний наместник Кавказа.[2] Таким образом, за-

Ингушская свадьба в ауле Фуртоуг. 1917 г.

кладывалась, очень слабая, находящаяся в зачаточном состоянии и поэтому не слишком эффективная, но тем не менее важная для дальнейшего развития края основа системы светского судопроизводства, входящего в компетенцию самих горцев, пусть и пока еще – только той их части, которая была абсолютно лояльна российской администрации. Кроме того, создавалось сельское общественное управление из сельского схода, старшины и суда, а население области, пусть и формально, подчинялось общим административным и судебным органам.[3]

Ингуши. 1910 г.

В силу притока некоренного населения и особенно роста территорий, подконтрольных казачеству, усиливался земельный голод, уже к концу века ставший наиболее острой и отражающейся на всех остальных сторонах общественной жизни проблемой в регионе. В силу этого голода 89% населения Ингушетии оказалось «избыточным» и вынуждено было искать работу на стороне.[4] Г. Вертепов отмечая, что «наиболее обеспеченными земельными наделами являются плоскостные ингуши вообще и назрановские – в частности», оговаривается вместе с тем, что надел «у горных, наоборот, на целых 2 десятины, или в 2,1 раза меньше среднего»[5]. Крупнейшим землевладельцем и соответственно одной из самых влиятельных политических сил региона к тому времени стало казачество. Даже наименьший средний надел от 9 до 15 десятин, приходившийся на такие станицы Терской области, как Троицкая, Карабулакская и другие (по отдельным станицам он доходил до 7,3 десятин),[6] все равно был в 3-5 раз больше, чем у горных ингушей и значительно превосходил соответствующие наделы ингушей на плоскости.

Для иллюстрации же важности земельного вопроса для ингушей достаточно отметить, что, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г., 92,4% чеченцев и ингушей «добывало себе пропитание земледельческим трудом».[7]

Острота земельного голода усиливалась с активизацией процесса колонизации. В 80-90-е гг. ингушское крестьянство вынуждено уже регулярно апеллировать к властям с просьбой хоть каких-то послаблений и содействия в разрешении этой ставшей первоочередной проблемы. Так в 1882 г., дважды с жалобой к Владикавказскому окружному начальству обращались жители Долаковского общества, которые просили передать им для пользования земельные угодья Куртатинского ущелья,[8] а в 1894 г. с ходатайством к администрации обратились уже 4 ингушских общества (Хамхинское, Цоринское, Джераховское и Мецхальское), после того, как находившиеся в их пользовании лесные участки отошли в ведение казны. При этом ходатайство было оставлено без внимания, хотя «даже сам начальник Терской области вынужден был признать, что оно справедливо».[9]

Возникали в связи с нехваткой земли и трудности в развитии скотоводства. Подтверждением может служить отсутствие у 4% хозяйств чеченцев и ингушей в 90-е гг. XIX в. крупного, а у 28,8 % хозяйств горной и 44,3 % хозяйств плоскостной Ингушетии – мелкого

скота.[10] Для животных попросту не было более или менее обширных, достаточных для прокорма пастбищ.

Земельный голод вынуждал горцев искать любые доступные способы его хотя бы относительного утоления. Для горных ингушей это было в первую очередь переселение на плоскость с арендой земли у казны или Терского казачьего войска, а иногда – и у соотечественников, жителей плоскости. В среднем ингушские крестьяне платили ежегодно казакам более 30 тыс. рублей аренды, «т. е. за свою землю только за 1905 г. они отдали 50 тыс. рублей (аренда и штрафы)».[11]

Но, несмотря на все эти усилия, в среднем на рубеже XIX-XX вв. на одну мужскую душу в Ингушетии приходилось всего 4,3 десятины.[12]

С учетом же того, что большую часть горских земель составляли пастбища, «к которым зачислялись даже практически недоступные крутые склоны и участки на склонах и утесах»,[13] эта цифра наверняка должна быть уменьшена.

Помимо арендной платы огромных размеров (только в 1900 г. в Сунженском отделе станичные общества получили за аренду 71273 руб.),[14] 50 тысяч ингушей в 1890-1895 гг. уплачивали ежегодно 17 тыс. рублей подымного сбора, 18 тыс. рублей мирских и земских повинностей, 4 тыс. рублей воинского налога, 16 тыс. рублей общественным караульщикам и пастухам, 64 тыс. рублей за доведенные следы (т. е. за следы угнанного скота, доведенные до общественного надела – Ред.), а всего ежегодно – 119 тыс. рублей.[15] Все эти повинности – а помимо перечисленных имелись еще различные мелкие штрафы «за имение огнестрельного оружия», «сопротивление представителям власти», тяжелый местный налог и другие, – по мнению советских авторов, «носили сугубо колониальный характер».[16]

Но колониальная администрация вознаграждала ту часть местных жителей, которая шла на сотрудничество с новыми властями особенно щедро. В то же время многих переселенцев из Центральной России, осевших в ингушских селениях, отнюдь нельзя назвать привилегированным слоем населения. Например, в одном только 1898 г. в селение Сагопши переселились 43 семьи крестьян, и 10 из них попали в зависимость от земледельца Брядихина, у которого содержались по найму, а 34 – семьи у землевладельца Мадиева. «В целом же все 44 семьи крестьян-переселенцев являлись чернорабочими и испытывали большую нужду».[17]

В целом, если в остальных частях Терской области, более благополучных в отношении земельного обеспечения, военно-народное управление еще как-то выполняло функции общественного самоуправления, то у горцев Грозненского округа и Сунженского отдела оно рассматривалось как орудие для взимания всякого рода податей.[18]

Во многом этому способствовала тотальная неграмотность большинства горского населения Сунженского отдела, в первую очередь ингушского. В начале XX в. в Ингушетии катастрофически не хватало школ. В этой ситуации немаловажное значение имело получение образования за пределами самой Ингушетии. Ингуши обучались в гимназиях и университетах России, но число учащихся было невелико, как правило, это были выходцы из зажиточных семей, дети офицеров и чиновников. Заметное место занимало военное образование, уроженцы Ингушетии обучались в кадетских корпусах и военных училищах. Однако общую картину это изменить не могло – на рубеже XIX-XX вв. даже в плоскостных селах Ингушетии большая часть населения оставалась безграмотной.[19]

Более успешной реализации основных концепций колониализма в ингушском обществе способствовало и то обстоятельство, что ингушский народ все еще пребывал в атмосфере господства тейповой, родовой структуры. Вполне понятно, что царизм не

слишком усердствовал в стремлении изжить эти общественные реалии Ингушетии. Напротив, отсутствие развития образования в какой-то мере было, очевидно, направлено и на консервацию такого положения.

Революция 1905-1907 гг., не могла не коснуться столь важного во всех отношениях региона Российской империи, каковым был Северный Кавказ.

К 1905 г. он оставался одним из самых сложных в политическом отношении регионов империи. Все упоминавшиеся выше проблемы края, никоим образом не могли разрешиться сами собой за сравнительно короткий отрезок правления нового монарха – Николая II.

На ситуации в Ингушетии накануне революции 1905-1907 гг., не могла не отразиться общая политическая и социальная атмосфера в стране. 30 декабря 1904 г. в г. Баку «после продолжительной стачки рабочие добились подписания первого в истории России коллективного договора».[20] Эти события не замедлили сказаться и на положение на грозненских нефтепромыслах, где к тому времени работало уже и определенное количество ингушских рабочих. Практика отходничества для работы на промышленных предприятиях Кавказа и России получила в Ингушетии определенное развитие в связи с сокращением земельного фонда. Так в 1898 г. только из трех плоскостных селений – Базоркино, Долаково и Кантышево более 70 человек были отпущены «на заработки и приискания рода службы», и не только на грозненские нефтяные промыслы, но и в другие города: Екатеринодар, Тамбов, Харьков, Ростов, Кутаис, Тифлис, Баку.[21]

Начавшаяся 26 декабря 1904 г. на Грозненских нефтяных промыслах фирмы «Ахвердов и К°» забастовка проходила под руководством стачечного комитета и закончилась через две недели 8 января 1905 г., после удовлетворения большинства требований. События 1903-1904 гг., приведшие к достаточно заметным успехам ширящегося движения за гражданские права и свободы, стали лучшей рекламой политических сил, заявивших о себе как о выразителях интересов угнетенных масс, к которым принадлежала и большая часть ингушского общества. Это безусловно относится в первую очередь к РСДРП, оформившейся как партия именно в 1903 г. на своем II съезде в Лондоне и Брюсселе.

В марте 1903 г. в Тифлисе состоялся I съезд кавказских социал-демократических организаций, на котором был создан Кавказский союз РСДРП, стоящий на позициях ленинской «Искры».[22]

Руководствуясь резолюцией II съезда РСДРП «принять все необходимые меры для систематизации и объединения пропагандистской работы на местах», – в начале 1904 г. в Грозном создается единая партийная организация под названием «Грозненская группа РСДРП».[23] Другим центром социал-демократического движения в области в 1903-1904 гг. был Владикавказ, где на базе социал-демократических кружков, возникших в городе в 1902-1903 гг., в июне 1904 г была создана Владикавказская группа РСДРП.[24] «В конце 1904 года социал-демократические группы Терской и Дагестанской областей объединились в Терско-Дагестанский комитет РСДРП».[25] В него вошли Грозненская, Владикавказская, Петровская, Темир-Хан-Шуринская, Минводская и Кизлярская организации РСДРП.[26]

Тем не менее, учитывая особенности Ингушетии, больший интерес представляет развитие и распространение различных политических идей (в том числе и социал-демократических) среди крестьянства, к которому относилась подавляющая часть населения края. Влияние партийной организации на крестьянское движение в Чечено-Ингушетии было в целом слабым.[27] Это и неудивительно, принимая во внимание традиционную инертность и консервативность основной массы сельских жителей, а также их малограмотность. В этой связи более интересен другой, на первый взгляд, малозначительный, а

на самом деле весьма любопытный и очень важный факт – существование единственного марксистского кружка в Ингушетии в небольшом ингушском селении Галашки под руководством Мухтара Ахриева.[28] Хотя не сохранилось достаточного объема исторической информации, позволяющей должным образом изучить и проанализировать возникновение, развитие и деятельность этого кружка, значение самого факта его существования важно для понимания дальнейшей эволюции общественной ситуации в Ингушетии вплоть до революции 1917 г. и последующих событий.

Существенным фактором популяризации марксистских идей на Кавказе была твердая антиколониальная позиция, заявленная марксистами. Ни одна из других влиятельных политических организаций тогдашней России (кроме партии эсеров) не решилась или не сочла нужным оспорить монополию ленинцев на внятную антиколониальную позицию. Пренебрежительный и недооценивающий подход к возможностям окраин чувствовался как в настроениях значительной части тогдашних российских общественных элит, так и в позиции властей.

Если учесть, что хотя и единичные ростки такого учения (вроде галашкинского кружка) пробились и в такой «неблагонадежной» и старательно охраняемой от «излишнего» просветительства части региона, каковой была Ингушетия, то явная неудача политико-культурной сегрегации, призванной исключить подобные явления в принципе, становится очевидной.

Растущая «политическая зрелость» части туземцев не могла не вызвать обеспокоенности у властей. Хотя в 1902 г. были отменены временные правила 1894 г. «О мерах удержания туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности, от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения», в том же 1902 году в Грозном и Владикавказе были открыты военные суды и возбуждено ходатайство о вооружении русского населения Терской области и разоружении горцев.[29]

Одним из методов социального протеста, стало на Кавказе абречество, на тропу которого стала и «…разоренная, обнищавшая часть ингушей».[30] В Терской области, по данным администрации, к концу 1898 года числилось 96 абреков, из коих в Сунженском отделе (среди ингушей) – 64 (или 66,7% от общего числа), в Грозненском округе – 27, Хасавюртовском – 4, Владикавказском – 3 и Нальчикском – 1.[31] Хотя в абреческом движении несомненно присутствовал и элемент обыкновенного уголовного криминала, все же и царская администрация не могла не учитывать всю сложность этой проблемы и ее тесную взаимосвязь с общей политической и экономической ситуацией на Кавказе. Так, в феврале 1899 г. временно исполняющий обязанности начальника Главного управления казачьих войск в докладе военному министру о разбоях на Кавказе писал: «Чтобы выяснить причины разбоев, мне кажется, следует выяснить экономическое состояние той среды, которая выделяет разбойников. Есть основания полагать, что среда эта в некоторой своей части находится в крайне тяжелом состоянии, при котором нечего терять и при котором разбои и грабежи действительно являются источниками пропитания…»[32]

Несмотря на всю осторожность царского чиновника в его оценках абречества, они все же хорошо соотносятся с тем фактом, что две трети случаев проявления этого движения отмечено, как мы видим, в указанный период среди ингушского населения Сунженского отдела, находящегося в тяжелейших социальных условиях нужды и малоземелья. Если же добавить сюда, что движение абреков разворачивалось в условиях господства колониального режима, и было направлено, прежде всего, против его представителей и органов, то не состоятельными представляются утверждения официальных властей о чисто уголовном характере абречества. Его все же следует, очевидно, рассматривать в качестве одной

из своеобразных форм национально-освободительного движения (пусть, как считали некоторые советские авторы, и «партизанских, террористических»)[33] или, по крайней мере, в значительной степени политически окрашенных форм сопротивления режиму.

Участие ингушей в русско-японской войне 1904-1905 гг. Между тем к неуклонно обостряющемуся внутреннему кризису в империи в начале 1904 г. прибавилась война на Дальнем Востоке. Поражения и большие потери в Маньчжурии вынудили правительство пойти по пути обращения к людским ресурсам окраин, в том числе, Кавказа.

Уже в конце января 1904 г. царское правительство приняло решение «…вызвать желающих идти на войну с Японией из числа кавказских горцев, не несущих воинской повинности».[34]

Кавказскую кавалерийскую дивизию в составе двух полков предполагалось сформировать в Дагестане, а также в Терской и Кубанской областях. Исследователь Г.К. Мартиросиан, считающий, что для того, «…чтобы избавиться от беспокойной части населения, администрация прибегла к давно применявшемуся ею способу – к организации полков для отправки их на войну»,[35] в частности называет 6 февраля 1904 года как отправную точку этого процесса, так как именно в этот день атаман Сунженского отдела Терской области разослал циркуляр старшинам 8 селений о начале формирования ополчения из числа горцев, желающих принять участие в войне против японцев. Формирование полков прошло более или менее успешно, хотя и завершилось оно лишь к концу мая 1904 г.[36] В состав Терско-Дагестанского полка вошла также и Ингушская сотня.

В мае того же года полки (Терско-Кубанский и Дагестанский, оба шестисотенного состава, образовавшие Кавказскую конную бригаду) были отправлены на Дальний Восток и уже в середине июля приняли участие в боевых действиях.[37]

С июля 1904 до осени 1905 гг. полки принимали самое активное участие в боях при Ляояне, на Далинском перевале, в сражениях на Шахе, у деревень Хаматозе, Янтайцзы, Удзенганза, Ландунгау и др.[38] В частности, в рапорте полковника Хоранова от 30 сентября 1904 г. начальнику Кавказской конной бригады описываются действия двух сотен (включая Ингушскую) Терско-Кубанского полка в районе Анпинлинского перевала и отмечается, что «нижние чины дивизиона вели себя выше всяких похвал», а «подвиг дивизиона вполне заслуживает того, чтобы сделаться достоянием истории».[39] Отмечаются и действия горцев на Далинском перевале.[40] Приказы Кавказской конной бригады и «описания подвигов» бойцов соединения упоминают таких отличившихся в боях ингушей, как командира сотни подъесаула Э. Нальгиев (будущий генерал-майор),[41] всадника Харсиев,[42] и др.

Ингушская сотня не только приняла активное участие в военных операциях, но, и что характерно, не втянулась в массе своей в «явное восстание», случившееся 13 октября 1904 года в рядах Терско-Кубанского полка в Маньчжурии, и охватившее большую часть 1-й кабардинской и 5-й чеченской сотен, фактически отказавшихся выполнять приказы командования.[43]

Потери были понесены еще в первых боях с японцами. После боев на Анпинлинском перевале из состава сотни погиб приказной Лантемир Дударов из Балты и пропал без вести Мусса Мальсагов из Кантышево.[44] Сотня несла потери и в стычках с хунхузами – в одном из таких столкновений 16 ноября 1904 г. погибли всадники Заурбек Картоев из Кескема и Мурцал Аушев из Базоркина.[45] Но самые тяжелые потери были понесены ингушскими добровольцами в 1905 г. под Инкоу, где ингушская сотня попала в окружение и вынуждена была пробиваться на соединение с другими русскими силами под огнем и атаками японской кавалерии. По словам командира сотни князя Дуэна, ингушам пришлось по приказу командующего неподвижно стоять под шрапнельным огнем. «Когда же пошли в атаку, то

две японские роты были тотчас уничтожены».[46] Ингушам в итоге удалось прорваться, «но из сотни их осталось 18 человек невредимыми, а остальные были убиты и ранены в неравном бою».[47] По словам временного командующего ингушской сотней Терско-Кубанского полка подъесаула Блазнова к середине февраля 1905 г. в рядах сотни уже насчитывалось «17 кавалеров военного ордена, награжденных званием урядника и 12 приказных».[48]

Между тем, параллельно с неудачами русского оружия на Дальнем Востоке росло и внутреннее напряжение в стране. Рабочие забастовки и манифестации, крестьянские волнения, брожение в среде интеллигенции – в ситуации на Северном Кавказе вообще и Ингушетии в частности эти общие для России тех месяцев явления имели место в полном объеме.

Ингушетия в период первой русской революции. Строго говоря, революционные события здесь начались даже раньше, чем в России в целом. Еще в конце 1904 г. в Ингушетии крестьяне повсеместно прекратили платить налоги, нести повинности, захватывали казенные земли, рубили лес.[49] А уже в 1901-1904 гг. власти осуществили ряд акций, которые, видимо, должны были сыграть роль своего рода превентивных мер в условиях надвигающихся общероссийских потрясений.

К подобным акциям можно отнести так называемые «обыски», а по сути – погромы, осуществленные властями при поддержке части местных казаков в селениях Яндаре в ноябре 1902 г. и в январе 1903 г. и Экажево – в августе 1903 г.[50] Последняя акция, имевшая место 16 августа 1903 г., представляла собой фактически войсковую операцию, в которой участвовали 6 сотен казаков из Владикавказского полкового округа и еще 350 жителей соседних станиц, приглашенных руководившим действиями погромщиков атаманом Сунженского отдела. После такого «обыска» в селении Экажево была поставлена военная экзекуция из двух рот, которая должна была физически и психологически подавить волю к борьбе у горцев.[51] Ряд жителей села, арестованных в ходе акции, был оправдан через год, 19 августа 1904 г., Владикавказским окружным судом, что вызвало гневную реакцию окружного военного штаба, потребовавшего выселить оправданных на 5 лет на остров Чечень в Каспийском море.[52]

Однако в связи с явным нарастанием напряженности в стране совершенно очевидной была необходимость хотя бы символических уступок.

Видимо в силу этой необходимости указом 26 февраля 1905 г. была восстановлена должность наместника на Кавказе, упраздненная в 1883 г.[53] Наместнику были даны неограниченные права, он имел в своем распоряжении большой управленческий аппарат, армию, полицию.[54] При этом данные чрезвычайные, в сущности, полномочия были объяснены заботой об интересах и безопасности кавказских народов, проявляемой Императорским двором.

Менее чем через месяц после образования наместничества, в начале марта 1905 г. атаман Сунженского отдела испрашивает на усиление вооружений казачьих станиц по 100 патронов на каждую из 2806 имеющихся у них боевых берданковских 4,2-линейных винтовок «на случай отражения нападения на станицы злонамеренных туземцев. В очередном рапорте в марте того же года атаман Сунженского отдела, хотя и признает, что «поголовного восстания ингушей не может быть», тем не менее, ввиду «серьезного положения» просит предоставить для вооружения станиц и хуторов еще 5 тысяч винтовок и 1 миллион (!) боевых патронов, ссылаясь на недостаточность для 7 тысяч казачьего населения уже имеющихся 2725 винтовок.[55] 27 декабря 1905 г. временный генерал-губернатор области генерал Колюбакин распорядился отпустить из Георгиевского военного склада 10 тысяч берданок и к ним – миллион боевых патронов для вооружения

казачьих станиц.[56] Уже вскоре это оружие нашло себе применение в новых, организованных реакционной верхушкой казачества карательных экспедициях по очередному «усмирению» горцев.[57]

Одновременно усиливалось военное присутствие в селах Ингушетии. 12 и 17 мая 1905 г. в селения Ачалуки и Сагопши были введены соответственно одна и две казачьи сотни. В рапорте атамана Сунженского отдела начальнику Терской области и наказному атаману Терского Казачьего войска за №9092 от 16 мая 1905 г. говорилось: «Поставленные сотни в селении Сагопши наряду с охранением хуторян от разбойнических набегов горцев будут в то же время иметь наблюдение за жителями воровских селений Сагопши, Кескем, Пседах, откуда и комплектуются шайки грабителей».[58]

Той же весной в селении Сурхахи за самовольный захват усадебных и пахотных земель были преданы суду 18 человек. «А 13 сентября 1905 года целый батальон в составе 305 солдат при 10 офицерах командирован для экзекуции в селения Долаково и Кантышево Назрановского округа».[59] Формальным поводом для указанной экзекуции стало крушение поезда между Бесланом и Назранью. По сведениям одних источников, диверсию совершила в ночь на 30 августа 1905 г. группа из 30 ингушей, разобрав рельсы между Назранью и разъездом Долаково, в результате чего шедший на Баку почтовый поезд потерпел крушение.[60] Другие документы говорят о том, что диверсию совершили неизвестные.[61] Хотя, в ходе этого происшествия, единственным погибшим стал как раз пассажир-ингуш, а более 30 человек были ранены,[62] ответственность была возложена на жителей селений Кантышево и Долаково, которые после прибытия батальона Апшеронского полка для экзекуции вынуждены были сдать 18 и 14 ружей соответственно, причем батальон был отведен обратно во Владикавказ только в конце октября того же года.[63]

11 июля 1905 г. группа ингушей вела перестрелку с пешим секретом из 10 казаков на Военно-Грузинской дороге, а 1 августа произошло массовое столкновение между ингушами и казаками возле станицы Карабулакской, вылившееся в настоящее сражение, в результате которого обе стороны оставили на поле битвы много убитых и раненных.[64]

Увеличение присутствия в Ингушетии регулярных войск, достигшее особенно внушительных размеров после начала Алагирского восстания в Осетии в декабре 1905 г., никак не способствовало стабилизации. Зачастую призванные по идее поддерживать порядок армейские части сами становились организаторами беспорядков, как, например, при следовании в октябре 1905 г. по Владикавказской железной дороге состава с призванными из запаса солдатами. Последние совершили целый ряд преступлений и бесчинств в отношении населения тех станций и селений, которые лежали на пути их следования. Во многих они «отметились», в том числе, грабежами и убийствами. 7 октября состав с запасниками достиг Назрани, и они нагрянули в близлежащие селения. Ингуши оказали грабителям сопротивление и в результате были жертвы с обеих сторон.[65] Следует отметить, что такие же инциденты имели место и в Чечне, а также в Осетии. Отмечались факты откровенного попустительства бесчинствам запасников со стороны властей и подчиненных им сил.[66]

В 1905 г. в Ингушетии помимо упоминавшегося захвата крестьянами земель в селении Сурхахи имелось много фактов, когда постановлением сходов разных селений выдвигались требования о возврате земель, принадлежавших ранее ингушским обществам, а затем перешедшим в ведение управления Государственных имуществ.[67] Также имела место самовольная рубка леса, как протест против изъятия лесов в казну.[68]

Земельный вопрос способствовал резкому возрастанию числа проявлений недовольств горцев деятельностью администрации, как и ее представителей на местах. Так, например, 6 июня 1905 г. жители селения Долаково в Назрановском округе со словами:

«Не надо сельского правления и не надо церкви», закрыли и опечатали двери сельской канцелярии.[69] В рапорте начальника Владикавказского округа заведующему полицией на Кавказе от 12 октября говорится, что проведено это выступление было с некоторым «подобием организации» и толпа, прежде чем опечатать канцелярию, ворвалась в нее и провела часовое совещание.[70]

К середине осени 1905 г. Ингушетия уже в полной мере была вовлечена в круговорот политических потрясений, которые к тому времени коснулись не только Кавказского края, но и всей империи. Температура политических страстей явно достигла точки кипения. Раскол, тайный или явный, практически во всех опорных столпах режима – от аристократии до армии – в сочетании с очевидным крушением надежд на чисто силовое подавление недовольства, подвигли, как известно, монархию на оглашение знаменитого манифеста императора от 17 октября 1905 г. «О свободе слова, союзов, совести» и созыве Государственной думы.

Вместе с тем, резко усилилась и карательная активность режима, особенно в отношении окраин. 24 октября была объявлена на военном положении Чечня. [71] В Грозном, Владикавказе и других городах Северного Кавказа открываются временные военно-полевые суды.[72] Назрановский округ предоставляется в распоряжение атамана Сунженского отдела генерала Суровецкого, отличавшегося крайней реакционностью взглядов. 13 ноября было опубликовано постановление, запрещавшее жителям собираться группами на улицах и носить оружие.[73] Еще ранее кавказской администрацией были изданы специальные постановления, на основании которых в Терской области формально атаманы отделов и станиц, а фактически – любой казак, могли произвести обыск и «разоружить» горца, забрать у него кинжал, саблю, которые являлись традиционной частью костюма. Часто это оружие представляло собой довольно дорогую семейную реликвию.[74]

К началу зимы 1905 г. относятся уже более серьезные столкновения жителей ингушских селений с властями округа. 23 декабря при очередной попытке разоружить горцев, в селении Барсуки был убит начальник Назрановского округа подполковник Митник.[75] По другим данным, инцидент произошел 25 декабря а ехал Митник по просьбе старшины соседнего с Барсуками селения Плиево для участия в примирении кровников.[76] При этом официальные документы характеризуют Митника как «весьма популярного администратора».[77] Так или иначе, с населения Назрановского округа было взыскано 60 тыс. рублей в пользу семьи подполковника.[78] Гибель столь высокопоставленного чиновника в Ингушетии сыграла свою роль, наряду с продолжающейся с 8 декабря забастовкой железнодорожников и вспыхнувшим 21 декабря Алагирским крестьянским восстанием в Осетии, во введении 23 декабря военного положения во всей Терской области, о чем объявил наказной атаман области, наделенный правами временного генерал-губернатора с широкими полномочиями не только в административной, воинской, но и судебной власти.[79] Начальнику области были даны чрезвычайные полномочия военного генерал-губернатора.[80] 24 декабря были опубликованы «Обязательные постановления» из 8 пунктов, суть которых в целом повторяла запреты, введенные двумя месяцами ранее для ряда округов, включая Назрановский, на ношение оружия, собрания на улицах, плюс запреты на создание союзов, обществ без разрешения генерал-губернатора в каждом отдельном случае, запреты на митинги, собрания и прочие «сборища». За «оскорбление» военных сулилась угроза применения оружия. Участники запрещенных собраний подлежали задержанию и аресту сроком на 3 месяца либо штрафу до 3 тысяч рублей.[81]

Крупнейшим военно-политическим потрясением в Ингушетии стал произошедший в мае 1906 г. вооруженный захват и разрушение казаками ингушского селения Яндаре.

Причиной столкновений 28-29 мая 1906 г. между казаками и ингушами стало обна-

ружение в районе ст. Троицкой трупа ингуша – жителя селения Яндаре, родственники последнего, явившиеся за телом, подверглись обстрелу из станицы Троицкой.[82] Далее события разворачивались очень быстро, родственники убитого, под ружейным огнем, были вынуждены повернуть обратно в селение, однако разгоряченные казаки организовали их преследование и, обложив Яндаре, начали уже обстрел самого селения, убив при этом еще одного жителя – Идыка Идрисова.[83] После этого ингуши были вынуждены начать сопротивление. Спровоцированный казаками конфликт все более разрастался, перекидываясь на соседние казачьи станицы и ингушские селения. На месте событий находились начальник Назрановского округа полковник Котляревский и атаман Сунженского отдела Суровецкий. Начальнику 2-го участка Назрановского округа пришлось просить о присылке войск из Владикавказа для разъединения враждующих сторон, не поддававшихся уговорам о прекращении огня. [84] Прибывший воинский отряд в составе пулеметной роты, батальона пехоты, трех сотен казаков вместо разъединения враждующих сторон, открыто поддержал казаков. Несмотря на требование командира прибывшего отряда прекратить огонь, отправленное казакам (ингуши, оборонявшиеся в низине, не могли видеть прибывшие войска), те продолжали стрельбу. Когда же после ответных выстрелов яндырцев одна из пуль полетела в направлении войск, то последние «открыли огонь из всех своих орудий, результатом чего явились…. новые жертвы среди ингушей, около 20 убитых и раненых».[85] По сведениям газеты «Терек», описывавшей данные события с точки зрения организаторов нападения, после орудийного обстрела «яндырцы в панике стали бежать из селения и бросились в горы», а войскам было «…послано еще подкрепление в размере 2-х батальонов пехоты и 2-х батарей».[86] Итог: 12 убитых и 11 раненных ингушей, разрушение многих домов в селении, которое, по сути, в мирное время было подвергнуто осаде, штурму и разрушению и где фактически шли масштабные военные действия, потеря и без того небогатыми горцами скарба, крова, домашнего скота. Фактически в Яндаре повторилась (при отсутствии даже формального повода) история подавления Назрановского восстания 1858 г. Даже назначенный наместником для расследования Яндырского побоища полковник Попов признавал в своем секретном донесении: «Главным виновником если не начала вооруженного столкновения, то, во всяком случае, его развития и перестрелки 29 мая, являются административные лица и отчасти начальник военного отряда».[87]

События в селении Яндаре даже на фоне общего неблагополучия с соблюдением норм, пусть и несовершенного колониального права и элементарной справедливости в регионе, выходили за всякие рамки даже такой колониальной системы и в силу этого получили большой резонанс, и не только в Терской области.

На события отреагировала и наиболее активная часть горской интеллигенции. 4 июня 1906 г. на частной квартире присяжного поверенного Шанаева в г. Владикавказе произошло собрание представителей интеллигенции горских народов. На собрании было предложено послать на имя члена Государственной думы от туземного населения Т. Эльдарханова телеграмму для запроса в Думу о попустительствах администрации.[88] В согласованном тексте телеграммы председателю Государственной думы Муромцеву (копии были направлены членам Думы Эльдарханову, Маслову, Аладьину, Аникину и Ковалевскому) в частности говорилось: «…Такое отношение властей окончательно убедило нас, ингушей, что нас хотят истребить вконец… Мы умоляем Думу сделать запрос кому следует и назначить немедленное следствие по этому делу, потребовав предварительного удаления исполняющего в момент столкновения должность областного начальника генерала Ржевуского, Попова и Суровецкого».[89] Запрос был отправлен уже к середине июня. Телеграмма была получена адресатами в Думе, и группа депутатов подала заявление в парламент через

профессора М.М. Ковалевского. Один из виднейших российских этнографов рубежа XIX-XX вв., М.М. Ковалевский, совершивший в свое время целый ряд поездок по Северному Кавказу и Закавказью, был хорошо осведомлен о ситуации в регионе, и, в частности, в Ингушетии.[90] В своем эмоциональном и в то же время аргументированном выступлении он всецело поддержал авторов телеграммы, сославшись на личный опыт знакомства с кавказскими реалиями.[91] По просьбе профессора Ковалевского запрос был признан спешным. Хотя правительству в итоге удалось его нивелировать и снять с обсуждения на столь высоком уровне, все же сам факт выноса событий в ингушском селении Яндаре на рассмотрение в молодом российском парламенте был очень важным как для Ингушетии, так и для всей Терской области.

Опора на силовые методы в политике по отношению к «туземному населению», безусловно, оставалась приоритетной, что явствует хотя бы из приведенных выше примеров. Тем не менее целиком опираться на силу как в России в целом, так и на Кавказе власти уже во второй половине 1905 г. не могли. И уступки, на которые они, хотя и весьма неохотно, пошли в центре, были в какой-то мере сделаны и населению Терской области. Наместник Кавказа генерал граф Воронцов-Дашков в своей телеграмме «К населению Кавказского края», хотя и выражал твердую решимость «навести порядок», тем не менее, сделал важную оговорку. Он обещал «выяснить, насколько ощущается потребность в изменении ныне действующего в крае судебного устройства, обсудить возможность и целесообразность способов применения положения о земских учреждениях», принять «меры к ускорению размежевания, а также выяснению действительной наличности казенных участков, годных для расселения наиболее нуждающихся в земле обывателей».[92] В своем воззвании Воронцов-Дашков подчеркивал, что надеется на помощь «благомыслящих» представителей местных народов, обещая взамен созвать «совещание» из среды этих «благомыслящих», на котором им будет предложено высказаться о мероприятиях, которые «необходимо принять для прекращения всяких разбоев, грабежей и беспорядков».[93]

Несмотря на то, что ряд политических сил, в первую очередь большевики, скептически отнеслись к искренности слов наместника,[94] обращение это получило отклик в среде туземного населения, в том числе и Ингушетии, где все признаваемые наместником проблемы стояли очень остро.

Еще в апреле 1905 г. доверенные Базоркинского, Насыркортовского, Средне и Верхне Ачалукского, Плиевского и Яндырского сельских обществ Ингушетии писали в обращении на имя и. о. начальника Терской области, что репрессивные меры ставят народ «в слишком тяжелое экономическое и правовое положение…, препятствуют правильному развитию культурной жизни и гражданственности, в отдельных же случаях создают такую удушливую атмосферу зла и насилия, в которой человек буквально задыхается, а не живет жизнью разумного существа».[95] 17 (30) мая 1905 г. представители кабардинцев, осетин, ингушей и чеченцев обратились к наместнику Кавказа с петицией, о предоставлении общественных прав туземному населению.[96] Помимо этого они требовали: возвращения отобранных казной земель и лесов, освобождения от недоимок и лесных штрафов, введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения детей обоего пола, предоставления сельским обществам свободного выбора, утверждения и увольнения сельских должностных лиц.[97] Наконец требования национальной буржуазии Терской области нашли отражение в петиции «Нужды осетин» и «Докладной записке ингушей», поданных летом 1905 г.[98]

Авторами «Докладной записки об ингушах» были как раз те «благомыслящие» представители ингушского общества, на поддержку которых рассчитывал наместник в своем обращении, и которые концентрировались преимущественно в состоятельных слоях.

Имущие верхи ингушских селений Базоркино, Насыр-Корт, Гамурзиево, Альтиево, Барсуки, Плиево, Сурхахи и ряда других летом 1905 г. обратились к начальнику Терской области с прошением, в котором они заверяют власти о готовности «идти навстречу административным властям в разных мероприятиях для обуздания преступных страстей».[99] Дальнейшим развитием этого сюжета можно считать визит летом 1905 г. к наместнику «мусульманской делегации» из числа представителей имущих классов местного населения. В ходе визита наместнику была представлена петиция. Помимо достаточно эгоистичных и узко сословных просьб (например, о предоставлении мусульманским верхам дворянства) петиция содержала и призыв ввести на Кавказе земские учреждения и институт присяжных заседателей с распространением их действий на мусульман; облегчить существующие чрезмерно тяжелые обложения; устроить общественный быт крестьян на выборных началах.[100]

Ответом на обращение горцев от 17 мая стало направление наместником в Терскую область генерал-майора Михайлова для объявления представителям Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды, вызванным для этого во Владикавказ, Грозный, Нальчик и Хасавюрт, об удовлетворении разных нужд туземного населения, включая введение в сельских обществах института старшин, избираемых самим обществом, но с обязательным утверждением их в должности начальником области, а также избрание или наем сельскими обществами писарей из наиболее «благонадежных и честных людей», но тоже под контролем администрации. Для устранения беспорядков сход заменялся собранием выборных из числа лиц, выделявшихся «умом, честностью и энергией».[101]

Ингуши с воодушевлением отнеслись к идее избрания своих представителей. Соответствующие сходы обществ состоялись еще 29 апреля 1905 г. и завершились избранием представителей («почетных стариков») от каждого общества, которыми в Горной Ингушетии стали: от Джераховского общества – Ислам Ахриев и Джамбот Льянов,[102] от Хамхинского – Манли-Хаджи Котиев, Хамбор Хамчиев и Маджико Темирханов,[103] от Цоринского – Мурцал Хасиев и Долтуко-Хаджи Далатов.[104] Несмотря на изрядную долю декоративности, присущую этим мерам, широко разрекламированным администрацией, трудно утверждать, что они не имели вообще никаких положительных последствий.

Еще в феврале 1905 г. комиссия, избранная Владикавказской городской думой для рассмотрения вопроса о причинах грабежей и разбоев пришла к заключению, что причина кроется в бесправии и тяжелом экономическом положении горцев, в частности ингушей.[105] Ряд гласных городской думы, среди которых особо выделялись Н.О. Файвишевич и Г.А. Вертепов, открыто назвали корнем неблагополучия криминальной ситуации в ингушской среде низкий образовательный уровень и тяжелое социально-экономическое положение.[106]

Робкие шаги в сторону «либерализма» делал и наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков, о чем свидетельствуют материалы кавказской печати 1905 г. Так, в апреле появляются сообщения о том, что «наместничеством будут приняты меры… к введению по всему краю надлежащих форм судопроизводства…, введению института суда присяжных, по крайней мере, во многих местах Кавказа», а также об учреждении при наместнике кавказском «особой комиссии, в состав которой входят представители кавказской администрации, городских и сельских управ и землевладельцев», чьей задачей называлось «умиротворение и упорядочение населения и земельных недоразумений, точное урегулирование границ, отдельных владений, выяснение спорных вопросов о правах собственности и принадлежности земель… и т. д.».[107] Все это подготовило почву для некоторых конкретных шагов в общественно-политическом и социально-культурном отношении, которые были предприняты властями в отношении Ингушетии в середине 1905 г.

Образование Назрановского округа. Одним из важных шагов администрации, направленных на снижение уровня социальной напряженности в области, была реформа территориального устройства, предпринятая в июне 1905 г. В ходе нее Ингушетия была выделена в самостоятельный округ Терской области с центром в крепости Назрань.[108] Теперь в состав области входили Назрановский, Владикавказский, Грозненский, вычлененный из него в ходе реформы Веденский, Нальчикский, Хасавюртовский округа и Сунженский, Моздокский, Кизлярский и Пятигорский отделы.[109] Образование самостоятельной административной единицы, пусть и не включавшей все земли их этнического ареала, имело для ингушей огромное значение. Прежде всего, это было признание их права на культурно-экономическое развитие в рамках отдельного национального округа.

Началом этого процесса можно назвать, упоминавшиеся выборы представителей обществ в апреле 1905 г., но практические шаги относятся лишь к лету того же года. 9 августа 1905 г. во Владикавказе помощнику наместника генералу Маламе представилась депутация ингушей селений Плиевского и Яндырского и просила его хлопотать перед наместником о выделении их в особый ингушский округ.[110] 11 августа помощник наместника прибыл в Базоркино в связи с имевшим место в начале августа столкновением ингушей и казаков под Карабулаком и здесь устроил совещание с представителями ингушского народа. В заключение генералу Маламе было передано прошение с ходатайствами, изложенными в семи пунктах «…как-то – об отмене положения 1888 г. – учреждения Терской и Кубанской областей и введения снова губернского положения о выделении ингушей в особый округ, о назначении правительственной ревизии для более подробного изучения на месте причин грабежей, нужд населения и административного недоустройства области, о допущении на административные должности общегражданских чинов без различия религии и национальности, преимущественно же туземцев, как близко знакомых с населением и его нуждами, о строгом расследовании инцидента в станице Карабулакской».[111]

Кульминация подвижек по «ингушскому вопросу» наступила на следующий день. «Вечером 12 августа в областном правлении состоялось совещание комиссии о разрешении ингушского вопроса во главе с генерал-лейтенантом Маламе. На совещании присутствовал исполняющий обязанности начальника области генерал-майор Ржевуский, представитель канцелярии Диков и некоторые чиновники областного правления. В принципе решено выделить их (ингушей – Ред.) в особый ингушский округ – Назрановский, разделив его на три участка».[112]

В рапорте Главнокомандующего войсками Кавказского военного округа на имя Военного министра от 31 августа 1905 г. указывалось: «На основании Высочайше утвержденных 21 марта 1888 г. штатов учреждения и управления Кубанской и Терской областей, пятидесятитысячное население ингушского племени, состоящее из семнадцати плоскостных селений и четыре горских обществ: Джераховского, Мецхальского, Хамхинского и Цоринского имеет общее административно-полицейское управление с казачьим населением Сунженского отдела, простирающимся до 49 тыс. Подчинение ингушей Атаману Сунженского отдела, обремененному своими многочисленными войсковыми обязанностями, не дает последнему возможности успешно заняться гражданским и экономическим бытом этого народа».[113]

Надо отметить, что образованием отдельного округа для ингушей кавказская администрация прежде всего предполагала снять вопрос национально-социальных противоречий между ингушским и казачьим населением и руководствовалась не столько интересами «туземцев», сколько желанием отгородить казаков от необходимости каких-либо интенсивных контактов с ингушами, какие не представлялось возможным избежать при

сосуществовании в рамках одной административно-территориальной единицы. О такой рефлексии данной реформы свидетельствует переписка по данному вопросу между центральными, региональными и местными органами управления Российской империи. В частности, об этом свидетельствуют замечания из отношения министра финансов Российской империи И. Шапова, который, приводя контраргументы по поводу запрашиваемого военным ведомством финансирования данной реформы по управлению Терских казачьих войск, отмечает, что «само Военное министерство, как видно из представления в Государственный Совет, признает, что рассматриваемое мероприятие не имеет общегосударственного значения, а вызывается лишь местными потребностями и, в частности, почти исключительно интересами казачьего населения».[114] Министр финансов возражает против предлагаемого варианта формирования бюджета Назрановского округа, по которому его финансирование большей частью (на 80 %) должно было обеспечиваться из Государственной казны, и лишь на 20 % из капитала Терского казачьего войска.[115] На содержание Управления Назрановского округа была заложена сумма 15094 руб. Для сравнения: на казачьи отделы Терской области (всего четыре отдела) выделялось сумма 112395 руб.,[116] это в среднем по 28 тыс. руб. на казачий отдел.

Еще до конца августа ингуши были выведены из Сунженского отдела, а в первых числах сентября 1905 г. был, наконец, учрежден Назрановский округ.[117] Он включал 23 населенных пункта (7644 домохозяйств) и перед выборами в Государственную думу был разделен на 6 участков, с центрами участков в селениях Сагопши, Средние Ачалуки, Базоркино, Насыр-Корт, Плиево и Карт (Хамхинского общества).[118]

Округ был учрежден временно сроком на три года, но уже в 1907 г. этот срок был продлен до 1911 г., с уточнением: «Если же окажется возможным упразднить существование отдельного Назрановского округа ранее 1-го января 1911 г., то восстановление прежнего административного устройства Сунженского отдела произвести властью войскового наказного атамана и ранее указанного срока».[119]

Одновременно с учреждением Назрановского округа Терское областное правление рассматривает ряд вопросов, связанных с ужесточением полицейского надзора над ингушским населением и, что особенно важно, о возможности выселения ингушских хуторов с земель казачьих станиц,[120] тем самым подводя итог новой реформы, заключающийся, прежде всего в стремлении установить контролируемые границы между земельными владениями казаков и ингушским населением, оттеснив ингушей в пределы вновь создаваемого округа.

Управление округа, первоначально расположенное в крепости Назрань, уже в 1906 г. переносится в г. Владикавказ. При этом начальник округа подполковник Котляревский в рапорте к начальнику Терской области просил об «оставлении Управления Назрановского округа в г. Владикавказе не временно, а навсегда», обосновывая это тем обстоятельством, что Назрань не является центральным пунктом округа, и многие селения слишком отдалены от нее, а естественным центром Ингушетии является г. Владикавказ, куда со всех сторон жители съезжаются по своим делам: на базар за продуктами, на почту, в казначейство, в присутственные и судебные места. Начальник округа уточняет, что решение о размещении Управления в Назрани было принято с целью отвлечения от г. Владикавказа наплыва ингушей и, как следствие, событий, случившихся в городе в 1905 г., когда в результате беспорядков на городском базаре пострадали несколько ингушей, один из которых умер. Но ингуши, как пишет Котляревский, стали лишь жертвами революционного движения толпы и не принимали никакого участия ни в одном из беспорядков, устраиваемых революционерами в городе и более того, по просьбе самого Котляревского, простили кровь своих

пострадавших родственников. И с тех пор (с 1905 г.) до настоящего времени, отмечает начальник округа, не замечается ни малейшего раздражения горожан против ингушей. Так же подполковник Котляревский подкрепляет свою просьбу сведениями, собранными им лично в различных сельских обществах округа, которые все в один голос заявляют о необходимости перевода управления округа в г. Владикавказ, как являющийся центром Ингушетии. Обосновав также и экономические выгоды от принятия такого решения, начальник округа в своем рапорте пишет: «Донося о всем вышеизложенном, прошу Вашего Превосходительства об оставлении Управления округа в городе Владикавказе, в интересах казны и жителей навсегда». Примечательна резолюция начальника Терской области, наложенная на указанный рапорт: «Прошу подполковника Котляревского не возбуждать этого вопроса и меня им не обременять».[121] Эта резолюция всецело отражает политику по отношению к ингушам кавказской администрации, якобы озабоченной «дикостью» этого народа, но в то же время, последовательно оттеснявшей ингушей от ближайшего к ним центра цивилизации – Владикавказа.

Что касается вопроса о представительстве в будущей Думе, то поскольку закон от 11 декабря 1905 г. не распространялся ни на Кавказ, ни на другие национальные окраины, то лишь в феврале 1906 г. были утверждены особые правила о выборах в Думу на Кавказе, составленные с изъятиями из общего положения о выборах в империи. По итогам выборов от Терской области в I Думу были избраны: от казаков – А. Караулов, от остального русского населения – левый кадет А. Маслов и народный учитель Т. Эльдерханов представлявший интересы горских народов.[122] Учитель Грозненской горской школы, беспартийный Таштемир Эльдерханов сразу жестко поставил вопрос о самых острых проблемах области, в первую очередь – аграрной (так же, как и его коллега А. Маслов). Т. Эльдерханов открыто обвинил правительство в грабеже земель, констатировав, что горскими народами «управляют… отбросы армии, которые ничего общего с народом не имеют, не заинтересованы в судьбах его».[123] А. Маслов же указал, в свою очередь, на вопиющую диспропорцию во владении землей казаками и туземцами, назвал положение последних «ужасающим», обозначив земельный вопрос как самый острый в крае.[124]

И хотя сколь-нибудь заметных и коренных изменений в аграрном вопросе не произошло, горское население впервые получило трибуну если не для защиты своих интересов, то, по крайней мере, для их внятного обозначения.

Эти шаги тем не менее не означали заметной либерализации режима на Кавказе. По мере затухания революционной активности в стране, власти не только не ограничили, но скорее форсировали меры, направленные на подавление последних очагов «мятежа». 7 июня 1907 г. был опубликован приказ наместника на Кавказе о введении в крае чрезвычайного положения.[125] 15 июня временный генерал-губернатор Терской области Колюбакин, ссылаясь на манифест царя, объявил область на военном положении, при этом помимо закрытия ряда либеральных газет («Терское эхо», «Пятигорье» и других) «обязательное постановление» Колюбакина запрещало «оглашение, публичное распространение статей и сочинений, ложных сведений, слухов и всяких деяний, возбуждающих враждебное отношение к правительству», за что грозила тюрьма до 3 месяцев или штраф до 3 тысяч рублей.[126]

15 августа 1906 г. распоряжением временного генерал-губернатора была закрыта на все время военного положения газета «Эхо Кавказа», а также запрещено издание газеты «Горец».[127]

К заметным событиям в общественной жизни региона того времени относится и привлечение «туземцев» в состав милиции или стражи, усилившееся с лета 1906 г. при актив-

ном содействии властей и представителей реакционных сил горской общественности.[128] Согласившимся идти в стражники платили высокое жалованье – от 460 до 600 рублей в год, выдавали одежду, оружие, верховую лошадь и т. д.[129] О большом внимании, уделяемом полицейскому надзору в области, говорит тот факт, что расходы на содержание только одной Терской постоянной милиции за один 1906 г. составляли 154310 руб., в то время как, на содержание управлений всех округов и отделов, вместе взятых тратилась сумма чуть более 215 тыс. руб.[130]

Власти отправляли завербованных стражников на подавление антиправительственных выступлений в других частях империи (Центральной России, Украине и др.), а часть из них бросали на выполнение карательных функций в соседние округа самой Терской области. Так в Осетии (Садон, Мизур) терские власти направляли стражниками ингушей, а осетин в карательных целях направляли в Чечню.[131] Подобная практика вызвала возмущение оппозиции, а также и некоторых умеренных. В июне 1906 г. в местной демократической печати подвергаются сокрушительной критике действия как ингушских, так и осетинских стражников в России.[132] Практически в то же время появляются сообщения и об аналогичной позиции ингушей, в частности интеллигенции, которая «собирается и обсуждает вопрос, каким образом отозвать обратно тех ингушей, которые поступили на службу в земские стражники или охрану помещикам», а также стариков, которые «советовали применить традиционное средство: предать отступников проклятию».[133]

Кампания протеста в Терской области дополнилась обращениями к временному генерал-губернатору и выступлением депутата от горских народов Т. Эльдерханова в Думе 23 июня 1906 г. С конца лета прекратилась отправка молодежи на полицейскую службу во внутренние губернии страны.[134]

Безысходность положения толкала многих ингушей, большая часть из которых была крестьянами, за пределы родины – на заводы Грозного, Баку, Центральной России, а также на военную службу, что приняло особенно широкий размах во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Все нерешенные проблемы Терской области вообще и Ингушетии в частности особенно остро проявлялись в период революции 1905-1907 гг., принявшей здесь преимущественно форму крестьянского движения.

У наиболее образованных и политически грамотных представителей ингушского общества появляются ростки интереса к деятельности и программам политических партий и движений (примером может служить кружок М. Ахриева в Галашках).

Таким образом, итоги событий 1905-1907 гг. в истории общественно-политического развития Ингушетии трудно оценить однозначно. С одной стороны, как и в целом по стране, власти пошли (правда, безусловно, не по доброй воле) на ряд уступок. Ингуши получили самостоятельную административно-территориальную единицу – Назрановский округ, сначала временно, а с 1909 г. – на постоянной основе. Это, правда, не означало реального самоуправления, так как округ представлял собой лишь новый элемент прежней структуры военно-колониального управления.

Нерешенной осталась главная проблема – аграрная. В плане политико-правового представительства в законодательном органе – Думе, права ингушей, равно как и других коренных народов Терека, были ущемлены: представительство горских народов по сравнению с другим населением области было сокращено более чем в два раза.[135] Наконец многие «уступки» администрации носили просто провокационный характер – например, упоминавшаяся вербовка в стражники, призванная, как и вербовка добровольцев для участия в Русско-японской войне, оттянуть за пределы области наиболее активную часть населения, прежде всего – молодежь. И вдобавок еще, в случае со стражниками,

ведущая к стравливанию разных народов империи. При этом вербовка и на внешний, и на «внутренний» фронты борьбы за интересы монархии шла за счет, прежде всего, тяжелого социально-экономического положения подавляющего большинства коренного населения колоний.

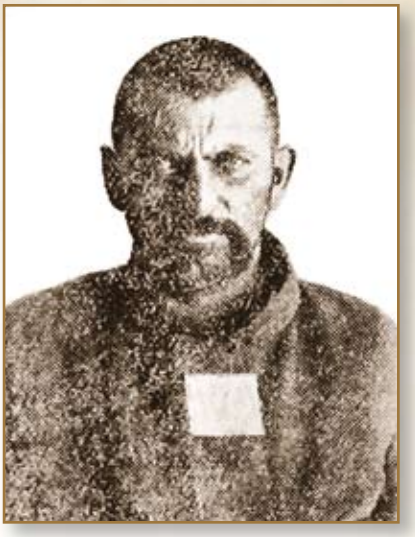
Наряду с некоторыми послаблениями неизбежно следовавшие за этими уступками карательные меры в Ингушетии и на других территориях Терской области были особенно жестокими, ввиду, очевидно, опасений, что без тотальной «силовой профилактики» пример взбунтовавшейся метрополии станет для колоний особо заразительным.

В Ингушетии и на Тереке в целом не возникло в итоге событий 1905-1907 гг. самостоятельного эффективного национального политического движения за права и свободы коренного населения. Численность «интеллигенции и учащейся молодежи» была мизерной, да и сколь-нибудь широкой поддержки основной массы населения, не искушенного в политике, она найти здесь не смогла бы. В условиях тотального военно-политического прессинга и полного господства в стране бюрократически-репрессивного аппарата немногочисленной интеллигенции Ингушетии, большая часть которой не могла оставаться равнодушной к бедственному положению своего народа и невосприимчивой к атмосфере времени, не оставалось иного пути, как ориентироваться в неизбежном противостоянии машине власти на сотрудничество с теми политическими силами метрополии, которые в своих программных установках были ближе других к интересам и чаяниям народов колоний.

2. Ингушетия между двумя революциями (1905-1917 гг.)

Сложный комплекс событий, связанных с революцией 1905-1907 гг. не исчерпывается лишь этими временными рамками. Революционные потрясения, приведшие к значительным, хотя и не коренным изменениям как в России, так и в крае, отголоском отдавались во всем развитии общественно-политической ситуации в Терской области вплоть до начала Первой мировой войны. Национально-освободительное движение, пусть и стихийное, не прекратилось с третьеиюньским переворотом Столыпина. Не ослабевала и карательная активность властей. В отношении Ингушетии своего рода кульминацией можно считать создание уже в марте 1909 г. временного охотничьего отряда под командованием войскового старшины Вербицкого, не скрывавшего своих крайне реакционных взглядов и настаивавшего на принятии еще более жестких мер против горцев.[136] 5 марта 1909 г. приказом по области Вербицкий был назначен командующим охотничьим отрядом «для уничтожения разбойничьих шаек в Терской области».[137] Этот отряд просуществовал до конца 1909 г., но даже за этот недолгий срок приобрел печальную известность на всем Центральном и Северо-Восточном Кавказе (помимо Ингушетии, каратели Вербицкого весьма активно действовали и в Чечне). Уже в 1909 г. отряд Вербицкого организовал обыск в селении Сурхахи, в результате которого жители селения были навсегда лишены права иметь какое-либо оружие, это притом, что все окружающие горские народы и казаки были вооружены и никоим образом не ограничены в этом вопросе.[138] Тремя днями позднее отряд из селения Сурхахи выступил в селение Гамурзиевское для изъятия огнестрельного оружия. Вербицкий и его подчиненные сосредоточились на карательных акциях против тех ингушских селений, которые подозревались в укрывательстве абреков и помощи им. Еще 14 апреля 1909 г. подручные Вербицкого атаковали горный хутор Цорх

Назрановского округа по подозрению в укрывательстве известного абрека Зелимхана, итогом чего стали жертвы среди местных жителей и потери в самом отряде – один убитый и двое раненых. В этой же местности в мае 1909 г., была предпринята еще одна аналогичная акция близ горы Барахчи, но также безрезультатно.[139] Видимо, в связи с этими неудачами вскоре отряд Вербицкого был расформирован. Однако начальник Терской области Михеев уже 20 декабря распорядился о формировании нового экзекуционного отряда.[140]



Суламбек Гараводжев (Гандалоев) перед казнью. Фотоснимок из газеты «Кавказская копейка», Баку, 25 августа 1911 г.

В 1910 г. репрессивные мероприятия в области не прекращались. В это время в Ингушетии действовал экспедиционный отряд Попова, печально прославившийся своими реквизициями и поборами.[141] Новый всплеск активности карателей отмечался после очередного громкого успеха абреков в том же 1910 г. в Кизляре, когда под началом Зелимхана была организована и успешно осуществлена экспроприация Кизлярского казначейства. По словам Г.К. Мартиросиана, группа Зелимхана состояла из чеченцев и ингушей, причем ингушская часть ее сформирована была в Назрановском округе соратником Зелимхана Суламбеком Гараводжевым (Гандалоевым).[142] Последний позже сам сдался властям после того, как перед жителями селения Сагопши, уроженцем которого являлся Суламбек, прозванный Сагопшинским, было поставлено условие – либо они уговаривают своего земляка сдаться на милость царским властям, либо все селение будет разрушено, а жители его – выселены в Сибирь. Узнав об этом, Суламбек через посредников вступает в переговоры с кавказской администрацией и сообщает о своей готовности сдаться, но с единственным условием, что его расстреляют, а не повесят, поскольку последняя смерть для горца считалась позорной и неприемлемой. Когда ему такие гарантии были обещаны, Суламбек Сагопшинский сам сдался властям. Однако, после показательного процесса над абреком, суд вынес ему смертный приговор и мерой наказания назначил повешение.[143] В одной из кавказских газет того времени приводятся сведения о последних минутах жизни знаменитого абрека: «При виде виселицы и вообще всей мрачной, зловещей обстановки, говорящей о неизбежной близости рокового конца Гараводжев, как говорят очевидцы, сохранил редкое наружное спокойствие и самообладание, причем на его тонких губах все время играла какая-то загадочная, не то саркастическая, не то презрительная улыбка… Потом он спокойно, не торопясь и вообще не обнаруживая ни малейшего волнения, сам взошел на роковой помост и, когда палач накинул на его шею петлю, сам же соскользнул с табурета… Последним желанием этого зелимхановца было то, чтобы ему не связывали рук и не надевали на него мешка-савана. – Даю вам честное слово абрека, что я не причиню никому никакого беспокойства, – уверял он начальство. Но ему, конечно, в этом отказали».[144]

Можно предполагать, что взятая тактика на жесткое бескомпромиссное подавление абречества, ярким подтверждением чему стал случай с Гороводжевым, когда даже не выполнялась последняя воля осужденного, не говоря уже о данных ему гарантиях, лишь еще более ожесточило участников абреческого движения, а показательная казнь над одним из самых известных абреков, пользовавшихся к тому же среди горцев, даже с учетом его профессии, репутацией человека чести, не оставила другим абрекам выбора и стала им

Братья Томовы. Владикавказ, 1910 г.

уроком, что на какие-либо договоренности с властями, даже под такие гарантии, когда выторговывается способ казни, они рассчитывать не могут. Надо полагать, что такой способ борьбы с абречеством не был перспективен, уже по тому, что новые репрессии, задевавшие часто невиновных людей, втягивали все новых адептов в это движение, ставшее настоящим бичом для царской администрации на Кавказе в начале XX века.

После «Кизлярского дела» власти развязали новую кампанию репрессий. В сентябре 1910 г. очередная экспедиция во главе с начальником Назрановского округа Андрониковым и ротмистром Донагуевым, посланная в Ассинское ущелье Ингушетии, захватила семью Зелимхана, но, попав в устроенную последним засаду, понесла большие потери – в числе других погибли сам Андроников и саперный офицер, а Донагуев был ранен.[145] 300 ингушей, обвиненных в пособничестве Зелимхану, были сосланы в Сибирь.[146] Разгневанный бесконечными неудачами своих подчиненных в борьбе с абреками начальник области генерал Михеев на встрече с представителями всех сельских обществ в атаманском дворце во Владикавказе, заявил, что будет ходатайствовать об отмене выборности старшин в Назрановском округе и замены их назначаемыми, разрушении всех аулов Ассинского ущелья и выселении их жителей, обвиняемых в пособничестве абрекам, а также потребовал уплаты всех платежей и недоимок в двухнедельный срок и лишил ингушей права аренды казачьих земель.[147]

Но в дальнейшем абречество лишь усилилось. Уже в мае 1912 г. в Ингушетии абреки совершают очередную крупную вылазку, обстреляв здание сельского правления в Сурхахах.[148] Для более эффективного воздействия на «неблагонадежных» наместник Кавказа в 1912 г. выслал из Терской области во внутренние губернии «нескольких укрывателей означенного разбойника (Зелимхана – Ред.) вместе с их семьями»[149] и выступил с предложением и в дальнейшем придерживаться именно такой практики.[150] Хотя предложение поддержали военный министр Сухомлинов, а также Департамент полиции и Земский отдел, глава МВД Макаров[151] и министр юстиции Щегловитов, считавший, что «проведение таких правил через законодательные учреждения представит весьма серьезные затруднения», осторожно отнеслись к предложению Воронцова-Дашкова, требовавшему законодательного обоснования «семейной ссылки».[152]

В плане экономическом ситуация в Ингушетии, в сравнении с дореволюционной, изменилась мало. Аграрная реформа Петра Столыпина оказалась неспособной разрешить экономические трудности населения окраин, поскольку во многом за счет ресурсов последних, особенно земельных, правительство и надеялось осуществить свои планы по преобразованию крестьянской жизни в метрополии.

В этих условиях в апреле 1906 г. была создана специальная комиссия по землеустройству нагорной полосы Терской области и карачаевского народа Кубанской области под председательством юрисконсульта Кавказского военного округа Абрамова, по имени которого и сама комиссия стала называться Абрамовской.[153]

А.Г. Маматиев (1878-1916)

В сущности, особых практических результатов деятельность комиссии не принесла, хотя ее работа породила «среди населения нагорной полосы… радужные надежды на скорейшее наделение их землею на одинаковых с плоскостными горцами условиях».[154] Способность комиссии эффективно решить проблему землеустройства в области уже в начале ее работы оценивалась скептически.[155] Более того, сама комиссия со своими проектами решения аграрного вопроса стала объектом многочисленных жалоб горцев, число которых достигло 238 (из них 41, т. е. почти каждая шестая – от крестьян Чечни и Ингушетии).[156] Среди членов комиссии произошел раскол между сторонниками перевода всех земель нагорной полосы в казну во главе с самим Абрамовым и приверженцами столыпинского подхода, т. е. разрушения общины и насаждения частной собственности среди горцев; последних возглавлял старший землемер Тульчинский. Это противоречие отразилось как на ходе работы, так и на результатах деятельности комиссии, завершившейся в 1908 г.[157] Всего за 1905-1910 гг., по свидетельству современника, «было выработано 5 противоречивых друг другу проектов».[158]

Кроме того, в феврале 1911 года, по личному указанию Воронцова-Дашкова, для обсуждения последнего проекта о землеустройстве крестьян нагорной полосы в Тифлис были вызваны представители народов Терской области. Официальным представителем ингушского народа на указанном совещании являлся инженер Ибрагим Базоркин.[159] Представлены были в Тифлисе и крестьянские слои горского населения, в частности, от ингушей был делегирован Саадула Тенкиев из хутора Мергист Мецхальского общества.[160] Но и это совещание, хоть и проводившееся под патронажем самого наместника, прорыва в решении проблемы непринесло.

Очевидным был тот факт, что без обращения к фонду казачьих земель, составлявшему более половины, а в Кубанской области – более трех четвертей всей земли,[161] а также фонду казны вопрос являлся не разрешимым.

Между тем, за 12 лет нового века землепользование ингушей еще более сократилось. В 1912 г. в Ингушетии числилось 170937 десятин всей земли, в том числе под лесом 30264 десятин, неудобной для земледелия – 22347 десятин, удобной – 118326 десятин.[162]

При этом часть указанных земель принадлежала казне и частным владельцам. На 30020 душ мужского населения Назрановского округа приходилось в среднем по 2,9 десятины.[163]

Обнищание части крестьянского населения вследствие земельного дефицита, и, в то же время, развитие «торгово-промышленных» заведений на селе, в частности открытие хлебных амбаров, занимавшихся скупкой зерна, мануфактурных лавок и др., служило иллюстрацией процесса имущественного расслоения сельского населения, получившего новый виток развития в начале XX в. Это отмечает и Абрамовская земельная комиссия, указывающая на усиление классового расслоения.[164] Так 70 горцев-ингушей различных се-

Здание железнодорожного вокзала Назрани

лений купили у овцевода П.Т. Мазаева 700 десятин земли, расположенных вблизи селений Пседах, Сагопши, а в 1913 г. 66 горцев купили у владикавказского купца Ф.Д. Пелипенко 1000 десятин земли.[165] Но при этом, нужно учитывать, что в большей части случаев, покупка земельных наделов, производившаяся горцами среднего достатка, была связана не с их личными покупательскими возможностями, а была вызвана необходимостью развития собственных хозяйств и стимулировалась деятельностью Крестьянского банка.

Кооперативное движение в Ингушетии. В эти годы в Ингушетии получило развитие кооперативное движение. Впервые вопрос о создании кредитных кооперативов был поставлен представителями Владикавказской инспекции мелкого кредита на съезде уполномоченных сельских обществ в поселке Назрань 5 августа 1910 г.[166]

Товарищества кредитной кооперации начали открываться в Ингушетии в 1911 г. Первое товарищество открылось в селении Базоркино 23 марта 1911 г. Следом товарищество было открыто в селении Гамурзиево – 30 марта 1911 г. В течение 1912-1913 гг. в Ингушетии было открыто еще 8 товариществ кредитной кооперации (Экажевское, Долаковское, Средне-Ачалуковское, Сурхохинское, Плиевское, Кескемское, Насыр-Кортовское, Кантышевское), которыми обслуживались все селения плоскостной Ингушетии. Не имели своих товариществ только жители горных обществ (Хамхинского, Цоринского, Джераховского и Мецхальского). Но и они кредитовались в станице Тарской и г. Владикавказе.[167]

«Гамурзиевское товарищество оказалось пионером во всех начинаниях и шло во главе остальных товариществ, прокладывая им путь по тернистой дороге. Оно выделило из своей среды весьма полезных работников, один из которых (первый председатель правления и счетовод), Асламбек Гальмиевич Маматиев, играл выдающуюся роль не только среди своего народа, но и в областной кооперации».[168] А.Г. Маматиев не раз избирался членом совета Терского союза мелкого кредита.

Главная цель, которая ставилась перед кооперативно-кредитными товариществами – это «освободить из цепких когтей ростовщиков и деревенских кулаков сельскохозяйственного труженика, кустаря, мелкого промышленника».[169]

Материалы о сельском хозяйстве и кредитной кооперации публиковались в еженедельном журнале «Юго-восточный хозяин», в газетах «Пятигорское эхо», «Кооперативная мысль» и в других изданиях. Часто публиковались в них и материалы о кооперативном движении в Ингушетии. Интересно, что на совещаниях ингушских кооператоров обсуждались вопросы не только непосредственно кредитной кооперации, но и культурного развития народа.[170]

С конца 1917 г. кредитную кооперацию Ингушетии охватил тяжелый кризис, связанный с революционными событиями на Северном Кавказе. В середине 1918 г. была предпринята попытка оживить кооперацию Ингушетии – по постановлению Собрания уполномоченных Терского Союза 16 июня 1918 г. в с. Гамурзиево был созван съезд представителей товариществ Назрановского округа, на повестку дня которого было предложено два вопроса: «1) Доклады с мест о положении дела в т-вах. 2) Изыскание способов к установлению в т-вах нормального ведения операций».[171]

С конца 1918 по 1920 г. деятельность товариществ кредитной кооперации в Ингушетии была прервана из-за кровавых столкновений, происходивших в это время на территории бывшей Терской области.

Развивалась и торговля – в Назрановском округе, по неполным данным на 1908 г., насчитывалось около 170 лавок, а в самой Назрани в то время находилось 12 мануфактурных, 3 железо-скобяных, 36 мелочных лавок, 3 лесосклада, 30 ссыпных хлебных амбаров, 2 керосиновых склада, 35 различных кустарных мастерских. Торговые лавки имелись и в других ингушских селениях: Кескеме – 9, Пседахе – 13, Сагопши – 14, Средних, Нижних, Верхних Ачалуках – 21 мануфактурная, бакалейная и мелочная лавка.[172]

Развитию торговли способствовала прокладка через Ингушетию железной дороги. В 1875 г. была проложена железная дорога от Ростова до Владикавказа. Строительство железнодорожной ветки «Беслан-Петровск» вблизи Назрановской крепости началось в конце августа 1891 г. Газета «Терские ведомости» сообщала, что «работы начались с Назрановских высот. На расстоянии почти шесть верст везде были расставлены рабочие с ломами, с кирками, с лопатами, а другие с подводами, и после молебна вся эта масса обсыпала отроги высот, и закипела работа». Для строителей железной дороги, а их насчитывалось около тысячи человек, было построено три барака: в Назрани, около здания старого вокзала, недалеко от Назрановской крепости возле водяной мельницы и в с. Плиево.[173]

В период строительства железной дороги в окрестностях крепости побывал будущий классик советской литературы – Алексей Максимович Горький (Пешков), который принимал непосредственное участие в строительстве бараков для рабочих. В течение трех месяцев он работал сторожем, а затем – кашеваром в той же артели. Впечатления, полученные Горьким от пребывания в нашем крае, отражены в рассказах «В ущелье» (1913 г.) и «Чужие люди» (1923 г.).

К 1894 г. была закончена прокладка железной дороги от Беслана до Грозного. 1 мая 1893 г. завершилось строительство железнодорожного вокзала в Назрани (здание вокзала простояло более ста лет и было разрушено в 1997 г.).

Вскоре при железнодорожном вокзале возник поселок, получивший в народе название «возгале». «В 1894 году здесь, у железнодорожного вокзала Назрань, находчивый Илдар Идиг поставил «тараз» – весы для взвешивания кукурузы, скупаемой у окрестного крестьянства. Прижимистый и ловкий Идиг Илдарович Кетиргов, он же Гелисханов, вскоре стал одним из богатейших в округе гильдейским купцом».[174]

По данным «Терского календаря», в 1900 г. в поселке функционировали 33 торгово-промышленных заведения, 8 ссыпных амбаров, две сушилки кукурузы, два керосиновых бака, принадлежавшие назрановским купцам.[175]

Торговля хлебом (кукурузой) на станции Назрань росла с каждым годом. Со станции в 1895 г. отправили 543000 пудов хлеба, в 1898 г. – 1256000, в 1908 г. – 1800000, в 1913 г. – 2844000 пудов.[176] Отправка кукурузы со станции Назрань к началу XX в. составляла 90 % хлебных грузов.[177] Также год от года увеличивалось количество земли, распахиваемой под посевы кукурузы, и росли получаемые урожаи. В Назрановском округе в 1907 г. кукурузой

было засеяно 32 663 десятины земли, получено урожая 181 944 четвертей; в 1913 г. засеяно 45 995 десятины, получено урожая 511 959 четвертей.[178]

Любопытна и некоторая специализация, присущая местным производствам переработки. Красноречив тот факт, что в Терской области меньше всего лесопилок было в Назрановском округе.[179] Это во многом можно, объяснить тем обстоятельством, что лесов в распоряжении ингушей почти не было – этот вид угодий практически целиком контролировался казной. Относительно хорошо развивалась торговля. В Назрановском округе число торговых заведений выросло с 225 в 1905 г. до 259 в 1910 г., а число торгующих лиц с 245 до 261 соответственно.[180] Хотя к 1914 г. сумма промышленного производства в Назрановском округе была самой низкой по округам, сумма оборота торговли здесь с 1905 по 1914 гг. увеличилась в 30 раз.[181]

Так или иначе, но рост социального расслоения отражался и на внутренней стабильности общества. Отмечаются случаи столкновения между зажиточными и бедными слоями сельского населения – один из таких конфликтов имел место в с. Базоркино.[182]Как видим, линия раскола проходила уже не только между колониальной администрацией и крестьянством (к которому принадлежали в социальном плане по-прежнему не менее ¾ ингушей), но и внутри самого ингушского общества.

Растет отходничество – доведенные до отчаяния нуждой и малоземельем, все большие группы ингушей ищут лучшей доли на стороне – и не только на Северном Кавказе. Большое количество ингушей работало в Ростове-на-Дону, Смоленске, Тамбове, Харькове, Москве, Петербурге и даже Иркутской губернии.[183]

3. Ингушетия накануне и в годы Первой мировой войны

Последующие после революции годы для региона и, в частности, для Ингушетии, были не менее насыщены событиями и сыграли не меньшую роль в дальнейшей истории края, чем период, предшествовавший революции 1905-1907 гг. В первую очередь это относится к общественному развитию. Кроме аграрного вопроса второй острейшей точкой были тесно связанные с земельной проблемой национальные отношения.

Реакционные круги в регионе обвиняли ингушей в пособничестве абрекам, занятии грабежами и т. д. Понимая, что тяжелое социально-экономическое положение, при всем своем невыносимом состоянии, не может служить оправданием для имевших место преступлений в округе, в частности, грабежах и скотокрадстве, большая часть ингушского общества явно не собиралась оправдывать и покрывать преступников, более того, прилагала определенные усилия для их прекращения. Даже официозная печать признавала усилия значительной части ингушского населения по прекращению грабежей. В июне 1905 г. в «Терских ведомостях» был опубликован приказ Начальника Терской области и наказного атамана Толстова об объявлении благодарности ряду ингушских должностных лиц Назрановского округа за помощь в возвращении украденных в мае 1905 г. из станицы Карабулакской лошадей.[184] Летом 1906 г. во всех ингушских селениях состоялись приговоры общества о высылке порочных лиц с их семействами в отдаленные места Сибири.[185] При этом, видимо, ингушское население разграничивало преступников чисто уголовных и преступников с политической окраской вроде части абреков, за поддержку которых так дорого поплатились ингушские селения в 1909-1910 гг.

Следуя принципу исторической объективности, необходимо отметить, что в указанный период наряду с карательно-репрессивной (остающейся главенствующей) линией в

политике властей Терской области отмечается хотя и менее заметная, но все же вызывающая уже глухое раздражение консерваторов «умиротворенческая» составляющая: власти прилагали определенные усилия для оздоровления межнационального климата в области.

Всадники Кавказской туземной конной дивизии

Примирительный договор между ингушами и казаками был подписан 25 июня 1906 г. (после уже упоминавшихся яндырских событий 28-29 мая 1906 г). Процедура примирения между ингушами и казаками была запущена уже сразу после событий в Яндаре. 25 июня 1906 г. были созваны для примирения во Владикавказ от станиц Терской, Сунженской, Акиюртовской, Карабулакской, Троицкой, Слепцовской, Михайловской, Самашкинской, Ассиновской, Нестеровской и Фельдмаршальской по три казака-старика со своими атаманами, а также представители от каждого села 2-го участка Назрановского округа.[186] В итоге был заключен примирительный договор.

Вслед за этим власти переходят к организации уже более масштабных мероприятий. Особый интерес представляет ингушско-осетинский съезд 1907 г. и съезд представителей русского и горского населения 1909 г.

Предпосылкой к ингушско-осетинскому съезду 1907 г. стали трагические события в мае того же года – столкновение жителей ингушского села Базоркино и осетинского Ольгинского. Другое ингушско-осетинское столкновение произошло еще в предыдущем 1906 г., когда жители осетинского села Батако-Юрт напали на ингуша и, убив, обезобразили труп, после чего ингуши совершили ответный акт мести.[187] Вспыхнувшие затем столкновения удалось прекратить на переговорах через уполномоченных. Однако весной 1907 г. положение вновь обострилось. 27-28 апреля 1907 г., состоялось совещание представителей сел Базоркино (Ингушетия) и Ольгинское (Осетия), на котором поднимался вопрос о скорейшем созыве съезда представителей плоскостных осетинских и ингушских селений для прекращения всяких стол-

Е. И. В. Великий князь Михаил Александрович с офицерами Кавказской туземной конной дивизии

Командир Ингушского конного полка, кавалер Золотого Георгиевского оружия, полковник Асланбек Байтиевич Котиев

кновений и недоразумений.[188] Такое обнадеживающее развитие ситуации сменилось новой неожиданной вспышкой насилия в конце мая 1907 г., когда накануне Пасхи близ Ольгинского был снова убит ингуш,[189] а затем 23 мая подверглась нападению мельница базоркинца ингуша Тейпхаджи Тангиева, в результате чего погиб его сын и был ранен рабочий-грузин.[190] После этого ингуши ворвались в Ольгинское и разгромили село, причем молодежь всячески удерживалась от дальнейших действий стариками, а также поручиком-ингушом Г. Гудиевым, чьи усилия впрочем остались малоуспешными.[191] Тем не менее, им удалось предотвратить угон осетинского скота из Ольгинского.[192] Прибывшие на место событий войска оттеснили ингушей[193] и были размещены в Ольгинском.[194] Итогом происшествия стали 10 убитых и 15 раненых – с осетинской стороны, и 8 убитых и около 40 раненых – с ингушской.[195] Но еще 3 ингуша погибли после завершения основных столкновений.[196] Таким образом, общие ингушские потери убитыми составили 11 человек. 25 мая Ольгинское и Базоркино посетил временный генерал-губернатор, беседовавший с ингушскими и осетинскими сходами на предмет примирения, причем «ингуши обещали возвратить разграбленное имущество» и 27 мая добровольно выдали по требованию присланного воинского отряда 84 берданки. [197] 2 июня 1907 г. в донесении командиру Отдельного корпуса жандармов начальник Владикавказского жандармского управления сообщал, что настроение между ингушами и осетинами в районах Владикавказского и Назрановского округов остается «очень тревожным».[198] Тем не менее, 29 мая во Владикавказ съехались депутаты от враждующих сторон для выработки условий примирения. 6 июня 1907 г. в доме Колюбакина открылся ингушско-осетинский примирительный съезд, результатом которого было принятие примирительного договора, состоявшего из 20 пунктов.[199]

По другим данным, съезд открылся 10 июня.[200] В любом случае, к 13 июня возглавленной генерал-майором Пржевальским, комиссией, в которую вошли по 6 представителей и 2 «почетных лица» от каждой стороны, были выработаны некоторые принципиальные решения. В частности, для разбора возникающих между ингушами и осетинами дел учреждался Осетино-ингушский смешанный суд присяжных из 6 лиц, по 3 человека с каждой стороны (под председательством правительственного чиновника по назначению генерал-губернатора, но не из числа лиц окружной администрации), которые выбирались из «лучших людей», причем приговоры суда не подлежали апелляции. Время и место суда определялись председателем. Характерно, что в данный «приговор», представленный на утверждение временному генерал-губернатору области, из-за несогласия осетин не было включено предложение ингушей о высылке навсегда из области преступников вместе с семьями (по выработанным соглашениям высылался лишь сам виновник и сроком на 5 лет).[201] Ход работы и результаты съезда трудно оценить однозначно. С одной стороны, было налицо стремление нормализовать межнациональные отношения в области, проявленное ее руководством. Однако вместо того, чтобы выбрать в примирительную комиссию кого-нибудь из ингушей, выбрали казака А.Н. Караулова и карабахского помещика Искандер-бека Рустамбекова, в то время как почетными лицами

Эльмурза Дударович Гулиев, поручик, служил в Ингушском конном полку КТКД, кавалер Георгиевского оружия

Атака кавказских горцев. Из журнала «Кубанский казачий вестник», № 3, 1915 г.

от осетин стали Я.М. Лордкипанидзе и генерал Куденетов.[202] Сам факт неучастия ингушей в комиссии, несомненно, не имел оправдания даже в глазах «благомыслящих» ингушских участников съезда.

Еще одним важным общественно-политическим событием в жизни Ингушетии и всей Терской области стал съезд представителей туземных народов, открывшийся в Грозном 4 апреля 1909 г. и собравший опять же «лучших» лиц аулов, согласно соответствующему приказу начальника Терской области от 7 марта 1909 г. Справедливости ради стоит отметить, что власти действительно постарались заручиться поддержкой наиболее влиятельных на местах лиц, в том числе и не облеченных формальной властью – помимо сельских кадиев, мулл, представителей знати и офицерства, на Грозненский съезд были приглашены и почетные старики из некоторых селений. Всего в работе съезда приняли участие 94 делегата.[203] От Назрановского округа были приглашены на съезд Дугуз-Хаджи Беков, поручик Татре Албогачиев, Джамбот-Хаджи Льянов, Мажи Темирханов.[204]

Форум получился довольно представительным. Он собрал всех начальников участков, наиболее зажиточных жителей русских слобод Воздвиженской, Шатоевской, представителей высшей казачьей администрации (Вербицкий, Ткачев, Караулов, Вертепов).[205]

Съезд поручил одной из комиссий составить полное и всестороннее описание тяжелого положения, в котором находится Терская область.[206] Наконец, включение в программу пункта, о том, что еще необходимо для стабилизации положения, кроме учрежден-

Командир 3-й сотни Ингушского конного полка, кавалер золотого Георгиевского оружия, штабс-ротмистр Султан-Бек Заурбекович Бек-Боров

ных примирительных народных судов, также являлось некоторым шагом вперед. Съездом, завершившим свою работу 9 апреля, был принят целый ряд постановлений, а именно: ходатайствовать о введении в области всеобщего обязательного обучения; открыть при существующих и открывающихся школах сельскохозяйственные и ремесленные учебные заведения; установить возможность непосредственного перехода из школы низшего типа в высший; преобразовать существующие горские школы в учительские семинарии для подготовки кадров учителей и ускорить решение вопроса об учреждении на Северном Кавказе духовного правления мусульман; улучшить и реформировать горский словесный суд; ввести суд присяжных; ввести земское самоуправление; периодически созывать съезды представителей населения по отделам, округам и областные; урегулировать вопрос о высылке порочных членов общества; ввести регистрацию убойного скота на торговых пунктах; учредить в области дома и колонии для малолетних преступников; предавать военному суду тех убийц, которые из чувства мести, убивают близких и родственников виновного и т. д.[207]

Экономическое развитие Назрановского округа после его образования и вплоть до начала первой мировой войны шло достаточно устойчиво и динамично. Хотя сумма производства промышленности в округе была в 1914 г. самой низкой среди других округов области, она все же составила уже 27115 руб.[208] Промышленность Ингушетии накануне войны 1914-1918 гг. носила «…мелкий, кустарный характер».[209] Зато сумма торгового оборота округа в том же 1914 г. составила 1370315 руб.,[210] а в официальных данных 1914 и 1915 гг. «числится ряд крупных торговцев-ингушей, обороты которых составляли свыше 10000 руб. и не менее 20000 руб. в год».[211]

Командир 4-й сотни Ингушского конного полка, кавалер золотого Георгиевского оружия, поручик Крым-Султан Бонухоевич Базоркин

Важнейший вопрос социально-экономического развития – земельный – оставался неразрешенным. К 1915 г. общая площадь посева в нагорной Ингушетии составляла 1208,5 десятин (1320 га), а в плоскостной – 23431 десятин (25598 га),[212] т. е. в среднем около 0,4 десятин на душу. Население в 1915 г. составило 57202[213] (по другим данным – 57,5 тыс.)[214] человек. Сельское население на плоскости сильно уплотнялось, как за счет прироста коренного населения, так и за счет переселенцев с гор. Посевная площадь претерпела такое же уплотнение за счет сокращения сенокосных мест, частью за счет аренды у казаков и помещиков.[215] К началу мировой войны насчитывалось уже 14 ингушских хуторов (Алкун, Галашки, Даттых, Мужич, Мершед, Гадаборш, Мергист, Аршты и др.) на арендованных землях.[216]

С начала самой войны хозяйство горцев, в частности ингушей, подверглось особенно тяжелым потрясениям.[217] К 1916 г. количество земли сократилось до 3,4 десятин на душу.[218] В 1916 г. посевная площадь уменьшилась до 24639 га, количество крупного рогатого скота – до 35366 голов (в 1913 г. было 43199 голов), овец и коз – до 29163 голов (с 120628 в 1913 г.).[219] Так как кукуруза, почти единственная посевная культура ингушей, на внутреннем рынке за исключением винокуренного производства никакого спроса не имела и экспортировалась главным образом за границу, то ингушские хозяйства вынуждены были сократить возделывание ее и заменить кукурузу пшеницей и ячменем, но урожаи последних, ввиду низкого качества и истощенности имевшейся у горцев земли, а также отсутствия опыта и знаний получались чрезвычайно низкие, засоренные и пораженные головней.[220] Все это, обрушившись на слабую экономику тогдашней Ингушетии, помимо реквизиций скота, различного рода повинностей и прочих обычных явлений войны,[221] осложняло и не менее трудную общественно-политическую ситуацию в крае.

Тяжелые социально-экономические условия жизни основной массы горцев в немалой степени способствовали росту неподконтрольных ей, не «введенных в рамки», а вполне самостоятельных оппозиционных групп и оппозиционеров-одиночек как в стране в целом, так и в регионе. При этом отклик у передовых ингушских деятелей находили события, происходившие не только в самой Ингушетии, но и за ее пределами. Еще в июле

Группа офицеров и всадников Кавказской Туземной конной дивизии (Дикая дивизия). Соборная мечеть г. Петрограда, 1917 г. В центре – полковник Захир-Шамиль, внук имама Шамиля

Офицеры и всадники Ингушского полка Дикой дивизии

1906 г. под текстом обращения к наместнику Кавказа о нарушениях прав и избиении мусульман в Шуше и о спасении их можно обнаружить подписи ингушских студентов Б. Ужахова, И. Алмазова, С. Льянова, С. Джамботова, А.-Х. Тутаева, Горбакова и др.[222] Уже после окончания революции 1905-1907 гг. в оппозиционном движении края начинается оживление. В секретных делах тайной полиции в Петербурге появляются фамилии социал-демократов ингушей.[223] Так, исключенный за участие в студенческих выступлениях из технологического института в Томске Берса Кодзоев, подозреваемый в участии во владикавказской социал-демократической организации, выслеживался полицией не только во Владикавказе летом 1911 г., но и в Томске, куда он уехал в сентябре того же года, как и другой студент-ингуш Томского технологического института Хамурза Льянов.[224] В 1911 г. оба – и Кодзоев, и Льянов – были исключены из института за антиправительственную деятельность.[225] Усиление охранительных методов в межреволюционной России вынуждало трансформировать серьезные политические требования во внешне нейтральные – о расширении просвещения, открытии школ в плоскостных и горных селениях и т. д.

Если говорить о деятельности политических партий в Ингушетии того периода, то несмотря на расширение доступа ингушей к промышленным центрам, в которых концентрировались и активные политические силы, не отмечается резкого роста членства ингушей в различных партиях.

Тем не менее, еще в апреле 1905 г. III съезд РСДРП в Лондоне «поручил центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе, чтобы обеспечить эффективную

поддержку революционно-освободительного движения трудящихся Кавказа».[226]

В мае 1909 г. по заданию большевистского ЦК во Владикавказ отправляется С.М. Киров. Будучи талантливым журналистом, он искал пути к взаимопониманию с местной интеллектуальной элитой. Его статьи во владикавказской газете «Терек» оказывали не только большую помощь партийным организациям Северного Кавказа, но и влияние на умы образованных людей.[227] На страницах «Терека», считавшегося либерально-демократической газетой, Киров выступал и по вопросам народного образования.[228] Когда же Владикавказская дума согласилась с внесенным в декабре 1910 г. предложением членов земельной комиссии о лишении горцев права аренды городских земель, Киров, отмечая с возмущением, что «отныне ни один ингуш не вправе арендовать городские земли», писал: «Отныне взмахом вычеркнули из числа населения целую народность, объявив ее граждански неправоспособной».[229]

Кавалер Золотого Георгиевского оружия, генерал-майор Тонт Наурузович Укуров

Усиление демократических оппозиционных настроений в среде местной общественности, рост влияния левых партий сочетались и с «традиционно кавказскими» методами антиправительственной борьбы: активными – в форме абречества – и пассивными – в виде религиозного проповедничества.

Правительство не ограничивалось пассивной обороной, о чем свидетельствует и «высылка из Чечни и Ингушетии в 1912 г. около 10 виднейших шейхов в Калугу и Астрахань, и принятие чрезвычайных мер для поимки… Зелимхана».[230] И хотя последнего удалось, благодаря предательству, убить близ с. Шали в Чечне в сентябре 1913 г., абречество сохранялось как в Чечне, так и в Ингушетии. Его видными участниками в Ингушетии были Эльберд Патиев, Шамо Богатырев и др.[231]

В связи с начавшейся летом 1914 г. войной власти сразу же прибегли к ужесточению военно-полицейского режима, как испытанному способу усмирения возможных беспорядков. Особым распоряжением от 13 августа 1914 г. Терская область объявлялась на положении «чрезвычайной охраны», а 16 августа в области было введено «временное положение о военной цензуре».[232]

В условиях войны Россия столкнулась с множеством проблем, особенно острой из них стала неподготовленность страны к войне. В этих условиях шел процесс мобилизации не только имеющихся на тот момент вооруженных сил, но и активно формируются отдельные соединения, в которых так нуждалась армия Российского государства.

Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени, полковник Касым Гайрбекович Долгиев

Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия, генерал-майор Эльберд Асмарзиевич Нальгиев

В августе 1914 г., с началом Первой мировой войны Высочайшим указом было решено сформировать из горцев-добровольцев Кавказскую Туземную конную дивизию (КТКД).[233] В приказе № 2885 Главного управления Генерального штаба от 8 августа 1914 г. говорится о создании управления дивизии, 5 конных полков (Чеченского, Кабардинского, Черкесского, Татарского и 2-го Дагестанского) и Аджарского пешего батальона.[234] В новом приказе № 3134 от 23 августа 1914 г. отмечается, что «ныне по обстоятельствам военного времени признано необходимым сформировать из кавказских ингушей… еще Ингушский конный полк».[235]

Создав Кавказскую Туземную конную дивизию, Правительство России приняло тем самым во внимание воинские традиции северокавказских народов, тем более что горцы неоднократно доказывали на полях сражений свою природную отвагу, мужество и искусство военного дела. Добровольное вступление в ряды КТКД представителей горских народов, в том числе ингушей, явилось тому подтверждением.

КТКД насчитывала шесть полков, сведенных в три бригады. В состав первой бригады входили Кабардинский и Дагестанский полки, вторая бригада была представлена Чеченским и Татарским полками, Ингушский и Черкесский полки входили в состав третьей бригады. Процесс комплектования полков Дивизии был ускорен, поскольку этого требовали условия военного времени.

Комплектование полков проходило достаточно успешно: недостатка в добровольцах не было, даже, как отмечали высшие чины администрации Терской области и Военного министерства, был избыток добровольцев, что послужило поводом для создания особых отборочных комиссий в каждом округе области. Это свидетельствовало как о непреходящем авторитете военной службы у горцев и успехе патриотической пропаганды, которая велась в стране, так и о не растраченном целиком кредите доверия горцев к власти и власти к ним.

Полковник Ярыч Богучаевич Хантыгов

В сентябре 1914 г. все полки Дивизии были полностью укомплектованы и вооружены. Первым командиром Ингушского полка в период с 1914 по начало 1917 гг. был абхазец по происхождению, полковник Георгий Алексеевич Мерчуле. В начале 1917 г. его сменил полковник Асланбек Байтиевич Котиев.

Ингушский конный полк принимал участие в военных действиях на Юго-Западном и Румынском фронтах.

В первых декабрьских боях 1914 г. в Карпатах (Галиция) ингушские волонтеры показали себя с самой лучшей стороны, проявляя особую доблесть и военное мастерство в «конных атаках,… представлявших собой

страшное и незабываемое зрелище».[236] Ингуши приняли участие в военных действиях у с. Быбне. Проявлявшие стойкость в столкновениях с неприятелем, ингуши заслужили репутацию надежных, доблестных и стойких в боях воинов. Уже после боев при Рыбне, в конце 1914 г., Георгиевскими крестами были удостоены младший урядник Ахмет Оздоев, всадники Ахмед и Бахаудин Мальсаговы и мн. др.[237]

Полковник Габерт Ахриев

Сложность положения полков Дивизии в первые месяцы войны на Юго-Западном фронте обуславливалась не только характером театра военных действий, сколько сложившейся общей тяжелой обстановкой. И без того сложное положение затруднялось огромными препятствиями, с которыми был сопряжен подвоз к району боевых действий боеприпасов и продовольствия. Однако несмотря на все трудности войны, ингуши, равно как и представители других кавказских народов, входивших в состав КТКД, мужественно выносили все тяготы войны, сохраняя при этом верность обычаям и традициям в этих непростых условиях.

Неудивительно, что это воинское формирование по своему содержанию, внутренней атмосфере и взаимоотношениям между офицерами и нижними чинами, не имело ничего общего с другими воинскими соединениями русской императорской армии. Это касалось не только обмундирования, боевой подготовки, но, прежде всего, социального и религиозного состава.

С 1915 г. Восточный русский фронт стал основным театром военных действий Первой мировой войны, так как именно здесь Германия и ее союзники сосредоточили главные силы. В первой половине февраля 1915 г. одним из наиболее важных событий стали действия полков дивизии у с. Цу-Бабино, где активное участие принял Ингушский конный полк.

Генерал Персидской армии, штабс-ротмистр Ингушского конного полка КТКД, полный кавалер Георгиевских крестов Заурбек Темаркович Бек-Боров

Действия КТКД весной 1915 г. также отличались большой активностью в связи с тем, что Юго-Западный фронт в этот период продолжал приковывать к себе значительные силы австро-венгерских войск. Действия кавалерии, в том числе полков Кавказской Туземной конной дивизии, выражались в непрерывных атаках позиции австрийцев и занятии их укрепленных районов. Говоря о полках Дивизии в этот период, следует отметить, что их действия носили характер большой активности, при этом большинство возложенных на них командованием боевых задач, выполнялись ими мужественно и самоотверженно, какими трудными и сложными они не были.

Весь 1915 г. полк, как и вся Дивизия, воевал на Юго-Западном фронте, в Галиции и на р. Сане, а зимой

Полковник Пшемахо Долакович Дахкильгов

1915-1916 гг. дивизия отличилась в ходе оборонительных боев в верховьях р. Днестр.[238]

В 1916 г. в соответствии с договоренностями, достигнутыми между союзниками еще в декабре 1915 г., Россия начала подготовку к наступательной операции на Юго-Западном фронте, которой придавалось большое значение. Успешное наступление войск Юго-Западного фронта заставило Германию в спешном порядке начать переброску своих войск с западного фронта для укрепления позиций австро-венгерских войск.

Своеобразной вершиной боевого пути Ингушского конного полка стал бой у деревни Езераны (Езержаны) 15 июля 1916 г., в ходе которого Ингушский конный полк столкнулся с отборными германскими пехотными частями, отличавшимися особенно высокой боеспособностью и выучкой. Блестящая победа в этом сражении (убито 230 и взято в плен 134 немецких солдата и офицера захвачено 5 орудий) дорого обошлась полку, потерявшему 19 человек убитыми (в том числе командира 3-й сотни, штаб-ротмистра С.-Б. Бек-Борова и командира 4-й сотни, поручика К.-С. Базоркина) и 38 ранеными.[239] Тяжелые потери Ингушский конный полк понес и в других операциях, например в боях на р. Стрыпа у селения Соколув и др.[240].

Осенью 1917 г., в условиях стремительного распада русской императорской армии, Дивизия осталась одной из немногих воинских соединений в армии, не затронутой «революционной заразой».[241] Такая репутация безусловно сыграла свою роль в том, что именно на Дикую дивизию и 3-й Конный корпус генерала Крымова пал выбор как на основную ударную силу корниловского выступления осенью 1917 г. Однако нерешительность нового командования Дивизии (командир, генерал-майор князь Д. Багратион; начальник штаба, полковник Н. Гатовский) сыграли на руку Временному правительству и большевикам, которые, воспользовавшись этим, сумели через мусульманские делегации заручиться нейтралитетом Дивизии в разгоравшемся перевороте в столице России. В тот период Ингушский конный полк сыграл ключевую роль в судьбе России.

Полковник Казбулат Пошевич Пошев

Генерал Корнилов составил высокое мнение о туземных кавказских частях еще в бытность командующим Юго-Западного фронта. После назначения его Верховным главнокомандующим, Корнилов 21 августа 1917 г. издал приказ о переформировании дивизии в Кавказский Туземный конный корпус.[242] Это соединение намечалось использовать в качестве авангарда в походе на большевистский Петроград. В частности, планировалось, что корпус с ходу займет пригороды Петрограда – Царское Село и Гатчину.[243]

Уже вечером 28 августа полки третьей бригады (Ингушский и Черкесский), направленные на разведку

Крайний справа – поручик Зубейр Чориевич Котиев

в предместья Петрограда, «прослышав что-то недоброе, сначала отказались идти, но потом двинулись».[244] О самом плане Корнилова офицеры и всадники полков дивизии узнали из газеты «День», которую сумели достать на ст. Сусанино.[245]

Временное правительство относилось вполне серьезно к опасности, исходящей от Дикой дивизии. Наибольшее опасение Временному правительству внушали Ингушский и Черкесский полки, которые шли в авангарде наступавшей дивизии.[246] Временное Правительство, вполне осознавая, какую опасность представляет собою дивизия, начало предпринимать решительные меры. А именно – прибегла к своему испытанному на других воинских частях методу революционной пропаганды с целью разложить дивизию изнутри. Председатель Временного правительства, министр Керенский решил использовать для переговоров с всадниками дивизии лояльные правительству «мусульманские делегации». Две попытки «делегатов» пройти на расположение частей дивизии были жестко пресечены офицерами и старшими всадниками Ингушского и Черкесского полков. Третью усиленную делегацию возглавил непосредственно председатель Всероссийского мусульманского Совета (ВМС) А. Цаликов, зампред Всероссийского мусульманского военного Совета (ВМВС) У. Токумбетов, член ВМВС, штабс-капитан И. Кугушев, представитель Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана А. Намитоков.[247] В составе делегации, кстати, находился и бывший депутат I и II Государственной думы Т. Эльдерханов.[248] Им удалось добиться разрешения поговорить с командованием и всадниками. В результате разъяснительной работы офицеры и всадники Дикой дивизии выработали совместный меморандум, согласно которому части дивизии придерживались нейтралитета в полити-

ческом противостояний двух сторон.[249] Отказ этот предрешил судьбу всего выступления генерала Корнилова. Возможно, что в случае его успеха новая история России могла бы пойти по иному пути.

2 сентября 1917 г. Петроградское телеграфное агентство передало в эфир решения, выработанные в совместном меморандуме дивизии и уполномоченных Временным правительством делегации, основными из которых были: 1. защита Отечества от внешнего врага; и 2) нейтральность к политическим действиям Временного правительства.

Абсолютное число всех офицеров и всадников Ингушского конного полка, за проявленные в годы войны мужество и воинскую доблесть были отмечены многими различными наградами: орденами Святого Георгия, Святого Владимира, Святой Анны, Святого Станислава, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и медалями, а также иностранными (союзническими) орденами и медалями. Наибольшее количество наград, полученных ингушскими всадниками в период с 1914 по 1917 гг., были Георгиевские кресты. Полными Георгиевскими кавалерами стали 26 офицеров и всадников Ингушского полка (штабс-капитаны Заурбек Бек-Боров и Султан Долтмурзиев; поручик Магомед-Султан Дахкильгов; подпоручики Асланбек Маматиев и Алисхан Плиев; прапорщики Арчак Арчаков (служил в Чеченском полку), Бексултан Исиевич Бекмурзиев, Бета Гагиев, Эсаки Дзагиев, Осман Киев, Беслан Маршани, Исмаил, Марзабек, Мурад и Муса Мальсаговы, Хаджи-Мурад Местоев, Ахмет Оздоев, Хизир Орцханов и Абдул-Азис Холухоев; юнкера Магомед Боголов и Юсуп Плиев; вахмистры Хусейн Костоев и Ахмет Мальсагов; старшие урядники Джабраил Холухоев и Хасбот Картоев; урядник Заули Цороев[250]). Следует

Штабс-ротмистр Сейт Тейпович Тонгиев (стоит справа)

отметить, что всадники Ингушского конного полка были заслуженными лидерами среди Георгиевских кавалеров Дивизии: ни одна народность Северного Кавказа, из представителей которых была сформирована Дикая дивизия, не имела столько полных Георгиевских кавалеров, сколько ингуши. Все вышеуказанные офицеры были удостоены полного Георгиевского банта до получения ими первого офицерского чина.

Ингушский конный полк, равно как и другие полки, входившие в состав Кавказской Туземной конной дивизии, являл собою убедительное свидетельство того, что горские народы Кавказа в ходе Первой мировой войны сохранили национальное лицо, остались верны присяге и воинскому долгу, многократно проявляя отвагу, мужество и великолепный воинский дух в боях с общим врагом.

Также следует отметить, что ингуши принимали участие в Первой мировой войне и в составе других частей и соединений Русской армии.

Таким образом, после окончания революции 1905-1907 гг. большинство проблем, наиболее остро стоявших перед Ингушетией в начале XX века, остались нерешенными. Усилилось в то же время социальное расслоение в ингушской среде. В Назрановском округе выделилась пока еще немногочисленная прослойка сельской и торговой буржуазии, а также административно-бюрократический слой горской номенклатуры, сращенной с частью духовенства. Именно на этих последних опиралась власть в своей карательно-профилактической деятельности, которая не ослабевает после поражения революции 1905-1907 гг.

В то же время появилось понимание неэффективности применения исключительно карательно-репрессивных методов в борьбе с различными формами национально-освободительного движения, имеющего истоком реальные экономические и культурные проблемы колонии. Наиболее дальновидная и гибкая часть кавказской администрации идет на ряд шагов в культурно-просветительской (сотрудничество с Обществом просвещения ингушского народа) и общественно-реформистской сфере (примирительных съездов казаков и ингушей, осетин и ингушей, съезда народов Терской области и т. д.)

Тем не менее, эти половинчатые и малосодержательные лавирования администрации не решали коренным образом ни одной проблемы, стоявшей перед Ингушетией в этот период.

Нерешенность этих проблем, касавшихся основной массы горского населения, неспособность и нежелание властей заняться вплотную их разрешением толкали в сторону левого радикализма (лозунги которого наиболее полно отражали надежды и чаяния народов окраин империи) значительную (хотя еще и не преобладающую) часть нарождающейся ингушской интеллигенции. В ходе Первой мировой и Февральской революций, а также иных связанных с ними событий, в которых активно участвовали ингушские колониальные иррегулярные части, этот процесс коснулся и части военного сословия Ингушетии – как офицеров, так и рядовых участников войны.

Таким образом, к моменту Октябрьской революции 1917 г. в Ингушетии созрели достаточные предпосылки для вовлечения ее как одной из важнейших действующих сил процесса революционных изменений на юге России.

4. Просвещение и культура Ингушетии в начале XX в. – 1917 г.

Ситуация с просвещением в Ингушетии в начале XX в. была крайне тяжелой. Здесь функционировало лишь несколько школ: в станицах Троицкая и Слепцовская, во Владикавказе и Назране.

Назрановская горская школа сыграла очень важную роль в приобщении ингушей к грамоте. Ее недочеты, так же как и серьезные недостатки во всех сферах деятельности царской администрации, не могли воспрепятствовать массовому стремлению ингушей к новой жизни, основанной на достижениях русской и мировой культуры.

По данным И. Пантюхова, в 1900 г. в Назрановской школе обучались уже 100 человек, и в том числе две девушки-ингушки. «Детей принимали в школу не знающими русского языка, – писал он, – но к концу обучения они не только хорошо говорят по-русски, но знают арифметику, имеют сведения по географии и истории».[251] Гораздо хуже, по словам Пантюхова, было поставлено здесь обучение арабской грамоте. В этом отношении Назрановская школа уступала примечетским школам, в которых обучались раздельно мальчики и девочки. Однако в этих школах ни дети, ни их преподаватели муллы не знали русского языка.[252]

Количество примечетских школ в Ингушетии было гораздо больше, чем светских. Практически они были во всех населенных пунктах. В 1909 г. их насчитывалось 25 с общим числом учителей – 29, учащихся – 341, в том числе 262 мальчика и 79 девочек.[253] В начале XX в. в Ингушетии были сделаны попытки организации средних мусульманских учебных заведений. Здесь открывались школы-медресе, где обучали будущих мулл, преподавателей арабского языка. Медресе имелись лишь в наиболее крупных селениях, и поступала туда незначительная часть лиц, окончивших примечетские школы.[254] Эти школы содержались за счет самих учащихся и добровольных пожертвований, в то время как на содержание Назрановской школы выделялись средства из государственной казны. Так, например, в 1902 г. для этих целей было выделено 3473 руб. 40 коп.[255]

Хакяш Лорсович Горчханов (1891-1939)

В 1901-1910 гг. смотрителем Назрановской горской школы являлся Гусев Алексей Макарович.. В 1910 г. его сменил Николай Глотов, который проработал в данной школе до 1916 г. Учителями Назрановской школы из числа русских в разное время были: Даниил Черкасов, Михаил Терещенко, Николай Иванович Ростов (в 1914-1917 гг. – смотритель школы) и др. Все они были настоящими профессионалами своего дела.[256]

В 1911-1916 гг. в школе преподавал Хакяш Лорсович Горчханов. В 1911 г. он закончил Тифлисскую учительскую семинарию. В том же году он был направлен учителем в Назрановскую горскую школу. В 1913 г. Х.Л. Горчханов сдал экстерном экзамен за полный курс Тифлисского института, не прерывая службы.

В национальных районах Российской империи, в том числе на Кавказе, народная школа являлась одним из средств русификации местного населения. После ре-

волюции 1905-1907 гг. правительство пошло навстречу стремлению народов иметь свою национальную школу. Вместе с тем учебная администрация проявляла нерасторопность в ее развитии. Одним из свидетельств этого является приводимый в заметке циркуляр попечителя Кавказского учебного округа: «Если до последнего времени русификацией было поражено только Закавказье, то теперь она торжествует по всему Кавказу. Родной же язык в начальных школах совсем в загоне. Так, 9 декабря 1912 г. вышел циркуляр попечителя Кавказского учебного округа, который предписывает уделять для русского языка и письма 12 ч. в неделю, а для родного туземного – вместе с письмом... всего 4 ч. Преподавание его представлено не учителям, а священникам и безграмотным муллам… Забывают господа хозяйничающие хозяева, да и знать они не хотят, что культурное развитие невозможно без развития языка. Нет культуры без языка».[257]

Осман Темуркович Мурзабеков (1889-1920)

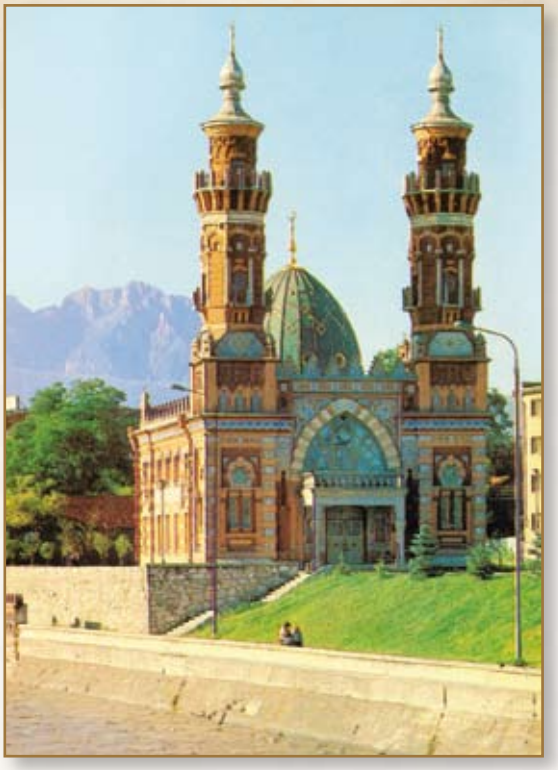
В 1909 г. вблизи селения Гадаборшево в своем имении Привольное на р. Камбилеевке открыла для ингушских детей частную школу Ю.В. Курута-Терпугова.[258]

Ингуши с благодарностью отнеслись к деятельности Ю.В. Куруты-Терпуговой. «Всякая моя беседа, встреча с ингушами, – пишет она, – кончается выражением горячей благодарности за содействие к устройству школы: «сам Аллах послал вас нам», «во всех наших одиннадцати мечетях молятся за вас», и т. д.».[259] В своей статье Ю.В. Курута-Терпугова приводит письмо учителя Ордубатского городского училища Эриванской губернии Магомета Чориевича Котиева, в котором выражается благодарность, за ее бескорыстную деятельность в деле просвещения ингушского народа.[260]

Одно время Привольненским училищем заведовал Осман Темуркович Мурзабеков.

Осман Темуркович Мурзабеков родился 10 августа 1889 г. в Джейрахском обществе. В 1911 г. Осман Темуркович окончил Ереванскую учительскую семинарию. В 1911-1913 гг. он заведывал Привольненским училищем. В 1913-1914 гг. он возглавлял Владикавказское русско-ингушское училище. Приказом Начальника Терской области и Наказного Атамана Терской области генерал-лейтенанта Флейшера за № 1879

Ученики Привольнинской ингушской школы Ю.В. Куруты-Терпуговой. Фотоснимок из журнала «Казбек»



Суннитская мечеть во Владикавказе

от 4 декабря 1913 г. О.Т. Мурзабеков был награжден медалью, учрежденной в память 300-летия Дома Романовых.[261] 26 сентября 1914 г., по распоряжению директора начальных училищ Терской области, он был назначен учителем Владикавказского 5-го городского приходского училища. В эти годы Осман Темуркович активно занимался просветительской деятельностью и публицистикой. Принял участие в Первой мировой войне. «После октябрьского переворота Осман Мурзабеков уехал в Баку, где позже возглавил департамент охраны железных дорог Мусаватистской республики. Как уже известно, в этот же период градоначальником города Баку был ингуш, ротмистр Гуда Гудиев. Совсем скоро судьбы двух земляков трагически пересекутся… Уже в 1920 году он был арестован чекистами… А 6 сентября 1920 года тифлисская газета «Вольный горец» сообщила о расстреле бывшего градоначальника города Баку ротмистра Гудиева и председателя горского парламента Рашидхана Капланова. По имеющейся информации, вместе с ними был расстрелян и О.Т. Мурзабеков».[262]

Ситуация с образованием по-прежнему была удручающей. Всего несколько ингушей имели учительское образование, лишь 9 человек из каждой тысячи были грамотными,[263] а «тяга к знанию у ингушей была сильна».[264] Проблемам образования были посвящены сразу несколько постановлений грозненского съезда 1909 г., активно обсуждались они и на страницах областной печати. Так, например, в 1910-1911 гг. отмечено сразу несколько публикаций в местных газетах за подписями таких представителей ингушской интеллигенции, как А.-Г. Гойгов, М. Котиев, заведующий Костековским училищем Х.М. Горчханов и др. В них содержались призывы к продолжению и усилению просветительской политики в Ингушетии и всей Терской области. Такую же направленность носил и ряд других публикаций, например, статья Хадажуко Арсамакова «Несколько слов об ингушах», вышедшая в 1911 г. в «Терских ведомостях».[265]

В декабре 1910 г. в статье А.-Г. Гойгова в «Терских ведомостях» говорилось о том, что после открытия училища в Насыр-Корте в ноябре того же года желающих поступить в училище было уже 300 человек (на 50 ученических мест).[266] Много в этот период было опубликовано материалов, свидетельствующих о постоянном вынесении ингушами на рассмотрение властей вопроса о народном просвещении. Помимо обсуждения этой проблемы на грозненском съезде, в периодической печати, в разнообразных прошениях вопрос о положении с образованием среди ингушей поднимался еще в момент создания Назрановского округа. На встрече ингушских делегатов с генерал-лейтенантом Маламой в Базоркине в августе 1905 г. ими было высказано желание иметь в каждом селении по одной русской школе.[267] Отметим также, что еще в 1905 г. численность учеников Назрановской горской школы достигла 150 человек.[268] Однако расходы на содержание школ в Назрановском округе с 1906 по 1910 гг. выросли лишь с 2473 до 4115 руб., тогда как тра-

ты на содержание должностных лиц достигли 19533.[269]

Жизнь настоятельно требовала светского обучения и приобщения народа к русской грамоте и культуре. Поэтому в администрацию края постоянно поступали просьбы горцев о предоставлении им возможности учиться в светских школах на казенный счет, что было связано также и с бедностью населения. Реагируя на эти просьбы, наместник императора на Кавказе граф Воронцов-Дашков обратился к попечительству Кавказского учебного округа с письмом, в котором он поддержал эти просьбы и выразил желание, «чтобы учебное начальство шло навстречу стремлению мусульман к просвещению и всячески содействовало им в удовлетворении возникающих образовательных нужд».[270]

В 1910 г., после многочисленных прошений сельских обществ, начальник Терской области генерал Толстов отдал приказ от 2-го апреля 1910 г. об открытии русских начальных школ во всех селениях 2-го Назрановского участка Терской области.[271]

Известный общественно-политический деятель и просветитель Магомед Чориевич Котиев (1886-1973)

В 1910 г. открылась школа в с. Гамурзиево. В том же году было открыто начальное училище в с. Насыр-Корт. Школа размещалась в центре села возле мечети и была построена из саманного кирпича на средства жителей села. В школе были три классные комнаты. «Наплыв учащихся, желающих поступить в последнее училище, был столь велик, что пришлось прибегнуть к метанию жребия, так как из 200 желающих поступить в училище во временном помещении с трудом можно было принять 45-50 человек».[272] Заведующим этим училищем был назначен Осман Эльмурзиевич Гойгов, который в 1913 г. тем же приказом, что и О.Т. Мурзабеков, был награжден медалью, учрежденной в память 300-летия Дома Романовых.[273] Насыр-Кортская начальная школа функционирует по сей день.

Жители селений Базоркино, Кантышево, Экажево, Сурхахи, Кескем также изъявили желание открыть у себя школы для обучения своих детей русской грамоте.

В 1911 г. в Ингушетии открылись начальные училища в девяти населенных пунктах.

На сегодняшний день старейшей на территории Ингушетии является Плиевская неполная школа. В 1911 г. в здании этой школы было открыто начальное училище. Школа была одноклассной. В первый год в школе училось 10 учеников. Первым директором этой школы был русский, бывший офицер царской армии Яков Васильевич (фамилия неизвестна). Вторым директором был Хаджи-Умар Газатович Льянов.

В 1912 г. в Реданте, вблизи существовавшего в то время рядом с Редантом Троицкого монастыря, Н. Голубевой была открыта школа для ингушских детей. Но вскоре из-за препятствий со стороны местных чиновников, школа была закрыта.[274] В это же время была открыта русско-ингушская школа во Владикавказе.[275] До революции 1917 г. была открыта женская гимназия в станице Слепцовской (совр. Орджоникидзевская). После 1917 г. в здании бывшей женской гимназии была открыта начальная школа.

„Грамотность на родномъ языкѣ составляетъ первый шагъ къ просвѣщенію."
Н. К. Ушаръ.

Ингушская азбука.

Ингушский алфавит, составленный Ф.И. Горепекиным

В 1913 г. в Назрановском округе насчитывалось 17 начальных училищ с 500 учащимися и 25 учителями.[276]

В 1914 г. в Назрановском округе, согласно отчету Наказного Атамана Терского казачьего войска, было открыто 6 новых школ.[277] В отчете Наказной Атаман отмечал, что дело просвещения у горцев Терской области подвигается медленно вследствие недостатка «в туземных школах опытных учителей».[278]

Несмотря на эти усилия состояние с народным просвещением в Ингушетии оставляло желать много лучшего. Ни одна школа в Ингушетии (впрочем, как и в Чечне, Кабарде и Балкарии, за исключением реального училища) не имела сколько-нибудь удовлетворительного помещения.[279] Уровень преподавания оставался невысоким. В ревизионных записях Насыркортовского. Долаковского, Яндырского, Барсукинского и других училищ за 1914 год отмечалось «слабое развитие русской речи, недостаточное овладение механизмом чтения и беглым счетом».[280] Лишь в 1915 г. с 1 по 15 июля были открыты методические курсы при Назрановской горской школе на 40 человек.[281]

Ничуть не лучше, чем с образованием, обстояли дела и со здравоохранением. Назрановский округ не имел ни одной лечебницы, а «окружной врач… выполнял исключительно судебно-медицинские обязанности».[282] Медицинский персонал округа, включавшего 70 тыс. человек и 150 населенных пунктов, насчитывал всего 6 человек, из которых половина проживала во Владикавказе. На 1 доктора приходилось 35 тыс., жителей на фельдшера 18-25 тыс. жителей, а на акушерку – все население женского пола. При этом собиралось на содержание этого штата 4500 руб. в год.[283]

В эти годы на первый план выходит своего рода «благотворительное» просветительство. Ингушской интеллигенцией организовываются во Владикавказе ингушские благотворительные вечера, которые иногда посещали начальник Терской области Михеев и его помощники.[284]

Васан-Гирей Эльджиевич Джабагиев (1881-1961)

Культурно-просветительские учреждения. В начале века во Владикавказе продолжало действовать «Общество распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области», основанное еще в 1882 г. Оно занималось в основном просвещением среди осетин, хотя ингуши – члены этого общества – и делали взносы, а потому справедливо сетовали на бездействие этого общества среди ингушей.

В большей мере распространению письменности среди ингушей способствовала деятельность новых обществ: «Общества по устройству народных чтений в г. Владикавказе и Терской области» и «Общество просвещения ингушского народа».

«Общество просвещения ингушского народа» было основано в 1907 г. во Владикавказе. Председателем общества был драматург К. Козлов. В 1913 г. председателем этого общества был избран Саадал Темуркоевич Ахриев. Членами этого общества состояли Магомед Джабагиев, Бекмурза Джантемиров, Бекмурза Мальсагов, Муртазали Базоркин, Касым Долгиев, Гермихан Мальсагов, Иналук Мальсагов, Ахметхан Мутушев, Борис Беме и др.

Возникновение этого общества было новым явлением в истории культуры ингушей. Целью данного общества было распространение школьного образования среди ингушей, а также устройство складов земледельческих орудий, кредитных обществ, открытие разных мастерских, больниц и т. д. Также общество оказывало материальную помощь студентам учебных заведений, имело право открывать начальные, средние и специальные школы для ингушей Назрановского округа с параллельным обучением арабскому языку и различным ремеслам. Материальные средства общества были ограничены, местная администрация не оказывала никакой помощи. Согласно уставу, членами общества могли быть все желающие и уплачивающие членские взносы, независимо от национальности, классовой принадлежности, вероисповедания и пола. Источниками основных средств были членские взносы, пожертвования и деньги, выручаемые от организации концертов, спектаклей, лотерей, скачек и т. д.

Магомет Эльджиевич Джабагиев (1872-1937)

Члены общества также собирали ингушский фольклор, предпринимали попытки создания ингушской письменности. Константин Козлов писал пьесы из ингушской жизни. 23 августа 1909 г. в летнем помещении клуба г. Владикавказа ингушская интеллигенция поставила его драму «Дочь Кавказа» в двух действиях на русском языке. В 1911 г. была издана отдельной книжкой в Москве новая пьеса К. Козлова «Многоженство».[285]

Ибрагим Бонухоевич Базоркин (1878-1948), публицист и инженер

7 апреля 1912 г. пьеса «Многоженство» была поставлена во Владикавказе силами любительского театра.

Весной 1914 г. общество, которое к тому времени насчитывало 60 человек, возглавил публицист А.М. Мутушев.[286] Само Общество обладало, по словам его председателя Ахмет-хана Мутушева, весьма ограниченными материальными возможностями, несмотря на то, что некоторые мероприятия, проводимые им, приносили весьма неплохие сборы. Например, состоявшийся 19 апреля 1914 г. в помещении общественного собрания ингушский вечер, «…прошедший с редким оживлением и с исключительным материальным и художественным успехом»,[287] принес 1803 руб. валового сбора, из которых 1500 руб. – чистой прибыли, и из этой суммы 500 руб. было «…выдано в пособие учащимся в средних учебных заведениях».[288] Но даже в этот период у Общества не было достаточных средств для развития просветительской деятельности на должном уровне.[289]

В 1914 г. «Обществу просвещения ингушского народа» для постройки школы для ингушских детей пожертвовал 500 рублей азербайджанский предприниматель из Баку Муртуз Мухтаров.[290] Им также были выделены средства для строительства Суннитской мечети в г. Владикавказе.

В начале XX в. начинания первых ингушских просветителей и мыслителей были подхвачены и продолжены новым поколением, второй волной просветителей, получивших отличное образование в различных учебных заведениях не только в России, но и в странах Западной Европы. К примеру, Васан-Гирей Эльджиевич Джабагиев, окончив Владикавказское реальное училище, учился в Дерптском политехническом институте, а затем в сельскохозяйственном институте в Йене.[291]

Берса Биботович Кодзоев (1888-1965)

Знакомство с Европой, которая в своем политическом, социально-экономическом и культурном развитии далеко ушла от России, не говоря уже о народах Северного Кавказа, заставило деятелей ингушской культуры по-новому посмотреть на проблемы, стоявшие перед Кавказом и перед Российской империей в целом. Теперь во главу угла ставился не простое обучение русскому языку, русской грамоте и русской культуре. На первый план выдвигался вопрос об автономном, самостоятельном развитии национальной экономики и культуры, о равенстве прав народов России во всех сферах жизни.

Известный просветитель и политический деятель культуры Магомед Чориевич Котиев, владевший несколькими европейскими и восточными языками, отстаивал необходимость создания в Ингушетии новых

школ, в которых уровень образования был бы приближен к уровню образования в городах России и Европы. Некоторое время, начиная с 1907 г., он сам работал учителем в Ингушетии, затем в Дагестане, Армении. В 1907 г. он предпринял попытку самостоятельно открыть школу в Горной Ингушетии. Открытая им в Джейрахе школа просуществовала всего полгода. По его ходатайству в Ингушетии было открыто шесть школ, предприняты попытки обучения на ингушском языке.

Этому способствовали во многом его публицистические статьи в газете «Терские ведомости», в журнале «Мусульманин», выходившем в Париже. В статье «Голос учителя-ингуша» он с горечью рассказывает об острой нехватке школ в Ингушетии, о своей готовности отдать все свои силы делу просвещения. «На всех учителей ингушей числом до 10 человек, – пишет он, – при первом же случае открытия школ в Ингушетии мы готовы жертвовать собой и карьерой и вернуться в невзрачные аулы для служения родному народу, чтобы приобщить своих темных братьев к культурному и просвещенному многочисленному русскому народу».[292] В том же году со страниц журнала «Мусульманин» М. Котиев обращается к своему народу: «Братья – ингуши! Пора и нам стать в ряды цивилизованных народов».[293]

Солидаризуясь с другими известными деятелями ингушской культуры, М. Котиев выступал как сторонник просвещенного ислама, который открывает широкую дорогу социальному равенству, науке, культуре. М.Ч. Котиев, дослуживший до чина ротмистра российской армии и имевший множество наград в Первую мировую войну, после революции вынужден был покинуть страну и эмигрировать в Турцию.

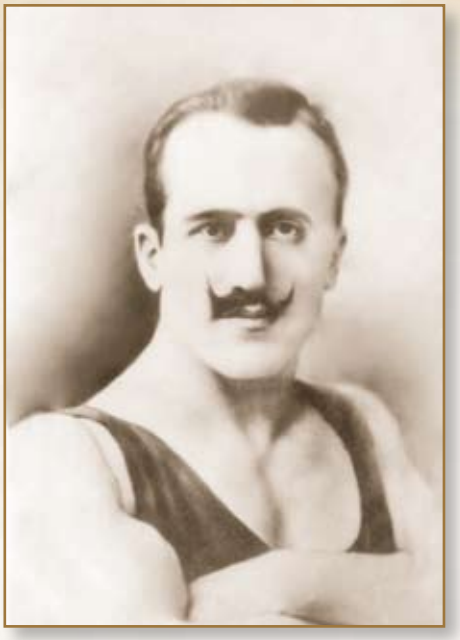
Проблема «национального своеобразия» и выживания ингушского народа выдвигается в этот период на первый план. Поэтому наряду с «охранительной» функцией ислама обсуждается также и охранительная функция родного языка и письменности на родном языке.

Было предпринято несколько попыток создания ингушской письменности. В 1902 г. В.-Г.Э. Джабагиев создал ингушскую азбуку на основе арабской азбуки. Здесь следует отметить, что арабской графикой, приспособленной к ингушскому языку, муллы пользовались и раньше.

Некоторые представители ингушской интеллигенции были за создание ингушской графики на основе латинского или русского алфавитов. В обществе развернулась дискуссия об основе ингушской графики. В этой связи в 1906 г. В.-Г. Джабагиев выступил во владикавказской газете «Правда» со специальной статьей «Ингуши и грамотность». Автор приветствовал идею издания первой книги на ингушском языке, выдвинутую обществом народных чтений, но при этом считал нецелесообразным строить ингушскую письменность на русской графической основе в соответствии с алфавитом, созданным П.К. Услар. Выдвигался целый ряд доводов в пользу арабской графической основы, и в том числе распространенность арабской грамоты среди ингушей, психологическую совместимость этой графики с мусульманским, религиозным сознанием и др.[294]

Вскоре его брат Магомед Эльджиевич Джабагиев создал ингушскую азбуку на основе латинского алфавита. В 1908 г. им была издана во Владикавказе книга «Ингуше-чеченская азбука». Азбука была выпущена в ограниченном количестве и еще в то время стала библиографической редкостью. М.Э. Джабагиев собирал ингушский фольклор, и записывал его с помощью созданного им самим алфавита. В 1935 г. в Париже он издал сборник ингушского фольклора под редакцией Ж. Дюмезиля.

В промежутке между 1909-1915 гг. ингушскую азбуку на основе русской графики создал исследователь ингушского фольклора и истории Фома Иванович Горепекин.



«Лев Кавказа» Берд Аржбериевич Евлоев

Ф.И. Горепекин является автором первого букваря на ингушском языке. С помощью созданной им ингушской письменности он записал большое количество фольклорных произведений ингушей. (Позже, в 1922 г. букварь Ф.И. Горепекина был принят к изданию «правительством Горской республики. Но из-за вмешательства местных партийных и советских органов, он был отвергнут, как непригодный»[295]). Ф.И. Горепекин изучил ингушский язык, изучал край, занимался археологическими раскопками. Он утверждал, что предки ингушей в древности имели свою письменность и опубликовал знаки этого письма, обнаруженные им на сосудах, найденных у с. Салги. В 1918 г. на съезде во Владикавказе 69 депутатами ингушского народа ему было присвоено звание «Наха сий дер» («Просветитель народа»), которым он очень гордился.[296]

В этот период появился еще один проект ингушской азбуки, автором которой являлся Осман Мурзабеков, также занимавшийся сбором ингушского фольклора.[297] Его перу принадлежат записи сказки «Триста золотых», легенды «Старик Дамба» и др.

Вопрос о необходимости создания ингушской письменности ставился даже на заседаниях товариществ кредитной кооперации, существовавших в Ингушетии с 1911 по 1918 г. Так, в журнале «Юго-восточный хозяин» сообщалось о совещании представителей ингушских кредитных товариществ, прошедшее в с. Гамурзиево 18 октября 1913 г., на котором помимо задач, связанных непосредственно с задачами товариществ, ставилась задача «побудить общественные научные силы, прежде всего, выдвинуть вопрос о создании ингушской азбуки и довести дело насаждения грамотности среди своего народа».[298]

Однако проекты ингушских просветителей и деятелей культуры как правило воспринимались с большим подозрением и очень часто игнорировались. Среди реакционной части российского общества сложилось убеждение, что у горцев нет склонности к учению, приобщению к русской и европейской цивилизации и даже к элементарному порядку. С горечью писал об этом еще в начале 60-х гг. Х1Х в. выдающийся кабардинский просветитель Кази Атажукин.[299] О том же пишут уже в начале ХХ в. ингушские деятели культуры. Отвечая на обвинения, которые прозвучали в адрес ингушей со страниц газеты «Новое время», В.-Г. Джабагиев писал: «Суть корреспонденции сводится к тому, что в разбое горцев не повинно ни малоземелье, ни налоговое бремя, ни невежество, словом, ничто, кроме «упорной враждебности» туземцев ко всякому порядку и гражданственности».[300]

С подозрением и большой опаской относилась царская администрация и к процессу сближения приобщившихся к грамоте горцев с представителями передовой русской интеллигенции. В связи с этим еще в конце 60-х гг. Х1Х в. был ужесточен прием горцев, получивших образование в гимназиях, в различные вузы России. Александр II 19 мая 1869 г. издал указ, согласно, которому «из гимназий Тифлисской, Ставропольской и Кубанской принимать в университеты не иначе, как при ручательствах за их поведение директоров означенных гимназий и попечителя Кавказского учебного округа». [301]

В этих условиях в начале ХХ в., в особенности после революции 1905 г., многие представители народов Северного Кавказа, находящиеся на службе в различных органах Рос-

сийского государства, приходят к выводу о необходимости проведения в России коренных политических и социально-экономических реформ с учетом интересов нерусского населения – так называемых «инородцев». Эти идеи поддерживаются и многими общероссийскими партиями: партией кадетов, большевиками и др. Все чаще и чаще на страницах российской периодической печати возникают дискуссии о национально-культурной автономии Кавказа, о сепаратизме. Постепенно горцы втягивались в эти дискуссии и в активную политическую борьбу за автономию Кавказа. Когда же свершилась Февральская революция, почти все они восприняли ее с большим воодушевлением в надежде на достижение долгожданной автономии, свободы и независимости горских народов Кавказа.

Вообще вся мыслящая, наиболее образованная и активная часть ингушского населения приняла прямое или косвенное участие в революционных преобразованиях 1917 г., занимая различные, порой противоположные позиции и мнения, но преследуя одни и те же цели – счастье и процветание народа. Достаточно в этой связи вспомнить, что братья Васан-Гирей и Магомед Джабагиевы были видными представителями Союза объединенных горцев и ярыми противниками большевизма, в то время как их старший брат Албаст стал на сторону большевиков.

В силу сложившихся обстоятельств в дореволюционный период некоторые образованные представители ингушей вынуждаемы были жить и работать вне пределов своего края. В Закавказье прошла деятельность Ч. Ахриева, А. Базоркина, С. Ахриева, А.-Г. Долгиева, Т. Ахриевой, О. Мурзабекова Г. Гудиева и др.

В предреволюционный период стала развиваться публицистическая деятельность Артагана Ужахова, Ибрагима Базоркина, Султана Альдиева, Абдул-Гамида Гойгова и др., но дальнейшая публицистическая деятельность развернулась в послеоктябрьский период.

Публицист Ибрагим Базоркин (1878-1948) являлся также одним из первых ингушских дипломированных инженеров.

К числу первых инженеров также относятся Берса Биботович Кодзоев, Бексултан Льянов, Иналук Анзорович Боров и др.

Иналук Анзорович Боров, сын участника русско-турецкой войны, прапорщика А.Д. Борова, после успешного окончания Императорского института железных дорог (г. Санкт-Петербург), работал на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) инженером в центральном офисе в г. Харбине (Китай). Летом 1917 г. он вернулся на Кавказ.

В 1908 году в Петербурге начал выступать в цирке мастер спорта по классической борьбе, чемпион Европы и мира Берд Аржбериевич Евлоев. Он был любимцем петербургской публики, участвовал в многочисленных соревнованиях, завоевывал призовые места. Петербургская публика прозвала своего любимца «Львом Кавказа».

Примечания:

1 Кабузан В. Население Северного Кавказа в XIX-XX вв. СПб., 1996. С. 82.

2 Эсадзе Л. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.II. Тифлис, 1907. С. 83.

3 Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление и управление Терской области в 80-90-е гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984. С. 61.

4 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 109.

5 Вертепов Г. Ингуши. Историко-статистический очерк // Ингуши. Сб. статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. (Сост. Танкиев А.Х.). Саратов, 1996. С. 169.

6 Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С. 234.

7 Хасбулатов А.И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии в капиталистическое развитие России (вторая половина XIX – начало XX века) // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – начало XX века). Грозный, 1986. С. 118.

8 Исаев С. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI-начало XX вв.), Грозный, 1979. С. 110.

9 Там же. С. 112.

10 Габисов Б.Г.Чеченцы и ингуши (проблема происхождения). Грозный, 1991. С. 46.

11 Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. М., 1976. С. 117.

12 Ратушняк В.Н. Развитие торгового земледелия и расслоение крестьянства Северного Кавказа на рубеже XIX-XX вв. // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 74.

13 Ортабаев Б.Х. Терское казачество накануне Великого Октября / Казачество в революциях и гражданской войне. Черкесск, 1988. С. 91.

14 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С. 23.

15 Там же. С. 27.

16 Магомедов М.А. Северный Кавказ в Октябрьской революции: реальность и вымысел // Революция и народы России: полемика с западными историками. М., 1989. С. 207.

17 Ахмадов Ш.Б. Источники о социально-экономическом развитии переселенческой деревни Терской области в пореформенный период //Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 66.

18 Мужухоева Э.Д. К вопросу о социально-политическом положении Чечено-Ингушетии накануне первой российской революции // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII- начало XX вв.). Грозный, 1986. С. 108.

19 Там же.

20 Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиев Н.Г., Сивохина Т.А. История России. М., 2002. С. 295.

21 Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1984. С. 83.

22 Этенко Л.А. В одном строю // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 143.

23 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. Грозный, 1991. С. 93.

24 Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1988. С. 119.

25 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 418.

26 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 94.

27 Там же.

28 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в – 1917 г.). С. 418.

29 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 105.

30 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 125.

31 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 104.

32 Там же.

33 Буркин Н.Г. Революция 1905 г. в национальных областях Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1931. С. 12.

34 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в-1917 г.). С. 421.

35 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 121.

36 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 102.

37 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). С. 421.

38 Там же. С. 421.
39 РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 30859. Л. 79.
40 Там же. Ед. хр. 30860. Л. 15.
41 Там же. Ед. хр. 30942. Л. 120.
42 Там же.
43 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 102.
44 ТВ. 2.02.1905.
45 ТВ. 19.05.1905.
46 Газ. «Казбек». 3.08.1905.
47 Ингушетия и ингуши. (Сост. Яндиева М.Д.). Т. 1. Назрань-М., 1999. С. 444.
48 ТВ. 17.02.1905.
49 Хасбулатов А.И. Приобщение к революции // Вехи единства. Грозный, 1982. С. 140.
50 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967. С. 168.
51 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 98.
52 Там же. С. 99.
53 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 141.
54 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 118.
55 Хасбулатов А.И. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии в период революции 1905-1907 гг. Грозный, 1966. С. 32.
56 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 168.
57 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 242.
58 Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1907 гг. Грозный, 1941. С. 95.
59 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 175.
60 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 132.
61 Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Т. 1. Орджоникидзе, 1980. С. 127.
62 Там же.
63 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 132.
64 Там же.
65 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 148.
66 Там же.
67 Буркин Н.Г. Указ. соч. С. 15.
68 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Владикавказ, 1929. С. 52.
69 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 175.
70 Северная Осетия в революции 1905-1907 гг. Орджоникидзе, 1955. С. 107.
71 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917 г.). С. 441.
72 Хасбулатов А.И. Революционная борьба трудящихся масс Терека и Дагестана в 1905-1907 гг. // Северный Кавказ в период революции 1905-1907 гг. Краснодар, 1981. С. 117.
73 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 180.
74 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 99.
75 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 183.
76 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 134.
77 Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Т.1. С. 263.
78 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 134.
79 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 238.
80 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 183.
81 Революция 1905-1907 гг. на Тереке. Т. 1. С. 248.
82 Газ. «Терек», 1.06.1906.
83 Там же.
84 Там же.
85 Газ. «Терек», 1.06.1906.
86 Газ. «Терек», 1.06.1906.
87 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 189.
88 Газ. «Терек», 6.06.1906.
89 Газ. «Терек», 7.06.1906.
90 Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 230.
91 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 138.
92 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 118.

93 Там же.
94 Там же.
95 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 160.
96 1905 год на Северном Кавказе. Сборник материалов и документов. №1. Ростов-на-Дону, 1926. С. 201.
97 Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М., Наука, 1986. С. 34.
98 Хасбулатов А.И. Революционное воздействие русского пролетариата на крестьянские массы Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 344.
99 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 118.
100 Там же. С. 128.
101 Джанаев А.К. С. 182.
102 Бушуев С.К.Указ. соч. С. 85.
103 Там же. С. 87.
104 Там же. С. 89.
105 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. С. 52.
106 ТВ. 9.02.1905.
107 ТВ. 8.04.1905.
108 Кодзоев Н.Д. История Назрани. Назрань, 1998. С. 15.
109 Ингушетия и ингуши. Т. 1. С. 60.
110 Газ. «Казбек», 11.08.1905.
111 Газ. «Казбек», 14.08.1905.
112 Газ. «Казбек», 13.08.1905.
113 РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1478. Л. 12.
114 Там же Л. 67.
115 Там же.
116 Там же. Л. 68 об.
117 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 144.
118 Там же. С. 135.
119 РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1478. Л. 110.
120 ЦГА РСО. Ф. 11. Оп. 52. Д. 849. Л. 1-4.
121 Там же. Л. 68-69.
122 Гакаев Ж. Он достоин памяти народной. Грозный, 1991. С. 11.
123 Там же.
124 Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне и в период революции 1905 года. С. 187.
125 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 471.
126 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 200.
127 Газ. «Терек», 17.08.1906.
128 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). С. 462.
129 Там же.
130 РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1478. Л. 69-69 об.
131 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 278.
132 Газ. «Терек», 4.07.1906.
133 Газ. «Терек», 4.07.1906.
134 Джанаев А.К. Указ. соч. С. 282.
135 Там же. С. 260.
136 Там же. С. 305.
137 Газ. «Терек», 5.03.1909.
138 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 66.
139 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 164.
140 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 66.
141 Тусиков М.Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, Гостипография Ингушетии, 1926. С. 71.
142 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 166.
143 Суламбек Гороводжев – герой из легенды // Возвращение к истокам: история Ингушетии в лицах и фактах (Сост. С.А. Хамчиев). Саратов, 2000. С. 188-207.
144 Казнь «правой руки» Зелимхана // Газ. «Кавказская копейка», Баку, 25 августа 1911. С. 4.
145 Там же.
146 ГАРФ. Ф. Д-4. Оп. 1912. Ед. хр. 180. Л. 34.

147 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 167.
148 ГАРФ. Ф.Д-4. Оп. 1912. Ед. хр. 74. Ч. 6. Л. 14.
149 Там же. Ед. хр. 180. Л. 2.
150 Там же. Л. 5.
151 Там же. Л. 33.
152 Там же. Л. 32.
153 Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великого Октября. Грозный, 1972. С. 49.
154 Газ. «Терек», 25.10.1906.
155 Газ. «Терек», 24.07.1906.
156 Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 51.
157 Там же. С. 53.
158 Там же. С. 54.
159 Там же.
160 Там же. С. 55.
161 История народов Северного Кавказа конец XVIII в. – 1917 г.. С. 474.
162 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 154.
163 Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 30.
164 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.1. С. 209.
165 Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 34.
166 Степанов П.Ф. Кредитная кооперация среди ингушей. Владикавказ, 1918. С. 14.
167 Там же. С. 22-23.
168 Там же.
169 Кооператор. Съезд членов Терского союза мелкого кредита // Журнал «Юго-восточный хозяин». 1914, 3 февраля. № 5. С. 15.
170 Малышев Ал. Ингушский кооперативный союз // Журнал «Юго-восточный хозяин». 1915, 18 декабря. № 45-47. С. 13.
171 Совещание представителей кредитных т-в Назрановского округа в сел. Гамурзиевском 16 июня с.г. // «Кооперативная мысль», 1918, № 18.
172 Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 226.
173 ТВ. 7.11.1891. № 87.
174 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае. Грозный, 1989. С. 59–60.
175 Терский календарь на 1901 год. Владикавказ, 1900. С. 128–129.
176 Хасбулатов А.И. Вовлечение сельского хозяйства Чечено-Ингушетии… С. 123.
177 Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях… С. 8.
178 Там же. С. 121.
179 Там же. С. 218.
180 Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в конце XIX – начале XX вв. (1890-1917) // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – начало XX вв.). Ростов-на-Дону, 1992. С. 114.
181 Там же. С. 106.
182 Колосов Л.Н. Расстановка классовых сил на Тереке в 1907-1914 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XIX – начало XX вв.). Грозный, 1979. С. 181.
183 Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 202.
184 ТВ. 24.06.1905.
185 Газ. «Терек», 11.07.1906.
186 Газ. «Терек», 23.06.1906.
187 Газ. «Терек», 29.07.1906.
188 Газ. «Терек», 29.04.1907.
189 Газ. «Терек», 25.05.1907.
190 Там же.
191 Там же.
192 Там же.
193 Бушуев С.К Указ. соч. С. 156.
194 Газ. «Терек», 26.05.1907.
195 Там же.
196 Газ. «Терек», 29.05.1907.
197 Газ. «Терек», 30.05.1907.

198 Бушуев С.К. Указ. соч. С. 156.
199 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 71.
200 Газ. «Терек», 13.06.1907.
201 Газ. «Терек», 15.06.1907.
202 Газ. «Терек», 13.06.1907.
203 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 203.
204 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 72.
205 Там же.
206 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 203.
207 Газ. «Терек», 12.04.1909.
208 Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в конце XIX-начале XX вв. (1890-1917)/ Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX-начало XX вв.). Ростов-на-Дону, 1991. С. 107.
209 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 159.
210 Ортабаев Б.Х. Указ. соч. С. 107
211 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 160.
212 Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 108.
213 Там же.
214 Кабузан В. Указ. соч. С. 175.
215 Тусиков М.Л. Указ. соч. С. 71.
216 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. С. 77-78.
217 Тусиков М.Л.Указ. соч. С. 71.
218 Там же. С. 62.
219 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 174.
220 Тусиков М.Л. Указ. соч. С. 72.
221 Там же.
222 Газ. «Терек», 22.07.1906.
223 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 183.
224 Там же.
225 Мужухоева Э.Д. Участие учащихся – горцев в революционно-освободительном движении // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI-начало XX вв.). Грозный, 1979. С. 120.
226 Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С. Указ. соч. С. 57.
227 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 116.
228 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в – 1917 г). С. 514.
229 Долунц Г.К. Киров на Северном Кавказе. Грозный, 1986. С. 30.
230 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 136.
231 Там же.
232 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 234.
233 Ингушетия и ингуши. Т. 1. С. 445.
234 РГАВМФ. Ф. 955. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.
235 Там же. Л. 15.
236 Марков А.Л. В Ингушском конном полку. М., 1997. С. 81.
237 Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. Нальчик, 1999. С. 61.
238 Карпеев И. Ингушский конный полк / Газ. «Ингушетия», 28.11.1996.
239 Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 277.
240 Карпеев И. Указ. соч.
241 Там же. С. 36.
242 Карпеев И. Указ. соч.
243 Мироненко В.М. Штурм века. Февраль-октябрь 1917. М., 1988. С. 101.
244 Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 395.
245 Там же. С. 396.
246 Марков А.Л. Указ. соч. С. 38.
247 Исхаков С.М. Февральская революция и российские мусульмане // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 199.
248 Гакаев Ж. Он достоин памяти народной. Грозный, 1991. С. 20.
249 Марков А.Л. Указ. соч. С. 39.

250 Информация предоставлена главным специалистом ГАС РИ И.Г. Алмазовым.
251 Пантюхов И. Указ. соч. С. 64-65.
252 Там же.
253 ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп.17. Д. 232. Л. 19.
254 Гонтарева Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Вып.1. Грозный, 1985. С. 135.
255 ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 284. Л. 53-54.
256 Гудиева Л.Х-У. О русских учителях, работавших в Назрановской школе. Ростов-на-Дону, 2005. С. 134-138.
257 Газ. «Правда», 1913 г., 8 января, № 6.
258 Курута-Терпугова Ю.В. История одной школы // «Мусульманин», №№14-17, Париж, 1911.
259 Там же. 633.
260 Там же. 633-634.
261 ТВ. 15.12.1913. №267.
262 Газдиев А. Чтобы знали и помнили // «Сердало», 2006, 1 февраля.
263 Этенко Л. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975. С. 27-28.
264 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. С. 124.
265 Колосов Л.Н. Чечено-Ингушетия накануне Великого Октября (1907-1917 гг.). С. 135.
266 ТВ. 15.12.1910.
267 Газ. «Казбек», 14.08.1905.
268 Кодзоев Н.Д. Очерки истории ингушского народа с древнейших времен до конца XIX в. С. 154.
269 Мартиросиан Г.К. История Ингуши. С. 161.
270 ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1. Д. 169. Л. 187.
271 Мартиросиан Г.К. Указ соч. С. 108.
272 Гудиева Л.У. Открытие новых начальных училищ на территории плоскостной Ингушетии в начале XX века // Материалы региональной научно-практической конференции «Вузовское образование и наука» 24 июня 2005 г. Магас, 2005. С. 243.
273 Там же.
274 РГИА. Ф.733. Оп. 186. Д. 1998. Лл. 48-49 // Цит. по: Дзаурова М.С. «Ингуш.., он чуткий затравленный невзгодами дитя природы» // Архивный вестник. Вып.4. Назрань, 2007. С. 17-19.
275 ТВ. 10.10.1913. №215.
276 Отчет Исполнительного комитета Автономной области Ингушетии за 1924-26 гг. Владикавказ, 1926.
277 Выписка из личного всеподданнейшего отчета Наказного Атамана Терского казачьего войска за 1914 г. по гражданской части // РГИА. Ф.733. Оп. 186. Д. 1998.
278 Там же.
279 История народов Северного Кавказа (конец XVIII в – 1917 г). С. 511.
280 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. С. 294.
281 Там же. С. 295.
282 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. С. 128.
283 Газ. «Терская жизнь», 27.03.1914.
284 Газ. «Сердало», 20.01.1998.
285 Козлов-Сунженец К.К. Многоженство. Сцены в 4-х действиях из быта кавказских горцев – ингушей. М., 1911.
286 Газ. «Терская жизнь», 7.05.1914.
287 Там же.
288 Газ. «Терская жизнь», 22.04.1914.
289 Газ. «Терская жизнь», 7.05.1914.
290 «Мусульманская газета», 1914, №3, 24 января.
291 Долгиева М.Б. Жизнь, творческое наследие и эволюция взглядов В.-Г. Джабагиева. Назрань, 2000.
292 Котиев М.Ч. Голос учителя – ингуша // ТВ. 1911. № 158. С. 2.
293 «Мусульманин». Париж, 1911. № 22-23.
294 Джабагиев В.-Г. Ингуши и грамотность // Газ. «Правда». Владикавказ. 1906. № 29. С. 2.
295 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Статьи по истории Ингушетии. Назрань, 2002. С. 9.
296 Там же. С. 11-16.
297 Газиков Б.Д. Взгляд в прошлое. Назрань. 2002. С. 8.
298 Малышев Ал. Ингушский кооперативный союз // «Юго-восточный хозяин», 1915, 18 декабря. №№ 45-46-47. С. 13.

299 Атажукин К. Избранные труды. Нальчик, 1971.
300 Джабагиев В-Г. Разбой и ингуши // Газ. «Санкт-Петербургские ведомости». 1905. №117. С. 2.
301 ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 7. Д. 333. Л. 29.

Глава VIII

Ингушетия в 1917-1941 гг.

1. Рост национального движения в 1917-1918 гг.

Февральская революция 1917 г., приведшая к первой за долгие столетия смене общественного строя в России, мощным отголоском отозвалась во всех уголках рухнувшей империи.

5 марта 1917 г. во Владикавказе образовался т. н. «Гражданский комитет» из числа представителей крупной буржуазии, высших чиновников старого аппарата, офицеров, казачьих верхов, феодалов, духовенства и т. д.[1] Комитет был образован «по почину Владикавказского городского самоуправления… для поддержания спокойствия в крае и для проведения в жизнь распоряжений нового правительства» и включил казаков, осетин, ингушей, представителей горских народов и всех классов городского населения.[2] Этот орган подчинялся Временному правительству и представлявшему его в области комиссару. Комиссаром Терской области стал член партии октябристов, казачий полковник М.А. Караулов.[3]

В создавшихся условиях впервые четко оформляется ингушское национальное движение и его руководящие центры (наличие нескольких центров было связано с неоднородностью социальных слоев, выходцы из которых составляли те или иные политические группы). Вскоре был организован Ингушский национальный Совет. Во главе Ингушского национального совета стал Васан-Гирей Джабагиев. 22-23 апреля 1917 г. состоялся съезд представителей ингушского народа под председательством князя Т. Алхазова. Съезд избрал комиссаром Назрановского округа агронома М. Джабагиева, товарищем к нему инженера-технолога Х. Льянова, председателем Назрановского горского суда – Г. Мальсагова, членами Совета округа – прапорщика С. Альдиева, есаула С. Базоркина, прапорщика И. Мислаурова, кандидатами к ним – Ш. Куриева, И. Ужахова и поручика Э. Пошева.

Первый съезд горцев Северного Кавказа; г. Владикавказ. Май 1917 г.

Еще вечером 6 (19) марта 1917 г. во Владикавказе был избран ингушский исполнительный комитет (национальный комитет) из 9 человек, председателем которого стал отставной генерал Т. Укуров, его заместителем – М. Джабагиев, секретарем – Г. Ахриев (также в состав комитета вошли Д.-Х. Албогачиев, начальник Шатоевской тюрьмы Ш.М. Куриев, поручик Э.П. Пошев, поручик Б.Д. Долтмурзиев и др.)[4]

В это же время шли процессы объединения горских народов региона. 1 мая 1917 г. на I съезде представителей горских народов Кавказа были созданы Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (СОГСКД) и Горское правительство, в состав которых от Ингушетии вошел В.-Г. Джабагиев.[5] На съезде 1 мая 1917 г., организованном СОГСКД, В.-Г. Джабагиев был избран управляющим делами ЦК Союза.[6] Членами ЦК объединенных горцев от Ингушетии были генерал-майор Т. Укуров, студент Г. Ахриев, инструктор И. Мальсагов; членами областного гражданского исполкома – землемер Б. Джантемиров, И. Мальсагов, Г. Ахриев и Х. Арсамаков; наконец, комиссарами участков – А. Бек-Бузаров (1-й участок), С. Горчханов (2-й участок) и Х. Боров (3-й участок).[7] Кроме того, съездом были избраны делегаты на первый горский съезд: С. Альдиев, В.-Г. Джабагиев, С. Темиев и Т. Укуров.[8] В.-Г. Джабагиев вошел также в новый состав Терского облисполкома.[9]

Уже в это время в общественно-политической жизни Ингушетии становится заметным просоциалистическое направление. От Ингушетии в Терский гражданский исполком и Ингушский национальный совет был избран сторонник Кирова, откровенно симпатизировавший большевикам Гапур Ахриев.[10] Однако в этот период в целом, население склонялось к поддержке не успевшего еще себя дискредитировать Временного правительства, а значит и лояльных ему национальных Советов.

Важнейшей проблемой в первой половине 1917 г. стала проблема охраны правопорядка в области. В обстановке распада полицейских органов усилились разбои, грабежи, настоящим бедствием стали угоны крестьянского скота и т.д.[11] На первых порах политических преобразований в области ингуши взяли на себя поддержание правопорядка во Владикавказе, по собственной инициативе сформировав отряд городской стражи, весьма успешно функционировавший весной 1917 г.[12] Хотя проблема эта была застарелой и лишь обострилась в период политических потрясений, можно сказать, что новым ингушским властям удалось достаточно успешно справиться с ней весной-летом 1917 г. Активность новых властей округа отметил и Терский облисполком, за отличное руководство борьбой против грабежей вынесший благодарность комиссару М. Джабагиеву и постановивший «приветствовать ингушский народ с новой выбранной администрацией».[13]

К лету 1917 г. «в новой политической элите Ингушетии выделились две основные группы: группа интеллигенции во главе с братьями Джабагиевыми, которых также поддержала часть ингушского духовенства (шейх Гайрбек-Хаджи, муллы Т. Гиреев, И. Чапанов и др.), и группа офицеров (генералы Т. Укуров и Э. Нальгиев, полковники Г.К. Долгиев, К.С. Гойгов, А.К. Шахмурзиев, подполковник С. Тангиев и др.)», между которыми «вскоре… развернулась борьба за власть и влияние».[14] В июне Джабагиевым удалось добиться крупной победы в этой борьбе. Ими был созван съезд в Назрани, «на который прибыли, по приглашению М. Джабагиева, Шамсудин-Хаджи и Дени-шейх Арсанов».[15] Офицерство проиграло на съезде, который принял решение «удалить старый состав комитета… и избрать 3-х мулл с окладом 100 руб. в месяц».[16] Этими тремя «стали Тагир-мулла, Тарко-Хаджи и Сосламбек-Хаджи-мулла».[17]Джабагиевым удалось, заручившись поддержкой духовенства, обеспечить свободу маневра, в том числе в отношении сближения с казачьими умеренными верхами, но это привело впоследствии к тому, что часть интеллигенции, недовольная курсом СОГСКД, одним из лидеров которого был В.-Г. Джабагиев, отошла

от поддержки национальных органов. Именно на ее основе возникло социалистическое движение, которое позже стало основой революционно-демократических и радикально-революционных течений.[18]

2. Втягивание Ингушетии в гражданскую войну на Северном Кавказе

Падение Временного правительства ввергло область, как и страну в целом, в окончательный хаос. Еще 6 июля во Владикавказе в ходе очередной провокации погибло несколько ингушей[19] от рук солдат 135-го стрелкового полка. Еще несколько десятков ингушей погибли в ходе разразившегося в городе погрома.[20]

А 14 ноября установился многодневный фронт, окруживший всю Ингушетию.[21] Убийство Караулова 12 декабря на станции Прохладной, совершенное солдатами разложившихся частей, стало для правых поводом для развязывания открытого, ничем не ограниченного террора.[22]

Одновременно ультраправые намеревались решить и «большевистский» вопрос. 30 декабря 1917 г. контрреволюционно настроенные офицеры напали на Владикавказский Совет и арестовали его руководителей С. Буачидзе и М. Орахелашвили.[23] Лидер большевиков в регионе С. Киров сумел бежать. Политические позиции большевиков в центре области сильно пошатнулись. Ингуши и большевики впервые оказались, по сути, союзниками поневоле, параллельно подвергаясь преследованиям консерваторов – одни по национальным, другие – по политическим мотивам.

4 января 1918 г. близ Владикавказа взводом казачьего полка были убиты 5 ингушей, что вызвало ответные шаги со стороны последних, включая массовое выдвижение их к городу.[24] Столкновения в городе продолжались неделю и сопровождались грабежом города. Горское правительство, находившееся во Владикавказе, бежало в селение Базоркино, где оно передало ингушам 6 гаубиц.[25] Для ингушей, отряды которых под командой мулл и штаба во главе с полковником К. Гойговым[26] вели тяжелые позиционные бои по всему периметру границ Ингушетии, эта помощь была очень важна.

В этих условиях правые решили использовать созванный ими I съезд народов Терека в качестве политического обоснования готовящейся истребительной войны против наиболее «неблагонадежных» (а в революционной ситуации – особенно) ингушей и чеченцев. Именно поэтому на съезд не были приглашены представители этих народов.[27] Съезд начал свою работу в Моздоке 25 января. Выступившие на съезде представители контрреволюции требовали санкции съезда для общего наступления на чеченцев и ингушей.[28] Для того чтобы добиться согласия съезда и заручиться поддержкой максимального числа участников, правые готовы были даже пойти на компромисс с большевиками. Делегат Кизлярского отдела внес предложение немедленно рассмотреть вопрос о признании власти Совета Народных Комиссаров, чтобы якобы «получить поддержку в борьбе против горцев».[29]

Однако С.М. Киров, возглавивший деятельность большевиков на съезде, заявил в ответ на предложение размена признания власти СНК на санкционирование геноцида ингушей: «Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти».[30] Более того, большевики на съезде поддержали предложение социалистического блока о снятии с повестки дня вопроса об отношении к СНК, в обмен заручившись у съезда согласием на отклонение плана войны с ингушами. Съезд призвал народы Терской области к прекра-

щению братоубийственной войны и решил созвать новый съезд с участием всех народов, в том числе чеченцев и ингушей.[31] Здесь же была избрана делегация, которая должна была немедленно добиться прекращения военных действий.[32]

16 февраля 1918 г. в Пятигорске был созван II съезд народов Терека. Накануне правые организовали столкновения казаков и горцев (что помешало прибытию чеченской делегации в первый день работы съезда), а во Владикавказе организовали убийство троих ингушей, сопровождавших выехавшую на съезд делегацию от Ингушетии.[33] Целью этих терактов был срыв участия ингушей и чеченцев в работе съезда в Пятигорске.

Гапур Саитович Ахриев (1890-1920 гг.), видный деятель периода революционных событий и Гражданской войны на Северном Кавказе

Делегация во главе с Г. Ахриевым, к которой удалось присоединиться и главе чеченской делегации А. Шерипову, продолжила путь под охраной сотни Хакяша Дахкильгова, которая дважды – под Прохладным и Минеральными Водами – отбивала нападения бандитов, стремившихся не пропустить делегатов в Пятигорск.[34] Но она все-таки добралась до Пятигорска на восьмой день работы съезда, причем на вокзале ингушских и чеченских делегатов лично встретили С. Киров и Г. Аджиевский.[35]

Еще до своего прибытия на съезд ее члены направили телеграмму президиуму, зачитанную его председателем С. Такоевым. В телеграмме говорилось: «Мы, трудовой народ Ингушетии, с вами вместе должны излечить те болезни, которыми страдали мы все. Наглая контрреволюционная черная рука не дала возможности с вами вместе приехать в день открытия съезда. Но мы с вами и приедем к вам».[36]

Делегация выступила на съезде в союзе с наиболее влиятельным социалистическим блоком. С. Киров резко осудил тех, кто пытается «возложить ответственность за все то, что происходит в области на ту или иную национальную группу. И те, кто говорит, что в этом повинны ингушский и чеченский народы, те творят политическое преступление».[37] В итоге съезд окончательно снял с повестки дня превращение ингушей и чеченцев в своеобразных изгоев, признал их равноправными участниками общественных процессов в области, призвал к объединению всех революционных сил, признал власть Советов Народных Комиссаров, провозгласил образование Терской Народной Советской республики и избрал Терский Народный Совет.[38] Своеобразным закреплением этого успеха стал предложенный большевиками перенос работы съезда 7 марта в центр Терской области – Владикавказ.[39] II съезд народов Терской области завершил свою работу 15 марта 1918 г. уже в большевистском Владикавказе. Терско-Дагестанское правительство покинуло область и уступило место избранным съездом органам.[40]

В начале марта 1918 г. крайни правые организовали столкновение между ингушами и осетинами соседних сел Базоркино и Ольгинское.[41] С целью примирения враждующих сторон делегация областного съезда во главе с С. Кировым отправилась прямо на передовую. По свидетельству очевидцев, прибыв туда, Киров и члены делегации с белыми флагами стали между окопами осетин и ингушей.[42] При этом товарищ Кирова по делега-

Султан Заурбекович Альдиев, государственный и общественный деятель Ингушетии, участник всех съездов народов Терека, в 1920-х годах – член ревкома, заместитель председателя Облисполкома Ингушской автономной области

ции – балкарец Калабеков был убит. Но в итоге делегаты добились примирения враждующих сторон.[43]

С весны 1918 г. в ряду важнейших общественно-политических событий занимают свое место и съезды ингушского народа, первый из которых состоялся 15 апреля 1918 г. в Назрани.[44] Во дворе крепости в Назрани собралось около трех с половиной тысячи ингушей.[45] На съезде присутствовали С. Киров и нарком внутренних дел области Я. Бутырин.[46]

Для большевистских лидеров было необходимо добиться от ингушей важной уступки – наладить транспорт, в первую очередь железнодорожное движение между Бесланом и Грозным, нарушенное ингушами в целях обороны в дни боев с казаками зимой 1917-1918 гг.[47] Председатель Ингушского национального совета В.-Г. Джабагиев, испросив согласия престарелого Гайрбек-Хаджи (тем самым подчеркнув свое уважение ко все еще влиятельному духовенству и старейшинам), ответил на просьбу Кирова согласием.[48] Более того, на Назрановском съезде «полномочные представители ингушского народа единодушно одобрили провозглашение Советской власти на Тереке».[49]

Еще в конце марта 1918 г. Ингушский национальный совет заявил: «Ингушский народ и Совет идут рука об руку со всей революционной демократией области и России вообще… всеми своими реальными силами готов поддержать народный Совет и съезд как высший орган революционной власти в стране».[50] На столь однозначное заявление повлияли и позиция большевистских лидеров на II съезде народов Терека, и их действия в сфере решения кадрового и национального вопросов. По свидетельству Г.К. Мартиросиана, «в состав ингушской фракции Терского областного народного совета вошли С. Альдиев, Г. Ахриев, И. Базоркин, С. Караджев, П. Мальсагов, М. Саутиев и З. Тутаев».[51]

Представители Ингушетии заняли и некоторые ответственные посты в правительстве республики. В комиссариат по национальным делам был назначен Гапур Ахриев. Впервые представителю наиболее ущемленного прежде в правах народа области доверялась целая сфера (при этом наиважнейшая) отношений краевого масштаба.

Помимо ингушско-казачьего противостояния зимы 1917-1918 гг., в марте 1918 г. произошло крупное пограничное столкновение между Ингушетией и Осетией, в результате чего образовался фронт от Владикавказа до Муртазова – в урегулировании этой ситуации также участвовали большевики, при посредничестве которых удалось прекратить кровопролитие.[52] Неудивительно поэтому, что по-прежнему особую важность сохранял земельный вопрос. Декретом от 13 марта 1918 г. Терского областного Народного Совета все земли области переходили в распоряжение земельных Советов (сельских, хуторских, станичных, аульских, районных, отдельных, окружных и областного).[53]

Уже в марте 1918 г. Терский Народный Совет разработал инструкцию земельным отделам Народных Советов, в которой указывалось, что «в первую очередь должны удовлетворяться землей самые нуждающиеся, во вторую очередь – малоземельные, т. е. те, которым собственных или наделенных земель не хватает для пропитания семьи, в тре-

тью очередь землю получали остальные недостаточно обеспеченные землей хозяйства».[54] Большая часть ингушских хозяйств подпадала, разумеется, под эти первоочередные для оказания помощи категории. Эта инструкция за подписью главы правительства Терской республики Н. Буачидзе и ее наркома земледелия Ю. Пашковского дополнялась предложением «впредь до окончательного разрешения аграрного вопроса всем сельским, аульным и станичным обществам предоставить трудящимся все земли, которые сдавались ранее в аренду».[55] На состоявшемся в Грозном в мае 1918 г. III съезде народов области было принято решение о конфискации помещичьих земель и ликвидации частной собственности на землю. Более того, большевики пошли и на ряд конкретных мер. В частности, «весной 1918 г. … на основе добровольных соглашений Кабардинский округ передал Ингушетии 1010 десятин своих земель».[56] А на том же III съезде «Комиссару земледелия предлагалось приступить к устранению чересполосицы путем переселения жителей из некоторых станиц, которые были созданы на исконно ингушских землях и разделяли Ингушетию на две части».[57]

Юсуп Тохович Албогачиев (1887-1954 гг.), видный деятель периода революционных событий и Гражданской войны на Северном Кавказе, государственный деятель Ингушской АО. Фото 1920-х гг.

Даже противники большевиков свидетельствовали позднее, что весной-летом 1918 г. положение в Ингушетии вселяло большой оптимизм: «В то время весь ингушский народ, – писала спустя два года эмигрантская газета Горского правительства «Вольный горец», – шел за своим председателем совета, а за народом шли все бывшие военные и чиновники. Местная и областная власть были в руках демократии. Народ пользовался полной свободой и по своему усмотрению имел право выбирать и увольнять своих представителей власти. Казалось, что в мире нет свободнее народа, чем ингуши. Ингушетия представляла собой маленькую, почти самостоятельную, свободную демократическую республику… народ был доволен своим положением и существовавшей властью».[58] Разумеется, в условиях гражданской войны, разгоравшейся в стране, такая идеалистическая картина представляется приукрашенной, но очевидно что в целом она достоверно отражает сложившуюся ситуацию.

Тем не менее, политически активная часть ингушского общества была к этому моменту расколота. Если внушительная часть (ее взгляды отражали Г. Ахриев, Ю. Албогачиев, З. Тутаев, С. Альдиев) все более склонялась на сторону красных, то другая часть влиятельных ингушских деятелей (в основном – терявших имущество, влияние и власть с приходом нового режима) все еще служила надежной опорой Ингушского национального совета, возглавлявшегося Васан-Гиреем Джабагиевым, являвшегося одновременно членом и Терско-Дагестанского правительства. Сам Джабагиев в эти же дни работает над Северо-Кавказской декларацией о независимости, принятой 1 мая 1918 года. 11 мая 1918 г. в Тифлисе было создано Горское правительство, вскоре перебравшееся в Темир-Хан-Шуру.[59] К этим силам тогда еще отчасти примыкали и немногочисленные сторонники Добровольческой армии, почти целиком сосредоточенные в ингушском офицерстве, хотя «высшие военные чины из горцев являлись в большинстве проводниками старых монархических традиций».[60]

Муса Темуркович Саутиев, полковник. До февраля 1920 г. – командующий в оруженными силами Ингушетии. В 1920-х гг. – начальник землеуправления Ингушетии

Тем временем пожар гражданской войны подбирался и к границам Ингушетии. Мятеж, готовившийся с весны 1918 г. в «Осетинском национальном Совете» в Ардоне и хозяйственном совете Терского казачьего войска во Владикавказе, начался в конце июня 1918 г. в Моздоке. Его возглавил Георгий Бичерахов, сам себя называвший меньшевиком. Красноречиво определяет политическую мировоззренческую ориентацию Бичерахова хотя бы один лозунг из тех, под которыми шел мятеж: «Бей большевиков и ингушей».[61]

В первые дни своего развития мятеж имел успех. Бичераховцы овладели Прохладной и Котляревской. Их силы вплотную подошли к Владикавказу и угрожали Грозному. 20 июня, в день начала мятежа, во Владикавказе при попытке предотвратить присоединение к мятежу казаков и армейских частей был убит один из лидеров терских большевиков Ной Буачидзе. Отсутствовал и Киров – он находился в Москве, куда был командирован для организации помощи Терской области.[62]

23 июля 1918 г. во Владикавказе состоялось открытие IV съезда народов Терека. А уже в ночь с 5-го на 6-е августа вооруженные отряды бичераховцев под командованием полковников Соколова и Беликова совершили нападение на Владикавказ, стремясь захватить весь состав съезда.[63]

В этот критический момент немалую роль сыграло присутствие в городе крупнейшей фигуры большевистской партии на юге России – Г.К. (Серго) Орджоникидзе, который еще 9 июля прибыл в Терскую республику.[64] Под натиском мятежников он «вместе с небольшой группой большевиков и преданных Советской власти людей вынужден был срочно уйти в Ингушетию».[65] После прорыва мятежников во Владикавказ Ю. Фигатнер, Ю. Бутягин, Е. Богданов и Г. Ахриев перебрались к Г.К. Орджоникидзе, уже находившемуся в Назрани, в Ингушетии.[66]

По призыву Орджоникидзе в селении Базоркино собрался съезд ингушского народа, на котором вооруженные ингуши заявили, что они будут биться до тех пор, пока в состоянии держать в руках оружие.[67] Этому способствовали заявления Орджоникидзе от имени власти о том, что «Советская власть согласна передать ингушам земли четырех казачьих станиц, отделявших Горную Ингушетию от плоскостной»[68] (созданных в начале 60-х гг. XIX в. на отторгнутых у ингушей территориях).

Стремительности и эффективности военной организации красных, которой и занялся базоркинский съезд, во многом способствовало то, что в течение предыдущих лет Ингушский национальный совет проводил вынужденную подготовку оборонительного характера в условиях развязанной против Ингушетии местной контрреволюцией террористической войны. Благодаря этим усилиям «в короткий срок беспорядочные толпы крестьян были превращены в единую боевую организацию», а также «успешно решались вопросы обеспечения бойцов провиантом и боеприпасами».[69]

Ингушские отряды во главе с Хизиром Орцхановым, Юсупом Албогачиевым, Мусой Саутиевым, который с этого момента до февраля 1919 г. являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами Ингушетии,[70] Орци Цицкиевым и другими революционерами немедленно отправились во Владикавказ на выручку красных.[71] Начальником штаба назначили Сейта Тангиева.[72] Бывший полковник Русской Императорской армии Муса Саутиев, входивший в то время в Ингушский национальный совет и сыгравший важнейшую роль в подавлении мятежа, высоко оценивал роль Джабагиева и его соратников в организации отпора мятежу. Для руководства подавлением мятежа выбрали тройку в составе В.-Г. Джабагиева – председателя национального Совета, Исак-муллы Чапанова и М. Саутиева, причем шариатская часть возложена была на Чапанова, гражданская – на Джабагиева и военная – на Саутиева.[73]

Между тем мятежникам во Владикавказе удалось блокировать красноармейские казармы.[74] Ингушское командование немедленно развернуло наступление на Владикавказ через линию отделявших его от остальной Ингушетии казачьих станиц для оказания помощи еще державшимся в городе немногочисленным сторонникам Советов. Уже на момент съезда в Базоркино, по словам одного из участников событий большевика Б. Калмыкова, «собралось около 5000 верховых ингушей и до 1000 арб».[75] Однако ингушские отряды испытывали большие трудности с вооружением. После отклонения станицами предложения о добровольной сдаче начался штурм. Первой пала станица Воронцово-Дашковская. Джабагиев настаивал на немедленном ударе по наиболее укрепленной станице Сунженской, в то время как более осторожный Саутиев предлагал вначале овладеть хутором Тарским и отрезать линию станиц от Владикавказа окончательно. В итоге, поддержанный Чапановым и, возможно, Г. Ахриевым, также участвовавшим в обсуждении, в споре победил Саутиев.[76] В последующие дни хутор Тарский был взят. На очереди стояла самая укрепленная из станиц – Сунженская. Как вспоминал Саутиев, на третий день осады, представлявший интересы гражданского осетинского населения Чермен Баев, явился в штаб Саутиева и от имени осетин просил пропустить их в селение Ольгинское. На запрос Саутиева о беспрепятственном пропуске укрывшихся в станицах осетин, направленный руководителю обороны Сунженской – полковнику Рощупкину, тот вначале дал отказ, но после вторичного требования выпустить детей и стариков с угрозой, что в случае повторного отказа обороняющиеся ответят за судьбу гражданского населения жизнью, полковник согласился. Громадная колонна осетин – детей, женщин, стариков, включая множество священников, покинула Тарское и в сопровождении ингушских провожатых была через Гадаборшево и Базоркино переправлена в Ольгинское.[77] Вскоре казаки станицы Сунженской, наконец, капитулировали.

Во Владикавказе силы правительства Терской республики отступили за Курскую слободу.[78] Но уже 11 августа на помощь отряду А. Гегечкори и верным большевикам рабочим слободок прибыла ингушская часть, сформированная из партизанских сотен, находившихся в районе хутора Яндиево в общем резерве ингушских вооруженных сил, осаждавших станицы.[79] Как вспоминал участник обороны города Ахмед Мамилов: «Силы наши были уже на исходе, когда из ингушских сел пришла подмога. Отряд всадников, во главе которого был Мороз Матиев, разгромил врага и освободил Осетинскую слободу».[80] Уже на другой день белые были изгнаны за Чугунный мост.[81] В боях за город также участвовали грозненский отряд М. Левандовского, грузинский отряд А. Гегечкори, осетинские керменисты во главе с К. Кесаевым, Нальчикская коммунистическая рота Г. Маруды и китайские добровольцы Пау-Ти-Сана. 16 августа, после 11-дневных ожесточенных боев, Владикавказ был очищен от бичераховцев.[82] 18 августа в город из Ингушетии возвратились правительство и делегаты IV съезда народов Терека, а с 20 августа IV съезд возобновил свою работу.[83]

Многократно цитированное советскими историками высказывание Г.К. Орджоникидзе красноречиво свидетельствует о роли «ингушского фактора» в августовской победе 1918 г.: «Я помню момент перед концом IV съезда, когда мы висели на волоске, это был момент неуверенности, когда за нами не шли, а на нас робко оглядывались. И в этот момент одиночества Советской власти маленький ингушский народ весь встал на защиту Советской власти».[84] Схожие оценки событиям лета 1918 г. дала и противоположная сторона. А.И. Деникин, оценивая августовские события во Владикавказе и роль ингушского фактора в них, писал: «Ингуши – наименее численный и наиболее спаянный и сильный военной организацией народ – оказались по сути вершителями судеб Северного Кавказа… спасителями Терского Совета народных комиссаров».[85]

В середине 1918 г. прошли перевыборы в Ингушский национальный совет, в результате которых новым председателем совета стал отставной полковник бывшей царской армии Керим Гойгов, сменивший В.-Г. Джабагиева. В силу своего прекрасного образования и природного ума не доверяющий большевикам Джабагиев предпочитал сосредоточиться на работе по достижению международного признания по линии Горского правительства, еще в мае 1918 г. объявившего о независимости Северного Кавказа и нашедшего отклик у Германии и Турции. И в этих условиях Джабагиев после августовских событий уехал в Тифлис, где активизировал свою деятельность в составе Горского правительства, пытаясь спасти его от окончательного развала и превратить в реальный противовес, как большевикам, так и их крайним противникам.

Несмотря на продолжающееся усиление позиций большевиков в Ингушетии, умеренные сохраняли еще определенное влияние, пусть и среди наиболее зажиточной и образованной части ингушского общества. Относительный внутринациональный консенсус все еще сохранялся в той или иной форме стараниями умеренной части и коммунистов-ингушей, и Национального совета, и военной элиты, частично смыкавшейся с последним. Эти группы все еще пытались найти общий язык.

В конце сентября 1918 г. в с. Гамурзиево состоялось совместное заседание ингушской большевистской организации и представителей осетинской левой партии «Кермен»,[86] на котором «были намечены основы организационной работы и плана партийной пропаганды в Ингушетии».[87] 12 октября 1918 г. состоялся ингушский съезд в Назрани с участием Орджоникидзе, Бутырина и Паваландашвили, а также всадников ингушского полка бывшей Дикой дивизии. Последние, сочувствуя умеренным, пытались устроить большевистским представителям обструкцию, но под давлением большинства ингушей покинули съезд, представители которого «в тот же день извинились перед С. Орджоникидзе».[88]

Таким образом, подводя итог развитию Ингушетии в 1917-1918 гг. можно констатировать, что весной 1917 г. впервые в ее истории образовались сформированные из местных уроженцев властные структуры, и в результате можно говорить о складывании в этот период впервые ингушской политической элиты.

Однако с самого начала эта элита оказалась расколота на гражданскую, выступившую в союзе с духовенством, и военную – или офицерскую – фракцию.

К осени 1917 г. победителем в этой борьбе оказалась группа братьев Джабагиевых, возглавлявших гражданскую фракцию и тяготевших к идеалам горской социал-демократии и умеренного национализма, которые отстаивал СОГСКД, одним из лидеров которого и был В.-Г. Джабагиев.

Однако сразу после победы упомянутой фракции в борьбе за власть внутри Ингушетии, ей пришлось решать ряд острейших проблем, и на первом месте среди них стояла проблема национальная, обострившаяся в связи с фактическим началом казачье-ингушской

войны осенью 1917 г. В условиях, когда эта война поставила под вопрос само выживание ингушского народа, Национальный совет вынужден был искать хоть какую-то поддержку извне и нашел ее лишь в лице большевиков.

После шагов, предпринятых большевиками, ставшими законной властью в Терской области в марте 1918 г., к урегулированию земельных отношений в крае, потенциальный ингушско-большевистский альянс стал обретать реальные очертания, а затем и окончательно оформился в ходе противостояния бичераховскому мятежу летом 1918 г.

3. Ингушетия в период борьбы с Добровольческой армией генерала Деникина (1919-1920 гг.)

В 1918 г. Северный Кавказ и Ингушетия в частности стали одним из очагов разгорающейся гражданской войны.

Наиболее непримиримым в тот момент противником красных был генералитет, боровшийся за влияние с гражданской интеллектуальной элитой небольшевистского спектра. Именно военная верхушка стала костяком Добровольческой армии во главе с генералом А.И. Деникиным, открывшей фронт на юге России в конце 1918 – начале 1919 гг.

К началу 1919 г. она включала 5 пехотных и 6 конных дивизий, 2 отдельные конные и 4 пластунские бригады, армейскую группу артиллерии, запасные и технические части, гарнизоны в городах и станицах, всего – 40 тысяч штыков и сабель при 193 орудиях, 621 пулемете, 8 бронеавтомобилях, 7 бронепоездах и 29 самолетах.[89] Закономерно поэтому, что с 1919 г. южное направление, где действовала армия Деникина, становится, наряду с восточным, одним из важнейших, а к лету того же года – самым важным фронтом в гражданской войне. Действовавшая на Кавказе 11-я армия красных к концу декабря 1918 г. была истощена и небоеспособна, о чем в телеграмме Ленину сообщал Орджоникидзе, назначенный в январе 1919 г. председателем Совета обороны Северного Кавказа. 22 января 1919 г. был образован Комитет обороны Терской республики, куда вошли Я. Бутырин, С. Габиев, Н. Гикало, А. Дьяков, Б. Калмыков, Я. Маркус, Ю. Фигатнер и Г. Цаголов.[90] Наступление белых продолжалось. 21 января 1919 г. частям Шкуро удалось захватить станицу Котляревскую, а затем станицу Прохладную.[91] После падения 26 января Нальчика, XI армия окончательно потеряла управление.[92] Ее остатки стихийно начали отступление на восток, к Астрахани. Следующими в списке главных целей белых стали Владикавказ и Грозный.

Обелиск защитникам Долаково. Скульптор Б.М. Мерешков

После начавшейся 1 февраля осады Владикавказа, Г.К. Орджоникидзе со

Кози Олмазовна Долгиева (1901-1974), героиня антиденикинского сопротивления

штабом войск Н. Гикало, переехал в Базоркино.[93] Командование Добровольческой армии решило бросить на Западную Ингушетию и ее исторический центр Владикавказ лучшие свои части –3-й армейский корпус Ляхова.[94] 2 февраля дивизия генерала Геймана вторглась в Ингушетию, подойдя к Долаково и Кантышево.[95] Ингушам был предъявлен ультиматум, содержавший требования о разоружении и пропуске частей Добрармии через территорию Ингушетии на Владикавказ и Грозный.[96]

4 февраля 1919 г. был созван новый съезд ингушского народа в Базоркино.[97] К тому времени это село уже, по сути, стало временным военным и административным центром Терской республики. Предельно важным для большевиков было сохранение контроля над настроениями ингушских масс. Эту задачу Орджоникидзе облегчало как отсутствие гибкости в политике деникинцев, так и активность пробольшевистски настроенных ингушских деятелей.

На съезде 4 февраля разгорелась ожесточенная борьба.[98] Вызвана она была столкновением двух позиций – пробольшевистской фракции, безоговорочно выступившей в поддержку призыва Орджоникидзе к тотальному сопротивлению, и фракции умеренных из Национального совета, выступившей за невмешательство и удовлетворение требований белых о пропуске их войск через ингушскую территорию. Но ультиматум изначально включал не только этот пункт, но и восстановление разрушенных за период революции станиц и уплату всех убытков, причиненных казакам; выдачу всех служащих в Красной Армии и советских учреждениях, формирование двух конных полков (шестисотенного состава) и двух конных восьмиорудийных батарей для борьбы с большевиками.[99]

На принятие заведомо трудновыполнимых условий, или «на размышление» давался всего один час.[100] В этих условиях съезд, собравший более 10 тысяч вооруженных ингушей,[101] принял прогнозируемое решение, которое выразилось в резолюции, гласившей: «Съезд ингушского народа, выслушав представителей областной власти тт. Бутырина и Фигатнера о необходимости командировать на фронт вооруженные ингушские части, постановил: громогласно заявить, что ингушский народ с самого возникновения Советской власти стоит на платформе Советской власти и кровно связал свою судьбу с народной властью».[102] 6 февраля 1919 г. Г.К. Орджоникидзе отправил телеграмму В.И. Ленину, в которой говорилось: «Бои вокруг Владикавказа и Ингушетии продолжаются 7-й день. Все ингуши как один человек встали на защиту Советской власти. Среди ингушей небывалый подъем духа… На съезде вооруженного ингушского народа по моему предложению провозглашена независимая Горская Советская Республика».[103]

Горское правительство все-таки пыталось еще предотвратить расправу деникинцев над Ингушетией. Осенью 1918 г. на переговорах с Бутыриным В.-Г. Джабагиев и его соратник П. Коцев, хотя и не высказывались за безоговорочную поддержку большевиков, делая упор на идее горской федерации, все же выражали опасение в связи с возможно-

стью усиления на Кавказе движения Алексеева[104] (основателя Добровольческой армии). После предъявления ультиматума ингушам Коцев имел беседу с командовавшим союзными войсками в Баку английским генералом Томсоном с целью побудить союзников повлиять на своих подопечных – деникинцев и облегчить участь Ингушетии. Однако деникинцам играло на руку то обстоятельство, что «представители британского командования на Юге России… сочувствовали командованию Добровольческой армии и помогали ему…».[105]

Хакяш Дзаурбекович Дахкильгов, герой антидикинского сопротивления

Все это время военная активность белых не прекращалась как во Владикавказе, где их передовые отряды ворвались на окраины города, так и восточнее города. Здесь кавалерия деникинцев переправилась через Терек, перерезав дорогу, ведущую из Владикавказа, в 15-ти километрах севернее города,[106] но была в тот же день отброшена контратакой с трех направлений. Есть сведения о том, что в последней уже активно участвовали ингушские отряды.[107]

Поведение деникинцев автоматически подталкивало ингушей к сопротивлению, так как фактически заявленную позицию Добрармии невозможно было оценить иначе, как неоколониалистскую. Армия Деникина в Ингушетии и Чечне не столько боролась с большевизмом, сколько завоевывала заново эти территории. Раскол между белыми и ингушами окончательно оформился в первых масштабных сражениях на ингушской земле, разгоревшихся в первой декаде февраля 1919 г.

Бой за Долаково начался 8 февраля. Красные перебросили под Долаково незначительные подкрепления, в которые входили кавалерийская сотня сунженских казаков, отряды осетин-керменистов, грозненских рабочих, китайцев, кабардино-балкарского отряда Б. Калмыкова и, пожалуй, наиболее боеспособной в этом пестром ряду, команды курсантов Владикавказской инструкторской школы красных командиров.[108] Основная же тяжесть боев легла на ингушское ополчение из различных селений. В боях участвовало почти все население селений Долаково и Кантышево, включая детей и женщин. Среди наиболее известных случаев такого рода участие в долаковском бое женщин (Кози Долгиева, Айши Мурзабекова и др.),[109] глубоких стариков (Мурад-Хаджи Акиев, Баташ Чемурзиев, Боби Шибилов и др.)[110] и даже детей-подростков (Абдурахман Джандаров, Хасан Лячиев, Абдурахман Кульбужев – при этом первые двое погибли в ходе боев).[111]

Настоящей легендой Долаковского боя стал подвиг Хакяша Дахкильгова, прикрывавшего отход своих односельчан, затем забаррикадировавшегося в одном из зданий села и до последнего дыхания отстреливавшегося от наседавших врагов, которые, не сумев добиться его сдачи, сожгли героя заживо.[112]

Героически сражались братья Асолт, Карши, Адис, Керим и Иналук Долгиевы (все погибли), Бени и Бази Дахкильговы (погибли), Мурдал Мус-Хаджиевич Дударов (погиб), Ибрагим Тепсыркоевич Кодзоев (был ранен) и др.

Партизанский отряд с. Базоркино: командир отряда Товси-мулла Шадиев, помощник командира Кази-мула Гантемирова, начальник штаба Айдемир Долаков и партизаны. Фото 20-30-х гг.

В помощь Долаково и Кантышево все плоскостные селения Ингушетии выставили свои отряды.[113] Защитники ингушских сел уступали врагу как в численности, так и в техническом оснащении. Белые имели в артиллерии более чем трехкратный перевес.[114]

Тем не менее, в Долаково ингуши оказали такое сопротивление, что на две недели задержали занятие Владикавказа. Под соседним селением Кантышево три дня шли рукопашные схватки.[115] Именно это сопротивление, оказывавшееся противнику с отчаянием обреченных, позволило удерживать Долаково в течение 5 суток.[116] Деникин, признающий, что «большевики, совместно с ингушами, оборонялись с большим ожесточением», заявляет о том, что «на преодоление этого сопротивления – потребовалось шесть дней упорной борьбы».[117]

Защитниками руководил избранный на съезде в Базоркино Комитет обороны Ингушетии из 11 человек, в который вошли М. Саутиев, Ю. Албогачиев, С. Альдиев, М. Альтемиров, Х. Орцханов, И. Зязиков, А. Горчханов А.-Г. Гойгов и др.[118] Он четко определял тактику боев и закреплял за командующими отдельные участки фронта.[119]

Уровень организации обороны был столь высок, что он в конечном итоге позволил не только задержать белых, но и в одном месте – в районе Сагопши-Пседах-Кескем, где проходила линия обороны северо-западной Ингушетии со стороны Алханчуртской долины, – отбросить их. Здесь командир Черкеской дивизии, генерал Султан Келеч-Гирей, узнав, что ингуши настроены антиденикински, явился в мечеть и «дал слово прекратить всякое наступление и продолжать путь далее по казачьим станицам, вдоль Терека».[120] Брошенный затем на штурм селений Кескемского направления вместо Черкесской дивизии кубанский пластунский батальон, усиленный кавалерией и артиллерией, понес огромные потери, составившие около 1000 человек,[121]несколько орудий и обоз.[122] Генерал Ляхов позже признавал, что «не удалось сломить ингушей в Малой Кабарде».[123] Участник обороны Алханчуртской долины, бывший царский офицер, а в 1919-1920-х гг. – командир одной из ингушских партизанских групп, Султан Долтмурзиев в своем очерке о революционных событиях в Ингушетии отмечал: «Я видел ожесточенные лица болгарских солдат, идущих на «нож». Я сталкивался с свирепыми полками мадьяр, атаки которых были безумны. На-

конец, мне приходилось наблюдать несокрушимое движение немецких «фаланг». Но то, что было под Кескемом (современное селение Инарки Малгобекского р-на – Ред.), удивляет даже того, кто всю жизнь провел в битвах».[124] После одержанной победы в решающем сражении, ингушская конница трех селений преследовала противника, обратившегося в паническое бегство, уже на территории соседней Кабарды: «…белых гнали через Астемирово, Хапсово до Терека. Сильные батальоны деникинцев – 7-й и 12-й – перестали существовать. Из их состава сумели спастись лишь несколько десятков человек, бросившихся в студеные воды реки и переплывших Терек у станицы Черноярской».[125] Надо отметить, что в этом направлении деникинцы так и не смогли прорваться вглубь Ингушетии, жители трех селений – Кескем, Сагопши и Пседах, стали на их пути непреодолимой стеной и надежно защищали свой рубеж до тех пор, пока к ним из Назрани не пришло известие о том, что деникинцы прорвали оборону в районе Долаково-Кантышево и вошли в центр Ингушетии. Блестящая победа ингушей в сражении под Кескемом является, несомненно, одним из самых героических эпизодов в истории антиденикинского фронта на Северном Кавказе.

Антиденикинская оборона Ингушетии стала проявлением массового героизма ее жителей, для которых она превратилась в священную войну за свою землю, войну за Родину. Именно такое понимание этой войны ярко проявляется в имевших место героических поступках отдельных защитников, которые считали за честь умереть в бою, воодушевляя свои примером всех остальных: «Когда малодушные готовы были дрогнуть, появлялся какой-нибудь доселе безвестный герой и врубаясь с горстью безумцев в самые гущи противника, погибал на глазах всего народа».[126] Одним из таких героев стал юноша из с. Кескема (Инарки) Камбулат Картоев, который, узнав о смерти своего отца Эгло, бывшего

Красные партизаны с. Яндиево и Гадаборшево. Командир отряда Хизир Орцханов. 1919 г.

Торко-Хаджи Гарданов (1850-1920)

в кескемском дозоре, уничтоженного накануне деникинским десантом, в неудержимой ярости на врагов, понесся «вихрем в огненный смерч» на позиции противника стреляя на полном скаку из карабина. «Герой рухнул у самых белогвардейских цепей».[127] «Под Кантышево тридцать человек, тридцать «обреченных», надев белые саваны смерти, врезались в густые цепи врагов, и, уничтожая в своем стремительном порыве все на своем пути, дошли до глубокого тыла противника, погибнув до единого».[128]

Только на 10-й день боев ингушско-большевистское сопротивление было сломлено. К тому времени к белым подошло подкрепление – две свежие дивизии и эшелон с английскими броневиками.[129] 11 февраля белые захватили Шалдон.[130] В тот же день на чрезвычайном заседании Комитета Обороны было выяснено, что дальнейшая оборона города стала невозможной.[131] Вечером того же дня вновь была перерезана Военно-Грузинская дорога.[132] Дальнейшее сопротивление было невозможно, что и побудило Комитет обороны Ингушетии пойти на перемирие с Деникиным. В сражении при Долаково-Базоркино-Кантышево, которые после пятидневного штурма все-таки были взяты, по признанию самого генерала Ляхова, белые потеряли только убитыми до 2500 человек.[133] Если добавить сюда потери на кескемском направлении, становится ясно, что Добровольческая армия лишилась в пограничных сражениях в Ингушетии зимой 1919 г. почти целой дивизии накануне решающего броска на Москву.

Генерал-майор Сафарбек Товсолтанович Мальсагов

От ингушей белым удалось добиться лишь перемирия, хотя оно и являлось признанием военного поражения. Оккупация северных и северо-западных районов Ингушетии и железнодорожных коммуникаций и изгнание большевиков и их сторонников из Владикавказа и Грозного были очень важны для белых. Несмотря на поражение национально-освободительных сил в февральских сражениях, они сыграли важнейшую общественно-политическую и морально-психологическую роль.

Кроме того, в принципе по итогам боев за Долаково и Кескем были достигнуты основные задачи обороняющейся стороны: выигрыш времени для эвакуации тылов в горы и подготовки партизанской войны. Удалось отвести даже тяжелое вооружение. В частности по приказу Орджоникидзе в ночь с 9 на 10 февраля был отправлен бронепоезд со станции Назрань в город Грозный. Орджоникидзе и весь состав Терского Совнаркома были обеспечены проводниками и направлены в Тифлис.[134] Однако сам Орджоникидзе решил остаться в Ингушетии, вначале обосновавшись в высокогорном селении Пуй, а затем переехав в селение Даттых.[135] Многие жители Ингушетии, не говоря уже о симпатизирующей большевикам

части лидеров национального движения, приложили максимум усилий для спасения вождей Терской республики. В Ингушетии нашли убежище и многие партизаны, отступившие из Кабарды и Балкарии.

При участии оставшегося в плоскостной Ингушетии на подпольном положении Эглау Чабиева был организован «подпольный комитет партии, куда вошли Костоев Бексултан, Алиев Мудар, Василенко, Захарченко и др.»[136] В свою очередь, для осуществления повседневного и оперативного руководства действиями большевиков и их сторонников на Северном Кавказе, 18 августа 1919 г. Кавказский крайком партии образовал в своем составе Горскую секцию, в которую вошли наиболее известные революционеры Дагестана и Терека.[137]

Видный деятель Гражданской войны на Северном Кавказе и в Крыму, красный командир, кавалер ордена Боевого Красного знамени (1921 г.) Заам Исламович Яндиев (1892-1939)

Весь февраль и март Добрармейцы производили в Ингушетии, а в особенности в селении Базоркино, взыскание контрибуции, отбирая у населения деньги, реквизируя у него скот, хлеб, сельхозинвентарь.[138] Формальным обоснованием стало «Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением главнокомандующего на Юге», которое содержало, в частности, пункты о сохранении в силе в областях, контролируемых Добрармией, законов, «действовавших на территории Российского государства до 25 октября 1917 г. с изменениями, вытекающими из настоящего положения, а равно из имеющих быть изданными на основании его законами», о сохранении в неприкосновенности особых прав и преимуществ, принадлежавших казачеству (хотя в том же пункте указывалось на равенство в правах гражданства всех граждан без различия национальностей, сословия и вероисповедания); наконец о главенствующей роли православной церкви, притом, что прочие признанные церкви и религиозные общества пользуются полной свободой и находятся под покровительством закона.[139] Наконец в июне 1919 г. казачий Войсковой круг Терека принял решение, обязывавшее ингушей возвратить скот, земледельческие орудия и прочее имущество, экспроприированное ингушами при выселении казаков из станиц; взыскать все убытки, понесенные казаками при выселении из станиц Сунженской линии, а также за оставленные в 1918 г. посевы озимых и фрукты; взыскать убытки, понесенные от ингушей и чеченцев жителями станиц от краж, грабежей за время с 1914 г. и передать в распоряжение казаков посевы, произведенные ингушами на станичных юртовых наделах; взыскать с ингушей и чеченцев за каждого убитого казака или казачку по 15 тысяч рублей за время с 19 июля 1914 г. по 1919 г.[140]

Откровенно реакционным решениям круга пытались противостоять левые деятели казачества (Фальчиков, Крючков и др.), указывавшие на необходимость установить мирные отношения с неказачьим населением области,[141] но безуспешно. Вполне закономерным итогом действий новой администрации стало то, что многие ингуши, поселившиеся в бывших казачьих станицах, стали покидать селения и уезжать в горы.[142]

Начинается организация партизанского движения, центром которого стал горный район Галашки-Мужичи-Алкун. Меньшевистская Грузия служила фактически тыловой ба-

Хизир Идигович Орцханов (1896-1981)

зой коммунистических повстанцев, воевавших к северу от Главного Кавказского хребта. Сторонники грузинской независимости понимали, что она окажется в весьма большой опасности, если силы, возглавляемые Деникиным добьются решающего успеха во внутрироссийской борьбе. Поэтому помощь партизанам в 1919 г. вполне укладывалась в рамки грузинских национальных интересов.

Уже в марте кабардинские и ингушские партизаны совместно организовывают нападения на деникинцев, в частности под Нижним Курпом были разгромлены два батальона белых.[143] К лету же 1919 г., по словам Э. Чабиева, начались настоящие «боевые дела. Партизанские части уничтожали отдельные части белых, разрушали железнодорожные мосты и дороги».[144] Вскоре почти на всей территории Терека действовали партизанские отряды, созданные, как правило, из представителей различных народов края.[145] Расширялась и пропагандистская работа: в Назрани подпольная партийная группа во главе с Ю. Албогачиевым распространяла воззвания, прокламации, призывающие к борьбе с Деникиным.[146]

Весной 1919 г. руководство Добровольческой армии решило переломить ситуацию в Ингушетии, жителям которой был предъявлен очередной ультиматум, в котором кроме свободного пропуска войск Деникина через Ингушетию требовались еще и выплата контрибуции казакам за все причиненные им в ходе революции убытки; выдача всех ингушей, служивших в Красной Армии; согласие на мобилизацию всех способных к ношению оружия в возрасте от 18 до 40 лет для отправки в Центральную Россию; наконец, согласие на назначение в Терскую область генерала-губернатора из казаков.[147]

Красными после предъявления нового деникинского ультиматума, сразу же был созван съезд ингушского народа, который состоялся 20 апреля 1919 г. в высокогорном селении Хамхи – тогдашней штаб-квартире партизанского движения и коммунистического подполья. Съезд собрал 840 делегатов.[148] Орджоникидзе в тот период уже находился в Москве. Хизир Орцханов, выступивший от имени Орджоникидзе, огласил на съезде его письмо. Основными пунктами письма были требования решительно отклонить ультиматум и обещание предоставить нужное оружие и другие средства через Хизира Орцханова.[149] Еще 5 марта 1919 г. Орджоникидзе подписал приказ № 315, гласивший в частности: «Назначить Х.И. Орцханова командующим всеми вооруженными силами Ингушетии».[150]

Назначенная Деникиным весной 1919 г. администрация во главе с генералом С.Т. Мальсаговым стремилась создать в Ингушетии хоть какое-то подобие системы эффективного управления. Сафарбек Мальсагов, боевой генерал, бывший командир 5-й Кавказской казачьей дивизии,[151] со своим помощником по военной части полковником Мустаби Куриевым прилагали все усилия для стабилизации политической обстановки, ища при этом определенный компромисс с оппозиционной белым частью ингушского общества. В частности, был создан Шариатский полк (подобие вооруженной милиции) во главе с известным богословом Тарко-Хаджи Гардановым, героем обороны Кескема в феврале 1919 г. Это позволило практически искоренить грабежи и разбои в Ингушетии.[152] Генералу Мальсагову также удалось предотвратить начало сбора огромной контрибуции.[153]

При Мальсагове «не были пересмотрены итоги явочным порядком по инициативе большевиков, решенного осенью 1918 г. земельного вопроса».[154] Однако в ключевом вопросе о выставлении ингушами полков белые не шли на уступки. Генералу Мальсагову удалось лишь уменьшить требуемое ими число полков с четырех до двух.

Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени и Золотого Георгиевского оружия, генерал-майор Сосламбек Сосаркиевич Бекбузаров

Администрация Мальсагова, вокруг которого теперь концентрировались почти все антибольшевистские силы внутри ингушского общества, созвала в Назрани альтернативный хамхинскому всеингушский съезд, на котором Сафарбек Мальсагов призвал ингушей оказывать Добровольческой армии всемерную помощь.[155] Не исключено, что в итоге съезд пришел бы к компромиссному решению. Более того, и Орджоникидзе, покидая Ингушетию, советовал, по воспоминаниям одного из его ближайших соратников – Иналука Мальсагова, согласиться на формирование частей для Деникина, аргументируя это так: «Части все равно разложатся. А если не дадите их, вас разгромят».[156] Но в ходе работы съезда распространились сообщения о том, что на станции Назрань идет насильственная погрузка всадников в эшелоны.[157] Взрыв негодования и резкое обострение ситуации, последовавшее вслед за этими известиями, были в целом выгодны обеим противоборствующим сторонам.

В ходе назрановских событий усилился и раскол в среде самого ингушского общества – отправкой мобилизованных руководили ингушские офицеры из числа сторонников Деникина, и в схватку с прибывшими для срыва погрузки отрядами вступили именно они. В возникшей стычке один офицер погиб, были арестованы командиры бригады и полков.[158] Еще ни разу гражданская война во всей полноте этого понятия не затрагивала настолько саму ингушскую среду.[159]

Военная акция возмездия за назрановский инцидент началась уже на следующий день. Главным объектом карательной операции стала на сей раз юго-западная часть предгорной Ингушетии. От имени деникинского командования ингушам предъявили ультиматум с предупреждением, что если до 12 часов дня эшелоны не двинутся, то от Назрани не останется камня на камне.[160] После отклонения ультиматума белые повели наступление, которое разворачивалось сразу по нескольким направлениям: со стороны Беслана и с востока, через станицы Ассиновскую и Нестеровскую.[161] В этих условиях на совещании с участием Ю. Албогачиева, И. Зязикова, Б. Костоева, А.-Г. Гойгова и З. Яндиева было принято решение об оказании сопротивления.[162]

На вторые сутки белые, получив подкрепление с артиллерийскими батареями и даже бронепоездом, взяли селение Насыр-Корт.[163]

Дальнейшее наступление белых вылилось в ожесточенное сражение за селения Экажево и Сурхахи, оборонявшиеся местными жителями и партизанскими отрядами З. Яндиева и Х. Орцханова.[164] Упорство ингушей вынудило Деникина перебросить в район восстания крупные подкрепления: два полностью укомплектованных полка (пехотный и кавалерийский), три казачьих пластунских батальона и один из лучших своих бронепоездов – «Терец». Уличные бои в селах Юго-Западной Ингушетии завершились лишь на пятый день их захватом и сожжением. Лишь своевременный деблокирующий удар, нане-

сенный с юга сотней Хизира Орцханова, позволил прорвать кольцо окружения и эвакуировать население. Из Экажева последним ушел отряд храбрецов из местных жителей во главе с Хадышко Муталиевым.[165]

Разрушений в Экажево избежало около десятка домов, в Сурхахах – лишь один. Разграбление захваченных сел продолжалось 9 дней.[166] На Насыр-Корт была наложена контрибуция в двойном размере.[167] Потери ингушей только убитыми составили в Сурхахах 97 мужчин, 4 женщины и 4 детей, в Экажево – 40 мужчин, не считая погибших во время работы на полях, 9 женщин, 7 мужчин и несколько детей.[168] Общие потери убитыми и ранеными составили около 200 человек.[169]

Партизанские отряды и их наиболее активные сторонники были загнаны глубоко в горы, либо в соседнюю Чечню, где часть плоскости еще контролировалась красными. По завершении карательной операции была проведена разверстка по селениям, каждое село должно было дать 20-30 человек.[170]

Предпринятая в связи с событиями в районе Назрани ротация правителя Ингушетии, вместо «не оправдавшего надежд» Сафарбека Мальсагова на этот пост был назначен другой генерал-ингуш Сосланбек Бекбузаров, – не имела в этих условиях особого смысла.

Расчет на максимальное ослабление партизан в ходе июньской операции, не оправдался. Так отряд того же Заама Яндиева после разорения Сурхахов и Экажева численно вырос вдвое.[171] Уже в сентябре 1919 г. Добровольческой армией предъявлен ультиматум к горным Хамхинскому и Цоринскому обществам Ингушетии с тем, чтобы эти последние в кратчайший срок выставили требуемое количество всадников для Доброармии, но «хамхинцы и цоринцы наотрез отказались удовлетворить это требование».[172]

Напротив, после событий в районе Экажево-Сурхахи «были сняты с советского фронта… 4 офицерских полка корпуса Шкуро и переброшены на Кавказ для подавления восстания горцев».[173]

Партизанская война между тем не утихала. Надежды белых на то, что весомую поддержку им окажет новая ингушская администрация во главе с «военным правителем» генералом Бекбузаровым, также не оправдались. Правда, при новой администрации были созданы Народный совет, а также Народная управа, в которую вошли инженер Х. Льянов, С. Горчханов и Д. Дудаев.[174] Управа размещалась при правителе Ингушетии.[175] Еще один новый орган, созданный при правителе – Комитет по борьбе с большевиками во главе с полковником Керимом Гойговым. [176] Членами комитета были: «Берса Кодзоев (инженер), Бексултан Льянов (инженер), Аджи-Майр Шахмурзиев (полковник), Уматгирей Куриев (полковник) и другие».[177]

Много внимания уделялось организации всевозможных съездов, которые осенью 1919 г. собирались в Ингушетии чуть ли не каждый месяц. Сентябрьский съезд, был удостоен посещением генерала Эрдели, наместника Деникина в регионе. В октябре 1919 г. генерал Бекбузаров созвал новый съезд, на котором важнейшим вопросом стало создание государственной стражи в Ингушетии. Еще весной-летом 1919 г. правопорядок в Ингушетии успешно поддерживался и без этих чрезвычайных, по сути, мер – очевидно, карательная экспедиция в Юго-Западной Ингушетии в конце июня 1919 г. не способствовала и сокращению преступности, особенно «политической».

При этом администрация Бекбузарова не получала реальной помощи со стороны деникинцев. Более того, во второй половине 1919 г. вокруг Ингушетии фактически была установлена экономическая блокада. В свете всего этого посещение Эрдели съезда в Назрани или разрешение Деникиным «выделить правителю Ингушетии двухмиллионную

ссуду с правом погашения… на трехлетний срок»[178] мало что меняло в общей картине взаимоотношений ингушских масс с Добрармией.

Понимал это и сам правитель Ингушетии. Боевой генерал в отставке Сосланбек Бекбузаров, участник штурма Перемышля и Брусиловского прорыва, на службу в администрацию Деникина в оккупированной Ингушетии пошел лишь после долгих уговоров и даже угроз, в том числе в адрес его родичей – хамхинцев и однофамильцев из Кескема.[179] Дело дошло даже до установления белогвардейскими верхами за генералом негласного наблюдения.[180] Кроме того, правителю Ингушетии в осуществлении политики своей администрации без конца приходилось сталкиваться с безмерной нищетой основной массы разоренного войной населения и казнокрадством чиновников. Уже в начале января 1920 г. по распоряжению Бекбузарова подымная подать с жителей была заменена налогом со скота и по смете, утвержденной очередным «народным съездом», он составил: с лошади – 20 руб., с коровы – 15 руб., с нетели и бычка после 2 лет – 10 руб., с бычка и буйвола – 15 руб, с овцы и козы – 5 руб., причем «уплатившим ранее подымный сбор, деньги, взысканные с них, должны зачитываться за какую-либо имеющуюся у плательщика скотину».[181] Эти меры, предпринятые, очевидно, для смягчения налогового бремени и повышения популярности народной управы и правителя, уже не успели достигнуть цели.

Атаби Актемирович Картоев (1888-1947), герой Гражданской войны, командир команды конных разведчиков 283-го стрелкового полка, один из первых на Северном Кавказе и первый среди ингушей кавалер ордена Боевого Красного Знамени (1920 г.)

Зимой 1919-1920 гг. наступает новый всплеск активности партизан. На Тереке были организованы Осетинский, Кабардинский, Балкарский, Ингушский ревкомы, деятельность которых координировал штаб Терской областной группы красных повстанческих войск, созданный решением Кавказского краевого комитета РКП (б).[182] После назначения Гикало командующим Терской областной группы красных повстанческих войск, начальником штаба группы становится представитель 11-й армии, ингуш Султан Дудаев,[183] бывший поручик царской армии и участник Первой мировой войны. Султан Дудаев погиб 31 января 1920 г. в бою под Воздвиженской.[184]

В состав ингушского ревкома вошли Гапур Ахриев (председатель), Идрис Зязиков (секретарь), Юсуп Албогачиев (казначей), Бексултан Костоев (товарищ председателя), Абдул-Гамид Гойгов (член).[185] Г. Ахриев в это время находился в Закавказье и поэтому был заменен Э. Чабиевым.[186]

К этому времени на оккупированной территории действовал целый ряд ингушских партизанских отрядов, командирами которых были Саад Арчаков (из селения Кантышево), Мурцал Келаматов (из селения Галашки), Барон Точиев (из Мецхальского общества), Атаби Бисаев (из селения Даттых) и др.[187] Однако наиболее крупными формированиями остаются отряды Х. Орцханова и З. Яндиева. Именно отрядам Яндиева и Орцханова в это время идет наибольшая помощь из центра через Грузию в виде оружия и боеприпасов, а также снабжении их состава артиллеристами, телефонистами, инструкторами и медработниками.[188] Для улучшения координации действий повстанцев в этих районах создается Ингушское отделение штаба Красных повстанческих войск. Его руководителем

был назначен помощник командующего группой М.С. Мордовцев.[189] Перед Ингушским отделением штаба «были поставлены неотложные задачи: блокировать Военно-Грузинскую дорогу... не допускать вывоза в Тифлис продуктов с Северного Кавказа; задерживать волну беженцев-контрреволюционеров, хлынувших в Грузию; подготовить восстание во Владикавказе; перерезать железную дорогу Прохладная-Беслан-Карабулак».[190]

После 11 февраля начался широкомасштабный отход белых с Кавказа. 22 марта белые оставили Владикавказ.[191] Атаки партизанами коммуникаций Добровольческой армии, несомненно, сыграли свою роль в том, что оставление Владикавказа белыми стало столь поспешным. В городе они бросили огромное количество военного имущества. В ночь с 23 на 24 марта во Владикавказ вошли отряды ингушских и осетинских партизан (первыми командовал Х. Орцханов, вторыми А. Ботоев),[192] а также отряд М. Мордовцева,[193] вместе с которым были члены Осетинского и Ингушского ревкомов.[194] 24 марта в город вступил Кабардино-Балкарский отряд под командованием Шукова.[195] В то же время Ингушский национальный совет из Назрани переехал в Базоркино, чтобы отсюда установить постоянную связь с Владикавказом.[196]

После вступления в Терскую область регулярных частей Красной Армии местные партизанские отряды были включены в их состав. Отряд З. Яндиева еще 19 марта соединился южнее Ставрополя с наступающей от Святого Креста Красной Армией.[197]

Гражданская война в Ингушетии может быть разделена на два этапа – период ведения регулярных военных действий (1917 – начало 1919 гг.), когда ингуши могли противостоять врагу в лице казачье-осетинской контрреволюции и белых мятежников наподобие движения братьев Бичераховых в открытом поле, и партизанский этап (начало 1919-1920 г.), когда пришлось иметь дело с многократно превосходящий в численном и техническом отношении Добровольческой армией. При этом партизанское движение в Ингушетии в период гражданской войны также четко можно разделить на два этапа. В ходе первого, который можно назвать вынужденным переходом к партизанской борьбе, действия партизанских формирований, еще очень разрозненных и плохо организованных, носили довольно хаотичный и бессистемный характер. Это период непосредственно после вторжения Деникина в Ингушетию и поражения антиденикинских ингушских сил в открытых сражениях с врагом зимой 1919 г. Данный этап продлился вплоть до лета-осени 1919 г. Второй этап, начинающийся с лета 1919 г., характеризуется гораздо большей организованностью и соответственно – эффективностью партизанской борьбы. Усилия, прилагаемые организаторами партизанского движения в Ингушетии, в лице как самих ингушских деятелей левого толка в сотрудничестве с частью духовенства и умеренных, так и эмиссаров большевиков, а также снабжение оружием из Грузии позволили ингушским партизанским формированиям, подобным отрядам Х. Орцханова и З. Яндиева, стать военно-политической силой, способной оказать существенное влияние на весь ход событий гражданской войны на фронтах Юга России. В любом случае, анализ механизмов, движущих сил и прямых следствий развертывания партизанской борьбы в Ингушетии позволяет не считать преувеличением утверждение о том, что она внесла огромный вклад в дело изгнания Добровольческой армии с Кавказа и достижения конечной победы в гражданской войне.

Борьба с Добровольческой армией, вторгшейся в область в начале 1919 г., стала новой вехой в общественно-политическом развитии Ингушетии в первой четверти XX в. Ингушетия вышла из гражданской войны на Тереке как одна из самых пострадавших и в то же время сыгравших наибольшую роль в победе большевистского режима. Всякие

перспективы умеренных националистов и сторонников горской независимости в Ингушетии были подорваны в связи с окончательным крахом Горского правительства и оккупацией советскими войсками Грузии в 1921 г.

Таким образом, Ингушетия прошла в годы революции и гражданской войны путь от почти лишенного пролетариата – и поэтому мало восприимчивого к большевистским идеям – региона до оплота большевизма в крае. Этому немало способствовала и близорукая позиция, занятая ультраконсерваторами, ставшими под знамена Добровольческой армии, в области национальной политики и отсутствия единства в среде умеренных националистов и либеральных горских демократов. Итогом стало установление в начале 20-х гг. большевистской власти на Тереке.

4. Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Ингушетии в 1920-1941 гг.

4 апреля 1920 г. Орджоникидзе и Киров прибыли в Назрань, где присутствовали на съезде ингушского народа. В Назрани их приветствовали 15 тысяч ингушей.[198] Съезд завершился утверждением состава Ингушского окружного ревкома, в который вошли Гапур Ахриев, Юсуп Албогачиев, Идрис Зязиков и др.[199] После смерти первого председателя ревкома Ингушетии Г. Ахриева в апреле произошла первая реорганизация ревкома Ингушетии. Теперь в него входили Ю. Албогачиев (председатель), И. Мальсагов, Б. Костоев, У. Актемиров, И. Чабиев.[200] 8 апреля 1920 г. создается Терский областной ревком, который утверждает новый состав Ингушского ревкома, в который вводится Идрис Зязиков, являвшийся также членом Терского областного бюро, руководившего партийной работой на Тереке.[201]

Делегация Республики горцев Северного Кавказа на Версальской мирной Конференции. 1920 г.

Руководство Ингушской АО. Владикавказ, 1920-е гг.

После посещения разоренных деникинцами Сурхахов и Экажево Орджоникидзе обращается к Ленину с просьбой об оказании масштабной помощи этим аулам стройматериалами и финансами.[202] В ответ на ходатайство Орджоникидзе большевистский лидер пишет: «Объявите горцам, что на ближайшем заседании Совнаркома будет проведена денежная помощь пострадавшим…, а пока разрешено выдать им в счет будущих ассигновок 200 млн.».[203]

В резолюции состоявшегося буквально через несколько дней, 2 мая 1920 г., «свободного съезда ингушского народа» говорилось: «Советская власть – это лучшая власть, которую могут желать трудящиеся. Мы, трудовые ингуши, отдавшие тысячи своих сыновей на борьбу с контрреволюционной бандой, клянемся кровью павших сыновей, пеплом сожженных аулов быть вечно верными Советской власти и оказывать ей всемерное содействие».[204] 1 мая 1920 г. председатель окружного ревкома докладывал Терскому облревкому, что в округе созданы ревкомы в селениях Кантышевском, Плиевском, Яндырском, Хамхинском, Цоринском, Мужичи; всего было создано 27 ревкомов.

После приезда Орджоникидзе на станцию Назрань и осмотра разрушенных Сурхахов Орджоникидзе встретился с В.-Г. Джабагиевым.[205] Последний напомнил большевистскому эмиссару о его обещании предоставить ингушам право создания своей республики, данном в 1918 г. На сей раз Орджоникидзе ответил, что вопрос находится вне его компетенции, пообещав лишь войти с ходатайством в правительство. В свою очередь, он обвинил В.-Г. Джабагиева в том, что «когда мы укрепляли советскую власть, вы готовили нам в Темир-Хан-Шуре в спину кинжал».[206]

Если тогда часть общества колебалась, а часть (пусть и не составлявшая большинства) была надежной опорой Ингушского национального совета, Горского правительства и других сил этой части политического спектра, то теперь большинство прежде колебавшихся стали под знамена победителей. О сколько-нибудь широкой поддержке населением умеренных, таким образом, не могло в тот период идти и речи.

Уже в июне 1920 г. офицеры-ингуши покидают родину, так как красноармейцы начали располагаться в ингушских аулах, арестовывая «не только офицеров, но и вообще всяких лиц, показавшихся им почему-то подозрительными».[207]

Но даже в 1920 г., несмотря на весь трагизм положения демократических сил на Кавказе, их лидеры в Ингушетии не оставляли усилий по продолжению попыток воплощения мечты о горском единстве. Одним из их наиболее ярких представителей горского и ингушского демократического движения в этот период можно считать Васан-Гирея Джабагиева – к тому времени уже председателя Кавказского парламента. Он предпринял ряд шагов в направлении обеспечения международного признания Горской республики, наиболее значительным из которых стала поездка В.-Г. Джабагиева во Францию на Версальскую конференцию уже в 1920 г. в составе делегации «Союза горцев». В Версале его догнала весть о вторжении Красной Армии в Грузию в 1921 г.[208]

В сентябре 1920 г. в Баку состоялся I съезд народов Востока, на котором присутствовало 13 делегатов от Ингушетии.[209] Степень большевизации в Ингушетии к тому времени была относительно высока. К моменту установления Советской власти здесь было 37 членов и 430 кандидатов в члены партии,[210] тогда как в Чечне, например, было лишь 6 коммунистов.[211] 19 июня 1920 г., в Назрани открылась первая партийная конференция Ингушетии, которая избрала новый руководящий партийный орган – Ингушский партком. До этого в Ингушетии и было создано оргбюро РКП (б).[212] Секретарем парткома стал И. Зязиков.[213] В августе 1920 г. были созданы 3 коммунистические ячейки, а в конце 1921 г. их в Ингушетии было уже 33.

В Ингушский окружной совет прошли на выборах Ю. Албогачиев, Х. Албогачиев, И. Зязиков, С. Альдиев, А.-Г. Гойгов, Маматиев, З. Тутаев, И. Мальсагов.[214]

Несмотря на это в ходе выборов в советы, проведенных летом 1920 г. в Ингушетии, большевики не добились безоговорочной победы.[215] Уже вскоре пробольшевистский «съезд трудовой Ингушетии» обратился к Орджоникидзе с просьбой о скорейшем назначении перевыборов в исполком, которому он выразил полное недоверие.[216]

С 26 марта по 1 апреля 1921 г. проходил съезд Советов Назрановского (Ингушского) округа. На съезде присутствовали делегаты от 28 сел Ингушетии, председателем исполкома съезда был избран И. Зязиков. На нем рассматривались вопросы о принятии мер по борьбе с грабежами и бандитизмом. Съезд завершился избранием исполкома, в который вошли Идрис Зязиков, Али Горчханов, Иналук Мальсагов, Юсуп Албогачиев, Султан Альдиев и др.[217]

В конце 1920 – начале 1921 гг. большевистская верхушка предприняла ряд принципиально важных мер, имеющих большое значение для истории Ингушетии первой четверти минувшего века.

Первым таким шагом стал уже упомянутый съезд народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. 14 октября 1920 г на заседании Политбюро ЦК РКП (б), при участии 27 делегатов Бакинского съезда, рассмотрев вопрос «О задачах РКП (б) в местностях, населенных восточными народами», было принято постановление, пункт 3 которого содержал важную формулировку: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии, в соответствующих конкретным условиям формах, для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений».[218]

27 октября 1920 г. Кавбюро ЦК РКП (б) с участием наркома по делам национальностей И. Сталина рассмотрело вопрос об автономии народов Северного Кавказа и приняло решение «считать своевременным образование Терской и Дагестанской республик».[219] Краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа 29 октября 1920 г. с участием Орджоникидзе, также одобрило решение Политбюро.[220]

17 ноября 1920 г. во Владикавказе состоялся Чрезвычайный съезд народов Терека. На нем присутствовало 500 делегатов, представлявших все основные национальности области.[221] Присутствовали и выступили с речами Киров и Орджоникидзе. На съезде

выступил также наркомнац Иосиф Сталин, который от имени ЦК РКП (б) и Советского правительства декларировал провозглашение Советской автономной Горской республики.

21 января 1921 г., выходит декрет ВЦИК об образовании на территории бывшей Терской области Горской республики.[222] Пункт 8 постановления гласил: «Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский; 2) Ингушский; 3) Осетинский; 4) Кабардинский; 5) Балкарский; 6) Карачаевский».[223] Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы, подчинявшиеся непосредственно ЦИК и СНК ГАССР. Съезд Советов Назрановского (Ингушского) округа 26 марта – 1 апреля 1921 г. полностью одобрил и приветствовал создание автономной республики.

Процесс образования Горской советской республики завершился 16-22 апреля 1921 г. Учредительным съездом Советов республики во Владикавказе, который от имени ВЦИК и ЦК РКП (б) приветствовал С.М. Киров.[224] От Ингушетии в руководящие органы республики вошел И. Зязиков – в ЦИК на правах зампреда[225] и в СНК – нарком внутренних дел.[226] 27 января 1922 г. он же был избран председателем Горского ЦИКа.[227]

После того, как Учредительный съезд ГАССР 22 апреля 1921 г. высказался за ликвидацию чересполосицы из-за вопиющей нужды безземельных горцев, Ингушетия расширилась с 184438,90 десятин земельной площади до 292193 десятин, что дало возможность большинству жителей нагорной части переселиться на плоскость.[228] В 1920-1922 гг. наделы бывших казачьих станиц Сунженской, Воронцово-Дашковской,

Копия фрагмента карты Ингушской АО 1925 г.

Тарской и Камбилеевских хуторов были распределены между 4 горными ингушскими обществами.[229] Еще в 1920 г. нагорную часть Ингушетии населяло 9187 чел. (или 7% от общего числа жителей последней), в 1924 г. – всего 1513 (2,1%),[230] а к 1926 г. в горах числилось 1210 чел. (с временно проживающими 1386 чел. обоего пола).[231] Из числа отошедших к Ингушетии земель 91918,47 дес. принадлежали прежде Сунженскому отделу, 15901,76 дес. – Владикавказскому и Нальчикскому округам. Общая площадь Ингушетии выросла на 58,4 %.[232] Однако, душевая обеспеченность всей землей по области увеличилась только на 0,78 десятин, а обеспеченность одной только удобной землей – всего на 0,07 десятин. Таким образом, фактическая обеспеченность удобными землями нисколько не повысилась, и кризис малоземелья в Ингушетии далеко еще не был изжит.[233] Тяжелым испытанием стала и засуха в Ингушетии летом 1921 г., следствием чего явились скудные урожаи зерна в Кескеме,[234] Назрани[235] и других местах.

В те годы в области начинаются преследования инакомыслящих и неблагонадежных с точки зрения нового режима. Еще летом 1920 г. были арестованы бывший начальник Ингушской государственной стражи Магомед Котиев и полковник Керим Гойгов.[236] Настоящим бедствием для разоренного населения стало взимание продналога, который измотанные войной, разрухой и засухой села в срок и в полном объеме выплачивать не могли. В Назрановском округе, разделенном на три района (Пседахский, Назрановский и Галашкинский)[237] по сведениям большевистской печати сбор налога «с самого начала шел с недостаточным успехом».[238]

В то же время несколько улучшилась межнациональная атмосфера в крае. Хотя в 1924 г. отмечается казачье-ингушское столкновение близ селения Яндыре,[239] но в целом, даже недоброжелатели Советов вынуждены были констатировать заметное оздоровление межнационального климата в крае после завершения гражданской войны, отмечая, что «теперь осетины бывают у ингушей, ингуши у осетин, такого единения давно не запомнят; даже казаки с ингушами примирились».[240]

Несмотря на то что со смертью Ленина в эволюции внутренней политики руководства СССР намечаются вполне определенные сдвиги весьма тревожного характера, и в первую очередь – в сфере национальной и региональной политики, все же нельзя не отметить, что в развитии Ингушетии в 20-30-е гг. произошли серьезные изменения к лучшему. 7 июля 1924 г. с упразднением Горской АССР Ингушетия получает статус автономной области. Административным, экономическим и культурным центром Ингушской АО, как и ранее, остается Владикавказ, являвшийся одновременно и центром Северо-Осетинской АО.

Как отмечалось выше, уже в первой половине 20-х гг. была значительно снижена острота земельной проблемы за счет возвращения Ингушетии части ее бывших исторических земель. В результате значительная часть ингушского населения получила, наконец, возможность выселиться из гор на равнину. Этот естественный процесс, долгие десятилетия искусственно тормозившийся царской администрацией, теперь развивался особенно бурно. Уже к 1926 г. численность жителей горной полосы по сравнению с 1908 г. сократилась почти в 7 раз и составила плотность всего 1,7 чел. на 1 кв. км. [241] К концу 1922 г. площадь землепользования Ингушетии возросла на 108 тыс. десятин по сравнению с довоенной и составила к 1923 г. 198740 десятин. Рост валовой продукции сельского хозяйства в 1933 г. составил 1026805 центнеров, или 194 % от уровня 1913 г. К концу восстановительного периода в Ингушетии было создано 32 производственных объединения, 3 ТОЗа, 4 машинных товарищества, 1 сельхозартель, 1 пчеловодческое и 23 кредитных товарищества.[242]

На 1928 г. в Ингушской АО насчитывается 150 населенных пунктов. В конце 20-х – начале 30-х гг., как и в целом по стране, в области идет коллективизация. По данным 1928 г.,

Мельница и элеватор в Назрани. 1930 г.

в Ингушетии насчитывалось 35 % бедняков, 60 % середняков, 55 % – кулаков. Уже к 1 октября 1929 г. в Ингушетии образовано 58 колхозов, включавших 1224 двора.[243] К концу 1930 г. в Ингушетии колхозы охватывали 23 % крестьянских дворов.[244]

Постепенно создавались и условия для становления промышленности. Хотя в Ингушской АО в 1924 г. насчитывалось только 16 предприятий, основная часть которых находилась во Владикавказе, а относительно крупными из которых можно было считать не более трех, уже к 1928 г. число предприятий выросло до 19.[245] В 1932 г. валовая продукция местной промышленности в Ингушетии (включая кустарную) составляла в денежном выражении 10,5 млн. руб. Были введены в строй ремонтно-механическая мастерская, кирпичный завод и крупная мельница в Назрани, консервный завод в Базоркино, лесопильный – в селении Мужичи. Реконструируются и подвергаются расширению некоторые прежде существовавшие предприятия, расположенные во Владикавказе: кожевенный, мыловаренный, винодельческий, крахмальный заводы, типография.[246]

В этот период появляется и нефтяная промышленность Ингушетии. В 1933 г. начинается добыча нефти в Малгобеке. В июле этого года из скважины № 13 в Малгобеке был получен первый фонтан, дававший 600 тонн нефти в сутки. К концу второй пятилетки (1933-1937) Малгобекский нефтяной район почти сравнялся по количеству добываемой нефти с важнейшим в системе «Грознефти» Октябрьским месторождением, а буровики Малгобека в эти годы неоднократно устанавливали всесоюзные рекорды.[247]

В динамичное социальное и экономическое развитие Ингушской автономной области самым серьезным образом вновь вмешивается общественно-политическая составляющая. С середины 30-х гг. Ингушетия начинает переживать новую драматическую страницу своей истории, связанную с завершением формирования в стране механизмов жесткого тоталитарного подавления, в том числе и прав народов, и бесконтрольной произвольной перекройки национально-территориального и административного устройства субъектов советской федерации. Еще в октябре 1928 г. была предпринята попытка полностью передать Владикавказ в состав Северной Осетии, сделав его административным центром исключительно Северо-Осетинской АО. Было даже принято соответствующее решение Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б). Однако в тот же день ингушские руководители (в частности секретарь Ингушского обкома И. Зязиков и председатель Ингушского ОблЦИКа А. Горчханов) выступили с резким осуждением этого решения и выдвинули встречное предложение о передаче Владикавказа Ингушской АО. 16 октября 1928 г. бюро Ингушского обкома поручило председателю Ингушского облисполкома вынести данный

вопрос на рассмотрение ЦК ВКП(б), а также направить телеграмму Сталину с просьбой об отмене решения. Хотя на руководство Ингушетии оказывалось серьезное давление, инспирируемое, по некоторым данным, лично Сталиным, все же принципиальная и последовательная позиция, занятая руководителями области, возымела действие. ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР отменили решение краевого комитета «во избежание недовольства и трений между осетинским и ингушским народами».[248] 17 декабря 1928 г. состоялось заседание Центрального оргбюро ЦК партии, на котором было принято постановление: «1) Вопрос о Владикавказе с повестки снять. 2) Поручить Северо-Кавказскому крайкому и крайисполкому разработать вопрос о слиянии Чеченской области и Ингушетии».[249]

Секретарь Ингушского обкома ВКП (б) Идрис Бейсултанович Зязиков

Таким образом, силы, заинтересованные в отторжении лучших территорий от Ингушетии, не собирались успокаиваться. Для того чтобы передать Владикавказ Осетии, было решено объединить Ингушетию с Чечней, а для этого необходимо было избавиться от патриотически настроенных руководителей Ингушской АО.

В центре и в Северо-Кавказском крае развернулась кампания по дискредитации руководства и народа Ингушетии – руководителям Ингушетии пытались приклеить ярлыки «буржуазных националистов» и «контрреволюционеров». Хотя факты свидетельствовали об обратном – в этот период шел рост численности национальных кадров правоохранительных органов. Среди отличившихся работников правоохранительных органов следует назвать А. Наурбиева, А. Дахкильгова, О. Ахриева, М. Альтемирова, И. и Э. Гандаровых, А. Костоева, Д. Мурзабекова, М. Экажева и др.[250]

Председатель Ингушского областного Центрального исполнительного комитета Али Исаевич Горчханов

В ноябре 1928 г. принимается резолюция Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), в которой Владикавказская и Ингушская парторганизации объявлялись «центрами троцкистской работы на Северном Кавказе». В 1929 г. И. Зязиков был отстранен от должности секретаря Ингушского обкома партии под благовидным предлогом отправки на учебу на курсы марксизма в Москву. Почти одновременно его освобождают от обязанностей члена президиума Ингушского облисполкома.

Вместо И.Б. Зязикова секретарем Ингушского обкома становится И.М. Черноглаз. Он сразу начал проведение курса, отличавшегося крайней негибкостью и догматизмом, отсутствием понимания местных реалий, пренебрежительным отношением к истории, традициям, религии горцев. Главной своей задачей И. Черноглаз видел чистку Ингушетии от

Прокурор Ингушской АО Абдул-Мажит Хасбулатович Ведзижев. Владикавказ, 1920-е гг.

«контрреволюционных элементов» и своеобразно понимаемое «социалистическое строительство». В ряду мероприятий подобного рода особенно шокирующим для местного, глубоко религиозного ингушского населения стала кампания по борьбе с «реакционным духовенством», инициированная и рьяно проводимая новым секретарем обкома несмотря на протесты многих видных местных деятелей, в том числе и партийных.[251] Не меньшее возмущение вызвала развернутая И. Черноглазом и его сподвижниками репрессивная кампания в крае против всех подозреваемых в «контрреволюционных» действиях или намерениях. Закономерным результатом этой политики стала конфронтация между Черноглазом и практически всеми слоями ингушского общества и, как логический финал такой конфронтации, покушение на секретаря обкома и его убийство близ селения Галашки в 1930 г.[252]

По обвинению в организации убийства Черноглаза был бездоказательно арестован и предан суду И. Зязиков, вообще отсутствовавший в это время в Ингушетии и находившийся в Москве. И. Зязиков был приговорен к смертной казни, но после многочисленных ходатайств общественных организаций, различных государственных деятелей, в том числе хорошо знавших его еще со времен гражданской войны Г.К. Орджоникидзе и А.И. Микояна, расстрел был заменен на десять лет лишения свободы. В 1934 г. тюремное заключение было заменено ссылкой в Ульяновск. А в 1935 г. по решению Президиума ЦИК СССР бывший секретарь Ингушского обкома освобожден от дальнейшего отбывания наказания. Но уже в октябре 1937 г., в разгар самой кровавой кампании сталинских репрессий, И. Зязикова вторично арестовывают в Туле и переправляют в тюрьму г. Грозного, где спустя несколько месяцев, подвергшись изощренным пыткам и истязаниям, он умирает.[253]

Уже в июне 1933 г. от Ингушетии были отторгнуты в пользу Северной Осетии некоторые приграничные территории, в частности – в окрестностях Орджоникидзе (бывший Владикавказ; переименован по инициативе ингушского руководства в 1931 г). В июле 1933 г. Орджоникидзе был передан Осетии. В январе 1934 г. Ингушетия и Чечня объединяются в один территориальный субъект – Чечено-Ингушскую автономную область, которая затем, в декабре 1936 г. по новой «сталинской» конституции СССР стала Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической республикой в составе РСФСР со столицей в Грозном.

Таким образом, Ингушетия лишилась своего исторического и культурного центра – Владикавказа (Орджоникидзе). Помимо прочего, данный факт означал потерю практически всей промышленности, всей культурно-образовательной базы, складывавшейся десятилетиями как плод кропотливой деятельности не одного поколения ингушской интеллигенции. Дальнейшему поступательному развитию самостоятельной ингушской государственности был нанесен жесточайший удар. На долгие десятилетия Ингушетии была отведена роль экстенсивно развивающегося, практически сугубо аграрного и сырьевого региона, лишенного современного промышленного потенциала и базы для его развития, своего культурно-исторического очага Владикавказа, своей системы современного профессионального и, особенно, высшего образования.

После отторжения Владикавказа от Ингушетии, административный центр ингушского Пригородного района еще долгое время находился в городе. Только в феврале 1940 г. органы власти Пригородного района были переведены из Владикавказа в селение Шолхи (ныне Октябрьское).

Объединение Чечни и Ингушетии стало сильным ударом по неокрепшей, становящейся на ноги ингушской государственности. По большому счету, данная трансформация административно-политического статуса двух областей в виде их слияния не была выгодна никому, кроме сталинской бюрократии и самого «вождя народов», который уже строил конструкции будущей системы максимально эффективного контроля над территориями национальных окраин СССР. А для этого как нельзя лучше подходили лозунги типа древнеримского «Divide et impera» («Разделяй и властвуй»). Может возникнуть вопрос – о каком же разделении идет речь, если области, напротив, объединялись? Разве это не должно было служить делу подлинного объединения? Именно так реагировала на такие доводы и сталинская пропаганда, выдававшая манипуляции судьбами народов без их согласия и за их спиной за их же вековую мечту, именуя свой административный произвол «торжеством пролетарского интернационализма и дружбы народов». На деле же преобразования административного статуса, которые превращали две автономные, а значит находящиеся в более или менее равноправном положении по отношению к союзному центру, области, в составные элементы, пусть и бóльшей по размерам и территории, автономии, оборачивались поруганием прав и тех, и других. Если в отдельной автономии общественное мнение, пусть и слабо развитое в советской действительности, но никогда не сходившее «на нет» и сохранявшееся хотя бы в виде расхожих мнений в среде обывателей, могло за недостатки и упущения в работе предъявлять претензии прежде всего к властям «своей» национальной автономии, то в «общем доме» можно было легко перевести вектор недовольства на «братьев и соседей по общежитию», преимущественному удовлетворению запросов которых (от территориального вопроса до обеспечения промтоварами) якобы, оказывается предпочтение Москвой. В результате сложилась такая широко распространенная в советской действительности практика формирования общественного мнения в национальных частях двуединых автономий, когда одна из областей непременно винила другую в привилегированном положении и ущемлении своих интересов, а руководство всей республики – в том, что оно «работает» только на одну из составляющих. Именно так складывались мифы, часть из которых живет и поныне, о том, что в той же Чечено-Ингушетии обустраивалась только Ингушетия в ущерб Чечне, или наоборот (в зависимости от того, в какой части бывшей автономии родился тот или иной миф). Хотя на самом деле оба народа пострадали от такого объединения, а выиграла, как уже указывалось, одна номенклатура.

Ингушские национальные лидеры того времени должны были проявлять максимальную сдержанность и пытаться изменить ситуацию путем преимущественно не публичных, а кулуарных действий, которые к тому времени, после установления жесткой тоталитарной диктатуры Сталина, стали основным средством осуществления политической деятельности в СССР. Организация общенационального протеста и соответствующих акций проявления этого протеста в условиях, по сути, окончательно сложившегося к тому времени в стране жесткого варианта тоталитарной диктатуры, могло привести только к карательным действиям властей, связанным с ними многочисленным жертвам и разрушением всего того, что было построено за короткий период существования ингушской советской государственности. Однако все попытки ингушских общественных и государственных деятелей (в частности, И. Зязикова) воспротивиться реализации этих совер-

шенно не отвечавших национальным интересам ингушского народа шагам советских центральных властей не увенчались успехом, приведя лишь к усилению репрессий против патриотически настроенной части ингушской элиты и гибели в сталинских застенках многих видных ее представителей. Чтобы не допустить антиправительственных выступлений и «в назидание другим», 21 мая 1936 года СНК СССР принял постановление за номером 911-150сс, в соответствии с которым с Северного Кавказа была выселена 1 тысяча кулаков.

В ходе репрессий в Ингушетии из 75 кандидатов в члены обкома ВКП (б) пострадали 30, а также десятки офицеров и ответственных работников.[254] В 1937 г. в ЧИАССР были репрессированы 20 из 28 секретарей обкомов, 17 парторгов, 77 членов райисполкомов, 192 работника сельских организаций (учреждений), не считая рядовых тружеников.

Накануне Великой Отечественной войны в результате сталинских манипуляций с территориальным и административно-политическим перекраиванием карты Северного Кавказа на территории ингушских районов ЧИАССР самым крупным промышленным предприятием был трест «Малгобекнефть» (созданный в 1933-1934 гг.) – молодой и бурно развивающийся центр нефтедобычи и нефтепереработки, входивший в состав объединения «Грознефть». В преимущественно аграрных Назрановском, Пригородном, Сунженском, Галашкинском и Ачалукинском районах республики работали крупзавод, мельницы, консервные заводы, предприятия пищевой промышленности, многочисленные колхозы и совхозы. Среди передовиков сельского хозяйства было много стахановцев, среди них Н. Муталиев, Т. Чахкиев и др.[255]

5. Культурное развитие Ингушетии в 20-30 годы XX в.

Образование. После установления Советской власти на Северном Кавказе развитию образования стали уделять больше внимания. В «Декларации прав народов России» от 9 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР провозгласил полное равенство народов России, их право на самостоятельное и свободное развитие. В осуществлении этих принципов по линии народного образования Народным комиссариатом просвещения было издано в 1918 г. постановление «О школах национальных меньшинств» (1918 г.) и «Положение о единой трудовой школе», утвержденный ВЦИК РСФСР 16 октября 1918 г.[256]

В Терской республике, в состав которой входила и Ингушетия, Народный комиссариат просвещения, созданный в 1918 г. на Пятигорском съезде народов Терека, возглавил Яков Львович Маркус. «За короткий отрезок времени комиссариат проделал значительную работу. Были открыты школы в различных местах края, в том числе и среди горского населения. Наряду с общеобразовательными предметами в школах вводился ручной труд, гимнастика и предметы художественного воспитания».[257] В то же время решался вопрос и об обеспечении школ педагогическими кадрами. Декретом Совета народных комиссаров Терской области от 5 июля 1918 г. были открыты краткосрочные курсы для подготовки учителей.[258]

В ноябре 1918 г. Наркомпрос издал постановление об организации «Отдела просвещения национальных меньшинств», который принял к себе все национальные культурно-просветительские отделы Наркомнаца в качестве своих национальных подотделов. Один из 14 подотделов составляли представители Кавказа, которые координировали вопросы развития национальной школы в республиках.

В 1918 г. были изданы первые советские нормативные документы, в которых национальная школа выступала как самостоятельный тип учебного заведения в структуре советской общеобразовательной школы.[259]

Организация народного образования в национальных регионах Российской Федерации касательно нерусского населения в первые годы Советской власти находилась в юрисдикции Народного комиссариата по делам национальностей и Народного комиссариата просвещения. 20 мая 1920 года в Наркомнаце были созданы чеченский, ингушский и осетинский национальные отделы. После упразднения Наркомнаца в 1924 году все вопросы образования нерусских народов находились в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР, где имелись отделы, персонально занимающиеся организацией системы образования национальных меньшинств непосредственно в высшем органе государственной власти – Президиуме Всероссийского центрального комитета, при котором организовывались постоянные представительства от всех автономных республик и областей.

Заурбек Куразович Мальсагов (1894-1935)

Народный комиссариат Горской АССР. В центре сидят З.К. Мальсагов и В.В. Темашевский. Владикавказ, 1921 г.

Алимы и муталлимы сел. Ангушт. Крайний справа внизу Хусейн Албастович Матиев (1901-1947). 1920-е гг.

Существовавшая в Ингушетии до гражданской войны школьная сеть была уничтожена и «до 1920 г. никаких учебных заведений в Ингушетии не существовало».[260] В начале 20-х гг. XX в. безграмотность населения Ингушетии была почти поголовной, только верхушка ингушского общества читала и писала по-русски и по-арабски.

После восстановления Советской власти в марте 1920 г. при ревкомах начали создаваться отделы народного образования.

Развитие народного образования зависело от создания письменности. В 1920 г. приказом по Отделу народного образования Ингушского ревкома № 9 от 11 июля была учреждена комиссия по разработке ингушской азбуки. В результате работы комиссии был выработан проект ингушского алфавита, основанный на латинской графике, и начата работа по подготовке материалов для грамматики и словаря. По этому вопросу был проведен ряд совещаний с участием специалистов-филологов. Были рассмотрены два проекта: проект М.М. Альтемирова и проект комиссии, возглавляемой З.К. Мальсаговым. Первый проект, ввиду ряда недостатков – громоздкости, непоследовательности в передаче звуков и т. д. – был отвергнут, второй проект – принят. В результате работы комиссии появился первый букварь под названием «Neana mott» («Родной язык»). Ингушетия первой на Северном Кавказе приняла алфавит на основе латинской графики. Алфавит, разработанный З.К. Мальсаговым, бывшим тогда Наркомом просвещения Горской республики, был утвержден в 1921 г.,[261] но введен был только в 1923 г. Первая газета на ингушском языке «Сердало» («Свет») вышла во Владикавказе 1 мая 1923 г. Этот день считается днем зарождения ингушской письменности.

В Ингушетии с 1920 г.начали создавать ликпункты и школы. В первые годы тяжелое положение складывалось с помещениями для школ. «Под школы приходилось использовать частные квартиры, а в некоторых случаях – бывшие мечети. В селении Яндырка Назрановского района была открыта двухклассная школа в здании мечети (1920 год). Ее организатором и первым учителем была Е.М. Албакова – выпускница Ольгинской женской гимназии города Владикавказа. В селении Барсуки этого же района школа находилась на территории мечети и мусульманской школы».[262] В то же время школа была открыта в с. Барсуки на территории мечети и в помещении мусульманской школы. Обе школы были открыты при широкой материальной поддержке населения.

В это же время в с. Гамурзиево была открыта школа в построенном из саманного кирпича здании, находившемся напротив сельской мечети. Позже это здание было переоборудовано в клуб (вначале клуб им. Гапура Ахриева, после – клуб «Красный Октябрь»), но дети продолжали заниматься в этом здании до открытия в с. Гамурзиево нового кирпичного здания школы в 1928 г.

Учредительный съезд Горской АССР, состоявшийся 16 апреля 1921 г., принял решение о хозяйственном и культурном строительстве республики. Народный комиссариат

просвещения Горской АССР возглавил В.В. Темашевский. Сотрудником отдела политпросвета ингушского народного образования в 1920-1921 гг. был М.А. Булгаков.[263]

В том же 1921 г. Наркомпрос ГАССР вынес решение об установлении твердой сети школ «Для этого органы народного образования брали под свой контроль каждую школу, добиваясь открытия новых там, где имелись школьные здания, педагогические кадры. Силами наиболее опытных педагогов были пересмотрены учебные планы и программы, которые строились по принципу преемственности, начиная с начальных школ, организована методическая помощь учителям в повышении их квалификации».[264]

Юсуп Дудаевич Тамбиев (1906-1945). В 1930-х гг. директор Ингушского индустриального политехникума в г. Орджоникидзе, в1938-1944 гг. – председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР

20 января 1921 г. была организована Назрановская окружная комиссия по ликвидации безграмотности. В газете «Советский Юг» (№ 70 от 31 марта 1921 г.) сообщалось: «Для более успешного проведения ликвидации безграмотности Назрановский округ разбит на три района с районными комиссиями в селениях Длинная долина, Насыр-Корт и Средние Ачалуки с инструкторами, считая по два на каждую комиссию… Во Владикавказе с 15 февраля с.г. открыты, преимущественно для ингушей, курсы для подготовки учителей – ликвидаторов неграмотности… Открыты школы (имеются в виду пункты по ликвидации неграмотности, – Ред.) для взрослых неграмотных в нижеследующих пунктах: с. Длинная Долина, где обучаются 16 учеников в возрасте от 18 до 35 лет, в с. Насыр-Корт, в Экажево, в с. Сурхахи, где обучаются 42 чел. возрасте от 15 до 33 лет, в хуторе Яндиевском, где обучаются 49 учеников в возрасте от 17 до 25 лет, в хуторе Гадаборшево, где обучаются 28 чел. в возрасте от 16 до 36 лет. Из ряда пунктов сведений не получено».[265]

Ликвидация неграмотности проходила в очень сложных условиях: в селах и аулах не было подходящих помещений для занятий, не хватало учебников, элементарных письменных принадлежностей, не хватало и достаточно подготовленных кадров. Решить задачу просвещения масс невозможно было без подготовки педагогических кадров.

В 1920 г. Ингушский отдел народного образования призвал на работу учителей бывших начальных школ. На призыв откликнулись всего пять учителей-ингушей. В эти годы на учительскую работу брали и просто грамотных людей без всякого педагогического образования. В июле 1920 г. были открыты педагогические курсы во Владикавказе для подготовки национальных кадров учителей. В середине 20-х гг.

Школа в ауле Барсуки. 1920-е гг.

Школа во Владикавказе. Первая половина 1920-х гг.

открылись курсы усовершенствования учителей. В результате в 1921 г. был укомплектован учительский корпус численностью в 30 человек.[266] Было принято решение привлечь для работы в школах всех грамотных людей.

18 июля 1921 г. Совет народных комиссаров Горской АССР принял постановление «О ликвидации неграмотности среди населения», которым обязал всех граждан республики от 14 до 30 лет обучаться грамоте на родном и русском языках. Было создано общество «Долой неграмотность», в результате деятельности которой в Ингушетии общая грамотность повысилась по сравнению с 1920 г. с 3 % до 8,3 %.[267]

В том же году в Ингушетии новые школы были открыты в селении Базоркино, на станции Назрань и в других местах.[268]

У детей для посещения школ не было необходимой одежды, обуви, теплых вещей, и их привлекали для работы в подсобных хозяйствах. В 1921 г. без мебели, инвентаря, без соблюдения санитарно-гигиенических требований, в наемных помещениях в Ингушетии начинает работать 21 школа 1 ступени, в которой обучалось 1674 ребенка. Преподавание велось на русском языке. Учителя в основном были русские, но были и ингуши.[269]

В 20-х гг. XX в. на территории Ингушетии продолжали функционировать и мусульманские школы. Их количество превышало количество светских школ. В 1923 г. в Ингушетии функционировали 26 арабских школ. Только в трех округах Ингушетии – Назрановском, Ачалукском и Горном – в 26 арабских школах обучалось 1146 детей (более 14,3 % от общего числа детей).[270] На 1 марта 1929 г. в Ингушетии функционировали 32 арабские школы, в которых чтению, изучению и толкованию Корана обучались полторы тысячи ингушских детей, и 32 медресе с 825 учениками.[271]

В этих школах обучали не только Корану и арабскому языку, но и ингушскому языку и ингушскому письму, созданному на основе арабского алфавита с добавлением знаков, обозначающие ингушские звуки, не имеющиеся в арабском алфавите.

Новая власть вела борьбу против духовно-религиозных школ. Терским облревкомом было принято решение об отмене «закона Божия» в школах и передаче всех учебных заведений, находящихся в подчинении религиозных обществ, в ведение отдела народного образования.[272] Религиозные школы в Ингушетии были полностью закрыты в начале 30-х гг.

Поэт, педагог, просветитель Тембот Дордаганович Беков (1879-1939)

В 1920 г. в Ингушетии открылись первые детские площадки (сады). Газета «Красная Ингушетия» сообщала: «В селениях Насыр-Корт и Гамурзиевском открыты детские площадки на 60 детей каждая… 25 мая 1920 года у завед. Отд. Народного Образования Назран. Окруж. Ревкома были выборные представители от сел. Насыр-Корт, делегированные просить об открытии второй площадки, ввиду наплыва детей и недостаточности одной уже существующей, рассчитанной только на 60 детей».[273] В том же году, по сообщению газеты, были открыты детские площадки в Барсуках, Плиево, Базоркино, Ачалуках, Ангуште, Яндаре.[274]

Учительские курсы при Ингушском педагогическом техникуме. Владикавказ, 1924 г.

Второй выпуск Ингушского педтехникума. Владикавказ, 1930 г. Крайний справа в 1-м ряду снизу – Идрис Базоркин.

В 1921 г. было создано 23 ликпункта, в которых обучалось 1700 человек.[275] Совет народных комисаров Горской АССР 17 ноября 1923 г. принял постановление, в котором говорилось: «Все население ГАССР в возрасте от 18 до 35 лет, не умеющее читать и писать, привлекается к обучению грамоте на родном языке или на русском языке (по желанию) в течение 1923-1927 годов».[276]

В июне 1923 г. был разработан пятилетний план ликвидации неграмотности в Горской Республике на 1923-1927 гг. В декабре 1923 года во Владикавказе состоялась первая общекавказская методическая конференция по ликвидации неграмотности. От Ингушетии в ее работе принял участие Заурбек Мальсагов. «В своем докладе Заурбек Мальсагов сообщил, что первые шаги по ликвидации неграмотности среди ингушского населения уже сделаны. В частности принят алфавит на латинской основе и выпущена ингушская газета «Сердало». У населения наблюдается большая тяга к просвещению, есть просьбы об открытии женских школ в сельской местности. Вместе с тем оратор говорил о трудностях, об отсутствии необходимых средств для развития народного образования. Конференция приняла решение о создании боевых отрядов по ликвидации неграмотности. Каждый такой отряд должен был состоять из трех человек: партийного работника, агитатора и методиста. Вооруженные агитационной и методической литературой, эти отряды должны были направляться в села и аулы для усиления борьбы с неграмотностью. Вопрос ставился так: любой грамотный человек должен стать учителем, а каждая сакля горца – классной комнатой для обучения азбуке».[277]

С целью приближения вузов к нуждам хозяйства и культуры края была проведена реорганизация высших учебных заведений Горской республики. Так в 1923 г. Политехнический институт был преобразован в Горский сельскохозяйственный, а Горский институт народного образования в 1924 г. был преобразован в Горский педагогический институт. В 1923 г. в этом институте обучалось 32 ингуша.[278]

В борьбе за ликвидацию неграмотности значительную роль сыграли избы-читальни. В этих избах-читальнях работали квалифицированные специалисты. Хорошо подготовленными работниками были укреплены избы-читальни в селениях Кантышево, Даттых, Бамут, Барсуки, Шолхи, Ангуште и др.[279]

В 1925-1926 учебном году в Ингушетии функционировало 23 школы, в которых учились 1903 учащихся.[280] В процентном отношении в 1924-1925 учебном году учебой было охвачено 10 процентов детей школьного возраста, в 1925-1926 г. – 18,5 процентов.[281] «В

1926 г. наблюдается еще большее расширение школьной сети: вместо 16 школ работает 21 школа 1 ступени с 1590 учащимися, 4 школы передвижки, одна школа ткачества, 4 школы кройки и шиться, годичные педагогические курсы, подготовительная группа рабфак, педтехникум с опытно-показательной школой, индустриальный и сельскохозяйственный техникумы и 10 изб-читален».[282] За 1926-1927 гг. в Ингушетии было открыто 29 ликпунктов и окончило их 5718 человек.[283] В 1929-1930 учебном году в Ингушетии обучалось более 7 тысяч человек.[284] В 1929-1930 учебном году охват детей школьного возраста школой увеличился до 57 процентов.[285] С 1931 г. в Ингушетии был введен всевобуч. В 1933 г. число школ достигло 55 с числом учащихся в 12076 человек.

Школа-интернат у с. Хамхи. 1930-е гг.

Большое значение для развития школьного образования имело постоянное увеличение ассигнований на просвещение. Так в 1922-1923 учебном году расходы на образование в Ингушетии составили 35 процентов к общей сумме расходов по смете. В 1925-1926 учебном году на просвещение было израсходовано 466,8 тысяч рублей, в 1927-1928 г. – 534,2 тыс. руб., в 1928-1929 г. – 457,5 тыс. руб.[286] Рост ассигнований на просвещение способствовал интенсивному строительству школ.

В результате этих мер на плоскости и в горных районах было построено много новых школьных зданий: в Галашках, Мужичах, Шолхах, Алкуне, Бамуте, Даттыхе, Алхастах, Длинной Долине, Ахки-Юрте, Реданте, Назране, Гамурзиево, Насыр-Корте, Яндаре, Ачалуках, на Камбилеевских хуторах и др.

На базе бывшей первой горской школы в октябре 1924 г. в крепости Назрань «открылась первая сельскохозяйственная агрономическая школа и начал функционировать агрономический участок. Сельскохозяйственная школа со временем стала базой первого среднего учебного заведения Ингушской автономной области».[287] Позже эта школа была переведена во Владикавказ и преобразована в опорную школу при Ингушском педагогическом техникуме.

Здание Общегорского зоотехнического ветеринарного техникума в сел. Гамурзиево. 1934 г.

В развитии народного образования Ингушетии большое

Ахмет Хакяшевич Дахкильгов. 1935 г.

значение имела первая учительская конференция, открывшаяся 27 ноября 1924 г. во Владикавказе, которая указала на необходимость расширения школьной сети, охвата всех детей школьного возраста и ликвидации неграмотности.[288]

Важным явлением в культурной жизни Ингушетии являлось то, что в 20-30-х годах во Владикавказе существовала ингушская национальная школа, в которой преподавание велось на ингушском языке.

Для подготовки педагогических кадров Ингушетии в 1924 г. во Владикавказе был открыт Ингушский педагогический техникум, который стал кузницей педагогических кадров для ингушских школ. При техникуме была организована показательная школа, а также постоянно действующие учительские курсы. В техникуме со дня его открытия ингушский язык и литературу преподавал Тембот Дордаганович Беков, а русский язык и литературу – Виктория Константиновна Абрамова.

Владикавказ являлся центром подготовки квалифицированных кадров для горских областей. В 1930 г. здесь насчитывалось 13 средних специальных и высших учебных заведений, готовящих кадры для национальных областей Северного Кавказа. Выделялись места и в других городах России для подготовки ингушских специалистов.

В этих учебных заведениях готовились специалисты для сельского хозяйства и народного просвещения. При сельхозинституте был создан рабфак, в котором горцев готовили для поступления в вузы. Для подготовки национальных кадров при Ростовском, Кубанском и других рабфаках были созданы горские отделения. В результате такой работы в Ингушетии появилось значительное число учителей, агрономов, советских работников и т. д.

Ужахов Магомед Гакиевич (1913-1975) – учитель Базоркинской школы. Автор «Русско-ингушского словаря» (Владикавказ, 1927). В 1932 г. награжден орденом «Знак почета».

Подготовка партактива из коренной национальности проходила в Коммунистическом университете трудящихся Востока, совпартшколе и других учебных заведениях страны. В 1924 г. В КУТВе обучалось 16 ингушей. В 1925 г. его окончили А.К. Хаматханов, С.Х. Куркиев, Ж.Я. Хантыгова, Л. Албогачиева, Дж.С. Базоркина и др.[289]

В 1925 году согласно данным, приводимым в отчетном докладе председателя облревкома, состояние дел в народном образовании Ингушетии было следующим: «Имеются 2 техникума: педагогический и индустриальный (оба техникума располагались во Владикавказе, – Ред.), сельскохозяйственная школа в крепости Назрань, областная опытно-показательная школа во Владикавказе, совпартшкола, подготовительная группа рабфака и 14 сельских школ 1 ступени и 20 ликпунктов… Все школы снабжены учебниками и принадлежностями даже с запасом… Общее количество учащихся, за исключением ликпунктов, свыше 1500 чел. Организована сельскохозяйственная школа в крепости Назрань. Организована подготовка учителей родного языка. По политпросвету: в с. Гамурзиево имеется клуб,

3 избы-читальни в с. Ахки-Юрт, Гамурзиево и Ср. Ачалуки и 12 ликпунктов при школах 1 ступени».[290]

До 1928 г. в Ингушетии было построено 20 новых школ.[291] Строительство новых школ продолжалось и в последующие годы.

Лишь в горной зоне Ингушетии, где имелось 145 мелких населенных пунктов (иногда по 2-3 семьи в населенном пункте), школы не строились, т. к. строительство школ в каждом населенном пункте не представлялось возможным. В Горной Ингушетии в последующем (в 1931 г.) была открыта школа-интернат у селения Хамхи. Первым ее директором был Джабраил Хаматханов. Интернат функционировал до выселения ингушей в 1944 г.

Мурцал Цокиев, автор учебника ингушского языка

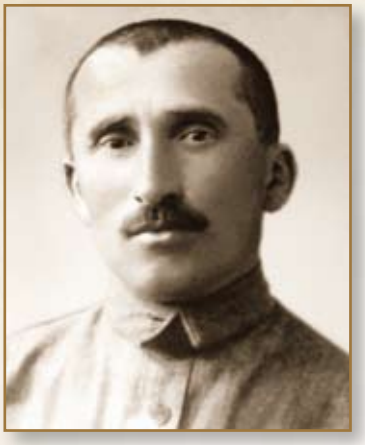
В 1930 г. Северокавказский крайком принял Постановление, в котором указывалось: «Укрепить национальные педагогические техникумы, увеличить в них число слушателей, превратить в 1930-1931 учебном году Владикавказский горский педагогический институт по составу слушателей действительно в Горский». В результате увеличился набор ингушей в учебные заведения. В Ингушетии соответственно было подготовлено: в 1928-1929 гг. – 138; в 1929-1930 гг. – 201; в 1931-1932 гг. – 480 человек.[292]

В 1928 г. во Владикавказе был открыт Общегорский зоотехнический ветеринарный техникум. В 1932-1937 гг. директором этого техникума являлся Ахмет Хакяшевич Дахкильгов.

В целях приближения учебы к производству сельхозтехникум из Владикавказа был переведен в Назрань. В 1932 г. здесь были открыты отделения: животноводческое, ветеринарное и полевых культур.[293]

В период руководства А.Х. Дахкильгова при техникуме было создано крупное сельскохозяйственное производство и солидная учебная база. При нем были построены и запущены в эксплуатацию собственная баня-прачечная, общежитие для студентов, квартиры для преподавателей, электростанция с паровым отоплением для зданий, большое учебное хозяйство, оборудованный клуб с собственным звуковым киноаппаратом, столовая с буфетом и ледником, радиоузел, портняжная, сапожная, кузнечная и столярная мастерские, парикмахерская. На пустоши, на месте ям и канав, студентами техникума был разбит парк отдыха,

Ученики Назрановской школы.1930 г.



Учитель Курус Керимович Астемиров. 1930-е гг.

построены постройки для подсобного хозяйства работников и преподавателей техникума. Отлично были подготовлены кабинеты учителей и классы для занятий. Богатый набор наглядных пособий, компетентные преподаватели, четко организованные занятия – все это способствовало тому, что из техникума выходили хорошие специалисты своего дела.

Для эффективного обучения родному языку в школах необходимы были учебники. В 1920-1930-х гг. учебники по ингушскому языку и литературе издавали Зарахмет Тимиев, Салман Озиев, Солтаби Саутиев, Умар Дзортов, Мурцал Цокиев, Идрис Базоркин, Хамзат Осмиев и др.

Были изданы первые буквари, задачники, учебные пособия, составленные для ингушских сел З. Мальсаговым и М. Цокиевым, Т. Бековым, а также «Ингушские сказки» Ибрагима Мальсагова, «Ингушские песни» Зарахмета Измайлова, учебник по «Родной речи» для 1-2-х классов З. Тимиева и др.

Перед началом 1933-1934 учебного года Ингушский отдел народного образования направил в сельские школы большую партию учебников: букварь «Ударник» С. Озиева, задачник по арифметике Х. Осмиева, «Естествознание» А. Шадиева, «Юные ударники» Кретковской, «По заветам Ильича» Забарной и др.[294]

Над терминологическими сборниками работали Тембот Беков, Хаджи-Бикар Муталиев (в мае-июне 1933 г. в Орджоникидзе вышло 2 выпуска сборника под редакцией З.К. Мальсагова). Во Владикавказе функционировал педагогический техникум, ставший кузницей педагогических кадров Ингушетии.

В начале 30-х гг. встал вопрос о введении всеобщего начального образования, который был решен в 1931 году. Была поставлена задача перехода к всеобщему семилетнему образованию.

Стали строиться новые школы, объявлялись культпоходы, с большей силой развернулась борьба за ликвидацию неграмотности.

Аюп Базиевич Бузуртанов (1897-1943), преподаватель математики и директор Насыр-Кортовской неполной средней школы Чечено-Ингушской АССР

К национальным областям прикреплялись передовые районы Северо-Кавказского края для обмена лучшим опытом работы. Шефы оказывали материальную помощь и направляли культармейцев. Над Ингушетией шефствовал г. Ростов. К примеру, Андреевский район Ростова в порядке оказания шефской помощи Ингушетии выделил 11500 рублей, направил сюда пять организаторов-культармейцев, организовывал регулярные выезды кинопередвижек.[295]

В 1930 г. во Владикавказе работало 13 специальных средних и высших учебных заведений, готовящих кадры для национальных областей Северного Кавказа. В 1931 г. только в рабфаках при Горском педагогическом и Горском сельскохозяйственном институтах обучался 101 ингуш. В медицинском техникуме г. Владикавказа обучалось 6 девушек-ингушек.[296]

Подготовка специалистов высшей и средней квалификации из числа ингушей осуществлялась не только в пределах национальных областей. Большое число молодежи обучалось за пределами Ингушетии. В 1931 г. Крайнацсовет выделил че-

рез областной Отдел народного образования Ингушетии целевые места в различных учебных заведениях. Для подготовки кадров высшей квалификации были выделены места и в высших учебных заведениях России. Причем 20 % мест были предоставлены женщинам.

Уже к 1932 г. в школах Ингушетии работало 12 учителей-ингушей с высшим педагогическим образованием. В аспирантуре Горского сельхозинститута обучалось 7 человек, в том числе одна из первых ученых-ингушек Т. Гойгова. В те же годы по направлению ОНО Ингушетии в Ленинградский институте восточных языков на арабское отделение поступили М.К. Куркиев и Д.С. Омархаджаев. Англо-турецкое отделение того же института окончили Н.С. Базоркина и В.З. Кодзоева.[297]

В Ингушетию направлялись из Москвы и других регионов учительские кадры. Большую помощь в подготовке национальных кадров оказали замечательные педагоги: З.А. Гавришевская, О.П. Беловидова, В.К. Абрамова, В.М. Руженцова и многие др.

Теплые воспоминания оставил в памяти жителей с. Галашки школьный учитель Иван Семенович Ивченко. Он в 1938 г. окончил учительские курсы и стал работать учителем русского языка в единственной школе в с. Галашки, которая находилась в старом неприспособленном здании.[298]

В этот же период открываются вечерние школы, где обучалась молодежь после работы.

Количество школ первой ступени (5 лет образования) с 1928 по 1931 гг. увеличилось с 32 до 46. Система образования к 1930 г. в Ингушской АО имела 33 школы, в которых обучалось 4400 человек. Кроме школ, Ингушетия имела 11 специальных учебных заведений (техникумы и профшколы), в которых обучалось 1130 человек, в том числе 200 женщин.[299]

В 1930-х годах учителя Ингушетии добиваются больших успехов в образовании. Журнал «Северо-Кавказский учитель» помещает несколько материалов, посвященных успехам начальной школы с. Насыр-Корт и ее учителям. «Краевая конкурсная комиссия, отмечая особо выдающуюся работу Насыр-Кортовской школы, утвержденной Наркомпросом в апреле месяце за высокие показатели по итогам 1933-1934 уч. года в качестве образцовой, присудила первую премию учителю 1-го класса Астемирову К. и несколько премий лучшим ученикам: Аспиевой Хатар (1 кл.), Цораевой Халите (2 кл.)».[300]

Возглавлял коллектив Насыр-Кортской начальной школы Аюп Базиевич Бузуртанов. В 1936 г. в «Северо-Кавказском учителе» под рубрикой «Наши лучшие учителя» была опубликована статья, посвященная его педагогической деятельности.[301]

В связи с переводом в 1938 г. письменности ингушей на русскую графику в школах вводились новые учебные программы, соответственно нужны были

Типография «Сердало» во Владикавказе. 1930-е гг.

хорошо подготовленные педагогические кадры, учебники, наглядные пособия и письменные принадлежности.

В 1938-1939 гг. при Наркомате просвещения Чечено-Ингушетии были организованы краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке учителей, через которые прошли все преподаватели нерусских школ.

В 1939 г. за успехи в обучении и воспитании детей в сельских школах 27 учителей были награждены орденами и медалями СССР. Среди них Ф.Г. Градусов – заведующий учебной частью Карабулакской школы Сунженского района, награжденный Орденом Ленина, К.К. Астемиров – учитель неполной средней школы с. Насыр-Корт Орденом Трудового Красного Знамени.

Процесс развития образования, как, в общем, развития всей культуры и науки Ингушетии, замедлился в связи с несколькими событиями: в связи с передачей г. Орджоникидзе (Владикавказа) Осетии в августе 1933 г., в результате чего ингуши лишились своего культурного центра; в связи с объединением Ингушетии с Чечней в январе 1934 г., в результате чего в течение нескольких лет все культурные, научные и просветительские центры были перемещены в г. Грозный, который так и не стал подлинной столицей Ингушетии; в связи с началом войны СССР с Германией в 1941 г.

В 1944 г. процесс развития образования в Ингушетии был насильственно прерван на долгих 13 лет в результате ликвидации Чечено-Ингушской АССР и депортации ингушского народа вместе с чеченским народом в Казахстан и Среднюю Азию.

Издательское дело. Сразу по окончании гражданской войны в 1918 г. стала выходить газета «Горская беднота», затем, с 1920 г. – «Красная Ингушетия».[302] В Ростове-на-Дону выпускался журнал «Революция и горец». Областные, окружные партийные и советские органы издавали свои газеты: «Советский Кавказ», «Ингушская беднота», «Горская правда», «Коммунист». Поступали в Ингушетию и издания центральной печати, такие, как «Советский Дон», «Гудок», «Известия ВЦИК», «Трудовая жизнь»[303] и другие.

Введение письменности родного языка позволило создать периодическую печать на ингушском языке. 1 мая 1923 г. вышел первый номер ингушской газеты «Сердало» – орган Ингушского окружного комитета РКП(б) и ингушского окрисполкома. Ее первым редактором был ученый-лингвист Заурбек Куразович Мальсагов, ответственным секретарем и корректором был талантливый поэт и переводчик Тембот Дордаганович Беков. Тираж первого номера газеты был небольшим – всего 500 экземпляров. В 20-х годах активное участие в работе газеты принимали общественно-политические и культурные деятели Ю. Албогачиев, С. Альдиев, З. Тутаев, М. Аушев, М. Кац, М. Мальсагов и др.

На страницах «Сердало» печатался новый алфавит, что помогало усвоению письменности. В конце 20-х гг. на страницах национальной газеты появилась литературная страничка, с которой и началась деятельность многих ингушских писателей. Уже в первых номерах газеты «Сердало» были опубликованы художественный очерк С. Альдиева «1 мая», произведение Т. Д. Бекова «Ранняя весна» и переведенный им на ингушский язык «Интернационал», а в 1925-1927 гг. – пьесы З.К. Мальсагова «Похищение девицы», «Месть» и произведения других писателей.

При проведении культурных преобразований большое значение имело книгоиздательское дело. В 1928 г. во Владикавказе было организовано Ингушское издательство «Сердало», при котором была открыта типография «Сердало». В 1926-1929 гг. в Ингушетии вышло книг общим объемом в 719 печатных листов, тиражом 367 тыс. экз.

Большую помощь издательской деятельности Ингушетии оказывал Крайнациздат, который выпустил в 1925-1928 гг. печатной продукции объемом в 354 печатных листа. В

1930 г. в области было издано книг общим объемом в 129 печатных листов.[304] Одних учебников в 1933 г. издано свыше 20 наименований.

После объединения Чечни и Ингушетии уже в Грозном стали издаваться республиканские газеты «Грозненский рабочий», «Ленинский путь», «Сердало» и районные газеты.

Литература. В 1924 г. организовалось Ингушское литературное общество, которое в 1927 г. было преобразовано в Ассоциацию ингушских писателей, входящую в Северо-Кавказский отдел Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей.

Зарождение ингушской литературы советского периода, начавшееся сразу же с 1917 г., происходило на основе русского языка, т. к. до 1923 г. не было ингушской письменности. Среди зачинателей ингушской литературы на русском языке первым стоит имя Абдул-Гамида Гойгова. Под собственным именем и под псевдонимами (Агсиго-Черный, Кара, Чулта, сын Теркача) им в газетах «Народная власть», «Революционный горец», «Вольный горец» и др. первоначально были опубликованы статьи и очерки «Ингушский народ. Страдания ради свободы», «Бывший союз горцев Северного Кавказа (его возникновение, цель и распад)», «Забытые», «Конец грабежа». Эти произведения часто писались наскоро, откликаясь на злобу дня. Газетные публикации естественно носили публицистический характер и нередко страдали в художественном отношении. Согласно велению времени в них часто звучали декларативность и лозунговость. В те годы А.-Г. Гойговым был написан ряд очерков, дневниковых записей. Опубликованы они лишь в 1960-х гг. Как активный участник революционных событий на Северном Кавказе, писатель в своих очерках сумел создать ценную документальную картину гражданской войны на Тереке. Эти очерки свидетельствуют, что фундамент молодой ингушской литературы закладывала революционно-историческая тема.

Одним из зачинателей ингушской литературы на родном языке является З. Мальсагов. Должное внимание он уделял переводной литературе, записям фольклорных текстов и их изучению. Имеется в его наследии и несколько литературно-критических работ. В области литературы З. Мальсагов проявил себя как талантливый драматург.

В 1923 г. вышла в свет его пьеса «Похищение девушки», явившаяся первой книгой в местной литературе на ингушском языке. Пьеса была создана с учетом современной ей действительности. Идейно-тематической основной пьесы стал калым. Словами одного из героев пьесы, ее мораль заключена в следующем: взаимоотношения людей должны строиться, исходя не из материальных интересов, а из достоинств самой личности.

Вторая пьеса драматурга «Кровная месть» (1927 г.) посвящена кровной мести. Эта тема раскрывается в пьесе на фоне правдиво и художественно проработанной картины экономического и социального положения ингушей в предреволюционный период. Правдивое художественное отображение тяжелой жизни ингушского народа в тот период проходит через ткань всей пьесы.

Идейная глубина, реалистичность драматургии З. Мальсагова определили их значительное общественно-воспитательное значение. Идейно-тематическая и художественная основы творчества зачинателя ингушской драматургии оказали большое воздействие на дальнейший рост ингушской драматургии.

Рождающаяся ингушская драматургия менее других родов литературы была связана с литературным языком (его становление только начиналось). Первоначально драматургия могла обойтись просторечным языком, что способствовало преимущественному развитию местной драматургии. Вслед за З. Мальсаговым в конце 20-х годов появились драматические произведения Х.-Б. Муталиева «Око за око, зуб за зуб», А. Чахкиева и Р.

Ужахова «Несчастный брак» Пьесы были написаны на бытовые темы, ставили проблемы, связанные с судьбой ингушской женщины.

Новый подъем ингушской драматургии и ее утверждение начинается с конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда отдельными книгами были изданы пьесы А. Шадиева и С. Гайсанова «Мюрид», Б. Дахкильгова «Знахарка» и Х.-Б. Муталиева «Культармейцы». Первая из названных пьес в духе своего времени имеет антирелигиозную направленность и проповедует борьбу с так называемом кулачеством. Две последующие пьесы тематически смыкаются – обе они борются с таким социальным злом, как знахарство.

В 1929 г. Орцхо Мальсагов написал и сам поставил с самодельным коллективом пьесу «Салихат». Тема просвещения, поднятая в молодой литературе, в пьесе получила свое дальнейшее развитие. Впервые в этой пьесе путь духовного обновления ингушки мыслился через образование.

Пьеса Орцхо и Дошлуко Мальсаговых «Перелом» стала новым явлением в развитии ингушской драматургии. Она достаточно глубоко анализирует ингушскую действительность 20-х – начала 30-х гг. Эта многоактная пьеса ставилась на ингушском и русском языках. Написана она была к Олимпиаде искусств народов Кавказа, которая должна была состояться в Ростове в 1931 г.

Ингушская драматургия тех лет, оттолкнувшись от народных драматических традиций, под живительным влиянием русской классической драматургии зародилась и стала на ноги раньше других родов литературы. Здесь проявилась одна из специфических закономерностей рождения ряда младописьменных литератур.

В 20-30-х годах в Ингушетии в учебных заведениях, учреждениях и предприятиях часто возникали любительские драматические коллективы. Просуществовав некоторое время, они чаще всего распадались. Назревала необходимость создания профессионального коллектива. За это дело взялся драматург Орцхо Мальсагов. Его усилиями была создана Ингушская театральная студия. Драматурги и актеры в этой студии совершенствовали свое мастерство; они приложили немало сил для культурного обслуживания населения. Об успешной работе студии ярким свидетельством стало то, что постановленный ею спектакль по пьесе «Перелом» на Олимпиаде народов Кавказа в 1931 г. в Ростове-на-Дону занял первое место и был награжден дипломом и красным знаменем.

Новый качественный рост народной поэзии рубежа XIX-XX вв. подготовил почву для создания ингушской письменной поэзии, что и произошло с появлением письменности. Сравнительно с прозой и драматургией поэзия развивалась более медленно. Основным печатным органом 20-х годов была газета «Сердало». В ней стали появляться стишки, высмеивающие разные недостатки (разделы «Ингкрокодил», «Раешник»). Были эти пробы безымянными. В газете стали появляться стихотворения анонимных авторов на русском языке. Позиции авторской поэзии на ингушском языке начинали только складываться. Как объяснял старейший поэт Ингушетии С. Озиев, в те годы молодежь стеснялась публиковать свои поэтические пробы. Но длилось такое положение недолго. С начала 1928 г. в «Сердало» стали регулярно публиковаться «литературные страницы» в которых активно выступали и начинающие поэты. По поводу их публикаций первый литературный критик О. Мальсагов отмечал: «Мы видим стихи, написанные на родном языке, мы видим, что наш язык музыкален, ритмичен при соответствующем сочетании слов. Мы видим, что в нашем языке блестяще можно подобрать как смежные, так и перекрестные рифмы». Как видно, автор не выражает восхищения первыми пробами письменной поэзии, но с восхищением отмечает потенциальные возможности родного языка в стихотворстве. И действительно, среди первых проб встречались в художественном отношении слабые

стихи, которые скорее бывали похожи на прозаические лозунги с некоторой поэтической окраской. Но такое положение было временным и не имело массового характера. В скором времени профессиональная поэзия сразу же заняла свои лидирующие позиции в лице первых поэтов Тембота Бекова, Салмана Озиева, Ахмета Озиева, Хаджи-Бекира Муталиева. Их стихи различались по тематике, по своеобразию видения мира.

Одной из ведущих у поэтов той поры стала тема освещения прошлого и современного, например произведения Т. Бекова «Две эпохи», А. Озиева «Октябрь наступает». Используя фольклорные типичные формы, поэты, часто в аллегорически обобщенном плане, повествуют о прошлом. При этом поэты не жалеют никаких средств, чтобы обрисовать все отрицательное из прошлого, тем самым пытаясь создать контрастную картину к светлой и прекрасной картине настоящего. Т. Беков, А. Озиев и др. пользуются тут полярным сопоставлением, что восходит к традиции устного творчества, которое в резко контрастной форме характеризует положительное и отрицательное.

Поэты, развернуто осмысливая прошлое, уже в более скупой форме воспевают революционные события. Героическому периоду гражданской войны талантливая поэтесса Фатима Мальсагова посвятила свои стихи, наиболее примечательное из которых «Победили мы». Поэтесса своим творчеством внесла вклад в культурное строительство в Ингушетии. Редко какая сценическая постановка осуществлялась без ее участия. С исполнением своих песен она выступала на сценах города Орджоникидзе, в селах Ингушетии. Поэтесса сама сочиняла мелодии к своим песням. Часть из них была опубликована с сопровождением нотной записи. Начало творческого пути поэтессы характеризует ее так сказительницу-импровизатора. Песни ее стали широко известными и подлинно народными.

В общественной жизни и в литературе тех лет большое внимание уделялось судьбе местной женщины. Приобщение ее к новой действительности мыслилось прежде всего через приобщение ее к учебе и участию в общественной жизни. В этом плане наиболее примечательны стихотворения Ахмета Озиева «Девочка», «Идут к свету». Судьбе местной женщины была посвящена и поэма Салмана Озиева «Калым и Тамара», в идейном плане во многом соприкасавшаяся с пьесой З. Мальсагова «Похищение девушки». Поэма С. Озиева характеризовала собою процесс становления жанров в поэзии от небольших стихотворений к поэмам.

В 1934 году был создан Союз советских писателей, в который вошли Т. Беков, С. Озиев, Д. Мальсагов, И. Базоркин, Х-Б. Муталиев, Х. Осмиев.

Ведущими поэтами 30-х – начала 40-х гг. XX в. стали Хаджи-Бекир Муталиев и Джемалдин Яндиев.

В своей рецензии на сборник стихов Х.-Б. Муталиева З. Мальсагов причислил его к новой плеяде ингушских поэтов, уже вышедших из-под прямого влияния устных традиций и ставших «пионерами-новаторами», роль которых критик оценил как почетную и ответственную. Начав с газетных и журнальных публикаций, Х.-Б. Муталиев к 1935 г. уже подготовил свой авторский сборник «Даьхе» («Родина»). Именно тема Родины и стала в его творчестве одной из ведущих. В стихотворении «Деревянная чаша» поэт видит в ней наследницу тяжелого прошлого, и затем размышляет о новой Родине – стране индустриализации и прогресса. Поэт главным богатством Родины считает ее людей – скромных тружеников («Садовод», «Старик Али», «Вырывший колодец»). Искренне и с большой любовью звучат стихи поэта, посвященные детям, такие как «Мальчик», «Счастливый ребенок», «Дети», «Двое мальчиков». Подобно многим ингушским писателям той поры Х.-Б. Муталиев счастье детей видит прежде всего в их возможности приобщиться к образованию и тем самым вырасти достойными гражданами своей страны. С поэзией Не-

красова смыкается стихотворение, описывающее мальчика («КIаьнк») идущего в школу. Влияние русской поэзии видно, к примеру, в стихотворении «Мой гость», в котором поэт, подобно Лермонтову в стихотворении «Валерик», с грустью отмечает: почему случается, что люди враждуют между собою.

Х.-Б. Муталиева можно признать и зачинателем басенного жанра в ингушской литературе. Также немалая роль принадлежит ему и в развитии жанра поэмы («Грозные дни», «Новые гости», «Месть Кунты»). Много сил Х.-Б. Муталиевым было отдано переводам русской классической и советской поэзии. Переведены были сказки Пушкина, его стихи и поэма «Цыгане». На ингушском языке зазвучали поэмы Лермонтова «Мцыри», «Беглец», «Песня про купца Калашникова…», поэма Некрасова «Мороз – красный нос». Также Муталиеву принадлежат переводы из Маяковского, Тихонова, Маршака, Хетагурова и др.

С середины 30-х годов Джамалдин Яндиев вошел в ингушскую поэзию, причем, как зрелый мастер, с ходу заявивший о себе как даровитый и оригинальный поэт. К особенности его поэзии относится то, что он во всю свою творческую жизнь оставался мастером малых поэтических форм – стихотворений и миниатюр. Любовь к меткому, лаконичному, но по смыслу предельно богатому слову у поэта восходит к народной традиции. Вместе с тем поэзия Яндиева до интимности лирична, проникновенна и образна. Живыми картинами в ней предстают родные горные пейзажи («Где я рожден», «Мать-Земля», «Колыбельная» и др.).

В 30-40-е годы своей вершины ингушская драматургия достигла своих профессиональных вершин в творчестве Идриса Базоркина. Его творческий путь начался с театральной самодеятельности, продолжился в обучении драматургическому искусству в студии Тбилисского драмтеатра. Первой написанной им пьесой была пьеса «На заре». В этой пьесе он обращается к теме гражданской войны, с которой была тесно связана семейная и личная жизнь И. Базоркина, как и всего ингушского народа. Пьеса не раз дорабатывалась, но в результате произведение это стало литературно цельным и зрелищным. Стержневым событием пьесы стала героическая борьба ингушей против нашествия деникинской армии. Драма была переведена и поставлена на русском, чеченском и осетинском языках.

В 1935 г. И. Базоркиным был написан первый вариант пьесы «Тамара». Ее окончательный текст был опубликован через два года. Пьеса была написана в сложное время: раскручивался сталинский репрессивный режим, одновременно развивалась «культурная революция», ингушей лишили своей столицы, а следом и своей собственной государственности. В результате всех неурядиц ингушский профессиональный театр так и не был создан, и И. Базоркину пришлось свои пьесы апробировать, совершенствовать и ставить в русском театре г. Грозного.

Ингушская проза 20-30-х годов представлена именами А.-Г. Гойгова, И. Базоркина, Х.-Б. Муталиева, С. Мальсагова и др.

Начав с очерков и статей, русскоязычный писатель А.-Г. Гойгов переходит к художественной прозе. Известность получили его рассказы «Беспросветный путь», «Джан-Гирей», «Нана-пленница» и др. Автор проявил себя в них как наблюдательный бытописатель, умеющий создавать драматически напряженные конфликты. Однако А.-Г. Гойгов, как и некоторые авторы той поры (особенно Ислам Ахриев), не избежал перехлеста в создании типических обстоятельств и героев. Муссируемая пропагандой тех лет идея о том, что горцы сплошь окутаны тьмой, пережитками прошлого, отрицательно сказалось в литературе – стали появляться произведения с нетипическими характерами, надуманными вредными коллизиями, – все это читателем воспринималось как оскорбление его национальных чувств.

Талантливые произведения А.-Г. Гойгова «Пробуждение» и «Серго» развили в ингушской литературе жанр повести. Первая из них является автобиографической и посвящена жгучей для ингушей предреволюционной поры проблеме образования. Повесть осталось неоконченной. Судьба второй повести, «Серго», была сложной. Написанная в тяжелые 30-е годы и сданная в Партиздат, повесть была использована недобросовестными авторами В. Саблиным и З. Фазиным и положена ими в основу своего произведения «Чрезвычайный комиссар». Они воспользовались тем, что А.-Г. Гойгов в то время подвергся репрессии. Однако позднее плагиат был доказан и признан самими авторами «Чрезвычайного комиссара». Главный герой гойговской повести «Серго» – Г.К. Орджоникидзе, с которым ингушского писателя тесно связывала личная дружба.

Еще будучи студентом педтехникума в конце 20-х годов, стал публиковать свои первые прозаические произведения И. Базоркин. Его первыми рассказами были «Несчастье», «Рассказ Ахмета». При некоторых натяжках в действии героев и их поступков, свойственных начинающим авторам, рассказы были хорошо восприняты читателями и критикой, отметившей дарование молодого прозаика. Более зрелыми и художественно проработанными стали его рассказы «Капкан» и «Кремневый пистолет». Первый рассказ в основе своей автобиографичен, поскольку писателю самому в детстве пришлось обучаться в исламской начальной школе – «хьужаре». Второй, несколько юмористичный, рассказ построен вокруг одного из курьезов, случавшихся при просмотре спектаклей, когда игровое действие некоторыми зрителями воспринималось за реальное событие.

Поэты и прозаики Хаджи-Бекир Муталиев и Хамзат Осмиев в те годы стали активно записывать местный фольклор и вместе с Мухтаром Мальсаговым публиковать целую серию фельетонов, объединенных под общим именем их главного героя старика Темарко – литературного двойника фольклорного персонажа Цагена (родственного Мулле Насреддину). Также этим авторам принадлежат рассказы и повести. Проблема насильственной выдачи замуж девушек стала центральной в рассказе Х.-Б. Муталиева «Мать и дочь» А его повесть «Сугат» тематически оригинальна: проблема стяжательства в судебных разбирательствах впервые поставлена в этой повести. Х.-Б. Муталиеву также принадлежат сатирические рассказы «Тыквенная плеть», «Зуб бороны». Заметным явлением в прозе тех лет стала повесть Х. Осмиева «Фадиман». Литераторам тех лет куда как проще было клеймить и отрицать прошлое, но куда труднее было показать полнокровного, живого героя нового времени, как это нашло свое воплощение в повести «Фадиман».

Экспедиция в Ингушетию. Слева направо: З.М. Шиллинг, З.К. Мальсагов, Н.Ф. Яковлев, В.И. Пожидаев, неизвестный. 1921 г.

В прозаическом творчестве тех лет прозвучали имена Шамиля Ахушкова,

Султана Долтмурзиева, Берда Котиева, Багаудина Дахкильгова, Ислама Ахриева. В те годы активной переводческой деятельностью занимался Багаудин Зязиков. Эта работа позволила ему позднее стать одним из ведущих ингушских прозаиков.

К ингушскому литературному зарубежью относятся имена братьев Магомета и Висангирея Джабагиевых, Магомета Котиева (Мехмет-Китей) и других, вынужденных в свое время эмигрировать. В перечне этих имен особое место принадлежит Созерко Мальсагову. Бывший деникинский офицер, поверив лживым обещаниями большевиков, добровольно отдался в руки Советской власти. На его долю выпали пытки и издевательства многих кавказских тюрем, пока его не отправили на верную гибель на Соловецкие острова. Создав подпольную группу, он организовал первый успешный побег, через Финляндию перебрался в Англию, стал офицером польской армии и воевал против фашистских захватчиков, затем как ветеран войны жил в Англии, где и скончался. Совершив побег из Соловков, он посчитал себя обязанным поведать всему миру о тех чудовищных антигуманных акциях, что творились в концентрационных лагерях большевиков. С. Мальсагов свою повесть озаглавил «Адские острова» и на английском языке в 1926 г. издал ее в Лондоне. Вскоре всему миру стали известны зверства, чинимые на изолированных островах Белого моря. Советское правительство даже было вынуждено во главе с пролетарским писателем А.М. Горьким создать агитгруппу, целью которой было показать «райскую» жизнь перевоспитываемых заключенных. Только в конце 80-х гг. XX в. повесть была переведена на русский, а затем и на ингушский языки. Документальная и художественно-публицистичекая повесть «Адские острова» засвидетельствовала для истории всю антигуманность лицемерного большевистского строя. Повесть эта по праву примыкает к антитоталитарным произведениям Шаламова, Солженицына и других.

По своему объему переводная литература тех лет превосходила оригинальную ингушскую литературу. Особое внимание было уделено русской классике (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов, Чехов, Короленко и др.). Также переводились произведения русских советских писателей Горького, Маяковского, Демьяна Бедного, Фурманова, Паустовского, Маршака. Переводы служили удовлетворению растущих потребностей народа в литературе. Переводы воспринимались как оригинальная литература. Они способствовали культурному и духовному единению разных народов, – происходил процесс их взаимообогащения. Наравне с оригинальной литературой переводы способствовали развитию ингушского литературного языка. Особую активность в переводческом деле проявили молодые литературы Б. Зязиков, А. Ахриев, М. Аушев, Х-Б. Муталиев, Х. Осмиев, Дж. Яндиев и др. Позднее, с более тесным приобщением ингушей к русскому языку и культуре, переводческое дело стало сокращаться,

Научная экспедиция в горах Ингушетии

поскольку появилась возможность читать русскую классику в оригинале. Местная литература несколько затормозилась с переводом в 1938 г. ингушской письменности на кириллицу.

В 30-е гг. стали появляться первые пробы литературной критики. К началу 1940-х гг., в предвоенный период, ингушская литература в основном оформилась и твердо стала на ноги.

Этнограф Б.К. Далгат (второй слева) в Горной Ингушетии

Наука. В 1924 году начали функционировать Ингушский музей и областная библиотека. В том году начало работать Архивное бюро Ингушетии, которое возглавил ингушский просветитель и общественный деятель конца XIX – начала XX вв. Асаадулла Темуркович Ахриев (1853-1932). «За короткое время усилиями немногочисленных сотрудников Архивное бюро Ингушетии было сделано многое, но самое главное – подготовлены первые национальные кадры архивистов и заложена основа для формирования будущих архивных фондов.[305] После распада Горской АССР и образования Ингушской АО, документы бывшего Центрархива ГАССР были переданы Архивному бюро Северной Осетии. Архивному бюро Ингушетии были переданы только фонды Терской областной чертежной мастерской. В 1937 г. фонды Архивного бюро Ингушетии перевезены в Грозный и переданы во вновь созданный Чечено-Ингушский областной архив.[306]

В 1920-1926 гг. во Владикавказе находился Северо-Кавказский институт краеведения, проводивший исследования на территории всего края. В 1920-1922 гг. состоялись этнографические экспедиции в Ингушетию под руководством Н.Ф. Яковлева. В составе экспедиций были З.К. Мальсагов, Х.-Б. Ахриев, Л.П. Семенов, З.М. Шиллинг, В.И. Пожидаев, И.П. Щеблыкин, В.Ф. Раздорский и др.

Научная экспедиция в горах Ингушетии. Слева направо: на переднем плане полулежат О.А. Мальсагов, неизвестный мальчик, И.П. Щеблыкин, Л.П. Семенов; на заднем плане Е.И. Крупнов и М.М. Базоркин. 1928 г.

В 1924 г. во Владикавказе начал свою работу Ингушский музей краеведения. Сотрудники музея Г.К. Мартиросиан, А.К. Вильямс, Х.-Б. Ахриев вели научно-просветительскую

Горная Ингушетия. Цицкиевы из аула Эбан. Фото 1939 г.

работу. Они читали лекции по истории, экономике края, о прошлом и настоящем города Владикавказа, организовывали выставки материалов после завершения экспедиций. В процессе выполнения экспедиционных работ музей пополнялся новыми ценными коллекциями, которые давали возможность для более глубокого изучения прошлого и настоящего ингушского народа.

Посещаемость музея была довольно высокой для того времени, в 1925-1926 гг. его посещали до 21 тысяч человек в год, а в 1926-1927 гг. – до 15 тысяч 580 человек.[307] Ингушский музей в те годы посетили профессора Кембриджского и Гельсинфорского университетов Е.Н. Минз, А.М. Тальгрен, а также председатель Ученого комитета при ЦИК СССР А.В. Луначарский.[308]

С начала самостоятельного существования и до его ликвидации Ингушский музей был признан Наркомпросом СССР как «один из здоровых и жизнеспособных на всем Северном Кавказе».

4 декабря 1926 г. во Владикавказе был открыт Ингушский научно-исследовательский институт краеведения. Первым директором Ингушского НИИ стал О.С. Ахриев. С 1930 по 1934 гг. директором Инггушского НИИ был З.К. Мальсагов.

Музей и НИИ размещались в здании бывшего Константиновского училища в Музейном переулке г. Владикавказа.[309] С этого периода началась успешная плодотворная деятельность НИИ и музея. Залогом такого успеха была тесная связь этих учреждений, единые штаты (7 человек). Это были ученый секретарь Л.П. Семенов, экономист Г.К. Мартиросиан, географ А.К. Вильямс, зоолог Л.Б. Беме, ботаник В.Ф. Раздорский, художник Х.-Б.Б. Ахриев и директор института О.С. Ахриев. Нештатными сотрудниками были: художник и этнограф И.П. Щеблыкин, лингвист З.К. Мальсагов, почетными членами были избраны академик Н.Я. Марр, И.Н. Бороздин, А.А. Захаров, этнограф Б.К. Далгат, С.А. Гутаев, А.Н. Кириченко. Научные сотрудники института провели ряд экспедиций с целью изучения Ингушетии в естественноисторическом, экономическом и этнографическом отношениях.

Интерес со стороны центральных научно-исследовательских учреждений к истории, этнографии и археологии кавказских народов способствовал развитию научно-исследовательской работы на местах.

В 1927 г. была проведена научная экспедиция в Джейрахском и Мецхальском районах. В ней приняли участие Л.П. Семенов, И.П. Щеблыкин, З.К. Мальсагов, Х.-Б.Б. Ахриев и член президиума Всесоюзной научной ассоциации востоковедения, профессор И.Н. Бороздин. В 1928-1929 гг. была проведена еще одна экспедиция, в которой участвовали Л.Б. Беме, Г.К. Мартиросиан, профессор Г.Д. Потапов, профессор В.Ф. Раздорский, Е.И. Крупнов и др.

Значительная часть собранных материалов была издана в «Известиях Ингушского института краеведения». До 1934 г. вышло 4 выпуска «Известий».

Значительный вклад в исследование ингушского языка и этнографии внесли такие крупные ученые-лингвисты, как А.Н. Генко, М.Я. Немировский, Н.Ф. Яковлев и др. Работая рядом с ними, выросли национальные кадры языковедов: З.К. Мальсагов, М.А.-К. Цокиев, Д.Д. Мальсагов и др.

Одним из важных направлений работы Ингушского НИИ было содействие развитию школьного и студенческого краеведения. Для учителей школ сотрудники института проводили краеведческие конференции и лекции.

При научном институте в 1931 г. была открыта трехгодичная аспирантура с целью подготовки специалистов высокой квалификации. Первыми ее выпускниками были: М.Ф. Аушев, Н.Ч. Ахриева, К.М. Куркиева, М.Х. Кодзоева.

Сотрудники Ингушского НИИ поддерживали связи со всеми краевыми краеведческими учреждениями и организациями Юга России.

Хаджи-Бикар Бачиевич Ахриев (1895-1937)

После объединения Ингушетии с Чечней, в 1934 г. директором Чечено-Ингушского НИИ стал З.К. Мальсагов. З.К. Мальсагов к тому времени был известным ученым-лингвистом, одним из зачинателей советской ингушской науки и литературы. В 1925-1926 гг.он опубликовал отдельными изданиями «Грамматику ингушского языка», на ингушском и русском языках. З. Мальсагов участвовал в работе комиссии Академии наук по изучению национального состава страны, являлся штатным сотрудником, доцентом Северокавказского педагогического института. Также он был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. В 1935 г. он скончался в возрасте 41 года. Известные ученые Н. Яковлев, Л. Семенов отмечали, что созданная им письменность стала основой для конструирования алфавитов ряда северокавказских народов. Его научные труды послужили основой для развития современной ингушской лингвистики и фольклористики.

Научно-исследовательские учреждения ЧИАССР привлекали к исследовательской работе не только местных специалистов, но и ученых из Москвы, Ленинграда и других городов. Проводили ежегодные археологические, лингвистические и этнографические экспедиции. Так с 1935 г. начали проводиться археологические раскопки в Горной и Предгорной Ингушетии под руководством Е.И. Крупнова. Было начато археологическое изучение Ингушетии.

После создания ЧИАССР Ингушский НИИ был переведен в г. Грозный, а бывший Ингушский областной музей в 1936 г. стал называться районным музеем Пригородного района, а Чеченский музей краеведения был переименован в Чечено-Ингушский музеем краеведения.

В районном музее работали 4 человека; директором музея был М.М. Куркиев, сотрудником – художник Г.-М. Даурбеков. В статусе районного, Ингушский музей во Владикавказе продолжал разностороннюю деятельность. В 1938 г. в г. Грозный была перевезена богатая библиотека – около 22754 томов, на-

Гази-Магомед Албастович Даурбеков (1904-1976)

Труппа Ингушской театральной студии. Владикавказ, 1931 г.

ходившихся в введении музея. В 1939 г. был ликвидирован и сам музей. Коллекции Ингушского районного музея (4000 тыс. экспонатов) были перевезены только в 1940 г. Оставшаяся часть музея некоторое время продолжала работать в качестве районного вплоть до 1944 г.[310]

В 1940 г. при Чечено-Ингушском музее краеведения был создан первый филиал музея на территории Ингушетии, посвященный жизни и деятельности Чрезвычайного комиссара Юга России Г. К. Орджоникидзе.[311] Филиал располагался вначале в с. Даттых, а затем его перевели в с. Мужичи.

В 1946 г. фонды Чечено-Ингушского музея состояли из 3356 экспонатов. Среди коллекций музея надо отметить археологическую коллекцию, состоящую из 33 тысяч экспонатов, созданную усилиями Е.И. Крупнова и пополняемую сотрудниками института истории, языка и литературы.[312]

Живопись. В 1920-1930-х начало развиваться у ингушей и изобразительное искусство. Появляются работы первых профессиональных художников Ингушетии Хаджи-Бикара Бачиевича Ахриева (1895-1937) и Гази-Магомеда Албастовича Даурбекова (1904-1976).[313]

Ахмет Эльмурзиевич Хамхоев (1910-1992)

Первым живописцем из ингушей, основоположником художественной школы явился выдающийся художник Хаджи-Бикар Бачиевич Ахриев. Родился в он ауле Фуртоуг в 1895 г. В 1917 г. закончил скульптурное отделение Строгановского художественно-промышленного училища. Им было написано более 200 акварельных картин и этюдов, изготовлено большое количество произведений декоративно-прикладного искусства, созданы живописные картины, скульптуры больших и малых форм. Тематика его работ очень разнообразна: эпизоды гражданской войны, красочная природа Кавказа; ряд его работ посвящен историко-этнографической тематике. Прекрасны его миниатюры из слоновой кости и кабаньего клыка. Будучи скульптором, Х.-Б.Б. Ахриев явился автором памятников, посвященных героям гражданской войны. Его кисти принадлежали картины: «Взятие белыми селения Экажево», «Ткачиха» «Зикристы», «Лечение сумашедшего», «Моление на Столовой

горе», «Совнарком Горской республики в горах в 1919 г.». Семь картин Х-Б. Ахриева находятся в Ставропольском музее. Многие его работы в 1942 г. исчезли безвозвратно. С самого основания Ингушского музея краеведения Х.-Б.Б. Ахриев являлся его сотрудником, также он участвовал во многих научных экспедициях в Горную Ингушетию. Профессор Л.П. Семенов дал высокую оценку его творчеству. В 1937 г. по ложному обвинению Х.-Б.Б. Ахриев был арестован. В том же году он умер в тюрьме.

Идрис Боскарович Цицкиев (1918-1974)

Ингушскую художественную школу представлял также талантливый художник Гази-Магомед Албастович Даурбеков. Он родился в 1904 г. в с. Барсуки. В 1930 г. закончил живописный факультет Высшего художественно-технического института. Он был учеником А.А. Рылеева и И.К. Петрова-Водкина. Г.-М.А. Даурбеков был знатоком кавказского быта и устного народного творчества ингушей, прекрасно играл на музыкальных инструментах и исполнял песни. Г.-М.А. Даурбеков вместе с Х.-Б.Б. Ахриевым участвовали в научных экспедициях в Горную Ингушетию. Много зарисовок было сделано художниками в горах, ряд башенных комплексов сохранился в памяти благодаря их творчеству. В подвальном помещении ингушского музея, который находился во Владикавказе, была первая мастерская художника. Основным направлением изобразительного искусства горцев стал социалистический реализм. Художники создавали в основном картины на историко-революционные темы, а также отображали в своих произведениях жизнь трудового народа.

Г.-М.А. Даурбеков участвовал практически во всех выставках молодых художников страны. В 1934 г. он участвовал в выставке художников Москвы в залах Государственного исторического музея, в 1935 г. его картины на выставке в Пятигорске, где он получил премию за картину «Похороны Бутырина».

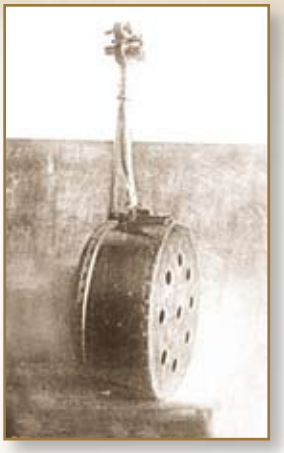
Организационный комитет Первой краевой Северо-Кавказской олимпиады искусств горских народов в 1931 г. признал работы Х-Б.Б. Ахриева и Г.-М.А. Даурбекова лучшими и присудил им первое место.

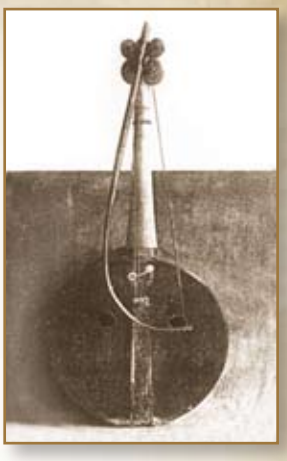
Музыка, театр, кино. Новым явлением в культуре народов Северного Кавказа было появление первых театральных коллективов. В 1920 г. в газете «Горская беднота» выходит статья «Нужно создать театр для горцев». Основой театральных трупп были группы художественной самодеятельности, возникшие в 1920-1930-х гг.

Формирование письменности у ингушей в 1920-х гг. дало толчок развитию литературного процесса. Стали появляться произведения различных жанров, в том числе первые драматургические опыты, что в свою очередь способствовало становлению и развитию национального театра.

Берд Хаутиев, 75 лет, исполняет песню на чIондарге Аул Шуан, Горная Ингушетия

Музыкальные инструменты: дахчан пIандар и чIондарг





Пандар Терсбота Аушева

Драматические коллективы Ингушетии стали фундаментом для создания театра, и они постепенно набирались сил. Кружки работали при предприятиях, учреждениях, учебных заведениях. В 1929 г. наиболее развитым был драматический коллектив рабфака. Постоянно действующего драматического коллектива не было. Они возникали повсеместно и, просуществовав некоторое время, распадались. Кружки художественной самодеятельности ставили первые пьесы, в которых показывалась жизнь ингушей – «Дочь Кавказа» и «Многоженство» (К.К. Козлова), «Самооборона» и «Сыновья муллы» (М.А. Булгакова).

Ингушский театр прошел нелегкую пору становления. Одними из организаторов ингушской театральной группы были студенты педагогического техникума г. Владикавказа. Большую помощь в развитии театрального искусства сыграло литературное общество. Ингушские писатели и поэты явились пионерами в создании ингушского театра. Большой вклад в дело развития театрального искусства внесли З.К. Мальсагов, О.А. Мальсагов, Д.Д. Мальсагов и др.

Эсмурза Куриев

В 1930 г. Орцхо Артаганович Мальсагов с помощью общественности и областного Отдела народного образования организовал первый ингушский любительский драмтеатр, а затем и профессиональный коллектив, куда был приглашен режиссер Софронов. В мае 1931 г. во Владикавказе силами этого коллектива была поставлен спектакль М.А. Булгакова «Сыновья муллы», который прошел с большим успехом и был с интересом принят публикой. М.А. Булгаков стал одним из организаторов ингушского любительского театра во Вла-

Магомет Аушев – исполнитель на пIандаре

дикавказе. Будучи заведующим подотделом искусств, он вел занятия в драматической студии при народном университете.

Берд Асланбекович Котиев

Большой толчок в развитии ингушского театрального искусства дала Первая Северо-Кавказская олимпиада искусств горских народов, проходившая в Ростове-на-Дону 11-20 декабря 1931 г. Все творческие силы народных театров были втянуты в подготовку к олимпиаде. Для Ингушетии это было большим событием. На олимпиаде первое место заняла ингушская театральная студия с постановкой пьесы Орцхо и Дошлуко Мальсаговых «Перелом».

В составе ингушской студии были актеры З. Мальсагов, Ф. Мальсагова, Л. Амирханова, Т. Укурова-Мальсагова, Т. Цурова, З. Мальсагова, Д. Куркиев, И. Гелисханов, Б. Зязиков, И. Базоркин, А.-Г. Гойгов и др.

Знаменательным явлением было то, что впервые в истории ингушей в этом спектакле играли женщины-ингушки. Одной из первых актрис первого любительского театра, организованного в 1920 г. при ингушском отделе Народного образования была Тамара Тонтовна Мальсагова.

Яркой представительницей театрального искусства являлась Фатима Куразовна Мальсагова – актриса, поэтесса, композитор. Она работала в содружестве с композитором Колесниковым.

На олимпиаде спектакль «Перелом» получил первый приз и Красный вымпел. Художественно-декоративное оформление этого спектакля было осуществлено художником Х.-Б. Ахриевым и получило всеобщее признание.

Шамиль Заурбекович Ахушков

Газета «Колхозная правда» писала: «На олимпиаде выступают не только отдельные горцы и горянки – певцы, рассказчики и музыканты, но также большие коллективы. Вот национальный горский театр Ингушетии. Этот театр ставит, например, такую пьесу, как «Перелом». В ней показана борьба с адатами и как на фоне этой борьбы растет новый быт, вносящий «перелом» в жизнь горцев и всей страны».[314]

В результате ликвидации Ингушской автономной области в 1934 г. развитие театрального искусства было прервано на долгие годы.

Ингушская интеллигенция, сформировавшаяся во Владикавказе, еще задолго до революции развившая там свою культуру, просвещение и театр, была вынуждена сниматься с мест и начинать все заново, на практически чужом месте в столице вновь образованной республики.

В г. Грозном был образован Чечено-Ингушский театр, в составе которого работали талантливые ингушские актеры. Ингушским актерам приходилось играть на неродном языке, как бы ни был доступен чеченский язык в быту, на сцене его подлинное незнание представляло существенный барьер.

Развивалось и музыкальное искусство Ингушетии. Народ любил песни талантливых музыкантов и певцов-ашугов Ахмета Эльмурзиевича Хамхоева (1910-1992) и Идриса Боскаровича Цицкиева (1918-1974). Оба ашуга были незрячие.

Санаторий «Арамхи». 1928 г.

Известны были имена музыкантов-сказителей, которые исполняли не только героико-эпические песни, но и нартские сказания и сказки: Магомета Тепсуркиевича Аушева и Терсбота Тепсуркиевича Аушева из Нового Жераха, Берда Хаутиева из Шуана, Белана Эльджаркиева и Фатиму Марзиеву из Салги, Сулеймана Гарсова, Ломали Аушева из Эгикала [315] и Буни Хидирова из Карта, Эсмурзы Куриева из Назрани и других. В газете «Грозненский рабочий» в 1938 г. была опубликована небольшая заметка об Эсмурзе Куриеве: «Назрань. Здесь проживает Эсмурза Куриев, которому скоро исполнится 100 лет. Старик бодр, хорошо сохранил слух и память. В памяти Эсмурзы Куриева сохранилось много событий… Эсмурза Куриев любит музыку. В часы отдыха он играет на горской «чондырг». Самодельная скрипка в руках столетнего скрипача поет о счастливой и радостной жизни ингушского народа».[316] Ингушские певцы сами изготовляли музыкальные инструменты – скрипку («чIондарг») и горскую балалайку («дахчан пIандар»). Исполнял песни, аккомпанируя себе на горской балалайке собственного изготовления, и известный художник Гази-Магомед Даурбеков.

К 1930 г. относится начало музыкальной деятельности зачинателей профессионального музыкального искусства в Ингушетии композиторов Г.Х. Мепурнова, Н.С. Речменского и А.П. Митрофанова, много сделавших для развития музыкального искусства ингушского народа. Они провели большую работу по собиранию и обработке ингушской народной музыки. Большое количество ингушских мелодий и песен сохранилось благодаря тому, что они оставили нотные записи этих мелодий и тексты песен (в переводах на русский язык).[317]

Большой интерес ингуши проявляли к кино и радио. Радиофикация сельских районов началась в Ингушетии в 1927 г. На 1 января 1932 г. в селах Ингушетии было уже 300 радиоточек, кроме того, был создан первый радиотрансляционный узел. В 1933 г. в Малгобеке была оборудована мощная радиоустановка, что позволило приступить к радиофикации многих сел Пседахского района.[318] Во многих домах появились радиоприемники.

В 1932 г. появляются первые киноустановки с платным показом фильмов. Первые радиопередачи в Ингушетии прозвучали непосредственно из Москвы в 1925 г.

Видным деятелем киноискусства СССР 20-30-х гг. XX в. являлся Берд Асланбекович Котиев. В 1927 г. он был назначен представителем Ингушской АО при Президиуме ВЦИК. В 1928 г. Б.А. Котиева избрали членом правления «Восток-кино», а чуть позже – и Председателем правления, и он в этой должности работал до 1935 г. Берд Котиев стоял у истоков создания звуковых фильмов и организации их проката, принимал участие в развитии киноиндустрии СССР. Из протоколов собраний треста «Восток-кино» известно, что в этой организации работали еще несколько ингушей. Так, в протоколе

от 23 декабря1930 г. упоминается Дахкильгова, а в протоколе от 19 февраля 1932 г. – Арсамаков.[319]

В 1930 г. в журнале «Кино и жизнь» публикуется статья Б.А. Котиева «Социалистическое по содержанию и национальное по форме», в которой автор указывает на важную роль кино в жизни общества. В другой статье «О фонде фильмов Союзкино» Б.А. Котиев анализирует состояние киноиндустрии Союзкино, отмечает недостатки и предлагает ряд мер по развитию кино в стране.[320]

С 1932 г. с «Восток-кино» сотрудничает Шамиль Заурбекович Ахушков – видный деятель киноискусства СССР конца 1920-х – начала 1940-х гг. В «Летописи печати Украины» за 1931 г. были найдены сведения о сценарии Ш. Ахушкова к фильму «Чудова китаянка». Ш.З. Ахушков вместе с П.М. Аташевой в 1940 г. издали книгу «Советское киноискусство 1919-1939 гг.». По существу эта книга явилась первой работой по истории советского киноискусства.[321]

Многие работники искусства выезжали на фронт, в том числе и студенты Чечено-Ингушской студии, созданной при Московском институте театрального искусства, Х. Баркинхоев, А. Цароев. Осенью 1941 г. А. Цороев вступил в партизанский отряд, был соратником знаменитого разведчика Героя СССР Н. Кузнецова. За боевые заслуги он награжден многими боевыми наградами.

Медицина. В 1920-х гг. положение с медицинским обслуживанием населения Ингушетии было неудовлетворительным, хотя по сравнению с дооктябрьским периодом после революции была создана сеть медицинских учреждений. Начали расти расходы на медицинские учреждения, на расширение их сети в сельской местности. На основные виды лечения национальные республики получали государственные дотации. Если горная часть Ингушетии даже в середине 1920-х годов была «…лишена элементарной организации здравоохранения»,[322] то на плоскости ситуация в этой сфере значительно улучшилась. В 1924-1925 гг. врачебная сеть Ингушетии состояла из 4 врачебных участков с 90 койками (больница в Назрани, врачебные пункты в Галашках, Пседахе, Ангуште). Во Владикавказе располагалась Центральная ингушская больница. Всего в округе работало 15 врачей, 3 зубных врача, 3 акушерки и 12 фельдшеров. В эти годы начинается капитальный ремонт и достройка больницы в Назрани, переоборудование врачебных стационаров в Пседахе и Галашках, фельдшерских пунктов в Ахки-Юрте и Базоркино. С конца 1924 г. начал действовать физиотерапевтический кабинет в Центральной ингушской больнице.[323] В 1925 г. открылись врачебные пункты в Базоркино, Сурхохах, Ачалуках.

Для обеспечения медучреждений работниками выделялись вакансии в ускоренных и обычных медицинских факультетах, медицинских техникумах, фармакологической школе в Баку, фельдшерских школах Ростова-на-Дону и других городов страны.

В связи с неблагоприятным состоянием медицины в Ингушетии решением СНК по Ингушской АО было взято на государственный бюджет 115 коек, из них по Сунженскому округу – 40 коек. Это была хорошая по тем временам поддержка.[324]

Медицинскими учреждениями велась борьба с инфекционными заболеваниями, социальными и бытовыми болезнями, такими как туберкулез, малярия, оспа и др. В Ингушетии в этот период были вспышки эпидемий холеры, оспы, малярии, брюшного тифа, паратифов, которые уносили сотни жизней. Противоэпидемическая служба в Ингушетии росла и крепла. К 1924 г. было начато строительство инфекционного отделения, при Назрановской больнице в дополнение к инфекционному отделению, имевшемуся, в Центральной ингушской больнице во Владикавказе.[325]

Из инфекционных заболеваний в Ингушетии, как и в других регионах, особенно была

распространена оспа. Работники медицинских учреждений проводили регулярные мероприятия по оспопрививанию. В пределах Ингушской АО активно велась вакцинация местного населения. Активно велась борьба и против малярии. Проводилась хинизация населения. В Ингушетии по приблизительным подсчетам в 1924 г. лечилось от малярии до 3458 человек. Организаторами лечебных мероприятий являлись противомалярийные станции. Такая станция была в Назрани со стационаром сначала на 5, а затем на 10 коек.[326] Урегулировано было водоснабжение населения. Благодаря этим мероприятиям число заболевших значительно уменьшилось.

Другой проблемой населения был туберкулез. Много было в Ингушетии больных этой болезнью. Борьба с туберкулезом здесь начиналась с открытия тубдиспансеров. Больные туберкулезом проходили лечение и диспансерное наблюдение во Владикавказе, где в 1924 г. при диспансере имелся стационар на 10 коек. Создание таких диспансеров способствовало проведению профилактических мероприятий среди больных туберкулезом. В 1926 г. был построен второй противотуберкулезный диспансер в Горной Ингушетии в долине р. Арамхи – санаторий «Арамхи».

В 1930 г. в газете «Власть труда» отмечалось, что в Ингушетии построено и имеется 3 больницы с 135 койками. Кроме того, имеется 9 участковых амбулаторий, один фельдшерский пункт. Для трудящихся женщин есть возможность получить необходимую медицинскую помощь, работают 3 консультации, 6 детских яслей.[327]

На территории Ингушетии в предвоенные годы функционировали курорт «Арамхи», водолечебницы в Ачалуках и в ст. Орджоникидзевской.

Примечания:

1 Долунц Г.К. Киров на Северном Кавказе. Грозный, 1986. С. 83.
2 ТВ. 7.03.1917.
3 ТВ. 12.03.1917.
4 Музаев Т.М. Национально-освободительное движение чеченцев и ингушей в послефевральский период (март-ноябрь 1917 г.) // Ойла (журнал социальных наук и публицистики), №1, 1998. С. 31.
5 Гойгова З.А. Участие чечено-ингушского народа в борьбе против Деникина // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Т.1, вып.1. Грозный, 1959. С. 90.
6 Музаев Т.М. Указ. соч. С. 33.
7 ТВ. 27.04.1917.
8 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 184.
9 Там же. С. 188.
10 Победа Советов на Тереке – торжество ленинского интернационализма. Орджоникидзе, 1983. С. 54.
11 Музаев Т.М. Указ. соч. С. 31.
12 ТВ. 2.04.1917.
13 Там же. С. 32.
14 Музаев Т.М. Указ. соч. С. 28-29.
15 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 191.
16 Музаев Т.М. Указ. соч. С. 39.
17 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 191.
18 Музаев Т.М. Указ. соч. С. 41-42.
19 Долунц Г.К. Указ. соч. С. 103.
20 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 191.
21 Там же. С. 90.
22 Там же. С. 91.

23 Магомедов Ш.М. Северный Кавказ в трех революциях. М., 1986. С. 118.
24 Хейр-Хаев (Гойгов А-Г). Этапы революции в Ингушетии // Горский вестник, №2, 1924. С. 42.
25 Там же. С. 43-44.
26 Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1927. С. 195.
27 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 27.
28 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 92.
29 Магомедов Ш.М. Указ. соч. С. 122.
30 Киров С.М. Избранные статьи и речи. М., 1957. С. 20.
31 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 92.
32 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 27.
33 Аушев М. II Съезд народов Терека и борьба за укрепление интернационального единства и дружбы трудящихся Чечено-Ингушетии (1918 г.) // Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1972. С. 7.
34 Боскаров И. Мужество Хакяша Дахкильгова // Возвращение к истокам. История Ингушетии в лицах и фактах. Саратов, 2000. С. 292.
35 Там же. С. 11.
36 Аушев М. Указ. соч. С. 10.
37 Киров С.М. Указ. соч. С. 31.
38 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 92.
39 Магомедов Ш.М. Указ. соч. С. 129.
40 Там же. С. 130.
41 Там же.
42 Такоев С. Против контрреволюции на Тереке // О Сергее Кирове. М., 1985. С. 50.
43 Этенко Л.А. Тактика большевиков между I и III съездами народов Терека // Известия ЧИНИИИЯЛ. История. Т.1, вып.1. Грозный, 1959. С. 69.
44 Победа Советов на Тереке… С. 118.
45 Разгон И. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе (1917-1920). М., 1941. С. 129; Коренев Д.З. Революция на Тереке. Орджоникидзе, 1967. С. 171.
46 Там же.
47 Янчевский Н.Л. Указ. соч. С. 195.
48 Хейр-Хаев. Указ. соч. С. 52.
49 Победа Советов на Тереке… С. 118.
50 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 29.
51 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 227.
52 Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 227.
53 Носов А. Ф. Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961. С. 42.
54 Этенко Л.А. Указ. соч. С. 70.
55 Там же. С. 73.
56 Победа Советов на Тереке… С. 121.
57 Абазатов М.А. Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1962. С. 58.
58 Темботов. Революция и ингуши // Газ. «Вольный горец», 29.11.1920.
59 Этенко Л. Ленин и горцы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1975. С. 156.
60 «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории, №5, 2001. С. 25.
61 Трагедия ингушского народа. Грозный, 1990; РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 113. Л. 50.
62 Победа Советов на Тереке… С. 128.
63 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 93.
64 Победа Советов на Тереке... С. 141.
65 Левандовский М.К. Стратегия и мужество // О Серго Орджоникидзе. Грозный, 1986. С. 56.
66 Коренев Д.З. Указ. соч. С. 300.
67 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 93.
68 Разгон И. Указ. соч. С. 202.
69 Жизнь во славу царя, Отечества и своего народа. Генерал царской армии С.Т.Мальсагов (1868-1944). Нальчик, 1997. С. 198.
70 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 230.
71 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. Грозный, 1968. С. 74.
72 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 94.
73 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 113. Л. 54.

74 Гальцев В.С. К истории разгрома бичераховщины на Тереке (на правах рукописи). Орджоникидзе, 1959. С. 15.
75 Абазатов М.А. Из истории гражданской войны в Чечено-Ингушетии. С. 68.
76 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 113. Л. 58.
77 Там же. Л. 56.
78 Там же. Л. 57.
79 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 232.
80 Аушев Р. Вспомним их поименно // Газ. «Сердало», 27.11.1997.
81 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 113. Л. 57.
82 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 95.
83 Победа Советов на Тереке… С. 143.
84 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 38.
85 Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории, №10, 1993. С. 122.
86 Кулов С.Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе, 1973. С. 31.
87 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 269.
88 Там же. С. 238.
89 Белое движение на юге России (1917-1920): неизвестные страницы и новые оценки, М., 1997. С. 6.
90 Победа Советов на Тереке… С. 158.
91 Там же. С. 159.
92 Носов А.Ф. Указ. соч. С. 64.
93 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 48.
94 Победа Советов на Тереке… С. 160.
95 Там же.
96 Там же.
97 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 48.
98 Там же. С. 49.
99 Носов А.Ф. Указ. соч. С. 91.
100 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 98.
101 Там же. С. 99.
102 От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917-1941 гг.). Сб. документов. Грозный, 1977. С. 32.
103 Газ. «Народная власть», 1919, 8 февраля.
104 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 236.
105 Там же. С. 102.
106 Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге. М., 1961. С. 203.
107 Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1973. С. 203.
108 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 49.
109 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 118.
110 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 49.
111 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 102.
112 Боскаров И. Указ. соч. С. 293.
113 Хизриев Х.А. Укрепление дружбы народов Терека в ходе борьбы за Советскую власть // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. XI. Грозный, 1975. С. 28.
114 За власть Советов. Грозный, 1967. С. 53.
115 Тотоев М.С. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии (1917-1921). Орджоникидзе, 1957. С. 33.
116 Победа Советов на Тереке... С. 161; Гойгова З.А. Указ. соч. С. 99.
117 Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории, № 11, 1993. С. 99.
118 Там же. С. 115.
119 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 99.
120 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 113. Л. 62.
121 Победа Советов на Тереке… С. 162.
122 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 252.
123 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 120.
124 Долтмурзиев С. «Красный верден» (Очерки революционной Ингушетии) //На подъеме. Ростов-на-Дону, 1927, № 3. С. 32.
125 В памяти народной. Грозный, 1975. С. 126-127.

126 Долтмурзиев С. Указ. соч. С. 32.
127 В памяти народной. С. 125.
128 Долтмурзиев С. Указ. соч. С. 32.
129 Гугов Р.Х. Указ. соч. С. 355.
130 Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. С. 205.
131 Победа Советов на Тереке… С. 164.
132 Сухоруков В.Т. Указ. соч. С. 207.
133 Носов А.Ф. Указ. соч. С. 92.
134 Там же.
135 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 104.
136 За власть Советов. С. 55.
137 Гиоев М.И. Роль Кавказского крайкома РКП(б) в разгроме деникинщины на Северном Кавказе // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1982. С. 31.
138 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 253.
139 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 129-130.
140 Ратгаузер Я.А. К истории гражданской войны на Тереке. Баку, 1928. С. 127.
141 Там же. С. 129.
142 РГВИА. Ф.40201. Оп. 1. Д. 11. Л. 119.
143 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 145.
144 За власть Советов. С. 55.
145 Победа Советов на Тереке… С. 170.
146 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 57.
147 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 112.
148 Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919-1920 гг. М., 1942. С. 22.
149 Победа Советов на Тереке…С. 179.
150 Арчхоев С. Деникин называл его королем Горной Ингушетии // Газ. «Ингушетия», 20.08.1997.
151 РГВИА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.
152 Газ. «Вольный горец», 8.09.1919.
153 Жизнь во славу царя, Отечества и своего народа... С. 16.
154 Муталиев Т.Х. Генерал Мальсагов – сын Ингушетии и России // Литературная Ингушетия, №1, 1997. С. 87.
155 Пламенные борцы за власть Советов. Грозный, 1977. С. 251.
156 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 104. Л. 56.
157 Жизнь во славу царя, Отечества и своего народа. С. 16.
158 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 58.
159 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 104. Л. 89.
160 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 58.
161 Гойгова З.А. Указ. соч. С. 113.
162 Пламенные борцы за власть Советов. С. 256.
163 Там же.
164 Пламенные борцы за власть Советов. С. 256; Газдиев А. Хизир, сын Идига // Газ. «Сердало», 20.09.1997.
165 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 169.
166 Гойгова З.А. Борьба народов Чечено-Ингушетии против Деникина. Грозный, 1963. С. 123.
167 Мартиросиан Г.К.Указ. соч. С. 257.
168 Гойгова З.А. Участие чечено-ингушского народа в борьбе против Деникина. С. 115.
169 Гугов Р.Х. Указ. соч. С. 409.
170 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 104. Л. 89.
171 Пламенные борцы за власть Советов. С. 257.
172 Газ. «Вольный горец», 22.09.1919.
173 За власть Советов. С. 77.
174 Там же. С. 66.
175 Газ. «Вольный горец», 3.11.1919.
176 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 172.
177 ЦАОР. Ф. 1486. Д. 34. Материалы Секретариата гл. редакции «Истории гражданской войны в СССР». Штаб Терских повстанческих войск.
178 Газ. «Вольный горец», 20.11.1919.
179 Там же.
180 Там же.

181 Там же.

182 Исрапилов А-К.М. Ревкомы Северного Кавказа в годы гражданской войны // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1982. С. 65.

183 Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919-1920 гг. С. 23.

184 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 71.

185 Носов А.Ф. Указ. соч. С. 139.

186 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 73.

187 Абазатов М.А. Борьба трудящихся Чечено-Ингушетии за Советскую власть. С. 188.

188 Победа Советов на Тереке… С. 193.

189 Вопросы истории революции и гражданской войны в Чечено-Ингушетии. Грозный, 985. С. 30.

190 Там же.

191 Победа Советов на Тереке… С. 202.

192 Гойгова З.А. Борьба народов Чечено-Ингушетии против Деникина. С. 178.

193 Кулов С.Д. Керменисты в борьбе за Советскую власть. Орджоникидзе, 1973. С. 67.

194 Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии. С. 246.

195 Гойгова З.А. Борьба народов Чечено-Ингушетии против Деникина. С. 178.

196 Газ. «Вольный горец», 5.04.1920.

197 Пламенные борцы за власть Советов. С. 262.

198 Гойгова З.А.Участие чечено-ингушского народа в борьбе против Деникина. С. 125.

199 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 78.

200 Бугай Н.Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919-1920). Нальчик, 1977. С. 35.

201 Чахкиев С. Идрис Зязиков:верой и правдой. Грозный, 1991. С. 18.

202 Газ. «Коммунист». 25.04.1920.

203 Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 36.

204 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 79.

205 РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 1. Д. 104. Л. 90.

206 Там же.

207 Газ. «Вольный горец», 14.06.1920.

208 Жизнь во славу царя, Отечества и своего народа. С. 199.

209 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 80.

210 Мамилов М.С. Деятельность партийных организаций Чечено-Ингушетии по подбору, расстановке и воспитанию партийных кадров в 1920-1921 гг. Грозный, 1976. С. 334.

211 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 79.

212 Мамилов М.С. Указ. соч. С. 27.

213 Чахкиев С. Указ. соч. С. 18.

214 Газ. «Вольный горец», 9.08.1920.

215 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 87.

216 Там же.

217 Врублевский Ф.И. Из истории образования советской автономии Чечни и Ингушетии // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. VI. Грозный, 1965. С. 25.

218 Там же.

219 Макарова Г.П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (1917-1923). М., 1987. С. 59.

220 Казанбиев М.А. Национальноно-государственное строительство на Северном Кавказе в период установления и упрочения Советской власти // Гражданская война на Северном Кавказе. Махачкала, 1982. С. 168.

221 Кокорхоева Д.С. Становление и развитие советской национальной государственности ингушского народа (1917-1944 гг.). Элиста, 2002. С. 32.

222 В.И. Ленин и Чечено-Ингушетия. Грозный, 1982. С. 144.

223 Ингушская государственность. Назрань, 1997. С. 14.

224 В.И.Ленин и Чечено-Ингушетия. С. 144.

225 Мартиросиан Г.К. Указ. соч. С. 287.

226 Там же. С. 288.

227 Газ. «Горская правда», 29.01.1922.

228 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Владикавказ, 1929. С. 93.

229 Овчинникова М.И. К истории уравнительного распределения земли в Чечено-Ингушетии // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. VI. Грозный, 1965. С. 69.

230 Тусиков М.Л. Ингушетия. Экономический очерк. Владикавказ, 1926. С. 52.

231 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. С. 97.

232 Тусиков М.Л. Ингушетия. С. 60.
233 Там же. С. 62.
234 Газ. «Горская правда», 23.07.1921.
235 Газ. «Горская правда», 19.07.1921.
236 Газ. «Вольный горец», 13.09.1920.
237 Мартиросиан Г.К. История Ингушии. С. 289.
238 Газ. «Горская правда», 7.03.1922.
239 Яндиев А. Жизнь, отданная народу. Саратов, 1996. С. 8.
240 Газ. «Вольный горец», 19.07.1920.
241 Христианович В.П. Горная Ингушия. Ростов-на-Дону, 1928. С. 62.
242 Овчинникова М.И. Указ. соч. С. 73.
243 Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. С. 44.
244 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 154.
245 Зоев С.О. Указ. соч. С. 14-31.
246 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 141.
247 Там же. С. 171.
248 Чахкиев С. Указ. соч. С. 27.
249 ПАРО. Ф. 7, оп. 1, д. 710, л. 62.
250 Курылев И. В. Боевой путь милиции Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976. С. 148.
251 Авторханов А. Убийство чечено-ингушского народа. М., 1991. С. 27.
252 Там же. С. 31.
253 Чахкиев С. Указ. соч. С. 39.
254 Ингушетия в Великой Отечественной войне. (Сост. Яндиева Т.У.). Кн. 1. Ростов-на-Дону. 2005. С. 41.
255 Там же. С. 32.
256 Декреты Советской власти. Т.3. М., 1964. С. 374-380.
257 Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940 годы). Грозный, 1974. С.31.
258 Декрет СНК Терской области // ЦГА РСО-А. Ф.121, оп.1, д.3.
259 Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917-1941. М., 1980.
260 Отчет Исполнительного комитета Автономной области Ингушетии за 1924-26 гг. Владикавказ, 1926.
261 Дахкильгов И.А. Ингушская литература (период развития до 40-х гг.). Грозный, 1975. С. 35.
262 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 32.
263 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 123.
264 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 33.
265 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.). Сборник документов и материалов. Грозный, 1979. С. 35.
266 Гудиева Л.Х.-У. Указ. соч. С. 24
267 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 118.
268 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 33.
269 Гудиева Л.Х.-У. Указ. соч. С. 25
270 Революция и горец. 1929. №7. С. 64.
271 Мугуев Х.-М. Ингушетия. М., 1931. С. 93.
272 Гудиева Л.Х.-У. Указ. соч. С. 21.
273 В Ингушетии. Гигантскими шагами вперед // Газ. «Красная Ингушетия», 1920, №9, 27 мая.
274 Открытие детских площадок в Ингушетии // Газ. «Красная Ингушетия», 1920, №13, 9 июня.
275 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. С. 37.
276 Беркен-Хаев Д.Ш. Из истории культурного строительства сельского населения Чечено-Ингушетии. (1921-1941 годы). Грозный, 1973. С. 4.
277 Там же. С. 6.
278 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 120.
279 Беркен-Хаев Д.Ш. Указ. соч. С. 17.
280 Агаджанов Ю.Г. Политическая работа Чечено-Ингушской парторганизации в массах (1921-1929 годы). Грозный, 1970. С. 30.
281 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 40.
282 Отчет Исполнительного комитета Автономной области Ингушетии за 1924-26 гг. Владикавказ, 1926.
283 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. Грозный, 1972. С. 118.
284 Джамбулатова З.К. Указ. соч. С. 49.

285 Состояние национального просвещения на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1932. С. 3.
286 Журнал «Северо-Кавказский край», 1929, №3. С. 140.
287 Дахкильгов Ш.Э. Слово о родном крае. Грозный, 1989. С. 61.
288 Газ. «Власть труда», 1924, 3 ноября.
289 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. С. 120.
290 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии. С. 56-57.
291 Там же. С. 101.
292 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 160.
293 Беркен-Хаев Д.Ш. Указ. соч. С. 24.
294 Там же. С. 15.
295 Там же. С. 5.
296 Там же. С. 26.
297 Там же. С. 26.
298 Газ. «Ингушетия» от 22. 12. 1994. № 136.
299 Дзаурова М.С. Основные этапы становления Ингушской государственности // Научный вестник ИнгГУ. Вып.1-2. Магас, 2004.
300 Кондратьев Т.А. Насыр-Кортская образцовая школа – лучшая национальная школа Чечено-Ингушской АО // «Северо-Кавказский учитель». 1934. № 1. С. 32–34.
301 Аюп Базиевич Бузуртанов // Журнал «Северо-Кавказский учитель». 1936. № 8–9. С. 37–42.
302 Джамбулатова З.К. Развитие печати в Чечено-Ингушетии (1920-1941 годы) // Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. VI. Грозный, 1965. С. 93.
303 Бугай Н.Ф. Советское строительство в Чечено-Ингушетии в 1920-1921 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.10. Грозный, 1976. С. 101.
304 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 161.
305 Алмазов И.Г., Картоев М.М. История и современность архивного дела в Республике Ингушетия //Вестник архивиста. М., 2009. № 2. С. 69.
306 Там же. С. 69-70.
307 Пономарева И.З. Из истории Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея // Известия Чечено-Ингушского музея. Вып. 11. Грозный, 1975. С. 3-17.
308 Там же. С. 5-8.
309 Там же. С. 3-17.
310 Культурное строительство в Ингушетии // Газ. «Сердало». № 56. от 20 мая, 2004.
311 Пономарева И.З. Указ. соч. С. 3-17.
312 Там же.
313 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 163.
314 Газ. «Колхозная правда», от 12.12.1931 г.
315 Митрофанов А.П. Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа с теоретико-аналитическим очерком песен Карачая Дм. Рогаль-Левицкого // ГАСК. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 249. Л. 1-13.
316 Скрипач из Назрани // Газ. «Грозненский рабочий», 23 ноября 1938 г.
317 Митрофанов А.П. О музыкально-песенном творчестве ингушей // ГАСК. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 47; Митрофанов А.П. Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа…; ГАРО. Ф. Р-4387. Оп. 1. Д. 30. Лл. 87, 89-90, 92; Речменский Н. Чеченские и ингушские народные мелодии. М., 1962.
318 Беркен-хаев Д.Ш. Указ. соч. С. 19.
319 Газиков Б.Д. Архивная память. Назрань, 2003. С. 39.
320 Там же. С. 41.
321 Там же. С. 47-48.
322 Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия. Владикавказ, 1929. С. 129.
323 Виноградов П.Б. К истории становления советского здравоохранения в Чечено-Ингушетии в 1917-1927 гг. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. 10. Грозный, 1976. С. 108-109.
324 Там же. С. 111.
325 Бюллетень Народного Комиссариата Здравоохранения. 1924., №19. С.6-7.
326 Виноградов П.В. Указ. соч. С. 118.
327 Газ. «Власть труда». 12. 03. 1930 г.

Глава IX

Ингушетия в период Великой Отечественной войны

1. Ингушетия в первые месяцы Великой Отечественной войны. Участие ингушей в вооруженной борьбе на фронтах и в помощи тыла фронту

22 июня 1941 г. с нападения фашистской Германии и ее союзников на СССР началась Великая Отечественная война Советского Союза.

В первые же дни Великой Отечественной войны ингуши плечом к плечу с другими народами СССР встали на защиту Родины. С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. Ингушетия, как и весь Советский Союз, оказалась вовлеченной в водоворот военных событий. Многие ингуши встретили войну в рядах действующей армии. Ингушские воины, несшие службу в рядах Красной Армии, приняли участие в первых же приграничных сражениях с агрессором, в том числе и в героической обороне Брестской крепости. В составе гарнизона Брестской крепости, оказавшем беспримерное по упорству и стойкости сопротивление врагу в июне-июле 1941 г., насчитывались многие десятки бойцов из Ингушетии – современные исследователи приводят различные цифры – от 44 до 90 имен.[1] По некоторым данным, численность ингушей и чеченцев, сражавшихся в крепости, гораздо выше – от 300 до 400 человек, тогда как весь гарнизон крепости насчитывал около 4 тысяч человек.

В обороне крепости принимали участие уроженцы Ингушетии: М. Азиев, Х.-Б. Акиев, К. Акиев, М. Акиев, М. Арсеноев, М. Астемиров, Х. Балаев, Н. Балаев, У. Барханоев, Х. Бахмурзаев, А. Булгучев, Б. Булгучев, Р. Вельхиев, У. Газиков, М. Галаев, М. Дзарахов, З. Дзарахов, М.-Г. Дзарахов, М.Джанхотов, М.-Г. Досхоев, М. Евлоев, С. Евлоев, Х. Имагожев, А. Латыров, М. Мальсагов, М.-Г. Матиев, Ш. Медов, Х. Мерешков, Ю. Мурзабеков, С. Плиев, И. Сагов, Х. Сагов, К. Точиев, Торшхоев, А. Тутаев, Т. Умаров, Ш. Хачароев, А. Хашакиев, О. Хулахаев, Х. Цечоев, О. Цицкиев, А. Цороев, И. Цороев, М. Цуров, Султан Чапанов, Сейдал Чапанов, М. Чергизов, Б. Шадиев, С. Эсмурзиев и др.[2] Одним из последних защитников Брестской крепости, павших в середине июля 1941 г., – почти через месяц после начала войны и героической обороны крепости, также стал воин из Ингушетии – старший лейтенант пограничных войск У. Барханоев.

Брестская крепость

Не только такие достаточно хорошо известные герои войны, как летчик-истребитель Ахмед Оздоев, партизан-разведчик Абдулла Цароев, майор медицинской службы Асият Тутаева, вписали славную страницу в летопись военной доблести ингушского народа, но и сотни и тысячи других ушедших на фронт из Ингушетии, менее знаменитых, а то и вовсе безвестных защитников страны, которую, они, несмотря на все неласковое обращение последней к своему народу, считали Родиной, стоящей того, чтобы отдать за нее жизнь.

Война, приобретшая характер общенародной и отечественной уже с первых дней, сра-

зу коснулась всех уголков страны. С первых же дней войны Ингушетия, находившаяся в составе ЧИАССР, активнейшим образом включилась в борьбу по отпору агрессии. Ингушские районы ЧИАССР активно участвовали в военно-мобилизационных работах, обеспечении фронта всем необходимым для ведения успешной борьбы.

В официальной советской историографии подчеркивается, что на состоявшихся в первые же дни войны в городах, селах и аулах республики многолюдных митингах и собраниях трудящиеся единодушно заявили о своей твердой решимости единодушно направить все силы на разгром врага.[3]

30 июня 1941 г. на совместном заседании Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) и Совнаркома республики были разработаны конкретные мероприятия по претворению в жизнь указаний ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г.[4]

Последний защитник Брестской крепости, старший лейтенант Уматгирей Артаганович Барханоев

В создавшихся условиях бедственного для страны развития ситуации на фронтах, когда в связи со стремительным развитием наступления армий противника вглубь страны вооруженные силы несли колоссальные потери в людях и технике, а также в средствах обеспечения, особенно важным стал вопрос о налаживании бесперебойного снабжения фронта всем необходимым для противостояния сильной машине нацистской агрессии. Большая часть груза усилий по такому обеспечению ложилась на плечи тружеников тыловых районов.

Особенно важным в условиях разгоревшейся «войны моторов», как справедливо называли вторую мировую войну, становился вопрос бесперебойного снабжения сражающейся армии нефтью и нефтепродуктами, в первую очередь – горюче-смазочными материалами. В первые же дни войны были вместе со складами вооружения, боеприпасов, продовольствия, потеряны и огромные запасы горючего, сосредоточенные в приграничных округах. Армия, ведущая тяжелейшие оборонительные сражения, остро нуждалась в скорейшем восполнении этих потерь и это стало, в первую очередь, задачей, решения которой ждали от южных нефтедобывающих регионов СССР. Государственный комитет обороны потребовал к концу 1941 г. увеличить добычу нефти втрое, а выработку светлых продуктов ее перегонки – втрое. Накануне войны по объему нефтедобычи Чечено-Ингушетия являлась второй после Баку нефтяной базой СССР, а по выработке горюче-смазочных материалов занимала первое место.[5]

Уже летом 1941 г. трест «Малгобекнефть» организовал форсированное разбуривание участка Бори-Су, перевод скважин на плунжерный лифт, быстро решал вопросы ввода скважин из бездействующих в действующие. Некоторые специалисты из аппарата треста пошли работать мастерами бригад по добыче нефти. Это положительно отразилось на работе промыслов. Трест «Малгобекнефть» в результате стал увеличивать добычу нефти. В июле среднесуточная добыча нефти возросла по сравнению с июнем на 305 тонн, в августе – на 599 тонн, в сентябре – на 607 тонн.[6] По сравнению с январем 1941 г. в августе добыча нефти в Малгобеке выросла на 1627 тонн. Это позволило тресту уже в сентябре

Юсуп Ибрагимович Кодзоев

1941 г. выполнить годовое задание и сэкономить 7 млн. рублей.[7] Малгобекские буровики оказались зачинателями скоростного бурения скважин в СССР. За семь месяцев 1941 г. они пробурили 38 скважин со скоростью на станок от 3 до 4 тыс. метров и 5 скважин со скоростью до 6 тыс. метров в месяц. Ранее на промыслах «Грознефти» этот показатель не превышал 400-500 метров на станок в месяц. Коллектив конторы бурения «Малгобекнефти» был в итоге признан лучшей конторой бурения Советского Союза за 1941 г.[8]

Успехи нефтяников были очевидными, но техническое переоснащение армии требовало все большего прироста добычи сырья и его переработки. В республике продолжался активный поиск все новых и новых месторождений. В 1941-1942 гг. активизировалась работа геологоразведки на Назрановской возвышенности и в других перспективных районах. Сколь большое значение придавалось этой работе руководством СССР, красноречиво иллюстрирует то обстоятельство, что в 1942 г. в ЧИАССР из Москвы было отправлено 6 электроразведочных, 4 сейсмических, 3 гравиметрических, 4 нефтегазосъемочные партии (больше, чем в главный нефтяной центр страны – Баку). Предприятия республики переходили на выпуск продукции для армии. Только вооружение к сентябрю 1941 г. выпускали 28 предприятий ЧИАССР.[9]

Напрягали все силы и труженики сельского хозяйства Ингушетии. В предвоенные годы Ингушетию, как и весь Северный Кавказ и в целом всю страну, сильно затронули разнообразные авантюрные эксперименты, проводившиеся сталинским режимом в виде разного рода кампаний, а также волны репрессий, опустошавшие ряды лучших специалистов, по той или иной причине становившихся неугодными тоталитарной диктатуре.

Положение сельского хозяйства Ингушетии накануне и в ходе самой войны было особенно трудным. Общий уровень благосостояния ингушского крестьянства, которое само по себе, являясь превалирующим элементом в ингушском обществе, на протяжении десятилетий было беднейшим и самым малоземельным на Северном Кавказе, в условиях начавшейся войны не только не мог вырасти, но и неизбежно должен был испытать тенденцию к снижению. Тем не менее, с началом войны поток сельхозпоставок государству не снизился, а напротив – резко возрос. Так колхозы одного Пригородного района сдали 2400 центнеров картофеля, более 500 голов крупного рогатого скота. Колхозы Сунженского района сдали 1000 центнеров подсолнечника, 4130 центнеров пшеницы, 2200 центнеров кукурузы, 183 центнера растительного масла, 1300 голов овец, 140 голов крупного рогатого скота.[10] По статистическим данным, в 1941-1942 гг. ЧИАССР отправила на фронт коллективных посылок на сумму 807750 руб., 2417 индивидуальных подарков на 759000 руб. В течение десяти месяцев 1943 г. труженики республики пять раз отправляли на фронт эшелоны с подарками – свыше 400 вагонов, груженных мясом, картофелем, маслом, овощами, фруктами, медом и др. продуктами.[11]

Активно шли на территории Ингушетии мобилизационные мероприятия. В ЧИАССР было развернуто свыше десяти мобилизационных пунктов. 25 июня 1941 г. бюро обкома ВКП (б) заслушало и обсудило доклад облвоенкома и ряда секретарей райкомов партии «О политико-моральном состоянии населения республики в связи с проведением мобилизации», в котором отмечалось, что мобилизация во всех годах и районах проходит на вы-

соком идейно-политическом уровне. [12] Это утверждение официозного документа можно было бы отнести на счет обычной партийной пропаганды, если бы не конкретные факты, подтверждающие его правильность. Так в мобилизации участвовали и отправлялись на фронт даже высокопоставленные по меркам Ингушетии коммунистические партфункционеры, в том числе секретари райкомов А. Зангиев, А. Парагульгов и др.[13] 15 ноября 1941 г. обком ВКП(б) и Совнарком ЧИАССР на основании указания ГКО СССР приняли решение о формировании национальной кавалерийской части. Видимо, представители советской власти вспомнили о позитивном опыте создания аналогичных добровольческих подразделений в период Русско-турецкой 1877-1878 гг., русско-японской 1904-1905 гг., Первой мировой 1914-1918 гг. войн, которые велись царской Россией с активным привлечением представителей горских народов Северного Кавказа. Впоследствии был сформирован 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк и резервный дивизион, с 1942 г. участвовавшие, и весьма активно, в военных действиях на разных участках советско-германского фронта.[14]

В августе 1942, феврале и марте 1943 г. были проведены три призыва добровольцев из числа ингушей и чеченцев в Красную Армию. Итоги последних двух были заслушаны обкомом ВКП(б) в мае 1943 г. Отмечалось, что призыв «сопровождается проявлением подлинного советского патриотизма». Помимо активности добровольцев в призывных мероприятиях указывалось на такие проявления патриотических чувств, как проведение сбора средств на строительство бронепоезда им. А. Шерипова, досрочное выполнение госплана весеннего сева и др. Особо подчеркивалось образцовое выполнение воинского долга добровольцами – чеченцами и ингушами в рядах 4-го гвардейского кавалерийского казачьего корпуса.[15] В общем и целом, по данным некоторых современных исследователей, на фронтах Великой Отечественной войны сражался более чем каждый десятый житель Ингушетии.[16]

К концу первого года войны промышленность Ингушетии, особенно нефтяная, добилась ощутимых результатах в своих усилиях по организации помощи фронту. Так второй промысел «Малгобекнефти» выполнил план 1941 г. по добыче нефти и газа на 175 %, за что и был Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 февраля 1942 г. награжден орденом Ленина. Сверх плана было добыто 352,7 тыс. тонн нефти и газа, себестоимость тонны нефти снижена на 28,7 % и сэкономлено 2,67 млн. руб. Первый промысел того же треста дал сверх плана 28,9 тыс. тонн нефти, снизил себестоимость тонны сырья на девять с половиной процентов и сэкономил около 1,35 млн. руб.[17]

На фронтах Великой Отечественной войны с первых же ее дней сотни ингушей приняли участие в вооруженном противостоянии агрессору. Уроженцы Ингушетии принимали участие во всех решающих сражениях: в обороне Ленинграда, в боях под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Снайпер Аюп Манкиев в боях на Севере, под Мурманском и Ленинградом, уничтожил свыше 100 солдат и офицеров противника.[18] В героической обороне Одессы в августе – октябре 1941 г. участвовал Ю. Кодзоев.[19]

Многие ингуши удостоились высоких правительственных наград – танкисты Г. и М. Мальсаговы; летчики М. Яндиев, Х. Арчаков (два ордена Красной Звезды и орден Славы), Х. Албогачиев (две медали «За отвагу»); пехотинцы А. Аушев (орден Красной Звезды), Х. Кациев (орден Красного Знамени и медали), С. Кациев (орден Славы и медали), Б. Келигов (ордена Красной звезды и Отечественной войны II степени), , А. Сайнароев (ордена Красной звезды и Отечественной войны II степени и медали), Д. Хамхоев (два ордена Красной Звезды и медали), А. Дудургов (ордена Красного Знамени, Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги»), А. Дотмурзиев (ордена Богда-

Военный инженер Ахмет Османович Султыгов

Гвардии лейтенант авиации Хасултан Керимович Арчаков

Ветераны Великой Отечественной войны А.Ч. Сейнароев и Д.С. Хамхоев

Командир роты, капитан Ахмет Юсиевич Дотмурзиев, погиб на фронте в 1944 г.

Хаджимурат Гушкович Долгиев воевал в Польше, закончил войну в Германии

Защитник Ленинграда, командир батальона, майор Гапурбек Наибович Беков

на Хмельницкого, Красного Знамени, Красной Звезды, орден Александра Невского), А. Тангиев (орден Красной Звезды), А. Мислауров (орден Красной Звезды и 9 медалей), А. Дидигов (медаль «За отвагу»), В.-Г. Оздоев (орден Отечественной войны II степени), Х. Курскиев (орден Отечественной войны II степень и медали), Т. Шахмурзиев (орден Красной Звезды и медали); кавалерист Х. Котиев (орден Красного Знамени, чехословацкий Военный Крест и медали); артиллеристы А. Горчханов (орден Славы и медали), Г. Балаев (орден Красной Звезды и медали), А. Албаков (орден Красной Звезды и медали); связисты М. Гадаборшев (ордена Красной Звезды, Отечественной войны II степени и медали), Г. Беков (ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени), Х. Долгиев (орден Славы, медаль «За отвагу»); военный инженер А. Султыгов (ордена Ленина и Отечественной войны I степени, медали) и др.[20]

Подполковник Джабраил Картоев, участник боев в Крыму и Прибалтике, дважды награждался орденом Красной Звезды и дважды – Орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны I и II степени, многими медалями.[21] В начале ноября 1943 года,

Начальник разведотдела стрелкового корпуса, гвардии подполковник Джабраил Дабиевич Картоев

Отважный танкист Магомед-Гирей Габралович Келигов

Майор авиации Султан Албастович Костоев

Дуда Эдиевич Энгиноев, полный кавалер ордена Славы

Герой России, младший лейтенант авиации Мурат Ахмедович Оздоев

Герой России, майор авиации Ахмед Татарханович Мальсагов

будучи начальником разведывательного отдела 346-й Дебальцевской дивизии, капитан Д. Картоев, за блестящую операцию по форсированию озера Сиваша у Перекопского перешейка, был представлен к званию «Героя Советского Союза».[22]

Танкист Магомед-Гирей Келигов в ходе одного из боев, заняв место раненного командира и вступив в единоборство с пятью танками противника, сам получив тяжелые ранения, уничтожил три вражеские машины, был удостоен ордена Красного Знамени.[23]

Летчик Султан Костоев, завершивший войну в звании майора, имел пять правительственных наград.[24]

Летчик-истребитель Мурат Оздоев был награжден Орденом Красной Звезды.[25] На его боевом счету было 8 сбитых вражеских самолетов и ряд уничтоженных наземных целей. Отважный пилот был сбит в январе 1944 г., пережил испытания фашистского плена и был освобожден только в мае 1945 г. В 1995 г. ему, как и двум другим ингушским летчикам-ингушам Ширвани Костоеву и Ахмеду Мальсагову (последним – посмертно) указами Президента РФ было присвоено звание «Герой России». Всего же, по данным современ-

Герой России, старший лейтенант авиации Ширвани Устарханович Костоев

Ветеран Великой Отечественной войны Саадал Баадулович Арсамаков

Ибрагим Эльбердович Газдиев

Командир кавалерийского полка, майор Японц Арскиевич Абадиев

Гамид Ибрагимович Ужахов

Юсуп Магомедович Галаев

ных исследователей из Ингушского государственного музея краеведения, к званию Героя Советского Союза в годы войны было представлено 46 ингушей, но награждение было отменено или задержано из-за сталинских репрессий против ряда народов Северного Кавказа, включая ингушей, в 1944 г.[26]

Дважды на Саадала Баадуловича Арсамакова приходили похоронки, и дважды его посмертно представляли к званию Героя Советского Союза. Награды он так и не получил.[27]

Ибрагим Газдиев повторил подвиг Александра Матросова – погиб в октябре 1943 г. на Кубани, закрыв грудью амбразуру дзота.

Японц Арскиевич Абадиев командовал Чечено-Ингушским кавалерийским полком, был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны и Ленина. Представлялся к званию Героя Советского Союза.

Лейтенант Гамид Ибрагимович Ужахов воевал в Украине, Польше, Чехословакии, Германии. Закончил войну в 40 км от Берлина из-за ранения.

Юсуп Галаев находился в действующей армии с 1939 г. Участвовал в 1939-1940 гг. в советско-финской войне, летом 1940 г. участвовал в операции в Бесарабии и Северной Буковине, в 1943 г. – в битве на Курской дуге. Дважды был ранен. После второго ранения был переправлен в Челябинский эвакуационный госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны.

Иногда на фронте сражались по несколько членов одной семьи. Так на разных участках огромного советско-германского фронта сражались братья Исраил, Абдул-Азиз и Хаджи-Бикар Сампиевы,[28] Исмаил, Каци, Дауд и Магомед-Гирей Хутиевы; Якуб, Яхья и Юсуп Яндиевы; Орснако, Юнус и Шамсуддин Амерхановы; Бисултан, Беслан и Темирсултан Дударовы; Ахмет, Баматгирей, Висангирей и Магомет Оздоевы; Хаматхан, Боби, Татре и Хасанбек Осмиевы; Абукар, Гейрбек и Алаудин Погоровы; Хаджибикар, Ази и Исраил Сапралиевы; Зураб, Магомед и Султан Тангиевы; Хизир, Мухтар и Султан Таркоевы и другие.

Немало ингушских бойцов и командиров Красной Армии погибли в боях с захватчиками. Майор, командир разведбата Хаджимурат Матиев пропал без вести в 1941 г.[29] Секретарь Пригородного райкома комсомола Мухтар Акиев, отозванный в распоряжение политуправления Красной Армии, воевал в районе Брянских лесов, где и погиб в неравном бою с врагом. На полях сражений с захватчиками пали братья Бота и Алаудин Картоевы, Абубакар и Джабраил Оздоевы,[30] младший брат репрессированного в 1937 г. И. Зязикова – лейтенант А. Зязиков,[31] летчики майор Мадак Льянов, кавалер ордена Красного знамени майор А. Мальсагов, один из старейших российских летчиков, участник первой мировой войны, находившийся в рядах Красной Армии с 1923 г., Рашид-Бек Ахриев, танкист капитан Руслан Гудантов.[32]

Самоотверженно и отважно сражались на фронтах ингушские женщины. С первых дней войны находилась в рядах Красной Армии Ляля Ужахова. В рядах действующей армии находились Тамила Гойгова, Тамара Цечоева, офицер медслужбы Дудаева. Подлинный героизм и мужество проявили Тамара Албогачиева, сестры Нина и Асият Тутаевы (Асият погибла в 1944 г.), удостоенные правительственных наград.[33]

Немало ингушей воевало в рядах советского партизанского и подпольного движения в тылу врага, на оккупированной территории СССР. Настоящей легендой стал Абдулла Цароев, командир разведки партизанского отряда под командованием Дмитрия Медведева – одного из самых известных и результативных в истории советского партизанского движения соединений, действовавшего на оккупированной территории Украины, награжденный двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени и медалями.[34]

Командиром партизанского отряда в Минской области являлся Умар Газиков, один из немногих избежавших плена и гибели участников обороны Брестской крепости, воевавший в Белоруссии с августа 1942 г. по 1944 г.[35]

На фронт отправлялись не только военнообязанные ингуши из числа простых сельских и городских тружеников, но и видные представители ингушской интеллигенции, например, известный писатель военный корреспондент Багаудин Зязиков.

Осенью 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял решение о строительстве оборонительных рубежей в районе Северного Кавказа, начиная от Каспийского моря, вдоль правого берега реки Терека и дальше до Минеральных Вод. Военно-техническое руководство строительством оборонительных рубежей было возложено на 10-ю инженерно-саперную армию. На территории ЧИАССР предстояло построить линию обороны вдоль правого берега Терека – от Моздокского района до границы Дагестанской АССР – протяжением более 100 км. Для строительства оборонительных рубежей было

Командир отдельного разведбата, майор Хаджимурат Габертиевич Матиев геройски погиб в 1941 г.

Капитан авиации, Артаган (Мадык) Асламбекович Льянов, геройски погиб в воздушном бою в июле 1941 г.

Танкист, капитан Руслан Борисович Гудантов, геройски погиб, защищая Ленинград в 1943 г.

Тамара Анзоровна Цечоева

Ляля Батырбековна Ужахова

Умар Мурцалиевич Газиков

мобилизовано 80 тыс. человек, в том числе более 1000 инженеров, техников, десятников, медработников.

В конце лета фронт вплотную приблизился к Ингушетии. Оборонительные работы в этих условиях были сопряжены со все большими трудностями и опасностями. Районы проведения инженерно-строительных работ постоянно подвергались воздушным налетам врага. Немецкие самолеты бомбили и поливали пулеметным огнем людей, прокладывавших оборонительную трассу. Но возведение оборонительных рубежей продолжалось с рекордной скоростью.

Летом 1942 г. война пришла и на землю Ингушетии. В соответствии с директивой № 41, подписанной Гитлером 5 апреля 1942 г., приоритетное значение отдавалось овладению крайне важными с точки зрения экономики – особенно в условиях превратившейся в затяжную войну кампании на Востоке – южными районами Советского Союза, в первую очередь – Северным Кавказом. В этом смысле, несомненно, решающим со-

Старейший летчик из народов Кавказа, один из лучших асов, служивший в советской авиации с начала 1920-х гг., Рашид-Бек Чахович Ахриев, геройски погиб в начале 1942 г.

ображением в выборе кавказского направления как основного в летнем наступлении на Восточном фронте стали соображения экономического плана, прежде всего вопрос об установлении контроля над кавказской нефтью. Контроль этот являлся ключевым как для Германии, так и для СССР.

Капитан медицинской службы Нина Индрисовна и майор медицинской службы Асият Индрисовна Тутаевы

В этой связи вполне понятна позиция Гитлера, заявившего в узком кругу своих советников в июне 1942 г., что если он не получит нефти Майкопа и Грозного, то должен будет «ликвидировать войну».[36]

Еще до начала развертывания масштабных военных действий против сухопутных сил агрессора на территории Ингушетии ее население включилось с оружием в руках в борьбу с передовыми отрядами нашествия – группами террористов и диверсантов, засылаемым противником в тыл Красной Армии, которые забрасывались и на территорию Ингушетии (как и других автономий Северного Кавказа). Такого рода группы обычно сбрасывались с самолетов на парашютах, и нередко были переодеты в форму советских военнослужащих, имели при себе советское оружие, документы бойцов и командиров Красной Армии (как, например, группа под командованием агента абвера Османа Губе в составе 9 человек, выброшенная 25 августа 1942 г. близ с. Бережки Галашкинского района ЧИАССР). Только в августе-сентябре 1942 г. на территорию ЧИАССР было выброшено три десанта численностью до 40 человек. Их целью была организация саботажа и диверсий в тылу советских войск, дестабилизация внутриполитической ситуации, нанесение максимального ущерба народному хозяйству и т.д. Обнаружить, распознать и обезвредить такие диверсионные отряды, было исключительно трудно.

Многие ингуши добровольно участвовали в борьбе с диверсантами. Для борьбы с вражескими десантами и поддержания порядка в прифронтовой полосе к началу февраля 1942 г. было образовано 12 истребительных батальонов. Уже осенью 1942 г. при участии населения были ликвидированы большинство диверсионно-разведывательных групп противника. Руководством республики разрабатывались и меры по организации партизанской и подпольной борьбы на случай оккупации территории немца-

Друзья фронтовики – Абдулла Дудиевич Цароев и Туган Хаджимохович Мальсагов

ми. Для этих целей использовался и опыт борьбы с белогвардейцами в 1918-1920 гг., а для обучения нового поколения партизан активно привлекались ветераны гражданской войны, имевшие бесценный опыт ведения именно такого вида военных операций. В частности прославленный командир ингушских партизанских отрядов периода гражданской войны Х.И. Орцханов по указанию командующего Закавказским военным округом генерала Тюленева организовал в декабре 1941 г. партизанский отряд на территории Пригородного района для ведения борьбы в тылу противника в случае занятия им территории республики. В руководство отряда наряду с Х. Орцхановым вошли и другие ингушские ветераны гражданской войны – Э. Чабиев, И. Мальсагов и др. Хотя Ингушетия не была оккупирована, отряд Орцханова неоднократно выполнял задания командования за линией фронта на территории сопредельных республик.

Организовать партизанские отряды предполагалось и в других районах Ингушетии: Пседахском, Ачалукском, Сунженском, Галашкинском, Назрановском.[37]

В декабре 1942 г. при огромном стечении народа на митинге в с. Базоркино известным духовным авторитетом Кази-муллой Гантемировым от имени ингушского народа была объявлена против фашистов священная война – «газават».[38] Сам Кази-мулла, как и Х. Орцханов и другие герои гражданской войны на Северном Кавказе, имевшие опыт организации партизанской войны, был привлечен к формированию добровольческих национальных соединений для участия в военных действиях против германской армии на Северном Кавказе.

2. Малгобекская оборонительная операция 1942 г. Ее итоги и значение

С прорывом немецко-фашистских войск к Кавказу и Волге фронт придвинулся к пределам Ингушетии, и в сентябре 1942 г. военные действия перешли ее границы. Главным образом, они развернулись на северо-западе Ингушетии – в Малгобекском районе и непосредственно вокруг Малгобека, который находился на острие главного удара наступавшей на кавказском направлении немецкой группы армий «А» и ее бронированного кулака – 1-й танковой армии, задачей которой являлся бросок через Малгобек и Орджоникидзе на Грозный. Узловыми участками битвы за Кавказ (как в советской историографии названы военные операции в этом регионе в июле 1942 – январе 1943 гг.) стали нефтяные месторождения Майкопа и Грозного, побережье Черного моря в районе Новороссийска и кавказские перевалы. Как минимум два из этих трех ключевых участков битвы за Кавказ непосредственно связаны в географическом и военно-стратегическом плане с Ингушетией, через территорию которой пролегали направления ударов немецких группировок, наступавших на Грозный и Орджоникидзе. Кроме того, сама территория Ингушетии, особенно ее северная часть, представляла с точки зрения основной боевой задачи германской армии на лето-осень 1942 г. большой интерес по причине нахождения здесь одного из крупнейших и динамично развивавшихся, несмотря на свою «молодость», нефтяных месторождений Северного Кавказа – Малгобекского. Прорыв на Грозный был сопряжен с серьезными трудностями для немецко-фашистских войск, ввиду неизбежности организации советской стороной мощной обороны для удержания любой ценой этого крупнейшего из оставшихся после занятия немцами Майкопа, находящихся к северу от Главного Кавказского хребта, нефтяных районов. Германское военное командование при этом не могло не уделять особого внимания овладению районом Малгобека, что из задачи промежуточной при успешном развитии наступления на Грозный могло перерасти

в задачу более значимую в случае неудачи или хотя бы задержки продвижения немцев в восточном направлении. Особенно важным это становилось в свете того факта, что немцы имели уже плачевный опыт овладения нефтяными месторождениями Майкопа, которые советские войска успели при отходе разрушить, и лишь стремительный захват Малгобекских промыслов мог предотвратить повторение такой ситуации. Поэтому представляется вполне закономерным сосредоточение немцами главного ударного кулака наступавшей на Кавказе группы армий «А» – 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста на левом фланге группы армий для броска на Грозный именно через Малгобек.[39]

Захват разрушенных промыслов Майкопа, не приведший к ожидаемому насыщению наступающих армий горючим, совершенно очевидно побудил немецкое командование к продолжению и форсированию наступательных операций силами подвижных соединений в восточном направлении с целью скорейшего овладения ближайшим после майкопских более или менее крупным нефтяным месторождением – Малгобеком. В директиве ОКВ № 45 от 23 июля 1942 г. «О продолжении операции «Брауншвейг», в разделе «Задачи дальнейших операций» было сказано: «Одновременно группировка, имеющая в своем составе главным образом танковые моторизованные соединения, выделив часть сил для обеспечения фланга и выдвинув их в восточном направлении, должна захватить район Грозного… В заключение ударом вдоль Каспийского моря овладеть районом Баку». В директиве прямо указывалось на «решающее значение, которое имеет нефтяная промышленность Кавказа для продолжения войны».[40]

В течение второй половины августа линия фронта не столь стремительно, как в первой половине месяца, но неуклонно отползала на восток, приближаясь к Малгобекскому нефтяному району. 25 августа немцы овладели Моздоком, который в дальнейшем стал основной базой развертывания их наступательных операций на Малгобек и в целом на грозненском направлении. К началу последней недели августа на направлении главного удара немцы создали устойчивый плацдарм для броска на Малгобек и последующего наступления на Грозный. Главный удар наносил на левом крыле 1-й танковой армии 40-й танковый корпус, в который были сведены почти все подвижные соединения армии – 3-я, часть сил 23-й, а также вновь подчиненная 13-я танковые дивизии. В задачу корпуса входило форсирование Терека в районе Моздока, захват предмостного плацдарма, наводка мостов и дальнейшее наступление на Грозный. Во втором эшелоне для развития наступления танковых дивизий и дальнейшего продвижения на Орджоникидзе предполагалось ввести в бой пехоту 52-го армейского корпуса.[41] Главной задачей 1-й танковой армии определялось «уничтожение противника в излучине Терека». Далее Гитлер потребовал «всеми имеющимися силами, и прежде всего подвижными, продолжать наступление на Грозный, чтобы наложить руку на район нефтепромыслов».[42]

Малгобеку,[43] крупному нефтяному району «Грознефти», расположенному близ Алханчуртской долины, на склонах Терского хребта в 28 километрах к югу от Моздока (занятого немцами 25 августа), суждено было на полтора ближайших месяца стать эпицентром драматических событий всей битвы за Кавказ, разворачивавшейся на южном крыле советско-германского фронта и во многом решавшей судьбу всего этого грандиозного военного противостояния.

Между тем потенциал советской обороны немцами явно недооценивался. Обороняющиеся войска Северной группы войск советского Закавказского фронта опирались на естественные рубежи, прикрывавшие грозненско-бакинское направление. Первым серьезным естественным препятствием на пути наступающего противника была река Терек. В глубине обороны параллельно Тереку с запада на восток, пролегают невысокие Терский и Сунжен-

ский горные хребты, которые хотя и имеют мягкие склоны, все же являются преградами, особенно для танков. Между Терским и Сунженским хребтами располагается Алханчуртская долина. Она была прикрыта с запада советскими войсками, системой инженерно-оборонительных сооружений и искусственных препятствий, созданных, прежде всего, за счет активного участия в их возведении местного населения. В сентябре 1942 г., когда фронт подошел к границам Чечено-Ингушетии, командованию Северной группы войск Закавказского фронта понадобилось в максимально короткие сроки возвести оборонительную линию южнее Малгобека. Около 2 тыс. колхозников Пседахского и Ачалукского районов в течение 9 дней сооружали противотанковые рвы, эскарпы, траншеи южнее Малгобека под обстрелом дальнобойной артиллерии и авиационными бомбардировками противника. Работа была выполнена в срок.[44] Своевременное проведение масштабных оборонительных работ, в которых с большим энтузиазмом приняло деятельное участие местное население, несомненно, сыграло важную роль в повышении устойчивости обороны советских войск на этом ключевом участке фронта.

Принимались и меры по организации партизанского движения в тылу врага в случае захвата им территории Ингушетии. Наиболее подробные инструкции в условиях приближения фронта к территории Ингушетии были поставлены Малгобекскому партизанскому отряду. В перечень задач входила глубокая разведка в районе и в самом городе Моздоке и других крупных населенных пунктах; контролировать, взрывать и уничтожать все движение по железной дороге от ст. Ищерская до ст. Павлодольская, а по линии шоссейной дороги – от населенного пункта Ищерская до совхоза Терек.[45]

Тем временем Северная группа войск Закавказского фронта (командующий генерал лейтенант И.М. Масленников), противостоявшая 1-й танковой армии Клейста под Малгобеком, включала 9-ю, 37-ю, 44-ю, 58-ю армии. Непосредственно малгобекское направление прикрывала 9-я армия генерал-майора К.А. Коротеева. Необходимо помнить при этом, что по численности и оснащению советская общевойсковая армия в то время серьезно уступала соответствующим германским соединениям. Тем не менее к 1 сентября, когда начались немецкие наступательные операции под Малгобеком, соотношение сил на всем фронте Северной группы войск, кроме танков и авиации, было на стороне советских войск.[46] Хотя в составе самой 9-й армии находились только стрелковые подразделения, однако с началом Малгобекской оборонительной операции она постоянно усиливалась частями и подразделениями из резерва Командующего Северной группой.

Однако несмотря на общее превосходство в силах, которое оставалось на стороне оборонявшихся, на направлении главного удара противнику удалось создать подавляющий перевес, особенно в танках, что предопределило характер развития военных событий в первые дни немецкого наступления на Малгобек.[47]

В ночь на 1 сентября 1942 г подразделения 3-й танковой дивизии немцев начали переправу через Терек в районе Мундар-Юрта. Операции по форсированию реки предшествовал короткий артналет, после которого немецкая мотопехота на штурмовых лодках начала переправляться через Терек. Благодаря умелому использованию наличных сил и средств, грамотной организации управления войсками и применения разнообразных тактических приемов немцам удалось уже утром 1 сентября форсировать Терек, правда, незначительными силами. Бои на правом берегу продолжались в течение всего дня 1 сентября. В результате советским войскам удалось нейтрализовать переправившиеся у Мундар-Юрта силы противника.[48]

Однако переправа 1 сентября носила, как выяснилось позднее, отвлекающий характер. Направлением основного удара германское командование избрало другой участок – Кизляр–Предмостный. Здесь операция по форсированию Терека была начата немцами ночью 2 сентября под прикрытием дымовой завесы. Несмотря на активное противодействие со стороны советской артиллерии и военно-воздушных сил немцам удалось переправить на правый берег основные силы двух дивизий – 3-й танковой и 111-й пехотной. В дальнейшем, перейдя к активным действиям с захваченного плацдарма, они пробили брешь в боевых порядках обороняющихся стрелковых подразделений 9-й армии. Советских сил, противостоящих переправившимся вражеским соединениям, оказалось недостаточно для того, чтобы ликвидировать плацдарм. Однако, непрерывно контратакуя, они не позволили немцам сразу же развернуть масштабное наступление с захваченного плацдарма, что, несомненно, наиболее полно отвечало бы замыслу германского командования по овладению Малгобеком. Отражение советских контратак и расширение плацдарма заняло свыше двух суток. Только в ночь на 4 сентября с плацдарма был нанесен мощный удар, в результате которого наступающие продвинулись на 10 км к югу от Моздока.[49]

Особенно упорные бои разгорелись 4-7 сентября в окрестностях Вознесенской. К тому времени командование 1-й танковой армии располагало на плацдарме в районе Предмостного уже двумя пехотными (111-й и 370-й) и одной танковой – 3-й дивизиями. Тем не менее стремительного продвижения с выходом на оперативный простор, что всегда было непременным условием достижения успеха в операциях подвижных сил вермахта, добиться не удавалось. Истощенные продолжающимися вторую неделю непрерывными боями с превосходящими по численному составу, качественным характеристикам и военному мастерству силами противника в условиях фактического господства его авиации в воздухе, войска 9-й армии уже не могли удерживать первоначально занимаемые позиции и нуждались в срочном усилении, прежде всего в виде подвижных механизированных частей.

Таким усилением стали введенные в бой 12 сентября и сразу втянутые в танковое сражение с наступающими немецкими подвижными соединениями 52-я танковая бригада и 75-й отдельный танковый батальон.[50] Несмотря на явное преимущество наступающих в силах и средствах на направлении главного удара, ввод в бой этих подразделений позволил затормозить вновь начавшее проявлять тенденцию к ускорению немецкое продвижение на юг и ослабил его пробивную силу за счет нанесения серьезных потерь немецким танкистам в ходе многочасовых боев 12 сентября. Кроме того это позволило выиграть время для организации нового контрудара, нанесенного силами 9-й и 37-й армий 14-15 сентября по вклинившимся в советскую оборону германским соединениям.

Несмотря на то, что контрудары Северной группы войск не привели к кардинальному повороту в ходе военных действий, тем не менее они вынуждали немецкое командование снова и снова распылять свои силы, прежде всего – силы танковых дивизий. Так для нейтрализации успеха ударной группы 37-й армии, продвинувшейся в ходе контрудара 15 сентября до 8 км, непосредственно вышедшей к Нижнему Курпу и создавшей угрозу левому флангу наступающей на Малгобек германской группировки, командование вермахта было вынуждено перебросить на этот участок не только часть сил 370-й пехотной, но и подразделения 13-й танковой дивизии, которая была введена в сражение несколькими днями ранее для усиления атакующего бронированного кулака Клейста севернее Малгобека.

Большое содействие успешным действиям обороняющихся войск оказывало местное население, трудящиеся республики. В условиях дефицита боеприпасов у советской сто-

роны и порой подавляющего превосходства противника в ведущих видах вооружения и техники, прежде всего в танково-моторизованных частях, на первый план выдвигалась проблема организации эффективных способов борьбы именно с бронетанковой техникой противника, являвшейся своего рода «локомотивом» его успешных наступательных операций. Местное население активно участвовало в проведении инженерно-оборонительных работ на танкоопасных направлениях. Местные жители – ингуши, кумыки, чеченцы, русские, представители других национальностей рыли противотанковые рвы, сыгравшие немалую роль в организации эшелонированной противотанковой обороны под Малгобеком; устанавливали надолбы, устраивали эскарпы и т. д. В условиях острой нехватки орудий противотанковой артиллерии, противотанковых ружей и боеприпасов к противотанковому вооружению особенное значение приобретала проблема поиска альтернативных средств эффективной противотанковой борьбы. Одним из удачных примеров поиска таких средств можно назвать устройство т. н. «нефтяных ловушек» на пути продвижения немецких танковых колонн в районах прежней нефтеразработки, которыми изобиловали окрестности Малгобека, превратившиеся в театр военных действий. В подготовке и применении этих своеобразных инженерно-взрывных огневых заграждений также активно принимали участие трудящиеся республики, прежде всего работники нефтяной отрасли, хорошо знакомые со свойствами нефти и нефтепродуктов и поэтому могущие предложить наиболее рациональные методы их эффективного использования. Налажено было производство бутылок с зажигательной смесью для борьбы с танками. В итоге трудящиеся республики сумели полностью обеспечить потребности войск Северной группы войск в этой разновидности противотанкового оружия. Командование Закавказского фронта дважды выносило благодарность бригадам по наливу бутылок зажигательной смесью за самоотверженный труд и высокое качество продукции.[51] В числе защитников Малгобека немало было ингушей, отважно боровшихся с немецкими танками.[52]

Уже к третьей неделе сентября стало очевидным, что своей первой оперативной задачи в ходе наступления на Малгобек – овладения городом и прилегающим нефтеносным районом максимально быстро, с ходу, т. е. до разрушения – в ходе уличных боев или сознательно советской стороной – нефтепромыслов, добиться немцам уже не удастся. Между тем во второй половине сентября в битву за Малгобек втянулась уже практически вся 1-я танковая армия – единственное столь мощное подвижное объединение вермахта на Северном Кавказе, в составе которого были сведены практически все танковые и моторизованные дивизии, действующие на этом важнейшем стратегическом направлении.

Тем не менее наступательный потенциал врага под Малгобеком был по-прежнему очень высок. Обороняющиеся войска несли тяжелые потери. Превосходство врага в главенствующих родах войск (особенно авиации, танках) позволяло немцам, прежде всего, достичь перевеса на участках главных ударов и могли еще привести к неблагоприятному для советской стороны повороту событий под Малгобеком. Об осознании этого факта советским военным и политически руководством свидетельствовали и его некоторые шаги в конце сентября 1942 г. в административно-хозяйственной жизни республики. 22 сентября 1942 г. рабочие, служащие и инженерно-технические работники предприятий нефтяной промышленности были переведены на положение мобилизованных.[53]

24 сентября 1-я танковая армия бросает свои главные силы на участок западнее Малгобека в районе с. Сагопши в направлении на Эльхотово. Замысел состоял в прорыве через Эльхотовские ворота к Орджоникидзе с последующим поворотом на восток и наступлением на Грозный по долине Сунжи. Для усиления своей моздокской группировки противник был вынужден во второй половине сентября снять с туапсинского направления

считавшееся одним из лучших и наиболее боеспособных соединений – моторизованную дивизию СС «Викинг» и перебросить ее на малгобекское направление.[54]

Прибытие дивизии «Викинг» под Малгобек серьезно усилило немецкую группировку в этом районе. Командование 1-й танковой армии возлагало особенно большие надежды на это прославленное эсэсовское соединение, которое на протяжении предыдущих лет войны неоднократно оправдывало свою славу дивизии, на которую можно рассчитывать в любой критической ситуации. Ввод в сражение подразделений дивизии «Викинг» был призван добиться, наконец, того быстрого и решительного успеха в ходе сражения за Малгобек, которого немцы пытались достигнуть с самого начала этого сражения.

В 5 часов утра 26 сентября немцы после короткой артподготовки перешли в наступление на гряды высот по обе стороны от Сагопшинской долины. Во второй половине дня при поддержке приданных орудий, враг овладел первой из высот гряды к северу от Сагопши. К 17 часам противник ворвался на склоны и второй высоты, но был сброшен оттуда в ходе контратаки, откатившись обратно на северо-запад. Таким образом, за первый день наступления дивизии СС «Викинг» противнику все равно не удалось выполнить требование командующего 1-й танковой армией о выходе к Сагопши вечером 26 сентября.

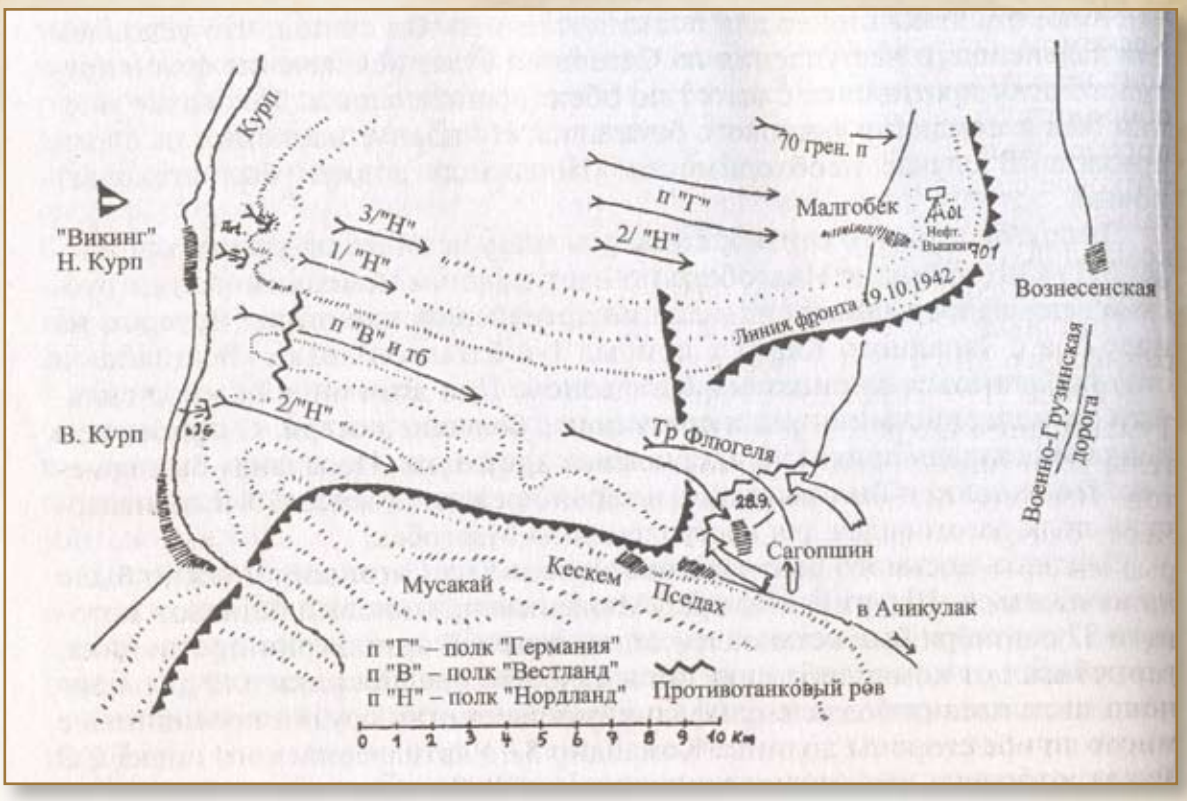
Советская сторона тем временем наращивала усилия по срыву планов немецкого наступления. Советская артиллерия, в том числе и тяжелая, вела по наступающему противнику с высот юго-западнее Малгобека и Сагопши непрерывный огонь, который немецкая сторона характеризовала как «сильнейший».

Активизировались и действия советской авиации, которая не только подвергала ударам колонны врага на марше, но и атаковала исходные районы сосредоточения немецких войск и гарнизоны в населенных пунктах. Советские летчики в ходе сражения за Малгобек, прикрывая войска от ударов авиации противника, провели 150 воздушных боев, в которых было сбито, по советским данным, 115 вражеских самолетов.[55] Успешно действовали и бомбардировочная и штурмовая авиация. Плотная поддержка наземных войск, осуществляемая советскими летчиками, причем как в светлое время суток, так и ночью (в районе Малгобека и Моздока успешно действовали экипажи женского авиаполка ночных бомбардировщиков полка) сыграла важнейшую роль в отражении атак войск противника.

На направлении немецкого удара, запланированного на 28 сентября, были развернуты подразделения 52-й танковой бригады, а также артиллерия 57-й стрелковой бригады и отдельного 863-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка.[56] Это несомненно позволило серьезно усилить устойчивость боевых порядков советских стрелковых соединений, занимавших оборону на участке Малгобек-Сагопши-Кескем.

Основные силы танкового батальона «Викинга» угодили в систему советских оборонительных позиций между Малгобеком-1 и Сагопши. Немецкие танки находились под непрерывным артиллерийским огнем с высот у Малгобека. Достаточно сказать, что по свидетельствам немецких же участников событий, потери танкистов дивизии СС составили почти треть боевых машин танкового батальона «Викинг», насчитывавшего на момент начала атаки свыше 40 танков. Таким образом, несмотря на ввод в сражение подразделений «Викинга», добиться полного и безусловного контроля над Малгобеком не удавалось. Город и его окрестности по-прежнему переходили из рук в руки.

Тем не менее, на развитие событий у стен Малгобека сильное воздействие оказали события на левом фланге малгобекского укрепрайона. Несмотря на попытку контрудара, предпринятую войсками Северной группы войск Закавказского фронта, немцы, задействовав до 120 танков и, введя в первую линию основные силы дивизии СС «Викинг», еще



Наступление немецких войск на Сагопши и Малгобек. Сентябрь-октябрь 1942 г

27 сентября заняли Эльхотово. Благодаря этому в последних числах сентября они прорвались и в районе Сагопши, создав угрозу обхода оборонявших Малгобек советских сил с юго-запада.[57] Этот успех немецких войск сыграл свою роль в окончательном переходе под их контроль руин Малгобека, которые были заняты 5 октября 1942 г. За предыдущие 12 дней боев большие потери понесли части дивизии «Викинг» и 111-й пехотной дивизии.[58] Однако захват развалин городка нефтяников, почти на полтора месяца задержавшего продвижение германской ударной группировки, не означал уже успеха кампании. Немецкие подвижные соединения понесли тяжелейшие потери, преодолевая оборону защищавших Малгобек советских сил, и теперь уже не были способны выполнить долгосрочные задачи наступательной операции на Северном Кавказе. 9 октября 1942 г. в район Малгобека прибыла свежая 337-я советская стрелковая дивизия, которой до конца декабря 1942 г. и пришлось удерживать этот участок фронта.[59] Восточнее и юго-восточнее разрушенного города советские войска вновь сумели организовать очередной устойчивый оборонительный рубеж, на преодоление которого сил у армии Клейста уже не оставалось.

Большое внимание советской стороной придавалось разведке, в том числе ближней. В этом виде разведывательной деятельности неоценимую помощь советскому командованию оказывали местные жители – ингушское население Малгобекского, Пседахского, Ачалукского районов. При этом среди них были как сотрудники местной милиции и ополчения, так и обычные граждане – крестьяне, рабочие-нефтяники, школьники. Благодаря добытым ими сведениям, командование как правило оказывалось заблаговременно поставлено в известность о перемещениях сил противника, о сосредоточении его резервов, перебросках танков и мотопехоты с одного участка фронта на другой, в том числе и тех, которые немцы проводили скрытно. Все это в совокупности позволяло (хотя и не всегда)

с высокой степенью точности определять направления главного удара неприятеля и заблаговременно подготовиться к его отражению.

Таким образом, в ходе Малгобекской оборонительной операции советской стороне – усилиями как обороняющимся войск, так и местного населения, оказывавшего ему всемерную поддержку и содействие удалось по большинству показателей переиграть своего противника и обеспечить в конечном итоге достижение основной цели обороны – срыва немецкого наступления на Грозный с последующим развитием его по наиболее удобному пути в Закавказье. И говоря об этом, можно констатировать хотя бы из вышеприведенных примеров, что сражение за Малгобек стало свидетельством как наметившегося кризиса в оперативном планировании и тактике вермахта, так и роста военного искусства и мастерства советских воинов.

Выполняя ответственное задание штаба 9-й бригады Красной Армии, бригадмилец Ачалукского райотделения милиции Хасмагомет Точиев проник во вражеский тыл в районе Малгобека, собрал важные сведения о дислокации войск, складов и артиллерии противника и передал их командованию. Собранные им сведения позволили советской авиации нанести сильные бомбовые удары и вывести из строя большое количество живой силы и техники противника.

После выполнения этого задания Х. Точиев добровольцем ушел на фронт, где был зачислен солдатом в кавалерийский корпус. В борьбе с врагом он проявил мужество и героизм, о чем командование корпуса в извещении, присланном в 1943 г. его отцу, сообщало: «Ваш сын, Точиев Хасмагомет, в составе корпуса дрался с немецко-фашистскими захватчиками как лев и погиб смертью храбрых».[60]

Защищая Северный Кавказ, отличился младший лейтенант Мовлид Эсмурзиев, служивший в 288-м ближнебомбардировочном авиационном полку. За отвагу и мужество, проявленные в боях, он был награжден орденом Красной Звезды. Жизнь героя оборвалась в воздушном бою в небе над родной Чечено-Ингушетией в сентябре 1942 г.

Таким образом, продолжавшиеся в течение целого месяца бои за Малгобек завершились фактическим срывом всего замысла германского верховного командования по овладению нефтяными центрами на юге СССР. В этом единодушны как советские, так и немецкие исследователи. Пауль Карелл в своем фундаментальном труде «Восточный фронт» подводит исчерпывающий итог боям сентября-октября 1942 г. южнее Моздока: «Русские просто оказались слишком сильны, а немецкие войска – слишком малочисленны и вымотаны боями. Последний шанс завладеть нефтяными месторождениям Баку так и остался нереализованным. Вблизи от главных целей кампании наступательный порыв принимавших участие в операции «Барбаросса» войск иссяк. Терек стал границей немецкого завоевания».[61] По словам авторов сборника «Закавказский фронт Великой Отечественной войны», «данная операция занимает особое место среди других оборонительных операций Закавказского фронта не только потому, что она была первой, но и по своему значению и результатам… В этом сражении была сорвана первая и, пожалуй, самая сильная попытка противника реализовать основную часть своего плана похода на Кавказ – захват нефтяных районов Грозного и Баку».[62] По мнению участника сражений 1942-1943 гг. на Северном Кавказе, Маршала Советского Союза, министра обороны СССР в 1967-1976 гг. А.А. Гречко, высказанному в его труде «Битва за Кавказ», помимо прочего «исход Малгобекской оборонительной операции оказал серьезное влияние на боевые действия под Новороссийском. В самый напряженный момент боевых действий на этом направлении противник был вынужден перебросить на моздокское направление дивизию СС «Викинг», ослабив тем самым свою 17-ю армию, действовавшую под Новороссийском».[63]

Младший лейтенант авиации Мовлид Асламбекович Эсмурзиев, геройски погиб в воздушном бою 17 сентября 1942 г. в небе над Чечено-Ингушетией

Только в конце октября войска 1-й танковой армии вермахта смогли возобновить наступление, но не на грозненском, а на нальчикско-орджоникидзевском направлении. Правда, в этом наступлении принимали участие далеко не все подвижные части армии – в последнюю, как выяснилось, крупную наступательную операцию вермахта на Северном Кавказе в 1942 г. были вовлечены 13-я и 23-я танковые дивизии, а несколько позднее – части моторизованной дивизии СС «Викинг».[64]

Как уже отмечалось выше, в боях за Малгобек в сентябре-начале октября под конец участвовали все до одного подвижные соединения группы армий «А». До конца они не были сняты с малгобекского направления и в период проведения наступления на Нальчик и Орджоникидзе – командование 1-й танковой армии вермахта продолжало наступательные действия мелкими группами танков в районе Малгобека. Нехватка даже такого незначительного количества танков в составе наступавших в Кабардино-Балкарии и Северной Осетии немецких частей не могло не сказаться наряду с большими потерями, которые они несли в этих боях, на темпах продвижения. Большие потери в живой силе и обескровленность немецких соединений после сражений у Малгобека вынудили включить в состав войск, участвовавших в Нальчикско-Орджоникидзевской операции, части и соединения армий стран – сателлитов Германии (в частности, румынские подразделения). Эти войска как правило сильно уступали германским войскам по качеству подготовки и боеспособности. То, что по своим боевым возможностям наступавшие на Нальчик и Орджоникидзе немецкие дивизии были далеко не теми соединениями, которые начинали штурм Малгобека в сентябре 1942 г., свидетельствует весь ход последовавшей вскоре Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции советских войск.

Летне-осенняя кампания 1942 г. была призвана сыграть важнейшую роль в исходе всего советско-германского противостояния. Если же говорить о влиянии, которое Малгобекская операция советских войск оказала на изменение планов германского высшего командования осенью 1942 г., то оно представляется неоспоримым. Тот факт, что в течение более чем месяца ударная группировка действующей на главном стратегическом направлении группы армий вела изнурительные бои с переменным успехом на фронте в несколько километров, добившись при этом крайне незначительных результатов, само по себе означало срыв первоначального плана стремительного прорыва к нефти Советского Юга.

Немцам удалось добиться лишь путем выхода на подступы к Грозному разгрома Малгобекского нефтяного района и свертывания на время деятельности Грозненских месторождений. В начале августа 1942 г. были полностью прекращены буровые работы, а 13 сентября 1942 г. проведен демонтаж предприятий «Грознефти». К концу 1942 г. среднесуточная добыча нефти составила лишь 80 тонн. Было взорвано 89 % эксплуатационных и 88 % бурящихся скважин. Все, что можно было, подвергалось демонтажу. На восток было вывезено около 4200 вагонов с оборудованием и материалами.[65]

Грозненская нефтяная промышленность понесла серьезный ущерб в ходе военных действий. Было уничтожено свыше 3 тыс. нефтяных скважин, в том числе более тысячи

действующих, взорвана атмосферно-вакуумная установка с годовой производительностью 660 тыс. тонн нефтепродуктов и крекинг-установка с годовой переработкой 227 тыс. тонн нефти. Был выведен из строя керосиновый провод Грозный-Трудовая и уничтожены металлические резервуары емкостью свыше 2 млн. кубометров на 720 нефтяных базах. Не считая потерь в добыче нефти, ущерб, нанесенный захватчиками, оценивается в миллиард рублей.[66]

Северная группа войск Закавказского фронта в напряженные дни боев за Малгобек была пополнена новыми силами – до двух тысяч добровольцев-ингушей и чеченцев влилось в ее состав.[67]

В результате героическая оборона Малгобека стала одной из важнейших вех в отражении большого немецкого осеннего наступления в предгорьях Главного Кавказского хребта, призванного как минимум добыть в качестве стратегического трофея для командования вермахта и политического руководства Третьего рейха кавказскую нефть, а как максимум – прорыва через Закавказье на Ближний Восток и далее в Индию для установления прямой военной связи с японским союзником с попутным вовлечением в войну на стороне оси Турции и стран Среднего Востока. В итоге к ноябрю 1942 г. немецкое наступление застопорилось, а в конце года вовсе выдохлось.

7 января 1943 г. обком ВКП (б) и СНК ЧИАССР при обсуждении вопроса о новой добровольной мобилизации чеченцев и ингушей в Кранную Армию в своем решении констатировали, что «добровольцы – чеченцы и ингуши, призванные в ряды Красной Армии в сентябре 1942 г., в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками проявляют стойкость, мужество и бесстрашие. По отзывам Военного Совета Северной группы войск Закавказского фронта добровольцы красноармейцы, чеченцы и ингуши, являются лучшими конноразведчиками энской дивизии». С 25 января по 5 февраля был проведен второй призыв добровольцев ингушей и чеченцев в Красную Армию. В марте 1943 г. прошел третий призыв добровольцев. По неполным данным, в период войны (не считая призванных до ее начала) было призвано и мобилизовано в действующую армию боле 18 500 ингушей и чеченцев.[68]

3. Освобождение территории Ингушетии от немецко-фашистских оккупантов

19 ноября 1942 советские войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов перешли в решительное контрнаступление севернее и юго-восточнее Сталинграда, которое ознаменовало собой начало коренного перелома в ходе не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны. К 23 ноября 1942 г. войска фронтов соединились, замкнув кольцо окружения вокруг 330-тысячной группировки немецких и румынских войск. Все попытки гитлеровцев деблокировать окруженные под Сталинградом войска, предпринятые в течение декабря, провалились. Более того, во второй половине декабря 1942 г. Красная Армия начала широкое наступление на всем южном крыле советско-германского фронта. Смяв деморализованные румынские, итальянские и венгерские части союзников Германии, занимавшие рубежи на Среднем Дону, советские войска устремились к Ростову и Шахтам. В случае захвата ими Ростова и выхода к Азовскому морю в окружение могла попасть вся группировка войск вермахта и его союзников на Северном Кавказе. Тогда советской стороне становился достижимым успех, масштабы которого как минимум втрое превосходили Сталинградскую победу. Германское командо-

вание уже с конца ноября 1942 г. окончательно перешло к обороне на Северном Кавказе. Активно действовала, как и прежде, германская авиация. Ее ударам подвергалась неоднократно и территория Ингушетии. Один из самых мощных воздушных налетов произведен был немцами 2 декабря 1942 г., когда бомбардировке подверглась станция Назрань. Налет вызвал большие разрушения и человеческие жертвы.

После поражения в районах Малгобека, Нальчика и Владикавказа немцы решили перезимовать на занятых рубежах. По всему фронту они глубоко зарывались в землю, лихорадочно сооружая зимние блиндажи, заготавливая топливо. В приказе Гитлера, позднее захваченном в Малгобеке, говорилось: «Берега Терека, изобилующие населенными пунктами, – наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять до покорения Кавказа весной 1943 года».[69]

Уже в первой половине ноября 1942 г. войска Северной группы войск Закавказского фронта предприняли ряд сильных контрударов по соединениям 1-й танковой армии, нанесли им тяжелые потери и заставили отказаться от попытки прорваться в Закавказье через Орджоникидзе и Грозный. В конце ноября и в декабре ряд контрударов нанесли и советские войска на западе Северного Кавказа. Срыв наступательных планов гитлеровцев на Кавказе явился важным фактором, определившим изменение стратегической обстановки на юге советско-германского фронта в пользу Советского Союза и его Вооруженных Сил.

В соответствии со сложившейся обстановкой Ставка Верховного Командования приказала командующему закавказским фронтом подготовить наступление на краснодарско-тихорецком направлении, с тем чтобы, наступая на Краснодар, перерезать железную дорогу в районе Тихорецка и этим закрыть пути отступления противника на северо-запад. Главная же задача войск Черноморской группы заключалась в том, чтобы мощным ударом после занятия Тихорецка овладеть Батайском, Ростовом и Азовом и во взаимодействии с левым крылом Южного фронта окружить кавказскую группировку противника.

Северной группе войск приказывалось преследовать отходившие войска 1-й танковой армии противника в общем направлении на Ставрополь.

Воздушная обстановка на Северном Кавказе к началу января 1943 г. значительно улучшилась в пользу советской авиации. В связи с разгромом вражеской авиационной группировки в ходе контрнаступления под Сталинградом немецкое командование вынуждено было часть сил авиации перебросить в этот район с Северного Кавказа. К началу наступления советских войск перед Северо-Кавказским фронтом противник имел до 500 самолетов. Согласно планам советской стороны большая часть авиации привлекалась для поддержки общевойсковых армий, действовавших на важнейших направлениях. Так основные силы 4-й воздушной армии направлялись на содействие 44-й армии, наносившей главный удар по моздокской группировке противника, а также должны были содействовать войскам в преодолении промежуточных рубежей и уничтожении его отходящих войск.

В целях скрытного сосредоточения сил и средств перед наступлением большую работу по оперативной маскировке проделали инженерные войска. В Северной группе войск был создан ложный передний край обороны на Терском хребте, который подвергался многократным ударам авиации противника. Для дезориентировки противника о сосредоточении главных сил советских войск на станции Карабулак были сосредоточены 70 макетов танков. Причем производилась погрузка этих «танков» на станциях Грозный и Серноводск. В районе Грозного действовал ложный аэродром с макетами самолетов и заправочных машин. Введенный в заблуждение противник подвергал интенсивным бомбовым ударам эти районы.

В конце декабря 1942 г. германское командование перед угрозой повторения Сталинградской катастрофы, нависшей над группой армий «А» в предгорьях Главного Кавказского хребта, приняло решение отвести свою группировку с Северного Кавказа в максимально сжатые сроки.

Таким образом, к началу 1943 г. стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта была благоприятной для окружения и полного разгрома крупной вражеской группировки на Северном Кавказе.

Войскам Закавказского фронта на Северном Кавказе противостояли войска группы армий «А» в составе 1-й танковой и 17-й полевой армий. При этом в полосе Северной группы войск вели активную оборону соединения 1-й танковой армии. Операция по разгрому немецко-фашистских войск на Северном Кавказе являлась составной частью стратегической операции, направленной на разгром всего южного крыла стратегического фронта противника, где сосредоточивались его основные силы. Достаточно сказать, что в полосе Закавказского фронта действовало около 9 % всех пехотных и более 16 % всех танковых соединений немецкой армии.[70] Следовательно, разгром северо-кавказской группировки врага явился бы сильнейшим ударом по всей военной машине фашистского блока.

После контрударов, которые не принесли ожидаемых результатов, командующий Северной группой войск решил создать на правом крыле группы ударную группировку с составе 10-го гвардейского и 9-го стрелкового корпусов, и, перейдя 29 декабря в наступление, окружить и уничтожить моздокскую группировку противника, а затем наступать на Прохладный. Но в связи с тем, что центр тяжести всех боевых действий переместился на Черноморскую группу войск, 10-й гвардейский стрелковый корпус был переброшен в район Туапсе. Его место заняли 271-я и 347-я стрелковые дивизии. Из-за вынужденной перегруппировки наступление Северной группы началось 1 января 1943 г.

Общий замысел операции заключался в том, чтобы продолжать наступление правым крылом Северной группы (44-я армия) в общем направлении на Моздок с целью уничтожения моздокской группировки противника. С достижением этой цели Северная группа войск должна была перейти в общее наступление и не допустить отхода противника на новый оборонительный рубеж по р. Кума и окончательно разгромить 1-ю танковую армию врага. Вспомогательный удар наносила 58-я армия с рубежа Терек, Кескем на Моздок. На фронте 9-й и 37-й армий войскам приказывалось продолжать наступление в направлении на Нальчик с ограниченными целями, чтобы улучшить положение.

Советская ударная группировка была хорошо оснащена бронетанковыми силами, предназначенными для усиления и развития прорыва. Для развития успеха создавались две ударные танковые группы. Одна – в составе 2-й, 15-й и 63-й танковых бригад, 225-го танкового полка, одного танкового батальона и двух истребительно-противотанковых полков – под командованием генерал-майора танковых войск Г.П. Лобанова действовала в полосе 44-й армии. В этой группе было 106 танков и 24 бронемашины. Другая танковая группа под командованием героя боев за Малгобек, командира 52-й танковой бригады подполковника В.И. Филиппова включала, помимо этой бригады, еще 140-ю и 207-ю танковые бригады, два танковых батальона, два истребительно-противотанковых полка и одну стрелковую бригаду. Она действовала на фронте 9-й армии и насчитывала 123 танка.[71]

К началу января 1943 г. отход немецких войск и их союзников, начавшийся в конце предыдущего месяца, шел уже полным ходом.

1 января противник, почувствовав реальную угрозу окружения, начал отводить главные силы 1-й танковой армии за р. Кума, где у него был хорошо оборудованный оборонительный рубеж. В этот же день войска Северной группы войск начали преследование.

К концу дня 1 января войска 44-й армии, сломив сопротивление 3-й немецкой танковой дивизии, овладели тремя населенным пунктами в 20 км севернее Моздока. На следующий день в наступление перешли войска 58-й армии и к концу дня овладели Кизляром и Нижне-Бековичем – юго-западнее Моздока. К утру 3 января они вышли к Тереку южнее Моздока. Противник, взорвав переправы через реку, занял оборону на южной окраине Моздока. Войска 417-й стрелковой дивизии вброд форсировали Терек и неожиданно для противника ворвались в Моздок. В тот же день город был освобожден. 1-я танковая армия немцев начала отход в северо-западном направлении. 3 января 1943 г. был освобожден Малгобек. Захватив Моздок и построив переправы через р. Терек, войска 58-й армии совместно с войсками 44-й армии и другими соединениями Северной группы начали преследование противника на всем 320-километровом фронте. В конце декабря 1942г. – начале января 1943 г. в ходе начавшегося на южном крыле советско-германского фронта широкого контрнаступления советских войск территория Ингушетии была полностью освобождена от захватчиков.

С подъемом и воодушевлением были встречены эти долгожданные события в Ингушетии. Одним из ярких проявлений патриотических чувств являлось движение по созданию танковых колонн, авиаэскадрилий, бронепоездов. Жители Ингушетии также активно участвовали в этом движении. В начале 1943 г. по инициативе комсомольцев селения Гатен-Кале Шатоевского района, среди колхозников развернулось широкое движение по сбору средств на строительство бронепоезда «Асланбек Шерипов». Колхозники селения Экажево Назрановского района, братья Идрис и Хамид Берсановы внесли на строительство этого бронепоезда по 50 тыс. рублей. Председатель колхоза селения Яндырка (Яндаре) Хашагульгов – 20500 рублей и т.д.[72]

4. Ингушская литература в период Великой Отечественной войны

Литература периода Великой Отечественной войны типологически была настолько своеобразной, что позволяет определить ее в самостоятельный литературный этап.

Для ингушской литературы этот периода ведущими стали лозунг «Все для фронта!» Через несколько дней после начала войны председатель Чечено-Ингушского союза писателей Дж. Яндиев провел экстренное заседание, на котором было отмечено, что настало время, когда все, – где бы кто не находился: на войне, у заводского станка, на полях, – обязаны свои силы отдать во имя победы над врагом. Писатели обязывались быть фронтовыми корреспондентами, выступать активно в печати и с трибун, создавать произведения героического и патриотического характера. Критика отметила, что местная литература стала оперативной, откликаясь на все происходящие события. Нередко призыв, лозунг, агитация незамедлительно доходили до масс.

Первыми стихотворениями, откликнувшимися на злобу дня, были стихи М. Льянова «Берегите Родину» и «К ингушскому поэту». В дальнейшем в печати начали появляться стихи К. Чахкиева, М. Хашагульгова, А. Хамхоева, Х.-Б. Муталиева, Х. Осмиева и др. Наибольшего развития тема защиты Отечества получила в творчестве И. Базоркина, Б. Зязикова, Дж. Яндиева.

Подобно многим писателям-журналистам тех лет, И. Базоркин часто публиковал свои военные очерки, читал их по радио, в госпиталях. Затем его газетные очерки были опубли-

кованы отдельными сборниками. Эти очерки были оперативны, набатом звучал в них призыв к борьбе с врагом. Против геббельсовской пропаганды был направлен его очерк «Честь горца». Писатель разъясняет лживую сущность фашистской пропаганды, стремившейся внушить советским людям, что война ими затеяна не против них, а против большевизма. В противовес этой пропаганде И. Базоркин приводит примеры массовых военных акций, свершавшихся фашистами против англичан, французов, поляков, чехов и других народов Европы. В очерке рефреном звучит призыв: «Все как один встанем на защиту нашего Отечества!». Очерком-призывом можно назвать очерк И. Базоркина «К чечено-ингушской интеллигенции». В довоенное время отношение к интеллигенции в «стране рабочих и крестьян» было довольно прохладным. Интеллигент И. Базоркин своим очерком возвысил общественную роль интеллигенции. По словам автора велика ее роль и в бою и в тылу.

Идрис Муртузович Базоркин

События, разыгравшиеся в 1942 г. под Малгобеком, отложились в рассказе И. Базоркина «Зарета».

В самом начале войны И. Базоркин пишет одноактные пьесы «В эти дни» и «Капитан Ибрагимов». Война не давала времени на написание многоактных пьес, для постановки которых необходим был бы большой актерский коллектив и требующих немало времени на их сценическое воплощение. Одноактные пьесы И. Базоркина были рассчитаны на агитколлективы, которые охватывали все села республики. К примеру, в пьесе «В эти дни» всего четыре действующих героя, место действия – обычная горская сакля, т. е. постановка такой пьесы не требовала ни много времени, ни особых затрат.

В это время И. Базоркин был одержим замыслом создания широкого сценического полотна, – многоактной пьесы на тему войны. Миниатюры явились хорошей подготовленной работой, некоторые из них вошли в ткань военной драмы «Рождение ненависти». Пьеса создавалась с конца 1941 г. Это было время особого напряжения – заняв часть Северного Кавказа, гитлеровцы уже подошли к границам Ингушетии. Защитники Родины и мирное население делали все возможное, чтобы не допустить фашисткой оккупации своего нефтяного края. В самый разгар летней компании 1942 г. драматургом пьеса была передана в Грозненский русский драмтеатр (своего театра ингушам тогда создать не давали). Коллектив театра вместе с драматургом взялся за постановку пьесы. Спектакль был завершен и поставлен 7 ноября 1942 года.

Действие пьесы развивается в предвоенный период и во время гитлеровской оккупации. В ней драматургом умело воплощены семейные сцены, работа подпольщиков, героическое противостояние наших воинов фашистским захватчикам. Каждый акт пронизан драматизм, действие пьесы напряженное, сосредотачивает на себе внимание зрителей от ее начала и до конца. Несмотря на имеющие место в пьесе трагические события, пьеса в целом оптимистична. Она утверждает, что не сломить такой народ, который всецело, от мала и до велика одержим одной идеей – уничтожением врагов и освобождением своей Родины. Чтобы связать действие пьесы с местными условиями, драматург ввел в нее ранее написанную им одноактную пьесу «Капитан Ибрагимов». Она всецело увязывается со сквозным действием всей пьесы, становясь одним из ее эпизодов. В нем действу-

Джамалдин Хамурзаевич Яндиев

ют плененные воины чеченец Ансар Ибрагимов и ингуш Бекбузаров. В тяжелейшее время, когда враг в 1942 году находился на подступах к Сталинграду, постановка столь яркой, напряженной и патриотической пьесы имело большое значение. Ее по праву ставят в ряд с пьесами, написанными позднее – «Нашествием» Л. Леонова и «Русскими людьми» К. Симонова.

Непосредственным участником войны и фронтовым корреспондентом был Багаудин Зязиков. С началом войны, будучи на ответственной работе в Обкоме партии и имея на руках бронь, он все же настоял и добровольцем ушел на фронт. К тому времени он уже был признанным писателем и переводчиком. Пройдя краткосрочные курсы в одной группе с известным классиком татарской литературы Мусой Джалилем, он за все годы войны дослужился от рядового до майора. Воистину «к штыку припряв перо», он лично участвовал в боях, о чем свидетельствуют его многочисленные награды, но также он был и фронтовым корреспондентом. Его материалы, как материалы непосредственного участника боев, всегда были желанными для фронтовой газеты «Сын Родины». Также писатель успевал вести и фронтовой дневник, записи из которого ложились в его произведения, например в очерк «Воля советского человека (из фронтового дневника)».

Во времена редких боевых затиший автор обращался и к жанру рассказа. Так в рассказе «В родном селе» рассказывается об участи советских людей, попавших под гитлеровскую оккупацию. О воинской дисциплине повествуют «Небольшие рассказы про больших героев». По мысли автора, дисциплина – одно из главных свойств солдата. Она идет от правильно пришитых пуговиц до незамедлительного исполнения приказа. Тяжелому труду разведчиков посвящен рассказ «Лялько и его воины». В рассказе «Кровная месть» автор по-новому трактует ее. На фронте это уже не бытовая кровная месть, которая заужена рамками двух семей и может быть закончится примирением. «Кровную месть» советские воины должны вести за поруганное Отечество и его людей. Это месть, отмечает писатель, справедливая, общенародная и непримиримая, – такой кровный враг, как фашизм, подлежит нещадному уничтожению. На трагических нотах звучит рассказ «Ненависть». Фашистами захвачено село, из одной семьи уцелели лишь мать и сын-подросток. Мать посылает его к партизанам с наказом: пусть всей огневой мощью бомбят по всему селу, поскольку в нем никого из жителей не осталось, а находятся в нем одни враги. Вместе с фашистами гибнут и жители села, пожелавшие принять смерть, чтобы не находиться под вражеским сапогом, – настолько сильна ненависть к фашистам. Писатель приводит читателя к мысли, что такой народ неодолим, потому что его дело правое.

Военная тематика Б. Зязикова шла от очерков к рассказам, а затем и к повести «Иван Иванович». В повести рассказывается о боевом пути ингуша Инала, которого сослуживцы называют Иваном Ивановичем.

Как бы Зязиков штыком и пером не служил Родине, он все же был отстранен от воинской службы, когда врага уже погнали на Запад, – отстранен потому, что он был ингушом, т. е. принадлежал к народу, который сталинско-бериевской пропагандой был причислен к врагам советской власти. Закаленный в боях орденоносный майор был в Киргизии поставлен на учет как спецпереселенец, обязан был еженедельно расписываться в комендатуре,

и даже был лишен права выйти за пределы района своей ссылки.

С 1937 года и во все годы войны вплоть до депортации всего ингушкого народа, Джамалдин Яндиев возглавлял писательскую организацию Чечено-Ингушетии. В военные года на всех заседаниях организации им постоянно ставились вопросы служения писателей и поэтов делу победы над фашистскими оккупантами.

Дж. Яндиев умел хорошо декламировать свои стихи. Его призывный голос ежедневно звучал по радио, в госпиталях. Регулярно его стихи публиковались в местной печати. Звучное, поэтическое, призывное слово поэтов в то тревожное время доходило до всех, – оно стало мощным оружием. Война, по мысли поэта, всенародная и всеохватная; к воину, сражающемуся на передовой, им приравнивался и труженик тыла, денно и нощно кующий победу. Призывным набатом звучали стихотворения «Если хочешь жизнь сохранить», «Встаньте, молодцы!», «Поднялся народ».

Багаудин Хусейнович Зязиков

Стихотворение «Если хочешь жизнь сохранить» написано в духе народных наставлений: чем быть рабом, лучше умереть свободным; чем прозябать в бесчестии, лучше с честью умереть. Часто поэт обращается к образу Матери. У ингушей в слове Родина (Наьначе) в основе лежит слово «мать». И в народных героических песнях вдохновителем героя на ратный подвиг также является Мать. В стихотворениях «Матери», «Материнская песня» поэт обращается к ней; как бы советуясь, делится своими думами, приносит ей клятву. С симоновской «Жди меня» перекликается яндиевское стихотворение «Верь».

В дореволюционной поэзии был развит жанр песен типа писем-посланий. Эту жанровую разновидность использовал и Дж. Яндиев. Но теперь это уже не печальные песни-послания в Сибирь к каторжнику, по-новому звучат у поэта стихотворения-послания воина с фронта матери, жене, или, наоборот, их песенные послания на фронт. И естественным становится, что за внешней интимностью письма к любимому человеку, звучат высокие слова о долге перед Родиной и ее народом; о мужестве, чести и долге (стихотворения «Матери», «Девушке» и др.). В стиле народных проклятий звучит стихотворение «Будь проклята война!»

В 1943 г. за активную антифашистскую пропаганду И. Базоркин и Дж. Яндиев были отмечены высокой наградой тех лет – почетными грамотами Верховного Совета ЧИАССР. Кипучая деятельность ингушских мастеров слова не осталось незамеченной и в лагере врагов. Следствием чего, по воспоминаниям И. Базоркина, явилась вражеская антипропаганда на творчество этих писателей и обещание после оккупации повесить их на первых же столбах.

Х.-Б. Муталиев также выступил со своими стихотворениями на военную тему, такими как: «Выполз Змей», «Встаньте, тверже железа», «Родине», «Портрет воина» и др.

Тема защиты Отечества звучала во всей ингушской литературе тех лет. Свой весомый вклад в общее дело победы внесли писатели и поэты Х. Осмиев, М. Хашагульгов, А. Хамхоев, С. Озиев, К. Чахкиев, И. Богатырев и др.

Однако с 23 февраля 1944 г. в ингушской литературе наступил период безвременья. В ссылке литературным творцам было строжайше запрещено заниматься каким-либо лите-

ратурным трудом. Нередки бывали случаи проведения обысков в домах писателей, поэтов и драматургов. Задачей сталинско-бериевских сатрапов являлась лишение народа своих традиций, языка, культуры и превращение выживших в манкуртов, способных лишь выполнять самую элементарную физическую работу. Однако история еще раз доказала, что не сломить и не уничтожить те народы, которые имеют в своем арсенале богатую традиционную культуру. Ярким свидетельством тому стало то, что с падением сталинского тоталитарного режима ингушский народ, как и целый ряд других репрессированных народов, словно Феникс, возродившийся из пепла, сразу же взялся за возрождение и развитие своей культуры. В частности, ингушская литература с 1957 года обрела новое мощное дыхание и в течение недолгого времени пополнилась новыми творцами, стали издаваться величественные поэмы и романы эпохального звучания.

5. Депортация ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан

Оккупанты были полностью изгнаны с территории Ингушетии. Однако это освобождение не стало окончательным избавлением от обрушившихся на народ с началом войны бедствий, а только ступенью для перехода к новым, невиданным доселе в ингушской истории испытаниям. Несмотря на многочисленные жертвы и лишения, которые ингушский народ претерпел в годы Великой Отечественной войны наравне с другими народами Северного Кавказа и всего СССР, еще до окончания войны сталинский режим пошел на преступление, сопоставимое со злодеяниями самых жестоких деспотий в истории человечества. Операция по поголовной депортации ингушей и чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию, начатая 23 февраля 1944 г., по прямому указанию Сталина и под непосредственным контролем наркома внутренних дел Берия, несмотря на большой численный состав переселяемых (493 269 чел.) и суровые зимние условия, была завершена в кратчайшие сроки. Последствия такой оперативности, достойной лучшего применения, известны: огромные жертвы среди депортируемых, подлинное число которых неизвестно до сих пор (называются цифры от одной трети до половины спецпереселенцев).

Операция по «переселению» народов, объявленных преступным режимом Сталина «изменниками и врагами народа», готовилась несомненно, долго и была спланирована очень тщательно. Еще в конце осени 1943 г. были проведены первые акции такого рода в отношении некоторых народов, населявших южные районы СССР. В частности, депортации подверглись калмыки. Еще со второй половины 1943 г. советская верхушка в лице, прежде всего, руководства органов госбезопасности, превращенных в послушное оружие режима армии и партаппарата по прямому указанию Сталина и под патронажем его ближайшего соратника по организации преступлений против народов собственной страны – наркома внутренних дел, а фактически – шефа сталинской охранки, маршала Л. Берии, начала подготовку самой масштабной в рамках «спецмероприятий» по переселению «неблагонадежных» народов операции. Она предполагала поголовное выселение всех ингушей и чеченцев из мест постоянного проживания в отдаленные районы СССР, прежде всего в Северный Казахстан, а также (частично) в Среднюю Азию.

В октябре 1943 г. в республику для изучения ситуации был командирован заместитель наркома внутренних дел Б. Кобулов, а в ноябре того же года заместитель наркома внутренних дел В. Чернышев, занимавшийся депортацией калмыков, провел совещание с начальниками управлений НКВД тех регионов, куда последних переселяли. Попутно он

обсуждал и детали намечаемой операции «Чечевица» – депортации около полумиллиона чеченцев и ингушей. Из них 200 тыс. чел. планировалось расселить в Новосибирской области, а еще по 35-40 тыс. чел. – в Алтайском, Красноярском краях и в Омской области.

Но в плане, представленном Берией в середине декабря, дислокация была совершенно иной, напоминающей географию расселения выселяемых карачаевцев: горцев распределяли между областями Казахстана и Киргизии. Операция готовилась в формате общевойсковой, с привлечением большого количества сил и средств – как из состава войск НКВД, так и из числа регулярных соединений, усиленных многочисленной военной техникой.

Окончательно план принудительного переселения определился в середине декабря 1943 г. Он существенно отличался от ранее составленного. Изменилась география расселения депортируемого населения. Для поддержания в местах новых поселений порядка намечалось открыть 145 районных и 375 поселковых спецкомендатур с 1358 сотрудниками. Был решен вопрос о транспортных средствах. В целях обеспечения перевозок Наркомату путей сообщения СССР предписывалось с 23 января по 13 марта 1944 г. поставлять по 350 крытых вагонов, с 24 по 28 февраля – по 40 вагонов, с 4 по 13 марта – по 100 вагонов ежедневно. Всего формировалось 152 маршрута по 100 вагонов в каждом, а в целом 14 200 вагонов и 1 тысяча платформ. Предусматривалось, что спецпоселенцы смогут брать по 500 кг груза (домашних вещей) на семью.

О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники на местах, и не только в Чечено-Ингушетии. Нарком внутренних дел Дагестанской АССР Р. Маркарян в докладной записке на имя Берии от 5 января 1944 г. сообщал, что еще в декабре 1943 г. начальник Орджоникидзевской железной дороги К.В. Ильченко на встрече с председателем Верховного Совета ДАССР Тахтаровым и сотрудниками обкома ВКП(б), состоявшейся в Беслане, уведомил их о «предстоящем выселении чеченцев и ингушей, назвав при этом, что для этой цели прибыли 40 эшелонов и 6000 автомашин». Между тем, подготовка операции и сосредоточение сил и средств были окружены атмосферой глубокой секретности.

11 февраля вопрос о депортации чеченцев и ингушей рассматривался на Политбюро ЦК ВКП (б). Разногласия возникли только по срокам: Молотов, Жданов, Вознесенский и Андреев выступили за немедленное осуществление операции, а Ворошилов, Каганович, Хрущев, Калинин и Берия предложили дождаться изгнания немцев из СССР. Решающим, надо полагать, стал голос генсека.

Уже 17 февраля 1944 г. Берия доложил Сталину, что подготовка операции заканчивается и что на учет поставлено 459486 чел., подлежащих переселению (включая ингушей и чеченцев, проживавших компактно во Владикавказе и в Дагестане). Территория проведения операции была разделена на 4 оперативных сектора, а сама операция, рассчитанная в целом на 7-8 дней, разбита на 2 этапа. В ходе так называемого этапа «первых эшелонов», запланированного на 3-4 дня, должно было быть отправлено более 300 тыс. чел. из городов и равнинных районов. На депортацию остальных 150 тыс. чел., проживающих в горах, отводилось еще 4 дня. Оперативно-войсковые группы в составе одного оперативного работника и двух бойцов войск НКВД должны были обеспечить одновременное выселение четырех семей (зато «нагрузка» на группы, отвечающие за аресты бандитов и «фашистских пособников», составляла всего 2 чел.).

20 февраля 1944 г. руководство НКВД, во главе с Л. Берией, прибыло в г. Грозный. В операции были задействованы небывало крупные силы — до 19 тыс. оперативных работников НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» и около 100 тыс. офицеров и бойцов войск НКВД, стянутых со всей страны для участия якобы в «учениях в горной местности».

21 февраля — тут же, на месте, — Берия издал приказ по НКВД о депортации чеченцев и ингушей, а 22 февраля, когда вся подготовительная чекистская работа была завершена, он встретился с руководством республики и высшими духовными лидерами и официально поставил их в известность об операции, намеченной на завтра (23 февраля), на 2 часа утра.[73]

Операция началась ранним утром среды 23 февраля 1944 г. в день Красной Армии и Военно-Морского флота. Проведению операции предшествовало специальное решение СНК и Чечено-Ингушского обкома ВКП (б) «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа (СКВО) в горных условиях». В горные районы Чечено-Ингушской АССР были стянуты части регулярных войск, подразделения НКВД, курсанты военных училищ. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых разрабатывались конкретные мероприятия по обеспечению операции. С той же целью проводились совещания работников исполкомов Советов и колхозников. Например, Галашкинский РК ВКП (б) принял постановление направить для выполнения работ 1200 лошадей, отремонтировать дорогу протяженностью 35 верст, 5 мостов, заготовить 600 кубометров гравия и т. д.

31 января 1944 г. Государственный комитет обороны утвердил постановление о выселении ингушей и чеченцев в Казахстан и Киргизию. 20 февраля 1944 г. в специальном поезде в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Л. Берия, его заместители Б. Кобулов, И. Серов, С. Мамулов. Спустя два дня на места были направлены новые дополнительные силы для обеспечения операции.

Транспортный отдел НКВД СССР в назначенные сроки подготовил железнодорожные эшелоны. Для подвозки на железнодорожные станции выселяемых были использованы машины, полученные по ленд-лизу из США. Таким образом, военная техника, поставленная союзниками для помощи Советскому Союзу в борьбе с фашизмом на фронтах, использовалась преступным сталинским режимом в ходе позорной операции против собственного народа.

В так называемый период первых эшелонов, по данным Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, выселение должно было затронуть 310 620 чеченцев и 81 100 ингушей. Видимо, как считает Н.Ф. Бугай, эти цифры охватывают только тех из них, что проживали на равнинных и в относительно доступных горных районах республики.[74]

К моменту начала операции по выселению чеченцев и ингушей после уточнения было взято на учет 459 486 подлежащих переселению, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией, и в г. Орджоникидзе.

В два часа ночи 23 февраля 1944 года небо Чечено-Ингушетии озарилось осветительными ракетами. На рассвете все населенные пункты Чечено-Ингушетии были оцеплены заблаговременно переброшенными и подготовленными частями войск НКВД и Советской Армии. Повсюду были расставлены дозоры, на горных дорогах устроены засады, отключены телефонная связь и радиотрансляционные станции. У дверей домов жителей появились автоматчики в форме войск НКВД. К пяти часам утра на площадях было собрано все мужское население аулов, городов, поселков. Дабы не возникало недоразумений, на родном языке объявили о решении правительства выселить чеченцев и ингушей на восток СССР. Огласив правительственное решение, руководители операции приступили к личному досмотру всех мужчин и их разоружению, если таковое требовалось. А в домах уже шли обыски. К 11 часам утра вывезено было из населенных пунктов 94 741 человек, или выше 20 % подлежащих выселению. Хотя вывозу депортируемого населения препятствовали и погодные условия – во второй половине дня 23 февраля на-

чался обильный снегопад почти во всех районах Чечено-Ингушетии – высокий темп переселения продолжал выдерживаться.

Каждые шесть часов Берия получал информацию от руководителей четырех оперативных секторов, на которые была разбита территория Чечено-Ингушетии. Ингушские районы составили Владикавказский сектор (Пригородный, Назрановский, Сунженский, Ачалукский, Пседахский, Малгобекский районы — 18 процентов населения ЧИАССР).

Народный мститель Ахмед Сосиевич Хучбаров

На утро 24 февраля из населенных пунктов было вывезено уже 333 739 человек, из которых 176 950 были уже погружены в железнодорожные эшелоны. К вечеру 25 февраля численность только погруженных в эшелоны достигла 352 647 человек, а со станций погрузки уже было отправлено 86 эшелонов. Можно только догадываться о масштабах страданий и лишений, которых стоили насильственно срываемым с родных мест, погружаемым в теплушки и отправляемым в неизвестность людям (большинство среди которых составляли женщины, лица пожилого возраста и дети).

К 29 февраля выселены и погружены были 478 479 человек, из которых ингушей – 91250. Из загруженных к тому времени 177 эшелонов 157 уже отправлены к месту нового поселения. Последними – 29 февраля – родные места покидала национальная партийно-политическая элита ЧИАССР: отдельным эшелоном ее отправили в Алма-Ату. Как отмечалось в докладе Берии Сталину от 1 марта 1944 г., «операция производится организованно и без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов».[75]

Переселенцы направлялись в Казахскую, Узбекскую, Таджикскую и Киргизскую ССР. В середине марта 1944 г. на места назначения прибыли первые эшелоны с переселенцами. Начальник ОСП НКВД СССР П.И. Мальков докладывал, что из отправленных 180 эшелонов 152 прибыли и разгружены в Казахстане и Киргизии. В Казахстан из запланированных 147 эшелонов прибыло 124 (344 589 человек), в Киргизию из 33 эшелонов – 28 (75 342 человека). Более подробные сведения содержатся в справке о ходе перевозок спецконтингента по Орджоникидзевской железной дороги на 11 марта 1944 г., подготовленной заместителем начальника 3-го управления НКГБ СССР Д.В. Аркадьевым. В этом документе отмечалось, что «было погружено 180 эшелонов, прибыли 171, в пути – 9. За отчетное время прибыли к месту назначения и разгрузки 468 583 человека: в Джалал-Абадскую обл. – 24281 чел., в Джамбульскую обл. – 16565 чел., в Алма-Атинскую обл. – 29089 чел., в Восточно-Казахстанскую обл. – 3417 чел., в Южно-Казахстанскую обл. – 20808 чел., в Северо-Казахстанскую обл. – 39542 чел., в Актюбинскую обл. – 20309 чел., Семипалатинскую обл. – 31236 чел., Павлодарскую обл. – 41230 чел., Карагандинскую обл. – 37938 чел.». Операция «Чечевица», начавшаяся 23 февраля 1944 г., в основном завершилась в 20-х числах марта 1944 г.

По данным НКВД СССР, всего было отправлено 180 железнодорожных эшелонов, в которых было перевезено 493 269 граждан ингушской и чеченской национальности. За время операции было убито 500 человек, в пути следования умерло 1272 человека. Данные цифры были явно занижены, о чем говорят многочисленные свидетельства бывших спецпереселенцев.

Народная мстительница Лайсат Тангиева-Байсарова

Наиболее многочисленные контингенты спецпереселенцев были разгружены в северных областях Казахстана: Павлодарской (41230 чел.), Карагандинской (37938 чел.), Северо-Казахстанской (39542 чел.), Восточно-Казахстанской (34167 чел.).

Переселению подлежали даже те из чеченцев и ингушей, которые находились в местных лагерях НКВД СССР. В конце июля 1944 г. Берия получил рапорт о том, что НКВД Северо-Осетинской АССР отправляет в Карагандинский лагерь всех осужденных ингушской и чеченской национальности. Эта мера принималась и в отношении карачаевцев и балкарцев. Спецпоселенцы передавались для трудоустройства в ведение наркоматов СССР: в распоряжение наркомзема – 214764 чел., других наркоматов – 133883 чел.[76]

В апреле 1944 г. на одном из закрытых заседаний сессии Верховного Совета СССР было оглашено решение Политбюро ЦК ВКП(б) о переселении калмыков, чеченцев и ингушей как о свершившемся факте. Это было вопиющим нарушением Конституции СССР, поскольку основной закон требовал соблюдения некоей формальной процедуры, не допуская принятия столь важных и ответственных решений задним числом. «Самая демократическая в мире» сталинская Конституция вообще не предусматривала и не допускала мысли о возможности учинения расправы над целыми народами, так как равенство прав всех граждан вне зависимости от национальности, расовой и религиозной принадлежности являлось предметом законной гордости марксистско-ленинской теории (но, как выяснилось, отнюдь не сталинской практики).

Между тем акция переселения продолжалась. Теперь она охватила ингушей и чеченцев, уволенных из рядов Красной Армии после февраля 1944 г. Уже в феврале 1944 г. специальными приказами и распоряжениями воинов-ингушей, как и представителей других репрессированных народов, увольняют из рядов Вооруженных сил. Всего по данным ОСП НКВД СССР среди отозванных с фронта и подлежащих выселению было 710 офицеров, 696 сержантов, 6488 рядовых. Из 1085 человек ингушей-инвалидов 1069 были награждены орденами и медалями. У всех бывших военнослужащих изымались военные билеты (вместо которых выдавались справки), им запрещалось ношение погон, холодного и огнестрельного оружия. По прибытии в места поселения они становились на спецучет в комендатуре.[77] Некоторым всеми правдами и неправдами удавалось избежать изгнания из рядов действующей армии и закончить свой боевой путь в поверженном Берлине и в Праге. До самого рейхстага дошли М. С. Буражев,[78] М.И. Картоев, У.З. Богатырев и др. Лейтенант М.О. Гадаборшев участвовал в разгроме немецкой группировки в Чехословакии. В Герлице, в Немецкой Силезии закончил войну Г. Галаев.[79]

По фронтам были изданы специальные приказы. В распоряжении, адресованном председателем фильтрационных комиссий, подписанном начальником войск НКВД 3-го Украинского фронта И. Павловым, предлагалось «всех карачаевцев, чеченцев, ингушей и балкарцев направить в распоряжение отделов спецпоселений НКВД Казахской ССР – в Алма-Ату».

Прибытие бывших военнослужащих-спецпереселенцев продолжалось до конца 1945 г. По строгому предписанию они убывали к местам нового расселения народов. Безусловно,

что на местах власти не располагали данными о расселении их семей по областям и районам, что затрудняло поиск семей, увеличивало еще большее число разрозненных семей из ингушей и других репрессированных народов.

Переселение продолжалось еще в середине апреля 1944 г. Из Грузинской ССР было депортировано 2741 чел., 21 чел. – из Азербайджанской ССР, 121 – из Краснодарского края. Численность ингушей, выявленных в соседних с ЧИАССР областях, краях и республиках составляла 52 человека. Все они были депортированы к местам основного расселения контингентов чеченцев и ингушей. Вскоре после выселения обнаружилось, что жители некоторых сел, расположенных в труднодоступных горных районах, остались невыселенными. Карателя НКВД не стали утруждать себя организацией вывоза «пропущенных» жителей. Они решили расправиться с ними на месте. В результате были заживо сожжены жители сел Таргим, Цори и Гули Горной Ингушетии. Такие же злодеяния совершались и в некоторых районах высокогорной Чечни. Наиболее известной из расправ с горцами является трагедия в Хайхабе. Палачи во главе с полковником НКВД Гвишиани были представлены к правительственным наградам и повышены в званиях.

Все, кто укрылся от ссылки, автоматически становились «политбандитами» и подлежали расстрелу на месте. Доведенные до отчаяния люди, у которых отняли в одночасье Родину, брались за оружие. Одним из наиболее организованных, державших в страхе около десяти лет карателей из НКВД и НКГБ был отряд народных мстителей под началом Ахмеда Сосиевича Хучбарова. Группу образовали в основном те, кто в день выселения по разным причинам не был застигнут карателями (из-за того, что пасли скот и т. д.). Люди, объединенные общей бедой, встали на путь отмщения.

Так в местном клубе в селении Галашки офицеры НКВД, отмечая успешное выселение ингушей, устроили праздничное мероприятие. В это время несколько вооруженных людей ворвались в зал и расстреляли весь президиум. В совершенном убийстве обвинили «банду Хучбарова». Убитым был поставлен памятник, как павшим от рук «ингушских бандитов». В ходе еще одного нападения партизанами был уничтожен отряд военнослужащих численностью до 30 человек. Благодаря действиям отряда А. Хучбарова, было остановлено уничтожение древних башен в горах Ингушетии. Отряд народных мстителей действовал в горах с 1944 по 1955 гг., пока родственников А. Хучбарова не арестовали, обещав расстрелять, если сам он не сдастся. Чтобы спасти родственников, А. Хучбаров сдался, но арестованных не отпустили.

Прославилась также народная мстительница Лайсат Тангиева-Байсарова, до 23 февраля 1944 г. являвшаяся секретарем комсомола Итум-Калинского района ЧИАССР. Лайсат родом была из с. Галашки. До войны она занималась скалолазанием и спортивной стрельбой. 23 февраля 1944 г. Лайсат вместе со своим мужем Ахметханом Байсаровым, тоже бывшим партийным работником, ушла в лес и начала мстить карателям из НКВД.

Чета Байсаровых – великолепных альпинистов и ворошиловских стрелков – была неуловима, и наносила неожиданные и болезненные удары по карателям.

1 марта 1944 г. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия, докладывая Сталину об общих итогах переселения ингушей и чеченцев, сообщал: «Руководители партийных и советских органов Северной Осетии, Дагестана и Грузии уже приступили к работе по освоению отошедших к этим республикам новых районов».

26 февраля 1944 г. Сталину был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» и проект постановления СНК СССР «О заселении и освоении районов Чечено-Ингушской АССР».

7 марта был представлен окончательный вариант Указа Президиума Верховного Совета СССР. Его первый пункт задним числом предписывал переселить всех чеченцев и ингушей, проживающих на территориях Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих районах, в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать. Территория бывшей республики разделялась между соседними автономиями и союзными республиками. В частности, в состав Северо-Осетинской АССР включались г. Малгобек и следующие районы бывшей ЧИАССР: Ачалукский, Назрановсский, Пседахский, – в существующих границах, Пригородный район, за исключением его южной части, западная часть Сунженского района, а также восточная часть Курпского района Кабардино-Балкарской АССР. Как отмечалось в протоколе заседания Президиума ЦК КПСС (№ 66, п. XXV) от 22 декабря 1956 г., из 234 районов республики 8 полностью и 4 частично отошли к вновь созданной Грозненской области, 5 районов – Северной Осетии, 5 районов – Дагестанской АССР, один полностью и один частично – Грузинской ССР. «Закон об упразднении Чечено-Ингушской АССР» был утвержден ВС РСФСР лишь 25 июля 1946 г.[80]

9 марта 1944 г. СНК Союза ССР принял постановление № 225 – 74 «совершенно секретно» «О заселении и освоении районов бывшей Чечено-Ингушской АССР», касающиеся исключительно порядка переселения колхозов и хозяйств, в значительной мере повторяющее уже изложенные юридические акты.

В 1944-1946 гг. происходило планомерное заселение территории опустевшей Ингушетии. В ту часть бывшей ЧИАССР, которая была присоединена к Северо-Осетинской АССР, переселялись жители, как самой Северной Осетии, так и осетины из Грузии и Южной Осетии.

В ингушские селения, переданные в состав Северной Осетии, переселилось 55 тысяч осетин, в том числе 26 тысяч осетин из высокогорных селений Юго-Осетинской АО, входившей в состав Грузинской ССР, и 15 тысяч осетин из Северной Осетии. Переселение шло по «добровольно-принудительной схеме»: каждому осетинскому району, колхозу спускались разнарядки – задания на определенное количество желающих переселиться. Желающих заселиться в ингушские дома оказалось очень много – ведь переселенцу даром доставалось все хозяйство. Об этом свидетельствуют протоколы совещания республиканской переселенческой комиссии при Совнаркоме Северо-Осетинской АССР.[81]

В то же время, территория Горной Ингушетии, отошедшая к Грузинской ССР, осталась незаселенной. Одновременно с этими мерами проводилась замена названий ингушских населенных пунктов. 8 мая 1944 г. решение по этому поводу принял Северо-Осетинский обком ВКП(б). [82] Так Назрань стала называться Коста-Хетагурово; селение Ангушт, давшее само название этнонима «ингуши», – переименовано в Тарское; Базоркино – в Чермен. Многие названия давались по принципу переселения в этот населенный пункт выходцев из того или иного района Северной и Южной Осетии. Так, поселок Планашка был переименован в Карца (сюда переселились жители одноименного селения в Гизельдонском районе), Длинная Долина – в Терк, Гадаборшево – в Куртат (заселено выходцами из Куртатинского ущелья), Сурхахи – в Мамисон (заселено выходцами из Мамисонского ущелья) и т.д.

Из спецпоселенцев в Казахской ССР проживали 43810 ингушей, в Киргизской ССР – 1389, в Узбекской ССР – 108 ингушей. В сводке движения спецпоселенцев с момента их расселения и до июня 1948 г. отмечалось, что в 1943-1949 гг. было расселено ингушей, чеченцев, карачаевцев и балкарцев 608749 чел., прибыло самостоятельно 27 530 чел., убыло по разным причинам 184 556 чел.[83]

Положение спецпоселенцев было не просто чрезвычайно трудным, а бедственным. В Акмолинской области к июлю 1946 г. из 1000 запланированных для них домов были построены только 28. В Джамбульской и Карагандинской областях к строительству жилья для спецпоселенцев вообще не приступали. В Киргизии на начало сентября 1946 г. из 31 тыс. семей спецпоселенцев только 4973 были обеспечены постоянным жильем. В Талды Курганской области из 1400 намеченных домов построены 23, в Южно-Казахстанской области – из 1700 построено 70. В Джамбульской, Карагандинской, Актюбинской областях спустя даже более двух лет после прибытия спецпоселенцев в Казахстан не было построено ни одного дома. Построенные дома имели существенные дефекты. В большинстве из них имелось по одному небольшому окну, и, как правило, без стекол, забитых фанерой, двери изготавливались из местного строительного материала – березы и сосны, которые в условиях Северного Казахстана зимой были непригодны.

В Киргизии постановлением Совнаркома этой союзной республики от 21 декабря 1945 г. был утвержден план строительства жилых домов для спецпереселенцев. Всего планировалось построить 5 тыс. домов во Фрунзенской, Ошсской, Талаской, Джалал-Абадской и Иссык-Кульской областях. По данным на 1 июля 1946 г., в Кеминском и Чуйском районах Фрунзенской области и самом городе Фрунзе к строительству даже не приступали. В Кантском районе вместо 120 домов было построено 20, Панфиловском районе вместо 120 построено 23, в г. Токмаке вместо 40 построено 5. Стройматериалы, выделявшиеся для спецпереселенцев, далеко не всегда использовались по назначению.

За подписью Берии 2 декабря 1945 г. появилась директива № 24 с требованием усиления агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев, которые, по мнению наркома, «активизируют действия, направленные на срыв мероприятий по выборам в Верховный Совет СССР».[84] Таким образом, к депортированным народам продолжали относиться не только как к врагам, но как врагам действующим, необезвреженным, несмотря на все учиненные над ними беззакония, насилие и произвол.

В первые годы депортации неприспособленные к новым климатическим условиям, без средств к существованию, спецпереселенцы тысячами умирали от голода и болезней. Главной причиной была хозяйственная неустроенность. В «Постановлении СНК и ЦК ВКП(б) Казахской ССР «О недостатках в хозяйственном устройстве спецпоселенцев, расселенных в казахской ССР» от 26 апреля 1945 г. отмечалось, что медико-санитарное обслуживание депортированных «архинеудовлетворительно». Эпидемические заболевания все еще не были ликвидированы. Констатировался факт нецелевого использования выделенных для спецпереселенцев фондов и продолжавшегося их разбазаривания. В постановлении также отмечалось, что местные органы «самоустранились от работы по хозяйственному устройству спецпереселенцев, расселенных в колхозах». В июле 1945 г. спецпереселенцам было выделено пособие по 100 руб. на семью (равное 1-2 буханкам хлеба), в 1946 г. другое – по 40 руб. на семью.

Взрослый спецпереселенец мог взять ссуду на строительство жилья – до 5 тыс. руб. Для этого он должен был представить справку от комендатуры МВД, гарантийное обязательство, обязательство колхоза, совхоза или предприятия, гарантирующее своевременное погашение ссуды, ходатайство исполкома соответствующего Совета, справку о том, что спецпереселенец выработал установленный минимум трудодней. Кроме того спецпереселенец-ссудополучатель обязывался в первый же год вносить платежи по ссуде. Такая формальность, введенная Сельхозбанком, привела к тому, что многие колхозы и совхозы, расположенные от филиалов Сельхозбанка на расстоянии 70-80 км, после неоднократных попыток получить кредит для строительства спецпереселенцев, отказывались от

него. В результате выделенный кредит полностью получить по указанным причинам не представлялось возможным. В связи с затруднениями в получении кредита спецпереселенцы были вынуждены продавать скудное личное имущество, затрачивать собственные сбережения на строительство домов. Таким образом, от юридически бесправных и материально неимущих переселенцев требовали практически невозможного.

Кроме того председатели колхозов и другое начальство на местах, которым перечислялись средства на обустройство переселенцев, в том числе, ссуды на строительство домов, зачастую присваивали их, пользуясь бесправным положением спецпереселенцев. Тем самым даже те финансовые средства, которые специально выделялись государством на цели обустройства спецпереселенцев, не всегда доходили до нуждающихся в них и бедствующих людей.

В случае наделения скотом спецпереселенцы за одну голову молодняка крупного рогатого скота или 4-5 овец тут же облагались натуральным и денежным налогом. Чтобы заплатить налог, они были вынуждены продавать выданный им скот.

Условия, в которых жили ссыльные, были невыносимыми: жили в землянках, на заброшенных фермах, страдая от сырости и холода. К намеченному строительству жилья в некоторых областях не приступали вообще. Естественно, при подобных нечеловеческих условиях, многие не выдерживали, и численность депортированных катастрофически падала каждый день. К августу 1946 г. по документам спецконтингент в Казахской ССР уменьшился на 104 632 человека, из них 73 тыс. чел. умерло от разных болезней. Эти данные НКВД были сильно занижены и не могут вызвать доверия, поскольку в первые месяцы депортации, учитывая масштабы вымирания, регистрация и учет смертности населения представляли большую сложность.[85]

По некоторым данным, из 478-479 тыс. ингушей и чеченцев, выселенных в ходе операции «Чечевица», к 1 октября 1945 г. в местах поселения насчитывалось 405 900. Таким образом, за первые 20 месяцев ссылки погибли 62 579 чеченцев и ингушей. Но вряд ли и эта цифра может быть принята как абсолютно достоверная и окончательная. Плохие жилищные условия, голодный паек, на который были обречены спецпереселенцы, отсутствие у многих теплой одежды, резкое изменение климатических условий, эпидемические заболевания, отсутствие медицинской помощи – все это приводило к гибели в депортации тысяч и тысяч безвинных людей. В одной только Киргизии всего за шесть месяцев 1945 г. умерло 14 322 переселенца, а за весь 1945 и половину 1946 г. – 36070.

На смертность влияли и психологические перегрузки, состояние перманентного стресса, безысходность и отчаяние, в котором пребывали выселенные. Среди ингушей и чеченцев отмечалась очень ранняя смертность. Особенно высок был процент смертности среди представителей интеллигенции, которая испытала на себе ужас сталинского государственного террора в полном масштабе.

По неполным данным отдела спецпоселений МВД СССР, в Акмолинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской областях на 1 апреля 1948 г. было учтено остро нуждающихся в продовольствии (вернее – голодающих) 118 259 выселенцев, из них 2590 чел. больных дистрофией, и зарегистрировано 18 случаев смерти вследствие истощения от недоедания.

После переселения ингуши были вычеркнуты из списка народов СССР, и делалось все, чтобы стереть саму память о них. Уничтожались редкие книги и архивы, записи фольклорных текстов, практически любая литература и периодические издания с упоминаниями ингушей и чеченцев, в горах взрывались средневековые башни, гробницы и святилища, с землей сравнивались кладбища, а надгробия разбивались и использовались для строитель-

ных работ. Подвергались разрушению все памятники чеченским и ингушским героям Гражданской войны. С исторических карт Грозненской области исчезли все упоминаниями о чеченцах и ингушах. Темы, связанные с депортированными народами, стали для историков закрытыми и запретными. Власти Грозненской области в 1951 г. уничтожили часть архивных документов. Инерция замалчивания и запретительства была столь велика, что даже в 1954 г. уже после смерти Сталина пришлось вести сложные переговоры о возвращении информации о депортированных народах в готовящиеся к выходу очередные тома Большой Советской энциклопедии (БСЭ). Но такие материалы были опубликованы только после возвращения депортированных на родину в 1957 г., для чего редакции БСЭ пришлось срочно подготовить дополнительный 51-й том.[86]

Казахстан. Ингуши на стройке

Депортированные народы не просто подверглись насилию и произволу со стороны государства. Преступный режим прикладывал все усилия для того, чтобы само имя народов, с которыми он расправлялся, ушло в небытие. Сами названия этих народов и все производные от них полностью ушли из советской лексики второй половины 40-х – первой половины 50-х гг. Ими нельзя было пользоваться даже ученым. Одновременно, для создания векового образа врага в лице ингушей, чеченцев была развернута мощная пропагандистская кампания, опиравшаяся на партийные документы и государственные постановления, такие, как Указ РСФСР от 26 июня 1946 г. о якобы массовом пособничестве фашистам со стороны чеченцев и крымских татар и Постановление ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. «Об опере В. Мурадели «Великая дружба», огульно обвинявшее ингушей и чеченцев в нелояльности Советской власти. В итоге репрессии против «наказанных народов» были закреплены и даже ужесточены. Никак иначе нельзя охарактеризовать Указ ВС СССР от 26 ноября 1948 г. , объявлявший депортацию вечной и вводивший уголовную ответственность за побег из мест спецпоселений. С 1949 г. на всех спецпоселенцев заводились личные дела с определенным номером. За самовольный выезд из места жительства виновный приговаривался особым совещанием при МВД СССР к 30 годам каторжных работ. Административный надзор обеспечивался как предписаниями, так и угрозами, чтобы «дисциплинировать» массы, им создавались невыносимые условия для жизни и работы.

«Правила хозяйственного и трудового устройства спецпоселенцев» от 8 марта 1944 г. наделяли функцией контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев отделы спецпоселений НКВД-УНКВД, а также районные и поселковые спецкомендатуры НКВД. Контроль имел своей целью:

1. Не допускать самовольного перехода спецпереселенцев с одного места службы или работы на другое.

2. Не допускать по распоряжению администрации предприятий и учреждений переброс спецпереселенцев на работу с одно предприятия на другое, расположенное вне пунктов расселения спецпереселенцев

3. Устранять обнаруженные недочеты в деле хозяйственного и трудового устройства спецпереселенцев.

В ходе спецпереселения в декабре 1943 – январе 1944 г. в Казахской ССР было сформировано 24 спецкомендатуры, в том числе в Южно-Казахстанской области – 13, Джамбульской – 11 , содержавшихся за государственный счет. Зачастую органы власти на местах обязаны были согласовывать свои действия с руководством спецкомендатур.

Жизнь спецпереселенцев в местах новых поселений была в конечном итоге определена правовым положением. Начиная с января 1945 г., действовало специальное Постановление СНК СССР.

Непосредственно права взаимоотношений спецпереселенцев с органами государственной власти обобщались в другом документе, утвержденном Постановлением Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. № 14 «секретно» «Положении о спецкомендатурах НКВД», согласно которому комендантам НКВД предоставлялось право в случае нарушения спецпереселенцами установленного для них режима в местах их поселения, налагать на них административное взыскание в виде штрафа в размере до 100 руб., при средней заработной плате советского гражданина в 30 руб. Этим же актом предусматривалось наказание спецпереселенцев в виде ареста до 5 суток. [87]

Положение определяло цель создания спецкомендатур – обеспечение государственной безопасности, охрана общественного порядка и предотвращение побегов спецпереселенцев с места их поселения, а также контроль за их хозяйственно-трудовым устройством.

Комендатны спецкомендатуры НКВД ССР наделялись широким спектром правовых полномочий: учет спецпереселенцев и надзор за ними в целях предотвращения побегов с мест поселения; выявление среди них антисоветских уголовно-преступных элементов; организация и производство розыска бежавших спецпоселенцев; предупреждение о пресечении беспорядков в местах поселения спецпереселенцев; осуществление контроля за хозяйственным и трудовым обустройством спецпереселенцев жалоб, заявлений и обеспечение по ним необходимых мероприятий; выдача разрешений на право временного выезда за пределы района расселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района.

Уже приведенные два основополагающих документа, определявшие юридические нормы положения спецпереселенцев, показывают, насколько жесткими были эти нормы, имевшие явную направленность в сторону дальнейшего ужесточения условий проживания депортированных, возможностей их общения. Довольно часто случалось так, что родные братья, сестры и другие родственники, порой даже родители и дети оказывались разбросанными по разным районам и областям и многие годы не имели возможности встретиться.

Согласно постановлению СНК о правовом положении спецпереселенцев глава семьи в трехдневный срок обязан был сообщать в комендатуру об изменениях, произошедших в семье (рождении ребенка, смерти и т. д.).

Главным условием соблюдения режима, установленного для спецпереселенцев, было безоговорочное подчинение всем указаниям и распоряжениям комендатуры. Вмешиваться в жизнь государственных органов и в общественную жизнь было для них строго недо-

пустимо. Спецпереселенцу, который мог посягнуть на такие устои, хотя бы словом, была обеспечена суровая кара. Любые действия представителя власти были оправданы интересами государства, что безусловно открывало широкий простор самоуправству, произволу и беззаконию комендантов над спецпереселенцами.

Дальнейшее пребывание спецпереселенцев в поселениях регулировалось и другими принимаемыми нормативными документами. Так примечательно постановление Совета народных комиссаров № 1927 от 28 июля 1945 г. «О льготах спецпереселенцам», принятое за подписью заместителя председателя СНК СССР Я. Чадаева. В документе были определены те льготы, которыми могли располагать спецпереселенцы в процессе своего трудоустройства в местах поселения. В частности, указывалось, что они освобождались в 1945 и 1946 гг.: а) от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству; б) от уплаты сельскохозяйственного налога, подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселках. Наряду с этим постановлением органы власти наделялись правом списать со спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Крыма, Грузии, Калмыкии задолженность по сельскохозяйственному налогу, подоходному налогу и доходам от сельского хозяйства в городских поселках и по обязательным поставкам сельскохозяйственных продуктов государству, образовавшуюся за ними в местах нового поселения.

Несмотря на все тяготы, лишения, холод, голод спецпереселенцы продолжали трудиться по 12-14 часов в сутки. Большинство работало в колхозах, совхозах, на заводах, шахтах, стройках, рудниках и в других отраслях хозяйства.

Совет Народных комиссаров Казахской ССР, ЦК ВКП(б) Казахстана в 1944, 1945, 1946 гг. принимали постановления о хозяйственно-трудовом занятии спецпереселенцев. Областные исполкомы рассматривали вопросы, касающиеся работы со спецпереселенцами, их расселения и трудоустройства, принимали соответствующие документы. Основная масса спецпереселенцев проживала в сельской местности. Райисполкомы, колхозы и земельные органы должны были вовлечь трудоспособных спецпереселенцев в работу в сельском хозяйстве, создать условия для их закрепления в производственной и общественной жизни колхозов. На этом пути стояли большие и серьезные трудности: катастрофическая нехватка жилья, продуктов питания, неправильное отношение к спецпереселенцам со стороны многих местных советских и партийных руководителей, а также значительной части населения, с предубеждением относившейся к спецпереселенцам, считая их бандитами и изменниками Родины, распространение среди выселенных различных эпидемических заболеваний и в особенности сыпного тифа.

Все этот затрудняло быстрое и полное приобщение спецпереселенцев к производству в различных областях народного хозяйства.

И без того сложные условия жизни были осложнены жестким надзором и контролем со стороны спецкомендатур и государства. НКВД, используя всевозможные варианты, уже как к крайней мере, прибегает к созданию агентурно-осведомительской сети.

Чтобы придать вершившимся процессам юридическое обоснование, принимались нормативно-правовые акты, имевшие показной характер. Гражданские права полностью игнорировались.

Во исполнение Указа 1948 г. около 2 тыс. спецпоселенцев, самовольно покинувших место ссылки, были приговорены к 20 годам каторжных работ.

Принудительное переселение ингушей и чеченцев отрицательно сказалось на восстановлении и дальнейшем развитии народного хозяйства на территории бывшей ЧИАССР. В составе работников нефтяной промышленности республики до 1944 г. насчитывалось около 4 тыс. рабочих и инженерно-технических работников ингушской и чеченской на-

циональностей. Это были кадры, подготовленные еще в 30-е гг. Они вместе с рабочими других национальностей с первых дней войны самоотверженно боролись и трудились, обеспечивая фронт горючим и смазочными материалами. В условиях, когда не хватало подготовленных кадров, переселение нефтяников из числа ингушей и чеченцев неблагоприятно сказалось на развитии нефтяной промышленности региона.

Так если в 1943 г. – сразу после освобождения Северного Кавказа, по свежим следам боев и разрушений, государственный план бурения был выполнен на 101,7% , то в следующем 1944 г. темпы добычи нефти снизились. Трест «Малгобекнефть» вместо 290 345 тонн нефти по плану добыл лишь 212 391 тонну. Одной из причин невыполнения плана трестом «Малгобекнефть» было уменьшение численности рабочих и специалистов в буровых организациях.

Важной стороной в условиях депортации выступал режим проживания спецпереселенцев. Эта сфера жизни относится именно к той, где должны быть прописаны исключительно все нормы поведения спецпереселенцев в условиях жесткого функционирования системы спецкомендатур, наделявшихся особыми правами действий в обстановке военного режима.

Прокуратура СССР как орган надзора за соблюдением законности фактически сосредотачивала в своих руках реализацию мер по пресечению побегов спецпереселенцев с мест поселения, обратному их «водворению» в районы, обозначенные для проживания, рассмотрение дел об их участии в «банддвижении».

Согласно постановлениям ЦК КПСС от 24 ноября 1955 г. о снятии с учета некоторых категорий спецпоселения и от 8 октября 1955 г. о снятии ограничений по спецпоселению немцев и членов их семей было снято с учета и освобождено из-под административного надзора 730 335 чел., но снятие ограничений по спецпоселению не означало еще возвращения их имущества, конфискованного при выселении. Они не имеют права проживать в тех местах, откуда были выселены, ограничения снимались с участников ВОВ и лиц, награжденных орденами и медалями СССР, а также женщин, вступивших в брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами.

Таким образом, период депортации стал самым тяжелым периодом не только в новейшей истории Ингушетии, но за всю историю ингушского народа. Лишение целого народа Родины, массовые жертвы в ходе переселения и после прибытия на место ссылки, жестокие ограничения в правах и произвол – все это нанесло тяжелейший удар по генофонду народа, по здоровью нации, по ее интеллигенции, заложив основы для будущих потрясений и на протяжении всего периода депортации, и после возвращения на родину.

Примечания:

1 Мальсагова А.Х., Олигова З.И. Ингуши-защитники Брестской крепости // ВИИ. Вып.1, Магас, 2004. С. 107-108; Ингушетия в Великой Отечественной войне. (Сост. Яндиева Т.У.) Кн. 1. Ростов-на-Дону. 2005. С. 41.

2 Мужухоева Э.Д. Последний защитник крепости // Газ. «Сердало». 3.03.2005.

3 Филькин В.И. Чечено-Ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Грозный, 1961. С. 8.

4 Там же. С. 9.

5 Ингушетия в Великой Отечественной войне. (Сост. Яндиева Т.У.) Кн. 1. Ростов-на-Дону. 2005. С. 21.

6 Там же. С. 11.

7 Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. С. 39.

8 Там же. С. 38.

9 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 33.

10 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 20-21.

11 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 13.

12 Там же. С. 37.

13 Там же. С. 38.

14 Там же. С. 42.

15 Там же. С. 43.

16 Там же. С. 64.

17 Зоев С.О. Указ. соч.. С. 43.

18 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 52.

19 Кодзоев Н. Юсуп Кодзоев – участник обороны Одессы// Ученые записки гимназии № 1 г. Назрань. Вып.3. Назрань, 2006.

20 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 64-70.

21 Джамбулатова З.К. Сыны чечено-ингушского народа на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. История. Грозный, 1960. С. 67-68.

22 Картоев М. Картоев Джабраил Дабиевич: на тернистом пути патриота // Газ. «Сердало». 16.04.2008. № 59.

23 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 55.

24 Джамбулатова З.К. Указ. соч.. С. 65.

25 Там же.

26 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 20.

27 Ингушетия в Великой Отечественной войне. Кн. 1. С.76.

28 Гайрбекова Т. Их доля-любовь и преданность Родине // Газ. «Сердало». 23. 04. 2005.

29 ЦАМО. Ф. 58. Оп. 594260. Д. 26. Ф. 33. Оп. 563785. Д. 8

30 Джамбулатова З.К. Указ. соч.. С. 78.

31 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 94.

32 Джамбулатова З.К. Указ. соч.. С. 78.

33 Мальсагова А.Х., Олигова З.И. Женщины-ингушки в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // ВИИ. Вып.1, Магас, 2004. С. 103.

34 Ингушетия в Великой Отечественной войне. (Сост. Яндиева Т.У.) Кн. 1. Ростов-на-Дону. 2005. С. 117.

35 Джамбулатова З.К. Сыны чечено-ингушского народа на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 2. Вып. 1. История. Грозный, 1960. С. 79.

36 Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Закавказский фронт Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1971. С. 86.

37 ЦАМО. Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 74. Л. 30.

38 Павленко П. Газават // Газ. «Грозненский рабочий». 12.12.1942.

39 Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1969. С. 111.

40 Там же. С. 164.

41 Гречко А.А. Указ. соч.. С. 112-113.

42 Там же. С. 163.

43 Речь идет о т.н. Старом Малгобеке.

44 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 61.

45 ЦАМО. Ф. 5871. Оп. 5689. Д. 74. Л. 30.

46 Там же. С. 115.

47 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т.2. М., 1961. С. 464.

48 Гречко А.А. Указ. соч.. С. 116.
49 История второй мировой войны 1939-1945. Т. 5. М., 1975. С. 214.
50 Там же.
51 Филькин В.И. Указ. соч. С. 100.
52 Там же. С. 92.
53 Там же. С. 100.
54 Добровольческая моторизованная дивизия СС «Викинг» (командир – бригадефюрер СС Ф. Штайнер) была сформирована в конце 1940 г. в составе фронтовых частей СС (т.н. Waffen SS) и включала три полка («Вестланд», «Нордланд» и «Германия»). Наряду с тремя другими моторизованными дивизиями СС – «Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» – с июня 1941 г. участвовала в военных действиях на советско-германском фронте. Как и все вышеперечисленные дивизии, обычно направлялась командованием на самые трудные и ответственные участки фронта. Пользовалась славой соединения, способного любой ценой добиться выполнения поставленной задачи в силу прекрасной профессиональной подготовки, выучки, фанатичной преданности нацистским идеям личного состава, а также оснащения новейшей военной техникой и вооружением.
55 Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Указ. соч. С. 106
56 Там же. С. 106.
57 Гречко А.А. Указ. соч.. С. 122; Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Указ. соч.. С. 105.
58 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 26.
59 Манкиева А. Бои под Малгобеком // Сердало. 10.07.2004.
60 Курылев И. В. Указ. соч. С. 150.
61 Карелл П. Указ. соч.. С. 468.
62 Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Указ. соч.. С. 106.
63 Гречко А.А. Указ. соч.. С. 128.
64 Там же. С. 200.
65 Зоев С.О. Промышленность Чечено-Ингушской АССР за 50 лет. Грозный, 1972. С. 44.
66 Там же. С. 45.
67 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т.2. Грозный, 1972. С. 241.
68 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 45.
69 Там же. С. 106.
70 Гучмазов А., Траскунов М., Цкитишвили К. Указ. соч.. С. 172.
71 Гречко А. Указ. соч. С. 268.
72 Филькин В.И. Указ. соч.. С. 128.
73 Полян П. Операция «Чечевица»// Звезда, № 3, 2007. С. 34.
74 Так это было. Т. 2. М.. 1993. С. 81.
75 Там же. С. 82.
76 Арапханова Л. Я. Спецпоселенцы. История массовых репрессий и депортация ингушей в XX веке. М., 2004. С. 139.
77 Ингушетия в Великой Отечественной войне. С. 14.
78 Мусаев К. Судьбой соединенные // Газ. «Сердало». 23.04.2005.
79 Амирова М. Мы будем биться до полной победы! // Газ. «Сердало». 23.04.2005.
80 Шнирельман В.Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе. М., 2006. С. 228.
81 Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944-2004. Документы, материалы, комментарии. (Сост. Я.С. Патиев). Магас, 2004. С. 120-129.
82 Второй съезд ингушского народа. Грозный, 1990. С. 82.
83 Арапханова Л. Я. Указ. соч. С. 148.
84 Шнирельман В. Указ. соч. С. 229.
85 Арапханова Л. Я. Указ. соч. С. 151.
86 Шнирельман В. Указ. соч. С. 230.
87 Арапханова Л. Я. Указ. соч. С. 152.

Глава X

Ингушетия в 1957–1992 гг.

1. Общественно-политическое развитие Ингушетии в 1957 – середине 1980-х годов

В феврале 1956 г., выступая со своим знаменитым докладом «О культе личности и его последствиях» на судьбоносном XX съезде КПСС, Н. С. Хрущев помимо прочего впервые выступил с публичным осуждением репрессий сталинского периода в отношении целых народов, заявив: «В сознании здравомыслящего человека не укладывается такое положение – как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на народы, включая женщин, стариков, детей, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям». Исторический шаг Первого секретаря ЦК КПСС встретил далеко неоднозначную реакцию его ближайшего окружения – категорически против разоблачений преступлений сталинщины были Молотов, Ворошилов и Каганович.

У депортированных народов, особенно после XX съезда КПСС, проснулась надежда на восстановление в отношении их справедливости. В Казахстане и Киргизии начинается национальное движение за возвращение на Родину. Неформальным лидером этого движения стал писатель Идрис Муртузович Базоркин, работавший в то время главным администратором Государственного Киргизского театра оперы и балета во Фрунзе (ныне Бишкек). В Москву полетели сотни писем, в которых граждане пытались объяснить высоким московским чиновникам о невиновности депортированных народов перед страной и просили разрешить им вернуться на Родину. В частности, в сентябре 1956 г. группа ингушских писателей и других представителей интеллигенции, среди которых были Х.Ш. Муталиев, Б.Х. Зязиков, Д.Х. Яндиев, И.М. Базоркин, Д.Д. Мальсагов, Д. Дахкильгов, М.С. Мальсагова и др., обратились к Президиуму Правления СП СССР с обращением, в котором ходатайствовала о «возвращении ингушского народа в братскую семью советских народов и восстановлении автономии ингушей и чеченцев». Всего под обращением стояло 19 подписей представителей интеллигенции.[1] Обращение получило большой резонанс в среде советской партийной бюрократии, поскольку было переправлено секретарем правления Союза писателей СССР А. Сурковым в ЦК КПСС. Не вызывает сомнения, что подобные инициативы ингушской интеллигенции оказали определенное позитивное влияние на принятие руководством страны решения о восстановлении ЧИАССР.

Ингушская делегация в Москве; январь 1957 г.

Согласно постановлениям ЦК КПСС от 8 октября 1955 г. о снятии ограничений по спецпоселению немцев и членов их семей и от 24 ноября 1955 г. о снятии с учетом некоторых категорий спецпоселения, было снято с учета и освобождено из-под административного надзора

730 335 чел., но снятие ограничений по спецпоселению не означало еще возвращения их имущества, конфискованного при выселении. Они не имели права проживать в тех местах, откуда были выселены, ограничения снимались с участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями СССР, а также женщин, вступивших в брак с местными жителями, не являющимися спецпоселенцами.

Члены ингушской делегации возлагают венок на могилу Г.К. Орджоникидзе; январь 1957 г. Слева от венка – бывший красный партизан Албаст Алташевич Матиев из Ангушта, крайний справа – Сонт-Али Бузуркиев

Министр внутренних дел СССР Н.Д. Дудоров писал в своей справке в июне 1956 г.: «Чеченцы и ингуши расселены главным образом в Казахской ССР (355 тыс.) и Киргизской ССР (76 986 чел.). Прежняя территория заселена. Восстановление автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение ингушей и чеченцев в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий. В связи с этим можно было бы рассмотреть вопрос о создании для чеченцев и ингушей областной автономии на территории Казахской и Киргизской ССР».

В 1956-1957 гг. несколько делегаций ингушей и чеченцев побывали в Москве.

9 июня 1956 г. делегация, состоящая из 14 представителей ингушского и чеченского народов во главе с Идрисом Базоркиным, была принята первым заместителем Председателя Совета министров СССР А.И. Микояном. А.И. Микоян обещал членам делегации размножить, переданные ему членами делегации, письма и разослать всем членам правительства и содействовать в деле восстановления автономии.

В 1956 г. ингуши начали возвращаться на Родину.

24 ноября 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», согласно которому был создан Оргкомитет по Чечено-Ингушской АССР, которому было поручено осуществление мероприятий, связанных с восстановлением ЧИАССР.[2]

Для создания Оргкомитета из Казахстана были вызваны бывшие государственные деятели ЧИАССР. В Кремле было принято решение оставить ингушский Пригородный район в составе Осетии. Многие патриоты выступали против этого плана. Бывший член Оргкомитета Дзияутдин Мальсагов вспоминал: «В конце декабря 1956 года состоялось первое заседание Государственной комиссии по восстановлению ЧИАССР. Председателем комиссии был Анастас Иванович Микоян, членами – Маленков, Ворошилов, Сабуров, Первухин и другие… После нас выступил первый секретарь Дагестанского обкома партии и сказал, что от пяти районов Чечено-Ингушетии от отказывается, и людей своих оттуда переселит в Дагестан. Потом встал секретарь компартии Грузии и сказал: «От горных районов Чечни и Ингушетии мы тоже отказываемся». Тогда вскочил со своего места Агкацев (первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии) и заявил, что Пригородный рай-

Абдул-Гамид Джамбулатович Тангиев (1902-1984); г. Грозный, 1956 г.

он он просит оставить в Осетии для того, чтобы создать там очаг дружбы между ингушами и осетинами. Осетия примет всех выселенных оттуда ингушей, поселит их в районе и в городе Орджоникидзе. Почувствовалось, что Микоян и другие готовы удовлетворить эту просьбу. Мы поняли – район отдают. Я думаю, была предварительная договоренность».[3]

На этом заседании резко против этого плана выступил А.-Г.Д. Тангиев, который был включен в Оргкомитет по ЧИАССР, чтобы в будущем выдвинуть на пост Председателя Верховного Совета ЧИАССР.[4] После этого выступления А.-Г.Д. Тангиев был исключен из состава Оргкомитета.

Наконец 9 января 1957 г. вышел Указ Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». В тот же день принимается Указ Верховного Совета РСФСР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области». 1 февраля того же года принимается Закон СССР «Об утверждении указов Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении национальной автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов». Тем самым была создана необходимая законодательно-правовая база для восстановления национально-государственной структуры ЧИАССР, ликвидированной в ходе преступных деяний высшего руководства страны в период сталинщины. Указом Президиума Верховного Совет РСФСР от 9 января 1957 г. учреждается также Оргкомитет по восстановлению Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР в количестве 20 человек во главе с М. Гайрбековым. На вновь образованный орган возлагалось «руководство хозяйственным и культурным строительством на территории Чечено-Ингушской АССР впредь до выборов Верховного Совета ЧИАССР».

Органы власти на местах возвращения ингушей чеченцев отнеслись к этому решению по-разному, хотя открыто возражать против решений высших партийных и государственных органов в тогдашнем СССР было не принято. Тем не менее, в целом сильна была негативная тенденция в оценках возвращения спецпереселенцев. Еще при обсуждении вопроса о восстановлении ЧИАССР тогдашний первый секретарь Грозненского обкома партии А.И. Яковлев был категорически против восстановления республики и возвращения чеченцев и ингушей в родные места. Такие взгляды находили поддержку и среди руководящего звена государства. Так, министр внутренних дел СССР Н. Дудоров 31 января 1957 направил в Секретариат ЦК КПСС письмо под грифом «Совершенно секретно», где рекомендовалось рассмотреть вопрос о создании для чеченцев и ингушей областной автономии на территории Казахской или Киргизской ССР. 8 апреля 1957 г. он же доложил секретарю ЦК КПСС Н.И Беляеву, что были приняты меры к немедленному прекращению переезда спецпереселенцев, задержанию переезжающих без разрешения оргкомитета и возвращению их к местам бывшего поселения. А вот председатель Грозненского облисполкома Г. Коваленко выразил другую точку зрения на этот вопрос: «Центральный комитет партии, на мой взгляд, решил восстановить Чечено-Ингушскую автономию и тем самым восстановить законность, стереть с потомков репрессированных то черное пятно, которое порождено незаконной репрессией их родителей. Как же вы себе представляете эту задачу,

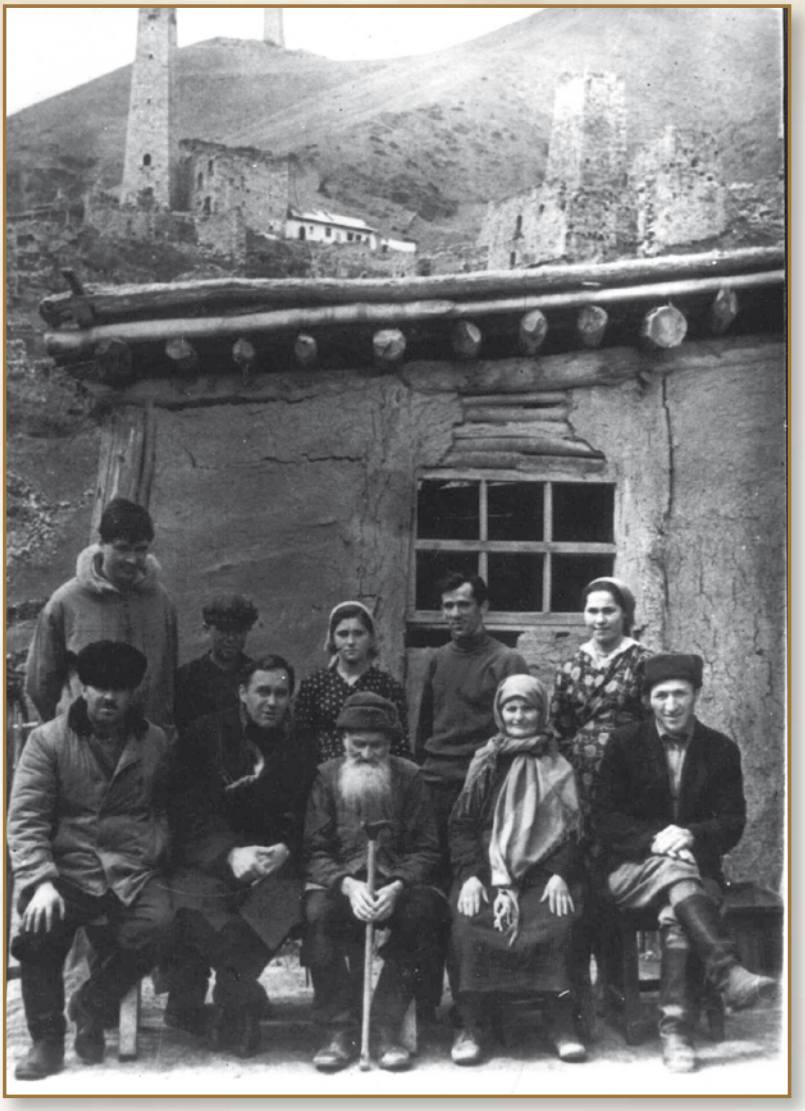
если автономия будет восстанавливаться на какой-то другой территории? Дети чеченцев и ингушей, изучая историю, непременно будут задавать вопросы своим родителям и пытаться узнать, за что все-таки высылали оба народа? Для того, чтобы восстановить справедливость, их надо возвратить в родные места».[5] Наконец 25 января 1957 г. снимается важнейшее препятствие на пути массового возвращения ингушей и чеченцев на родину. Приказом заместителя министра внутренних дел СССР Толстикова ингушам, чеченцам, калмыкам, карачаевцам и членам их семей, выселенным в период Великой Отечественной войны, разрешено проживать и прописываться на прежнем месте жительства.

Указом Верховного совета РСФСР от 10 апреля 1957 г. всем населенным пунктам и районам Ингушетии, кроме населенных пунктов, входящих в Пригородный район, были возвращены их исконные ингушские названия.

Тем не менее, возвращение ингушей на родину, сопряженное с трудностями, как и у всех репрессированных народов, было усугублено тем, что территория Ингушетии не была восстановлена даже в прежних границах 1944 г. Хотя уже 10 января 1957 г., на следующий день после выхода Указа Верховного Совета СССР «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» Президиум Верховного Совета Грузинской ССР принял решение о возвращении южной части Пригородного района (современный Джейрахский район), включенной в состав Грузии после депортации ингушского народа и ликвидации Чечено-Ингушской АССР, восстановленной Чечено-Ингушетии, не все сопредельные субъекты РСФСР спешили последовать примеру южных соседей ингушей в деле возвращения принадлежавших Ингушетии и исторически, и юридически на февраль 1944 г. территорий. Вне новых административных границ ЧИАССР осталась 1/6 часть ингушских земель – в первую очередь, территория Пригородного района, включенная в состав СОАССР. Как отмечают исследователи истории депортированных народов, темп возвращения ингушей на родину был существенно ниже, чем у других репрессированных народов. В случае с ингушами этому, помимо прочего, способствовало невозвращение Ингушетии исторических территорий, до 1944 г. входивших в ЧИАССР.[6]

Еще 13 апреля 1957 г. Совет Министров СОАССР принял постановление № 136 «Об устройстве ингушского населения, стихийно приехавшего в Пригородный район». Помимо того, что уже само название постановления искажало суть дела, называя возвращающихся на родину, которую они 13 годами ранее покинули не по своей воле, «стихийно приехавшими», данный документ содержал фактические инструкции к недопущению процесса восстановления положения, существовавшего до депортации 1944 г в Пригородном районе. Так, председателям колхозов и директорам предприятий хотя и предлагалось рассмотреть вопрос о приеме на работу ингушей, возвращающихся из депортации, но расселять их намечалось на территориях Кировского и Дигорского районов, не допуская расселения на территории Пригородного района. Из данного постановления можно сделать только один вывод – оно было направлено на сохранение за Северной Осетией незаконно переданных сталинским режимом территорий, в первую очередь Пригородного района. Часть возвращающихся из депортации ингушей – бывших жителей Пригородного района попросту лишались фактической возможности селиться в своих родных селах, таких как Ахки-Юрт (Сунжа), Товзен-Юрт (Комгарон), Редант. Выходцами из последнего на территории Малгобекского района ЧИАССР был основан новый населенный пункт, получивший наименование Новый Редант.

При этом следует отметить, что передача отдельных ингушских территорий, хотя и не столь крупных, как в 1944 г., практиковалось и после возвращения из ссылки и восстановления ЧИАССР. Так, 23 февраля 1960 г. Постановлением Совета Министров ЧИАССР



Селение Ляжги. 1960-е гг.

под строительство складов взрывоматериалов Северо-Осетинскому карьероуправлению «Кавдоломит» передавалось часть госземфонда Назрановского района, в долине р. Арамхи, напротив с. Фуртоуг.

Очевидно, энтузиазм, с которым ингуши и чеченцы воспользовались долгожданной возможностью вернуться на родину, и темпы, с которыми они начали это возвращение, оказались неожиданными для партийной и советской верхушки не только на местах, но и в центре. Уже в 1957 г. начинаются лихорадочные попытки как-то ограничить, затормозить процесс возвращения. 7 сентября 1957 г. Секретариат ЦК КПСС принял Постановление «О фактах нарушения установленного порядка переселения чеченцев и ингушей из Казахстана в Чечено-Ингушскую АССР», в котором обращалось внимание партийных органов на то, что ингуши и чеченцы выезжают домой в Чечено-Ингушскую АССР самовольно и незаконно. Местным органам власти Казахской ССР предлагалось прекратить выдачу разрешений чеченцам и ингушам на выезд домой. А в декабре 1958 г. в докладе министра МВД СССР в ЦК КПСС сообщалось о том, что в целях недопущения въезда чеченцев и ингушей домой создано 57 оперативных заслонов на железнодорожных станциях и аэропортах и 178 оперативных групп, сопровождавших эшелоны и пассажирские поезда.

Но несмотря на все трудности ингуши и чеченцы возвращались в родные места. Весной 1957 г. в Чечено-Ингушетию вернулись 140 тыс. чел. При плане возвращения на тот момент в 78 тыс. к концу 1957 г. численность репатриантов составила уже 200 тыс. чел. В 1959 г. на родине проживало лишь не более 60 % чеченцев и 50 % ингушей. В связи тем, что возвращение ингушей и чеченцев на родину, было регламентировано во времени, а обустройство их на прежнем месте в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии встречало сопротивление со стороны местных властей, тогда как желание возвратиться носило по-

прежнему массовый характер, 5 сентября 1960 г. было принято Постановление Совета Министров РСФСР «О продлении срока возвращения чеченского и ингушского населения в Чечено-Ингушскую АССР». К 1970 г. эти цифры соответственно достигли 90 и 85 %.[7]

Восстановление Чечено-Ингушской АССР стало результатом сложных переговоров, в которых ингуши и чеченцы проявили всю свою настойчивость в отстаивании территориальных прав восстанавливаемой республики. Несмотря на восстановление в гражданских правах спецпереселенцев власти не намеревались возвращать репрессированные народы назад, о чем говорят указы ВС СССР от 28 апреля и 16 июля 1956 г., в соответствии с которыми чеченцы, ингуши, карачаевцы и балкарцы не получили право на возвращение на родину. Затем власти попытались узаконить передачу пяти районов Чечено-Ингушетии Дагестану, а значительную часть горной зоны – Грузии. Однако бурные протесты ингушской и чеченской общественности заставили власти Дагестана и Грузии отказаться от сохранения прежних территорий ЧИАССР, чего нельзя сказать о властях Северной Осетии, настоявших на сохранении Пригородного района в состав СОАССР, хотя никаких законодательных подтверждений передачи этих территорий данной республике на тот момент не было. Таким образом, шестая часть территории Ингушетии оставалась вне границ восстановленной ЧИАССР.

Если к 1 марта 1944 г. в депортацию были отправлены от 478 до 496 тыс. ингушей и чеченцев, то назад в Чечено-Ингушетию вернулись 356 тыс. – из них 76 тыс. ингушей. Еще 8 тыс. человек вернулись в Северную Осетию. Однако в дальнейшем ингушское население удерживаемых Северной Осетией территорий ЧИАССР постоянно возрастало как путем естественного прироста за счет рождаемости в семьях вернувшихся в конце 50-х гг., так и в результате прибытия новых, хотя и не столь массовых партий возвращающихся на историческую родину из Казахстана и Средней Азии. Обустройство на покинутой всего 13 годами ранее родине было сопряжено для возвращающихся с немалыми трудностями и препонами. Бывшие спецпоселенцы встретили к себе настороженное, а нередко и откровенно враждебное отношение, в том числе и со стороны властей автономий, к которым отошли территории, на которых возвращающиеся прежде жили.

Характерно, что возвращение ингушей из казахстанской ссылки не спровоцировало масштабных межнациональных конфликтов между ними и представителями тех народов, которые населяли территорию Ингушетии после 1944 г. Между тем именно угроза такого развития событий постоянно муссировалась противниками возвращения спецпереселенцев из среды партийного руководства тех субъектов, в которые были включены в 1944 г. территории Чечено-Ингушетии, а также части руководства органов госбезопасности, внутренних дел, причем не только республиканского или областного, но и общероссийского и даже общесоюзного уровней. Большое значение в том, что в 1956-1957 гг. и позднее удалось избежать кровавых столкновений на межнациональной почве, имела позиция самих переселенцев, особенно их старшей по возрасту части, которая в тех условиях проявила подлинную мудрость и почти государственный ум, не позволив возобладать эмоциям в поступках вернувшихся, особенно в среде молодежи. Сколь тяжело было обуздать эти вполне объяснимые и понятные эмоции говорит тот факт, что возвращающимся чинились всевозможные препоны по доступу в те населенные пункты, из которых они выселялись в 1944 г. Тогда, в 1944 г. у ингушей было конфисковано около 4 тыс. ранее принадлежавших им построек, которые теперь, разумеется, были заняты новыми хозяевами. Несмотря на принятые решения о помощи возвращающимся по трудоустройству и получению жилья, местные власти не провели надлежащей подготовки к их приему, а нередко, наоборот, делали все возможное для того, чтобы не допустить возвращения ингушей и чеченцев

или хотя бы затруднить его. Причем в случае с ингушами это относилось не только к территории сохраняемого за Северной Осетией Пригородного района, но и других районов Ингушетии.

Возвращение из депортации не означало автоматическое решение всех проблем ингушского народа. Хотя само возвращение состоялось, последствия депортации, а равно и других актов государственного произвола, творившегося над ингушским народом с начала 30-х гг., не были ликвидированы. Прежде всего, Ингушетия не была восстановлена как самостоятельное государственное образование в составе РСФСР и СССР, оказавшись вновь по состоянию на 1944 г. частью воссозданной Чечено-Ингушской АССР. Логика реабилитации требовала, чтобы власти пошли в своей политике до конца и устранили это живое воплощение сталинского перекраивания границ и судеб целых народов, дав возможность и Ингушетии и Чечне развиваться самостоятельно, как и до 1934 г. Ни для кого ни в Москве, ни в Грозном не было секретом, что объединение Чечни и Ингушетии в 1934 г. состоялось без испрашивания на то воли обоих народов – ингушского и чеченского и явилось типично номенклатурным, характерным для стиля сталинской бюрократии решением. Однако инерция развития заданного сталинской эпохой была столь сильна, что ее не могла преодолеть даже инициатива нового руководства страны по смягчению последствий сталинского беззакония. Более того, даже ситуация на 23 февраля 1944 г. не была восстановлена в полном объеме. Более трети территории Ингушетии – причем не только исторической территории, но и входившей в нее совсем недавно – какими-то полутора десятилетиями ранее, оказалось вне новых границ ЧИАССР. На ингушах, как и на других переселенцах, получивших теперь возможность вернуться на родину, осталось клеймо помилованных, а не реабилитированных. Об этом не уставали напоминать им при каждом удобном случае и обыватели, и некоторые высокие чиновники, причем не только сразу по возвращении, но и в более поздние годы. Это не могло не привести к формированию у значительной части ингушского этноса совершенно особой психологии, обусловленной осознанием «незавершенности» катастрофы, постигшей их в середине 40-х гг., возможности повторения ее в каких-то, даже еще более тяжелых формах. И неудивительно – ведь еще накануне высылки 1944 г. их никто не обвинял в измене родине, в тяжелый для страны час ингуши, как и другие народы, воевали на фронте, трудились в тылу, но хватило одних суток, чтобы обвинить в государственных преступлениях и без особых усилий погрузить целый народ в теплушки и отправить в ссылку за много тысяч километров. Теперь же, когда на вернувшихся смотрели как на «помилованных изменников» и власти и население тех областей и республик, которые включали значительную часть исконных земель депортированных, у ингушей, равно как и представителей других народов, подвергшихся сталинскому насилию в таких чудовищных тотальных масштабах, были все основания пессимистически оценивать как ближайшие, так и отдаленные перспективы, поскольку режим, однажды устроивший депортацию, вполне был способен пойти на такой шаг снова, в зависимости от того, как сложится политическая конъюнктура или какой конкретно лидер возглавит государство. Это обстоятельство не могло не способствовать сохранению ингушского общества даже в новых условиях «последепортационной реальности» в качестве предельно консервативной, стремящейся к замкнутости и самодостаточности формации. Во враждебном окружающем мире можно было полагаться только на себя. Это хорошо понимали предки ингушей в древности и Средневековье, эта истина оставалась верна и в период царской колонизации Кавказа. После депортации 1944 г. оказалось, что в значительной мере это остается верным и применительно к реальности середины XX века. Вернувшемуся из

ссылки народу предстояло долго и трудно вживаться в нормальную «мирную» жизнь, все еще будучи не до конца реабилитированным.

Помимо остававшихся неразрешенными вопросов территориальной и правовой реабилитации остро стояли и проблемы социально-экономического развития. Хотя власть предпринимала некоторые декларативные шаги по налаживанию жизни вернувшегося населения. Так 24 июля 1957 г. распоряжением Совета Министров СССР № 2020-р Сельхозбанку поручено было «предоставить в виде исключения в 1957 г. вновь образованным колхозам из населения, возвращающегося на прежние места жительства в Чечено-Ингушской АССР … и некоторые районы Северо-Осетинской АССР, кредит на покупку коров и овец у колхозов, колхозников и населения городов» со сроком погашения от 3 до 5 лет. 11 февраля 1958 г. распоряжением Совета Министров РСФСР «отдельным более нуждающимся семьям ингушей, возвратившимся в Северо-Осетинскую АССР, разрешено выделить единовременную помощь не более 1000 руб. на семью». Социально-экономическая ситуация в восстановленной республике оставалась сложной. Конец 1950-х – начало 1960-х гг. стали периодом начала поступательного развития социально-экономического потенциала восстановленной Чечено-Ингушской автономии. Возвращение на историческую родину после восстановления Чечено-Ингушской АССР ознаменовалось для ингушей возвращением к привычным условиям труда и повседневной жизни. Поэтому неудивительно, что трудовые усилия вернувшегося на родину народа стали весомым вкладом в развитие всей советской экономики во второй половине минувшего столетия.

Особое значение после возвращения из ссылки приобретает развитие района Назрани. До выселения ингушей Назрань представляла собой небольшой поселок с несколькими улицами, прилегающими к железнодорожному вокзалу. В период возвращения ингушей из ссылки в конце 1950 – начале 1960-х гг. численность населения и размер территории Назрани резко увеличились – в основном за счет поселения здесь тех ингушей, которым власти Северной Осетии воспрепятствовали возвращаться в свои дома на территории Пригородного района. Кроме того часть новых жителей Назрани составили переселенцы из горной зоны, который в 1962 г. были выселены на равнину по решению Чечено-Ингушского обкома КПСС.

В Назрани начинает развиваться промышленность, в частности машиностроительная и легкая. В 1959 г. на окраине Назрани началось строительство завода «Электроинструмент» – первого после возвращения из ссылки значительного машиностроительного предприятия в Ингушетии. Вместе с заводом поднимались первые многоэтажные дома в Назрани. Сначала были возведены двухэтажные дома рядом с заводом. Следом началось строительство четырехэтажных зданий близ Алханчуртского канала. Строительство завода завершилось 30 сентября 1962 г. Первой его продукцией стали электросверлильные машины С-455. В советское время завод «электроинструмент» отправлял продукцию в 33 страны мира. К 1982 г. завод выпускал электроинструменты и строительные отделочные машины десять наименований, три из которых были отмечены государственным Знаком качества. Более половины всего объема производства составляли товары культурно-бытового и хозяйственного назначения. В стране практически не было отрасли, в которой не использовались бы электросверлильные машины с назрановской маркой. Производившиеся на заводе машины СО-106 и СО-107, в то время не имели аналогов в мире. С 1962 по 1982 гг. были изготовлены 5,7 млн. электросверлильных и 122 тыс. строительно-отделочных машин. В 1982 г. только за сутки завод выпускал 2000 электросверлильных 120 отделочных машин. Экспорт осуществлялся в такие страны, как Польша, ГДР, Венгрия, Болгария, Вьетнам, США, Канада, Франция, Норвегия, Финляндия, Монголия и др. Средний возраст

работающих на заводе составлял 35 лет. Свой 20-летний юбилей на заводе отмечали такие работники, как начальник бюро Умар Балаев, инженер Аюп Муталиев, начальник отдела Закре Сагов, замдиректора Багаудин Гагиев, бухгалтер детсада Айшет Арсаева, плотник Багаудин Имагожев, притирщица Лейла Саралиева, наладчик Яхья Экажев, мастер Александр Щеглов, слесари-сборщики Беслан Нальгиев и Соня Льянова и др.

36 человек были награждены высокими правительственными наградами. В 1982 г. в коллективе завода трудились 832 ударника коммунистического труда, 76 процентов рабочих охвачены бригадной формой организации и оплаты труда. Заслуги коллектива были отмечены Почетными грамотами Чечено-Ингушского обкома и Назрановского райкома КПСС, дипломами ВДНХ СССР, различных выставок достижений машиностроения СССР.

После ввода в действие «Электроинструмента» вторым крупным предприятием, построенным в Назрани, стала трикотажная фабрика. Функционирование этих предприятий способствовало изменению статуса Назрани, преобразованной в город 16 октября 1967 г. С вводом в эксплуатацию этих предприятий в городе началось строительство многоэтажных домов. В 1960 – начале 1970-х гг. строились двух- и четырехэтажные дома. Первый пятиэтажный дом в Назрани был возведен только в 1975 г.[8]

Вырос новый район нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности – Карабулак с крупными промышленными предприятиями: нефтепромысловым управлением «Сунжанефть», газобензиновым заводом. перерабатывающим 365 миллионов кубометров газа, нефтепарком и др. Хорошо работали постоянно действующие производственные совещания нефтеуправления «Малгобекнефть». Разведчики нефти открыли новые богатые залежи нефти в мезозойских отложениях, установили промышленную нефтеносность верхнего и нижнего мела на Карабулак-Ачалукской и Заманкульской площадях, выявили месторождения нефти в Малгобек-Вознесенском и Али-Юртовском районах. Такие буровики, как М.А. Хадзиев, Г.М. Малецкий, И.М. Бородацкий были отмечены правительственными наградами ЧИАССР и РСФСР. Известными на всю страну стали имена нефтяников Малгобекнефти – Героев Социалистического труда Ахмеда Лологоева, Марины Паук и Федора Колесникова, почетных нефтяников – Султана Плиева, Петра Селиверстова, Кабира Тайзетдинова, Алексея Левшина и многих других. В начале 60-х гг. более половины всей нефти, добываемой в республике, дали нефтяники «Малгобекнефти». К середине 60-х гг. Чечено-Ингушская АССР по добыче нефти заняла первое место среди всех нефтяных районов Северного Кавказа. Себестоимость тонны нефти снизилась более чем в три раза. В условиях, когда экспорт углеводородного сырья становился все более заметной статьей общесоюзных доходов, возрастало значение разработки нефти в Чечено-Ингушетии для всей страны.

Возвращение ингушей и чеченцев из казахстанской ссылки привело к заметному увеличению естественного прироста населения. Так, если в 1950 г. естественный прирост населения на каждую тысячу человек составил 17,8 человек, то в 1959 г. – 27,8.[9]

Возвращение ингушей из ссылки совпало с небывалым подъемом хозяйственной жизни в СССР, связанным с освоением целины, бурным ростом промышленности, преодолевшей послевоенный упадок, различными кампаниями по нововведениям в области сельского хозяйства. Одной из таких кампании было насаждение кукурузы по всей территории СССР, энтузиастом которого был глава государства Н.С. Хрущев, оставшийся под глубоким впечатлением от посещения плантаций этой сельхозкультуры во время своего визита в США в 1959 г. Разумеется, Северный Кавказ оказался как традиционно сельскохозяйственный регион на передовом крае этой кампании. Для Ингушетии кукуруза давно уже была традиционной культурой. Кукурузный хлеб – чурек был – обычной повседневной едой для ингушского бедняка. И неудивительно, что труженики ингушских районов ЧИАССР взялись за дело с особен-

ным энтузиазмом. Дополнительным мобилизующим и стимулирующим фактором были и те обстоятельства, что народ, почти полтора десятилетия бывший оторванным от своей родины, от ее пашен и полей, теперь получил возможность работать на своей исконной земле, в привычных условиях, с привычными культурами. Поэтому представляется вполне закономерным тот факт, что среди кукурузоводческих бригад республики наибольших результатов добились именно те, которые работали в ингушских районах. Среди лучших кукурузоводов страны на январском (1961 г.) Пленуме ЦК КПСС были названы имена звеньевых кукурузоводческих звеньев – З. Кусиевой из совхоза «40 лет Октября» Назрановского района, председателя колхоза «Победа» Емельянова из Сунженского района и др. Победителями во всесоюзном соревновании кукурузоводов-механизаторов вышли среди других звенья, возглавляемые О. Мальсаговым, Я. Даурбековым, В. Арсамаковым и др. За высокие достижения в сельском хозяйстве высокого звания Героя социалистического труда были удостоены Звеньевой механизированного кукурузоводческого звена совхоза «40 лет Октября» Назрановского района – Багаудин Кодзоев и руководитель механизированного картофелеводческого звена совхоза «Экажевский» Назрановского района – Артаган Албогачиев.

Инициативу проявляли работники животноводства. Особенно большую известность и в республике и за ее пределами получила доярка альтиевской фермы совхоза «Назрановский» Л. Барахоева. Из года в год добивалась она рекордных результатов по надоям. За трудовые успехи Л. Барахоева была награждена высшим трудовым отличием советского времени – званием Героя Социалистического Труда.

Многими наградами, в том числе орденом Ленина, была награждена доярка совхоза «Ингушский» Малгобекского района А.Д. Картоева.

Больших успехов в первые годы после возвращения из ссылки добились и труженики растениеводства Ингушетии. Так Малгобекский и Сунженский районы уже по итогам 1965 г. вошли в список четырех районов ЧИАССР, наиболее успешно справившихся с выполнением планов заготовок пшеницы.

В том же 1965 г. за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства Чечено-Ингушская АССР была награждена орденом Ленина.

В первой половине 70-х гг. успешно развивалось сельское хозяйство республики. Так с 1971 по 1975 гг. производство шерсти в Малгобекском районе выросло на 15 %, Назрановском– на 10 %. За этот же срок производство мяса в этих районах выросло соответственно на 10 % и 30 %, зерна- на 40 % и 30 %.[10]

В Ингушетии увеличилось число образовательных учреждений. Так, в 60-70-е гг. открылись профтехучилища в Назрани, Малгобеке.[11] Если по материалам всесоюзной переписи населения 1959 г. в системе профессионально-технического образования ЧИАССР обучалось 94 ингуша, то к 1970 г. их число увеличилось в 2,5-3 раза.[12] В связи с возвращением ингушей и чеченцев на родину в ЧИАССР в два последующих после восстановления республики десятилетия наблюдался самый большой абсолютный прирост рабочего класса.[13] Характерной чертой стало и возрастание удельного веса женщин в рабочем классе ЧИАССР – с 1970 по 1979 он увеличился с 59, 7 до 67, 2 %. На заводе «Электроинструмент» в Назрани больше половины работающих составляли женщины. Ингушки работали слесарями, токарями, сборщицами, обмотщицами, штамповщицами. Почти все они поступали на завод без специальности, но приобретали рабочие профессии в процессе учебы и работы.[14] Постоянно росло и число женщин среди учащихся. В Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте обучались 1392 девушки, или 56,7 % всех студентов. В педагогическом училище девушки составляли 43,4 %.[15]

Сразу же по возвращении из ссылки начался и рост высшего образования среди ингушей. Так, из числа лиц, поступивших в 1957 г. на различные факультеты педагогического института, многие впоследствии стали известными учеными, в том числе И.А. Дахкильгов, М.А. Кодзоев, А.А. Манкиев, А.О. Мальсагов и др. 6 июня 1972 г. Чечено-Ингушский государственный педагогический институт был преобразован Чечено-ингушский государственный университет. А уже 18 ноября 1979 г. было принято Постановление Совета Министров СССР об открытии в г. Грозном Чечено-Ингушского государственного педагогического института – второго в с 1957 г. в истории восстановленной республики педагогического вуза.

Необходимость работать и кормить семьи вынуждала многих молодых ингушей рано начинать свой трудовой путь. Тем не менее они находили время, желание и силы учиться. Этим и объясняется наличие большого количества заочников среди обучавшихся в вузах ингушей. Так в Грозненском педагогическом училище ЧИАССР из общего числа учащихся (815) 361 (или 44 %) обучался заочно.[16] В то же время, для сравнения, в педучилищах Дагестанской АССР в 1959-1960 гг. учебном году обучались на заочном отделении 375 учащихся (или 14 %.) 7 июня1957 г. был восстановлен Чечено-Ингушский НИИ.[17]

По-прежнему чувствовалась относительная отсталость системы здравоохранения, в первую очередь нехватка медицинских кадров. Так в 1960 г. в Чечено-Ингушской АССР на 10 тыс. населения приходилось 14, 7 врача, тогда как в среднем по РСФСР – 18,6 врача.[18]

Большой импульс получило с возвращением на родину и культурное возрождение ингушей. Народ не забывал, какую мобилизующую роль сыграла интеллигенция в самом процессе реабилитации, пусть и неполной еще, ингушского народа и других репрессированных народов.

По возвращении на родину начался сложный процесс реставрации культурного пространства ЧИАССР. С июля 1957 г. возобновился выход старейшее общенациональной ингушской газеты «Сердало».[19]

Больших успехов добилась в этот период ингушская лексикология. Особенно это относилось к 60-м гг., когда вышли в свет трехъязычные ингушско-чеченско-русский, чеченско-ингушско-русский, русско-чеченско-ингушский словари. Составители этих словарей создали, по существу, базу для дальнейшей целенаправленной словарной работы на более высоком уровне. Развивались творческие союзы. В августе 1957 г. прошла юбилейная выставка художников Чечено-Ингушетии.

12-13 декабря 1957 г. в г. Грозном состоялась первая конференция писателей Чечено-Ингушетии и было объявлено о восстановлении Союза писателей ЧИАССР. А ровно через год, 7-13 декабря 1958 г. ингушские писатели Б. Зязиков и Х.-Б. Муталиев приняли участие в работе Первого учредительного съезда Союза писателей РСФСР. В 1958 г. начал выходить альманах ингушских и чеченских писателей «Дружба». 29 марта 1960 г. Чечено-Ингушский обком КПСС постановил создать редколлегию литературного альманаха «Утро гор» на ингушском языке. В редколлегию нового альманаха вошли известные ингушские писатели Б.Х. Зязиков, Х.С. Осмиев, А.А. Ведзижев.[20] В конце 1958 г. возобновилась работа Чечено-Ингушского государственного драматического театра им. Ханпаши Нурадилова.

Возродилось музейное дело в Ингушетии, история которого, как и история всей ингушской культуры, была насильственно оборвана депортацией в 1944 г. В 1977 г. инициативная группа во главе с Б.А. Чербижевым начала работу по основанию музея боевой и трудовой славы города Малгобека. В 1981 г. учреждению был придан статус народного музея.

А 23 июня 1978 г. постановлением Совета министров Чечено-Ингушской АССР с разрешения Министерства культуры РСФСР от 19 мая 1978 г. в г. Назрани был организован

Назрановский исторический музей на правах филиала республиканского краеведческого музея Чечено-Ингушской АССР. Данное учреждение было образовано во многом благодаря самоотверженной деятельности краеведа-энтузиаста, пламенного патриота Тугана Хаджимоховича Мальсагова, активного участника Великой Отечественной войны, который с 1972 г. собирал материалы об участии уроженцев Ингушетии в борьбе с фашизмом. 31 августа 1990 г. музею было присвоено имя его основателя по решению исполкома Назрановского райсовета народных депутатов.

Интеллигенция продолжала поднимать свой голос в защиту прав ингушского народа и после возвращения из ссылки. Среди общественности, представителей молодежи, особенно студенчества, было немало болеющих душой за свой народ, стремящихся к полному восстановлению справедливости в его отношении. Несмотря на то, что в послесталинский период в СССР относительно смягчился режим, стало возможным упоминание о сталинских репрессиях, на представителей репрессированных народов это послабление не распространялось. Любые попытки поднять публично данную тему заканчивались, как правило, плачевно для их инициаторов. Так в 1963 г. репрессиям подверглись учитель родного языка Иса Кодзоев и студент историко-филологического факультета Чечено-Ингушского педагогического института Али Хашагульгов, рискнувшие написать о сталинских репрессиях. И. Кодзоев написал сборник рассказов «Казахстанский дневник», а А. Хашагульгов – стихи, посвященные депортации 1944 г. В июне 1963 г. они были арестованы органами КГБ ЧИАССР, а осенью того же года Верховный суд ЧИАССР приговорил их к четырем годам лишения свободы за рукописи, нигде не изданные. Они были осуждены на заключение в мордовских лагерях – одних из самых суровых карательных учреждений в СССР. Зам директора школы № 3 г. Назрани Богдан Барахоев, который с 1957 г. участвовал в борьбе за восстановление прав ингушского народа, был членом нескольких ингушских делегаций, выезжавших в Москву, был исключен из партии, поскольку не признавал «ошибки». Бывший первый секретарь Назрановского райкома КПСС А. Газдиев, писатель И. Базоркин и др. были исключены из партии в 1973 г. за то, что подняли проблему бесправия ингушского народа.

На протяжении 60-х гг. ситуация с восстановлением окончательной справедливости в отношении ингушского народа, на которое надеялись не только интеллигенция и национальная элита в целом, но и широкие слои общества, не претерпела существенных изменений. Напротив, усилия по закреплению отторгнутых территорий в составе сопредельной республики продолжились, приобретая все новые и более изощренные формы. Так в 1963 г. тогдашние власти Северной Осетии приняли еще одно решение, дополнительно осложнявшее на будущее справедливое решение территориальной проблемы с Ингушетией – в состав Пригородного района были включены земли правобережья Терека, что нарушало исторические территориальные границы и позволяло руководству Северной Осетии утверждать, что границы Пригородного района теперь изменились и его возвращение невозможно.

Однако ситуация вокруг продолжающегося беззакония вокруг ингушского народа, лишенного трети своих исторических земель, самой колыбели своего этноса в виде Пригородного района и части Владикавказа, не могла оставить равнодушными наиболее образованных и вместе с тем болеющих душой за свой народ людей. Именно по их инициативе в начале 70-х гг. вновь поднимается вопрос о завершении реабилитации ингушского народа. Следствием этого и стали драматические события в Грозном в январе 1973 г.

Еще летом 1972 г. группа представителей ингушской общественности и творческой интеллигенции обратилась с письмом в ЦК. Характерно, что вопрос о реабилитации ин-

гушского народа был поднят в то время, когда страна готовилась отметить 50-летие СССР. 27 ингушских коммунистов отправили письмо «О нарушении ленинской национальной политики КПСС в Чечено-Ингушской АССР». Здесь, в частности, говорилось о дискриминации ингушей в отношении получения образования и высококвалифицированной работы.[21]

В Чечено-Ингушском обкоме КПСС поднялся переполох, и вместо того, чтобы попытаться разобраться в происходящем, первый секретарь обкома партии С.С. Апряткин мобилизовал весь пропагандистский аппарат, представлял ингушский вопрос «нездоровыми проявлениями кучки националистов», «карьеристов» и т.д.

В январе 1973 г. группой авторов, в составе старых коммунистов: писателя И. Базоркина, партийных и государственных деятелей А. Газдиева и С. Плиева, героя войны Д. Картоева, врача А. Куштова было составлено объемное письмо-исследование «О судьбе ингушского народа» на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Они добились, что им было назначено время приема у Л.И. Брежнева, но органами госбезопасности был задержан поезд, на котором они ехали, и делегация не успела к назначенному времени прибыть в Москву.

Административные органы Чечено-Ингушетии работали на предельной мощности, запугивая увольнением с работы, исключением из партии и комсомола лиц, подписавших письмо, требуя отречения от мыслей, высказанных в письме

16 января 1973 г. ингуши стихийно заполнили площадь им. В.И. Ленина в Грозном. В повестке дня был один вопрос – возвращение ингушам отнятой у них Сталиным Родины. Не было ни одного случая хулиганства, нарушения общественного порядка, ни одного националистического поступка.[22] Активисты ингушского национального движения начала 70-х гг. понимали, что их требования о восстановлении исторической справедливости в отношении ингушского народа встретят самое ожесточенное противодействие со стороны различных сил в тогдашнем советском государстве и обществе. Сама же деятельность руководителей митинга могла стать объектом различных провокаций. Это хорошо понимали инициаторы выступления, поскольку многие из них имели самый непосредственный опыт тесного общения с советской карательно-репрессивной системой. Именно поэтому они приложили максимум усилий для того, чтобы исключить возможность использовать характер или настроения митинга в провокационных целях. Для этого было необходимо построить митинг таким образом, чтобы высказывания отдельных ораторов, лозунги, плакаты, которые могли на нем демонстрироваться, не содержали даже намека на какие бы то ни было экстремистские или вообще каким-то образом противоречащие действующему советскому законодательству призывы. В этом плане перед руководителями митинга стояла поистине титаническая задача. Народ, переживший поголовную депортацию, тринадцать лет которой были переполнены страданиями, лишениями, несправедливостью и унижениями, по возвращении из ссылки уже полтора десятилетия не могущий дождаться полной реабилитации, был эмоционально взвинчен. В ситуации, когда людям неожиданно предоставлялась возможность вслух, «на площади» сказать о наболевших проблемах, можно было вполне ожидать, что эмоции возобладают над холодным рассудком, тем более с учетом особенностей предшествующего развития событий, о котором сказано выше. Нельзя, конечно, говорить о существовании сколько-нибудь серьезной антисоветской составляющей в ингушском национальном движении того времени, тем более – среди широких ингушских масс. Исторический образ «красной Ингушетии», излюбленный послереволюционной советской историографией и литературной традицией, преданный забвению в сталинское время и вновь реабилитированный хрущевской оттепелью, был сильно укоренен и в сознании и памяти на-

рода. К тому же после возвращения из депортации возрождающаяся историческая наука репрессированных народов, прежде всего ингушей и чеченцев, основное внимание уделяла как раз периоду гражданской войны. Так, первая научная конференция по истории края, проведенная ЧИ НИИ в июле 1962 г., была посвящена периоду 1860-1940-х гг.[23] Благодаря научным, публицистическим трудам, популяризации темы гражданской войны в ингушской художественной литературе самоощущения ингушей как опоры Советской власти в период ее установления было по прежнему весьма укоренено. Этому способствовало и общее настроение середины 50-60-х гг., которое относило сталинские беззакония к «перегибам» и «нарушениям ленинских принципов». То есть, даже в выступлениях недовольных политикой властей было невозможно найти антисоветских мотивов – они требовали просто вернуться к «ленинским истокам» национальной политики, восстановить все, как было при «ранней советской власти». Этот факт говорит о том, насколько упорную и активную работу вели руководители митинга по недопущению разного рода эксцессов и провокаций, если удалось в итоге не допустить ни одного сколько-нибудь серьезного инцидента такого рода. Другими словами, в условиях, когда именно действующая власть попустительствовала нарушению прав репрессированных народов, на митинге удалось избежать выпадов против этой власти. Это было по-настоящему серьезным успехом лидеров и участников ингушского национального движения, свидетельствовавшим о его гражданской зрелости и высоком чувстве ответственности за свой народ и его судьбу. Организованность и миролюбивость участников митинга были вынуждены признать, хотя и в своеобразной манере, даже сами власти. По их словам, «антиобщественный, националистический характер сборища организаторы их пытались прикрыть демагогическими лозунгами, транспарантами, возложением венков и цветов к памятнику В.И. Ленину, выставлением портретов и т. д.»[24]

Часть из митингующих 16 января в количестве 800 чел. была принята в Доме политпросвещения руководящими работниками обкома. 18 января состоялась новая встреча в здании обкома с представителями митингующих, на которой, как цитировали официальные источники, «была разъяснена необоснованность требований о передаче Пригородного района, а также разъяснено, что поднимаемые вопросы, касающиеся прописки, обучения детей на ингушском языке, будут решены в соответствии с существующим законодательством». Последний пассаж может восприниматься как завуалированное обещание пойти на частичное удовлетворение в будущем некоторых требований митингующих, чтобы предотвратить дальнейшее продолжение митинга и обострение ситуации вплоть до силового столкновения. Недвусмысленным предупреждением о решимости власти не останавливаться и перед таким вариантом разгона митинга, стало заявление, что если «нарушения общественного порядка не прекратятся, то будут приняты меры административного характера.[25]

Неспокойно было и в Назрани. Каждый день перед зданием райкома на главной площади города собирались люди, обменивались новостями. Везде расклеивались листовки с призывом присоединиться к митингующим в Грозном. Поезда через Назрань шли без остановок. Тем не менее, по сообщениям властей было остановлено три поезда дальнего следования. Люди ложились на рельсы и останавливали поезда, чтобы добраться до Грозного. Чтобы доставить в Грозный желающих принять участие в митинге, использовался и государственный, и частный автотранспорт. На три дня была парализована деятельность Назрановский трикотажной фабрики. Около 400 работниц не вышли на работу. Часть из них приняла участие в митинге в Грозном. На территории Ингушетии было усилено военное присутствие. Введены дополнительные войска и бронетехника. В Назрани на территории завода «Электроинструмент», был размещен один полк. В Заводском микрорайоне расположились 13 БТР и машина связи.

Митинг в Грозном был разогнан войсками с применением пожарных машин. Митинг, начавшийся в 10 часов утра 16 января, беспрерывно продолжался до 4 часов утра 19 января 1973 г.

События января 1973 г. стали еще одним испытанием для ингушского народа, прежде всего для наиболее образованной и прогрессивной его части – интеллигенции, которая явилась инициатором широковещательного озвучивания проблем своего народа и соответственно приняла на себя главный удар репрессий, обрушившихся на участников этих гражданских акций. Несмотря на то, что выступление носило исключительно мирный характер, и в ходе него не прозвучало ни одного антиправительственного лозунга или призывов к межнациональной или межконфессиональной розни, репрессии приняли широкий и достаточно жестокий характер. Брежневский режим понимал, что удовлетворение справедливых требований ингушей, тем более выраженных в форме несанкционированного митинга (а санкционированными в тот период в СССР были исключительно массовые мероприятия, организованные по указанию властей) может расшатать во многом базирующееся на сохранении несправедливости и беззаконии сталинского времени советское национально-государственное устройство.

Исходя из этих соображений, было принято Постановление ЦК КПСС «Об антиобщественных националистических проявлениях в г. Грозном», в котором митингу была дана сугубо отрицательная оценка. Осуждению подверглись также инициаторы и авторы обращения к ЦК партии. Были исключены из партии Идрис Базоркин, Султан Плиев, Ахмед Газдиев и др., по ложному обвинению арестован и осужден Джабраил Картоев. На долю Картоева, который в указанных событиях играл роль неформального лидера ингушей, выпало самое суровое наказание. Фронтовой разведчик, кавалер многих боевых орденов, представленный в 1943 г. к званию Героя Советского Союза, бывший крупный партийный и хозяйственный деятель Киргизии и Чечено-Ингушетии, он был весьма влиятельным и авторитетным представителем ингушского народа. Карательная система сделала все для того, чтобы нейтрализовать его, как фактически, так и морально, подорвав его репутацию в обществе. Получив 13 лет тюремного заключения, Джабраил Дабиевич Картоев отсидел из них восемь и был выпущен на свободу в связи со смертельным заболеванием. Через полгода сердце патриота навсегда остановилось. Характерно, что единства в отношении осуждения требований ингушей не было даже в рядах самого Политбюро. Так, председатель Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев 21 января 1973 г. на собрании партактива ЧИАССР обвинил митингующих в национализме, а на требование вернуть исторические земли Ингушетии ответил «ингуши не реабилитированы, а помилованы». В то же время, первый секретарь Чечено-Ингушского обкома С.С. Апряткин в своем выступлении на Политбюро заявил, что было большой ошибкой возвращение спецпереселенцев на прежние места проживания. Это заявление встретило довольно резкие возражения со стороны некоторых членов ЦК, к примеру, Д.А. Кунаева, главы компартии Казахстана. Он в своем ответе на выступление С.С. Апряткина подчеркнул, что «ингуши и чеченцы не по своей воле оказались в республиках Средней Азии и в Казахстане». Д.А. Кунаев также заявил, что по опыту своей работе с ингушами и чеченцами знает их, как энергичных, не сломленных духом, трудолюбивых людей, а Апряткин не умеет находить общий язык с людьми и ему «пора отдыхать».[26]

В 1973 г. С.С. Апряткин. был освобожден от должности первого секретаря чечено-ингушского обкома КПСС. Его сменил А.В. Власов, который несколько облегчил положение ингушей в республике и не дал спровоцировать осетино-ингушский конфликт в 1979 г., когда отмечалось 100-летие Сталина.

Обстановка вокруг проблемы ингушского населения в СОАССР обострилась в октябре 1981 г., когда в Северной Осетии поднялась антиингушская истерия, и 17 октября была спро-

воцирована волна ингушских погромов. Антиингушские националистические выступления в Северной Осетии под лозунгом «Долой ингушей» сопровождались массовыми актами насилия над мирным ингушским населением и массовыми погромами.

Только вмешательство сил правопорядка и войсковых частей смогло предотвратить тогда этническую чистку ингушей в Северной Осетии. В ходе усмирения этого бунта было ранено более 200 солдат и офицеров войск МВД и армии.[27] Это не означало, что власти государства осознали или тем более признали несправедливость и ошибочность своей политики и политики своих предшественников в отношении Ингушетии и ингушей как народа.

Более того, можно проследить прямую взаимосвязь между событиями 1973 г. в Грозном и 1981 г. в Орджоникидзе. Руководство СССР, которое в 1973 г. жестоко расправилось с мирными выступлениями ингушей в Грозном, тем самым подготовило психологическую почву для событий 1981 г. Организаторы этой акции, требуя изгнания ингушей из СОАССР, возможно, вспоминали высказывания высших партийных иерархов из Москвы, которые повторили в январе 1973 г. обывательские разглагольствования о «верности» решения сталинского режима по высылке ингушей и чеченцев в Казахстан. Однако события в Орджоникидзе начали перерастать уже в антисоветские, а не просто антиингушские вступления. Был осквернен даже памятник Ленину в центре Орджоникидзе. Советское руководство не могло позволить себе традиционно снисходительно отнестись к событиям в Орджоникидзе, в ходе которых открыто оглашались как антиингушские лозунги, подпадающие под статью УК о разжигании межнациональной розни, так и высказывания и призывы против существующего государственного строя в СССР.

Как бы в подарок организаторам антигосударственных выступлений в Северной Осетии, Совет Министров СССР издал Постановление № 183 от 5 марта 1982 года «Об ограничении прописки граждан прибывших в Пригородный район на постоянное местожительство». Постановление было инспирировано националистическим руководством СОАССР и направлено против ингушей.

Таким образом, несмотря на восстановление ЧИАССР в 1957 г. и возвращение подавляющего большинства ингушского народа из депортации на родину нельзя сказать, что были решены проблемы, порожденные депортацией. Оставалось очень тяжелым социально-экономическое положение ингушских районов Чечено-Ингушетии, серьезные проблемы имелись в развитии образования, здравоохранения и т.д. Наконец, незаживающей раной была утрата собственной государственности и незавершенность территориальной реабилитации. С этим тяжелым наследием Ингушетия вступила в период бурных перемен в жизни всего советского общества, который настал в середине 80-х гг. с началом перестройки.

2. Общественно-политическое развитие Ингушетии в середине 1980-х – 1992 гг.

Ингушетия подошла к началу второй половины XX века с тяжелым грузом нерешенных проблем, оставшихся в наследство от предыдущих десятилетий.

Первым следует назвать отсутствие собственной национальной государственности, ликвидированной еще в 1934 г. путем включения Ингушетии в состав Чечено-Ингушской АО. Утрата административного, промышленного, культурного и образовательного, наконец, исторического центра Ингушетии – г. Владикавказа отбросило ее из разряда наиболее успешно и динамично развивавшихся в 20-е гг. областей Северного Кавказа в категорию третьесортного аграрного региона с практически полным отсутствием промышленного потенциала. И даже открытие Малгобекских нефтяных месторождений и складывание в 30-е

гг. мощного района нефтедобычи и нефтепереработки в Малгобеке не внесли коренного изменения в состояние дел в этой сфере. Депортацию 1944 г. Ингушетия встретила как аграрно-нефтяное «приложение» в составе общей Чечено-Ингушской АССР.

После возвращения из ссылки эта ситуация изменилась мало. В 1989 г. Чечено-Ингушетия занимала последнее – 73-е – место в РСФСР по строительству и вводу жилья, больниц, школ и дошкольных учреждений. Зато в республике каждый год умирали от онкологических заболеваний 2 тыс. чел., она занимала первое место по туберкулезу и детской смертности. Из 137 заводов республики, 60 являлись экологических вредными, прежде всего связанные с нефтехимическим производством.[28]

Хотя в 60-е гг. были предприняты некоторые шаги к изменению положения дел в Ингушетии, вылившиеся в создание двух предприятий – завода «Электроинструмент» и Назрановской трикотажной фабрики, а также придание Назрани статуса города в 1967 г., промышленное развитие, равно как и развитие городской инфраструктуры в ингушских районах ЧИАССР, оставляло желать много лучшего.

Малгобекская нефть, которая безжалостно выкачивалась с момента открытия месторождений в 30-е гг., и добыча которой достигла особенно крупных масштабов в годы войны, по-прежнему составляла основу промышленного потенциала Ингушетии. Однако непрерывная эксплуатация месторождений вела к быстрому их истощению, первые признаки которого начали вырисовываться уже в 70-е годы. Бездумная добыча нефти вела не только к быстрому иссяканию ее запасов. Сама Ингушетия не получала практически никакой реальной выгоды от выкачивания ее нефтяных богатств. В отличие от предприятий нефтедобычи перерабатывающая промышленность в Малгобекском районе должного развития не получала, тем более такого развития, как в Грозненском нефтеносном районе. Между тем, создание развитой инфраструктуры нефтепереработки не только объективно усилило бы промышленный потенциал Ингушетии, но и позволило бы значительно сократить количество незанятого населения в этой части Ингушетии. Однако многие представители взрослой, экономически наиболее активной части населения продолжали, ввиду нехватки рабочих мест в самой республике, выезжать на заработки в качестве разнорабочих, строителей-сезонников и т. д. за ее пределы. Более того – эксплуатация нефтезалежей, в силу ее непродуманного характера привела фактически к экологическому бедствию в значительной части Малгобекского района, проявления которого стали очевидны в 80-е годы. Как следствие непродуманного выкачивания нефти и нарушения правил техники эксплуатации месторождений в погоне за выполнением и перевыполнением планов, в предшествующие годы образовались многочисленные подземные пустоты, в том числе и в плотно заселенных районах. В итоге во второй половине 80-х гг. большой масштаб приобрели оползневые явления в целом ряде населенных пунктов Малгобекского района (часть непосредственно г. Малгобека – 36-й участок, Картофельный участок, Бековичи, сел Верхние, Средние и Нижние Ачалуки). Многие семьи лишились крова, и были вынуждены начать отселение на новое место жительства. Как результат этого отселения в Малгобекском районе возник новый населенный пункт Зязиков-Юрт, а территория самого района надолго стала зоной вялотекущего экологического бедствия. Таким образом, на плечи и без того скудного бюджета Ингушетии легла забота о многочисленном населении, оказавшемся в оползневой зоне.

Численность собственно ингушей по переписи 1989 г. составляла 215 068 человек, из них на территории своего национального образования жило 163 762 человек.[29] Массовая безработица являлась еще одним, пожалуй главным, бичом ингушской социально-экономической жизни кануна перестройки. Это нехотя признавалось даже советской си-

стемой, привыкшей исключительно к бравурным реляциям о «неуклонно повышающемся уровне благосостояния советского человека». Так 31 марта 1986 г. принимается постановлением ЦК КПСС «О привлечении к общественно-полезному труду незанятой части трудоспособного населения в союзных автономных республиках Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа». В постановлении по Северному Кавказу была отмечена при этом только Чечено-Ингушетия, где уровень безработицы, согласно официальной статистики, составлял 28 % (фактически – гораздо выше). При этом на протяжении перестроечного периода ситуация в данной области мало изменялась к лучшему. Дважды, в 1987 и 1989 гг., секретариат ЦК КПСС отмечал неудовлетворительное выполнение Постановления ЦК КПСС. По-прежнему оставляло желать лучшего положение с образованием и особенно с здравоохранением. В условиях, когда количество детей в средней ингушской семье составляло не менее 5, школ не хватало. Подавляющее большинство их вело занятия в две смены, а в некоторых – в три, а иногда – даже в четыре. Практически все школы, как в селах, так и в городах (Назрани и Малгобеке) не имели оборудованных спортзалов, кабинетов, лингафонных кабинетов и т. д. В Чечено-Ингушетии не было ни одного ингушского ВУЗа (института или тем более университета). Организация культурно-досуговой сферы также была слабой. Крайне немногочисленные музеи (например, филиал Чечено-Ингушского краеведческого музея в Назрани, основанный энтузиастом-краеведом Т. Мальсаговым) влачили жалкое существование, не располагая сколько-нибудь серьезными средствами для развертывания солидных экспозиций. В ингушских районах не было ни одного театра или кинозала. Большая часть ингушской научной и культурной интеллигенции была сосредоточена в городах Грозном и Орджоникидзе.

Еще более неблагополучно было положение с медицинским обеспечением. Районные больницы в Назрани, Малгобеке и Орджоникидзевской не отвечали современным требованиям технического оснащения. В период 60-х – первой половины 80-х годов эти учреждения здравоохранения еще поддерживались на каком-то приемлемом уровне за счет существования в стране четкой и централизованной системы снабжения и обеспечения самым необходимым оборудованием и медикаментами. Однако с началом перестройки и возникновением ситуации общегосударственного кризиса в конце 80-х гг., нарушившего связи между центром и регионами, сверхцентрализованное советское здравоохранение оказалось в особенно плачевном состоянии. В таких неблагополучных в этом смысле регионах, как Ингушетия, это проявилось с особенной силой.

Безработица в ингушских районах имела самый высокий уровень по всему Северному Кавказу. Нехватка рабочих мест внутри Ингушетии, отсутствие в ней вузов, где молодежь могла бы получить квалифицированное образование, вызывали отток активной части населения в центральные районы страны на заработки и учебу. При этом, в силу того, что многодетным и малоимущим в массе своей ингушским семьям было зачастую трудно обеспечивать из дому детей-студентов, обучающихся в других городах и регионах, то число работающих (причем очень часто – на самых тяжелых и неквалифицированных работах) среди уехавших намного превышало число учащихся. Все это тормозило образовательное развитие всего ингушского общества, в котором несмотря на всю традиционную тягу ингушей к учебе, сохранявшуюся даже в суровые годы казахстанской ссылки, количество людей с высшим и особенно послевузовским образованием росло крайне медленно.

Уровень жизни и материальное благосостояние ингушской семьи также отставало, и весьма существенно от среднего уровня РСФСР. Многие семьи жили за счет натурального хозяйства – разведения мелкого и крупного рогатого скота, выращивания в подсобных хозяйствах различных огородных сельскохозяйственных культур. Пищевой рацион, особен-

но в сельских районах, во многом формировался за счет продуктов натурального хозяйства (кукурузной муки, картофеля, молочных продуктов). Потребление свежих фруктов и овощей, за исключением летнего периода, было крайне низким. В связи с нехваткой витаминов в сочетании с проблемами здравоохранения детская заболеваемость и смертность были выше, чем по стране. Неудовлетворительное состояние здравоохранения, низкий уровень жизни, плохое питание в ингушских семьях, особенно в деревнях, сыграли свою роль в слабом приросте населения, несмотря на высокую рождаемость. Высокая детская и общая смертность в целом привели к тому, что несмотря на высокие темпы естественного прироста населения, по данным переписи 1979 г., количество ингушей составило всего 279 тыс. человек. Безусловно, определенную роль сыграло в этом и тяжелое наследие депортации 1944 г. Эти события стали не только физическим и морально-психологическим ударом по ингушскому народу, но и имели тяжелые демографические последствия. Тяготы, перенесенные родителями в депортации, неизбежно отражались на здоровье детей, родившихся как в Казахстане, так и после возвращения на родину в конце 50-х – начале 60-х гг. Условия жизни по возвращении также не способствовали быстрому изживанию последствий потрясений, обрушившихся на ингушский народ в первой половине – середине XX-го столетия. Таким образом, можно констатировать, что к 80-м гг. оставалось очень сложным общее социально-экономическое и культурно-образовательное положение в Ингушетии.

Тем не менее проблемы реабилитации по-прежнему были актуальными для всего ингушского общества и их не могли заслонить даже трудные условия социально-экономической жизни. На протяжении всех лет, отделявших возвращение из депортации от начала перестройки, эта закономерность была равнодействующей.

Характер ингушского общества к моменту начала перестройки изменился мало. Оно по-прежнему представляло собой более закрытую и консервативную по сравнению с другими этническими общностями Северного Кавказа социальную формацию. Тейповый характер общества хотя и не носил столь ярко выраженного, основополагающего характера, как прежде, тем не менее оставался весьма заметным, а в некоторых областях и определяющим. Несомненно, что здесь опять же сыграло значительную роль наследие депортации 1944 г. и пребывания в ссылке, когда суровые условия и общественного, и экономического существования вынуждали законсервировать тейповую структуру, а в некоторых моментах – даже возродить уже отходившие в прошлое ее элементы. Тогда это было необходимо для выживания народа и сыграло важную роль в недопущении растворения его ядра и утраты этнического лица. Однако и по возвращении прикладная ценность такой практики не сошла на нет. Вопросы выживания и сохранения народа после 1957 г., хотя и не стояли так остро, как в предшествующие 13 лет, но нерешенность многих проблем, вытекавших из незавершенности процесса реабилитации, не могла не формировать соответствующие настроения в обществе, для которого окружающая социальная среда по-прежнему оставалась если не враждебной, то по меньшей мере недружественной. Препятствия, чинимые представителями местных властей ингушам, возвращающимся на места исконного проживания, общее негативное отношение по отношению к «помилованным» спецпереселенцам, не располагали к тому, чтобы в корне пересматривать защитные механизмы в виде консервации прежней общественной структуры, к которой прибегли вынужденно во время депортации. Дополнительным фактором, способствовавшим определенной консервации отношений в ингушской среде, служили сложные социально-экономические условия, в которых сразу по возвращении, да и после, приходилось существовать значительной массе ингушей. Необходимость вырастить и поставить на ноги многочисленных детей,

зависимость многих семей от помощи родственников в условиях, когда работающая на престижных и высокооплачиваемых работах часть населения составляла меньшинство, повышала ценность родственных связей, взаимовыручки и взаимопомощи. Слабое развитие производства, нехватка рабочих мест и учебных заведений делали такую ситуацию устойчиво воспроизводящей себя саму на всем протяжении 60-80-х гг.

Еще одним фактором было отношение союзных, российских властей к проблемам Ингушетии. В условиях, когда время шло, а отношение к вопросам, особенно сильно беспокоившим все ингушское общество, оставалось прежним, нарастали разочарование и неверие в способность, а главное – желание по-настоящему решать эти проблемы. Общество, сознававшее отношение к себе центральной власти в сверхцентрализованном, хотя и федеративном номинально по Конституции государстве, как к не совсем благонадежной части всего советского народа (а как иначе могло восприниматься расхожее обвинение в предательстве, которое к тому же еще «не до конца прощено и искуплено»), не могло до конца интегрироваться в общество, насаждаемое таким государством. При этом нельзя утверждать, что сами ингуши стремились к сохранению такой ситуации. У большинства ингушей, особенно молодежи, было ярко выражено стремление к интеграции в учебную, производственную и другие сферы наравне с представителями других народов страны.

Уроженцы Ингушетии достойно служили в рядах Вооруженных Сил, причем по иронии судьбы представители «неблагонадежного народа» направлялись для прохождения службы по негласной традиции, возникшей в Советской Армии, на самые ответственные участки – в группы советских войск, расквартированные за рубежом (Северную – в Польше, Центральную – в Чехословакии, Южную – в Венгрии и, особенно, Западную – в ГДР) и размещенные на линии соприкосновения с потенциальным противником – странами НАТО. Делалось это в связи с тем фактом, что из числа военнослужащих-ингушей, как и некоторых других народов Северного Кавказа, практически не было перебежчиков «на ту сторону». Аналогичная тенденция выявилась и во время войны в Афганистане в 1979-1989 гг. Значительный процент военнослужащих, призванных из ЧИАССР, отправлялся в это центральноазиатское государство, причем среди них не было зарегистрировано ни одного случая сдачи в плен или перехода на сторону врага.

Итак, никакой тенденции к самоизоляционизму в ингушском обществе в конце 80-х гг. не наблюдалось. Скорее само советское общество по инерции сталинских времен, которая несмотря на все перемены, произошедшие за последующие десятилетия, была, особенно в сознании старшего поколения, очень сильна, отгораживалось от ингушского этноса и других репрессированных в свое время народов незримой стеной отчуждения, более или менее заметного в тех или иных сферах общественной жизни.

Соответственно, когда весь народ в целом сталкивался с такими явлениями, как реакция власти на мирный митинг 1973 г. в виде репрессий и гонений против его инициаторов, участников, всех, кто был с ними связан с попутной реанимацией обвинений в предательстве и неблагонадежности, исходящими из уст высших партийных чиновников союзного уровня, оборонное сознание с основной установкой «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» не могло не включаться с новой силой.

Наступление бурных общественно-политических перемен в СССР в 1985 г. ингушское общество, как и весь Советский Союз, встретило с большими надеждами и ожиданиями. В первые годы перестройки эти надежды в основном связывались с улучшением положения в социально-экономической области. Однако по мере нарастания процесса десталинизации в советском обществе в ингушской среде начали расти и крепнуть настроения необходимости активизации борьбы за права ингушского народа, попранные в годы

сталинщины и не восстановленные даже в период половинчатой реабилитации в период хрущевской «оттепели». В этот же период активизировалось в целом общественное движение Ингушетии.

Ингушское национальное движение ставило перед собой две основные задачи. Во-первых, восстановление ингушской государственности в рамках Ингушской автономной области или республики, и, во-вторых, ликвидацию последствий сталинской депортации 1944 г., полную правовую, территориальную, и другую реабилитацию ингушского народа.

Одной из главных особенностей этого движения было то, что оно являлось неоднородным по своему социальному составу. Если в прежние годы в основном в его ряды вступали представители научной и творческой интеллигенции, то с наступлением перестройки оно стало гораздо шире. К нему подключилась наиболее передовая часть национальной интеллигенции, учащейся молодежи, возрождающееся духовенство.

Особенностью национального движения конца 80-х-начала 90-х гг. явилось то, что оно «вышло из подполья», стало легальным благодаря политике политического плюрализма и гласности, ставшей официальным внутриполитическим курсом Советского государства в этот период. Это сделало возможным небывалое прежде явление – участие в работе общественных организаций, борющихся за национальное возрождение, партийных и комсомольских активистов, советских работников ингушских районов ЧИАССР. Таким образом, в общественном движении данного периода отмечался максимальный национальный консенсус, небывалый с начала века. Следовательно, одной из главных особенностей этого движения в данный период являлась его практическая всеохватность, то, что оно проникло во все слои ингушского общества.

Другой особенностью можно считать его массовость. Митинги и массовые акции, устраиваемые активистами национального движения в 1988-1991 гг., собирали временами десятки тысяч человек, что для народа, насчитывавшего в то время свыше 300 тыс., являлось очень большой цифрой. Так, например, общеингушский митинг в Назрани в марте 1990 г. (причиной его созыва стала статья журналистов Грачева и Халина в газете «Правда» под заголовком «Кунаки всегда поладят», тенденциозно преподносившая суть требований ингушей по вопросу территориальной реабилитации) собрал, по некоторым оценкам, до 100 тыс. чел., т. е. действительно все тогдашнее взрослое население ингушских районов ЧИАССР.

В середине 80-х гг. ингушское общество, как и вся советская страна, вступило в новый, важнейший этап исторического развития, который ознаменовался началом перестройки и демократизации после прихода к власти М.С. Горбачева.

К 1985 г. СССР вступил в полосу глубокого экономического и общественно-политического кризиса. Неэффективная и все более отстающая от мировых лидеров экономика не могла развиваться динамично вследствие господства командно-бюрократической системы, реформирование которой стало вопросом, давно и очевидно назревшим. Гонка вооружений с США и Западом забирала львиную долю расходов и так неблагополучной экономики. Дополнительным грузом ложилось поддержание экономической стабильности в многочисленных странах социалистического лагеря. Тяжелым испытанием и для общественного, и для экономического состояния страны стала продолжавшаяся с 1979 г. война в Афганистане.

Провозглашение в 1987 г. политики гласности как одного из неотъемлемых элементов перестройки способствовало оживлению интереса в обществе ко многим замалчивавшимся ранее и находившимся в общественном сознании под негласным табу историческим темам, особенно к таким, которые относились к недавнему прошлому советского общества. Актуальным становится тема реабилитации жертв сталинизма. Процесс, начавшийся в

1987 – начале 1988 гг. с реабилитации ряда высокопоставленных деятелей самой большевистской партии, ставших самыми именитыми жертвами сталинской репрессивной машины в 30-е гг. (таких как И. Рыков, Н. Бухарин и др.), стала набирать силу и распространяться и на темы реабилитации простых людей, миллионами попадавших в жернова сталинско-бериевской репрессивной системы. Разумеется, не могла эта тенденция обойти и вопросы реабилитации репрессированных народов. Процесс этот на конец 80-х гг. по-прежнему оставался незавершенным.

В мае 1988 г. была создана Инициативная группа в поддержку перестройки «Нийсхо» (Справедливость), которая впоследствии (в декабре 1989 г.) преобразовалась в Демократическую партию «Нийсхо» (председатель Иса Кодзоев).

В октябре 1988 г. протесты ингушей против дискриминации вылились в обращение ингушского народа к руководителям ЦК КПСС и Советского правительства. 24 октября 1988 г. в ЦК КПСС было передано Обращение ингушского народа с просьбой о восстановлении ингушской автономии, под которым подписались 8 тыс. чел. С этим письмом делегация ингушей ездила в Москву, где пыталась ознакомить с ним высших партийных и советских руководителей. В январе 1989 г. в Назрани было образовано культурно-историческое общество «Даькъасте» («Отчизна») (председатель Малика Местоева). Важным этапом политической мобилизации ингушей стали митинги в Назрани и в селах Пригородного района в феврале 1989 г. в связи с 45-летием депортации.

В конце марта 1989 г. инициативная группа «Нийсхо» начала сбор подписей под обращением «За Ингушскую АССР». 13 апреля 1989 г. в Верховный Совет СССР, ЦК КПСС и Советское правительство было передано Обращение ингушского народа с требованием создать Ингушскую республику с административным центром в г. Орджоникидзе (Владикавказе), с объединением всех исторически сложившихся ингушских территорий, под которым подписалось 51 212 человек.

В декларации об образовании «Нийсхо» прямо указывалось, что большая часть территории, на которой до 1944 г. проживали ингуши, отторгнута в пользу Северной Осетии и перед «Нийсхо» ставилась цель восстановления мирным путем Ингушской автономии в ее исторических границах. Инициативная группа «Нийсхо» требовала возвращения земель, основываясь при этом на советских и российских законах, но никаких вооруженных формирований не имела.

В сентябре 1989 г. в Грозном состоялся II Съезд ингушского народа. На нем вновь были озвучены идеи о необходимости скорейшего восстановления ингушской государственности. Вместе с тем было отмечено, что «некоторые ответственные лица упорно высказываются о неоправданности восстановления ингушской автономии, поскольку на территории западных районов ЧИАССР, где преимущественно проживают ингуши, нет соответствующего потенциала, способного обеспечить экономическую самостоятельность будущей республики и соответствующий жизненный уровень ее населения».[30] На съезде ингушского народа был образован Оргкомитет по восстановлению Ингушской автономии (председатель Иса Кодзоев, с декабря 1989 г. – Бексултан Сейнароев).

На третьем съезде ингушского народа, состоявшемся в г. Грозном в октябре 1991 г., для решения в общенациональном масштабе вопроса о спорных территориях мирным парламентским путем был образован Народный Совет Ингушетии (НСИ), возглавляемый Президиумом. Территориальные организации НСИ имелись и в Пригородном районе. Председателем НСИ стал доктор юридических наук Б.М. Сейнароев.

6-14 марта 1990 г. в Назрани прошел стотысячный митинг, на котором вновь была подтверждена воля народа. Инициатором митинга явилось культурно-историческое общество

Митинг ингушского народа 1990 г. в г. Назрани

«Даькъасте». Заявление в Назрановский райисполком с просьбой о санкционировании митинга подписали члены КИО «Даькъасте» М. Газдиев, М. Газгиреев, М. Балаев, С. Дударов, М. Евлоев, Н. Кодзоев, А. Мальсагов, Р. Сагов, У. Султыгов, В. Хамхоев, М. Яндиев, З. Яндиев.

«Поводом к митингу стала провокационная статья в газете «Правда» от 5 марта 1990 г. «Кунаки всегда поладят». Главным партийным органом печати было продолжено искажение сути требований ингушского народа. Причина, по которой люди собрались в Назрани, была в другом – в том, что на протяжении более года центральные власти делали вид, что не существует ингушского вопроса. Помимо уже упомянутого обращения в верховные органы власти СССР, подписанного более чем 50 тысячами ингушей, в мае-июне 1989 г. делали депутатские запросы народные депутаты СССР М. Дарсигов и Х. Фаргиев. Документы Второго съезда ингушского народа в Грозном также были переданы в центральные органы власти, как государственные, так и партийные. Кроме того, ингуши тысячами посылали частные и коллективные письма и обращения с просьбой справедливо решить вопрос о восстановлении ингушской автономии, с возвращением отторгнутых в 1944 г. территорий. Вместо ответа в самых разных органах печати стали появляться материалы, искажающие суть требований ингушского народа. Восемь суток стоял народ на площади, получившей в результате митинга название Площадь Согласия (Барт-ЦхьоагIон Майда), требуя определить конкретные сроки решения ингушского вопроса, восстановить историческую справедливость. Со всех концов Советского Союза на митинг прибыли представители ингушских диаспор СССР».[31] Были получены телеграммы поддержки из самых разных мест, выражающие поддержку требованиям митинга. Волна митингов в поддержку справедливых требований собравшихся в Назрани прокатилась по Чечне и другим регионам Кавказа.

В резолюции митинга от 12 марта 1990 г., направленной в ЦК КПСС, Верховный Совет СССР, Совет министров СССР и РСФСР говорилось: «100 тысяч ингушей, собравшиеся для обсуждения проблем национального возрождения ингушского народа, седьмые сутки продолжая требовать демократическим путем восстановления своей государственности, решают:

«1. Объявить общенациональную трехдневную предупредительную забастовку ингушского народа.

2. При отказе удовлетворить указанные требования или при отсутствии приемлемого для ингушского народа соглашения продолжить общенациональную забастовку.

3. Добиваться привлечении внимания мировой общественности к проблеем ингушского народа».[32]

13 марта на третьем заседании внеочередного третьего Съезда народных депутатов СССР депутат С. Хаджиев затронул в своем выступлении происходящие в Ингушетии

события. В ответ на его выступление председательствующий на заседании М.С. Горбачев предложил создать комиссию Совета национальностей ВС СССР для изучения ситуации на месте, чтобы затем внести предложения в ВС СССР.

Большинство членов координационного совета митинга решили, что митинг достиг своей цели и предложил собравшимся разойтись. Организаторы митинга, члены КИО «Даькъасте», выступили против решения координационного совета о прекращении митинга, считая, что митинг не достиг своей цели – определения конкретных сроков решения ингушского вопроса. Но при голосовании большинство митингующих выступили за прекращение митинга, что и было сделано 14 марта.

В результате прекращения митинга вопрос создания комиссии был несколько затянут. К тому же М.С. Горбачев предложил создать комиссию для изучения вопроса на месте, «чтобы внести предложения в ВС СССР» т. е. комиссия незамедлительно должна была выехать в Ингушетию и изучить ситуацию на месте, доложить выводы на третьей сессии ВС СССР.[33]

По мере усиления требований ингушской стороны о восстановлении справедливости в отношении ингушского народа в Северной Осетии государственными и общественными структурами, различными неформальными организациями делалось все возможное для того, чтобы Пригородный район оставался в составе СОАССР, как отмечает заключение Генпрокуратуры РФ, в некоторых случаях и с нарушением законодательства РФ. Так в резолюции митинга, состоявшегося в г. Владикавказе 7 апреля 1990 г. указывалось: «Сознавая всю опасность создавшегося положения,.. вызванного территориальными претензиями неформальных объединений ингушей на Пригородный район и правобережную часть г. Орджоникидзе… участники интернационального митинга трудящихся Северной Осетии считают необходимым заявить:

Митинг ингушского народа 6-14 марта 1990 г. в Назрани

1. В соответствии с положениями Конституций СССР и СО АССР… и с учетом волеизъявления абсолютного большинства граждан СО АССР территория последней является неприкосновенной и не может быть изменена ни под каким предлогом».[34]

Аналогичной позиции придерживались все государственные структуры Северной Осетии и руководство Республики.

14 сентября 1990 г. Президиумом ВС СОАССР было принято постановление «Об общественно-политической ситуации в республике». Пунктом 3 этого постановления был запрет (мораторий) на прописку и продажу домов приезжающим в республику гражданам. 23 сентября 1990 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СОАССР «О временном ограничении механического прироста населения на территории СОАССР». Указанные законодательные акты противоречили действующему законодательству и являлись препятствием для возвращения граждан в места прежнего проживания. Ингушское население обоснованно восприняло эти шаги как ущемление своих прав.

Если говорить о причинах и механизмах развития ингушского национального движения в период конца 80-х – начала 90-х гг., то необходимо отметить, что истоки и корни этого движения происходили из трагической истории ингушского народа в предшествующее столетие, из нерешенного груза проблем и противоречий, которыми было отягощено ингушское общество на момент вступления всей страны в период ее истории, названный перестройкой. Другими словами, истоки и движущие силы национального движения не были чем-то привнесенным извне. Они развивались на ингушской почве за счет эксплуатации проблем, действительно стоящих перед ингушским народом и обществом в этот непростой период. И то, что столь организованным и мощным это движение стало именно в данный период, не значит, что ранее не было причин или почвы для его развития. Достаточно вспомнить события 1957 или 1973 гг. для того, чтобы убедиться, что это совсем не так. Но именно в момент начала перестроечных процессов СССР, всколыхнувших все советское общество, долгое время находившееся в состоянии стагнации, искусственной консервации, в том числе и консервации проблем, на волне энтузиазма и духовного подъема, охватившего страну, громкое озвучивание проблем, стоящих перед репрессированными народами было более чем объяснимым. И неслучайно борьба за реабилитацию репрессированных народов стала одной из самых заметных и важных вех перестроечного процесса в целом.

13 августа 1990 г. вышел указ Президента СССР М.С. Горбачева «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х гг.».

16 октября 1990 г. на заседании Совета национальностей Верховного Совета СССР обсуждалась проблема восстановления автономии ингушского народа. Комиссия заключила, что требования ингушского народа о возвращении Пригородного района и части Малгобекского района обоснованы. Работа комиссии Совета национальностей была одобрена на заседании комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного совета СССР. Заключение комиссии на 23 страницах было 28 декабря 1990 г. направлено в Верховный совет РСФСР для приятия соответствующего решения. В выводах комиссии говорилось: «Требования ингушского населения о возвращении ЧИАССР Пригородного района в его границах до 1944 г. и других территорий, входивших состав Чечено-ингушской АССР, имеют основания».

Если же обратиться к роли и месту ингушского общественного движения за восстановление попранных прав народа в советской и российской внутренней политике конца 80-х – начала 90-х гг., то становится ясно, что и в этом плане роль и значение процессов, происходивших вокруг проблемы репрессированных народов, и конкретно вокруг ингуш-

ского народа, нельзя недооценивать. В некоторых, в том числе и ключевых, моментах новейшей российской истории, влияние это становилось даже определяющим. Так, например, произошло в мае 1990 г. во время выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, когда позиция ингушских и чеченских депутатов Верховного Совета привела к победе Б.Н. Ельцина, что вне всякого сомнения оказало если не решающее, то в любом случае огромное воздействие на дальнейшую судьбу как Советского Союза, так и России.[35]

27 ноября 1990 г. внеочередная сессия Верховного Совета Чечено-Ингушской республики приняла декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики. Статья 17 Декларации подтверждала право ингушей на восстановление своей автономии. Представители общественных движений, руководство Малгобекского, Назрановского, Сунженского районов Ингушетии выразили свое несогласие с той частью декларации, которая предусматривала выход Чечено-Ингушетии из состава России.

Что касается советской и российской элиты, как партийно-бюрократической, так и радикально-демократической, то, к сожалению, следует признать, что в массе своей ее представители были далеки от понимания и тем более искреннего сочувствия репрессированным народам. Они умело использовали правозащитную риторику в период борьбы за власть, но не предприняли реальных шагов для выполнения принятых в период перестройки исторических актов, объявлявших сталинские депортации незаконными и требовавших ликвидации всех их последствий.

Характерно в этой связи, что вопросы реабилитации, сами по себе связанные с одним из самых болезненных вопросов в истории ингушского народа, на всем протяжении мирной борьбы ингушей за восстановление своей национальной государственности не сопровождались каким-либо насильственными действиями, экстремизмом и сепаратизмом. Ингушское национальное движение с самого начала рассматривало свою борьбу за восстановление национальных прав и попранной справедливости исключительно как мирный, конституционный процесс. Именно исходя из этих соображений, активисты национального движения в конце 80-х – начале 90-х гг. настаивали на официальном признании незаконными и преступными всех репрессивных актов в отношении, как ингушского народа, так и всех других народов СССР, подвергшихся депортациям и иным формам коллективных репрессий в период 30-40-х гг. и законодательном признании их прав на полную и всеобъемлющую реабилитацию. Депутаты от ингушских районов ЧИАССР Хамзат Фаргиев, Муса Дарсигов впервые подняли вопрос о реабилитации ингушского народа с трибуны всесоюзного съезда народных депутатов в 1989 г. На съездах народных депутатов и в Верховном Совете РСФСР активную работу по отстаиванию законных прав и интересов ингушского народа проводили депутаты Бембулат Богатырев и Ибрагим Костоев. Во многом благодаря усилиям депутатов от Ингушетии, активистов общественного движения за восстановление ингушской национальной государственности стало возможным принятие таких исторических актов, как Декларации ВС СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против целых народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав» от 14 ноября 1989 г. и Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г.

Между тем, ингушский вопрос становился чем дальше, тем сильнее втянут в общую систему политических взаимоотношений между союзным и российским центром. Особую остроту и значимость в этих условиях приобрела предвыборная кампания по выборам Президента РСФСР. В марте 1991 г. Б.Н. Ельцин, считавшийся кандидатом от демократических сил, посетил Северный Кавказ. В своих выступлениях в Назрани и Владикавказе он дал фактически взаимоисключающие обещания собравшимся на митинги ингушам и

Выступление Б.И. Ельцина на митинге в Назрани 24 марта 1991 г.

осетинам касательно проблем реабилитации репрессированных народов.

В данный период резко обострилась внутриполитическая ситуация в СССР. Рост напряженности в стране, связанный с экономическим кризисом, усиливающимися межнациональными конфликтами, накладывался на усиливавшееся противостояние центра и республик, грозившее привести к развалу страны. При этом все более теряющее контроль над ситуацией союзное правительство предпочитало реагировать на вспыхивавшие по всей стране очаги разнообразных конфликтов лишь постфактум, вместо того, чтобы заниматься их эффективной профилактикой. Недовольство такой позицией как у населения, так и общественности возрастало. При этом предлагались взаимоисключающие варианты реакции на ухудшающееся положение в стране – от предложений радикально ускорить процессы демократизации до требований «закрутить гайки» и предотвратить надвигающийся развал страны. К середине 1990 г. стало очевидным, что руководство страны склоняется скорее к последнему варианту. Под термином «экстремисты» стали огульно понимать всех поднимающих вопросы, связанные с изживанием наследия сталинского режима. Возможно, с опасениями союзных властей вызвать новую волну межнациональных конфликтов была связана тенденция к замалчиванию даже в период разгара перестройки требований ингушского национального движения, а также отказ от принятия на союзном уровне законодательного акта, который позволили бы провести комплекс мероприятий по реабилитации репрессированных народов. В результате в 1989-1990 гг. мероприятия о реабилитации в общесоюзном масштабе свелись в основном к признанию преступности депортации народов и осуждению ее на государственном уровне, как это можно проследить на примере Декларации о реабилитации жертв политических репрессий. Однако в целом и основном ингушская общественно-политическая элита, как и все репрессированные народы, связывала свою будущность с победой российской демократии. С весны 1990 г. в условиях фактического игнорирования федеральным центром проблем, их ориентация во все более усиливающемся внутрироссийском противостоянии стала однозначно продемократической. В июне 1991 г. на выборах президента ингушские районы ЧИАССР отдали Ельцину наибольший процент голосов.

Набиравшие силу центробежные тенденции в СССР, особенно усилившиеся после провала августовского переворота 1991 г., поставили ингушские районы ЧИАССР в совершенно новые условия, поставив на повестку дня вопрос: в составе какого государства находиться, с кем вместе продолжать жить далее? Причиной тому был распад Чечено-Ингушской Республики после прихода к власти в Грозном в 1991 г. генерала Д. Дудаева и принятии Декларации о государственном суверенитете и фактическом выходе Чечни из состава России.

Культурное возрождение Ингушетии стало одной из зримых примет периода начала 90-х гг. Гласность, быстро переросшая в полноценную свободу слова, реально воплотившаяся последние годы существования СССР свобода вероисповедания и, свобода совести и т. д. способствовали духовному возрождению народа. Возрождались религиозные и национальные традиции. В июне 1990 г. впервые после долгого запрета, введенного Советской властью, был совершен первый массовый хадж (паломничество) мусульман из Северной Осетии и Чечено-Ингушетии к святым местам ислама в Мекку и Медину. 15 октября 1990 г. в Назрани открылось первое высшее образовательное учреждение Ингушетии – Исламский институт им. имама Аш-Шафии.

Закон о реабилитации репрессированных народов был принят Верховным Советом РСФСР 26 апреля 1991 г.[36] Он предусматривал полную, в том числе и территориальную реабилитацию народов, подвергшихся депортации в сталинский период.[37] При этом специалисты возражали скептикам, ссылавшимся на ст. 84 Конституции СССР и ст. 80 Конституции РСФСР, гласившие, что «территория автономной республики не может быть изменена без ее на то согласия», и резонно указывали, что эти статьи касаются только собственно территории республик, а не тех территорий, которые насильственно к ним присоединены в годы сталинщины.[38] Впоследствии Закон о реабилитации репрессированных народов остался невыполненным. В дополнение к нему был принят Закон Российской Федерации об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации, статья 1 которого предполагала установление переходного периода по государственно-территориальному разграничению в РФ до 1 июля 1995 г.

В октябре 1991 г. власть в Грозном захватили сторонники отделения от России во главе с Д. Дудаевым. Был провозглашен суверенитет Чеченской республики. В этих условиях перед ингушским национальным движением встала необходимость выбора: по какому пути идти в дальнейшем ингушскому народу и обществу? Чтобы окончательно решить этот вопрос, был организован Оргкомитетом по восстановлению автономии общенациональный митинг в Назрани в октябре 1991 г., в котором приняли участие, по некоторым данным, до 115-120 тыс. человек, т. е. все взрослое население Ингушетии.[39] Митинг высказался за провозглашение Ингушской республики в составе России на своей исторической территории с центром в правобережной части г. Владикавказа и вынес этот вопрос на референдум народа, который должен был состояться 30 ноября 1991 г. На референдум был вынесен единственный вопрос: «Вы за создание Ингушской Республики в составе РСФСР с возвратом незаконно отторгнутых ингушских земель и со столицей в городе Владикавказе?» В голосовании приняли участие 97 % избирателей ингушских районов, из которых 92, 5 % высказались «За».

Характерная же черта ингушского референдума заключалась, как уже отмечено выше, в нескрываемой заинтересованности его организаторов в обратном – сохранении Ингушетии в составе единого российского государства. И такой выбор приоритетов осенью 1991 г. был сделан именно народом, поскольку в силу приведенных выше доводов становится очевидным, что народное представительство в управлении районами будущей Ингушской республики в период безвластия осени 1991 г. было, пожалуй, максимальным. Но и вставшие во главе ингушского общества в этот переломный момент деятели также были четко ориентированы на сохранение Ингушетии в российском правовом поле. Альтернативы этому в тот момент всерьез никем не озвучивались. Власть, установившаяся в стране в историческом 1991 г., воспринималась ингушами как «своя» власть, точно так же как когда-то в 1918-1920 гг. таковой им виделась власть большевиков, пришедшая на смену царскому режиму.

Только 5 февраля 1992 г. в результате настойчивой работы ингушских депутатов и представителей общественности Президент РФ Б.Н. Ельцин внес в Верховный Совет РФ законопроект о преобразовании Чечено-Ингушской Республики в Чеченскую и Ингушскую республики в составе Российской Федерации.[40] 4 июня 1992 г. ВС РСФСР принял Закон «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» и Постановление «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации». Принятие Закона требовало от федерального центра реальных действий по его выполнению. Было необходимо создать временные органы власти, способные начать процесс формирования Ингушской республики. В этой связи Президиум ВС РСФСР назначил Представителем Верховного Совета в Ингушской Республике депутата ВС генерала армии В. Ермакова. Представителем Президента РФ по Ингушетии был назначен государственный советник юстиции И. Костоев. Однако вплоть до трагических событий осени 1992 г. так и не был назначен глава администрации Ингушской Республики.[41]

Таким образом, благодаря самоотверженной и упорной борьбе ингушского национального движения, интеллигенции, общественности, органов власти в ингушских районах ЧИАССР, всего ингушского народа, продолжавшейся на всем протяжении второй половины 80-х – начала 90-х гг., в июне 1992 г. стало возможными воплощение многолетней мечты ингушского народа – восстановление ингушской национальной государственности. Активное участие в движении за восстановление ингушской государственности приняли Муса Дарсигов, Бембулат Богатырев, Хамзат Фаргиев, Ибрагим Костоев, Исса Кодзоев, Бексултан Сейнароев, Ахмед Куштов, Зяудин Богатырев, Дауд Хамхоев, Богдан Барахоев, Магомед Илиев, Магомед Буружев, Якуб Медов, Ваха Хамхоев, Нурдин Кодзоев, Магомед Тимурзиев, Беслан Костоев, Султан Хамчиев, Джабраил Куштов, Якуб Куштов, Федор Боков, Муса Яндиев, Хажимурат Костоев, Алихан Даскиев, Магомед-Рашид Плиев, Башир Чахкиев, Беслан Котиков, Магомед Ахильгов, Сейт-Салим Ахильгов, Абдул-Хамид Гантемиров, Ахмед Цуров, Башир-Хаджи Аушев, Ахмед-Хаджи Пошев, Сулумбек-Хаджи Евлоев, Аслан Кодзоев, Бек Абадиев и многие другие.

Спустя всего несколько месяцев после провозглашения республики разразилась трагедия осени 1992 г. в Пригородном районе и Владикавказе, унесшая жизни сотен наших соотечественников, лишившая крова и возможности жить на своей родине десятки тысяч других. Ликвидация последствия этой трагедии, так же как преодоление множества других старых и вновь возникших проблем – основное содержание первых лет существования новой Ингушетии.

3. Развитие образования, культуры и искусства Ингушетии в 1957–1992 гг.

На основе решений XX съезда КПСС в 1957 г. была восстановлена автономия Чечено-Ингушетии. Республика с конца 50-х гг. вступила в новый этап своего культурного развития. Приоритетным являлось развитие народного образования, хотя положение в этой области было далеко не идеальным. Осуществлено было всеобщее 8-летнее образование, в основном завершен переход к обязательному всеобщему среднему образованию.

Общеобразовательные и высшие школы отставали от требований времени, и имели серьезные недостатки, которые выражались в отрыве обучения от жизни, в недостаточной

подготовленности к практической деятельности подготовки оканчивающих школу. В этой связи в 1958 году Верховный Совет СССР принимает закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования». В соответствии с этим законом была проведена перестройка работы национальных школ; связь обучения с трудом осуществлялась путем создания ученических производственных бригад, ученических строительных бригад. Такие стройотряды помогали в работе колхозам, промышленным предприятиям.

В начале 60-х гг. перед национальными школами в качестве очередной задачи поставили переход на русский язык обучения с первого класса. Негативным моментом было то, что родной язык изучался как предмет с первого по 8 класс. С 5 класса детям преподавали один из иностранных языков. [42]

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР «О мерах по развитию школ-интернатов в 1959-1965 гг.» и «Об организации школ с продленным днем» Совет Министров и райисполкомы, обком и райкомы КПСС Чечено-Ингушетии обязывались поддержать инициативу колхозов и совхозов по строительству школ своими силами, с учетом экономической базы хозяйства и его финансового состояния. В 1964-1965 учебном году было построено несколько новых школ на 9350 мест.

В связи с нецелесообразностью 11-летнего обучения постановлением Совета Министров СССР в августе 1964 года был сокращен срок обучения в средних школах на один год.

Важную роль играли вечерние и заочные школы, в которых городская и сельская молодежь обучалось без отрыва от производства. В 1950-1951 гг. в школах рабочей, сельской молодежи насчитывалось 4,3 тысяч учащихся.

В первые годы семилетки в республиканской заочной средней школе обучалось 1300 человек, а к началу 1966 года учащихся в ней стало около 3 тысяч, из них 585 человек чеченок и ингушек. Расширилась сеть школ-интернатов. Возросло число лиц с образованием среди женщин.

Укреплялась учебно-лабораторная база школ. В создании и оборудовании мастерских важную помощь школам республики оказывали промышленные предприятия, МТС, колхозы и совхозы.

Особое внимание уделяли вопросу комплектования школ педагогическими кадрами. Если в первые годы семилетки в республике было 5369 учителей, то в 1965-1964 учебном году их стало 10439.

В 1965 году в школы республики влился большой отряд молодых учителей – 1620 человек, из них 658 прибыли из других областей и краев СССР.

Развитие школы, как и по всей стране, здесь шло в соответствии с «Законом об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования».

В школах внедрялись новые, активные методы и технические средства обучения. В ноябре 1966 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы», в котором отмечалось необходимость повышения роли школы во всестороннем развитии порастающих поколений.

С введением всеобщего среднего образования встал вопрос о расширении сети средних общеобразовательных школ. За годы так называемой «восьмой пятилетки количество школ республики должно было увеличиться более чем на 35 и число учащихся – на 50 тысяч.

Это в свою очередь требовало увеличение числа учителей, учебников и учебно-письменных принадлежностей, кабинетов, мастерских, достаточного их оснащения современными техническими средствами.

Лингвист Ибрагим Абдураскиевич Оздоев (1905-1983). Владикавказ, 1930-е гг.

Серьезным тормозом в решении задач всеобщего среднего образования являлась слабая материальная база учебных заведений. 69 школ республики работали в три смены. Во многих школах не было учебных кабинетов, спортивных залов, библиотек. За годы пятилетки было построено 30 общеобразовательных школ и 14 пристроек с общим число – мест более 24 000. В частности была открыта школа в Малгобекском районе.

Введены были в действие ряд дошкольных учреждений на 2605 мест. В эти годы за счет совхозов были построены школьные здания на 960 мест.

Произошли определенные сдвиги в развитии высшего и среднего специального образования.

Улучшилось комплектование школ национальными квалифицированными кадрами учителей. Работа по выпуску специалистов средней и высшей квалификации проводилась Чечено-Ингушским педагогическим институтом и Грозненским нефтяным институтом. В Чечено-Ингушском пединституте открылось национальное отделение, что благоприятно повлияло на подготовке учительских кадров для школ республики. Так, в 1959-1960 гг. чеченцы и ингуши составляли 17% всех студентов, а в 1976-1977 гг. – 38 %,[43] при этом нужно отметить, что среди них очень мало было ингушей. В 1970 годы в местных вузах обучалось 678 ингушей; в средних специальных учебных заведениях – 747 человек.[44]

Чечено-Ингушский государственный университет (в 1957-1972 гг. – педагогический институт) и педагогическое училище дали 1400 специалистов. В 1980 г. был открыт Чечено-Ингушский государственный педагогический институт. Это было самое большое пополнение школ педагогическими кадрами, позволявшие полностью укомплектовать начальные классы и детские сады.

В первой половине 1970-х гг. в ЧИГУ на дневном отделении обучалось около 2600 студентов, в том числе 246 ингушей. Профессорско-преподавательский состав состоял из 115 кандидатов наук и 11 докторов, в том числе 7 профессоров.[45]

Наука в республике в 50-70-е гг. была представлена разнообразными направлениями. Если в 1960 г. в 11 научных учреждениях Чечено-Ингушетии насчитывалось 649 научных работников, среди которых было 8 докторов наук и 108 кандидатов, то в 1980 г. число научных работников возросло до 2352 человек, среди них 32 доктора и 480 кандидатов наук.[46]

Большая научно-исследовательская работа велась и в вузах, где имелась для этого хорошая научно-техническая база. Гуманитарными науками занимались ингушские ученые Д.Д. Мальсагов, М.М. Базоркин, А.С. Куркиев, И.А. Оздоев, Ф.Г. Оздоева, И.А. Дахкильгов, А.О. Мальсагов, М.Б. Мужухоев, Х.А. Акиев, Т.Х. Муталиев и др.

Большую роль в культурном развитии ЧИАССР играло книгоиздательское дело. Чечено-Ингушское издательство выпускало новые книги, брошюры. К примеру в 1958 г. было выпущено 173 названия книг и другой печатной продукции, общим тиражом 177,5 тысяч экземпляров. Издавались республиканские газеты: «Грозненский рабочий», «Ленинский путь», «Сердало» (первый после восстановления республики номер газеты вышел в свет 21 июня 1957 г.), «Комсомольское племя», 17 городских и районных газет,

«Блокнот агитатора», кроме того, в республику поступало более 22 тысяч экземпляров центральных газет. Большим событием в культурной жизни ингушей было открытие в 1958 г. книжного магазина в ст. Орджоникидзевской.

30 декабря 1959 г. в г. Москве была издана книга «Поэзия Чечено-Ингушетии». В этот сборник были включены произведения Х-Б. Муталиева, А. Ведзижева, А. Хамхоева, А. Бокова, Д. Яндиева, Х. Осмиева и др.

В 1960 г. стал издаваться литературный альманах «Утро гор». В 1986 г. вышел первый номер детского журнала «СелаIад» («Радуга»). Первым редактором журнала стал народный поэт ЧИАССР Саид Чахкиев.

В 1958 г. возобновил свою работу Чечено-Ингушский драмтеатр имени Х. Нурадилова. В ЧИАССР в этот период действовало 3 театра: национальный драмтеатр им. Х. Нурадилова, русский драмтеатр им. М. Ю. Лермонтова и театр кукол. В театре им. М.Ю. Лермонтова в 1966 г. состоялся первый выпуск Грозненского филиала школы студии МХАТа.

Большим событием в жизни ингушского народа стало возрождение в 60-х гг. народного театра в г. Назрань. Время это было заполнено и спадами, и торжественными подъемами. Менялись режиссеры, менялись актеры, менялась жизнь на театральной сцене, но пульс не останавливался. Режиссером театра в 1960-1962 гг. был известный писатель Ахмет Боков. Первые годы он успешно работал, завоевал любовь и уважение зрителей. Наибольшим успехом у зрителей пользовалась комедия «Бача и его жены», в которой автор и режиссер исполнял и заглавную роль.

Затем в театре создалось тревожное положение. Его покинули ряд исполнителей, ушел и художественный руководитель. Возникла угроза, что театр прекратит свое существование.[47]

Второе дыхание народный театр получил при режиссере А.М. Ториеве. В 1962 г. он создал художественный коллектив театра, привел в труппу Раю Евлоеву, Мустафу Медова, Магомеда Имагожева. Вернулись в театр Х. Гайтукаев, Х. Орцханов, Г. Зязикова. Сюда впервые пришли девушки Алмазова и Марзиева.[48]

В Чечено-Ингушском драмтеатре имени Х. Нурадилова в разное время работали видные представители театрального искусства Ингушетии. Ингушскими актерами этого театра были поставлены спектакли «Дороги любви» И. Базоркина, «Когда гибнут сыновья» С. Чахкиева и Г. Русакова, «Сыновья Беки» А. Бокова и др.

В 1962 г. состоялся первый выпуск дипломированных актеров ингушей Чечено-Ингушской студии при Ленинградском институте театра музыки и кино. Театральное искусство ингушей пополнилось новыми именами профессиональных актеров и режиссеров – М. Дакиева, С. Котиева, С. Мамилова, М. Цицкиева.

Первые шаги сделала и кинематография республики. М. Дакиев вторым режиссером участвовал в съемках фильма «Белое солнце пустыни». В дальнейшем им было снято большое количество научно-популярных фильмов.

Интересные документальные фильмы были созданы режиссером С.А. Мамиловым. В 1970-1977 гг. он был режиссером-постановщиком Чечено-Ингушского телевидения. В 1975 г. режиссер получил диплом жюри 4 фестиваля телефильмов в г. Тбилиси за фильм «Лезгинка», приз за фильм «Махмуд Эсамбаев». С 1980 г. С. Мамилов режиссер-постановщик на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького. В 1984 г. за фильм «День гнева» получил главный приз на международном фестивале фантастических фильмов в г. Порту (Португалия). В 1988-1989 гг. он получил призы за фильм «Ночевала тучка золотая» на международных фестивалях во Франкфурте-на-Майне и Амстердаме.

Хасолт Алхастович Акиев (1942-2009)

Заслуженный артист РСФСР и народный артист ЧИАССР Магомед Мухтарович Цицкиев сыграл более пятидесяти ролей на сценах республиканского русского драмтеатра имени М. Лермонтова и Чечено-Ингушского театра имени Х. Нурадилова.

В 1964 г. был создан Сунженский народный театр.

При Чечено-Ингушском республиканском театре кукол 19 апреля 1969 г. театральным деятелем Б. В. Абадиевым была образована ингушская труппа театра кукол, которая открылась спектаклем «Домик в лесу» по пьесе У. Гайсултанова. В 1988 г. поставлен спектакль «Любовь…Любовь..? Любовь..!» пьеса для детей и взрослых.

В октябре 1977 г. в республике проходил фестиваль искусств. За создание спектакля «Песни вайнахов» в 1977 г. Государственной премией им. Станиславского были награждены актеры М. Хадзиев и М. Гайтукаев.

Заслуженный артист РСФСР Хадзиев Магомет-Гирей Хатоевич на сцене Чечено-Ингушского театра им. Х. Нурадилова сыграл более семидесяти ролей, в постановках, представляющих как национальную драматургию, так и мировую классику.

Летом 1978 г. произошло знаменательное событие в культурной жизни ингушского народа: творческий состав драмтеатра имени Х. Нурадилова пополнился выпускниками ингушской актерской студии Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Это были воспитанники народного артиста и лауреата государственной премии СССР, профессора В. В. Меркурьева и педагога И.В. Мейерхольда: Р. Наурбиев, А. Кодзоева, И. Беков, С. Гайсанов, Х-Б. Булгучев, Т. Яндиева, Б. Даскиев и др.[49]

При Чечено-Ингушском драматическом театре им. Х. Нурадилова была создана ингушская труппа, основу которой составили воспитанники замечательного театрального педагога В.В. Меркурьева. На профессиональной сцене артисты ингушской труппы заработали ярко, с большим оптимизмом. Один из своих спектаклей «Когда гибнут сыновья» С. Чахкиева и Г. Русакова коллектив посвятил 60-летию Чечено-Ингушской областной комсомольской организации.[50] Режиссером и постановщиком этого спектакля был М.М. Цицкиев

В 1980 году ингушская труппа драмтеатра имени Х. Нурадилова пополнилась выпускницей Воронежского института искусств Д. Кодзоевой. В 1984 году в театр пришли выпускники ингушской студии Тбилисского театрального института: Р. Зангиев, М. Галаев, Т. Хамхоев и другие.

Большое событие произошло в жизни актеров в декабре 1887 г. – Постановлением Совета Министров ЧИАССР образован Ингушский государственный драматический театр.

В 1977 г. на Всесоюзном фестивале художественного творчества в Сочи народный ансамбль песни и танца Назрановского районного Дома культуры получил 36 медалей, а его руководителю М.Х. Гапархоеву Указом Президиума Верховного Совета РСФСР было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР».

С конца 50-х гг. усилился процесс формирования художественной школы, связанный с ростом национальных кадров, получивших художественное образование в специальных художественных училищах и институтах страны. В эти годы начинают творить талантливые ингушские художники Руслан Мамилов, Мурат Полонкоев, Хасолт Акиева, Али Хашагульгов, Зелимхан Эсмурзиев и др.

В дни литературы и искусства ЧИАССР в городах РСФСР, в июне-июле 1970 г. в здании Русского музея г. Ленинграда экспонировалась выставка изобразительного и прикладного искусства, на которой было представлено более 250 работ ингушских и чеченских художников. Более 140 работ наших художников экспонировались на выставке 16 автономных республик РСФСР в г. Москве в 1971 г.

Мурат Махиевич Полонкоев (род. 1945)

Развивалась портретная и пейзажная живопись. Художники прекрасно знали свой край, его обычаи, историческое прошлое и поэтому отображали в своих произведениях национальный колорит. В 1980-х гг. состоялась выставка произведений самодеятельных художников Х. Акиева, Р. Мальсагова. Живопись этих художников отмечалась не только высоким уровнем исполнения, но и глубоким образным содержанием каждого портрета.

Заметное место в духовной жизни ингушей в конце 50-х – 70-х гг. занимало музыкальное искусство. Для его развития в этот период был характерен возрастающий интерес к народной музыке ингушей. 25 июля 1959 г. проходил смотр творчества композиторов республики. Участники смотра дали высокую оценку творчеству народных певцов-ашугов А.Э. Хамхоева, И.Б. Цицкиева.[51].

Поэт, композитор, исполнитель народных песен, заслуженный артист РСФСР и ЧИАССР Ахмед Эльмурзиевич Хамхоев был автором более 200 песен и 14 сборников стихов.

Мотивы ингушских народных мелодий использовали в своих произведениях композиторы А. Халебский, Н. Речменский, Б. Шнапер, В. Ашкинази, Ю. Бирюков и др.

В 60-70-х гг. появились профессиональные композиторы из числа ингушей. Творчество наших композиторов развивалось в основном в двух направлениях – симфоническом и вокальном.

Музыкальное и танцевальное искусство представлялось Государственным ансамблем песни и танца. Чечено-Ингушский Государственный ансамбль песни и танца был воссоздан в июне 1957 г. Только в 10-й пятилетке ансамбль побывал более чем в 72 союзных и автономных республиках и областях СССР. Ансамбль побывал в Иордании, где его наградили высшей государственной наградой Звездой 1-й степени, в Кении, в Мозамбике, в Сирии, в странах Латинской Америки, в Португалии.

Широкое распространение получили симфонические и камерные концерты, музыкальные фестивали. Концерты устраивались не только в крупных городах автономных республик, но и в домах культуры, клубах районных центров.

Энергичную концертную деятельность развили известный дирижер Мадинат Яндиева и народная артистка ЧИАССР Рая Евлоева.

На всех этапах своего развития у ингушей не пропадал интерес к своему историческому прошлому. Активные представители нашего народа собирали фотографии, документы, этнографические и фольклорные данные. Развивалось музейное дело.

С 1972 г. ветеран Великой Отечественной войны Туган Хаджимохович Мальсагов со-

Али Татарович Хашагульгов (1943-1999)

бирал материалы об участии ингушей в Великой Отечественной войне, чтобы создать музей боевой славы. Музей был открыт в Назрановском доме культуры в 1973 г. На основе народного музея, созданного Т.Х. Мальсаговым, Постановлением Совета Министров ЧИАССР от № 391 с разрешения Министерства культуры РСФСР от 19 мая 1978 г. был открыт Назрановский музей боевой и трудовой славы на правах филиала республиканского краеведческого музея.

В 1977 г. инициативная группа во главе с Б.А. Чербижевым заложила основу для музея боевой и трудовой славы г. Малгобека, а уже в 1981 г учреждению придан статус народного музея. В 1981 г. в с. Фуртоуг открыли мемориальный дом музей ингушского революционера Гапура Саидовича Ахриева. В 1988 году Постановлением Совета Министров РСФСР № 220 создали Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

После восстановления в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР стало восстанавливаться и далее развиваться библиотечное дело.

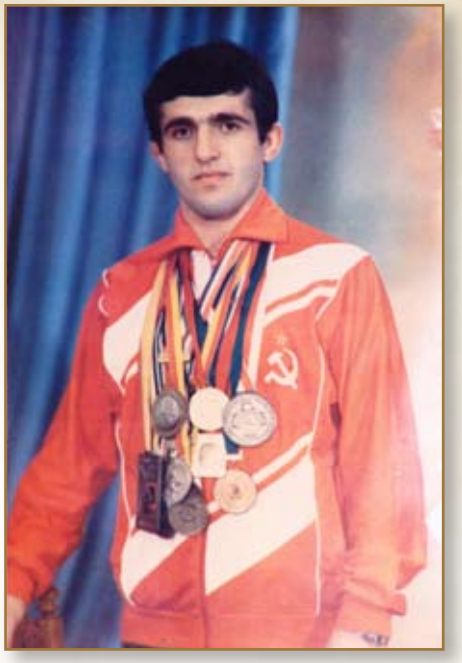
Уже на 1958 г. в республике функционировало 424 библиотеки с книжным фондом около двух миллионов томов. В 60-80-е гг. в республике осуществлялась серия крупных управленческих и организационно-методических акций, оказавших влияние на постановку библиотечного дела, содержание работы, повышение ее эффективности. Крупные городские библиотеки осуществляли шефство над сельскими, оказывали им методическую и практическую помощь. Так в подшефных библиотеках фонды были очищены от устаревшей и ветхой литературы, оказана помощь в организации систематического и алфавитного каталогов, по вопросам увеличения числа читателей, в составлении читательских тематических планов.[52]

В 1970-1980-е гг. в Чечено-Ингушетии началась централизация библиотек, которая осуществлялась под руководством Республиканской библиотеки.

С момента восстановления ЧИАССР наступает новая веха и в развитии национальной художественной культуры. В тесном взаимодействии с представителями других литератур, осваивая художественный опыт предшествующих десятилетий, ингушские писатели активно включаются в решение актуальных проблем, выдвигаемых временем во всех сферах жизни. Творчество их приобретает качественно новое звучание, так как каждый из писателей ставит перед собой задачу, которая приобретает общенародную значимость: изучая во всей глубине и сложности жизнь, вскрывая ее недостатки и противоречия, правдиво воспроизвести исторический путь народа. К ее решению активно приступают писатели и поэты старшего поколения, стоявшие у истоков становления ингушской литературы, – Джамалдин Яндиев, Идрис Базоркин, Багаудин Зязиков, Хаджи-Бекир Муталиев, Салман Озиев, Ахмед Ведзижев, Хамзат Осмиев, Юсуп Чахкиев. В конце 1950-х годов пришли в литературу Ахмед Боков, Магомед-Саид Плиев, Капитон Чахкиев, Саид Чахкиев, проза и поэзия которых отличалась обостренным вниманием к социальным процессам, своеобразным индивидуальным стилем.

Среди художественных произведений, появившихся во второй половине XX столетия, следует отметить произведения И.М. Базоркина (повесть «Призыв» и роман «Из тьмы веков»), А.Х. Бокова (повести «Райхант», «Трудный путь», «Буран», «Старый дом», «Бачи и его жены»; романы «Сыновья Беки», «Багровые зори», «Разорванный круг», «Юрский горизонт»), С. И. Чахкиева (поэма «Чаша слез», романы «Золотые столбы», «Волчьи ночи», «На второй день утром»). Х.-Б. Муталиева (повесть «Первые радости»), Б. Зязикова (повесть «Девять дней из жизни героя»), А. Ведзижева (роман «Остывший очаг»), М.-С. Плиева (роман «Трудный перевал», роман-хроника в стихах «День скорби») и др.

В этих произведениях, отличающихся как по тематике, так и по историческому материалу и художественным достоинствам, правдиво запечатлены процессы развития общества, воспроизведена драматическая судьба народа,



Али Хамхоев, заслуженный мастер спорта Республики Казахстан, победитель Игр доброй воли 1986 г., чемпион Европы среди молодежи

В 1967 году вышел в свет роман-эпопея Идриса Базоркина «Из тьмы веков», называемой «главной книгой» всей ингушской литературы. В романе поднимаются сложные вопросы жизни ингушского народа на рубеже XIX-XX веков.

В становлении ингушской художественной культуры большую роль сыграл Дошлуко Дохович Мальсагов (1999-1966) писатель, ученый, лингвист, переводчик. С 1957 по 1958 год он работал директором института истории, языка и литературы, а затем – с 1958 по 1966 год являлся доцентом кафедры родного языка и литературы в Чечено-Ингушском педагогическом институте. В 1961 году совместно с Б. Зязиковым он написал более десятка литературно-критических статей по вопросам истории ингушской советской литературы. До сих пор остается актуальным в научных кругах его исследование «О некоторых непонятых местах в «Слове о полку Игореве»».

60-80-е годы стали периодом плодотворного развития литературной критики и журналистики. Вышли в свет монографии, проблемно-тематические сборники, посвященные различным этапам истории ингушской литературы, становлению и развитию литературных жанров, литературоведческие статьи, освещающие творческий путь ингушских писателей и поэтов. На страницах альманаха «Утро гор» и республиканских газет печатаются критические статьи А.У. Костоева, О.А. Мальсагова, А.У. Мальсагова, писателя и литературоведа И.А. Дахкильгова.

Отдельным неисследованным пластом ингушской художественной литературы осталось творчество писателей Капитона и Юсупа Чахкиевых, Иссы Кодзоева, Али Хашагульгова.

Дело в том, что названные писатели и поэты пришлись не ко двору советскому государству и коммунистической партии, так как в различные годы они были осуждены и отбывали сроки заключения в лагерях. К. Чахкиев и Ю. Чахкиев попали под сталинские жернова в годы депортации за передвижение без разрешения из мест спецпоселений, а И. Кодзоев и А. Хашагульгов в 60-х годах XX-го века стали первыми и единственными

Олимпийский чемпион 1988 г. по тяжелой атлетике Исраил Арсамаков

диссидентами по причине «неугодного власти» литературного творчества и отбывали срок заключения в мордовских лагерях для политзаключенных.

Капитон Османович Чахкиев (1924-1961) – поэт, прозаик и художник, создал неподражаемые шедевры, как в поэзии, так и в прозе. Многие его стихи стали народными песнями, а первый в ингушской литературе роман «Моакхаза лоамаш» («Гранитные горы») остался незавершенным по причине преждевременной смерти автора. Живописные работы Капитона Чахкиева растерялись и нам неизвестны, как и их дальнейшая судьба.

Чахкиев Юсуп Тегалович (1915-2008) также успешно творил в поэзии и прозе. Им написано множество рассказов и документальная повесть «Голос из ада» о жизни заключенных за полярным кругом, где автору пришлось быть свидетелем и участником описываемых им событий.

Али Татарович Хашагульгов (1943-1999) – поэт, прозаик, переводчик и живописец, о котором Идрис Базоркин сказал: «Если издать все то, что написано Али, то его жизни не хватит на завершение этого процесса». К сожалению, не все творчество Али Хашагульгова нам доступно. Большое количество его произведений утрачены – часть была изъята при обыске во время ареста, часть была потеряна при гонениях после отбытия срока заключения.

Исса Аюбович Кодзоев (род.1938) – подлинный знаток и мастер языка и художественного слова. Пишет на родном и русском языках, для взрослых и детей. В 60-80-х г. И. Кодзоев писал «в стол», без всякой надежды, что его книги когда-нибудь будет изданы. Первая книга рассказов писателя вышла в свет в 1990 г. в Грозном. Вершиной его творчества является эпопея «ГIалгIай» («Ингуши») в семи книгах, охватывающая жизнь ингушского народа в XIII-XVII столетиях. Им поднят из забвения и явлен народу огромный пласт лексики родного языка. Исса Кодзоев продолжает и в настоящее время неустанно трудиться над новыми произведениями.

В 60-80-х гг. проявилось творчество поэтов Ибрагима Торшхоева (1942-1993), Джабраила Албакова (1940-1968), Амира Плиева, Гирихана Гагиева, Тимура Кодзоева, Азмат-Гирея Угурчиева, Магомеда Вышегурова (1955-2006), Микаила Ахильгова (1958-2003), Сали Арчакова и др.; прозаиков Ахмета Мальсагова (1923-2000), Башира Ганижева (1942-1998), Султан-Хамида Аушева, Султана Шадиева. В 80-х гг. в ингушскую литературу вошли имена Вахи Хамхоева, Бадрудина Горчханова, Нурдина Кодзоева, Хадишат Орцхановой и др.

Качественные изменения произошли в семье и семейном быту ингушей. Наблюдался рост материального благосостояния семьи. Ингушская женщина стала играть все большую роль в семье и в обществе. Работая в народном хозяйстве, женщина приносила доход в семейную казну наравне с мужчиной. В 1958 г. состоялся съезд женщин Чечено-Ингушетии. Стали избираться женсоветы, открывались клубы горянок.

Население получало пенсии, пособии, стипендии, обеспечивалось бесплатным медицинским и культурным обслуживанием. Расширялась сеть дошкольных учреждений, шло благоусройство городов и сел. Благоустройство селений и расширение торговли предметами массового потребления, равно как и возросшее благосостояние семьи сделали общим

правилом покупку печеного хлеба, готовой одежды, домашней утвари, электроприборов.[53] В быт сельских людей входило радио, печать и телевидение.

В 80-х гг. XX в. больших успехов добились ингушские спортсмены. Международную известность получили имена уроженцев Ингушетии, выступавших на мировых первенствах. Победителем Игр доброй воли в Москве в 1984 г. по тяжелой атлетике стал Руслан Балаев. Чемпионом Европы по вольной борьбе стал Ваха Евлоев. В 1988 г. на Олимпийских играх в Сеуле впервые в истории Ингушетии олимпийским чемпионом стал штангист Исраил Арсамаков.

Примечания:

1 Танкиева Л.Х. Вклад ингушской интеллигенции в реабилитацию репрессированных народов // ВИИ. Вып. 5. Магас, 2006. С. 102.

2 Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация. 1944-2004. Документы, материалы, комментарии. (Сост. Я.С. Патиев). Магас, 2004. С. 410-415.

3 Мальсагов Дз. Аннексия: как это было // Газ. «Сердало», 1992, 14 января.

4 Там же.

5 Ермекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. Алматы, 2009. С. 262.

6 Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 162.

7 Ермекбаев Ж.А. Указ. соч. С. 255.

8 Кодзоев Н. Город Назрань: исторический очерк. Назрань, 2006. С. 213.

9 Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1975. С. 279.

10 Народное хозяйство Чечено-Ингушской АССР за 1971-1975 гг. Грозный, 1976. С. 50.

11 Кошев М.А. История и проблемы культурно-технического развития рабочих кадров народов Северного Кавказа в 60-е – начале 80- х гг. Майкоп, 1994. С. 165.

12 Там же. С. 182.

13 Там же. С. 213.

14 Каплин Н.Т. Партийное руководство формированием кадров рабочего класса Чечено-Ингушетии в период коммунистического строительства (1956-1966 гг.) // Известия. Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. Т. IX. Ч. 4. Вып. 1.Грозный, 1976. С. 119.

15 Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1975. С. 254.

16 Там же. С. 253.

17 Шнирельман В.Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Севером Кавказе. М., 2006. С. 250.

18 Каймаразов Г.Ш. Указ. соч. С. 257.

19 Асхадов М.А. Указ. соч. С. 49.

20 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941- 1980 гг.). Грозный, 1985. С, 119.

21 Шнирельман В. Указ. соч. С. 291.

22 Там же. С. 26.

23 Там же. С. 251.

24 Там же. С. 222.

25 Там же. С. 223.

26 Ермекбаев Ж.А. Указ. соч. С. 271.

27 Костоев Б.У. Политико-правовой аспект осетино-ингушских отношений. М., 2006. С. 12.

28 Второй съезд ингушского народа. С. 34.

29 О концепции национальной политики в Российской Федерации. М., 1992. С. 35.

30 Второй съезд ингушского народа. С. 37.

31 Балаев М. Национальная забастовка // «Дош», №2 (4), 1990. С. 2-3.

32 Документы, принятые на митинге ингушского народа // «Дош», №2 (4), 1990. С. 5-6.

33 Газ. «Известия», 15 марта 1990 г.

34 События октября-ноября 1992 г. в интерпретации Генеральной прокуратуры РФ. Назрань, 2006. С. 27.

35 Богатырев Б. Образование государственности ингушского народа // Точка зрения. Назрань, 2006.

36 Национальные отношения и международные правовые отношения. М., 1998. С. 125.
37 Закон РСФСР о реабилитации репрессированных народов// Газ. «Советская Россия», 7.05.1991.
38 Коваленко А. Восстановление исторической справедливости// Газ. «Независимая газета», 4.06.1991.
39 Богатырев Б. Указ. соч. С. 81.
40 Сампиев И. Политическое самоопределение ингушского народа в постсоветский период: исторические, политические и социально-политические факторы // Актуальные социально-политические и этнокультурные проблемы Ингушетии. Сборник научных статей. Магас, 2007. С. 27.
41 Там же. С. 28.
42 Аристова Т.Ф. Развитие народного просвещения // Сборник документов и материалов. Грозный, 1985. С. 275.
43 Автоходжиева М.Б. Развитие культуры Чечено-Ингушской АССР в условиях развитого социализма. (Конец 50-х -70-е гг. // Вестник МГУ. Серия. История. № 5. 1981.С. 78.
44 Там же.
45 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941- 1980 гг.). Сборник документов и материалов. Грозный. 1985. С. 204.
46 Там же. С. 79.
47 Газ. «Грозненский рабочий», 1963, от 7 апреля.
48 Там же.
49 Албакова Ф. Ю. Указ. соч.
50 Газ. «Грозненский рабочий», 1980, от 6 июня.
51 Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941-1980 гг.). С 112.
52 Даурбекова Р.Х. История библиотек республики Ингушетии //Материалы научной конференции, посвященной культуре и истории ингушского народа. Назрань, 2002. С. 85-86.
53 Смирнова Я.С. Семья и семейный быт // Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь-1941-1980 гг.). С. 233-234.

Глава XI

Республика Ингушетия на современном этапе

1. Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Республики Ингушетия

Создание Ингушской Республики в июне 1992 и восстановление ингушской государственности стали воплощением многолетних чаяний ингушского народа о своем национально-государственном самоопределении. Это была важнейшая веха исторического развития ингушского народа не только в XX веке, но и всего новейшего периода ингушской истории.

Однако уже в первые месяцы существования Ингушской Республики ее народу и лидерам пришлось столкнуться с самым тяжелым общенациональным испытанием с момента депортации 1944 г. Речь идет об этнической чистке в Пригородном районе и Владикавказе в октябре-ноябре 1992 г., которой предшествовала череда провокаций. Еще 19 апреля 1991 г. были спровоцированы осетино-ингушские столкновения в с. Гадаборшево (Куртат), что стало поводом для введения чрезвычайного положения в Пригородном районе.

Массовые боевые действия начались в ночь на 31 октября 1992 г., когда были обстреляны ингушские кварталы сел. Камбилеевка и Шолхи (Октябрьское) Пригородного района.[1] В ответ на эти обстрелы и начавшиеся в Пригородном районе и г. Владикавказе расправы над ингушским населением и захват заложников жители ингушских сел попытались предпринять защитные меры, защитить свои населенные пункты. Утром 31 октября ингушские стихийные отряды самообороны заняли КПП-25 в с. Базоркино (Чермен). После этого осетинская сторона заявила, что ингуши совершили агрессию против Северной Осетии.

Уже 1 ноября в зону конфликта были переброшены дополнительные части и подразделения Российской армии, а также внутренних войск МВД РФ. 2 ноября Указом Президента РФ на территориях Северной Осетии и Ингушетии было введено чрезвычайное положение и образована Временная администрация. Тем не менее на территории Северной Осетии полномочия этой администрации фактически не действовали.

С ведома и при попустительстве находившихся во Владикавказе с 31 октября вице-премьера Правительства РФ Г. Хижи, министра МЧС РФ С. Шойгу, его заместителя Г. Филатова, части и подразделения Российской армии, а также внутренние войска МВД РФ сразу были использованы для выдавливания ингушей из Пригородного района и г. Владикавказа, под надежным прикрытием которого МВД и МБ СОССР, незаконные бандитские формирования осетин, получившие названия «республиканская гвардия» и «народное ополчение», а также отряды южноосетинских боевиков, прибывших из сопредельного государства, творивших особые жестокости и зверства, могли безнаказанно расправляться над уцелевшими и оставшимися в своих домах ингушскими жителями после прохождения введенных в зону ЧП российских вооруженных сил.

В ходе событий ноября 1992 г. особой ожесточенностью и упорством отличались бои за поселок Карца, население которого было практически полностью ингушским и операции в отношении которого с осетинской стороны, по мнению федеральных военных, характеризовались особой активностью, бескомпромиссностью и жестокостью. Предложения ингушской стороны, в том числе жителей поселка Карца, направленные в адрес правительства республики о прекращении огня и урегулировании конфликта на основании законов РФ, осетинской стороной во внимание не принимались, население подвергалось уничтожению, поселок – разрушению.

Передача оружия и боевой техники осетинской стороне производилась и после начала вооруженного конфликта. Так, по указанию Г. Хижи в ночь на 1 ноября 1992 г. со

склада 19-й мотострелковой дивизии осетинской стороне были выданы 583 автомата, 30 РПК, 30 РПГ и по 2 боекомплекта. В ночь на 2 ноября по указанию все того же Г. Хижи от 31 октября 1992 г., МВД СО ССР были переданы 15 боевых машин пехоты БМП-2 со штатным вооружением и боекомплекты. Хотя оформление документов на получение БМП шло через МВД СОССР, все машины были сразу же переданы народному ополчению СОССР.

1 ноября 1992 г. С. Шойгу подписал на имя командира 42-го армейского корпуса распоряжение выделить бронетехнику в количестве 50 (по другим данным – 57) танков Т-72 «для обеспечения выполнения задач по наведению общественного порядка, стабилизации политической обстановки и охраны важных объектов во взаимодействии с МВД РФ в населенных пунктах Куртат, Октябрьское, Дачное, Карца».

Еще 31 октября 1992 г. командующий внутренними войсками МВД В. Саввин распорядился передать в МВД СОССР ранее закупленные правительством республики 24 бронетранспортера, часть которых была передана также в народное ополчение СОССР.[2]

В звучавших из уст Г. Хижи, Г. Филатова и др. должностных лиц публичных выступлениях на ТВ СОССР, ингушская сторона обвинялась во всех грехах и на нее возлагалась вся вина за начало и эскалацию вооруженного противостояния, хотя его спровоцировали как раз нападения на ингушские населенные пункты в ночь на 31 октября. Ни один из представителей федерального центра в дни вооруженных столкновений не посетил Ингушетию, избрав местом своего пребывания Владикавказ. Все эти факты говорят о том, что руководившие на месте урегулированием конфликта высокие должностные лица федерального уровня не только не смогли справиться с задачей обеспечения правопорядка и безопасности для всех граждан России в регионе вне зависимости от их национальности, но и фактически своими действиями потворствовали совершению беззакония.

Массовый захват в заложники лиц ингушской национальности стал еще одной трагической приметой событий октября-ноября 1992 г. По выводам Генеральной прокуратуры РФ, в период с 31 октября по 6 ноября 1992 г. в г. Владикавказе в 28 местах содержались в общей сложности 1200 заложников. Пытки, различного рода издевательства и жестокие убийства детей, женщин и стариков в этих импровизированных концлагерях были обычным явлением. Надо отметить, что приводятся данные только по Владикавказу, тогда как в самом Пригородном районе содержалось в разных местах (как в с. Ахки-Юрт (Сунжа), так и в других пунктах) не меньшее количество заложников из числа ингушей.

По завершении активной фазы т. н. конфликта Ингушетия приняла свыше 60 (по другим данным – 70 тыс.) депортированных из Пригородного района и Владикавказа соотечественников. [3]

В связи с событиями осени 1992 года граждане РФ ингушской национальности были изгнаны со своей Родины. Эта была этническая чистка, агрессия против ингушского населения города Владикавказ и Пригородного района, получившая название «Осетино-ингушский конфликт».

В результате в Ингушетии оказалось более семидесяти тысячи человек – беженцев. До сих пор числятся в списках заложников 186 человек ингушской национальности. Число погибших с ингушской стороны составило 405 человек, тысячи раненных, в том числе дети, женщины и старики. Разграблено и разрушено до основания около 3200 домовладений, принадлежавших ингушам. Было уничтожено в той или иной степени 9 из 16 населенных пунктов компактного проживания ингушей.

В самый сложный период для ингушского народа в начале становления Ингушской Республики, Ингушетии пришлось принимать огромное число беженцев. Ингушетия, еще

не успевшая создать свои структуры власти, принимала и обустраивала вынужденных переселенцев, лишенных в одночасье гражданских прав и имущества. В Ингушской Республике была учреждена Временная администрация и военная комендатура.

Властным структурам Ингушской республики с первых же дней своей деятельности пришлось решать проблемы, связанные с обустройством и возвращением беженцев. Начиная с января 1993 г. были проведены десятки встреч между представителями высшего руководства Ингушетии и Северной Осетии как при посредничестве федеральных и региональных структур, так и напрямую. Однако данные встречи и принимавшиеся по их итогам документы не имели практически никаких реальных результатов в смысле разрешения проблем возвращения депортированных ингушей в Пригородный район и Владикавказ.

Несмотря на непродолжительный период событий (31 октября – 4 ноября 1992 года), их значение нельзя недооценивать. Они на долгие годы определили этнополитический климат в северокавказском регионе, стали основой для политической идентификации постсоветской Ингушетии и Северной Осетии. Такой авторитетный в области национальных и федеративных отношений ученый, как В.А. Тишков, в 1992 г. занимавший пост председателя Госкомнаца России, в своей работе «Очерки теории и политики этничности в России» определил происшедшие события как этническую чистку ингушей Пригородного района.[4] Так или иначе, с любой точки зрения ясно – события 1992 г., вернее, их последствия, оказали прямое и самое серьезное воздействие на характер и направленность общественно-политических процессов в Республике Ингушетия в последующие годы.

Проблема территориальной реабилитации ингушского народа на протяжении 90-х гг. составляла основное содержание вопросов этнополитического характера в Республике Ингушетия. Одновременно она являлась основной проблемой внутренней жизни республики на протяжении первых лет ее существования. В ряду важнейших проблем, стоящих перед сегодняшней республикой, по-прежнему на первом месте – преодоление последствий трагических событий осени 1992 г. в Пригородном районе и Владикавказе.

Несмотря на тяжелейшие последствия событий осени 1992 г. они вместе с тем послужили мощным толчком к консолидации нации, к сплочению всех слоев ингушского общества вокруг идеи скорейшего становления новой ингушской государственности.

Трудно переоценить значение развития политической системы республики в последние полтора десятилетия в духе Конституции и законов России. Этот процесс начался сразу после трагедии осени 1992 г. Прошедший 23 января 1993 г. Чрезвычайный съезд народов Ингушетии вынес постановление, суть которого заключалась в решении провести выборы Президента Ингушской Республики 28 февраля 1993 г.

В условиях отсутствия конституции Ингушской республики приходилось вводить временные акты. 6 февраля республиканская печать опубликовала «Временное положение о выборах Президента Ингушской Республики». Формирование законодательной власти решением учредительного органа, каковым выступал Чрезвычайный съезд народов Ингушетии, прошедший в январе 1993 г. было отложено на более поздний срок. Это изначально предопределило формирование традиций сильной президентской власти в Ингушетии. Выборы стали безальтернативными, тем не менее, их честность и конечный результат не ставились под сомнение никем, в том числе и федеральной властью.

Выборы первого президента проходили в тяжелой общественно-политической и социально-экономической обстановке. Свежие раны трагедии 1992 г., гибель сотен и изгнание десятков тысяч людей из своих домов, крушение надежд на скорое восстановление попранной в сталинские годы справедливости, ощущения продолжающегося произвола

в отношении целого народа – все это было гнетущим психологическим фоном первых «постконфликтных» годов жизни республики. Но в то же время выборы 28 февраля 1993 г. прошли и в атмосфере высочайшего подъема общенародного энтузиазма, связанного со свободным волеизъявлением народа относительно определения им характера и персоналий своей национальной власти.

Президент РИ в 1993-2001 гг., генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Р.С. Аушев

После официального разделения Чечено-Ингушетии на две республики, начала трагических событий осени 1992 г. в Пригородном районе и введения в Северной Осетии и Ингушетии режима чрезвычайного положения, 10 ноября 1992 года генерал-майор Российской армии Р.С. Аушев был назначен полномочным представителем созданной Временной администрации в Ингушетии – исполняющим обязанности главы Временной Администрации Ингушской Республики. Не сумев добиться от российских и северо-осетинских властей возвращения ингушских беженцев в Пригородный район, 19 декабря 1992 года подал в отставку с поста временного главы администрации Ингушской Республики. Вскоре была начата кампания по сбору подписей за официальное выдвижение его кандидатуры на пост президента республики (было собрано около 100 тыс. подписей).

28 февраля 1993 г. в республике были проведены выборы первого президента Ингушетии, на которых на безальтернативной основе абсолютным большинством голосов (99,94 %) был избран Р.С. Аушев.

7 марта 1993 г. состоялась церемония вступления в должность Президента республики. В тот же день вышел Указ № 1 Президента Ингушской Республики о переводе всех органов исполнительной власти Ингушетии под свою юрисдикцию. До конца марта были сделаны еще несколько важных шагов на пути к формированию структуры исполнительной власти в республике. 8 апреля 1993 г. было образовано первое Правительство Ингушской Республики. В составе Правительства республики насчитывалось 12 министерств, 5 госкомитетов, 9 управлений и другие органы исполнительной власти. При Президенте республики образованы Президентский совет, Совет безопасности и Контрольное управление.

Перед молодой республикой сразу встала необходимость формирования всех ветвей власти в условиях долгого отсутствия традиций самостоятельного государственного существования. В то же время период формирования республики пришелся на время коренного слома в стране в целом прежних общественно-политических институтов общества и строительства новых. Этот процесс болезненно и сложно протекал даже в тех субъектах федерации, которые не имели такого груза проблем, как Ингушетия, и в то же время обладали непрерывным опытом национально-государственного строительства еще с советских времен. Более того, в условиях Ингушетии того периода ситуация многократно осложнялась нерешенными последствиями событий 1992 г., наличием в республике десятков тысяч беженцев и вынужденных переселенцев, нуждавшихся в срочном обустройстве, а также в целом исключительно сложной общественно-политической и социально-экономической обстановкой вокруг республики и в регионе в целом.

Нерешенность проблем территориальной реабилитации и невыполнения Закона «О реабилитации репрессированных народов» привели к тому, что республика была создана без определения ее границ. Это также вносило дополнительные осложнения в ситуацию в регионе, провоцировало напряженность и без того накаленной атмосфере начала 90-х гг. Вероятно, в этих условиях возникал соблазн отложить в долгий ящик формирование полноценной властной структуры в республике.[5]

Тем не менее, необходимость скорейшего создания эффективной и самостоятельной законодательной власти была очевидной для всех. Ингушская Республика находилась фактически в подвешенном состоянии. Она еще не имела своего законодательного органа, Конституции, границ. Выборы Президента прошли в соответствии с временным положением, хотя и на основе Конституции и законов РФ.

С принятием закона «Об образовании Ингушской Республики в составе РФ» ингушский народ получил свою государственность и, соответственно, возможность сформировать парламент как государственный институт, как одну из ветвей государственной власти.

15 мая 1993 г. в Назрани состоялся Общенациональный съезд народов Ингушетии. Съезд постановил принять и утвердить текст Декларации о государственном суверенитете Ингушской Республики. Статья 1 Декларации провозглашала Ингушскую Республику демократическим, светским правовым государством, входящим в состав Российской Федерации на основании Федеративного договора и осуществляющим на своей территории всю полноту государственной власти, причем сфера деятельности РФ начинается там, где кончаются возможности Ингушской Республики. Указывалось также, что настоящая Декларация является основой для разработки Конституции Ингушской Республики и вступает в силу с момента ее принятия.

Еще одной приметой общественной жизни в Ингушетии периода первых лет восстановление ее государственности стало активнейшее участие широких масс в обсуждении проблем строительства ингушского государства. Это в полной мере отразилось в подготовке проекта Конституции. Хотя по времени законодательная власть сформировалась позже других органов власти, первые предложения по структуре и виду нового законодательного органа республики относятся еще к рубежу 1991-1993 гг. Еще в январе 1993 г. в республиканской печати были опубликованы соображения по составу и компетенции Национального собрания Ингушской Республики. Работа конституционной комиссии шла с весны 1993 г., начавшись чуть ли не одновременно с выборами главы республики.[6] Этот процесс особенно активизировался с мая 1993 г.

23 октября было подписано Распоряжение Президента республики «О Конституционном собрании», в котором постановлялось в связи с необходимостью дополнительного обсуждения основных положений проекта конституции Ингушской республики и окончательной подготовки текста Конституции к представлению на всенародный референдум, созвать конституционное собрание Ингушской Республики в составе съезда народов Ингушетии и Конституционной ассамблеи Ингушской Республики. Работа собрания была назначена на 4 ноября 1993 г. 27 февраля 1994 г. в соответствии с утвержденным президентом Республики Ингушетия Положением № 368 от 4 января 1994 г. «О выборах депутатов Народного собрания – Парламента Республики Ингушетия», в республике состоялись выборы депутатов первого ингушского парламента.[7]

В этот же день состоялся и референдум по вопросу о принятии первой Конституции республики, которая тогда же приобрела и новое официальное название – «Республика Ингушетия» вместо прежнего «Ингушская Республика». Конституция провозгласила Ре-

спублику Ингушетия «демократическим правовым светским государством, образованным на основе реализации народом Ингушетии своего неотъемлемого права на национально-государственное самоопределение». Отношения с Российской Федерацией «регулируются Конституцией Российской Федерации, Конституцией Республики Ингушетия и Договором о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти суверенной Республики Ингушетия в составе Российской Федерации».[8]

Сразу после образования республики началось формирование судебных органов Ингушетии. До мая 1994 г. судебную власть в республике осуществлял судебный состав Ставропольского краевого суда по Ингушской республике. До образования Верховного суда правосудие в республике отправляли Назрановский, Сунженский и Малгобекский райгорсуды. Позже были образованы Карабулакский и Джейрахский районные суды. Верховный Суд Республики Ингушетия был образован Указом Президента РИ Р.С. Аушева от 5 мая 1994 г. (№ 150). Судьи Верховного Суда РИ первыми в Российской Федерации были назначены, согласно новой Конституции РФ, Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина от 4 августа 1994 г. (№1591). Еще 23 июля 1993 г. Постановлением Верховного Совета РФ за № 5514/1 -1 был образован Высший Арбитражный Суд Республики Ингушетия (впоследствии – Арбитражный Суд Республики Ингушетия).[9]

Таким образом, к середине 1994 г. была сформирована в целом и основном система государственных органов власти и управления Республики Ингушетия. Несмотря на все трудности и препятствия, как объективного, так и субъективного плана, можно с уверенностью констатировать, что Ингушетия практически в чрезвычайных условиях смогла обрести достойное место в рамках государственно-правовой системы Российской Федерации.

Долгое время Ингушетия не имела своей символики. Впервые символы Ингушетии – флаг и герб – появились через два года после образования республики – в 1994 году. Государственный герб Ингушетии принят Народным Собранием республики 26 августа 1994 г. Гимн был утвержден годом ранее – в 1993 г. Разработка флага началась в январе 1993 г. Утверждее он был 15 июня 1994 г.

На годы становления республики пришлись две войны в соседней Чеченской Республике, что осложнило и без того трудное строительство новой республики. В 1995-1996 гг. Ингушетия приняла десятки тысяч беженцев из Чеченской Республики, где шли военные действия. В конце 90-х – начале 2000-х гг. Ингушетия вновь приняла более 300 тысяч беженцев из Чечни. Благодаря мобилизации всех ресурсов, ответственности, духовной и нравственной силе ингушей, молодая республика сумела принять всех нуждающихся в помощи и поддержке, помочь им выжить, вернуться к мирной жизни, обеспечить работой. Ингушетия, по сути, спасла Россию от гуманитарной катастрофы. Глава делегации Парламентской ассамблеи Совета Европы лорд Фрэнк Джадд, побывавший в городках чеченских беженцев в Ингушетии, заявил, что «Ингушетия – единственное место в мире, где наблюдается столь хорошее отношение к беженцам».[10]

Одной из самых острых проблем, стоявших не только перед республикой, но и перед ее народом была проблема обустройства и физического выживания десятков тысяч беженцев, которые не могли вернуться к местам своего постоянного проживания, и обеспечение которых полностью легло на плечи республики. Всего в 90-е гг. число пребывавших на территории Ингушетии беженцев временами доходило до 300-350 тыс. человек. 1 апреля 1993 г. распоряжением Президента республики № 18 был образован Государственный комитет по проблемам беженцев и вынужденных переселенцев во главе с вице-президентом

Президент РИ в 2002-2008 гг., генерал-лейтенант, доктор философских наук М.М. Зязиков

Ингушетии Б. Агаповым.[11] Тем не менее из-за неконструктивной позиции осетинской стороны на переговорах по урегулированию последствий событий 1992 г. проблема беженцев и вынужденных переселенцев оставалась нерешенной до конца на протяжении всех последующих лет.

В 1994 г. началось строительство новой столицы республики. В результате проведения конкурса, новая столица получила название «Магас». Магас – самый молодой город в России. Первый камень в строительство нового города был торжественно заложен 23 февраля 1994 г., в день 50-летия со дня депортации ингушей и чеченцев в Казахстан и Среднюю Азию. 23 октября 1998 г. был принят Закон Республики Ингушетия «О столице Республики Ингушетия», в соответствии с которым в Конституцию была вписана статья о столице республики – г. Магас. 31 октября 1998 г. в новой столице торжественно открылось первое здание – резиденция Президента Республики Ингушетия.

Важную роль в социально-экономическом развитии республики сыграло введение зоны экономического благоприятствования «Ингушетия», учрежденной в порядке эксперимента постановлением Правительства РФ «О Зоне экономического благоприятствования «Ингушетия» от 19 июня 1994 г. за № 740. Позднее был образован Центр развития предпринимательства (ЦРП). Благодаря этому был запущен механизм получения инвестиций. В период работы ЗЭБ и ЦРП (1994-1999) в льготном режиме работало более 7000 предприятий и возведено свыше 100 различных объектов. Первая оффшорная зона России была создана на основании Федерального закона от 30 января 1996 г. «О центре международного бизнеса «Ингушетия».

В 1998 г. Р.С. Аушев был переизбран на должность Президента РИ.

28 декабря 2001 г. Р.С. Аушев досрочно сложил с себя полномочия Президента Республики Ингушетия.

28 апреля 2002 года во втором туре народом Ингушетии был избран Президентом Республики Ингушетия заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе генерал-майор ФСБ России М.М. Зязиков.

В 2005 г. по представлению Президента Российской Федерации В.В. Путина Народным Собранием Республики Ингушетия М.М. Зязиков был вновь наделен полномочиями Президента Республики Ингушетия сроком на пять лет.

С октября 2008 г. пост Президента Республики Ингушетия занимает Ю.-Б. Б. Евкуров.

30 октября 2008 года в соответствии с указом Президента России Дмитрия Медведева «О досрочном прекращении полномочий Президента Республики Ингушетия» Ю.-Б.Б. Евкуров был назначен временно исполняющим обязанности главы республики на период до вступления в должность лица, наделенного полномочиями президента Республики Ингушетия в связи с отставкой Мурата Зязикова. Уже на следующий день, 31 октября 2008 года в соответствии со статьей 18 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнитель-

ных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» кандидатура Ю.-Б.Б. Евкурова была утверждена Народным Собранием Республики Ингушетия на должность Президента Республики Ингушетия.

11 октября 2009 г. в республике прошли выборы в органы местного самоуправления, процесс формирования которых несколько затянулся из-за неопределенности границ республики. Таким образом, можно говорить об окончательном складывании полноценной системы органов государственной власти и управления в Республике Ингушетия.

Важнейшим участком деятельности республиканской системы исполнительной власти стало укрепление безопасности граждан республики перед лицом суровых общественно-политических реалий начала 90-х гг. на Северном Кавказе.

Президент РИ с 2008 г. (с 1 января 2011 г. – Глава республики), генерал-майор, Герой России Ю.-Б.Б. Евкуров

При этом следует особо отметить чрезвычайно высокие темпы прироста населения в республике. Это объясняется не только естественным приростом, но и притоком беженцев из соседних регионов. Так, если в 1996 г. численность постоянно проживавшего населения составила 308 тыс. человек, то в 2001 г. – уже 466,3 тыс. чел.[12]

Современная Республика Ингушетия является по своему национальному составу многонациональным регионом. По данным переписи населения 2002 г., численность ингушей, с учетом иммигрантов, составила 359 тыс. чел. (77,1 %), чеченцев – 85 тыс. (18,3 %), русских – 15 тыс. (3,2 %).[13] Вместе с тем, в республике живут и представители других национальностей: азербайджанцы, турки-месхетинцы, татары, армяне, грузины, украинцы, белорусы и др. В настоящее время в Республике Ингушетия действуют 12 национально-культурных автономий.[14]

Политика учета интересов некоренных национальностей, стремления расширить их представительство в органах власти республик характерна для политики ингушского государства. Еще в 1994 г. при выборах первого парламента Ингушетии была закреплена норма, согласно которой обеспечивалось обязательное представительство в Народном собрании представителей русскоязычного населения. Этот курс был продолжен и в последующей политике руководства республики на протяжении 1990-2000-х гг.

Ингушетия на протяжении первых лет существования республики оставалась в крайне бедственном социально-экономическом положении. Она практически полностью зависела от федеральных вливаний. Социально-экономическое развитие сверхдотационной республики (бюджет к тому времени формировался за счет федеральных дотаций на 95 %) стало предметом первоочередной заботы нового руководства. Сразу же началось налаживание связи с отдаленными горными районами республики. Жизненно необходимым для элементарного выживания жителей горной части республики становилось создание регулярно функционирующей транспортной артерии через территорию самой Ингушетии, связавшей бы ее горную и плоскостную части. В связи с этим уже в феврале-марте 1993 г. было выделено 300 млн. руб. на строительство дороги Нестеровская-Таргим для решения проблем обеспечения населения продовольствием.

Развивается и сфера здравоохранения республики. Лечебно-профилактическая помощь населению оказывается в 73 лечебных учреждениях в республике — больницах, диспансерах, поликлиниках и т. д. В 2008 году было заявлено о строительстве республиканской многопрофильной больницы с поликлиникой и перинатального центра в Магасе. В Джейрахском районе республики также расположен лечебно-оздоровительный комплекс «Джейрах», построенный в 1999 году

Развивается инфраструктура транспорта республики. Построены аэропорт «Магас» и железнодорожный вокзал в Назрани. Введены в эксплуатацию многие объекты аэропортового комплекса первой очереди. Основой экономического потенциала республики является нефтедобывающая отрасль, на долю которой приходится более 60 % от объема промышленной продукции. В республике функционируют кондитерская фабрика в Малгобеке, 12 перерабатывающих предприятий, в т. ч. Назрановский мельзавод, Сунженский маслозавод и др. Начатый в 90-е гг. процесс социально-экономического возрождения республики продолжен и в первое десятилетие XXI в. В 2005 году возобновлена работа по строительству Ингушской газотурбинной электростанции в рамках инвестиционной программы РАО «ЕЭС России». В 2005 году сдана в эксплуатацию первая очередь завода по производству антенно-мачтовых сооружений и телевизионной аппаратуры. Одним из главных приоритетов экономического развития Ингушетии определен машиностроительный комплекс. ФГУП «Назрановский завод электродвигателей малой мощности» начато производство электронасосов «Ручеек», которое представляет собой весьма востребованный в регионе вид продукции. При этом развивается как государственная промышленность (завод двигателей малых мощностей, завод легких сплавов «ВИЛС» и полиграфический комбинат в Назрани, «Кавдоломит»), так и частные предприятия, расположенные в основном в сельской местности (кирпичный завод, завод минеральных вод «Ачалуки» и др.).

С 2002 г. было построено и реконструировано более 70 объектов производственной, социальной, коммунальной и инженерной инфраструктуры. Самые крупные из них: построено и реконструировано 15 школ, более чем на 5000 ученических мест (построено десять школ и проведена реконструкция пяти), дошкольные учреждения на 840 мест, поликлиника кожно-венерологического диспансера, фельдшерско-акушерские пункты в шести населенных пунктах, станция «Скорой помощи» в г. Малгобек, клубный блок со спальным корпусом ГКК в с. Сурхахи, физкультурно-оздоровительный комплекс в с. Галашки и первые пусковые комплексы ФГУП «НЗЭММ», завода по производству антенно-мачтовых сооружений, восемь административных зданий для различных органов государственной власти РИ и территориальных органов федеральных министерств и ведомств и др. Все это положительно отразилось на макроэкономических показателях. Благодаря государственной поддержке частного предпринимательства в 2002-2008 гг. количество малых предприятий, зарегистрированных в республике, увеличилось в 6,5 раза, а объем произведенной продукции предприятий данного типа вырос в 3,8 раза.

Особенно больших успехов удалось добиться в строительстве и ремонте автодорог. Программа таких работ только в 2007 г. была выполнена в республике на общую сумму более 515 млн. руб. Только за один этот год было завершено строительство моста через Сунжу в с. Экажево, закончены работы первой очереди на участке автодороги «Чми-Таргим», проведена реконструкция автодороги «Назрань-Грозный», введены в эксплуатацию участки семи автодорог общей протяженностью 32, 2 км.

Успешно завершилась к 2008 г. газификация республики. Этот процесс был начат еще в 90-е гг. Сегодня Ингушетия, еще недавно занимавшая последнее место в России по темпам газификации, полностью газифицирована.[15]

В Ингушетии успешно реализуются приоритетные национальные проекты. Особое внимание уделяется в последние годы социальной сфере. Впервые в республике создана специальная программа по оказанию материальной помощи неимущим семьям. Опыт международного сотрудничества, приобретенный республикой за последние годы, способствовал принятию в ноябре 2005 года Республики Ингушетия в Ассамблею Европейских Регионов, которая объединяет 250 европейских регионов из 25 стран. Ведется активное жилищное строительство. В 2010 г. сдан в эксплуатацию коттеджный поселок из 500 домов для жителей оползневой зоны Малгобекского района.

Таким образом, в период 1992-2010 гг. республика прошла большой путь от существующего только на бумаге образования с множеством нерешенных проблем до полноценного субъекта Российской Федерации с разветвленной и нормально функционирующей системой органов государственной власти и управления, созданной на основе Конституции и законов РФ, динамично развивающейся культурой, образованием, перспективной экономикой. Конечно, и сегодня перед республикой стоит немало нерешенных задач. Часть из них досталась в наследство от непростого исторического прошлого, часть является следствием современной напряженной общественно-политической и социально-экономической ситуации в регионе Северного Кавказа. Важное геополитическое и стратегическое расположение Ингушетии делает ее особенно важным субъектом Юга России. Поэтому решение проблем Ингушетии и других субъектов Юга России одновременно означает усиление всей федерации. Однако позитивный опыт успешного национально-государственного строительства республики в период 1992-2010 г. позволяет народу республики с оптимизмом смотреть в будущее.

2. Культурное развитие Ингушетии в 1992-2000-х гг.

С самого начала становления Республики Ингушетия большое развитие получила культурно-образовательная и информационная сферы республики. 20 декабря 1992 г. начала работу Государственная телерадиокомпания «Ингушетия» (первый председатель – Б.А. Чахкиев).

В апреле 1993 г. создана новая общественно-политическая газета «Ингушетия». Продолжали выходить общенациональная газета «Сердало», районные и городские газеты.

Руководство республики большое внимание уделяло развитию школьного образования. За годы существования республики было построено десятки новых школ. В настоящее время республике функционируют 118 школ, хотя и этого количества школ не хватает, и ощущается дефицит школьных мест.

Одним из первых шагов на пути создания системы среднего специального и высшего образования в республике стало открытие Ингушского медицинского колледжа в г. Назрани в 1992 г. А уже летом 1993 г. на повестку дня встает образование и первого ингушского университета. 15 апреля 1994 было подписано Постановление Правительства РФ о создании Ингушского государственного университета. 20 сентября 1994 г. состоялось торжественное открытие первого корпуса Ингушского государственного университета.[16]

ИнгГУ является одним из самых молодых университетов Российской Федерации. В составе Ингушского государственного университета функционирует 9 факультетов и 34 кафедры. В университете обучаются 6685 студентов. В настоящее время в университете работают 420 преподавателей, в том числе 52 профессора, доктора наук, и свыше 150 до-

центов – кандидатов наук. Из них 21 человек награждены знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». К 2010 г. Ингушский государственный университет ведет подготовку специалистов по 22 специальностям и направлениям. При университете имеются курсы и подготовительные отделения.

Университет является одним из научно-исследовательских центров республики, а также центром разработки методики преподавания различных дисциплин. В университете разрабатываются новые технологии обучения студентов. ИнгГУ располагает современными учебными лабораторно-экспериментальными комплексами, а также редакционно-издательским центром. Издается периодическое издание «Научный вестник Ингушского государственного университета». В университете существует система послевузовского и дополнительного образования. Открыта аспирантура по десяти специальностям. На основе договора студенты Ингушского государственного университета переводятся для продолжения обучения в российские вузы и по завершении учебы трудоустраиваются по специальностям. За прошедшие годы проведен целый ряд научно-практических конференций, материалы которых опубликованы в печати. Преподаватели и студенты университета принимают участие в научно-практических конференциях регионального, всероссийского и международного уровней. Создание первого в ингушской истории государственного университета по сей день рассматривается независимыми экспертами за пределами Ингушетии важнейшим и наиболее недевальвируемым с течением времени событием в новейшей истории молодой республики.

17 мая 1994 г. Указом Президента Республики Ингушетия был образован Горский кадетский корпус. Торжественное открытие состоялось 30 августа 1994 г. в с. Сурхахи Назрановского района. Первый выпуск Горского кадетского корпуса состоялся 23 июня 2001 г.

Фактически возродилась в период 1990-2000-х гг. и ингушская наука. С 1993 г. возобновлена работа Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. У истоков восстановления главного научного учреждения Ингушетии стояли такие деятели науки, как Т.Х. Муталиев, М.Б. Мужухоев, Х.А. Акиев, Б.А. Акиев, И.А. Дахкильгов, Б.С. Садулаев, Ф.Г. Оздоева, Л.Д. Мальсагова, А.С. Куркиев, М.У. Картоев, Д.Ю. Чахкиев, Л.М. Парова, Э.Д. Мужухоева, М.А. Матиев, Л.Х. Танкиева, Н.М. Барахоева и др.

Сегодня НИИ представляет серьезный научный потенциал республики. Директором НИИ с 2004 г. является профессор И.А. Дахкильгов. В настоящий момент институт включает пять отделов (истории, ингушского языка, ингушской литературы, фольклора и этнографии, этнологии). В коллективе института сегодня трудятся 47 сотрудников. Институт регулярно выпускает научную продукцию по различным отраслям науки (истории, фольклору, этнографии, ингушскому языку и литературе). Эта работа ведется как в форме выпуска периодических изданий («Вопросы истории Ингушетии», «Ученые записки ИНИИГН» серии «Филология» и «Фольклор и этнография» и др.), так и в виде фундаментальных изданий, таких, как 10-томная «Антология ингушского фольклора», «Ингушско-русский словарь», «Современная ингушская литература» в 3-х томах и др. По рекомендации НИИ выпущен ряд монографий ингушских ученых. За период – с 2004-2010 гг. пять сотрудников института защитили кандидатские диссертации, два сотрудника защитили докторские диссертации. Исследования ученых НИИ отмечены грантами Президента РИ. В институте регулярно проводятся научно-практические конференции.

Ингушский научно-исследовательский институт контактирует практически со всеми научными учреждениями Северного Кавказа и многими научными учреждениями России и зарубежных стран.

В 1993 г. была учреждена Государственная архивная служба республики, с созданием которой начинается новый отсчет истории архивного дела Ингушетии. Основными

направлениями деятельности Госархива Ингушетии являются организация обеспечения сохранности, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда РФ на территории Республики Ингушетия. В целях воссоздания исторического фонда Ингушетии ведется целенаправленная работа по выявлению и копированию документов в государственных архивах России и ближнего зарубежья, из частных архивов и коллекций. В Госархиве республики проводится научно-исследовательская работа, организуются публикации и выставки документов, архивисты активно участвуют в региональных, всероссийских и международных научных конференциях.

Коллектив научных сотрудников Ингушского НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. г. Магас, 2011 г.

С возрождением государственности наряду с экономикой и политикой стала развиваться достаточно быстрыми темпами и культура ингушского народа. Практически во всех сферах культуры достигнуты значительные успехи. Прежде всего, это относится к образованию.

Главным итогом деятельности образовательной системы республики является то, что она выдержала серьезные испытания последнего времени, прежде всего, взрывной рост количества учащихся в 90-е гг. (по причине наплыва беженцев из-за событий 1992 г. в Пригородном районе, военных действий в Чечне, значительную часть которых оставляли дети школьного возраста) в условиях устаревшей морально и материально школьной базы, недостатка посадочных мест.

Стали открываться новые школьные учреждения, выделяться денежные средства на ремонт старых зданий, школы стали оснащаться компьютерными классами и другими техническими средствами.

Значительно возросло число школ. Если в 1992 г. их было 87, то в 2010 г. стало уже 118. Открылись в Ингушетии образовательные учреждения инновационного типа: кадетский корпус, школа-лицей в г. Назрань, гимназии в г. Назрани, Магасе, Малгобеке, Карабулаке, с. Али-Юрт, школа «Интеллект» в с. Экажево, школа-сад «Эллин» в г. Назрани. Всего на 2010 г. в республике функционируют 173 учреждений образования. Из них дошкольных – 33; общеобразовательных школ – 118; учреждений дополнительного образования – 15; учреждений начально-профессионального образования – 3; среднего профессионального – 5 (гуманитарно-технический колледж, аграрный техникум, медицинский колледж, политехнический колледж и колледж искусств); учреждений высшего профессионального образования – 5 (Ингушский государственный университет, Институт экономики и права, 3 филиала российских вузов).

Шестикратный чемпион мира по боксу среди профессионалов по версии WBO Ахмед Котиев

В республике созданы и функционируют три государственных театра (Ингушский драматический театр им. И. Базоркина, Русский драматический театр «Современник» и Театр юного зрителя), творческое объединение «Зокх», Государственная филармония (в ее состав входят несколько творческих коллективов: оркестр народных инструментов, женская вокальная группа, духовная группа «Назым», казачий хор, ансамбль танца «Эрзи» и т. д.), Государственный ансамбль народного танца «Ингушетия», Государственный фольклорно-этнографический ансамбль танца и песни «Магас», 4 государственных музея (Ингушский государственный музей краеведения, Джейрахско-Ассинский государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, Государственный музей изобразительных искусств, Мемориальный комплекс памяти жертв политических репрессий), Дом народного творчества, Археологический центр им. Е.И. Крупнова, Национальная библиотека, 48 массовых библиотек, Колледж искусств, 3 детские художественные школы, 4 школы искусств, 14 Домов Культуры и т. д.

Постановлением Правительства Ингушской Республики в 1993 г. Назрановский музей «Боевой и трудовой славы» преобразован в Ингушский государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова. Музей имеет три филиала: музей «Боевой и трудовой славы» в г. Малгобеке, музей им. Г. Ахриева в с. Фуртоуг Джейрахского района и музей им. С. Орджоникидзе в с. Мужичи Сунженского района.

В 1993 г. в Ингушетии функционировало 80 массовых библиотек с книжным фондом более миллиона экземпляров. На сегодняшний день в республике действуют 48 государственных массовых библиотек, объединенные в 3 централизованные библиотечные системы (Назрановская, Малгобекская и Сунженская), 82 школьные библиотеки.

В 1993 г. была учреждена республиканская библиотека. В 1999 г. Постановлением Правительства ей был придан статус национальной. Для библиотеки наступил новый этап развития, который стал очередным этапом решения назревших проблем, качественных изменений и новых приоритетов.

Большую роль в организации культурной жизни республики играют творческие союзы: Союз писателей, Союз композиторов, Союз художников, Союз театральных деятелей, Союз журналистов, которые объединяют несколько сот творческих работников.

В 1990-2000-х гг. продолжали творить писатели Юсуп Чахкиев, Али Хашагульгов, Исса Кодзоев, Амир Плиев, Гирихан Гагиев, Тимур Кодзоев, Азмат-Гирей Угурчиев, Магомед Вышегуров, Микаил Ахильгов, Сали Арчакова, Башир Ганижев, Султан-Хамид Аушев, Султан Шадиев, Ваха Хамхоев, Башир Тимурзиев, Борис Шадыжев, Бадрудин Горчханов, Мурат Кортоев, Нурдин Кодзоев, Аббас Матиев, Довхан Балаева, Марьям Льянова, Хадишат Орцханова, Раиса Дидигова, Эсет Теркакиева, Эсет Сусуркиева и др.

В последние два десятилетия на сцене ингушских театров ставились пьесы С. Чахкиева, В. Хамхоева, Б. Горчханова, Б. Шадыжева, Э. Теркакиевой, Э. Сусуркиевой и др. Первым спектаклем, поставленным на сцене новой республики в 1994 г. Ингушским государственным драматическим театром им. И. Базоркина, был спектакль «Народ бессмертен» по трагедии В. Хамхоева, приуроченный к 50-летию депортации ингушского народа.

Развивается изобразительное искусство Ингушетии. Ингушские художники черпают свое вдохновение в сокровищницах народного творчества и удивительной природы родного края. В последние десятилетия в различных регионах России и во многих странах мира выставлялись произведения художников Мурада, Адама, Зелимхана и Ибрагима Полонкоевых, Али Хашагульгова, Хасолта и Мадины Акиевых, Зелимхана и Милитхан Эсмурзиевых, Зяудина Батаева, Исы Аушева, Башира и Айшат Даурбековых, Хож-Ахмеда Имагожева, Дауда Ахриева, Дауда Оздоева, Ахмеда Чахкиева, Руслана Эльдиева, Тархана Арчакова, Азы Базоркиной, Евы Гайтукиевой, Абдул-Кадыра Дакиева, Юсупа Хамчиева, Бекхана Дахкильгова, Мухарбека и Эсет Хамхоевых, Муссы Мартазанова, Розы Тангиевой, Багаудина Сагова, Батыра Картоева, Накира Озиева, Зайнап Илиевой и др.

Олимпийский чемпион 2008 г. по греко-римской борьбе Назир Манкиев

Большое внимание в республике уделяется развитию спорта и физической культуры. Возрождение ингушского спорта началось с первых месяцев существования республики. В феврале 1994 г. прошел первый чемпионат Ингушетии по вольной борьбе. В июле того же года прошел первый чемпионат республики по боксу. 11 марта 1994 г. Указом президента Республики Ингушетия была создана детско-юношеская спортивная школа «Сурхо». В апреле 1994 г. создана федерация футбола Ингушетии. В 1993 образована футбольная команда «Ингушетия» (с 1995 г. – «Ангушт»). В 1995 г. команда вышла в 1/8 финала Кубка России, а в 2005 г. заняла первое место в зоне «Юг» второго дивизиона. В 2001 г. в республике состоялся Первый всероссийский турнир по футболу «Золотая осень Ингушетии», в котором приняли участие команды из различных регионов России.

В республике готовят достойную смену футболистам. Детская футбольная команда «Эрзи» дважды отстаивала спортивную честь России на чемпионатах мира по футболу среди детских команд и заняла второе призовое место.

Активно пропагандируется здоровый образ жизни среди молодежи и учащихся. Регулярно проводится фестиваль национальных видов спорта и народного творчества «Ингушские игры».

В республике функционируют 7 спортивных федераций, причем 6 из них – по олимпийским видам спорта: футболу, дзюдо, боксу, вольной и греко-римской борьбе, тхэквондо.

Регулярно в Республике Ингушетия проводятся турниры: Всероссийский турнир по дзюдо памяти брон-

Олимпийский чемпион 2008 г. по боксу Рахим Чахкиев

Победительница первых Всемирных Игр боевых искусств по кик-боксингу, двукратная чемпионка мира, двукратная чемпионка Европы, шестикратная чемпионка России Фатима Бокова

зового призера чемпионата Европы, двукратного чемпиона СССР М. Парчиева, Всероссийский турнир класса «А» по боксу памяти Героя России, генерал-майора авиации, мастера спорта СССР по высшему пилотажу С. Осканова.

Повышение внимания к спорту и развитию физической культуры в республике привели к ощутимым результатам. Появилась целая плеяда молодых талантливых ингушских спортсменов: многократный чемпион России и мира по боксу Аслан Кодзоев: заслуженный мастер спорта России по кик-боксингу, четырехкратный чемпион мира по версии IAKSA, чемпион мира по версии WKA 2001 г., чемпион Европы и чемпион Евразии по версии WAKO Мовсар Кодзоев; мастер спорта международного класса по кик-боксингу, четырехкратный чемпион мира, чемпион Европы, чемпион России И. Кодзоев; мастер спорта международного класса по боксу, чемпион Европы 2006 г., победитель Всемирных спортивных игр среди военнослужащих в Италии, обладатель Кубка мира 2005 года, финалист Кубка мира 2006 года Ислам Тимурзиев; мастер спорта международного класса по боксу, победитель Всемирных спортивных игр среди военнослужащих в Италии, призер чемпионатов России 2002, 2003, 2006 гг., победитель международных турниров в Афинах, Праге, Белграде Абукар Дзангиев; мастер спорта международного класса по боксу, чемпион мира среди профессионалов по боксу, обладатель кубка мира по кик-боксингу Ахмет Олигов; чемпион мира 1999 г. по кик-боксингу Аслан Хучиев и др. Высоких результатов в спорте добились Тимур Нальгиев, мастер спорта международного класса по дзюдо Асхаб Костоев, мастер спорта России по боксу Илез Яндиев, мастер спорта России по дзюдо Мусса Могушков, Казбек Газгиреев, Юсуп Аксагов, Артур Костоев, Ибрагим Хамхоев, Микаил Манкиев, Тимур Албаков, Рашид Кодзоев, Алихан Арапханов, Бекхан Оздоев, Сейт Цицкиев, Адам Яндиев, Астемир Бузуртанов и другие.

Чемпион по греко-римской борьбе первых Юношеских Олимпийских игр Руслан Аджигов

Шестикратным чемпионом мира по боксу среди профессионалов по версии WBO стал Ахмед Котиев. На профессиональном ринге он одержал 28 побед, из них 18 – нокаутом.

Больших успехов добился молодой ингушский шахматист Э. Инаркиев, в 16 лет завоевавший титул чемпиона Азии среди юношей, а в 2002 г. в возрасте 17 лет получивший звание гроссмейстера.

Международную известность получили и имена уроженцев Ингушетии, выступавших на мировых первенствах.

Адам Барахоев стал бронзовым призером Олимпийских игр по вольной борьбе в 2000-м году. Перешедший на тренерскую работу А. Барахоев (тренировал сборную команду Турцию по вольной борьбе) был назван лучшим тренером мира 2008 г.

Большие надежды подает, входящий в юниорскую сборную России по вольной борьбе, мастер спорта международного класса Колой (Зелимхан) Картоев, победитель первенства Европы (Грузия, 2009; Болгария, 2010 гг.) и чемпионата мира (Турция, 2009).

Подлинным триумфом ингушского спорта стало выступление спортсменов из Ингушетии на Олимпийских играх в Пекине летом 2008 г. Именно борец из Ингушетии Н. Манкиев принес первое золото российской команде на этом первенстве.

Приняли участие в Олимпийских играх 2008 г. и ингушские боксеры – Ислам Тимурзиев и Рахим Чахкиев, который также стал золотым призером Олимпиады.

В 2010 г. победительницей на первых Всемирных Играх боевых искусств в Пекине стала ингушская спортсменка Фатима Бокова – шестикратная чемпионка России, двукратная чемпионка Европы и двукратная чемпионка мира по кик-боксингу.

В 2010 г. на первых Юношеских Олимпийских играх в Сингапуре также были призеры из Ингушетии. Золотую медаль по греко-римской борьбе завоевал Руслан Аджигов и серебряную медаль по дзюдо – Хасан Халмурзиев.

Успехи ингушских спортсменов были достигнуты благодаря работе таких тренеров, как заслуженный тренер России И. Кодзоев, Р. Чапанов, Р. Чахкиев, Я. Мерешков, Б. Борзов, Б. Ханиев, Р. Цуров, М. Местоев, Т. Амсадоев, С. Батыров, Ю. Оздоев, М. Дзауров, К. Аксагов, А. Евлоев, М. Местоев, И. Беков и многих других.

Примечания:

1 События октября-ноября 1992 года в интерпретации Генеральной Прокуратуры РФ. Назрань, 2006. С. 18.

2 Там же. С. 59.

3 О ходе исполнения «Закона РСФСР о реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. Материалы парламентских слушаний. М., 1995. С. 83.

4 Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 360.

5 О ходе исполнения «Закона РСФСР о реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. Материалы парламентских слушаний. М., 1995. С. 84.

6 Совещание конституционной комиссии // Сердало. 17.04.1993.

7 Хаутиев Р.С. Современный ингушский парламентаризм // Вопросы истории Ингушетии. Вып. 3. Магас, 2005. С. 81.

8 Конституция Республики Ингушетия. Назрань, 1994. С. 2.

9 Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы в Ингушетии. М., 2006. С. 168.

10 «Элита России», май 2006 г. С. 17.

11 Судьба беженцев и границ не определена // Сердало. 29.09.1993

12 Ингушетия в цифрах. Магас, 2003. С. 13.

13 Ингушетия в цифрах. С. 21.

14 Родина (издание Министерства по связям с общественностью и межнациональным отношениям РИ), № 1, 2010. С. 11.

15 Независимая газета. 30.08. 2007.

16 10 лет Ингушскому государственному университету. Магас, 2004. С. 3.

Заключение

За тысячелетия своего исторического развития Ингушетия прошла долгий и трудный путь. Волею исторических судеб ей выпало находиться в центре сложных, драматических, а нередко и трагических процессов, которыми изобиловала история данного региона. Заселенная человеком еще в период палеолита, она стала одной из колыбелей кавказской цивилизации. Переход от первобытного хозяйства охотников и собирателей к оседлой земледельческой культуре здесь произошел рано, что предопределило динамичное экономическое и культурное развитие региона. На территории Ингушетии возникли и развивались культуры, отличающиеся неповторимым своеобразием и самобытностью. В то же время уже с ранней древности Ингушетия развивается в неразрывной связи с внешним миром, становясь неотъемлемой и гармонично интегрированной частью ойкумены. Благоприятные условия для ведения эффективного и высокопродуктивного хозяйства способствовали раннему развитию в регионе земледельческой и животноводческой культур. Особенности географического расположения региона, выполнявшего роль своеобразного перехода между степным миром и оседлыми народами в цивилизационном плане, и между Европой и Азией в плане географическом, обусловили постоянные и активные связи древнеингушских племен с внешним миром.

Не всегда такие связи имели мирный характер. Период Средневековья стал одним из самых драматических в истории края. Ингушетии эпохи поздней древности и Средневековья, начиная с Великого переселения народов в IV в., пришлось стоять на пути волн завоеваний, миграций, находиться в центре глобальных общественно-политических и социальных катаклизмов. Ингушетия, как и вся Восточная Европа, подвергшись удару степных кочевников и на длительное время подпав под гнет завоевателей, оказалась отброшенной в своем развитии. Нашествие монголо-татар и завоевание Тимура нанесли региону такие раны, которые пришлось залечивать на протяжении многих десятилетий. Разорение равнинных, предгорных и даже части горных районов, большие жертвы среди населения, разрушение городов и сел стали причиной оттока населения в горы и, соответственно, переноса центров активного хозяйствования в горную зону. В то же время социально-экономические и общественно-политические катаклизмы не привели, как можно было ожидать, к упадку культуры. Напротив, период Средневековья отмечен в Ингушетии небывалым расцветом одной из самых оригинальных и самобытных составляющих культурного наследия ингушского народа – каменной башенной архитектуры.

Безусловно важнейшим событием новой истории явилось вхождение Ингушетии в состав России. Общность исторических судеб народов Кавказа и России оказала решающее влияние на ход истории Ингушетии в период, последовавший за этим историческим событием. В течение XIX в. Ингушетия интегрировалась в общественное, социально-экономическое и культурное общероссийское пространство. Несмотря на произвол царской администрации, репрессии, земельную нужду как следствие этой политики ингушский народ ни разу в своей истории не изменил курсу, выбранному его предками, – на совместное и равноправное развитие в семье народов единой России. Конечно, драматические страницы в истории Ингушетии не остались в прошлом и после вхождения в состав России. Но все они были связаны не со стремлением порвать с Россией, а наоборот – желанием жить именно в свободной, уважающей права всех своих народов стране.

Таким стремлением было продиктовано и активное участие ингушей в событиях революции, гражданской войны и Великой Отечественной войны.

Образование своей национальной государственности, небывалый рост культуры и науки, появление промышленности – это те отрадные моменты развития Ингушетии в период существования Ингушской автономной области, пока советская национальная политика не претерпела еще трагической трансформации при сталинизме. Но в то же время первая половина прошлого столетия принесла ингушскому народу самую тяжелую национальную катастрофу в его истории – сталинскую депортацию 1944 г. Последствия этой трагедии во многом определили все развитие Ингушетии в последующие полвека. Отголоски ее явственно ощущаются в жизни народа и сегодня.

Сталинская депортация и последующая половинчатая реабилитация не смогли лишить народ воли и стремления к полному и всеобъемлющему восстановлению справедливости. Авангардом этой борьбы стали лучшие представители ингушской общественности, инициировавшие и возглавившие во второй половине XX в. процесс национального возрождения. В жестких условиях тоталитарного режима, рискуя карьерой, свободой, а нередко, и самой жизнью, они вдохновляли народ на отстаивание своих законных прав. Борьба за восстановление ингушской национальной государственности, являвшаяся главным содержанием общественно-политического развития Ингушетии во второй половине XX в., увенчалась восстановлением национальной государственности в виде Ингушской Республики в составе России. Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что не будь этой долгой, продлившейся многие десятилетия борьбы, не было бы и современной Ингушетии.

Трагедия 1992 г., ставшая несомненным отголоском нерешенности последствий депортации 1944 г., не смогла отбросить республику с пути динамичного поступательного развития, как и сложные общественно-политические реалии 90-х гг. XX в. И сегодня в общественной и социально-экономической жизни молодой республики еще немало нерешенных проблем. Однако на пороге XXI века можно с уверенностью констатировать, что ингушская государственность в составе России стала свершившимся фактом и за первые непростые годы становления республики создан хороший задел для ее дальнейшего развития.

Обращая взор в толщу веков, нельзя не сказать, что заслуга в этом не только сегодняшних поколений народа Ингушетии, но и многих поколений предков, терпевших нужду, лишения, иноземные нашествия, изгнание с родных земель, но сохранивших дух народа, его самобытность, его неповторимую культуру, по праву ставшую частью мировой культурной сокровищницы.

Мало найдется в мировой истории регионов, которые обладают столь насыщенной, богатой событиями историей.

Завершая первый обобщающий труд по истории Ингушетии, хочется особо отметить, что исторический процесс – явление неразрывное во времени и в пространстве. В рамках одной работы конечно же невозможно уместить все события, явления и лица ингушской истории. Данный труд – лишь один из кирпичей, закладываемых в монументальное здание ингушской исторической науки. Задача последующих исследователей – выстроить это здание достойным драматической, и в то же время героической истории нашего края.

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.
АО – Археологические открытия.
АЭС – Археолого-этнографический сборник.
ВАЦ – Вестник Археологического центра.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВИИ – Вопросы истории Ингушетии.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ГАС РИ – Государственная архивная служба Республики Ингушетия.
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
ДЧИ – Древности Чечено-Ингушетии.
ЗКВ – Записки коллегии востоковедов.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского географического общества.
ИГМК – Ингушский государственный музей краеведения.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
ИКОРГО – Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества.
ИнгГУ – Ингушский государственный университет.
ИНИИГН – Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук.
ИНИИК – Ингушский научно-исследовательский институт краеведения.
КВ – Кавказский вестник.
КК – Кавказский календарь.
КНИИ – Кабардинский научно-исследовательский институт.
КПЖД – Кавказская перевальная железная дорога.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры.
КЭС – Кавказский этнографический сборник.
МАД – Материалы по археологии Дагестана.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.
МОАИ – Материалы охранных археологических исследований.
ОАК – Отчеты археологической комиссии.
ПАРО – Партийный архив Ростовской области.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Русский архив.
РАО – Русское археологическое общество.
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.

СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

СМИЗО – Сборник материалов по истории Золотой Орды.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

ССКГ – Сборник сведения о кавказских горцах.

СЭ – Советская этнография.

ТАИИЯЛ – Труды Абхазского института истории, языка и литературы.

ТВ – Терские ведомости.

ТГИМ – Труды Государственного исторического музея.

ТС – Терский сборник.

УЗ КБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны.

ЦАОР – Центральный архив октябрьской революции.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-А. – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

ЦГВИА – Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА РГ – Центральный государственный исторический архив Республики Грузия.

ЧИРМК – Чечено-Ингушский республиканский музей краеведения.

ЧГОМ – Чеченский государственный объединенный музей.

ЧИНИИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт.

ЧИНИИЯИ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт языка и истории.

ЧИНИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ЭО – Этнографическое обозрение.

Оглавление

Введение 4

ГЛАВА I
История Ингушетии с древнейших времен до конца I тыс. до н.э. 33
1. Каменный век на Северном Кавказе. 34
§ 2. Северный Кавказ в эпоху ранней бронзы. 40
§ 3. Северный Кавказ в эпоху средней бронзы. 51
§ 4. Племена кобанской культуры (сер. II – конец I тыс. до н.э.). 61
§ 5. Мифология и Нартский эпос ингушей 69

ГЛАВА II
Ингушетия в I–XIV вв. 89
§ 1. Этническая принадлежность алан. 90
§ 2. Аланы и Северный Кавказ в I – нач. XIII вв. 96
§ 3. Северный Кавказ в период завоевательных походов монголов. 108
§ 4. Походы Тимура Хромого на Северный Кавказ. 113

ГЛАВА III
Ингушетия в XV-XVIII вв 123
§ 1. Характеристика этнополитической ситуации в центральной части Северного Кавказа в XV-XVI вв.: последствия эпохи Золотой Орды и завоевательных походов Тимура. 124
§ 2. Этнонимы и территория расселения ингушей XV-XVIII вв.: в динамике этнополитических и миграционных процессов. 127
§ 3. Материальная и духовная культура средневековой Ингушетии. 134
§ 4. Хозяйственная деятельность. 161
§ 5. Миграционные процессы среди ингушей в XVI-XVIII вв. 167
§ 6. Ингушские героико-эпические песни илли: причины и условия зарождения жанра. 180

ГЛАВА IV
Взаимоотношения Ингушетии с Россией в XVI – XVIII вв. 191
§ 1. Военно-политическое соперничество Турции, Ирана и России на Кавказе в XVI-XVII вв. 192
§ 2. Попытки христианизации ингушей со стороны России. 200
§ 3. Ингушетия в сфере внешней и внутренней политики России в XVIII в. 204
§ 4. Российские ученые XVIII – начала XIX вв. об Ингушетии и ингушах. 213

ГЛАВА V
Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Ингушетии в XIX в. 227
§1. Возвращение ингушей в Назрановскую долину. 228
§2. Русско-Кавказская война и Ингушетия. 233
§3. Административное устройство и судебная система Ингушетии в XIX в. 249
§4. Социально-экономическое развитие Ингушетии в XIX в. 255
§5. Участие ингушей в войнах России в XIX в. 261

ГЛАВА VI
Культура и просвещение Ингушетии в XIX в. 269
§ 1. Материальная культура ингушей XIX в. 270
§ 2. Общественный и семейный быт ингушей 275
§ 3. Народное творчество и литература 282
§ 4. Общественная мысль и просвещение в Ингушетии в XIX в. 291
§ 5. Развитие физической культуры и спорта в Ингушетии в XIX в. 302

ГЛАВА VII
Ингушетия в начале XX в. – 1917 г. 311
§ 1. Общественно-политическое и социально-экономическое положение Ингушетии в первые годы XX в. 312
§ 2. Ингушетия между двумя революциями (1905-1917 гг.) 328
§ 3. Ингушетия накануне и в годы Первой мировой войны 334
§ 4. Просвещение и культура Ингушетии в начале XX в. – 1917 г. 348

ГЛАВА VIII
Ингушетия в 1917- 1941 гг. 365
§ 1. Рост национального движения в 1917-1918 гг. 366
§ 2. Втягивание Ингушетии в гражданскую войну на Северном Кавказе 368
§ 3. Ингушетия в период борьбы с Добровольческой армией генерала Деникина (1919-1920 гг.) 375
§ 4. Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Ингушетии в 1920-1941 гг. 387
§ 5. Культурное развитие Ингушетии в 20-30 гг. XX в. 396

ГЛАВА IX
Ингушетия в период Великой Отечественной войны 431
§ 1. Ингушетия в первые месяцы Великой Отечественной войны. Участие ингушей в вооруженной борьбе на фронтах и в помощи тыла фронту 432
§ 2. Малгобекская оборонительная операция 1942 г. Ее итоги и значение 442
§ 3. Освобождение территории Ингушетии от немецко-фашистских оккупантов 451
§ 4. Ингушская литература в период Великой Отечественной войны 454
§ 5. Депортация ингушского народа в Среднюю Азию и Казахстан. 458

ГЛАВА X
Ингушетия в 1957-1992 гг. 473
§ 1. Общественно-политическое развитие Ингушетии в 1957 – середине 1980 гг. 474
§ 2. Общественно-политическое развитие Ингушетии в середине 1980-х – 1992 гг. 489
§ 3. Развитие образования, культуры и искусства Ингушетии в 1957-1992 гг. 502

ГЛАВА XI
Республика Ингушетия на современном этапе 513
§ 1. Общественно-политическое и социально-экономическое развитие Республики Ингушетия 514
§ 2. Культурное развитие Ингушетии на современном этапе 523

Заключение 530

Сокращения 532

Научное издание

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Архиева

История Ингушетии

Издание 3-е

Идея оформления обложки –
Ахмед Шадиев и Галина Котович.
Материал для обложки (рыбья кожа)
предоставлен ООО «Shadi», Республика Ингушетия.

ООО «Южный издательский дом»

344029, г. Ростов-на-Дону,
пр. Сельмаш, 90а/17б, офис 1207.
Тел./факс: 8 (863) 2-000-273,
тел.: 2-000-278, 2-000-274.
E-mail: skpress@aaanet.ru

Отпечатано в ООО «Аркол»
Тираж 200 экз. Заказ № .....